

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

**В АТМОСФЕРЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОИСКА
И СТИЛЕВОГО МНОГООБРАЗИЯ**

**Творчество витебских литераторов
во второй половине 1960-х –
начале 1990-х годов**

Монография

Часть 2

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2012*

УДК 821.161.3.09(476.5)

ББК 83.3(4Бел)6

P88

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 28.05.2012 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 4 от 21.03.2012 г.

Авторы: профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук **А.В. Русецкий**; директор ИПК и ПК ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент **Ю.А. Русецкий**

Р е ц е н з е н т ы:

заведующий кафедрой белорусской литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент, член Союза писателей Беларуси *О.И. Русилко*; профессор кафедры белорусской литературы ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук *В.Ю. Боровко*

Русецкий, А.В.

P88 В атмосфере художественного поиска и стилевого многообразия. Творчество витебских литераторов во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов : монография : в 2 ч. / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2012. – Ч. 2. – 377 с.

ISBN 978-985-517-371-8.

ISBN 978-985-517-373-2 (ч. 2).

Предлагаемая читателю книга является заключительной частью фундаментального исследования под общим названием «Литераторы Витебщины в белорусской советской литературе. 1918–1991 гг.». Представлены художественно-литературно-эстетические статьи о творческой деятельности более чем семидесяти авторов с Витебщины, известных в разных литературных стилях и жанрах. Рассматривается период с 1966 по 1991 г.

Издание адресовано преподавателям вузов, колледжей, гимназий, учителям общеобразовательных школ, студентам, учащимся, всем, кого интересует богатство художественного наследия Придвинского края.

УДК 821.161.3.09(476.5)

ББК 83.3(4Бел)6

ISBN 978-985-517-371-8

ISBN 978-985-517-373-2 (ч. 2)

© Русецкий А.В., Русецкий Ю.А., 2012

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Рыгор Бородулин	5
Петрусь Бровка	28
Геннадий Буравкин	46
Анатолий Велюгин	63
Вера Верба	72
Анатолий Вертинский	84
Николай Гончаров	98
Геннадий Дмитриев	104
Сергей Законников	108
Владимир Корбан	122
Евдокия Лось	131
Валентин Лукша	151
Сергей Понизник	165
Геннадий Пашков	177
Григорий Релес	197
Олег Салтук	205
Юрась Свирка	214
Владимир Скоринкин	231
Алесь Ставер	243
Павел и Пётр Сушко	252

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Марина Борсток	265
Михаил Кенько	274
Исидор Басс	284
Антонина Лысенко	292
Валентина Гапова	302
Валерий Атрашкевич	308
Маргарита Ефимова	317
Анатолий Мойсеенко	326
Альфред Матрунёнок	341
Никифор Пашкевич	359
Тамара Чабан	368

Репозиторий ВГУ

РЫГОР БОРОДУЛИН

Поэтическое творчество **Р. Бородулина*** (заявка на активное участие в белорусской советской литературе была сделана выходом в свет в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов трёх поэтических сборников «Молодая луна над степью» («Маладзік над стэпам», 1959), «Рунеть, красоветь, наливать-ся» («Рунець, красавець, налівацца», 1961), «Начбом» («Начбом», 1963), а также двух книг для детей «Мех серых, мех белых» («Мех шэрых, мех белых», 1963) и «Апрель» («Красавік», 1965)**.

Однако особенно ярко талант и мастерство Р. Бородулина проявятся во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов. Вот библиография его книг, изданных в обозначенный период:

– лирические сборники: «Неруш: лирика» («Неруш: лірыка», 1966), «Адам и Ева: лирика» («Адам і Ева: лірыка», 1968), «Линия изменения дат: новая книга лирики» («Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі», 1969), «Возвращение в первый снег: стихотворения и поэмы» («Вяртанне ў першы снег: вершы і паэмы», 1972), «Рум: новая книга лирики» («Рум: новая кніга лірыкі», 1974), «Баллада Брестской крепости» («Балада Брэсцкай крэпасці», 1975), «Праздник пчелы: страницы из книг» («Свята пчалы: старонкі кніг», 1975), «Суровый приговор: стихи» («Суровая вымова: вершы», 1976), «Простор: лирика» («Абсяг: лірыка», 1978), «Белая яблоня грома: избранные страницы лирики. 1954–1978» («Белая яблыня грому: выбраныя старонкі лірыкі. 1954–1978», 1979), «Вечелье: книга поэзии» («Вячэлле: кніга паэзіі», 1980), «Поэмы призвания» («Паэмы прызвання», 1982), «Амплитуда смелости: и лирика, и юмор» («Амплітуда смеласці: і лірыка, і гумар», 1983), «Молчание грома: новая книга» («Маўчанне перуна: новая кніга», 1986), «Кобра в мешке: стихи» («Кобра ў торбе: вершы», 1989), «Одиночество паломничества: книга поэзии» («Самота паломніцтва: кніга паэзіі», 1990);

– книги для детей: «Экзамен: стихи» («Экзамен: вершы», 1969), «Ай! Не буду! Не хочу!: стихи» («Ай! Не буду! Не хачу!: вершы», 1971), «Что было б тогда, если бы?: стихи. Для дошкольного возраста» («Што было б, калі б?: вершы. Для дашкольнага ўзросту», 1977), «Зевает ли бегемот?: весёлые стихи, сказки, прибабульки. Для дошкольного возраста» («Ці пазяхае бегемот? Вясёлыя вершы, казкі, прыбабунькі. Для дашкольнага ўзросту», 1980), «Азбука не забава» («Азбука не забаўка», 1985), «Индыкало-кудыкало: Как и прежние весёлые стихи. Для младшего школьного возраста» («Індыкала-кудыкала: Як і ранейшыя вясёлыя вершы. Для малодшага школьнага ўзросту», 1986);

– сборники сатиры и юмора – «Ошибочно говоря...: Дружеские шаржи, эпиграммы. Альбом, 1971 (дружеские шаржи М. Лисовского)», «Станция кольцевания: юмористические стихи» («Станцыя кальцавання: гумарыстычныя вершы», 1971), «Клюквинка: юмористические стихи, пародии, эпиграммы» («Журавінка: гумарыстычныя вершы, пародыі, эпіграмы», 1973), «Кстати... Весёлые стихи, влюблённый юмор, пародии, эпиграммы» («Прынамсі... Вясёлыя вершы, закаханы гумар, пародыі, эпіграмы», 1977), «Иконы без оскорбления: дру-

* Р. Бородулин родился 24 февраля 1935 года в деревне Городок Ушачского района. В 1959 г. окончил Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина. Работал в периодической печати. С 1969 г. в издательстве «Беларусь», с 1972 г. в издательстве «Мастацкая літаратура». Первые стихи напечатал в 1954 г.

** О начальном периоде творчества Р. Бородулина мы писали в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965). – Витебск, 2010. – С. 87–93.

жеские шаржи и эпиграммы» («Абразы́ без абра́зы: сяброўскія шаржы і эпіграмы», 1985 (в соавторстве К. Куксо), «Бервенизация» («Бярвенізацыя», 1988), «Мудрец со ступою: строчки в юморе и норовистая поэма» («Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма», 1988);

– книги статей и эссе «Росток строки, веточка стиха» («Парастак радка, галінка верша», 1987);

– автор текста к альбому «Под небом родины чудесной» («Пад небам радзімы цудоўнай», 1967).

В 1984 г. были изданы «Избранные произведения: в 2 т». («Выбраныя творы: у 2 т.).

Известный белорусский писатель М. Стрельцов как-то отметил, что Бородулин «вошёл в литературу стремительно и, взяв однажды разбег, от книги к книге на удивление ровно выдерживал темп, меняя, если было нужно дыхание, так сказать, на ходу, не больно-то давая заметить это».¹ А к концу 1970-х годов, считает известный литературовед А. Семёнов «Дрэва барадудлінскай паэзіі добра ўзнялося ў рост і зялёнае ужо не празрыста-зялёнай лістотай вясны, а густым, цёмным лісцем сталасці, колерам пазнання – паспела і сокі зямлі ўзяць, і зведаць навалнічныя дажджы, і спазнаць летні спякотны поўдзень».²

Поэтическое творчество Р. Бородулина известно далеко за пределами Беларуси. Его книги неоднократно издавались в Москве («Избранная лирика», «Небо твоих очей», «Озеро в горизонте», «Целиноград», «Белое облако грома», «Аист на крыше», «Каждый четвёртый», «Праздник пчелы» и др. Книги избранной лирики изданы в Риге, Софии, Киеве.

В исследуемом нами периоде произведения Р. Бородулина переводятся на русский, украинский, азербайджанский, английский, армянский, болгарский, венгерский, грузинский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, осетинский, польский, словацкий, таджикский, татарский, туркменский, узбекский, французский, чувашский, эстонский языки, языки народов Югославии.

Его произведения печатались в коллективных литературных сборниках «День поэзии», «Арлянятам», «Горад і годы», «Ад родных ніў, ад роднай хаты», «Мары юнацкія», «Разгарэлася зорачка ясная», «Універсітэт паэтычны», «Вяснянка», «Зорка Венера», «Рэха ў граніце», «Братэрства», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Дзень добры, мама», «Адданасць», «Беларуская балада», «Красуй жыццё», «Далягляды», «Партызаны, партызаны», «Духмяныя верасы», «Покліч долі адзінай», «Сучаснік», «Такія сэрцы ў нас», «Туман трэба развеяць», «Нам дасталася спадчына» и др. Стихи Р. Бородулина включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры», а публицистические материалы – в «Хрэстаматыю па гісторыі беларускай савецкай публіцыстыкі». Он один из активных соавторов белорусской литературной Ленинианы – печатался в сборниках «З Леніным у сэрцы», «У нашых сэрцах Ільіч», «З Леніным заўсёды Беларусь» и др.

Поэт печатался в союзных («Молодая гвардия» и «Вопросы литературы») и республиканских журналах («Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Рабочая смена», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка»). Его стихи регулярно печатал «Беларускі каляндар», издававшийся в Белостоке (ПНР).

С произведениями Р. Бородулина читатели встречались на страницах «Литературной газеты», «Книжного обозрения», «Лесной промышленности», «Звезды», «Сельской газеты», «Знамени юности», «Голаса Радзімы», «Літаратуры і мастацтва», «Піянера Беларусі». Поэт был постоянным автором областных газет «Віцебскі рабо-

¹ Стрельцов, М. «...И обещание открытий» / М. Стрельцов // Нёман. – 1976. – № 4. – С. 163.

² Сямёнава, А. Шчодры абсяг паэзіі / А. Сямёнава // Полымя. – 1979. – № 4. – С. 246.

чы», «Мінская праўда», «Магілёўская праўда», «Гродненская правда», минской городской газеты «Вячэрні Мінск», белостокской газеты «Ніва». Он активно сотрудничал со многими редакциями газет, выходящих в союзных республиках.

Об активности Р. Бородулина-переводчика свидетельствуют его переводы с русского, украинского, абхазского, аварского, азербайджанского, английского, армянского, болгарского, венгерского, грузинского, еврейского, идиш, испанского, итальянского, молдавского, немецкого, польского, пушту, румынского, сербо-лужицкого, таджикского, татарского, туркменского, узбекского, французского, эстонского языков.

Всё многообразие поэтических исканий и находок Р. Бородулина условно можно разделить на несколько направлений. Это лирика, интимная и граждански публицистическая; сатирико-юмористические произведения; разножанровые произведения для детей; публицистика; наконец, активная переводческая деятельность. Степень за степенью проходило обогащение поэзии Р. Бородулина, становление его таланта, восхождение к высотам поэтического мастерства. Во всём этом многообразии, говоря бородулинскими определениями, и руно, и думно, и наливно, и печально, и нерушно, и просторно, и амплитудно, и дорожно, и поэмно, – словом Рыгорно Бородульно.

Разные «уроки» приходились на судьбу девятилетнего подростка и поэта – трагедия войны, послевоенная голодуха, студенческая жизнь, выбор жизненного пути... Но на этих уроках надёжно закладывались основы патриотизма, правдивости, совести, тех фундаментальных моральных качеств, без которых нельзя быть настоящим человеком, преданным Родине, любящим свой народ, борющимся за Человека. И то, что было собрано в подростковом возрасте, стало центральной и собирательной мыслью его стиха. «Няма дрэнных тэм, пісал в адной из статей Р. Бородулин, – як няма старых і новых. Але ёсць вечныя тэмы, на якіх правяраецца адначасова талент, майстэрства і праўдзівасць паэта, як чалавека, як грамадзяніна. Тэмы гэтыя – маці, Радзімы, каханьня! Тут не можа быць раздвоенасці, расплыўчатасці, бенгальскіх агнёў, замест сапраўднага пачуцця».³ Мы видим, что поэт сам определил свои творческие приоритеты. Однако, не будет, на наш взгляд, ошибкой более широкое прочтение поэтики Р. Бородулина. И тогда, в дополнение к словам поэта, читатель обнаружит и тему памяти о трагических событиях Великой Отечественной войны, и тему воспевания красот родной природы, и тему странствий, и тему бережного отношения к родному языку и культурному наследию белорусов, наконец, тему философского осмысления самых актуальных проблем современности, активно влияющих и на самого Человека и Человеческое в нём.

Подчеркнём следующее. Совсем не просто разделить поэтическое творчество на темы, пусть, в некотором роде, и условные. В его поэзии, его творческом мире всё намного сложнее. Потому что в них всё диалектически взаимосвязано – архаично и неразрывно – проникновением в глубину образа и многозначностью и философско-эстетической наполненностью поэтической строки.

Предлагаем читателю пройти вместе с нами по ступенькам этой поэтической (пусть и условной) лестницы Р. Бородулина. И тогда мы увидим, что живописность поэтического слова с её ярко выраженной конкретностью и одновременно широкой обобщённостью, с её насыщением поэтикой устного народного творчества и мастерским перевоплощением их в самые многообразные формы современного поэтического процесса, с её восприятием, как простой и естественной и одновременно философско-лингвистической насыщенностью складывалась от стихотворения к стихотворению, от книги к книге.

³ Звезда. – 1983. – 11 чэрвеня.

Мать Акулина Андреевна... Через свой жизненный край, глубокое знание народных песен и поэтической речи, через открытые сыновьи чувства и непреходящую память о ней вошло в стихи поэта, этот привлекательнейший образ крестьянской женщины-матери, которая, как и другие белорусские вдовы, взяла на себя бремя забот о детях, о хлебе, об очаге и кровле над ним, как говорят, о жизни, о главных её основаниях... И всё это на глазах и подростка, и юноши Рыгорки, всё это в своеобразных лирических образках, обогащённых нравственным и эстетическим опытом народа, обогащающих всё творчество поэта, в его столичной жизни, его поездках и странствиях, из которых и мысленно, и чувственно он возвращается к своей родной «вогненапаклоніцы святла» Акулине Андреевне. Их слитность, духовное и душевное единство, глубокое понимание одним другого, можно передать, прибегнув к известному русскому поэту XIX в. Тютчеву: «...Душу всю свою она вдохнула... всю себя перелила в меня». В этом и проявляется устойчивость его поэтического и нравственного жизненного ориентира. Вот он на Дальнем Востоке помогает подняться солнцу: «Ідзе прамяніста на Ушаччыну прама. Добрай раніцы, мама...». Вот он говорит о латышских материнских корнях:

*Мой дзед
ражанін Галвіныш,
Механік на млынах
...Зрабіўся старажылам
Ушацкай стараны.
.....
А на млыны куліўся
Койш зорны з-за сяла.
Вясёлая Кулінка
«Латышачкай»
была...
.....
Радні і год нямала
Забывся наш парог,
Адно
«латышкай» маму
Яшчэ завуць парой.⁴*

В памяти поэта те добрые руки, что качали детскую колыску и от земли подняли в гору – «Глянь, сыночак. Стагі завершаны... Глянь, пlying журавы над борам», глаза, которые над поэтом «узышлі сузор'ямі цішыні: сусветамі дабрыні, пакуль ёсць яны – мне (Р. Бородулину. – А.Р., Ю.Р.) на зямлі светла мама...», красоту, которой «са спазнаннем моляцца сыны», тропу к могиле, которая «не зарасце бруснічкай...».

Поистине знаковыми в «материнской» поэзии Р. Бородулина* стали его поэмы «Кулина» («Куліна») и «Материнский дом» («Матчына хата»). Первая посвящена размышлениям о роли матери Акулины Андреевны: в становлении бу-

⁴ Барадулін, Р. Неруш / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – С. 56–57.

* Не ошибёмся, если выскажем предположение: до Р. Бородулина никто из белорусских поэтов не написал о матерях так много и так вдохновенно – образ матери освещает и освещает все бородинские книги (В. Тарас).

душего поэта и даже больше того – о внимании детей к своим матерям, внимании к ним, постоянной памяти. И всё это звучит на фоне фашистской блокады Лепельско-Ушачского партизанского края:

*Маці завуць Куліна.
Я ўспамінаю, калі нам
Падчас блакады
Прышлося сядзець у лесе.
Я адышоўся ад маці
і не астаўся ледзьве.
У вялікім лесе
нас многа малых згубілася.
Кожны крычаў штосілы
Лес пайтараў, нібы дражнячы,
кароткае слова:
– Мама!..
Крычалі многа,
ды толку мала.
Тады яе гукнуў:
– Куліна!
І мая,
мая адгукнулася.
Цішыня нейзабаве
ва Ушачы вярнулася.⁵*

Пережившие блокаду и войну и «пасля вайны не сагнуліся, калі іх гора кратала», а вот молодые, окончив школу, стремились в город, забывали частенько родные места и даже якобы время не хватало «на пісьмы, на словы мацярок адгукнуцца». Домой же доезжали лишь тогда, «калі родных прымае зямля сырая».

Нет, не дидактикой пронизана поэма. Поэтова откровенность 1970-х гг. актуальна и для нашего XXI века, когда слово «мама», «слова спрадвечнае ўжываць пачынаем мала». Актуальным читается признание поэта:

*Шкада, што да нас так позна
Прыходзіць суровай позвай
Сумленне, якое завецца
Словам кароткім – мама.⁶*

Поэма «Материнский дом» звучит более оптимистично, жизнеутверждающе – ведь речь идёт о строительстве вдовой, Кулиной, дома. Вдовьего дома на пепелище своей довоенной хаты, сожжённой фашистами при отступлении. Дома, возводимого из материалов подручных («А маці, як тая ластаўка, з усёй Ушачы цягнула да печы абгарак, аполах, цалёўку...»):

*Маці сталярыла і цяслярыла
Без гэбля, без ватэрпаса,
Сякера была адна,
Як доля ўдавіная, чэзлая.*

⁵ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Барадулін. – Мінск, 1973. – С. 114–116.

⁶ Там же. – С. 120.

*З усяго, што можна было прыбіць
Цвікамі іржавымі,
Маці падлогу масціла.
Калі аполак, які вытыркаўся,
Пад яго выкладвала трэску
Або сякерай тупой
Спадыспаду счэсвала...
...Газетамі покут спачатку абклеіла,
Па часе – і ўсе чатыры сцяны
Аж да запеччыка.
...Сталі вятры вераснёўскія
Пасляваенныя яблыні трэці...
.....
Матчына хата,
 для мяне
 яна так і стаіць
 у 1944 годзе...⁷*

Такими они были, такими и сейчас есть наши матери. И становятся понятными следующие волнующие сердце и душу слова поэта:

*Як ціхая аблачынка,
Нада мной праплывае мама.
Спакой на стол аблакаціўся.
Углядаюся – пазнаю памалу.⁸*

И здесь представляется уместным сделать небольшое отступление, чтобы сказать о следующем. И рецензенты, и литературные критики чаще всего пишут о материнской привязанности Р. Бародулина. Да, действительно, произведений, в которых читается прямое обращение к матери-образу, «найцудоўнейшаму ў лірыцы і паэмах» (О. Лойка), у поэта много произведений эмоционально-насыщенных, нравственно-возвышенных. Но ведь и то, пусть и меньшее количество строк, посвящённых отцу Ивану Григорьевичу, тем не менее, они также сильны в своём воздействии на эмоции и чувства читателя. Вспомним, что ещё в первом поэтическом сборнике «Молодая луна над степью» в стихотворении «Отцу» («Бацьку») поэт с горечью писал:

*Не выйшаў ты і ў гэты раз
Мяне спаткаць, паднесці рэчы...
...А я чакаў з усіх дарог
Цябе ў сорок чацвёртым... летам.
Калоны ні адной не мог
Я прапусціць з ахапкам кветак.
Хацелася пачуць: «Сынок...»
І крыкнуць радаснае: «Тата!»
Бацькойскім быў мне кожны крок...
Усё ішлі, ішлі салдаты...*

⁷ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Барадулін. – Мінск, 1973. – С. 127–129.

⁸ Барадулін, Р. Адам і Ева / Р. Барадулін. – Мінск, 1968. – С. 19.

Посетив в 1963 г. родной партизанский край, в сосновом бору от обычных, казалось бы, сосен, он испытывает эмоциональное потрясение:

Сосны!

*«Зялёныя хмары
развесілі –*

Гэта ж

бацькі майго равеснікі.

Сюды не прыехаў

у час прызначаны –

Сон яго

*сосны вартуюць
на партызанскай Ушацчыне.⁹*

О своём отце поэт напишет в поэме «Материнский дом» («Бацька загінуў у акружэнні ў перадапошняй бойцы з карнікамі»), в стихотворениях «Смерть грушины» («Смерць ігрушыны» («Не стала хаты, бацька дамоў не вярнуўся»), «Баня блокадного года» («Лазня блакаднага года» («А Мельнікава брыгада* у Глыбачцы акурат, – там бацька... ён даў бы рады, навёў бы адразу лад...»), «Прогинается мост...» («Прагінаецца мост...» («За цябе я цяпер ці за бацьку жыву? Трыццаць пяць яго ў пушчы блакаднай. Час заўчасна таму сняжыць мне галаву, Бацькаў боль...»), «Партизанский урок» («Партызанскі ўрок» («А як ішоў дадому тата з атрада – чуў я за вярсту»), «Жажда» («Смага» («Бацька са мной развітаўся і не вярнуўся назад – блакада за даляглядам стагнала бяссонна»), «Отцово имя на плите мемориального «Прорыва» («Бацькава імя на пліце мемурыяльнага «Прарыва»):

Сярод лясных салдат, хто тут загінуў,

Мой сум чытае бацькава імя.

І сноп ракет яго не азарыў,

Не дачакала бацьку перамога.

З брыгады Мельнікава

Радавога

У брацкую магілу ўзяў «Прарыв».¹⁰

Были и другие стихотворения. Однако, апофеозом отцу стали две поэмы «Отцу» («Бацьку») и «Блокада». Заметим, что поэма «Блокада» как никакое другое произведение семейного бородулинского цикла самим поэтом подписано «Светлой памяти отца моего Ивана Бородулина...».

Отступление это, на наш взгляд, уместно и потому, что в построенной доверенной хате и Акулина Андреевна и Иван Григорьевич, выросшие в древнем озёрно-лесном краю легенд и сказок, песен и преданий, народных обычаев и обрядов смогли всё это богатство края вселить в душу ребёнка. Вселить, донести до его сердца таким образом, что для него родной дом расширяется сначала до пределов Ушацчины, потом Витебщины, а затем и для всей белорусской земли – «Бе-ла-ру-сі».

⁹ Барадулін, Р. Неруш / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – С. 120.

* Знаменитая в Лепельско-Ушацком партизанском краю бригада Мельникова (имени Чапаева).

¹⁰ Барадулін, Р. Маўчанне перуна / Р. Барадулін. – Мінск, 1986. – С. 210.

Своей «малой родине», с которой у поэта связаны невозвратимые дни детства, где живут родные и близкие ему люди, где всё ему привычно дорого, где «над ціхаю ракою з далёкай цішыні забыты млын грукоча, спяваюць камяні», поэт посвящает своеобразную лирическую энциклопедию, пересказать которую не хватит силы, и статейного места. Ведь речь здесь идёт не только о красотах озёрно-лесного партизанского края, захватывающих краевидях или ярких поэтических характеристиках народных традиций, обычаев и быта. Для него это край, где он родился и вырос («Быць чалавекам на зямлі бацькоў дала мне права»), познав все тяготы войны и послевоенной жизни, где его учили «хлеб не кідаць пад ногі», где он бывает часто, подкрепляя душу и мысли свои теми невидимыми флюидами, которые излучает материнский дом, в котором сосновый пол «пачынае пахнуць борам густа» и «цвілі ў бацькі вочы верасам ад слова ранішняга – «сын». Это тот дом, из которого Акулину Андреевну «на Бутаўшчыну (на кладбище на окраине г.п. Ушачи. – А.Р., Ю.Р.) за раку спякотным днём праводзілі знаёмыя, суседзі».

Кто не помнит классическое «люблю дымок спалённой жнивы». Р. Бародулин смог найти своё, личное понимание этих известных слов. И толкование его не спутаешь ни с одним поэтическим произведением. Так мог написать только человек, которому с малых лет знакомы запахи родного края, те, что не пропадают независимо от пространственно-временных измерений, разделяющих поэта с родными местами. Судите сами, читатели. Вот как пишет автор о запахе картофельной ботвы, сжигаемой осенью сельчанами:

*Я гэты ціхі дым
на смак
і навобмацак
ведаю,
які я ні з чым не паблытаю.
Любой парою,
Дзе б ні быў,
адусюль
на ім, як ганчак на следу,
Дарогу дадому знайду,
да матчынага парога.¹¹*

Или ещё:

*Пясок Ушач –
Пачатак мой і схон.
Рачны, лагчынны, баравы, курганны.
Ім, як гадзіннік продкаў без заганы,
Па сэрца
Поўны я ад першых дзён.¹²*

Становится понятным, что постоянно сохранял в памяти «Вересовочку» («Верасовачку») и «Дятлинку» («Дзятлінку»), заветную грушу, вяз на подворье родительского дома, «лісток ушацкай восені», «рачулку-качулку Кривуху з крутой вадою», ушачские, «як азёрны клін» озёра Волчанское, Звонь, Вечелье, сяло Воўга, партизанские сосны, материнскую теплоту, аиста «у чырвоных ботах» и другие значимые для него нравственно-эстетические ценности для поэта:

¹¹ Бародулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Бародулін. – Мінск, 1972. – С. 60.

¹² Бародулін, Р. Вечалле: кніга паэзіі / Р. Бародулін. – Мінск, 1980. – С. 12.

На вуснах чыгункі гарачых
На ўсіх кантынентах даўно:
Уша-
чы,
уша-
чы,
уша-
чы! –
Журбоціцца слова адно¹³.

Такие же пронизанные теплотой и искренностью стихи посвящает Р. Бародулин и Витебщине и её старейшим городам Полоцку и Витебску. К примеру, читаем о Полоцком Софийском соборе:

На свет Сафійка глядзіць
Вачыма цнатлівымі.
З далёку,
з адзінаццатага стагоддзя,
Вечарам
сон да яе прыходзіць,
І аж да раніцы сніцца.¹⁴

А Витебск – «ратай і ратнік, рупны працаўнік» – запечатлён в памяти поэта в тот осенний день «скразняковы, негаманкі, ад хмар заімжэлых, нізкае неба шэрае», когда в городе над Двиной состоялось открытие памятника славному уроженцу витебской земли*:

Дзвюх зорак Героя
Гарачыя лісткі
Гараць на грудзях
Пятра Міронавіча.¹⁵

И, наконец, о Витебщине, которая «лёсам не выпешчана», но «войнамі выпешчана» и где на каждом шагу «...пясок магіл... пясок папялішчаў»... и «дзе да рэдка сустрэнеш – сівеюць бабулі адны»:

А на Віцебшчыне
Даўгавечныя жыхары...
Хто не верыць, звярнуцца ў ЮНЕСКА
Раю.
Як на экспарт наветра:
Азёры, бары,
Хоць ты з раем спрачайся,
Партызанскі мой краю!¹⁶

¹³ Бародулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Бародулін. – Мінск, 1978. – С. 73.

¹⁴ Бародулін, Р. Вяртанне ў першы снег / Р. Бародулін. – Мінск, 1972. – С. 56.

* Открытие памятника Дважды Герою Советского Союза П.М. Машерову состоялось в г. Витебске...

¹⁵ Бародулін, Р. Маўчанне перуна: новая кніга / Р. Бародулін. – Мінск, 1986. – С. 56.

¹⁶ Бародулін, Р. Свята пчалы: старонкі кніг / Р. Бародулін. – Мінск, 1975. – С. 242.

Вершает это образное построение – «Материнский дом» – Ушаччина» – «Витебщина» главное центроукрепляющее звено – «большая» Родина «Беларусь». И вот здесь в самой полной мере проявляется и любовь к родной земле, и гармония человека и природы, философское осмысление, и сложности человеческих взаимоотношений. Гармония поэтического чувства и слова, говоря словами поэта Б. Стрельцова, «уласна кажучы і рухает, сціскае, і раскручвае паэтычную спружыну Рыгора Барадуліна». ¹⁷

В каждом из поэтических сборников читателю предлагаются произведения, составляющие сами по себе поэтическую историю родной белорусской земли. И, может быть, наиболее патриотичным читается стихотворение «Моё Отечество» («Мая бацькаўшчына»):

*Як ластаўка,
з падстрэшка рук Скарынавых
Тваё крылала слова на Русі...
Ты бласлаўляла далянёй кляноваю
Сваіх сыноў.
Слязамі дабяла.
Бяліла лён на світку Каліноўскаму
І Нёманам у сны Урублеўскага плыла...¹⁸*

Для поэта «на Беларусі пчалы, як гусі», как «дзятлінка свежнарутая» и «Беларусь... цвіла і выстаяла». Он живёт с желанием «адзіным, каб толькі з даверам Радзіма сваім... называла сынам», и признаётся, что где бы он не был, ему не стыдно «сынам тваім» (Беларусі. – А.Р., Ю.Р.) называцца» – «Сляпы да цябе дапаўзу да дня, намацаю сцезжку рукамі». Откровенно и публицистически эмоционально звучит его обращение:

*Радзі, зямля,
ты – шчодрая і сціпляя.
Каб толькі маразоў не знала рунь!
Імя тваё нашчадкам з нетраў выплыве –
Сівых стагоддзяў рэха:
– Беларусь.¹⁹*

Бывал поэт в Сибири и на Дальнем Востоке, в Самарканде и на Памире, Прибалтике и Ленинграде, Чехословакии и Болгарии, на Кубе и в Швеции, и других близких и далёких местах. И везде его сопровождают мысли о родной земле, синеглазой Беларусі. Находясь в Дудинке, он помнит о Нёмане, видит, что сибирские «дымяцца, як няцэджаны сырадой», а в тайге «самапасам на выпасах верасня пасвіцца збродлівы статак пчаліны». И всегда дальние странствия поэта ведут его к тому, что наш замечательный лирик М. Богданович обозначал – «цвяток радзімы васілька».

О глубоком постижении поэтом истории родной белорусской земли, её трагической и героической судьбы, богатой национальной культуры свидетельствует насыщение произведений сюжетами из истории белорусского имени, именами известных деятелей художественной культуры. Назовём некоторые из них: Николай Гусовский, Адам Мицкевич, Мацей Бурачок (Фр. Богушевич. –

¹⁷ Стральцоў, Б. Шукаючы Неруш / Р. Барадулін. – Беларусь. – 1976. – № 11. – С. 27.

¹⁸ Барадулін, Р. Неруш: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1966. – С. 8.

¹⁹ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег: вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – С. 90.

А.Р., Ю.Р.), Феликс Топчевский, Сергей Полуян, Павлюк Трус, Михась Чарот, Я. Купала, П. Бровка, М. Танк, Я. Брыль, П. Панченко, А. Кулешов, В. Быков, В. Короткевич, Геннадий Буравкин, М. Стрельцов и др. И огромное множество стихов, посвящённых известным деятелям не только славянского искусства (Я. Хелемский, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Я. Смеляков, Ст. Поптонев, И. Вылчев и др.), но и коллегам из Прибалтики, Монголии, Кубы, других стран (Имант Зиедонис, Альчимантас Балтакис, Валдису Дарбиньшу, Свете Шенгиновой, Марии Форманковой, Кайсыну Кулиеву, Юрию Туулику, Сиявишу Мамед-Заде, Ивану Драге, Дориба (Монголия) и др.

Знакомство с произведениями Р. Бородулина ярко высвечивает тот стержень, вокруг которого и формируется его гражданско-патриотическое начало. Это родной белорусский язык («матчына слова»), которому адресуются самые искренние, самые трепетные чувства. Вот они, эти проникновенные строки: «Беларусь – мая мова і песня» («На Беларусі...»), «Мова маці маёй – беларуская мова... І будзе мне сэрца грэць кожным ашчаджаным словам, мая справд- вечная Беларуская мова» («Мая мова»), «Матчынай мовы словам святым... жы- веш ты ў сыноўнім сэрцы» («Радзіме»), «Слухай жа: у крынічнай журбе журыц- ца Беларуская мова» («Андрэю Вазнясенскаму»), «Беларуская мова, маўчаньня хвілінаю ўшануй адного са сваіх староннікаў...», * «Каб сам сабою стаў народ, пачуўшы гукі кроўнай мовы!» («Роднаму слову»), «Родная мова ступала за мной ад калыханкі да галашэння...» («Долі іншай не трэба зямной...»).

Мы привели здесь слова из поэтических сборников Р. Бородулина второй половины 1960-х – 1970-х годов («Неруш», «Линия изменения дат», «Возвращение в первый снег», «Рум» и др.). Практически сложившаяся озадаченность поэта судьбами родного языка найдёт своё продолжение в последующих книгах. И, примерив однажды на себя то единственно духовно-нравственное «покрывало», которое характеризует и утверждает нацию белорусов как членов единого мирового национального сообщества.

Р. Бородулин, по сути своей, один из немногих литераторов, который поставил поэтический заслон на пути общественной мысли, сползающей на позиции языкового нигилизма.

И ещё одной нравственно-эстетической категорией пространственно временного поля поэта выступает память, встревоженная и морально обострённая, память о погибшем отце и страшных днях, проведенных вместе с матерью в блокадном кольце, память о том, как «плачут» по блокадным детям «нямецкія кулямёты буйнакалібернымі слязамі», а солдаты прикуривают от обгоревших брёвен, что ещё ночью домами стояли. И о таких трагических картинах, в которых

*Жвірам асляпіць адчаю вока
Просьба малых да кáта:
– Не засынай зямлёю глыбока,
А то нас не знойдзе тата.²⁰*

Это становление поэтической души и сердца, которыми наполнено творчество Р. Бородулина и которое не оставляет его все послевоенные годы. Памятью партизанского детства отсвечивают у поэта и проблемы современности и размышления о будущем:

*З драгоў і кратаў
Злы ланцуг –
Ён мой спакой кайданіць.*

* Поэт ведёт разговор о своём любимом учителе Богдановиче Фадее Францевиче.

²⁰ Барадулін, Р. Амплітуда смеласці: і лірыка і гумар / Р. Барадулін. – Мінск, 1983. – С. 20.

*Гадоў маіх забыты цуг
Уваскрашае здані,
І ні прагнаць,
Ні замаліць –
Няхай каму старая, –
А мне баліць,
А мне вайна страляе.²¹*

Каждое из произведений о войне – будь-то поэмы «Блокада», «Триптих» и «Баллада Брестской крепости», стихотворения «Камни Брестской крепости», «Партизанский край», «Отцу», «Колдычево...», «Палаты минёров», «Кладбище деревень», «Ветераны», «Плиты», «Партизанский урок», «Баллада ужаса», «С войны», «Партизанка», «Материнский лес», «Надпись на памятнике в деревне Шуневка», «Перед блокадой» и др.

Для людей, не знающих о злодеяниях фашистов на белорусской земле, карту Беларуси называют «дубовы ліст ці кляновы ліст пяціпалы». Для опалённой войной памяти потомков о каждом четвёртом погибшем белорусе карта эта «нагадвае полымя языкаката!»:

*...У Хатыні
Крывавы прысак не стыне.
Травой забыцца ўвячэлле зарасце
вогнішча Калдычэва*
...Вёска ушацкая спалёная,
Аралля
Крывёю набухла.²²*

Обратимся к «Балладе Брестской крепости». Первое знакомство с ней показывает, что главное для Р. Бародулина не только в философско-эстетическом осмыслении подвига защитников крепости, но стремление сердцем своим добраться до суровой правды тех трагических дней, самому понять, «адкуль яна, вера, адкуль яна, непахіснась?!».

Перед читателем один за одним проходят уже известные к середине 1970-х годов факты героической летописи: трагический подвиг капитана Шабловского, выбравшего смерть вместо фашистского плена; организация капитаном Зубачёвым обороны крепости; не только героический, но и в высшем своём проявлении гуманистический поступок женщин, которые во имя спасения детей «павінны ісці ў палон прымусовы»; партийное собрание, на котором «у партыю абаронцаў прымаюць». Об одном эпизоде, ставшем основой для широко известной повести Б. Васильева «В списках не значится», скажем особо. Летом 1942 года, почти через год после захвата крепости немцами, из одного из казематов вышел последний её защитник. И тогда

*...захлынуўся фашыстаў сівушны
гогат..
Калі з каземата
баец безымянны,
як прывід, пайстаў...²³*

²¹ Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1978. – С. 37.

* Деревня в Барановичском районе, где во время немецко-фашистской оккупации был лагерь смерти.

²² Барадулін, Р. Баллада Брэсцкай крэпасці: паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1975. – С. 99–100.

Он заявил захватчикам не о милости: «Я выйшаў пераканацца ў вашым бяссілли... – здранцвелымі вуснамі прашаптаў герой».

Поэту поэт задает себе и читателю глубокий по существу своему философский вопрос:

*А як жа дазнацца,
з якога цеста
абаронцы Брэста?!
На волі якой,
на якой крыві
мужнасць іхняя
замешана?²⁴*

И вот он ответ. И с ним нельзя не согласиться. Как и во множестве других героических подвигов известных и неизвестных защитников Родины, когда мужество, самоотверженность, духовная стойкость побеждали страх смерти, когда эти качества советского человека раскрывались в полноте и неповторимости. Герои Бреста:

*Не азірнуліся назад ні разу,
бо лічылі страх за абразу,
бо адступленне смерцю лічылі.
І смерцю сваёй гераічнай
у бясмерце ўвайшлі.²⁵*

Художественное воздействие суровой правды первых дней и месяцев войны, понимание благородства героических и трагических действий защитников крепости над Бугом – всё это как бы ступеньки в подходе к главному выводу поэмы: никто не забыт и ничто не забыто. И каждый мемориал, каждая могила Неизвестному солдату должны стать школой патриотизма, школой воспитания верности и преданности Родине и народу. Как бы напоминая об этом, поэт ещё раз обращается ко всем:

*Прыходзьце сюды
не з пустою біклагай
вады легендарнай напіцаа –
на вернасць СЦЯГУ
даваць ПРЫСЯГУ,
нязломнасці нашай
вучыцца!²⁶*

Отгремели залпы войны...

*Можна спакойна брысці па Брэсце,
Сёння ён у турыцкім зялёным берэце
Каштанаў і кляноў бухматых...
Ідуць маладыя салдаты,*

²³ Барадулін, Р. Балада Брэсцкай крэпасці: паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1975. – С. 70–71.

²⁴ Там же. – С. 67–68.

²⁵ Там же. – С. 75–76.

²⁶ Там же. – С. 111.

Яны – адно

аднагодкі вайны!..

.....
...Цішыня...²⁷

Широкому кругу читателей хорошо известны такие патриотические произведения, как «Реквием» Р. Рождественского, «Суд памяти» Е. Исаева, «Дождь Хиросимы» Э. Межелайтиса, «Хатыньский снег» Г. Буравкина. Особое место среди них, на наш взгляд, принадлежит «Блокаде» Р. Бородулина. И для этого у поэта были свои основания.

Во-первых, в поэме автор обращается к такой важной теме, как всенародная партизанская война против немецко-фашистских захватчиков, теме, которая не находила своего полного выражения в поэзии; во-вторых, – это разговор об одном из суровых и, пожалуй, самых трагических периодов партизанского движения в Беларуси – блокада зимой и весной 1944 года немецкими войсками партизанских бригад Лепельско-Ушачской партизанской зоны. И выявлено это на таком высоком художественном уровне и с таким эмоциональным накалом, что никого не оставляет равнодушным. Наконец, впечатление от поэмы становится ещё более эмоциональным от того, что написана она человеком, имевшим самое прямое отношение к блокадным событиям. Поэма «Блокада» – это «гісторыя свайго партызанскага краю», это горячий монолог о мучениях и борьбе белорусского народа в минувшей войне. По словам поэта Г. Буравкина – это монолог свидетеля суровых событий перед временем и потомками.

Поэма состоит из трёх частей («Блокада терпения», «Блокада молчания» и «Блокада сердца») и вступления («Бессонница»), которое выступает ключом к пониманию причин появления этого произведения. Более четверти столетия в сердце поэта жило «...слова глухое, як гол – блакада». В итоге из глубин памяти и выплыли «тры кругі блакады суровай, падпаленыя крывавай зарою».

Уже с первых строк читатель ощущает все ужасы блокады. Немецкая «рама» над повозками с ранеными («крыжы» над намі яшчэ жывымі), «пад неба стагі густыя», что чернеют на лугу от взрывов. Попытка «прайсці жалезку! Прарвацца на Захад!» («Жалезка сустрэла жалезам, жахам...»). Горькие слёзы матери над умирающим от ран разведчиком-сыном. И везде «блішчастыя бляхі». Крыжы, Аўчаркі. Астылыя рулі, тупы погляд», «на нервах іграюць апрыкляыя «балалайкі» (шестиствольные немецкие минометы), «...на горле спалоханнага астраўка сціскаюцца пальцы аблавы», а люди сидят, захлабываются в болотной воде и видят, «як аўчарка па следзе вядзе ашчэраныя аўтаматы». Страдания, кровь, смерть...

Однако не удалось оккупантам затянуть петлю блокады. Ценой жизни десятков и сотен боевых товарищей партизаны разорвали блокадный круг. – «І сноп ракет яго не азарыў, не дачакала бацьку перамога. З бригады Мельнікава радавога ў брацкую магілу ўзяў «Прарыў».

В 1974 г. по проекту скульптора А. Аникейчика и архитекторов Ю. Градова и Л. Левина в честь легендарного прорыва вражеской блокады 16-ю партизанскими бригадами в апреле-мае 1944 г. на месте бывших боёв между деревнями Двор Плино и Паперино (в 7 км от районного центра Ушачи) сооружён мемориальный комплекс. Читаем в стихотворении Р. Бородулина «Плиты»:

...Звугалеў алфавіт

Ад жудасці анямелых пліт.

Пліты

²⁷ Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег: вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1972. – С. 24.

*Нібыта плыты́
На крывавах тваіх вірах,
Вайны апраметнай...
Зноў на мяне наганяе страх
Арыфметыка!
Лічыць не бяруся,
Бо ў скрусе
Баюся зблытаць
Учарнелыя пліты
Па ўсёй маёй Беларусі.
.....
Па іх вучыцца нашчадкам
Азбуцы нянавісці да забойцаў!²⁸*

И мемориальный комплекс, и стихи появятся через многие годы после войны. А в 1944 г. в партизанском краю повсеместно виделись следы-пожарища, новые кладбища, нищета – «злая дзядзіна», с которой «ніяк не згаворышся. Усё памянана, прададзена. На руках толькі дзеці хворыя». Но не потерялось у людей стремление к жизни. Голод, холод, бедность – всё пережили люди. А если было совсем трудно, на помощь приходила песня:

*Сягоння зноў рана
Запяяла Ульяна.
Запяяла Ульяна –
Значыць кепскія весці:
Сыну хоцацца есці...²⁹*

И хотя не весёлыми были эти песни («каб не чулі, як плача сын, каб самай не заплакаць, пяе...»), но с ними, женщинами, легче косилось, пахалось, переносились послевоенные невзгоды, верилось в лучшую жизнь.

Бородулинская «Блокада» постоянно напоминает всем, какую дорогую цену уплатил белорусский народ за сегодняшний мир, за свою свободу и независимость.

*За матуль,
што жыццю
не рады,
За калек,
За ўдоў,
За сірот
Праклінаю цябе,
Блакада!³⁰*

И совершенно иным, светлым, привлекательным, доверчивым, пусть иногда и печалью пронизанным, но никогда не эгоистичным выступает интимный мир поэта и его лирического героя. И для одного и для другого – любовь принимается как одно из важнейших условий полноценного духовно-нравственного существования человека. Книга, в которой была бы собрана любовная лирика Р. Бородулина (как, к примеру, читатель находит у Г. Буравкина в его поэтиче-

²⁸ Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1978. – С. 40–41.

²⁹ Барадулін, Р. Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1969. – С. 113.

³⁰ Там же. – С. 128.

ском сборнике «Нежность» с подзаглавием «Стихи о любви») автор читателю пока не предложил – строки и строфы о самом высоком из чувств, переполняющем сердце поэта, мы находим почти в каждой его поэтически-лирической книге. Правда, в книге лирики «Простор» есть отдельный раздел «Ветка печали», содержащий почти 50 стихотворений о любви.

Чем же привлекает любовно-интимная поэзия Р. Бародулина? На наш взгляд, прежде всего своей чистотой и искренностью, открытостью и тонкостью в фиксации человеческих отношений, метафоричностью и неожиданными ассоциациями, фольклорной пронизанностью и лёгким юмором.

Читаем: «Ад «не трэба, не трэба да «святло патушы». ...Ноч бывае такая толькі раз у жыцці...» («Ад «не трэба, не трэба...»), «Чаканы міг спакою. І – паваротам ключа. Світае ў пакоі ад смуглага пляча» («Чаканы міг спакою...»), «А я выводжу, як школьнік, імя тваё на снягу. І ад яго гарачага, снег растае. У бары заінелым бачу вочы твае» («Дзень пачынаю...»), «Я твой нявольнік, твой прыгонны. Нішто мне воля без цябе?!» («Я твой нявольнік...»), «Ёсць самазабыццё начы, асвечанае згодай цела. Як потым сэрца б ні хацела, яму нікуды не ўцячы» («Ёсць самазабыццё начы...»), «Ён і яна – і сусвет не пустуе, сэрцы заходзяцца ў цішы званчэй...» («Ён і яна...»), «Ды вясны без асенняй цябе няма. Да мяне пасылаеш сны. Хоць аднойчы прыдзі сама!» («Можа, голас пачуеш мой...»), «Пакуль ёсць ты, ёсць я такі, як ёсць. Цябе кахаю – значыць, я існую, тваёй спакусы запазnelы гoсць» («Я за табой, як след...»)... А вот следующее четверостишие, в некотором роде характеризующее духовное состояние героя, его глубокие размышления над прожитыми годами:

*Хай снег вадой асядзе ў валасах,
Хай будзе мне хоць пяць разоў на дваццаць –
Усмешкай палахлівай на губах
Ты школьніцай мне будзеш усміхацца.³¹*

Думаем, что читателям будет небезынтересно прочитать легко-иронические строфы. На наш взгляд, достаточно привлекательные. Вот, к примеру, одно из них – признание в любви своей «клюквинке»:

*Вобраз твой з сабой насіў,
Сніў і ўдзень, і ўночы.
А цябе, як раскусіў –
Аж заплюшчыў вочы.³²*

Или приглашение «кавалера» на встречу:

*Дзверы я зраблю з паперы,
Каб хадзілі кавалеры:
Бацька дома не начуе,
Маці глуха – не пачуе!³³*

И, наконец, полный интим: «Лёг, ляны ваўчыла, ёлупень пляшчавы да сцяны вачыма, да мяне плячыма». Или: «Ой, млынар ты, млынар, а я млынарка, каб з табою мы, млынар, не зрабілі ліха!..».

³¹ Бародулін, Р. Дойны конь / Р. Бародулін. – Мінск, 1965. – С. 25.

³² Бародулін, Р. Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Бародулін. – Мінск, 1988. – С. 103.

³³ Бародулін, Р. Свята пчалы: старонкі з кніг / Р. Бародулін. – Мінск, 1975. – С. 306.

Выводы? А какие могут быть выводы о поэтическом постижении любви? Как можно, и, следует ли толковать авторскую любовь к любимой, знакомым, родным, близким и Человеку? Ответ на эти вопросы читатель найдёт сам, вникая в поэтически-сжатые и в то же время приглашающие к восприятию такого уникального раздела поэзии, как любовно-интимная лирика. Будут и бородулинская душа, и его возвышенность чувств и стремлений.

* * *

Заявив чуть выше, что в творчестве Р. Бородулина трудно выделить главную тему, мы не ошиблись. Здесь налицо патриотизм и героика, лирика и любовь, белорусская природа и народный юмор, и цементирующая триада «Мать–Язык–Родина». Практически в каждом стихотворении они «живут» в той или иной ипостаси, тесно переплетаясь, соединяясь в единое целое, неповторимо-взаимообусловленное. Вчерашнее и нынешнее, субъективное ассоциативно-конкретное и объективно-глубинное, точно увиденное и всерьёз прочувствованное, связанное творческим воображением поэта, его умением мыслить образно, соединить в единое целое художественность с философичностью, создаёт видимую и объёмную картину повседневной и во многом противоречивой действительности. Его стихи особенно широко развёрнуты во времени и пространстве, спрессовывают воедино мир больших расстояний. Интерес поэта к разнообразию реальных ценностей, умение передать значимость и красоту всего, что составляет наш реальный повседневный опыт, преобразовать абстрактные понятия вечности и добра, радости и тревоги в конкретные ощущения и краски, передать жизнь с её многоплановыми социально-нравственными коллизиями представляют литературоведам хорошую возможность для глубокого анализа поэтики Р. Бородулина. Приведём некоторые из них.

– поэт и литературовед М. Арочка: «Природа таланту Рыгора Барадудзіна, як бачым, такая, што яго лепшыя творы піша сама біяграфія, жыццёвы вопыт паэта, назапашаны звычайна на роднай Ушаччыне, пачынаючы з часоў маленства. Але ж нельга ўвесць час чэрпаць, не папаўняючы. Паэт разумее гэта. Ён ахвотна вяртаецца да сваіх вытокаў, да «пачатку ўсіх пачаткаў» – роднай зямлі, роднага асяроддзя, якое раней гадала ды і сёння гадуе яго духоўна, жывячы творчыя сілы»;³⁴

– белорусский советский критик Г. Берёзкин: «Р. Бородулин хорошо владеет не только языковой заинтересованностью» (Б. Ларин), но и заинтересованностью образной, ассоциативной, ритмической и она-то приближает очень национальный, очень «белорусский» талант Бородулина к романтически-интенсивным, «условным» стилям советской поэзии. К Маяковскому, к молодым Асееву и Тычине с их интереснейшими попытками сочлениить традиции славянского эпоса, народную песню и миф, и самую горячую, самую насущную современность»;³⁵

– белорусский советский критик А. Семёнова: «Часам здаецца, што паэт трымае ў руках пярэ самага Купалы – такая крылатасць і ёмістасць, і адметнасць у сказаным. Пры гэтым словы набываюць куляшоўскую выверанасць і строгаць. Або пачуецца замілаванасць і сярдэчная шчымлівасць Петруся Броўкі. Плыткі, музычны метафарызм Лоркі, складаная асацыятыўнасць Іожэфа»;³⁶

– известный советский литературовед и литературный критик Ю. Суровцев: «...тонкообразные стихи его (Р. Бородулина. – А.Р., Ю.Р.), отлич-

³⁴ Арочка, М. Галоўная служба паэзіі / М. Арочка. – Мінск, 1974. – С. 52–53.

³⁵ Берёзкин, Г. Я – сын земли, наследник хлебопашцев / Г. Берёзкин // Юность. – 1977. – № 7. – С. 93.

³⁶ Сямёнава, А. Шчодры абсяг паэзіі / А. Сямёнава // Польша. – 1979. – № 4. – С. 242.

но играющие многоцветьем слова, не несут на себе ни малейшего отблеска символизирующих авторских намерений».³⁷

Мнения специалистов, на наш взгляд, в определённой мере коррелируются с собственно-бородулинской творческой сверхзадачей поиска смысла жизни, понимания общественного назначения Человека, выполнение им своего человеческого (и божественного) предназначения:

*Жыццё пражыўшы на зямлі, сусед,
Багацце нажывёш ці мазалі.
Не думай, што бярэш у сталы свет.
Падумай, што пакінеш на зямлі.³⁸*

(выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)

Он более пристально всматривается в окружающий мир, постигает внутренний мир и сознание личности, права человека на индивидуальность, самостоятельность выбора и решений: «Хоць ісціна адна, усё ж сам ёю думку растрывож!». Об отказе от самоуспокоенности свидетельствуют вопросы, поставленные поэтом перед собой в стихотворениях 1970-х – 1980-х годов: «Куды ж так імчаўся на злом галавы, каго я гукаў і шукаў?», «А дзе той прытулак?», «У чым жа існасць існавання?..», «Кім я стану пасля?», «Што скажуць людзі пра мяне?», «Як, неспакойны, спакою заручыся?». Ответом на них могут быть авторские слова о неутомимости человеческого сознания, её бесконечности. «Пакуль жывеш, датуль пытайся. Пытаннем сутнасці жывеш...». Лирический герой и Человек, таким образом, становятся своеобразным инструментом поэтического осмысления действительности. Как отмечает поэт:

*Нам перадаць імкнецца час
Усе свае прыкметы,
Пакуль над сонцам
Круціць нас
Ганчарны круг планеты.*³⁹

В поэтической борьбе за духовность личности Р. Бородулин, ничуть не стесняясь, использует и такие жанры, как юмор и сатира (а иногда и сочленённость лирики и юмора), объединив произведения этого цикла в сборниках «Клюквинка», «Кстаті», «Мудрец со ступою» и других своих книгах (как он сам шутливо замечает – «врассыпку»). Весёлые и юмористические стихотворения, пародии, эпиграммы, миниатюры, гневные реплики, «усмешкі-пераўсмешкі», с одной стороны, и шутка, ирония, гротеск, самобытный юмор, свежие рифмы, слова-образы – с другой, – всё по-бородулински, направлено на то, чтобы помочь Человеку смехом или лёгким юмором, дружеским советом или едкой иронией избавиться от своих недостатков. Тон его произведений умеет резко меняться. И делается это для того, чтобы сатирическим искусством бить «не в бровь, а в глаз». И предлагаются читателю следующие строки (актуальные, на наш взгляд, и сегодня. – А.Р., Ю.Р.):

*Сем пядзяў – без шасці – у ілбе.
П'е ўдосыць без прынукі.
Такі пудлівы,*

³⁷ Правда. – 1983. – 5 сентября.

³⁸ Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1976. – С. 7.

³⁹ Там же.

*Што сябе
Узяць баіцца ў рукі!⁴⁰
(«Празмерна пудлівы»)*

*Уранні хапала
Пітва і запалу,
Пад вечар сказаць бы маглі:*

*«Нага чалавечая тут не ступала».
Бо поўзалі ўсе па зямлі.⁴¹
(«Выезд на прыроду»)*

*Ідуць турботы чарадой,
І ўсе яны канкрэтныя,
Не грэх і піва ўзяць парой
З сябрамі
За дэкрэтныя...⁴²
(«Мнагадзетны бацька»)*

Юмористические стихи Р. Бародулина, по меткому выражению одного из критиков, представляют собой глубокие колодцы, в которых вода Криничной свежести. В бородулинских стихах вся соль, ядро замысла – в сюжетно-обострённых концовках. Таких, как в стихотворении «Чуть-чуть опоздал» («Крыху спазніўся»):

*Вясёлы быў адказ:
– Як раз
Памылка адбылася.
Прыйшлі вы ў пяты клас,
А ў вас
Дачка ўжо ў восьмым класе!⁴³*

Особое место среди сатирически-юмористических произведений «лісты, паштоўкі, тэлеграмы», посвящённые литературному творчеству, коллегам по перу, деятелям художественной культуры союзных республик. Чувством дружбы, взаимопонимания и глубокого уважения проникнуты бородулинские послания К. Кулиеву, Д. Павлычко, Г. Эмину, землякам-белорусам И. Лученку, Г. Цитовичу, Г. Вагнеру, О. Лойко, Н. Гилевичу, В. Короткевичу, С. Гроховскому, П. Пестраку, А. Бачило, М. Танку, А. Велюгину и многим другим деятелям белорусского искусства. Вот некоторые из них:

– посвящение Ивану Науменко:

*Не упершыню
ў саліднай прозе
Шумелі сосны пры дарозе,*

⁴⁰ Барадулін, Р. Прынамсі... Вясёлыя вершы, закаханы гумар, пароды, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1977. – С. 32.

⁴¹ Там же. – С. 67.

⁴² Барадулін, Р. Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1988. – С. 64.

⁴³ Там же. – С. 69.

*Гулі дубы,
Цвілі таполі, –
Наогул.
Дроў у нас даволі!..⁴⁴*

– Янку Скрыгану:

*Хоць піша Янка не пагана,
Чытач злуецца на Скрыгана:
Замала новага дае,
А толькі
пера –
вы –
дае...⁴⁵*

– Игорю Лученку:

*Па хвалях нот
Кіруй чайноч.
Дарога ў вечнасць не прамае.
І мора славы, Лучанок.
Настырных стырнавых прымае.
Для слухачоў эстрады – пляж.
У музыцы, князь Ігар
Княж!⁴⁶*

Нельзя оставить без внимания раздел «Мини-стрелы в менестрелей» («Міні-стрэлы ў менестрэляў» из книги «Мудрец со ступою»). Упоминаются всего лишь несколько фамилий, а вся ирония, сарказм, хитроватые намёки, едкие словца – всё направлено на главное – требовательность к поэтическому мастерству, авторская ответственность за поэтическое слово. В экспромтах Р. Бородулина можно прочесть, «не пожелание поэта-сатирика своему другу лирику: «Якраз і смехота ўся... у тым, што ты за вершы ўзяўся», узнать о стремлении начинающих к славе: «Я шлях да славы карачу: «Пісаць няма калі – крычу! Ажно ахрып, абліўся потам. Майстэрства? Думкі?... Прыйдучь потым!», и очень своевременное пожелание: «Яшчэ б я звання ўвёў адно – «Засушаны дзеяч культуры» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). Было бы очень неплохо, если бы с этими мыслями Р. Бородулина знакомили все идущие под «крыло Пегаса».

Есть в творчестве Р. Бородулина ещё одна тема, которая, на первый взгляд, хотя и не отражает большие события, но без которой сегодня нельзя вести знакомство с поэтическими сборниками «Зевает ли бегемот?», «Апрель», «Ай! Не буду! Не хочу!», «Раскидач», «Суровый выговор», «Что было бы тогда, если б», «Кошки в кошёлке» и другими свидетельствующими, что к детям обращается старший товарищ, внимательный педагог, тонко понимающий детскую душу. Его стихи, в которых использованы различные ритмы и интонации, позволяют и самым маленьким и более взрослым читателям глубоко понять окружающий мир, учат детей любить и понимать природу, знакомят их с неповторимым богатством народного творчества и родного белорусского языка. В детских

⁴⁴ Барадулін, Р. Журавінка: гумарыстычныя вершы, пародыі, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1973. – С. 128.

⁴⁵ Барадулін, Р. Прынамсі... Вясёлыя вершы, закаханы гумар, пародыі, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1977. – с. 128.

⁴⁶ Там же. – С. 238.

стихах, – как это подчеркивает один из литературных критиков В. Машков, – «поэт остаётся сам собой, он не отказывается ни от сложных, неожиданных образов, ни от аллитераций или корневых рифм, одним словом, работает в детской поэзии во всеоружии мастерства и опыта».⁴⁷ Один из примеров – стихотворение «На шоссе и у шоссе» («На шашы і ля шашы»), ставшее почти хрестоматийным. Поэт обыгрывает только одну букву, а детям удалось познакомиться с десятком слов, обогатить свой языковой запас, музыкальный слух и поэтический вкус:

*Штохвілінна на шашы
Шумна, як на кірмашы,
Шоргат,
Шорах,
Шум птушыны.
За машынаю машына.
Нешта шэпча
Шына шыне.
Шпак шыкуе
На шыпшыне.
А пад шатамі ў цішы
На ляшчыне спарышы.
У капелюшы спарыш.
Птушкай спарыш,
малыш!
Шпарка па шашы ў кашы
Пашыбуюць спарышы.
Шэпча шустрая шаша:
– Не спяшайцеся, ша-ша...*

Обратимся, к примеру, к сборнику «Зевает ли, бегемот?». Из раздела первого, в котором через весёлые стихи, дети узнают, как заяц стал долгоухим, почему зелёный коник «хоча купіць парасонік», что такое босые конфеты и т.п. А попробуй, сегодняшний читатель, ответить на вопрос, что это за «штука» варголы? Не пытайтесь, ответа не найдёте. А поэт, оказывается, знает, что это такое. Оказывается, это «яда» (еда), которую бабушка готовит для своей капризной внучки. «Злосць зняло як рукой, позірк стаў ласкавы, бо малая такой не спытала стравы». А что такое «Раскидач?». «Нежаданы гэты госць раскідае ўсё, як ёсць. На падлозе мішкі, кніжкі, на падлозе міскі, лыжкі. Небарачка-качка крача. Пад канапу скача мячык, і злятае са стала бедны певень без крыла». Почти что в сказочном стиле поэт рассказывает детям, почему рак сделался красным. «Захацелася памыцца раку неадкладна. Авадні два дні награвалі камяні, камары ў тры пары падавалі пары. Малайцы-плавунцы дужа шчыра без супынку спінку шаравалі жвірам. Шчупакі-дадзягі венікам з бадзягі рак так хвасталі, покуль не прысталі. І цяпер крычаць вароны, «як ррак чыррвоны!».

А какими привлекательными для детского читателя выглядят книги «Индыкало-кудыкало», «Раскидач», «Азбука – не забава». Выскажем своё мнение – «Азбука – не забава», вводящая детей дошкольного возраста в «красивый» (книгу с высоким художественным мастерством оформил художник А. Александрович) мир начальной грамотности.

⁴⁷ См.: Нёман. – 1970. – № 6. – С. 188.

Не будет преувеличением сказать, что белорусская детская литература в «недетском» поэте Р. Бородулине обрела нового и неповторимого автора, постоянно находящегося в поиске новых художественных приёмов, необычных, весёлых, привлекательных тем и сюжетов, надолго захватывающих внимание юных читателей. Автор не становится в позу воспитателя, не подделывается под детей, он ведёт разговор с ними натурально, красиво и выразительно. Язык его произведений самобытный и оригинальный, поистине неисчерпаемый, обогащённый глубинными народными мотивами, имеет необходимое для детского слуха музыкальное звучание. Используемые им гиперболы-преувеличения, гротеск, комические ситуации героев, небылицы, самобытные загадки, занимательные скороговорки, сказки превращают серьёзные темы в захватывающие путешествия по жизни, помогает детям глубже понять окружающий мир, будит у них здоровые эстетические чувства.

Этот короткий экскурс в детское творчество Р. Бородулина вполне оправданно можно завершить такими словами – для поэта всё было просто, но не упрощённо, виртуозно, но понятно, захватывающе-воспринимаемое детским читателем: важно было, чтобы его эмоционально-насыщенное сердце работало в тесном созвучии с сердцами будущих великих открывателей и изобретателей.

И ещё об одном, далеко не второстепенном элементе в поэтическом творчестве Р. Бородулина. Это необычная чуткость, можно сказать даже влюблённость в родное слово, чудное умение заставить это слово зазвенеть, заблестеть всеми цветами и оттенками. Глубокое изучение родного белорусского языка, его говоров. Найденные им слова излучают запах родной земли, звучат на языке родной природы, светятся множеством разных цветовых оттенков. «Як жыта спрадвечная Беларуска мова!» – пишет в одном из своих стихотворений Р. Бородулин-поэт, произведениям которого особое звучание и свежесть придаёт использование им древнеславянских и древнерусских слов. Органическое сочетание глубины народных истоков, фольклорного начала и современных ритмов и широкое применение сравнений, ярких метафор, сложных созвучий, открытость эмоций, изобретательность и неожиданная рифма, богатая лексичность придают художественной форме содержательность и пластическую объёмность. Однако высшее выражение формы совсем не является планом художественного конструирования, голым формотворчеством (хотя некоторые литературоведы именно за это упрекают автора), а результат повседневного, познавательно-жизненного опыта, поэтического таланта нашего земляка, разрушительно действующего на ещё бытующий серый, усреднённый язык. Он постоянно ищет и находит в лексике живых диалектов языка удивительно красивые и точные слова и смело вводит в собственный поэтический мир, в котором постоянно соединяется художественность образа с ассоциацией символа и рождаются стихи с аналитикой реальных жизненных проблем, той аналитикой, в которой даже звуки вступают в процесс творения художественного образа. Вот оно авторское осмысление и признание: «Я ў роднае слова вярнуўся, без яго сірата сіратою».

Бородулинские лексические новообразования, имеющие в своей основе устное поэтическое творчество позволяют ему выходить на более масштабный уровень художественного обобщения действительности, преобразовывать «бытавую дакладнасць у дакладнасць паэтычную» (А. Русецкий), поднимать в сознании читателя новые и новые нравственно-эстетические позиции.

Творчество писателя и поэта характеризуется его принадлежностью времени, опыту народа, воплощённого в личном художественном опыте, новым постоянным осмыслением накопленного духовного состояния. Можно утверждать, что всем этим требованиям творчество Р. Бородулина во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов соответствует в полной мере. Обострённое чувство патриотизма в сочетании с высоким художественным мастерством, его

стремление видеть и чувствовать Родины «абсяг», видеть жизни «неруш», помнить об ушачском озере Вечелье и не оставаться в «самоце паломніцтва» свидетельствует об активности гражданской и творческой позиции поэта. Для подкрепления наших мыслей прибегнем к авторитету Народного поэта Беларуси П. Панченко, высказавшегося в стихотворении «Происхождение моего друга Рыгора Б.» («Паходжанне майго друга Рыгора Б.»):

*Ты прыйшоў з вайны і гора,
Ты – з малітвы,
Ты з разгневанага бору,
Ты смалісты.
Сто паэтаў цягнуць хорам,
Ты салістам,
Ты нібы святло ў лесе.
Ад каліны,
Ты ад самай добрай песні –
Ад Куліны.⁴⁸*

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Барадулін, Р. Неруш: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1966.
2. Барадулін, Р. Адам і Ева: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1968.
3. Барадулін, Р. Лінія перамены дат: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1969.
4. Барадулін, Р. Экзамен: вершы / Р. Барадулін. – Мінск, 1969.
5. Барадулін, Р. Ай! Не буду! Не хачу: вершы / Р. Барадулін. – Мінск, 1971.
6. Барадулін, Р. Вяртанне ў першы снег: вершы і паэмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1972.
7. Барадулін, Р. Журавінка: гумарыстычныя вершы, пароды, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1973.
8. Барадулін, Р. Рум: новая кніга лірыкі / Р. Барадулін. – Мінск, 1974.
9. Барадулін, Р. Балада Брэсцкай крэпасці / Р. Барадулін. – Мінск, 1975.
10. Барадулін, Р. Суровая вымова: вершы / Р. Барадулін. – Мінск, 1976.
11. Барадулін, Р. Прынамсі...: вясёлыя вершы, закаханы гумар, пароды, эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1977.
12. Барадулін, Р. Абсяг: лірыка / Р. Барадулін. – Мінск, 1978.
13. Барадулін, Р. Ці пазяхае бегемот?.. Вясёлыя вершы, казкі, прыбабунькі / Р. Барадулін. – Мінск, 1980.
14. Барадулін, Р. Паэмы прызнання / Р. Барадулін. – Мінск, 1982.
15. Барадулін, Р. Амплітуда смеласці: і лірыка, і гумар / Р. Барадулін. – Мінск, 1983.
16. Барадулін, Р. Абразы без абразы: сяброўскія шаржы і эпіграмы / Р. Барадулін. – Мінск, 1985.
17. Барадулін, Р. Маўчанне перуна: новая кніга / Р. Барадулін. – Мінск, 1986.
18. Барадулін, Р. Парастак радка, галінка верша: артыкулы, эсэ / Р. Барадулін. – Мінск, 1987.
19. Барадулін, Р. Мудрэц са ступаю: радкі ў гумары і наравістая паэма / Р. Барадулін. – Мінск, 1988.
20. Барадулін, Р. Самота паломніцтва: кніга паэзіі / Р. Барадулін. – Мінск, 1990.
21. Гарэлік, Л. Зямля бацькоў дала мне права / Л. Гарэлік. – Мінск, 1983.
22. Русецкі, А. Ісці да чалавека / А. Русецкі. – Мінск, 1987.

⁴⁸ Панчанка, П. Маўклівая малітва / П. Панчанка. – Мінск, 1981. – С. 55.

ПЕТРУСЬ БРОВКА*

Многа напісана добрых артыкулаў і нават цэлых даследаванняў аб творчасці Петруся Броўкі. Не раз пісаў аб ім і я. Але дагэтуль нідзе не прачытаў і сам не здолеў вызначыць для сябе ды назваць людзям тую сілу, якая закладзена ў яго паэзіі. Ведаю толькі, што гэта сіла сапраўды значная і глыбока чалавечная, калі ворагі людзей караюць за яе смерцю тых, хто параджае і гадуе сейбітаў добрага і чулага слова.

Не адразу на поўны голас загучала гэта сіла ў творчасці П. Броўкі. Яе пошукам, пошукам глыбокай праўды і таго адзінага жывога слова, якое магло б данесці гэту праўду да чалавечага розуму і сэрца, паэт прысвяціў усё сваё жыццё і пошукі гэтыя вяліся не на вузкіх крывых сцежках, не ў цёмных закутках, а на галюўных магістралях жыцця і барацьбы народа за свой сучасны і будучы лёс.

П. Глебка

1966–1980 гг. стали для Народного поэта БССР **Петруся Бровки** поистине знаменательными. Он известен не только как поэт. Петр Устинович – активный общественный деятель – Секретарь правления Союза писателей БССР, Член Центрального Комитета КПБ, Депутат Верховного Совета СССР, почетный гражданин г. Минска (1980), организатор и главный редактор Белорусской советской энциклопедии (в 1976 г. за участие в издании БСЭ получил Государственную премию БССР), Герой Социалистического Труда (1972). Его имя хорошо известно научной общественности – в 1966 г. он избран академиком Академии наук БССР, в 1975 г. удостоен звания «Заслуженный деятель науки БССР». Высшим достижением литературного творчества стали сборники «Всегда с Лениным» («Заўсёды з Леніным», 1967), «Между красных рябин» («Паміж чырвоных рабін», 1969). В 1970 г. удостоен Государственной премии БССР имени Я. Купалы, «Пожалуйста» («Калі ласка», 1972), «И днем, и ночью...» («І ў дзень, і ў ночы...», 1974), книга прозы «Вместе с комиссаром» («Разам з камісарам», 1974). В 1965–1966 гг. из печати выйдет первое собрание сочинений в 4 т., в 1975–1978 гг. – «Собрание сочинений» в 7 т., в 1981–1982 гг. четырехтомное собрание сочинений Петруся Бровки будет издано в Москве. В 1987 г. издано посмертное «Собрание сочинений» в 9 томах.

В определенном нами изучаемом периоде были изданы «Стихотворения и поэмы» («Вершы і паэмы», 1966 – в серии «Школьная библиотека»), «Всегда с Лениным» («Заўсёды з Леніным», 1967), «Между красных рябин» («Паміж чырвоных рабін», 1969), «Пожалуйста» («Калі ласка», 1972), «И днем, и ночью...» («І ў дзень, і ў ночы...», 1974), «Вместе с комиссаром» («Разам з камісарам», 1974), «Что сердце пропело» («Што сэрца праспявала», 1979 – в серии «Библиотека белорусской поэзии»), «И молодость и зрелость» («І маладосць і сталасць», 1980), «Донька-Даниэль» («Данька-Даніэль», 1982), «Советский человек»

* О начальном, военном и послевоенном творчестве П. Бровки мы писали в книгах: Русецкий, А.В. Литературное творчество в системе художественной культуры Витебщины (1918–1945) / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск, 2009. – С. 176–178, 205–207; Русецкий, А.В. От земли Поозерской...Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965 гг.) / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск, 2010. – С. 7–25.

(«Савецкі чалавек», 1985), «Моя Родина» («Мая Радзіма», 1985). Книги П. Бровки издаются и за пределами Беларуси. К примеру, московскими издательствами предложены читателю более двадцати стихотворных и прозаических сборников, украинским – около десяти книг и т.д.

В течение 15 лет (1966–1980) стихи, поэмы, повести, рассказы, эссе, юмористические зарисовки П. Бровки печатаются в коллективных сборниках белорусских авторов: «Дзень паэзіі-66, 67, 69, 71, 72–80», «Табе, Беларусь», «Наша рэспубліка», «Подвиг народа бессмертен», «Рэха ў граніце», «Слухайце, Хатынь!», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Адданаць», «Узбекістану», «Земля с лазурнымі очамі», «Братэрства», «Слова аб роднай прыродзе», «Горад і гады», «Зорка-Венера», «Хрэстаматыя па беларускай дзіцячай літаратуры», «Арлянтам: анталогія беларускай дзіцячай літаратуры», «Беларускі савецкі нарыс» и др. Без произведений П. Бровки нельзя представить белорусскую литературную Лениниану. Он – автор книг «Наш дарагі Ільч», «З Леніным у сэрцы», «Вобраз вечна жывы, любімы», «З Леніным заўсёды Беларусь», «Ленін з намі», «Промні Кастрычніка» и др. Его стихи включены в уникальное трехтомное издание «Поэзия Европы».

П. Бровка активно сотрудничал с редакциями союзных газет («Правда», «Известия», «Советская культура», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Книжное образование») и журналов («Новый мир», «Москва», «Искусство кино», «Вопросы литературы», «Юность», «Культура и жизнь», «Литературное обозрение» и др.). Его постоянно печатают республиканские («Звезда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Настаўніцкая газета», «Во славу Родины», «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Піянер Беларусі», «Зорка») и областные газеты («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Магілёўская праўда», «Гродненская правда», «Заря»). Поэт часто печатался в Минской городской газете «Вячэрні Мінск» и газете белорусских поляков в Белостоке «Ніва». С его произведениями постоянно встречались читатели республиканских журналов «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Беларусь», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка» и др.

Поэзия, проза, публицистика П. Бровки переведены более чем на 40 языков народов мира, в т.ч. русский, украинский, абхазский, аварский, азербайджанский, алтайский, английский, армянский, болгарский, башкирский, венгерский, грузинский, сербский, испанский, казахский, калмыцкий, киргизский, китайский, латышский, литовский, марийский, молдавский, монгольский, немецкий, осетинский, польский, французский и др.

П. Бровка не оставался в долгу перед зарубежными переводчиками. Белорусскому читателю известны сделанные им в эти годы переводы с русского, украинского, азербайджанского, армянского, грузинского, еврейского, латышского, польского, узбекского, французского языков.

Завершая краткую биографическую справку о Народном поэте Беларуси, отметим, что имя поэта присвоено издательству «Белорусская энциклопедия». Сельскохозяйственному кооперативу «Новая жизнь» и Великодолецкой средней школе. Его именем названы улицы в Минске, Витебске, Гомеле, Полоцке и Ушачах. В Минске действует мемориальный музей П. Бровки. А на доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска.

* * *

Литературное наследие П. Бровки во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. – это яркий пример самобытности национальной формы, исключительной целостности гражданских и патриотических качеств характера, гармоничность в выявлении личного и общественного, национального и общечеловеческого, традиционного и неповторимого. Из этой наиболее общей характеристики вытекают те

составляющие элементы, которые и позволяют читателю понимать и воспринимать творчество П. Бровки как единый целостный порыв. Пронизанный искренностью лирических интонаций, исповедальностью поэта, его жизнелюбием, стремлением зажечь читательское сердце и собственным автобиографизмом, и высоким гражданским пафосом, и такими размышлениями над сложностью человеческого бытия, красотами родной природы, любовью к своей «малой родине».

Что же характерно для творчества П. Бровки второй половины 1960-х – начала 1980-х гг.? На наш взгляд, это:

– концентрированность и в поэзии, и в прозе не только личного полувекового духовного и жизненного опыта, но и опыта народной жизни, соединивших воедино эмоциональное «внутреннее» и драматически-национальное «внешнее»;

– гражданственность лирики, насыщенной оптимизмом, своеобразием патриотическими монологами, яркими автобиографическими деталями, аналитичностью размышлений об идеале и смысле жизни, богатством народного миропонимания;

– многообразие тем, сюжетов, красок, литературных приемов, позволяющих вести разговор с читателем «открытым текстом», просто и понятно, не прибегая к иносказаниям, скрытому подтексту, недомолвкам или «ассоциативному бормотанию»⁴⁹;

– содержательность поэтического творчества, основанная на единстве формы и содержания и с одинаковой эмоциональной силой проявляющаяся и в публицистических стихах и в интимной лирике;

– народность поэтики, выраженной не только в художественной форме, пусть во многом и фольклоризированной, а в постижении философии и этики Человека, в личной заинтересованности и ответственности за судьбы Родины, родных и близких ему людей;

– гуманистическая направленность творчества, в которой есть место уважению к народной традиции и духовному наследию народа и памяти, пронизывающей толщу прожитых лет, и трагедийные события Великой Отечественной войны, сыновья любовь к родной Ушаччине, борьба за мир и гневный протест против западных организаторов новых военных авантюр;

– наконец, высокая языковая культура, в которой он строг и искренен, в которой нет «цветения речи» и которая проста и содержательна, наполнена динамикой жизни, верой в безграничные возможности Человека.

* * *

И поэтический сборник «Меж красных рябин», и книга стихов «Пожалуйста...», вышедшие из печати на рубеже 1960-х – 1970-х гг., и издания более поздних лет стали убедительным подтверждением, что поэт, как и ранее, зорко всматривается в окружающую его действительность, как и ранее ощущает пульс беспокойного времени и свою причастность к народным успехам и неудачам. Поэт С. Граховский после выхода в свет книги «Меж красных рябин» с легким юмором заметил, что П. Бровка «в том мудром возрасте, когда приходит «сталасць», а не старость, «калі па жылах бунтуе творчы сок», поэт на том перевале, откуда так четко просматривается прошлое и настоящее и так зримы черты грядущего»⁵⁰. В унисон белорусскому поэту высказывается известный советский литературовед Е. Осетров. В рецензии на московское издание книги «Я вам скажу...» («Я вам скажу...», 1971) он подчеркнул: «Книга «Я вам скажу...» объединяет стихи, написанные народным поэтом Беларуси в 1967–1970 годах. Мне представля-

⁴⁹ Грахоўскі, С. Калі радок з душой адліты / С. Грахоўскі // Польшыя. – 1969. – № 9. – С. 232.

⁵⁰ Сельская газета. – 1970. – 17 марта.

ется, что по своей тематической широте, художественной завершенности, по органичному сплаву народности и современности – этот сборник значительная веха не только в биографии поэта, но и выдающееся событие в белорусской поэзии, которая стремится развиваться»⁵¹.

И что привлекает? Как будто мнения белорусского и московского авторов были согласованы с мнением самого П. Броўки. В сборнике «Меж красных рябин» в стихотворении «Зрелость – старости» он написал:

*Кажуць, ты сталы таварыш,
Такі надыйшоў гадок.
А сталасць – гэта не старасць,
Сталасць – калі па жылах
Бунтуе творчы сок.*

.....
*Сталасць клапоціцца дбала
І не баіцца нягод,
Сталасць – прыцэл удалы,
Сталасць не знае хістанняў,
Сталасць увысь палёт.⁵²*

И свою позицию, полную бунтарской силы и жизнелюбия, поэт подтверждает в стихотворении «Я сам – рака!» (сборник «Пожалуйста»):

*Люблю я дум палёт узнёслы,
Імклівы рух – пакуль живу –
Рака я,
Не ставок зарослы,
І кожнай хваляю плыву.⁵³*

А дальше мы видим, что жизненная настроенность, его общественная деятельность, диапазон и социально-моральные горизонты поэзии выглядят очень широкими и привлекательными для читателя. Современное, нынешнее и прошлое, близкое и далекое, вся Беларусь и маленькая Ушаччина, молодость, предвоенные годы, память о войне, друзья, знакомые и малознакомые жители Витебщины, любовь, внутренний мир человека в самых разных его оттенках и проявлениях, движение человеческих характеров, гражданственность и лиризм поэзии – все становится ему «близка да души», будоражит душу эмоциями и переживаниями, желание быть участником и творцом происходящего. Читаем:

*Крыўдна да жалю, крыўдна да болю,
Крыўдна – хтось кінуў скарынку малую,
Крыўдна, што колас застаўся на полі,
Крыўдна – сьвярня пад снегам зімуе.*

.....
*Крыўдна за надвор’е не ў поўнай згодзе,
Крыўдна – не цалкам камандуем небам,
Крыўдна, што дні, як хвіліны праходзяць,
Крыўдна – што сам не зрабіў чаго трэба.⁵⁴*

⁵¹ Осетров, Е. Светлая криница // Правда. – 1972. – 2 мая.

⁵² Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 41.

⁵³ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 219.

И в этом процессе причастности ко всему происходящему в мире (у поэта есть стихи в защиту Вьетнама, спокойствия на Ближнем Востоке («Доллар-убийца», «В трубы трубите», «Черное предательство», «Две души» и др.) он находит яркие и очень точные детали в жизнедеятельности людей, движении их характеров, их включенности в судьбы мирового процесса. Перед читателем тот случай, когда, казалось бы, незначительные детали в поэтическом сознании становятся «играющими», необычно мобилизирующими в «хождении» по годам жизни поэта, овеянным романтикой юности, всего прожитого и пережитого. Это и одеваемый через голову пионерский галстук («*Мы першы галштук надзявалі, не ўмеючы, праз галаву*») («Моя Советская власть» («Мая Савецкая ўлада»)), это и индивидуальная судьба человека, безоговорочно принявшего революцию («Ячейка» («Ячэйка»), «Синяя блуза» («Сіняя блуза»)), это и белорусский пастух, досматривающий стадо с транзистором в руках («Пастух з транзисторам» («Пастух з транзістарам»)) и даже американский, похожий на белорусского, скворец («Как мы разговаривали со скворцом...» («Як мы размаўлялі са шпаком...»)) Жизненные эпизоды, всего раз увиденные поэтом, превратились во впечатляющие литературные образы.

В нашем прочтении поэтических произведений А. Бровки, память – это не просто категория морали, это убедительная ступень к пониманию такой глобальной темы творчества, как преемственность поколений в разных социальных условиях продолжающих дело революционного Октября. Связующим звеном в этой цепи поколений, по П. Бровке, выступает своеобразный (в некотором роде, философский) мост, переброшенный через глубокую реку жизни, в которой есть и перекаты, и водовороты:

*Паўзлі нягоды чарадой,
Ды мост знішчыць беды не змагі,
Бо сэрцаў моц, бо сэрцаў моц
(всех этих поколений – выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)
Ямы падпоркамі былі.
А пlynкі ўсё далей, далей,
Рака жыцця далей цячэ,
Дзівосны мост, выносны мост, –
І шмат нязнанага яшчэ...⁵⁵*

По лестнице десятилетий проводит поэт читателя в стихотворениях «Нас революция разбудила» («Нас рэвалюцыя ўзбудзіла»), «Кремлевские звезды» («Крамлёўскія зоркі»), «Четыре штыка под Минском» («Чатыры штыкі пад Мінскам»), «На площади Победы» («На плошчы Перамогі»), «Минута молчания» («Хвіліна маўчання»), «Дума о Вере Хоружей» («Дума пра Веру Харужую»), «Наша смена» («Наша змена»), «Высокая у отечества крона» («Высокая ў Айчыны крона») и др.

Однако в поэтическом творчестве П. Бровки есть тема, к которой он обращается и в начале творческого пути, и в пору поэтических исканий 1950–1960-х гг., и в пору своей «сталасці». Это тема любви, которая, пусть как и «недопетая песня» (К. Буслов), но пронизывающая все творчество поэта. В лирической поэзии нашего земляка любовь предстает во всем многообразии оттенков человеческих чувств, а стихи полны лирической глубины и поэтичности. По сути, им для лирического героя создается идеальная модель большой любви,

⁵⁴ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 11.

⁵⁵ Броўка, П. І ўдзень, і ўночы...: новая кніга лірыкі / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 170.

нравственно благородной, пронизанной и болью сердца, и эмоциями, и личными авторскими переживаниями и размышлениями. В качестве примера, на наш взгляд, можно прочесть стихи «Дударь» («Дудар»), «Белая ромашка» («Белая рамашка»), «Скрипка» («Скрыпка»), «Ты щедрым будь» («Ты шчодры будзь»), «Тебя я звал всегда милой...» («Цябе я заў заўсёды мілай...») и др. Но эмоциональнее всего звучит стихотворение «А где она?» («А дзе яна?»), в котором и светлая тоска о давней любви, и воспоминания о той единственной, и память слиты воедино:

*Я ўсё сцярплю, дарую, змойчу,
Хоць рана ў сэрцы не адна.
Ды клён пад вокнамі лапоча:
– А дзе яна?*

*А ноч якая! Свеціць месяц,
Расінка кожная відна.
Пытаецца сцяжынка ў лесе:
– А дзе яна?*

*Даўно адзін, як і сягодня,
Ужо каторая вясна,
І рэчка хвалямі гамоніць:
– А дзе яна?*

*Ну што ж, я адкажу вам з болям,
У гэтым не мая віна.
Спытайцеся вятроў у полі:
– А дзе яна?⁵⁶*

Читаем еще одно свидетельство непреходящей любви лирического героя:

*Цябе я заў заўсёды мілай,
Не спаў аж да світальных рос,
А ты мяне тады вадзіла,
Як і другіх такіх, за нос.
Ды час ідзе без перастання,
І ты сама – ў сівым вянку.
Не нас цяпер, маё каханне,
А ўнукаў водзіш за руку.⁵⁷*

И еще одно стихотворение, раскрывающее душевные качества героя, его природный такт, мягкость человеческих характеров, чистоту моральных отношений.

*Іх двое, зліўшыхся стаяла,
Не разлічыць ніяк галоў,
Як быццам хмара пакрывала
Касцёр ільняных валасоў.*

⁵⁶ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 50.

⁵⁷ Там же. – С. 52.

*Было ім цяжка раз'яднацца,
Адно, што бачылася мне:
Пяшчотныя дзяўчыны пальцы
На закаханага спіне.
Я поблізу ішоў дарогай,
Хацеў мінуць. Не змог аднак.
Яны не бачылі нічога.
А я не бачыў лепей так.⁵⁸*

Мы не можем не согласиться с мнением известного белорусского литературоведа и литературного критика А. Мартиновича, который писал: «Асабліва прываблівае броўкаўская лірыка кахання апошніх двух дзесяцігоддзяў жыцця паэта. І радасці, і расчараванні – усё гэта адчувае лірычны герой паэта. І, як заўсёды, шчыры ў сваіх пачуццях, ён ведае: яго зразумеюць правільна. Не могуць не зразумець»⁵⁹.

Также объемно и впечатляюще раскрывается поэтом такая нравственная категория, как память. Смеем утверждать, что память-воспоминание – это та же история, те же документы, подтвержденные жизнью автора. Живое слово очевидца, да еще художника, придавшего им силу эмоционального воздействия, поднявшего до художественного образа. А правда, ставшая искусством, обладает громадной духовно-нравственной силой. Его стихи-воспоминания «Я был селькором» («Я быў селькорам»), «Из юношеских дней» («З юначых дзён»), «Огни Октября» («Агні Кастрычніка»), «Как молодо мы жили» («Як молада мы жылі»), «Года прошли, как временные гости...» («Гады адышлі, як часовыя госці...»), «Был юношей...» («Быў юнаком...»), «Юношам Отечественной» («Юнакам Айчыннай»), «Раненый» («Паранены»), «Моя лодка» («Мой човен»), «Вкуснее было...» («Смачней было...») и др.

*... юнацтвам кожны ганарыцца,
Няблага ў вечар і старым,
А чым бы захацеў зрабіцца,
Калі б не шчасце быць жывым?⁶⁰*

Мысли лирического героя сформулированы просто, без лирических «хитринок», излишней сентиментальности, но в них создан точный социальный и политический портрет 1920–1940-х гг., постоянно пульсирует живая, идейно и художественно зафиксированная связь времен – 20-х, 30-х, 40-х годов с современностью. Его беспокойному, сильному духом герою до всего есть дело. Не сбиваясь с дороги, он шагает «як рэвалюцый салдат», доставляет в село новости, принимает участие в коллективизации, в борьбе с фашизмом, в восстановлении народного хозяйства, разрушенного войной.

*Иду... А ў сэрцы след за следам
Кладзеца, як жыцця пячаць.
Я рады, што нямала звездаў,
Што ёсць пра што
І ўспамінаць...⁶¹*

⁵⁸ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 106.

⁵⁹ Марціновіч, А. Чабарова песня, чабарова / А. Марціновіч // Польша. – 1981. – № 7. – С. 252.

⁶⁰ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 37.

⁶¹ Там же. – С. 23.

В стихах-воспоминаниях обычное, повседневное звучит поэтически; общеизвестное принимает черты особенного, эстетически интересного, ибо оно вытекает не только из народного эстетического идеала, но и из лично пережитого, складывается из деталей колоритных, запоминающихся:

*Але найлепей думка наша,
Між розных выбараў такіх –
Вароная капуста з кашай
Альбо са скваркай буракі.
А мы меню маглі і множыць,
Малым ішло ў смак душы –
Смала ад вішні, сок бярозы,
Замест цукерак ледзяшы.
Чарніцы ў лесе, журавіны
Ды бручкі жоўтыя скрылі,
А праз саломку мёд чмяліны...
Ну што ж няблага мы жылі.⁶²*

Особо хотели бы отметить бровкинскую «Думу о бессмертии» («Дума аб бессмяротнасці»), в которой приехавший в родные места поэт будто на солдатскую поверку вызывает односельчан и земляков. Это и Кузьма Пилюта «з гадоў дваццатых трактарыст», и Егор Маковский, шофер, а потом храбрый партизан, Николай Дрозд, пчеловод, так «угощавший» врагов, что у тех и «вочы вылезлі на лоб», Якута Белосад, штурмовавший Берлин и сложивший там свою голову. У каждого из героев «Думы...» своя биография, свой подвиг. Через их жизнь и борьбу поэтом проводится глубокая философская мысль о бессмертности человека, непреодолимости жизни, ее диалектическом движении и развитии.

Здесь, на наш взгляд, следует отметить, что оживление былого, ретроспекция, никоим образом не является ностальгией. Сущность в пафосе, в авторской позиции, поэтической точке зрения, насыщенной высоким коэффициентом гражданственности. А на экскурсии в прошлое, на своеобразную исповедь перед читателем (пусть иногда и с налетом иронии) поэт с таким огромным жизненным и духовным опытом, каким обладал П. Бровка, имеет полное право. Как и право, чтобы заявить:

*Мы вышлі з цемнаты, нядолі і гора,
Мы самі свае распалілі агні.
Жыццё і барацьба нас з'ядналі. Як морам,
І мора не мае такой глыбіні.
Мы – кропля ды з кропляй прайшлі загартоўку,
З'ядналіся. Разам наперад нам пльць.
Хто мора падзеліць на кроплі ізнойку?..
Так нельга і нас па адным раздзяліць.⁶³*

Бровкинская «дзяціная» чистота, объединенная со зрелой мудростью и жизненным опытом, – отмечает поэт Г. Буравкин, – это и есть «той шчаслівы сплай, які звiніць найдаражэйшай песняй»⁶⁴. От стихотворения к стихотворе-

⁶² Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 174–175.

⁶³ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 107.

⁶⁴ Літаратура і мастацтва. – 1972. – 11 жніўня.

нию с разным интонационным насыщением, рассказывая о жизни и о себе, откровенно говоря о своем отношении к окружающим реалиям, ведя в них поэтический поиск, П. Бровка создает интересный и привлекательный, объемный, яркий в этико-эстетических и философских красках Человеческий Характер, основным, цементирующим ядром которого выступает личная обеспокоенность за судьбы людей и жесткая требовательность к самому себе: *«На сэрцы хмары, памылкі лічыш ты ў клецьбе. Не ведаю я большай кары, калі караш сам сябе»* (выделено нами – А.Р., Ю.Р.). Самобытная выразительность и своеобразная напевность его поэтической строки согласуется с образностью мысли, придавая поэтическому слову возвышенность и эстетическую привлекательность. И это слово усиливается неутомимым стремлением к познанию актуальных жизненных проблем, знакомству с новыми людьми. В стихах П. Бровки второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. нет места пессимизму, растерянности, утомленности поэтической души. В подтверждение несколько строк:

*Усю не звездаць рэчаіснасць
І не прайсці мне ўсіх дарог.
Хацеў бы быць я мнагаісным,
Як ва ўяўленні многіх бог.
Пазнаць сусвет, яго праявы,
Нідзе няма цяпер глушы...
Мне да ўсяго сягодня справа,
Усё мне блізка да душы.⁶⁵*

К месту будет и такое замечание: П. Бровка умеет взглянуть на себя со стороны, а это очень важная черта для того, кто пишет, и кто, таким образом, кого-то поучает... «Увидь себя – и увидишь человечество», – толковали когда-то философы. В отношении П. Бровки они ничуть не ошиблись.

Было бы нашей ошибкой умолчать о том, что в становлении характера советского человека играли свою роль и «дасціпны ленінскі погляд», и то, что люди «сэрцам з Леніным жылі», и то, что ощутил и понял сам поэт: *«Я адчуваю – мая песня таксама адсюль* (из послеоктябрьского времени. – А.Р., Ю.Р.) *прыйшла»*. Послеоктябрьскими, по сути, ленинскими мотивами пронизаны стихотворения «Солдат революции» («Салдат рэвалюцыі»), «А Ленин нам говорит...» («А Ленін нам кажа...»), «Ветеран» («Ветэран»), «Моя Советская власть» («Мая Савецкая ўлада»), «И кто-то вспомнит обо мне...» («І нехта ўспомніць пра мяне»), «Иду за ним» («Іду за ім»), «Песня хлебу» («Песня хлебу») и др. И, безусловно, прав поэт, говоря: *«Нашчадкам сваім мы пакінулі след. І вось дасягнулі да самай ракеты, А ёю раскрыты і цэлы сусвет...»*.

Не будет преувеличением, если о П. Бровке и его лирическом герое сказать словами древнего литератора – ничто человеческое им не чуждо. Философское прочтение этого тезиса древних находим в стихотворении «Моим друзьям» («Маім сябрам»):

*Удзячны буду я гадамі,
Таму, хто мне жыццё збярог.
Скажу палаце з дактарамі:
«Бывай!..» – і ўсім, хто дапамог.*

⁶⁵ Броўка, П. І маладосць, і сталасць... / П. Броўка. – Мінск, 1980. – С. 346.

*Бо дом так, як трэба, неба
Не распзнаў яшчэ ў жыцці,
А колькі мне надзвычай трэба
Сцяжынак ціхіх перайсці.*

*Сустрэцца з полем, борам, гаем,
З крыніцай, возерам, ракой,
Наведаць тых, каго жадаю,
Хто хоча бачыцца са мной.*

*Чаго ж мне хочацца найболей:
Я не схіляю галаву –
Каб паспяваць яшчэ ў застоллі,
Я ж можа песні не сарву.⁶⁶*

А чтобы эта песня не сорвалась, поэт всегда стремится:

*Быць першым на клічу Айчыны,
Быць першым, каб зладзіць свой дом,
Быць першым у любой дзяўчыны,
Быць першым за плугам, станком,
Быць першым між сціплых герояў,
Быць першым, дзе цяжка рукам,
Быць першым на лініі бою,
Быць першым з ратункам сябрам.⁶⁷*

Стихи, стихи-размышления, стихи-зарисовки, поэмы П. Бровки стали заметными в литературном процессе потому, что они «произросли» на народной почве, в них очень прочная национальная, народная основа, хорошее знание неиссякаемых возможностей родного языка, виртуозное владение народной речью. Для поэта-гражданина, поэта-лирика характерен народный взгляд на жизнь, на родную природу. Однако он «не подстраивается под народность» (В. Гниломедов), а проявляет ее в поэтическом слове, обогащая его песенными мотивами, народными категориями и представлениями. Усиливает народное мировосприятие поэта тесная связь его творчества с фольклорной традицией, устным народным творчеством белорусов, активное использование их образно-выразительных и ритмико-интонационных средств. В стихах поэта читатель находит много лаконичных, но емких, близких к фольклору выражений. Иногда стилизованных. Несколько примеров. «Наш пан дык так намыліў пяткі – за ноч ні следу ад яго» («Из дней детства» («З дзён маленства»)); «Быў камісар на рост адменны, падлога гнула ся пад ім, ён гаварыў – дрыжалі сцены» («Комиссар» («Камисар»)); «Кросны яе заснаваў, уток я цяпер выбіраю»; «Цаню адзінку-мастака: у сяброўстве розум і рука, але схіляюся чалом перад народным мастаком»; «А, як добра мне сягоння і пад грыбам і пад кленам. Ах, як хараша і любя, мне пад дубам, дубам, дубам...».

Говоря о народности поэзии П. Бровки, ее близости к фольклорным традициям, известный белорусский литературовед В. Гниломедов отмечает своеобразие его поэтического мышления. В котором «тыпізацыя як сродак

⁶⁶ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 164.

⁶⁷ Там же. – С. 79.

лірычнага абагульнення дапаўняеца ў паэта другой, характэрнай, дарэчы, для фальклору, формай эстэтычных адносін да свету – ідэалізацыяй. Ня рэдка здараецца і так, што ідэалізацыя як тып мастацкага мыслення выходзіць у яго на першы план. І тады верш нагадвае маляўнічую вокладку, аэаграфію ў харошым сэнсе слова... Ідэалізацыя як тэма паэтычнага абагульнення... дазваляла і памагала Броўку па-свойму, праўдзіва адлюстроўваць паэзію жыцця»⁶⁸. Лишь один пример:

*Ноч і прытуліць і прыкрые
Надзейным покрывам сваім,
Калі гуляюць маладыя...
Здаецца, ўсё спрыяе ім –*

*І луг сустрэне дыванамі,
І гай пяшчотую спаўе,
І цёмна-шумнымі лістамі
Ім дрэва кожнае спяе,*

*І неба гляне зор гарошкам...
А хцівы месяц да відна
Як быццам высцэле дарожку
З бялюткай трубкі палатна.*⁶⁹

В предисловии «Слово о поэте» к двухтомнику «Избранные произведения» П. Бровки, изданному в 1969 г. в Москве, М. Исаковский заметил: «Поэзия Бровки народная и по языку, и по манере говорить, и по своей напевности, которая идет от народной песни, и по простой и понятной форме, органически слитой, сплавленной с большим современным содержанием – иными словами, по всем своим качествам, идейным и художественным.

Здесь уместно привести один из жизненных случаев, произошедших с поэтом во время зарубежной поездки. Его спросили: «Беларусь адметна чым?» и П. Бровка отметил и тонко, и публицистично:

*Кажу: – Якія у нас адзнакі –
Палеткі, луг, азёры, бор...
І гор няма ў нас аніякіх –
Ды людзі ёсць – вышэй ад гор.*⁷⁰

И тема эта получит свое развитие в стихотворении «Я рад тому, что жил тогда...» («Я рады тым, што жыў тады...»), «У Беларусі ясныя глаза...» («У Беларусі ясныя вочы...»), «Беларусі» («Беларусі»), «Самое сердечное» («Самае сардэчнае»), «Богат, родной ты язык...» («Багата, родная ты мова») и др.

Говоря о народности в творчестве П. Бровки, следует отметить его открытость, поистине сыновнюю признательность и любовь и к «большой», и к «малой» родине – к Беларуси и к витебской Ушаччине. Нас не удивляет, что для П. Бровки Отечество в широком смысле слова и ушачская деревня, где он появился на свет, названы одним и тем же словом – родина... Он считает своим долгом, если художественно осваивать эту тему, видеть в жизни белорусского

⁶⁸ Гніламёдаў, У. Упоравень з векам / У. Гніламёдаў. – Мінск, 1976. – С. 176–177.

⁶⁹ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 207.

⁷⁰ Броўка, П. І ў дзень, і ўночы... / П. Броўка. – Мінск, 1974.

народа то новое, привлекательное, что рождено мощным поступательным движением республики в послевоенный период.

*У Беларусі – ясныя вочы,
Многа любові ў грудзях:
Звонкае поле,
Звонкія сосны,
Звонкі і сонечны шлях.⁷¹*

А как лирически и мягко, эмоционально восторженно, даже поэтически публицистично звучат следующие строки:

*У Беларусі многа сілы,
У Беларусі – воблік свой,
Ёй колькі б год не налічылі,
Яна здаецца маладой.
Яна, што кветка-маладзіца
На лузе ў кропельках расы,
І сівізною не свіціцца,
А толькі дзіўнае красы...⁷²*

Вот как красиво, коротко и... захватывающе рисует портрет родной земли. А с какой гордостью пишет поэт о родных и близких сердцу местах:

*Дзвіна! Дзвіна!... І слова звоніць,
Як толькі ўспомніш пра цябе.
А хвалей колер сіні-сіні,
Адкуль іх вецер пазганяў...
Напэўна, у іх глядзеў Скарына,
Калі ў рад літары складаў.
І з тых гадоў да нашых раняў,
Праз даль стагоддзяў ідучы,
Калі пачуем: «Палачанін!»,
Дык сэрцу радасна гучыць!⁷³*

И еще несколько строк о близком поэтическому сердцу маленьком городке Лепель:

*Лепля, Лепель.
Няма лепей,
Як ты, горада малога,
Не таму, што ты мне блізкі, а таму, што я не бачыў
Больш прыгожага такога.
Ты ў бярозах,
Ты і ў соснах,
Між іх постацяў выносных,
У азёрах, што ў каралях,*

⁷¹ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 51.

⁷² Броўка, П. Вершы, паэмы, апавяданні, аповесці, раман «Калі зліваюцца рэкі» / П. Броўка. – Мінск, 2008. – С. 500.

⁷³ Броўка, П. І маладосць, і сталасць... / П. Броўка. – Мінск, 1980. – С. 240.

*З іх адно завецца Проша,
Гэта значыць, калі ласка...
Кожны
Зведаць Лепель можа –
Гарадок малы, прыгожы,
Ён жа з ласкаю сустрэне,
Хоць люблю свае Вушачы,
Лепель я люблю не меней.⁷⁴*

В произведениях о своем родном, близком и любимом, в преклонении перед земляками, родными и близкими ему людьми, поэт и с гордостью за людей, устоявших во время войны, и с болью за погибших отдает им всем свою поэтическую дань. Партизан он по праву называет «ляснымі рыцарамі», которые «не знали стомы ў барацьбе з якімі «дамы сэрца», хадзілі на рашучы бой». Народные мстители в борьбе с врагами покрыли себя неувядающей славой. «І бачыцца мне – ордэн Славы паміж нахіленых бяроз», – напишет поэт в стихотворении «Меж наклонившихся берез» («Паміж нахіленых бяроз»). И это не только память о героизме и мужестве белорусов в годы войны, но и обращение к новым поколениям, призыв не забывать о том «военном» долге, который и до сих пор «висит» над нами:

*Байцы франтоў і партызаны
На Беларусі побач спяць.
Спяваюць птушкі. Месяц свеціць,
Але герояў не збудзіць.
І толькі вецер, буйны вецер
Паходным маршам ім гудзіць.⁷⁵*

Для современников трагически звучит стихотворение «Мертвая деревня» («Мёртвая вёска»). Читаем:

*Не, дараваць не магчыма такога.
Што засталася ад вёскі?
Нічога!*

*Нелюдзі
З захаду
Сэрца не мелі –
Людзі,
І хаты,
І дрэвы гарэлі.*

*А жыць ім хацелася. Жыць было трэба.
Усё ж адляцела з дымам на неба.
І засталіся суровымі днямі
Назвы самотныя нам з камянямі...*

*А жыць так хацелася. Жыць было трэба.
Усё ж адляцела з дымам на неба.*

⁷⁴ Броўка, П. І ў дзень, і ўночы... / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 53.

⁷⁵ Броўка, П. Між чырвоных рабін / П. Броўка. – Мінск, 1969. – С. 102.

*А замест вёскі – шырокае поле...
Толькі яе не забудзем ніколі:
Зернеты з дымам, сабраныя намі,
Сённяя ўзняліся, шумяць каласамі...
Помніць вас, родных,
Родная глеба,
Кожнае зерне
Ўглядаецца ў неба.⁷⁶*

Проклятым войне пронизаны стихотворения «Пад дзірваном магільнай зоркі», «Раненый» («Параненый»), «Партизанский телеграф» («Партызанскі тэлеграф»), «Курган Славы» («Курган Славы»), «В партизанском бору» («У партызанскім бары»), «Что б только не было войны...» («Каб толькі не было вайны...»), «Музей Великой Отечественной» («Музей Вялікай Айчыннай») и одно из лучших произведений о Великой Отечественной войне – «Дума о Вере Хоружей» («Дума пра Веру Харужую»).

Великая Отечественная война видится поэту на расстоянии времени. Вот он ведет беседу с подпольщиками («Всегда вы с нами» («Заўжды вы з намі»)), приглашает фронтовиков и партизан к костру, чтобы вспомнить о былом, забываемом («Сидят солдаты у костра...» («Сядзяць салдаты ля кастра...»)), стоит у Кургана Славы («Четыре штыка под Минском» («Чатыры штыкі пад Мінскам»)), ведет разговор о памяти и бессмертии:

*Сцяг ваш над роднай зямлёю красуецца,
Сённяя вы ў новых і плошчах і вуліцах.
Сённяя вы ў дзецях, што сталі шчаслівымі,
Сённяя вы ў спевах калоссяў над нівамі,
Сённяя ў садах вы, на даўніх пажарышчах...
Спіце спакойна, сябры і таварышы.⁷⁷*

Размышления поэта у «вечаровага цяпла» в нашем понимании, это и неизменная верность юношеской мечте, сформированному высокому идеалу, к которому он всегда стремился; это и реализация собственного жизненного правила – быть внимательным к окружающим реалиям, посвятить свою жизнь доброте и стремлению всегда быть полезным людям («Однако и тем я горжусь» («Але і тым я ганаруся»)), «Я сегодня рад и малому» («Я сённяя рады і малому»)), «И кто-то вспомнит обо мне» («І нехта ўспомніць пра мяне»)); это умение «залатыя зярняты» прожитого и пережитого оформить в художественные образы и донести их до сердца нового читателя; это уникальная и постоянная потребность быть откровенным с читателем, вести с ним доверительную беседу о высших гражданских и моральных качествах личности; (здесь весьма показательным стихотворение «Моя анкета»; наконец, это полная реализация в творческой жизни своего девиза: «Працуй у поце, не заставайся ў адзіноце». И здесь нельзя не согласиться с уже упоминаемым нами В. Гниломедовым. Литературовед без натяжки отмечает: «Ад верша да верша, разказваючы пра жыццё і пра сябе, так ці інакш стасуючы свае адносіны да навакольнага свету, шукаючы ў ім паэзію, ён малое цікавы, вельмі прывабны, аб'ёмны, яркі па мастацкіх фарбах чалавечы характар»⁷⁸.

⁷⁶ Броўка, П. Калі ласка / П. Броўка. – Мінск, 1972. – С. 150–151.

⁷⁷ Броўка, П. І ў дзень, і ўночы... / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 162

⁷⁸ Гніламёдаў, У. Усё мне блізка да душы / У. Гніламёдаў // Польша. – 1972. – № 9. – С. 241.

Не менее авторитетный в белорусском советском литературоведении критик Б. Бур'ян считает, что П. Бровка «адзін з лепшых лірыкаў савецкай паэзіі нашых дзён»⁷⁹. И еще одно мнение известного белорусского поэта С. Гаврусева: «Добрая якасць – жыць з чалавекам плячо ў плячо. А паэт П. Броўка гэта ўмее. Сведчанне таму – не толькі змест вершаў, але і іх вынаходніцтва. Ён памаладому эксперыменціруе, разнастаіць строфіку і рытміку»⁸⁰.

В середине 1970-х гг. П. Бровка представил на суд читателей свою третью книгу прозы «Вместе с комиссаром». Книга не большая по объему, всего 11 рассказов и повесть «Донька-Даниэль», вызвала огромный профессиональный и читательский интерес. О ней писали союзные («Правда», «Литературная газета», журналы «Дружба народов» и «Детская литература») и республиканские («Звезда», «Літаратура і мастацтва», журналы «Беларусь», «Польмя») издания.

Чем же был вызван такой интерес? На наш взгляд, прежде всего тем, что книга, с одной стороны, существенно дополняет наши знания о пред- и послереволюционной жизни и быте в белорусской деревне и, с другой стороны, обогащает биографию самого автора – ведь практически все критики и рецензенты отмечают совпадение жизни юного героя книги Феди Мартиновича с биографией П. Бровки. Из биографии П. Бровки известно, что в свои тринадцать лет он значился переписчиком (писарем) в военном комиссариате (в рассказе «Начало» таким является парнишка Федя Мартинович), в 16 лет П. Бровка уже не писарь, а заведующий избой-читальней (в рассказах «Красный карандаш», «Ревность и надежда» в этих ролях выступает тот же Федя). Свои первые жизненные университеты проходит Федя рядом и под руководством преданного новой власти комиссара Будая. Вот их первая встреча: *«Ты, брат, пішы, нічога не бойся. І на крэсла садзіся як найлепей, як гаспадар. Ты глядзі, як я... Вунь ахмістрыня (служащая. – А.Р., Ю.Р.) раней пану служыла, а цяпер камандую я: Міхаліна!.. – У дзвях паказалася ахмістрыня. – Не трэба, гэта я так! – замахаў рукамі Будай. А калі яна знікла, ужо гаварыў цішэй: – Скажу: «Міхаліна!» – і яна тут!.. Разумееш? А чаму? А таму, што наша ўлада цяпер. Ты такі мужыцкі сын, як і я. Толькі што меншы. Дык можа і шчаслівейшы. Вось і сядзі цяпер у панскім пакоі спакойна. Наша цяпер гэта, разумееш!..»*.

И вдруг остановился... *«А ну, пакаж! – і ўзяў са стала напісаную мною паперу. Ого, ды ты як сам поп Сейба пішаш, – зарагатаў Будай і ўскудлаціў мне чупрыну. – Так роўненька, усё роўна як гарошак рассыпаў... Ну і малайчына, брат Федзя! Марцініха! – звярнуўся ён да маці. – Збірай заўтра сына ў воласць, у камісарыяце са мной рабіць будзе. У камісарыяце, разумееш?»⁸¹.*

Уроками гражданского взросления стали и участие Феди в казалось бы бюрократической описи имущества в оставшихся от брошенных панями усадьбах, и в наделе бедных крестьян бывшей панской землей, И в борьбе с бандитами, контрабандистами и расхитителями государственного добра, и даже в организованной комиссаром молодежной вечеринке.

Уроки классовой борьбы не проходили для Феди даром. Он становился активным селькором газеты «Бядняк» – реакция врагов новой власти была прямолинейной и жестокой: *«Слухай, ты, ад чырвонага алоўка (так подпісывал Федя свои заметки) загарэлася думка, а будзеш шкодзіць людзям – згарыш і сам»*.

⁷⁹ Бур'ян, Б. Пад позіркам сяброў / Б. Бур'ян // Беларусь. – 1975. – № 2. – С. 27.

⁸⁰ Настаўніцкая газета. – 1970. – 7 сакавіка.

⁸¹ Броўка, П. Разам з камісарам / П. Броўка. – Мінск, 1974. – С. 8–9.

Совпадут пути писателя и его героя еще через несколько лет, когда в биографии П. Бровки появится запись: «председатель сельского Совета, сотрудник поветового комитета комсомола».

Писатель доверительно рассказывает о жизни своего героя, не скрывая ни его наивности, ни даже растерянности перед новой жизнью. В противоречивой, бунтующей действительности подросток ищет образцы для подражания, настойчиво ищет себя и свое место, свою роль в жизни. Он и помощник отважного комиссара Будая, и участник стычек с расхитителями государственной собственности, бандитами и контрабандистами, и организатор спектаклей в избе-читальне, и селькор газеты «Бядняк», в острых публикациях выводящий на «чистую воду» врагов новой власти. Шаг за шагом, поступок за поступком формируются у Феде и его друзей Миньки Бувевича и Янки Бороденка понимание правильности выбранного ими пути, необходимости и справедливости революционного обновления жизни. Суровое детство, суровое отрочество, впрочем, и не осознаются Федей, как детство. «Может быть потому, что последние годы я жил среди взрослых, как-то рано стал взрослым сам», – несколько удивленно говорит о себе Федя. И, пожалуй, у него были основания для такой удивленности. Вполне понятно, что находившийся при власти подросток своими поступками, не вызывающими недоверия сельчан, хотел казаться более взрослым. Но за его внешней «солидностью» читатель видит добрую лукавинку, и искреннее уважение к опыту старших, и робость в отношениях со своей сверстницей Анеткой, и не до конца утраченную доверчивость к людям, и неразделенную любовь с заведующей избы-читальни Тамарой Жизневской.

Взросление и становление характера юного Феде Мартиновича – в этом есть еще один из секретов успеха рассказов из прозаической книги П. Бровки, а именно создание писателем типичной картины послереволюционного деревенского общества в типичных для того времени социально-нравственных обстоятельствах. Почти документальное повествование, основанное на писательском осмыслении увиденного и пережитого, выросло в хороший пример реалистической прозы, в которой есть и правда жизни, и поэзия, и политика, и быт (М. Барсток).

А вот в повести «Донька-Даниэль» автор не выглядит полноправным героем – он был лишь десятилетним подростком, детство которого проходило в дооктябрьский период. Главным действующим лицом выступает деревенский мечтатель, чудак и фантазер, поэт, астроном, портной, короче, умелец на все руки, но никому не понятный человек Данька, которого в деревне звали и «Донька-чмут», и «Донька-выдумшчык», и «Донька-беззаконька», и «Донька-крываножка, дурны прошка».

Бескорыстие и почти детское любопытство отличают его от жителей деревни. Живет в его душе стремление творить, фантазировать, понять людей, чтобы сделать им что-либо приятное. Неутомимая душа Доньки всегда чего-то хочет, и время от времени он отправляется в «хождение» по городам, чтобы «набраться», по его собственному замечанию, «ума-разума». Душа его рвалась, чтобы реализовать себя и в практических делах, и в художественном творчестве. Ведь бровкинский неграмотный Донька, пытающийся в сооруженную им подзорную трубу разглядеть «блакітныя палацы Бога» – это символ порыва простого народа, задавленного в прошлом нуждой и прозябавшего в темноте и невежестве к знанию и свободной самореализации. И возвращается из города, чтобы продолжить свои чудачества, на которые всерьез никто не обращал внимания, как, к примеру, в случае с пошивом тулупа для Сивого Герасима.

«Я кравец!»

І пра гэта, відаць, абвясціў на ўсю вёску, бо, як дазналіся мы, сівы Герасім занёс Доньку сабе на кажух ажно восем аўчын.

Калі заказ быў выкананы, мы дазналіся пра гэта па прарэзлівым ляманце, які разлятаўся на ўсю вёску ад Донькавай хаты. Там было цэлае зборышча. І крык, і рогат перамешваліся ў гурце мужчын і жанчын, якія абступалі Доньку і сівога Герасіма. Раззлаваны Герасім, апранены ў айчынную бекешу, выглядаў смешна. На яго разгневаным, чырвоным твары ледзь не выступалі слёзы, і ён гразіў Доньку кулакамі:

– На каго ты мяне зрабіў? Ададай айчыну, такую тваю...

Высакародны Донька быў пакрыўджаны няўдзячнасцю і толькі разгублена разводзіў рукамі:

– Пардон. Пардон, дзядзька Герасім, я ж бачыў, што ў горадзе цяпер сам воінскі начальнік так ходзіць.

– Сапсавай кажух і яшчэ так брыдка лаешся?.. Я табе пакажу пардон!

– Га-га-га! Герасім – воінскі начальнік! – ляцелі кпіны з усіх бакоў. Рагаталі мужчыны, а жанкі хітра прыскалі смехам, падмігваючы адна адной, прыкрываючы ўсмешку ражкамі хусцінак.

Старая ж Альжбета, Герасімава жонка, галасіла на ўсю вуліцу:

– А божачка мой! Знявечыў, знявечыў! Гэта ж некалькі гадкоў збіралі айчыны. І сушыць сушылі і дубіць вазілі. А на каго ж ты падобны цяпер, мой ты Герасімка!.. Зняважыў ты нас, Донька!..

– Пардон, цётка Альжбета, – збянтэжана шаптаў Донька.

– Ай, людцы! – яшчэ мацней загаласіла Герасімава старая. – Ён жа і мяне бэсціць!

А людзі рагаталі.»⁸²

Что было в жизни Доньки приятного, так это то, что он любил детей, которые тянулись к нему, ценили и уважали. «Нам было вельмі шкода спадарожніка нашых дзіцячых год, выдуманчыка розных забав, які хацеў уратаваць усіх людзей, а не ўратаваўся і сам.

На пахаванні Донькі было мала людзей. Айчым хацеў пахаваць яго з крыжам, але і поп, і ксёндз адмовіліся, бо не ведалі, якой ён на астанкі трымаўся веры»⁸³.

И только оказавшиеся на маленьком кресте две ленточки, разлетающиеся под ветром и как будто стремящиеся вырваться на простор, подтверждали детские мысли, «што гэтак жа Донькава душа ўсё жыццё рвалася на простор...»⁸⁴.

А еще у Доньки было стремление к стихосочинительству. Вот пример. Собрав подростков, Донька предлагает им назвать любое слово, а он, как «поэт» сразу подберет ему «риму» (рифму. – А.Р., Ю.Р.).

И началось. Ребята один за другим выкрикивали слова или краткие предложения, а Донька сразу же отвечал, с неизменной улыбкой на губах:

«Наша вёска» – крычалі мы.

«Жыве Раська», – адказваў Донька.

– Анёл панскі – памёр Жванскі.

– Наша хата – небагата.

⁸² Броўка, П. Донька-Даніэль / П. Броўка // Разам з камісарам. – Мінск, 1974. – С. 147–148.

⁸³ Там же. – С. 159.

⁸⁴ Там же.

- Жонка – даёнка.
- Бабка – слабка.
- Дочка – квочка.
- Сынок – япручок.⁸⁵

Повесть, которую надо читать, не позволяет вступить в противоречие с теми оценками, которые дали ей ведущие белорусские литературоведы. М. Барсток, к примеру, пишет: «Гэта лепшае, што створана П. Броўкам у галіне прозы. Тут няма літаратуршчыны, надуманых канфліктаў, сканструяваных сюжэтаў»⁸⁶. А. Мартинович отмечает, что в «Доньке-Даниэле» «видится здоровый народный характер, а его жизнь – та непростая народная педагогика, которая традиционно держится на добре, справедливости, гуманизме»⁸⁷. Но еще более категоричен Я. Казеко: «Вобраз Донькі – мастацкае адкрыццё аўтара. Такого характару, такой чалавечай індывідуальнасці яшчэ не было ў нашай літаратуры»⁸⁸.

Нельзя оставить без внимания и такую страницу многообразного творчества П. Бровки, как публицистика. Поэта постоянно волновали события современной ему общественной и литературной жизни. А публицистическая статья, литературная заметка или публичное выступление и были такими жанрами, которые позволяли оперативно высказать свое отношение, дать свою оценку происходящим событиям. Объединенные вместе, они составили бы достаточно объемное издание. Мы же в качестве примера можем назвать несколько работ, опубликованных в исследуемом нами периоде. Это «Сила поэзии» («Правда», 1968, 8 июня), «Цветет родная земля» («Сельская жизнь», 1968, 28 декабря), «Пою мое отечество» («Литературная газета», 1974, 27 февраля), «Боевые мои земляки» («Советская Белоруссия», 1972, 19 мая), «Слова нашей дружбе» («Литературная газета», 1973, 21 ноября), «Мастерство писателя. В чем оно?» (Ответы на вопросы издательства «Молодая гвардия»), «Да не опалится земля пожаром» («Литературное обозрение», 1973, № 12), «Наш добрый друг» (воспоминания об А. Прокофьеве, 1974) и др.

Читая книгу за книгой, читатель проходит большую дорогу, где было много радостей и счастья, горечи и неудач, но всегда в произведениях П. Бровки ярко светила звезда веры и надежды, звезда, зовущая вперед. В еще не познанные дали:

*Усё мяняецца, цячэ –
Прайдзіва некалі знайшлі,
Але наперадзе яшчэ –
Чаго і ў маргах не дайшлі.*

*Хачу, каб шлях трывожны мой
Прайшоў праз дум і слоў гушчар,
Яшчэ я ў працы і ў такой,
Што ад задум кідае ў жар⁸⁹.*

⁸⁵ Броўка, П. Донька-Даніэль / П. Броўка // Разам з камісарам. – Мінск, 1974. – С. 141.

⁸⁶ Літаратура і мастацтва. – 1974. – 8 лістапада.

⁸⁷ Мартинович, А. Вместе с комиссаром / А. Мартинович // Детская литература. – 1978. – № 12. – С. 46.

⁸⁸ Казека, Я. Што запала ў сэрца / Я. Казека // Польша. – 1970. – № 1. – С. 247.

⁸⁹ Броўка, П. Вершы, паэмы, апавяданні, аповесці, раманы «Калі зліваюцца рэкі» / П. Броўка. – Мінск, 2008. – С. 510.

ГЕННАДИЙ БУРАВКИН

Анализ поэтического творчества **Буравкина Геннадия Николаевича** (родился 28 августа 1936 года в деревне Тродовичи Россонского района) – «боевого публициста и искреннего лирика» (А. Мартинович), подводит нас к следующему выводу: вторая половина 1960-х – начало 1990-х годов были тем временным промежутком, когда в полной мере поэту удалось реализовать собственное творческое правило – не писать стихи по заказу или для какой-нибудь другой цели; видеть в поэзии не простое стихотворчество, а жизненно-определяющий, органический процесс; не искать искусственных тем, а писать только о том, что волнует душу и сердце. Четверть века – для человеческой жизни срок не малый. И именно эти 25 лет принесли Геннадию Буравкину широкую известность, как в литературном мире, так и в общественно-политической жизни. Его, пронизанная философским, гражданским пафосом, оптимизмом и тематической динамичностью поэзия, – это своеобразная поэтическая летопись жизни поколения, ощутившего тяготы и лишённая суровых военных лет и восстановительного периода, сложности и трудности хозяйственного строительства и культурного развития.

Весьма метко высказалась поэтесса Таисия Бондарь: «Его (Г. Буравкина. – А.Р., Ю.Р.) стихи – это не просто биография собственная или биография времени. Они – воплощённое в слове само время, легко узнаваемое, легко смещаемое в сторону прошлого или будущего».⁹⁰ В его стихах и поэмах удачно сочетается публицистическое гражданское, полемическое начало и искренняя, сыновья любовь к родной Беларуси, пейзажные зарисовки, глубокие лирические переживания и интимность человеческих чувств. Известный белорусский поэт В. Зуёнок определил, что творчество Г. Буравкина – это состояние гражданской наэлектризованности.

В 1966 г. из печати выйдет третья книга поэта «Дыхание» («Дыханне»)*. Затем читателю предлагаются книги «Стихи» (1969) – в серии «Библиотека белорусской поэзии», «Жатва: книга поэзии» («Жніво: кніга паэзіі», 1971), «Три страницы из легенды. Штрихи одной судьбы» («Тры старонкі з легенды. Штрыхі аднаго лёсу», 1971), «Исток: стихи» («Выток: вершы», 1974), «Три сказки о Зае: стихи» («Тры казкі пра Зая: вершы», 1974), «Стража верности: стихи и поэма» («Варта вернасці: вершы і паэма», 1978), «Нежность: стихи о любви» («Пяшчота: вершы пра каханне», 1985), «Гнездо для птицы радости» («Гняздо для птушкі радасці», 1986), «Синие качели: стихи» («Сінія арэлі: вершы», 1987). Поэт в эти годы выступил автором текста и стихов к двум альбомам – «Хатынь» (1975) и «Хатынь – Khatyn – Chatyn» (1983), выдержавшим по несколько изданий и переведённых на основные европейские языки. А ещё в 1976 г. будет издана книга «Стихи пяти книг: избранное» («Вершы пяці кніг: выбранае»), а в 1986 г. – двухтомник «Избранные произведения» («Выбраныя творы»).

Г. Буравкин – автор сценариев документальных фильмов «Опалённая память» («Апаленая памяць», 1975) и «Путешествие по Белоруссии» («Падарожжа па Беларусі», 1976), один из авторов (с Ф. Коневым и В. Халипом) сценария двухсерийного фильма «Пламя» («Полымя», 1974). Произведения, положенные на музыку белорусскими композиторами, стали популярными в народе песнями и составили песенный сборник «Тебе, Белоруссия» («Табе, Беларусь», 1984).

⁹⁰ Литературная газета. – 1985. – 30 января.

* О начальном этапе поэтического творчества Г. Буравкина мы писали в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965)». – Витебск, 2010. – С. 94–98.

Творчество Г. Буравкина стало доступным для российского и украинского читателя – речь идёт о книгах, изданных в России и на Украине. Это изданные в Москве «Голоса расстояния: стихи» (1964), «Три страницы из легенды: документальная повесть» (1968), «Жаворонок над проспектом: стихи и поэма» (1972), «Кровное: стихи» (1980), «Верю полдню: стихотворения и поэмы» (1981), «Синие качели: стихотворения, поэмы». 1956–1985 (1987); в Киеве будет издана книга «Варта вірності: вірші та поеми» (1984).

Здесь представляется уместным отметить, что отдельные произведения (отрывки из поэм, стихи для детей, лирически-гражданские стихи) Г. Буравкина переведены на русский, украинский, азербайджанский, английский, армянский, болгарский, венгерский, грузинский, испанский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, осетинский, польский, словацкий, таджикский, татарский, туркменский, французский, хинди-язык, чувашский, эстонский, Югославии народов языки.

Не оставлял в долгу поэт и своих иностранных коллег. Известны буравкинские переводы с русского, украинского, аварского, болгарского, грузинского, еврейского, испанского, калмыцкого, латышского, литовского, молдавского, словенского, французского языков.

Можно было бы назвать десятка два коллективных поэтических и прозаических сборников, в которых одним из авторов непременно выступал Г. Буравкин. Назовём лишь некоторые из них: «Дзень паэзіі-67, 69, 72, 73, 74, 75», «Беларуская балада», «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай савецкай публіцыстыкі», «Далягляды», «Братэрства», «Універсітэт паэтычны», «Духмяныя верасы», «Ад скірдаў роднай зямлі», «Мары юнацкія», «На задворках», «Наша рэспубліка», «Твой піянерскі гальштук», «Слава Арміі Савецкай», «Слухайце, Хатынь!..» и др. Он активно печатался в изданиях, посвящённых разработке ленинской темы, – «З Леніным у сэрцы», «Заўсёды з Леніным», «Мы дружбой ленинской сильны» и др.

Поэт активно сотрудничает со средствами массовой информации. Его произведения печатают союзные издания – «Правда», «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Огонёк», «Новый мир», «Дружба народов», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Знамя», «Нева», «Аврора», «Литературное обозрение», республиканские газеты («Звезда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Сельская газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі», «Зорька») и журналы («Беларусь», «Польмя», «Нёман», «Маладосць», «Мастацтва Беларусі», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка»), областные газеты «Віцебскі рабочы», «Заря», «Гродненская правда», «Магілёўская праўда», минская городская газета «Вячэрні Мінск».

Гражданская наполненность литературного творчества Г. Буравкина, её публицистическое начало во многом предопределялись его тесной сопричастностью с жизнью республики, деятельностью государственных органов управления, непосредственным участием в их работе. Несколько лет он был корреспондентом газеты «Правда» по БССР, в 1972–78 гг. работал главным редактором журнала «Маладосць», был членом бюро Центрального Комитета ЛКСМБ. На протяжении десяти лет являлся Депутатом Верховного Совета БССР, избирался членом Центрального Комитета КПБ, с 1978 г. возглавлял Государственный Комитет БССР по телевидению и радиовещанию, находился на дипломатической работе – был постоянным Представителем БССР, а затем – Республики Беларусь в ООН, имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Но где бы он не работал, чем бы не занимался, он всегда оставался поэтом, располагающим Человека, противоречия общественной жизни. Лауреат Государственной премии БССР имени Я. Купалы, премии Ленинского комсомола Беларуси.

Своё отношение к жизни, поэзии, литературному творчеству Г. Буравкин неоднократно высказывал в многочисленных интервью, встречах и беседах с читателями. Приведём лишь два, в которых наиболее ярко, на наш взгляд, сформулирована гражданская позиция поэта, по сути, его жизненное кредо.

Первое:

«Я глыбока перакананы, што чалавек, які мірыцца ў жыцці з апалітычнасцю, беспрыныцповасцю, не можа быць прыкметнай постаццю ў літаратуры. Бяру блізкія мне жыццёвыя прыклады, Ніл Гілевіч, Рыгор Барадулін, Анатоль Вярцінскі, Васіль Зуёнак... і характарам, і тэмпераментам яны вельмі розныя людзі. І ў паэзіі яны розныя. Але ўсе з актыўнай грамадзянскай пазіцыяй».⁹¹

И второе:

«Мэта ўсяго майго жыцця і задача кожнага майго дня – служэнне роднаму народу. Яму я абавязаны прынадлежнасцю да сумленнай, шматвяковай гісторыі, да добрай, чулай душы і высокіх гуманістычных ідэалаў продкаў і сучаснікаў. Без яго не ўяўляю я будучыні ўсёй нашай зямлі. У яго славу складаю, як умею, свае вершы».⁹²

* * *

Есть такая народная мудрость: «Сладкий будешь – расклюют, горький будешь – расплюют». Так где же она та «золотая» серединка, позволяющая художнику всё время оставаться самим собой, создавать произведения, волнующие читателя? Для Геннадия Буравкина – это правда. Та, что «на свеце адна без крупінкі маны». И, если предать её, трудно будет «схавацца ад сынавых ясных вачэй, і на свеце тады жыць намнога цяжэй і лягчэй». Именно с таких позиций подходит к поэтическому анализу «неприглаженной», противоречивой действительности Геннадий Буравкин. «Яго паэзія (критик М. Барсток душевно-открыто и правдиво-откровенно отмечает), – пачыналася з полацкай крынічкі, з берагоў невяліччай мала каму вядомай Палаты. Светлым струменнем праз гады яна ўлілася ў акіян савецкай паэзіі, стала вядомай не толькі ў Беларусі, але і на ўсёй краіне»⁹³.

Ощущая свою причастность ко всему происходящему на земле, он хочет, чтобы люди своё счастье и свои мозоли по-братски с ним поделили, чтобы «роўную частку далі сваёй ношы нялёгкай пранесці».

В результате появляется стих-размышление, стих-рассуждение «Сколько я проживу, не знаю...» («Колькі я пражыву, не ведаю...»).

*Колькі я пражыву,
не ведаю.
А хацелася б
шмат пражыць.
Навальніцамі ўсімі
і ветрамі
Вусны ўдосталь свае асмужыць,
Наглядзеца на неба сіняе,
Нахадзіца на верасах,
Каб гады*

⁹¹ Звезда. – 1983. – 10 снежня.

⁹² Цит. по: Мэта ўсяго жыцця // Беларусь. – 1989. – № 2. – С. 16.

⁹³ Барсток, Т. Руцківы поўдзень: нарыс творчасці Генадзя Бураўкіна / М. Барсток. – Мінск, 1984. – С. 172.

*палахлівым інеем
Пазабыталіся ў валасах.⁹⁴*

В результате собственных сомнений, переживаний у Г. Буравкина рождается лирический герой, способный чувствовать общую атмосферу современности, не оставаться равнодушным при соприкосновении с конкретными и близкими ему ситуациями, людьми, местами. Он не пассивный созерцатель жизни, он активный её участник, он тот, кому пришлось пережить и войну, и больничную палату, «чмяліны мёд, гаркоту солі, і смак слязы, і пах смалы».

*А што спазнаў і роспач бедаў,
І горкі прысмак палыну, –
Дык для таго,
каб добра ведаў
Жыцця сапраўдную цану.⁹⁵*

И цену эту поэт определяет самыми высокими мерками, главная среди которых – умение любить Родину, те родные места, где «пад кожным курганам і каменем – ці быліна, ці казка чароўная», где «азёры, як неба, сінія, у чаротах чароды гусіныя, на дне Млечным Шляхам свяціцца трапяткія гурты язiныя», где «навальніцы грымяць над кручамі» и «вясёлкай неба акружана», и «на кожнага закаханага салаўёў па чатыры тузіны». Поэт благодарен судьбе, что родился именно в Беларуси, где на большаках и просёлочных дорогах между лесов и яблонь на дорогах, что его родина «жыла ў братэрстве і сяброў цаніла...». Родной угол и для поэта, и для его героя кажется самым лучшим на земле – и летом, и весной, и даже осенью, когда холодный мелкий дождь прибывает к окну кленовый, «апошні залацісты ліст», когда «апошняя цяжкая пазалота злятае з абсвістаных ветрам дрэў...». Вспомним строки из стихотворения «Край мой...» («Край мой...»), посвящённого родной стороне:

*Звычайны самы,
самы зрэбны:
Зялёны луг ды сіні бор,
Каля дарогі жыта ў полі,
Вярба старая ля ракі,
Ды ў жоўтым восеньскім прыколе
Рабін даспелых аганькі.
...Гаёў бялюткая бяроза,
Густы блакіт лясных азёр,
І лён, зусім, як неба, сіні,
І ўсе ў рамонках берагі...
Мой беларускі,
мой адзіны
Край
ад калыскі дарагі...⁹⁶*

Это, на наш взгляд, ни что иное, как выражение собственного авторского чувства, может быть, эмоциональное, но откровенно правдивое: «...Мне здаецца,

⁹⁴ Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966. – С. 69.

⁹⁵ Бураўкін, Г. Жніво / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971. – С. 117.

⁹⁶ Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966. – С. 93–94.

што кожны чалавек, асабліва творчы, не можа не адчуваць віны перад сваім краем. Без маёй Полаччыны, без маёй Беларусі я ніколі не стаў бы журналістам, паэтам. Чалавека ўва мне разам з маці выходзілі і цёмныя полацкія бары, і Дзвіна, і Дрыса са стракозамі ў поўдзень над іх хвалямі, і сціпленкія, але ж якія мілыя крынічкі, і нівы, на якіх цвіце лён, – вачэй не адарваць, і буслы на стрэхах, і шпакі на шпакоўнях – літаральна ўсё. Яны аддалі мне і фарбы, і гукі, і нешта такое, што хіба музыка толькі і можа выказаць. Полаччына магла б і без мяне абысціся, а мне без яе проста не было б. Ад усведамлення гэтай простаі ісціны і ўзнікае пачуццё той віны, пра якую ты кажаш. Перад маці і Радзімай мы заўсёды ў даўгу, які не аддасі нават за два жыцці. А ў нас яно ўсяго адно. Вось так і пойдзем мы з зямлі даўжнікамі».⁹⁷

Весь последующий творческий путь Г. Буравкина показывает, что он жил (и живёт в наше время. – А.Р., Ю.Р.) ощущением неотрывности своей собственной судьбы от судьбы своего народа, родных и близких ему людей, стремлением посетить свой деревенский дом, увидеть снова, «як каля хаты хаваецца ў дрымотны цень, як бацька ціхі і вусаты, крыху ссутулены ячмень», снова услышать, как «грамы варочаюць у небе, а на зямлі спакой такі, ажно чуваць, як звонка недзе лапочуць крыллем матылькі».

*...Тут маё прыстанішча і шчасце,
Тут мой лёс, мой боль і завет.
Тут я сэрца адчыняю насцеж
Для ўсяго, чым знакамiты свет.
І хай з тысяч рэк чужых нап'юся –
Толькі для апошняга глытка
Я прыйду сюды,
да Беларусі,
Да свайго азёрнага кутка».⁹⁸*

Патриотическими чувствами пронизаны стихи «Минский триптих» («Мінскі трыпціх»), «Полоцкая баллада» («Полацкая балада»), «Жаворонок над проспектом» («Жаваранак над праспектам»), «Кто-то охотится на синицу...» («Хтосьці палюе на сiніцу...»), «Я не знаю, уродился в кого я такой...» («Я не знаю, удаўся ў каго я такі...»), «Реки Белоруссии» («Рэкі Беларусі»), «Исток» («Выток») и многие другие. Однако поэта нельзя упрекнуть в национальной замкнутости или самоизоляции. Среди всех тем на первом плане в его творчестве не только тема Родины, но и тема интернациональных связей белорусов, их дружба с народами разных стран. Высоким гражданским содержанием наполнены стихи, посвящённые Прибалтике, Молдавии, Памиру, Югославии, Ленинграду, другим интересным местам многонационального Отечества. С интересом читаются стихи о Болгарии, Кубе. А «Четыре песни об Эрнесте Че Гиваре» («Чатыры песні аб Эрнэсце Чэ Гівару») – это страстный революционный гимн, реквием всем борцам против угнетения и социальной несправедливости.

Гордостью за родную Беларусь, высокой честью за принадлежность к белорусскому народу пронизано стихотворение «Народ мой...» («Народ мой...») из поэтического сборника «Вахта верности». Поэт благодарен своему народу за его трудолюбие, уважение к человеку труда, миролюбивый характер, стремление к знаниям и художественному творчеству. Он гордится героическим прошлым

⁹⁷ Матукоўскі, М. Я люблю давярацца людзям / М. Матукоўскі // Маладосць. – 1968. – № 6. – С. 113.

⁹⁸ Бураўкін, Г. Сiнія арэлі / Г. Бураўкін. – Мiнск, 1987. – С. 74.

своей Родины. Честь эта для него неотрывна от понимания ответственности каждого перед обществом, умение прожить жизнь с пользой для людей, войти добрыми делами в память людскую. Автор искренне признаётся:

*І аднаго хачу ў жыцці,
Каб ты (народ. – А.Р., Ю.Р.)
не паглядзеў з дакорам,
Каб за мяне ніколі сорам
Табе душу не засмуціў.⁹⁹*

Поэтическое признание в любви и верности родной Беларуси, постоянная настроенность души поэта на тему Отечества, его искренняя исповедь благодарности своему народу связаны с другой, характерной для белорусской советской литературы темой – темой увековечивания памяти людей, сгоревших в войне в огне Великой Отечественной войны. От «Полесской баллады», посвящённой памяти погибших в годы войны Ивана Цубы, повторившего подвиг Ивана Сусанина, и его брата Михаила в «Майской синеве» («Партизан ад нападу збярог, не прадаў нашых родных дарог...») до документальной повести «Три страницы из легенды» о героической витебской партизанке Надежде Богдановой, от стихов «Когда земля спокойно засыпает...» («Калі зямля спакойна засынае...»), «Идёт процесс...» («Ідзе працэс...»), «Освейской баллады» к одному из самых трагических и высокохудожественных произведений о Хатыни – поэмы «Хатынский снег»: известный белорусский литературовед М. Барсток считает, что эта поэма является лучшей среди лирико-эпических поэм о Хатыни.⁹⁹

Вспомним несколько слов из автобиографии поэмы, имеющих непосредственное отношение к обозначенной теме. «Помню, як гналася за намі па полі праклятая «рома», як маці ўпала са сцяжынкi, засланяючы сабой і ад куль, і ад чорнага ценю самалётаў, а я стаяў і не мог ступіць кроку, працяты ўвесь нейкай жудасцю, стаяў, нават не чуючы матчынага крыку. Помню, як хадзілі мы на ўзгорак, дзе курэлі галавешкі былой школы, дзе было спалена пяцьдзесят чалавек».¹⁰⁰

Острые детские впечатления позволили Геннадию Буравкину создать трагическую картину дикого произвола фашистских оккупантов в Освее, Хатыни, других белорусских деревнях, где «попелам на зямлі асыпаліся дрэвы і хаты» и «попелам на зямлі заставаліся людзі, малітвы, праклёны». Скупыми, но ёмкими поэтическими деталями, через художественное видение обычных, бытовых подробностей воссоздаёт поэт Хатыньскую трагедию. Утро обычного мартовского дня (Хатынь вместе с жителями – 149 взрослых и 76 детей – была сожжена 22 марта 1943 года) – вот «бухнула ў студні аб лядок вядро» и «грыгнула каля прыпечкі бярэма бярозавых дроў», вот «дзынкнула аб даёнку тугое малако» и «атрымаў першую аплявуху матчыну мурзаты падшыванец, што выбег на вуліцу басанож». Всё было как обычно.

Но сжималась уже вокруг Хатыни смертельная тень:

*Стрычалі кулямёты
на агню, на стогнах і плачу.
Радзеў
і падаў*

⁹⁹ Бураўкін, Г. Варта вернасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1978. – С. 16.

⁹⁹ См.: Барсток, М. Руплівы поўдзень: нарыс творчасці Генадзя Бураўкіна / М. Барсток. – Мінск, 1984. – С. 67.

¹⁰⁰ Бураўкін, Г. Першая старонка. Пра час і пра сябе. – Мінск, 1966. – С. 52.

ахрыплы пакутны крык.
І вось застаўся толькі энк дзіцячы,
Але і ён пахіснуўся
і знік.
...І карнікі глядзелі вачамі пустымі,
Як ашалелы кот па вуліцы бег,
Як ляжаў,
не таячы
ў Хатыні
Чырвоны гарачы снег.

Но женщины, эти постоянные носители принципов деревенской жизни, предчувствуя самое страшное

...загаласілі
– А дзеткі
А вы ж не паспелі пажыць!
А вашы ж ногі не паспелі нахадзіцца.
А вашы ж рукі не паспелі нацацавацца.
А вашы ж вочы не паспелі наглядзецца.
А вы не паспелі ўнукамі парадаваць нас.
Крывіначкі нашы!
Сонейкі нашы!
Дзеці!
За што ж яны вас?!

И всё же самое ужасное, античеловечное произошло на том деревенском печорке, «дзе пуня была».

Там
Яшчэ ўспыхвалі ўгольчыкі цёплыя,
Там
На залітай крывёю зямлі
Маці – прыгоршчамі,
А сын – жменькае попелу
Побач ляглі.
...І раты абвугленыя
крычалі нема,
І нібы ў жахлівым дзіцячым сне,
Падаў з чорнага начнога неба
Чорны жалобны снег.

Прошли годы, десятилетия. Отошла в небытие трагедия суровых военных лет. Но и сегодня в сознании людей, в сознании всего прогрессивного человечества набатом должны звучать слова из буравкинского «Хатыньского снега»:

...Зрываецца звонкі капёж са стрэх.
Разгодвае неба дзіцячы смех.
А ў маці
вечна

стыне

*Белы снег,
Чырвоны снег,
Чорны снег.
Нашай святыні –
Хатыні».*¹⁰¹

Ещё более публицистическими, пронизывающими душу любого человека, посещающего Хатынь, звучат прозаические слова Г. Буравкина из фотоальбома Хатынь (1976): «Ён такі адзін на свеце, гэты жалобны ўзгорак з чорнага мармуру. Тры бярозкі ўскінулі над ім сваё зялёнае вецце. А на тым месцы, дзе магла б весела шалясцець чацвёртая, моўчкі шугаюць барвовыя языкі полымя. І заўсёды побач з беластвольмі сімваламі жыцця, будзе гарэць Вечны агонь. У памяць аб кожным чацвёртым-загінуўшым...».¹⁰²

Антифашистская тема звучит и в проклятии полицию, и в отказе на право жизни предателю, и в стихах о последствиях войны («А былых салдатаў кулі даганяюць. То інфарктам, то сухотамі. – А толькі праразаюцца варожыя асколкі, хлопцы падаюць без крыку і стогну»), от которых «не закрыцца ні акопам, ні бранёю, не мінулай пераможнаю вайною...». В ответ на покровительство, непонятно мягкие меры, определяемые для нацистских преступников западноевропейскими судами, поэт пишет стихотворение «Идёт процесс...» («Ідзе працэс...»), в котором главное обвинение фашизму ведётся от имени солдат минувшей войны, от имени соседа, у которого ночью «кашаль разрывае грудзі», у которого «не зажыўшыя раны і два салдацкіх ордэна Славы», от имени инвалидов, у которых «нудна, аднастайна, раўнадушна пратэзы ў цішыні начной рыпяць» – «Когда земля спокойно засыпает...» («Калі зямля спакойна засынае...»). Протестом против всякого насилия над человеком, против современного (в 1970-е годы. – А.Р., Ю.Р.) фашизма проникнуто такое остропублицистическое произведение, как стихотворение «Памяти Пабло Неруды» («Памяці Пабла Неруды» – «...А генералы не сябруюць з паэтамі. Яны забіваюць паэтаў – кастэтамі, ці ракетамі, ці рукаяткамі пісталетаў...»).

Обращаясь в своём творчестве к актуальным темам и горячим точкам планеты, Г. Буравкин предупреждает читателя о том, что ошибочно было бы думать, что все «баі закончаны і бесклапотна спіць салдат». Нет, в тревожном XX столетии, особенно в 1960 – 1980-е годы, когда накоплены арсеналы атомного и водородного оружия, следует всегда быть готовым дать отпор агрессивным намерениям западной военщины:

*Як толькі ў свеце пачынаецца
Далёкі клёкат кананад,
Раптойна памяць прапачынаецца.
Не спіць салдат.*¹⁰³

Особенно взбудоражила душу мысль в сердце поэта гибель такого защитника Отечества, символа Отечества, как Юрий Гагарин – свидетельство тому – глубоко-нравственное и в то же время социально-звучащее произведение «Поэма расставания» («Паэма расстання»). Он, лично знакомый с Ю. Гагариным, был уверен, что вместе с ленинской усмешкой останется «і ўсмешка гагарынская таксама».

¹⁰¹ Бураўкін, Г. Жніво / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971. – С. 19, 21, 23.

¹⁰² Бураўкін, Г. Хатынь. – Мінск, 1976. – С. 3.

¹⁰³ Там же. – С. 44.

Думаем, что читателю (и 1970-х годов и сегодняшних дней. – А.Р., Ю.Р.) понятна уверенность поэта в том, что силы мира непобедимые и что наступит день такой – его в веках прославят, «калі гранёныя штыкі на кельмы пераплаваць».

* * *

Поэтическое творчество Геннадия Буравкина во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов действительно многоплановое – постоянно жизнеутверждающее, по-народному образное, колоритное. В его стихах, поэмах, публицистических выступлениях, рецензиях на книги других авторов сочетаются лиричность с эпосом, интимные переживания с глубоко-гражданскими чувствами, простота взглядов на жизнь с философско-аналитическим осмыслением действительности. Стремление к правде, к истине, к совершенству становится стержнем его поэзии. Всё это связывается в единое целое памятью о минувшей войне, чувствами и моральной простотой современников поэта, автобиографическими мотивами и темпераментом самого поэта. Уместным представляется привести здесь слова известного белорусского поэта, лауреата премии Ленинского комсомола Беларуси Василя Зуёнка: «Што ж тычыцца ўласна лірыкі, вершаў, то голас паэта, яго інтанацыя, тэмперамент, нават жэст прачытваюцца ...выразна, дакладна і непаўторна».¹⁰⁴

Проникновение в сущность жизненных явлений, стремление дойти до их смысла, открытая беседа с реальным человеком, живущего вместе с нами на земле, конкретность мысли, её глубина и выразительность делают произведения Г. Буравкина идейными и высокохудожественными, завоевавшими для них заметное и высокое место в белорусской советской литературе. Свои размышления над проблемами второй половины XX ст. поэт выражает следующим образом: «Я ўсё стражэй да слоў сваіх і рук, трывожыць сэрца мне любая дробязь, нібы адказнасць я за ўсё бяру, што ў цэлым свеце думаюць і робяць...».

Создавая свою поэтическую летопись окружающей его действительности, «з любоўю і нянавісцю зямной», Геннадий Буравкин жадно всматривается в происходящие события, изучает лица и характеры людей со всеми их красками и оттенками, противоречивостью и созвучием людских радостей, переживаний. Именно это позволяет поэту создать произведения, пронизанные теплотой и душевностью. Особенно мягкими, духовно-эмоциональными являются лирические стихи о любви, в которых два чудесных явления «любовь» и поэзия сливаются в единое целое. Стихи о любви можно найти в каждой поэтической книге Г. Буравкина, ибо тема эта вечная и неисчерпаемая:

*Калі хто скажа,
што дайно
ані
Ужо няма ў каханні таямніцы –
Не верце.
І яму яшчэ прысніцца.
Яно, як цуд нязнанай чысціні.¹⁰⁵*

И ещё одно – «Нет, мы с тобою не святоши» («Не, мы з табою не святошы») – из книги «Дыхание»:

*Не,
мы з табою не святошы.*

¹⁰⁴ Зуёнак, В. На кроне пяшчоты і гневу / В. Зуёнак // Беларусь. – 1986. – № 8. – С. 24.

¹⁰⁵ Бураўкін, Г. Пяшчота / Г. Бураўкін. – Мінск, 1985. – С. 6.

*Мы прагна выпілі,
да дна.
І ласку вечароў харошых,
І пацалункі давідна.
...Няхай яно жыве са мною,
Да скону грэючы жыццё,
Маё мужчынскае,
зямное,
Святое гэта пачуццё.¹⁰⁶*

Ещё одно стихотворение из книги «Исток»:

*Вы чуце –
чаромха расцвіла?
...Чаромхавая бель –
як цёплы снег.
Як незаплямлены вясельны вэлюм...
І галава ўжо кружыцца завельмі.
І так салодка вабіць першы грэх...
Заві сваю адзіную,
заві,
Бяжы да мілых вуснаў наярэймы,
Ламай чаромхі душныя бярэмы,
Кідай да ног каханай хмельны май.¹⁰⁷*

Читая интимную лирику Г. Буравкина, неожиданно начинаешь чувствовать, что его любовь – это не некая заданность, привнесенная из вне в человеческое сообщество. Это – то сложное духовно-нравственное образование, в котором отчётливо прослеживается процесс зарождения, утверждение и зрелость, процесс, в котором не только происходит открытие человеческого в человеке, но и ведётся переоценка того, что было в жизни ранее, возникают определённые сомнения, разрешаются противоречия и только после всего этого утверждается понимание необходимости для тебя именно этого человека на земле как самого единственного и неповторимого.

Особенно выразителен этот мотив в двух стихотворениях из поэтического сборника «Стражи верности». Вспомним о сомнении, звучащем в стихотворении «Мне с тобой бы лучше разминуться...» (Мне з табой бы лепей размінуцца...»). Лирический герой, анализируя свою жизнь, неожиданно заявляет: «Мне з табой бы лепей размінуцца, міма праляцець на паўкрыла... Дык чаму ж малюся той мінуце, што з табой няпрошана звяла?». Налицо, и сомнения, и чувство, настоящее, жизненное, единственное, которое выразительно фиксируется в стихотворении «Не боюсь...» («Не баюся...»). Для лирического героя остаётся в жизни то, что привносит в его создание и мироощущение высочайшее из чувств: «Я з табою багаты, разумны харошы... Дык няўжо ты дазволіш, каб стаў я нічым без цябе».

Свои лучшие стихи о вечном свете любви, её загадочных таинствах, её всеобщности и индивидуальности Г. Буравкин собрал в книге «Нежность», придав ей подзаглавие «Стихи о любви». Сошлёмся ещё раз на Т. Бондарь. Анализируя «Нежность», она пишет: «Вершы ў большасці сваёй, добра вядомыя чытачу, сабра-

¹⁰⁶ Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966. – С. 91.

¹⁰⁷ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 79.

няя разам, пад адным «дахам», быццам высвечваюць яшчэ адну ўласцівасць яго таленту – ідучы ад фальклору, ад народнай песні, працуючы ў традыцыях вялікіх песняроў нашых Максіма Багдановіча, Янкі Купалы і Якуба Коласа, якія такімі светлымі, сонечнымі фарбамі малявалі вобраз жанчыны, вобраз каханна. Генадзь Бураўкін умее надаць гэтым фарбам непаўторна свае адценні, ажывіць іх». ¹⁰⁸

Приглашаем читателя познакомиться хотя бы с несколькими строфами из стихотворений из книги «Нежность». И начнём со следующих:

*Калі хто скажа,
што ў каханні ён
Усё спазнаў і вычарпаў
дазвання
Не верце...
Ён не знаў яшчэ каханна,
Ён яшчэ трапіць да яго ў палон.
...Не верце.
І яму яшчэ прысніцца
Яно, як цуд нязнанай чысціні...
(«Не верце...»)*

* * *

*Ты не ішла – абсыпаная зорамі,
Хмурынкай лёгкай да мяне
плыла.
Усё з адчаю, чысціні і сораму,
З даверлівасці, страху і святла.
Цьмянелі, аддаляліся і гэзнулі
Зямныя і нябесныя агні.
І я ступіў насустрач цёплай
бездані.
Здзіўлення,
шчасця,
тайны, цішыні.*

Каждое из стихотворений, отобранных Г. Буравкиным для включения в сборник «Нежность», не будешь читать без трепетного волнения, без собственного читательского понимания прекрасности любовных чувств или, как когда-то заметил известный французский лётчик А. де Сент-Экзюпери, видеть не одного во взгляде друг на друга, а смотреть в одном направлении. Образ любви как всеобладающего гармонического чувства, владеющему магической силой вести за собой человека, ярко выражены в следующем стихотворении:

*Я іду за табой,
як сляпая,
Патрапляю ў замецены след.
Засыпае нас снег, засыпае.
Белы снег,
Белы след.*

¹⁰⁸ Літаратура і мастацтва. – 1986. – 26 сакавіка.

Белы свет...
І вакол –
 ні вачэй, ні акон.

На зямлі –
 я і ты,
 і завея.

Белы снег,
Белы клён...
Белы сон...

(«Снежная імпрэсія»)

Непрэменно, было бы нашай авторскай ошибкой, если бы не обратили внимания читателя на то, что в интимной лирике рядом с лирическим героем всегда присутствует образ женщины, образ, придающий многим произведениям особую проникновенность и нравственно-эстетическую ценность. Прочувственно и красиво выглядят слова Г. Буравкина в стихотворении «Женщин красивых необходимо беречь» («Жанчын прыгожых трэба берагчы»):

*Жанчын прыгожых трэба берагчы
Ад пошласці, каварства і знявагі,
І ад мяшчанскай зайздрасці і звягі,
І ад залішняй ветласці і ўвагі,
І ад рукі нахабнай на плячы.
Яны прыйшлі на грэшную зямлю,
Як сны і летуценні залатыя,
Жаданыя і трошачкі святыя,
Нязнанага суладдзя панятыя, –
Святлом напоўніць вечнае «люблю».¹⁰⁹*

Следует подчеркнуть, что своей любовной лирикой Г. Буравкин стремится раскрыть сущность и целостность человека, утвердить его нерасторжимую связь с окружающим миром, его духовность и красоту. И, безусловно, прав поэт, утверждая, что чувство это всеобъемлющее и во власти его постоянно находится его величество Человек:

*І быць можа, на тых раздарожжах
Зразумець ты паспееш яшчэ:
Ад мяне уцячы ты можаш,
Ад кахання ж – ніяк не уцячэш.¹¹⁰*

А поэтому есть все основания для того, чтобы интимную лирику Г. Буравкина поставить в один ряд с творчеством таких известных советских поэтов, много пишущих о любви, как В. Фёдоров, С. Щипачёв, Ю. Друнина, Э. Асадов, Е. Евтушенко и др.

Говорят, что в жизни любовь и хорошая песня всегда будут рядом. Возможно, поэтому многие лирические стихи Г. Буравкина были положены на музыку, а сам он навсегда сохранил любовь к мелодической народной песне, той, что свои истоки берёт в седой древности. В творчестве поэта звучит она и на

¹⁰⁹ Бураўкін, Г. Звезда для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986. – С. 57.

¹¹⁰ Бураўкін, Г. Пяшчота / Г. Бураўкін. – Мінск, 1985. – С. 23.

именинах ветерана-генерала, и в деревенской избе, и в исполнении известного ансамбля «Песняры».

*Сэрцу радасна і балесна
Ад таго,
як прыходзіш зноў
Ты, мая беларуская песня.
Да сваіх і чужых сыноў.¹¹¹*

Назовём лишь несколько, наиболее популярных песен, написанных белорусскими композиторами на стихи Г. Буравкина: «Беларусь мая сінявокая» (композитор Л. Барткевич)*, «Завіруха» і «Жар-птушка» (Э. Ханок), «Калыханка» и «Першае спатканне» (В. Раинчик), «Зачарованная мая» и «Песня пра маці» (И. Лученок), «Сляды юнацтва» (В. Иванов), «Незнаёмка» (Ю. Семяняка), «Белыя крылы» (Э. Зарицкий) и др.

Открытость и публицистичность, такие же максимальные, как искренность и лиричность в стихах о любви, характерны для антимещанских произведений поэта. Ему не по душе духовная усталость, пассивность, злоба и равнодушие, двурушные люди, что «абнімаюцца са мною і з непрыяцелем маім». Таких принципиальностью не купишь. «Яны носяць магутны кукіш там, дзе цёплыя кашалькі». «Я проста ненавіжу і аб'яўляю ціхенькім вайну» – в словах этих из поэмы «Чужая исповедь» («Чужая споведзь»), на наш взгляд, очень точно сформулирована жизненная позиция Геннадия Буравкина. На протяжении всего своего поэтически-публицистического творчества он борется с приспособленчеством во всех его проявлениях, беспринципностью, мещанско-обывательской моралью и философией. «Моральным максимализмом» пронизаны такие произведения Геннадия Буравкина, как поэма «Чужая исповедь» («Чужая споведзь»), стихотворения «Компромиссы» («Кампрамісы»), «О скромности» («Пра сціпласць»), «Собакари» («Сабакары»), «Не думая очень о вечном...» («Не думаячы надта пра вечнае...») и др. Поэт против всяких моральных компромиссов. Хорошо зная жизнь, он в стихотворении «Компромиссы» приходит к выводу, что уступки сначала в не большом, не главном, на первый взгляд, малозначительном, закономерно ведут к финалу, когда «рукі выпускаюць сцяг».

Хотели бы напомнить читателям строки из одного иронического, даже злого, но очень меткого стихотворения «Собакари»:

*Мой гней –
супроць гаспадароў.
Я б зразумеў іх,
каб не ведаў.
Што з радаслоўнаю шчанок
Для іх мілей,
чым сын суседаў
Ці нават родны свой унук.
Я б паважаў іх,
каб не бачыў,
Што ім дайсці няма калі
Ад клопатаў пра лёс сабачы
Да клопатаў пра лёс зямлі...*

¹¹¹ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 18.

* Далее в скобках будет называться лишь имя и отчество композитора.

*...У пальцах –
павадкі вужамі.
На пальцах –
ваўкадаваў шчэць.
І самі ўжо не заўважаюць,
Як пачынаюць сабачэць...¹¹²*

Или другой пример – остропублицистическое стихотворение «Не думая очень о вечном»:

*Не думуючы надта пра вякі,
Спяшаючы трыбух набіць уволю,
Не самародкі-дзеячы – дзялкі
Наперад прадзіраюцца ўсё болей.
Вала гісторыі даймаюць – «цоб цабе»!
(А ён цярпліва, чорны вол рабочы).
Панастаўлялі помнікаў сабе,
З якіх пасля нашчадак парагоча
Адданаць, талент, пот і мазалі
Змяніла падхалімскае старанне,
Да забавак старэчых давялі
Узнагароды, лозунгі і званні.
Заснулі ў цёплай засені пасад,
Не ведаюць, што пасярод дарогі
Аднойчы азірнецца вол назад
І ўсё ўзніме на крутыя рогі.¹¹³*

Стихотворение «Замечания на страницах одной литературной дискуссии» («Заўвагі на старонках адной літаратурнай дыскусіі») казалось бы затрагивает лишь проблемы жизни художественной интеллигенции. Однако же это лишь на первый взгляд. По сути – это развенчивание пустопорожнихобещаний, дельцов от гово- рильни, пустозвонов и других, обещающих людскую благоприятную жизнь.

*Каторы год ужо, каторы раз
Адно і тое зноў таўчэцца тупа –
Усенародна ўзнята напаказ
Вадою перапоўненая ступа.
Балбатуноў узрушаная раць
Размахвае кадзілам адмыслова...
Ці прыйдзе час, калі пачнуць караць
За справай не падцверджанае слова.¹¹⁴*

Направляя поэтические стрелы против человеческого равнодушия, людей для всех приятных и послушных, поэт с горечью констатирует, что в наш космический век, когда люди почти что понимают «галактык мову», как и ранее «блізкіх нам не можам зразумець». Поэт напоминает, чтобы в «суете сует» зем-

¹¹² Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 53–54.

¹¹³ Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986. – С. 16.

¹¹⁴ Там же. – С. 30.

ных мы не забыли, что «б'ягуць гады няўмольна і паспешна». «Нават згараюць знічкамі гады». В стихотворении «Вопрос себе и другим» («Пытанне сабе і іншым») он пытается понять:

*Няўжо надыходзіць стомленасць?
Няўжо адыходзіць настойлівасць?¹¹⁵*

Поэтому личной выглядит позиция поэта, видящего свою задачу в том,

*Каб свой верш,
як камень барыкадны,
Калі прыйдуць смерцю пакараць,
Кінуць у збялелы твар няпраўды
І пасля
спакойна паміраць.¹¹⁶*

Постоянное заглубление и исследование жизни, стремление понять и разрешить непростые вопросы своего времени, непринятие поэтом «ранішняй туманнасці» и «вячэрняй астарожнасці», психологизм и аналитичность, взаимосвязь интимного и гражданского, открытие манеры письма придают поэзии Г. Буравкина обострённое чувство ответственности перед Честью, Совестью, Обществом, наполняет её глубокой содержательной мыслью. «Што ні дзень жыцця ўсё болей, што ні дзень жыцця ўсё меней», – пишет, к примеру, поэт в стихотворении «В полях шелестит листва» («У палях шапоча лісце»). Глубокими философскими размышлениями наполнены суждения поэта о нравственной зрелости его и его поколения:

*Мы сталеем іначай,
Лёс нам выпаў другі.
І ўсё роўна трывога
Ля вачэй пакідае кругі.
Усё роўна турботы
Не даюць нам заплюшчыць павек.
І хапае гаркоты –
Не скупіцца на гэта наш век.*

Как-то в одном из интервью, рассуждая о силе поэтического воздействия, Г. Буравкин подчеркнул, что если удаётся объединить в одно поэзию и публицистику, то это приведёт к успеху. Правда, он может быть достигнут при условии, «каб душа жыла сённяшнім днём», хотела им жить. И время подтвердило правильность мыслей поэта – его поэтическая публицистика стала не только средством художественного познания действительности, но и мощным средством утверждения общественной морали 1970 – 1980-х годов.

* * *

На первых страницах нашего очерка мы писали о большом вкладе Г. Буравкина в создание белорусской литературной Ленинианы. Центральное место среди всех произведений, безусловно, принадлежит «хрестоматийной» поэме

¹¹⁵ Бураўкін, Г. Выток / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974. – С. 50.

¹¹⁶ Бураўкін, Г. Жніво / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971. – С. 113.

(Р. Бородулин) «Ленин думает о Белоруссии» («Ленін думает пра Беларусь»)* (поэтическая книга «Стража верности»), ставшей, по сути, основой дела в присуждении поэту в 1980 г. Государственной премии БССР им. Я. Купалы.

В поэме «Ленин думает о Белоруссии», – отмечает Народный поэт Беларуси Р. Бородулин, – «паэт змог сказаць шмат пра Леніна, дарагога сэрцу кожнага беларуса, зрабіць Леніна беларускім ці дакладней – убачыць велічную постаць Уладзіміра Ільіча вачыма беларуса, вачыма ўдзякі, вачыма пашаны, вачыма захаплення».¹¹⁷

На наш взгляд, не преувеличивая, можно утверждать, что поэма Г. Буравкина «Ленин думает о Белоруссии», в которой органически соединены публицистика с историческим исследованием, лирическое и социальное стало заметным явлением в многоплановой художественной Лениниане, создаваемой представителями многонациональной художественной культуры. Для того чтобы по-настоящему понять написанное, нужно прочитать. Сила художественного произведения в том, что воздействует оно не только на разум, но и на чувства человека. Г. Буравкин смог как исторические факты, так и увиденное им самим пропустить через своё сердце, наполнить лирико-философским содержанием и рассказать обо всём образно и заинтересованно.

Нельзя оставить без внимания пусть всего и одну книгу Г. Буравкина для детей дошкольного возраста «Три сказки о Зае», в которой поэт выступил автором, глубоко чувствующим и знающим детскую психологию. «Як сына блуднага свайго, мяне зноў казка прыручае», – признаётся поэт в одном из стихотворений сборника «Стража верности». Казалось бы, сказка. Но в ней детишки встречаются со своими добрыми знакомыми – весёлым, доверчивым, смекалистым Зайкой, выходящим из самых сложных ситуаций – встреч и с разбойником-волком, и с хитрой лисой. Всего три сказки («Зай и яблонька» («Зай і яблынька»), «Как Заю хвост спасали» («Як Заю хвост ратавалі»), «Зай и Петя» («Зай і Пеця»), но как тонко и умело подводит юных читателей к пониманию душевной щедрости, взаимопомощи и дружеской поддержки – ведь на помощь Заю, на которого охотится хитрая лиса, приходят и дятел, и ёж, и тетерева, и лесное птичье царство, и даже сам лесной хозяйка Медведь. И, благодаря такой поддержке, Зай убедился, что «добра ў полі і ў бары, калі ўсюды ёсць сябры, што ніколі і нідзе не пакінуць у бядзе». Детский сборник Г. Буравкина, благодаря доверчивой интонации и неторопливому действию, получился интересным, скромным, без излишней дидактики, открывшей для многих детей первое путешествие в чудесный и богатый мир белорусской природы.

А ещё в исследуемом нами периоде Г. Буравкин известен читателям как переводчик и автор многих литературно-критических статей и рецензий. В поле его внимания именитые авторы (П. Панченко, И. Мележ, В. Быков), поэты его поколения (Н. Гилевич, В. Зуёнок), молодые авторы (Д. Бичель-Загнетова, М. Гиль, И. Ходанович), многие книги по белорусской художественной культуре.

В подтверждение – два примера – буравкинская оценка творчества поэта Д. Бичель-Загнетовой и прозаика В. Быкова. У Д. Бичель-Загнетовой «Нацыянальная і духам сваёй творчасці, і блізкая да фальклору, і самім характарам лірычнага героя ці, дакладней, лірычнай гераіні... І філасофія, і публіцыстыка ў яе вырастаюць з быту, з штодзённых турбот, клопатаў і трывог роднай зямлі».¹¹⁸ «Талант Васіля Быкава, – пишет автор очерка «По долгу и праву солдата» («Па доўгу і праву салдата»), – палемічны, героі яго адстойваюць да апошняга не

* Анализ этого произведения сделан в книге: Русецкі, А. Ісці да чалавека. – Мінск, 1987. – С. 146–151.

¹¹⁷ Барадулін, Р. Цвёрдая цана слова / Р. Барадулін // Польшыя. – 1986. – № 8. – С. 182.

¹¹⁸ Польшыя. – 1968. – № 6. – С. 229.

толькі агнявыя рубяжы, але і свае маральныя прынцыпы, свае ідэалы, якія – падкрэслю – ніколі не разыходзіліся з ідэаламі нашага сацыялістычнага грамадства. І ці варта папракаць за гэта пісьменніка (а такі папрок не-не ды і сённа прагучыць спадцішка)? Хіба не ў сутыкненнях думак, поглядаў, учынкаў выяўляецца сутнасць чалавека, нараджаецца ісціна? Хіба няма і сённа ў нас баязліўцаў і эгаістаў, якія лоўка і хітра стараюцца перакласці сваю частку агульнай ношы на іншых, якія згодны на роўнасці толькі пры размеркаванні даброт і сціпла ўступаюць іншым частку грамадскай адказнасці? Зрываць з іх маскі – салдацкі абавязак сумленнага пісьменніка, сумленнага грамадзяніна». ¹¹⁹

* * *

Ошибочно было бы думать, что поэзия Г. Буравкина во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов – это сплошной путь успехов и побед. На его поэтическом пути были и не совсем приятные моменты, – критики отмечали в отдельных произведениях риторичность, невыразительность, повторяемость... Но влюблённость во всё земное и острое желание реагировать на все проявления действительности, стремление к глубокому проникновению во внутренний мир современника, завистливая способность мыслить смело и проблемно, позволили преодолеть те недостатки и неточности и придать поэзии Г. Буравкина социальную значимость и высокую духовность, преобразовать её в поэтические размышления над проблемами современности, над ролью и местом в жизни общества литературы и искусства (вспомним хотя бы его слова из стихотворения «Слово наше родное...» («Слова наша роднае...») – «Матчына выцвілае слова, даўжнікі мы вечныя твае... Так нам не хапае Куляшова, Мележа, так горка не стае». И далее:

*Каб не адляцела, як салоўка.
Не аглухла ў гуле бальшакоў...
Строга з нас вачэй не зводзіць
Броўка.
Стоена ўзіраецца Лынькоў.¹²⁰*

Очевидно, что юношескую непосредственность первых поэтических сборников сменило умение рассуждать, зрело относиться к оценке жизненных ситуаций, углубить философские оценки темам общечеловеческой значимости. Более последовательным стал процесс художественного осмысления действительности и места Человека в ней. Стали более значимыми две взаимосвязанные линии: непосредственность и правдивость при отражении современных ему реалий и твёрдая, уверенная озабоченность о будущем. Так убедительно-загадочно высказался однажды известный советский критик и исследователь творчества Г. Буравкина И. Шкляревский: в поэзии белорусского поэта встретились в двуедином сочетании Лирик и Гражданин, здесь «обнялись, как два брата – тихий сельский и дерзкий городской... И, хотя произошло это не сразу, они встретились и обнялись». ¹²¹ Поэт оставался верным идеалам начала творческого пути – готовности к полемике и борьбе за Нравственность, Счастье и Жизнь всех людей на земле. И, действительно, нельзя не согласиться с Дважды Героем СССР лётчиком-космонавтом Петром Климуком, высказавшимся откровенно: «Добрыя спадарожнікі жыцця, мужныя і строгія вершы».

¹¹⁹ Нёман. – 1980. – № 1. – С. 167.

¹²⁰ Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986. – С. 29.

¹²¹ Шкляревский, И. Слово и дело Геннадия Буравкина // Дружба народов. – 1986. – № 10. – С. 266.

На наш взгляд, самыми правильными и выверенными словами, которыми можно было бы завершить этот материал, могли бы стать слова самого героя нашего очерка:

«...паэзіяй, як і усялякай іншай справай, трэба займацца штодзённа. А яшчэ, я лічу, што мог і павінен быў напісаць лепш. Але я – чалавек свайго часу, свайго пакалення, сваёй зямлі. І ўдзяляў увагу многім падзеям, якія ў гістарычным сэнсе не мелі таго значэння, якое мне тады здавалася. Калі б я працаваў больш пастаянна, было б больш і пошукаў формы, «гульні» словам, што, на мой погляд, бліскуча ўмее рабіць Рыгор Барадулін. Але ўсё, што мной створана – маё, я ні ад чаго не адмаўляюся, за ўсё нясу адказнасць. Я ў сваіх вершах такі, які быў, які ёсць, і, спадзяюся, гэтым некаму цікавы».¹²²

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсток, М. Руплівы поўдзень: нарыс творчасці Генадзя Бураўкіна / М. Барсток. – Мінск, 1984.
2. Бураўкін, Г. Дыханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1966.
3. Бураўкін, Г. Вершы / Г. Бураўкін. – Мінск, 1969.
4. Бураўкін, Г. Жніво: кніга паэзіі / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971.
5. Бураўкін, Г. Тры старонкі з легенды. Штрыхі аднаго лёсу / Г. Бураўкін. – Мінск, 1971.
6. Бураўкін, Г. Выток: вершы / Г. Бураўкін. – Мінск, 1974.
7. Бураўкін, Г. Варта вернасці: вершы і паэмы / Г. Бураўкін. – Мінск, 1978.
8. Бураўкін, Г. Пяшчота: вершы пра каханне / Г. Бураўкін. – Мінск, 1985.
9. Бураўкін, Г. Выбраныя творы: у 2 т. / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986.
10. Бураўкін, Г. Гняздо для птушкі радасці / Г. Бураўкін. – Мінск, 1986.
11. Бураўкін, Г. Сінія арэлі / Г. Бураўкін. – Мінск, 1987.
12. Кавалёў, С. Партрэт шкла: літаратурна-крытычныя артыкулы / С. Кавалёў. – Мінск, 1991.
13. Русецкі, А. Маладосць душы (Генадзь Бураўкін) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. – Мінск, 1987.

АНАТОЛИЙ ВЕЛЮГИН

Але найперш Анатолий Вялюгин – паэт з божае ласкі. Вольна, свежа, хораша дыхаецца на «мурожным і росным» мацерыку вялюгінскай паэзіі, якая палоніць кожнага сваім сакавітым, надзіва зямным і такім нечаканым словам, якое свеціцца, звініць, радуе сэрца і ўзвышае душу. Толькі яго выбраных вершаў і паэм, якія ўвабралі і першыя маладыя радкі, і напісанае сталаю рукой, настолькі вагомыя, што назаўсёды застануцца ў духоўнай скарбніцы нашага народа.

С. Законнікаў

У паэта, калі ён паэт, не заўважым узроста-вых меж, распаду на маленства, юнацтва, сталасць. Паэтава «я» канцэнтруе адразу ўсё, прашласць, сённяшнясць, прышласць.

А. Велюгин

Суждение поэта С. Законникова, думаем, не нуждается в комментариях, а вот мнению самого **А. Велюгина**, поэта, киносценариста, переводчика (родился 27 февраля 1923 г. в д. Мошканы Сенненского района, умер 24 октября

¹²² Чырвоная змена. – 2000. – 11 студзеня.

1994 г. Похоронен в г. Минске) можно было бы возразить. Пожалуй, можно было найти другие, более возвышенные слова. Возможно, и так. Однако, по нашему мнению, именно в этих, высказанных им самим словах, содержится и в самом концентрированном виде глубокая и всесторонняя характеристика его многопланового творчества. Если вести разговор, как говорят, по большому счёту, то следует отметить, что почти пятидесятилетний путь А. Велюгина в белорусской художественной культуре с позиции сегодняшнего дня выглядит как единый творческий порыв, в котором благодаря взаимосвязи романтически*-публицистического и образно-ассоциативного начал сливаются в неделимое целое личное и общественное, отдельное и всеобщее, лирическое и философское.

К началу рассматриваемого нами периода А. Велюгин уже стал известным белорусским поэтом – ведь первое его стихотворение было напечатано ещё в 1937 г.^{**}

Активная творческая деятельность в поэзии, детском творчестве, белорусском кинематографе была особенно активной во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. Подтверждением нашему тезису является присуждение нашему земляку в 1968 г. Государственной премии БССР, а в 1969 г. – присвоение ему «Заслуженный деятель культуры Белоруссии».

Из-под пера А. Велюгина в эти годы выходят из печати книги «Вада і вуда» («Вода и удочка») (1967), «Ветер с Волги» («Вецер з Волгі») (1968), «Сентябрьский сбор: стихи и поэмы» («Верасовы ўзятак: вершы і паэмы») (1974), «Песни зелёного дуба: стихи, поэмы» («Песні зялёнага дуба: вершы, паэмы») (1989).

В эти годы произведения А. Велюгина печатаются в коллективных литературных сборниках «Дзень паэзіі-69, 74, 75, 79, 80, 82, 83, 84», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Люблю будзённы дзень», «Слова пра родны кут», «Слова Арміі Савецкай», «Горад і гады», «Крывёю сэрца», «Тры крокі ад сонца», «Зорка Венера» и др. Его стихи печатаются на Украине – в коллективных сборниках переводов – «Чолом тобі, славутичу», «Балада мужености й відвагі» и др.

Как один из активных авторов Ленинианы, А. Велюгин печатался в сборниках «З Леніным заўсёды Беларусь», «Наш дарагі Ільіч», «Жыве між нас геній» и др.

Отметим и то, что произведения А. Велюгина включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры», а сам он был составителем и редактором «Анталогіі ўкраінскай паэзіі».

Стихи, поэмы, поэтические произведения для детей, публицистические очерки и заметки постоянно печатают республиканские газеты («Звязда», «Советская Белоруссия», «Сельская жизнь», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Настаўніцкая газета», «Во славу Родины», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналы («Полымя», «Беларусь», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Родная прырода», «Вожык», «Бярозка»). Он был постоянным внештатным литературным корреспондентом витебской областной газеты «Віцебскі рабочы» и минской городской «Вячэрні Мінск». Как никто из белорусских авторов, А. Велюгин активно сотрудничал с союзными изданиями «Правда», «Известие», «Литературная газета», «Огонёк», «Новый мир», «Знамя», «Молодая гвардия», «Звезда».

А сколько времени А. Велюгин посвятил переводческой деятельности. Благодаря его активности, белорусский читатель познакомился с произведениями М. Лермонтова, А. Мицкевича, В. Броневского, К. Тувима, В. Маяковского, М. Начнибеды, П. Воронько, А. Белоуса. Кроме того, поэтом переведены многие поэтические строки из произведений армянских, болгарских, грузинских,

* Некоторые исследователи творчества А. Велюгина определяют как неоромантическую.

** Начальный период творчества А. Велюгина в самом сжатом виде мы проанализировали в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965)». – Витебск, 2010. – С. 35–43.

древнерусских, еврейских, испанских, латышских, литовских, таджикских, туркменских, чешских авторов.

Ответом зарубежных авторов на постоянное внимание А. Велюгина к их поэзии стал перевод его поэтического творчества на русский, украинский, английский, армянский, болгарский, грузинский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, немецкий, осетинский, таджикский, татарский, узбекский, французский, чувашский языки.

Именно в эти годы А. Велюгину удалось претворить в жизнь советы великого поэта от кино Александра Довженко, лекции которого он слушал во время доверенной учёбы в Московском институте кинематографии. Как вспоминает сам поэт, А Довженко «быў чуллівы, харошы, быццам па закону прыроды і часу народжаны для творчасці, рашучы і бязлітасны ў спрэчках». Он учил молодых «не па казённаму, а вельмі паэтычна ва ўсім комплексе жыцця падысці з шырока адкрытымі вачыма да зямлі, прыпасці да яе і паслухаць свет».¹²³ А поэтому и отдаст он кино более 20 лет жизни и станет автором более 40 художественных и документальных фильмов («Эхо в пуще» – «Рэха ў пушчы», «Дядюшка Якуб» – «Дзядзька Якуб», «Янка Купала» – «Янка Купала», «Я – крепость, веду бой» – «Я – крэпасць, вяду бой», «Витебские узоры» – «Віцебскія ўзоры») и др.

В этой связи заслуживает внимания мнение самого А. Велюгина: «Адна часова працуючага рэдактарам адзела паэзіі ў часопісе «Польмя» і членам сцэнарна-рэдакцыйнай калегіі Беларускага тэлебачання, я не адчуваў, што «кіно адбірае ў паэзіі душу». Наадварот, – вучыць трапнасці зроку і думкі, маштабнасці і ашчаднасці ў слове адзіна патрэбным».¹²⁴

Вспоминает бывший главный редактор киностудии «Беларусьфильм» наш земляк Н. Пашкевич: «калі ідзе цяжкі матэрыял, звяртаемца да Вялюгіна. Ён можа доўга не брацца за работу... Як бы прымяраецца... А потым за катастрофічна кароткі тэрмін, на адным дыханні робіць тое, што іншыя і за месяцы не здолеюць... Ды як жа хораша і грунтоўна робіць».¹²⁵ Убедительным дополнением к словам Н. Пашкевича могут быть киносценарии «Глобус Наполеона» («Глобус Напалеона»), «Яблони на границах» («Яблыні на граніцах»), кинобаллады «Когда станешь звездой» («Калі станеш зоркай»), документальная киноэпопея «Мне снятся сны о Белоруссии» («Мне сняцца сны аб Беларусі»).

Не будет преувеличением, если согласиться с выводам специалистов, что А. Велюгин, по существу, является создателем своеобразной белорусской сценарной школы документализма. Фильмы, созданные по его сценариям, выгодно выделяются поэтичностью, импрессивностью, личностными оценками видимого и пережитого. Р. Бородулин в одной из своей поэтических шуток так оценил кинематографическую деятельность А. Велюгина:

*І мірны дзень –
Для ратнай справы.
З-за кінастужак не відно.
Пад артагнём няўмольнай славы
Навёў Вялюгін пераправы
З паэзіі ў кіно.*

¹²³ Вялюгін, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Вялюгін. – Мінск, 1973. – Т. 2. – С. 271–272.

¹²⁴ Вялюгін, А. Пастскрыптам да жыццяпісу / А. Вялюгін // Выбраныя творы: у 2 т. – Мінск, 1984. – Т. 2. – С. 410.

¹²⁵ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 23 снежня.

Кроме того, поэт А. Велюгин – автор текстов ко многим художественным альбомам: «Поднятый из руин» – «Узняты з руін», «Нарочь» – «Нарач», «Хатынь» – «Хатынь», «Генерал Пуща» – «Генерал Пушча» и др.

А.С. Велюгин – лауреат Государственной премии БССР имени Я. Купалы, Заслуженный деятель культуры БССР.

* * *

Постоянное постижение действительности в конкретную человеческую деятельность, дополненное насыщенной и полнозвучной поэтической палитрой, позволяли А. Велюгину на разных этапах творческой деятельности сохранять свои выразительные координаты во времени и пространстве. И пускай в начале пути – это была возвышенно-романтическая манера письма, в послевоенные годы в поэтических произведениях преобладала личностная лирика, наконец, во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. – это высокое мастерство, в котором есть и лиричность, и интеллектуальность, но всегда – актуальность, правдивость, гуманизм. Нельзя не согласиться с Р. Берёзкиным, который в предисловии к сборнику «Синий вереск», изданному в Москве, писал: «Среди белорусских поэтов, которые начинали до войны, нашли себя на войне, но настоящее признание получили в послевоенные годы, Анатолий Велюгин – один из наиболее талантливых и интересных. Поэтике Анатолия Велюгина присущи ассоциативное разнообразие, богатство и выразительность ритмов. Воспитанный на образцах классической и современной поэзии, он не чуждается привлекательного народного слова, крепко связан со стихией белорусского народного языка. В его поэзии – живое чувство быстротечного времени, озарённого светлом истории».

Более полувека прошёл по творческому пути в белорусском искусстве Анатолий Велюгин. Было много увидено, пережито, переосмыслено. Как поэт своеобразного мировосприятия и миропонимания, как человек, горячо влюблённый в свою землю, через все эти годы он пронёс одну заповедную тему – тему родной Беларуси.

В одном из лучших своих стихотворений – «Признание в любви» («Прызнанне ў любові») – поэт пишет: «Я заўсёды баюся напышлівых выцвілых слоў, што звіняць, як жабрацкая медзь у асенняй журбе». И у поэта мы больше не найдём подобных слов, но за то найдём такие: «перапаліў у межах воз цяжкі, гарачы жнівень, калі чаплялася сена на галле самлелых бяроз», «варочаўся пад самым сонцам гультаяваты грозны гром», «цягнулі хмары з акіянаў шумлівых ліўняў невады».

Родные места, родные краевиды, «малая и большая Родина» являются постоянными адресами поэтовой любви. Им направлены каждое тёплое слово, многие поэтические произведения. Пожалуй, не будет преувеличением, если сказать, что лучшие стихи А. Велюгина – это те, в которых разговор идёт о Беларуси.* Накопленный в 1940-х – начале 1960-х годов поэтический опыт проходил дальнейшую гражданско-публицистическую закалку во второй половине 1960-х и в последующие годы. Стихотворные произведения, созданные в это время, полны глубоких мыслей и философских обобщений, проникнуты мажорным ладом в осмыслении происходящих изменений на белорусской земле. И вот здесь мы вправе соотнести слова известного поэта В. Тараса, сказанные им в отношении поэмы А. Велюгина «Ветер с Волги», с авторским поэтическим творчеством в последнее тридцатилетие его жизни. Вот его мнение – стихотворный слог поэмы крепкий, упругий, изобретательный, будто мастер-кузнец подковал

* О поэтическом воплощении этой темы в послевоенный период мы писали в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965)». – Витебск, 2010. – С. 35–43.

свою поэму добрыми, надёжными рифмами, отковал строки и строфы из звуков самой жизни.¹²⁶

Можно было бы подумать, что эти возвышенно-эмоциональные слова молодого коллеги А. Велюгина по перу – это дань уважения его авторитету. Однако, обратимся к самому поэту. В своей автобиографической заметке он откровенно признаётся: «Сам А. Велюгин после выхода поэмы отдельной книгой в своей автобиографической заметке сделал интересное для читателей признание: «...в спорте есть мера и надежда «третьей попытки». Я имею в виду трудность задачи. Поначалу было испугался, когда писались первые разделы поэмы «Ветер с Волги». Но, поднимая тяжесть, почувствовал могу». Добавим от себя: и мог, и смог.¹²⁷

Что же сформировало уверенность в успехе реализации столь смелого авторского замысла? Конечно, и довоенная творческая жизнь, и суровые военные годы, и восстановительный послевоенный период. Однако, небезынтересным видятся и авторские воспоминания о начале жизненного пути: «Пачатак быў закладзены ў дзяцінстве. У ім за ўсё жыццё набіраем мы запасы ўражанняў, матчыных слоў, любві да родных мясцін і землякоў. З мацерыка дзяцінства – гэтай першапачатковай маленькай радзімы – вырастае, высыпяе любоў да сваёй краіны.

Мая радзіма – Сенненскі край на Віцебшчыне, вёска Машканы, рэчка Абялянка, лясы і азёры. Святло тых бесклапотных дзён саграе ўсё жыццё. Дзяцінства даваеннай пары было асаблівым. Мы выпускалі ў калгасе «баявыя лісткі» і насценгазеты, арганізоўвалі рэйды «лёгкай кавалерыі», ставілі пасты па ахове ўраджаю. Была і ўзнагарода – ездзілі ў Віцебск глядзець «Чапаева». Найбольш яркія ўражанні ператвараліся ў вершы, якія я пасылаў у газеты «Піянер Беларусі» і «Віцебскі рабочы». А калі мяне выбралі дэлегантам усебеларускага з'езда дзіцячых карэспандэнтаў, упершыню ўбачыў сапраўдных паэтаў. Паступіў на рабфак. І не пісаць ужо не мог. Вершы нараджаліся і на фронце. Але сабраў іх разам і прачытаў іншымі вачамі, калі вярнуўся ў вызвалены Мінск і пачаў працаваць у штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва». Рэдактарам яго быў Аркадзь Куляшоў. Мне вельмі хацелася пачуць яго слова. Вось і рызыкнуў. Вершы, напісаныя пад Сталінградам, на шпітальных ложках, яму спадабаліся. А праз год, у сорок шостым, мяне прынялі ў Саюз пісьменнікаў. Пятрусь Броўка, тады галоўны рэдактар часопіса «Польмя», прапанаваў перайсці да яго. З таго часу я вяду адзел паэзіі, з'яўляюся членам калегіі гэтага старэйшага ў краіне часопіса».¹²⁸

Для возмужания поэтического таланта А. Велюгина, закалки его гражданской позиции особенно успешными были 1950-е – 1960-е годы. Однако подлинная творческая зрелость в разных жанрах и видах искусства наступила во второй половине 1960-х – начале 1990-х годов. Стихотворения, поэмы, киносценарии, литературно-критические публикации, созданные в это время, полны глубоких мыслей, насквозь пронизаны жизнеутверждающим началом, философским смыслом. Поэтом созданы такие хорошо известные стихотворения, как «Кажется, снова жизнь начата...» («Здаецца, зноў жыццё пачата...»), «Баллада о Москве» («Балада аб Маскве»), «Баллада о Кирилле Орловском» («Балада пра Кірылу Арлоўскага»), «Мы – парни живущие» («Мы – хлопцы жывучыя»), «Балканская баллада» («Балканская балада»), «Песня непобедимых» («Песня непераможных»), партизанская песня «Генерал Пуща» («Генерал Пушча») и др. Нельзя не согласиться с известным литературоведом О. Лойко, который в качестве основного творческого мотива А. Велюгина выделяет взаимоотношения человека и общества, человека и времени. Отдавая предпочтение теме Родины, её

¹²⁶ См.: Тарас, В. Вясныы вецер рэвалюцыі / В. Тарас // Польмя. – 1969. – № 4. – С. 240.

¹²⁷ Вялюгін, А. Пад ветразем у полі (старонкі жыцця) // Пяцьдзесят чатыры дарогі: біяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1983. – С. 130.

¹²⁸ Звязда. – 1983. – 7 снежня.

природы, трудолюбивому белорусу, он не оставляет без внимания жизнь других народов. О «культурной» революции в Китае читаем в стихотворении «Китайцы в Пекине» («Кітайцы ў Пекіне»), афганской войне посвящено стихотворение «Афганистан», не осталась без внимания и Чернобыльская беда:

*Твой лёс – у ярым зіхаценні:
святло зарніц... юнацтва цені...
агні дарог... вайны пажары...
і гул Чарнобыля, і хмары.
.....
Лысее край зеленакронны.
На сэрцы дзве чарнеюць зоны:
надзей і песень адсяленне
ад хат і мовы адчужэнне.¹²⁹*

Один из исследователей творчества А. Велюгина известный белорусский критик и литературовед М. Стрельцов со всей объективностью отметил: «Великая и завидная черта у А. Велюгина: стих его осязателен и скульптурен, но это не только следствие его словесной, образной вещности, но и иных, сознательных авторских предопределений – композиционно-созидательных. Поэт любит и умеет мыслить объёмными, так сказать, массаами, он строит образ, а посредством его и желаемую картину пространственно, он – архитектурен, если хотите. Вот почему, вот откуда сравнения леса с дворцом в одном случае, с собором – в другом, и вот почему всё это далеко не случайно».¹³⁰

* * *

На наш взгляд, при анализе политической и поэтически-публицистической деятельности А. Велюгина незаслуженно оставляются без внимания его публикации, посвящённые обращению к творчеству разных времён и национальностей, разных возрастов и авторитетов. Назовём лишь некоторые из них. Это лирически-философское эссе о В. Маяковском,¹³¹ размышления о Заслуженном деятеле культуры БССР, русском переводчике Я. Хелемском,¹³² русском переводчике стихов Я. Купалы, А. Кулешова, П. Панченко, М. Танка, А. Пысина, С. Дергая, Р. Бородулина, Н. Кислина. А ещё написанная, поистине с отеческой заботой и вниманием вступительная статья «Подснежники на расставание» («Пралескі на развітанне»)¹³³ или поистине пронизанные душевностью и влюблённостью мини-очерки, посвящённые М. Танку («Сентябрь, день семнадцатый» – «Верасень – дзень сямнаццаты»),¹³⁴ А. Кулешову,¹³⁵ П. Глебке,¹³⁶ К. Киреенко,¹³⁷ А. Пысину.¹³⁸

Мы не ставим своей целью пересказ этих публикаций, а вот с отрывками из двух эссе, всё же хотели бы познакомить современного читателя – очень уж

¹²⁹ Вялюгін, А. Шэрань / А. Вялюгін // Полымя. – 1990. – № 4. – С. 45.

¹³⁰ Стрельцов, М. В смелом лете спелый бор / М. Стрельцов // Нёман. – 1983. – № 12. – С. 156.

¹³¹ См.: Вялюгін, А. Маяк / А. Вялюгін // Полымя. – 1983. – № 7.

¹³² См.: Вялюгін, А. Птушка б'ецца пад рукой / А. Вялюгін // Полымя. – 1973. – № 11.

¹³³ См.: Вялюгін, А. Пралескі на развітанне / А. Вялюгін // Полымя. – 1978. – № 9.

¹³⁴ См.: Голас Радзімы. – 1982. – 23 верасня.

¹³⁵ Вялюгін, А. На паўмільярдным кіламетры / А. Вялюгін // Беларусь. – 1978. – № 3.

¹³⁶ См.: Советская Белоруссия. – 1978. – 10 декабря.

¹³⁷ См.: Там же.

¹³⁸ Вялюгін, А. Рэквіем, прыпынены тройчы / А. Вялюгін // Выбраныя творы: у 2 т. – Мінск, 1984. – Т. 2.

они и выразительны, и привлекательны. Первое – «Вековая песня» («Адвечная песня») посвящено 175-летию первого издания «Слово о полку Игореве»; второе – «Папоротник цветёт: («Папараць цвіце») – 90-летию со дня рождения Я. Купалы. Объединяющим их лейтмотивом можно назвать роль славянского Слова в мировой литературе, его непреходящую ценность для художественной культуры славян. И первое, и второе можно пересказать. Однако, эссе – это такой литературный жанр, эффект которого проявляется лишь при непосредственном общении читателя с текстом. К примеру, как можно пересказать следующие строки А. Велюгина из эссе «Папоротник цветёт» «Аўтар летапісу сваёй краіны, ён стварыў паэзію, па якой летапісцы будуць вывучаць новае жыццё беларусаў. Ляўкоўская нізка адразу сталася савецкай паэтычнай класікай.

Памяць беражэ яго: у промнях ляўкоўскага лета знаёмы і блізкі тутэйшы бог зямны з кавенькай уваходзіць у вечнае, як жыццё, жыта.

...Ён нарадзіўся і адышоў ад нас у ноч, калі зацвітае чароўная папараць. Толькі, хто паверыць о тое расстанне?

*Купала і Беларусь...
Пароль і водзій...¹³⁹*

Квинтэссенцию эссе о «Слове...» находим в заключительной его части. Сделаем небольшое отступление. После возвращения в освобождённый от фашистов Минск, поэт был поражён размахом партизанского движения в Беларуси и такой его особенностью, как организация партизанских школ, в которых, несмотря на трудности партизанского быта, продолжалось изучение школьных программ. Не имея бумаги (её не хватало даже для издания подпольных газет и листовок. – А.Р., Ю.Р.), дети вели свои записи на кусках бересты. «Бачыў я тыя шматкі бяросты, – отмечает А. Велюгин, – хвалючыся, праз слёзы, чытаў на іх словы: «палон», «брэшуць», «вежа», «сцяг». И вот оно авторское резюме – и в отношении к «Слову...», и в отношении к детским словам на бересте:

*Сухім пергаментам – бяросты скрутак.
Мурашкі-літары... На сэрцы смутак:
пісаць вучылася палеская дзятва,
як вылі юнкеры па сорок сутак,
гарэлі воблакі, і дрэвы, і трава.
Нястачы сведка – шытачак з раймага.
По шоўку сонечнай кары адвага
вадзіла, пішучы, няўмелую руку:
Радзіма, Вежа, Сцяг.*

Палон і Смага.

Гучаць такія ж словы

і ў «Слове аб палку!»

*Гартала вечны лемантар дуброва:
Суняўшы кашаль, грэлася ў пакровы
на папялішчах бесхацініца-вайна.
...Ніколі не загіне наша мова,
калі ў такім агні*

не згінула яна.¹⁴⁰

¹³⁹ Вялюгін, А. Папараць цвіце / А. Вялюгін // Беларусь. – 1972. – № 7. – С. 13.

¹⁴⁰ Вялюгін, А. Адвечная песня / А. Вялюгін // Польша. – 1975. – № 9. – С. 206.

И ещё об одном – о требовательном отношении А. Вялюгина к поэтическому творчеству, овладению начинающими авторами секретами стихосложения, бережном отношении к используемому слову. Талантливый и трудолюбивый, требовательный и внимательный, строгий и заботливый, он тонко ощущал дыхание времени, умел безошибочно определить достоинство произведения, искренне и просто сказать обо всём собеседнику. Почти 40 лет он возглавлял отдел поэзии в литературно-художественном журнале «Полымя». Его поэтический вкус, энциклопедические знания, редакторский опыт давали ему право на жёсткую требовательность и принципиальную оценку. Читаем в его автобиографической заметке: «Я не пра тых, што ў паэзію як па драбінах лезуць – вышэй бы ўзбіцца па службовай лесвіцы. Яны часта, вельмі часта б'юць у грудкі кулачкамі:

– Мы – маладыя!..

Гэтым вірусам трэба напамінь, што яны гадамі старэй за Лермантава і Багдановіча. А дзе ж вашы вершы? Нязграбна, пад капіроўку слянявіце тое, што «зроблена двума альбо трыма».

Не ўсё ладна ў нашай паэзіі. Некаторыя са старэйшых пры жыцці выдаюць поўныя зборы твораў, уключаючы ў шматтомнікі ўсё – ад першага бездапаможнага юнацкага вершыка да апошняй растрэпленай рэфмаванай пугі.

І гэта зноў пагражае паэтычнай інфляцыяй.

А ещё через шесть лет, в 1973 году в «Постскриптуме к жизнеописанию» («Пастскрыптур да жыццяпісу»), снова вернётся к этой теме: «Дзсяткі тысяч чытачоў пішуць вершы. Чытае ўся краіна. Кепска толькі тое, што амаль усе, без адбору, вершы друкуюцца, і часта – з партрэтамі аўтараў: часам маладыя паэты, якім бракуе творчага росту, проста на вокладцы другога ці трэцяга зборніка даюць свой фотаадбітак на ўвесь свой кароценькі рост. «Адных забіваюць раны. Другіх – лаўры»...

Патрэбны глабальны зрух, каб вярнуць паэзіі правы. Каб з'явіўся на свет дужы, жывы верш».¹⁴¹

С позиции «крепкого, живого стихотворения» он и подходил при оценке творчества начинающих авторов. О том, что это не было придирчивостью или излишней требовательностью свидетельствуют сами известные белорусские поэты. Несколько примеров. Говорят:

– поэт Рыгор Бородулін: «З пэўнай падставай можна гаварыць аб школе Анатоля Вялюгіна ў беларускай паэзіі. Школе, якая выхавала, паставіла накрыло цэлае пакаленне пасляваеннай літаратурнай змены. Дастаткова назваць некалькі імён, і стане зразумелым, які востры слых, якая лёгкая рука ў Анатоля Сцяпанавіча на таленты: Генадзь Бураўкін, Васіль Зуёнак, Яўгенія Янішчыц, Уладзімір Някляеў, Казімір Камейша. У літаратуразнаўстве паявіўся тэрмін «вялюгінская рыфма», «вялюгінскі радок». Яго бездакорнаму літаратурнаму густу давяралі П. Броўка і А. Куляшоў. А Максім Танк і Пімен Панчанка яму першаму прыносяць свае новыя вершы»...;

– поэтэсса Евгения Янишиц: «Баравая зноў чакае сцежка. Тчэцца ніткай суровай. Спахмурнее твар. І ўсё ж усмешка выдае вас, бацька, з галавой». Гэта пра Вялюгіна. Строгая патрабавальнасць, шчодрая дабрата. Яго праўка – урок вучобы і майстэрства. Паэт, які тонка рэагуе на сутнасць радка, яго гучанне. Усё гэта прыцягвае да яго»¹⁴²;

– поэт Хв. Жичка: «Анатоль Сцяпанавіч любіў паэтычную моладзь, любіў шчыра і бескарысліва. Ён угадваў будучыя таленты. Угадваў, дапамагаў, вучыў і патрабаваў».

¹⁴¹ Вялюгін, А. Пастскрыптур да жыццяпісу / А. Вялюгін // Выбраныя творы: у 2 т. – Мінск, 1984. – Т. 2. – С. 411.

¹⁴² Звязда. – 1983. – 7 снежня.

І маладыя паэты любілі яго, пяшчотна называлі Адміралам. Ён і сапраўды чымсьці нагадваў адмірала – высокі, шырокаплечы, стройны, акружаны шчупленькімі, нясмелымі хлапчукамі. Бывала, упэўненым крокам ідзе аляей парка, а мы падбегаем, падбегаем услед, чакаючы, што ён скажа: трапны афарызм ці вострую эпіграму. І на гэта ён быў майстар».¹⁴³

Нам показалось, что в плане воспоминаний и оценок А. Велюгина и как творца, и как Человека, нельзя оставить без внимания мнение старейшей женской поэтессы Беларуси Ларисы Гениуш. Сошлёмся на её переписку с нашим современным литературным энциклопедистом Адамом Мальдисом: Выдержки всего лишь из двух писем. Первое – датировано 4 марта 1968 г.: «З вялюгінскай галавы б’е розум, эрудыцыя, вялікія здольнасці сапраўды таленавітага чалавека! Я ім захоплена! Яго твар мне нагадвае крыху купалаўскі...

...О юнасць і яе ўзлёт! Я зноў пра Вялюгіна, гэта такі цікавы і добры чалавек, што я не магу забыцца аб ім».¹⁴⁴

Второе письмо написала через восемь лет. Читаем: «...Я вам, здаецца, не пісала, што мы мелі прыемнасць гасціць у сябе Вялюгіных. Не ведаю, але мы адчулі радасць ад іх прабывання ў нас і нейкую шчырую сяброўскасць... Жаль, што яны былі коратка».¹⁴⁵

* * *

Более 50 лет посвятил белорусской художественной культуре Анатолий Степанович Велюгин. Прожитое и пережитое стали тем катализатором, в котором выплавлялось поэтическое мастерство, развивался и отпечатывался талант поэта, переводчика, киносценариста, формировалась потребность активного участия в общественной и художественно-творческой деятельности.

Однако, время неумолимо. И в 1994 г. нашего знаменитого земляка не стало. Коллеги А. Велюгина по писательскому цеху высказывали самые глубокие чувства сожаления, находили своё выражение в поэтических строках. Нам показалось, что все их чувства в концентрированном, сжато-трагическом виде выразил П. Приходько в своём стихотворении «На закате дня» («На золку дня»), датированным 25 октября 1994 г., которым мы и закончим свой небольшой отчёт о жизнетворчестве А. Велюгина в белорусской советской литературе:

*...На золку дня пад восеньскай лістотай
Закончыў ты апошні свой паход...
Але не можа стаць самотнай слотай
Табой набыты плён за многа год.
Ад Машканоў сваіх нёс людзям згоду
Ты цеплынёю кожнага радка.
Як твой уральскі танк ў час паходу,
Пакінуў на шляху след мастака.*

Не змойкнуць ні на міг твае званіцы –

¹⁴³ Жычка, Хв. Каб з’явіўся на свет дужы верш / Хв. Жычка // Першацвет. – 1997. – № 2. – С. 133.

¹⁴⁴ Лісты Ларысы Гениуш да Адама Мальдзіса // Роднае слова. – 1995. – № 8. – С. 144.

¹⁴⁵ Там же. – С. 147.

*У спелых летах спелыя бары,
І мы заўсёды прыйдзем пакланіцца
Табе на ўсходзе вогненнай зары...¹⁴⁶*

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Вялюгін, А. Вада і вуда: вершы / А. Вялюгін. – Мінск, 1967.
2. Вялюгін, А. Верасовы ўзятак: вершы і паэмы / А. Вялюгін. – Мінск, 1974.
3. Вялюгін, А. Выбраныя творы: у 2 т. / А. Вялюгін. – Мінск, 1984.
4. Вялюгін, А. Песня зялёнага дуба: вершы, паэмы / А. Вялюгін. – Мінск, 1989.
5. Зуёнак, В. Лінія высокага напружання / В. Зуёнак. – Мінск, 1983.
6. Лойка, А. Сустрэча з днём сённашнім / А. Лойка. – Мінск, 1967.
7. Русецкі, А. Яго спелае лета (Анатоль Вялюгін) / А. Русецкі // Ісці да чалавека: літаратурныя партрэты. – Мінск, 1987.
8. Стральцоў, М. Пячатка майстра / М. Стральцоў. – Мінск, 1986.

ВЕРА ВЕРБА

У Веры Вярбы ёсць свой чытач, да якога яшчэ ў далёкія шасцідзесятыя гады яна прыйшла з пяшчотаю, цеплынёй сваіх радкоў, прыйшла як тонкі лірык, як сапраўдны майстар. Яна ўмее стварыць у сваіх вершах атмасферу даверу да яе паэтычнага слова, кожная яе кніжка адразу, з першых радкоў настройвае на лірычны лад: гэта нібы своеасаблівы маналог, які надае кнігам тую непаўторную абаяльнасць, на якую здольны толькі жанчыны. І як патрэбна гэта жаночкасць грамадству сённашнім днём, калі па-новаму асэнсоўваюцца паняцці дабрывы, пяшчота, вернасць.¹⁴⁷

Р. Боровікова

Вера Верба (настоящее имя – Соколова Гертруда Петровна) родилась 14 января 1942 г. в деревне Высокий Городец Толочинского района. Отец Марков Пётр Андреевич погиб в 1941 г. под Смоленском (через 20 лет после войны поэтесса напишет такие строки: «З маленства прывыкшы да страты, я слова не ведала «тата»). После войны Вера с матерью переехала в Минск. Здесь в 1958 г. окончила среднюю школу, стала студенткой филологического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. После его окончания (1964) на протяжении пяти лет была внештатным корреспондентом журнала «Маладосць». С 1969 г. работала старшим инспектором отдела пропаганды литературы Управления книжной торговли Государственного комитета по печати Совета Министров БССР; с 1972 г. В. Верба – заведующий отделом писем и информации редакции газеты «Літаратура і мастацтва». В 1977 г. стала внештатным корреспондентом журнала «Работніца і сялянка», с 1980 г. работала в редакции журнала «Беларусь». Член Союза писателей БССР с 1966 года.

В 1958 г. на страницах республиканских газет и журналов появились первые стихи В. Вербы. В 1962 г. из печати выйдет первая книга поэтессы

¹⁴⁶ Літаратура і мастацтва. – 1994. – 25 кастрычніка.

¹⁴⁷ Баравікова, Р. З пяшчотаю, любоўю, цеплынёю... / Р. Баравікова // Роднае слова. – 1992. – № 1. – С. 63.

«Глаза весны» («Вочы вясны»), не оставшаяся без внимания литературных критиков и специалистов. Однако подлинный расцвет поэтического дара В. Вербы придёт на вторую половину 1960-х – 1980-е годы. Предложим читателю хронологию выхода из печати поэтических сборников, книг, книг для детей в обозначенном нами периоде: 1967 г. – «Белые письма: лирика» («Белыя пісьмы: лірыка»);* 1968 г. – «Первоцвет: стихи» («Пралеска: вершы»); 1969 г. – «Високосный год: стихи и поэмы» («Высакосны год: вершы і паэмы»); «Синяя бухта: стихи и поэмы» («Сіняя бухта: вершы і паэмы»); «Альфа: поэмы и стихи» («Альфа: паэмы і вершы»); «Моя маленькая планета: лирика» («Мая маленькая планета: лірыка»); 1986 г. – «Ярославна: стихи» («Яраслаўна: вершы»). В Москве были изданы два поэтических сборника стихов В. Вербы «Парус на лугу» (в переводе Р. Казаковой (1974) и «Синяя горка» (в собственном переводе (1979)).

Важно отметить, что В. Верба была постоянным участником коллективных литературных сборников. Назовём лишь некоторые из них – «Арлянтам», «Ад родных ніў, ад роднай хаты», «Разгарэлася зорачка ясная», «Залацінскі», «Ад скарбаў родная зямля», «Люблю, будзённы дзень...», «Дзень добры, мама», «Адданасць», «Нам засталася спадчына», «Партизаны, партизаны...» и др.

Её стихи, поэмы, песни, миниатюры, детские стихи охотно принимались и печатались в республиканских газетах («Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналах («Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Нёман», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вясёлка»). Её приглашали к сотрудничеству союзные журналы «Дружба народов» и «Наш современник», белостокское издание в Польше газеты «Ніва» и ежегодника «Беларускі каляндар».

Поэтесса познакомила читателей с авторскими переводами с русского, армянского, еврейского, литовского, молдавского, узбекского, украинского языков. Заметным явлением в её переводческой деятельности стал перевод на белорусский язык книги Р. Фраенмана «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви» (1975). Было бы ошибкой не назвать тот факт, что произведения Веры Вербы переведены на русский, армянский, венгерский, киргизский, латышский, литовский, молдавский, монгольский, осетинский, польский, украинский языки.

* * *

Почти 30 лет значится имя В. Вербы в анналах белорусской советской литературы. И с чем же читатель, критики, литературоведы встречаются в её поэтическом мироощущении. Высказываемые мысли, оценки самые различные: от восхищения откровенностью женской души и переполняющих её чувств и эмоций до упреков в неограниченности многих стихотворений и их искусственности (В. Тарас¹⁴⁸), от настроенности поэтессы на «реальную канкрэтную жыццёвасць» (В. Юревич¹⁴⁹) до использования автором литературных реминисценций, ненужных трафаретов и повторений (С. Марченко¹⁵⁰) до соединения фольклорных интонаций с современной поэтикой (В. Бойко¹⁵¹).

Конечно, и эти, и другие суждения имеют право на жизнь. На наш взгляд, будет небезынтересным обратиться к самой поэтессе. В предисловии к своему второму, в некотором роде программному поэтическому сборнику «Белые письма», она, обращаясь к читателю, скромно высказывается: «Майму чы-

* В 1987 г. книга вышла вторым изданием.

¹⁴⁸ См.: Тарас, В. На пачатку маладосці мілай / В. Тарас // Полымя. – 1968. – № 4. – С. 231.

¹⁴⁹ См.: Юрэвіч, У. Абрсы: выбраанае з літаратурнай крытыкі / У. Юрэвіч. – Мінск, 1976. – С. 303.

¹⁵⁰ Свірка, Ю. Перад новай вышынёй / Ю. Свірка // Полымя. – 1969. – № 4. – С. 236.

¹⁵¹ Шпакоўскі, Я. Талент абавязвае / Я. Шпакоўскі // Маладосць. – 1970. – № 1. – С. 137.

тачу і сучасніку я прысвячаю ўсе свае вершы. І калі тое, што хвалюе маю душу і сэрца, сталі і яго думкай, для аўтара не трэба вышэйшай узнагароды».

О том, что задуманное свершалось, нужно судить из оценки данной поэзии В. Вербы почти через двадцать лет после выхода в свет «Белых писем» её коллеги по «женской поэзии» Е. Янищиц: «Няпроста фарміраваўся паэтычны свет паэтэсы, але за ім заўсёды шчыра і ўзрушана распазнавалася жаданне жаночкай вернасці, хай сабе часам і жорсткай (а хіба жыццё стрэс-солад?!), але затое – такой уражлівай, такой непадробнай». «Жаночы шлях паэтэсы В. Вярбы «светлы і рас-трывожаны, мяккі і балючы, пакутлівы і ўдзячны, але не крыклівы».¹⁵²

Действительно, содержательно-тематическая направленность творчества В. Вербы разнообразная и многоплановая. Однако, в этой многоплановости, при её критическом осмыслении от «а» до «я», очень чётко прослеживаются следующие творческие направления: И, на первом месте, главная, триединая тема, в которой выделяются:

– всеобъемлющая, пронизывающая насквозь поэзию В. Вербы, вечная тема любви, тема вселенская, без которой невозможна жизнь и в которой есть и исповедь сердца, и переживания от случайных встреч и расставаний, натуральность интонации и выразительные поэтические средства. «Пакуль кахаю – я живу», – скажет поэтесса в одном из своих стихотворений: «Словы, знойдзеныя ў пакутах, усхвалявана кладуцца ў радкі, і здаецца, што яны напісаны адным дыханнем». Стихи Веры Вербы о любви – это своеобразный монолог о жизни лирической героини и самой поэтессы – известный белорусский литературовед И. Шпаковский оценивает, как «інтымны дзённік душы, якая сумуе, кахае, верыць, зняверваецца»;¹⁵³

– это тема материнства, в которой ярко выражены личные, чистые, сугубо материнские чувства и у которой эта тема имеет свои, только ей присущие черты. Стихи о сыне – это поистине лирическая песня, полная теплоты, щемящей ласки, необычной, эмоциональной душевности. Без преувеличения можно утверждать, что особенность этой темы практически неотрывна от главной темы творчества В. Вербы – её интимной лирики;

– наконец, ещё одна часть триады – дочерняя любовь к отцу, матери, родным и близким поэтессе людям, так или иначе сыгравшим важную роль в её взрослении.

Второе направление в поэзии В. Вербы – тема любви к Беларуси, её истории, её языку и народу. При этом поэтесса стремится видеть вчерашнее и сегодняшнее Беларуси, её устремления в завтрашний день во всём многообразии проявлений, в радостях и горестях народа, его успехах и поражениях. Стихи этого цикла в определённой степени удовлетворяют требованиям читателя в целостном поэтическом осмыслении мироустройства.

Третье направление в творческих исканиях поэтессы – это воспевание красоты родного края, зафиксированное в стихотворениях, миниатюрах, поэтических этюдах. Пейзажная лирика В. Вербы поистине эмоционально-эстетическое повествование, в котором душа поэтессы сливается с образами и звуками природы и в этом единстве рождается проникновенная и привлекательная лирика. Однако в произведениях поэтессы природа не существует сама по себе. Её красоты, оформленные в тёплые, выразительные тона, принимают художественную выразительность лишь тогда, когда в центре авторских исканий появляется образ Человека, творящего и хранящего природные богатства. И тогда природные этюды оживают, каждый из них становится конкретным воплощением определённой судьбы, конкретного характера.

¹⁵² Янішчыц, Я. Сэрца сэрцу адгукнецца / Я. Янішчыц // Польша. – 1986. – № 10. – С. 202.

¹⁵³ Шпакоўскі, Я. Талент абавязвае / Я. Шпакоўскі // Маладосць. – 1970. – № 1. – С. 137.

– Наконец, ещё об одном – о стремлении В. Вербы обогатить свою поэтику традиционной образностью народной поэзии, помня о том, что для каждого нового произведения имеется своя мера насыщенности традиционными образами. И, что особенно значимо, фольклорно-эмоциональная образность в лучших стихах поэтессы помогает ей в поэтизации заветного чувства и главной темы её творчества – темы любви и ее главных нравственно-эстетических ценностных характеристик. Привлекает и то, что стихия народно-поэтической образности доносится до читателя через авторское постижение языкового опыта устного поэтического творчества и живое звучание белорусского языка.

Обратимся более подробно к каждому из обозначенных направлений в поэтическом творчестве В. Вербы.

Эпиграфом к первому из них возьмём слова поэтессы:

*Ніхто не зведаў сэнс каханья, дабро і зло,
жыццё і смерць.*

В белорусском литературоведении 1970-х – 1990-х годов утвердилась прочная оценка: любовь – это та запредельная измерительная лекала, тот императив, которым определяется сущность человеческого бытия, его радостей и болей, а утеря которого равносильна утрате жизненной перспективы и даже самой жизни. Её поэзия – это исповедь лирической героини и самой поэтессы, не видящих смысла жизни без любви и говорящих с окружающими их людьми на её языке. По сути, тема любви – это квинтэссенция лирического содержания поэзии В. Вербы, имеющая не только личностно-субъективное, но и общественное гражданское звучание. Вспомним, что говорил о теме любви выдающийся советский поэт А. Твардовский: «...Об этой теме мы до сих пор говорим применительно к самым разным поэтам, как бы взывая о снисходительности к ней. Между тем именно этому предмету принадлежит господствующее место в мировой лирике. И не кем-нибудь, а великим революционером и мыслителем Чернышевским было сказано, что не от мировых вопросов люди женятся и стреляются и что поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли. То, что столь существенно для отдельного человека, что часто определяет его судьбу, коверкая её или награждая наивысшей человеческой радостью, не может не составлять живейшего интереса для всех...».¹⁵⁴

Белорусские исследователи интимной лирики В. Вербы очень часто акцентируют внимание на тех поэтических чувствах и эмоциях, которые читаются в той или другой авторской книге. А поэтому и возникают упреки поэтессе в излишней сентиментальности, даже декоративности и поучительности. На наш взгляд, о таких «просчётах» можно было бы говорить, если бы все стихи о любви писались в одно время и их можно было бы разложить их на единой горизонтальной линии. Но ведь автору (судя по времени написания стихов) было и шестнадцать, и двадцать юношеских лет, была первая любовь и первые разочарования, было «дитя любви», было всё...

Нам показалось, что логичнее было бы проследить взросление интимного чувства поэтессы и соответствие поэтическому его воплощению. Вот строки из стихотворения «Мечтательница» («Летуценніца»): Лирической героине всего 16 лет:

*Ёй шаснаццаць год ледзь было тады,
А табе ўжо – ой, ляцяць гады!
Як адзін ты быў – усё тужыў па ёй,
Белай козачкай называў сваёй,*

¹⁵⁴ Твардовский, А. Статьи и заметки о литературе / А. Твардовский. – М., 1972. – С. 280.

*І жыцця табе без яе няма,
І бяжыць яна да цябе сама,
Бо шаснаццаць год...¹⁵⁵*

(«Летуценніца»)

А вот героине 20 лет:

*Дваццаць год!
Дваццаць год!
Гэтак многа?
Дзе згубіліся
вы
летуценні?
У высокай траве
за дарогай
Па-дзіцячаму
плачу ў калені.
Дваццаць год!
Усё проста і ясна.
Дваццаць год –
вось калі не асудзяць.¹⁵⁶*

(«Дваццаць год»)

К своей любви в двадцатилетнем возрасте поэтесса вернётся в стихотворении «А гэтых год магло не стацца», включённому в сборник «Синяя бухта»:

*А гэтых год магло не стацца –
Скупы любві быў правіант,
Ішла з вясны, было мне дваццаць,
А ты з вайны, мой лейтэнант.
Калі забыў, не дакараю,
Прыдумала ўсё, акрамя,
Што дзесяць год я паўтараю
Адзінае тваё імя.¹⁵⁷*

Знакомимся с чувствами лирической героини, вступающей в активную жизнь после своего двадцатилетия (стихотворение написано в 1966 г.). И, думается, не прав поэт Ю. Свирка, который, прочитав строки «Не любіце жанчын па міласці...», поспешил обвинить поэтессу в том, что она заговорила «запаветамі і павучаннямі». Забыл, видимо, Ю. Свирка, что «милость» эта жила, живёт и, пожалуй, ещё долго будет жить, когда в любви желаемое выдаётся за «любовь». И чувствительная душа поэтессы будто бы предчувствовала те тревоги, смутнения, неприятности, сердечную и душевную боль, которой будет сопутствовать сердечное чувство.

*Колькі гора яшчэ паспрабую,
Колькі слёз... колькі дум, колькі мар!*

¹⁵⁵ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 18.

¹⁵⁶ Там же. – С. 48.

¹⁵⁷ Там же. – С. 166.

*Колькі бруды баб'ё тупалюбае
У пшчотны мне выплесне твар.
Я жыву легкадумна, паспешліва,
І няма апраўдання ў адказ.
Адкажу на папрокі усмешкаю:
– Я жыву, каб убачыць вас.¹⁵⁸
(«Не любіце жанчын па міласці...»)*

*За што вы толькі не судзілі –
А я па-свойму ўсё раблю.
На зайздрасць вам мяне любілі,
А я на зайздрасць вам – люблю.
Пакінулі свой свет капытны
На маладой маёй душы,
Мой вобраз юны, абабіты,
Як слуп аб'яўны на шашы...¹⁵⁹
(«За што вы толькі не судзілі...»)*

Нельзя не сагласіцца з поэтам А. Гречанниковым, справядліва заметившим, что В. Вярба «нават у самых інтымных вершах не баіцца быць непасрэднай, часам нават квалай і бездапаможнай, выказваць свае перажыванні ў такіх радках» (І далее поэт прыводзіць наступныя строки из поэмы «Альфа» («Альфа»):

*Мы сустракаліся, як рэкі,
І нарадзіліся з ракі.
Пачуцці нашы, як спрадвеку,
Зліліся болям на вякі.*

*І словы нашы, як імгненні
Вясновых раніц і начэй,
І рукі, быццам летуценні,
Не разлучоныя яшчэ.*

*Перажываю дні нанова
І аднаўляю да драбніц,
Перад каханнем, як замай,
Упаду знясіленая ніц.¹⁶⁰*

Чытаем стихи из одного из последних сборников «Ярославна» («Яраслаўна»), «Портрет» («Партрэт»), «Звенел ручей во снах берёзы» («Звінеў ручай у снах бярозы»), «Через невзгоды и года...» («Праз нягоды і гады...»), «После дождя запахло мятой...» («Пасля дажджу запахла мятай...»), «Твое имя» («Тваё імя»), «Мимозы» («Мімозы») и др., звучащие камерно и исповедально. В стихах о любви из «Ярославны» – мозаика эмоций, создающих целостно-сотканную картину драматически-сложного мира женщины, живущей в плену любовных терзаний и тоски о настоящем женском счастье. Всё, что можно класть на алтарь любви, считает поэтесса, происходит для любви и во имя любви:

¹⁵⁸ Вярба, В. Мая маленькая планета. Лірыка / В. Вярба. – Мінск, 1982. – С. 38.

¹⁵⁹ Вярба, В. Выбранае. Вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1976. – С. 155.

¹⁶⁰ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 21 снежня.

*Зямная, па сонечным промню,
Як тонкай стралы вастрыё,
Таму што кахаю і помню –
Прыйду я па сэрца твае.¹⁶¹*

(«Зіма са стыхіяй не зладзіць...»)

И верила поэтесса вместе со своей лирической героиней, что

*Ёсць у каханна справядлівасць,
Якой няма – у людзей.
Ёсць у каханна паслядоўнасць,
І глыбіня, і вышыня,
А мы так любім павярхоўна
У турботах сённяшняга дня.¹⁶²*

(«За ўдзячнасць гэтае сустрэчы...»)

Появляются сомнения («За што любіць нам, мілы, выпала? За што каханне берагчы, неперажытае, нязвыклае...», «Калі пачынаецца каханне? Наіўнае пытанне! ...І пэўна кахаць не ўмею», «Жыву – без часу, без гадзін. Няма каму душу паслухаць...» и т.д.) в необходимости моральной переоценки прожитого и пережитого, тех душевных волнений, которые испытали и поэтесса, и её лирическая героиня. Они вступили в ту пору своей жизни, когда возникает потребность оглянуться назад перед тем, как сделать очередной шаг вперёд, шаг, возможно, самый трудный и ответственный. Постепенно, но бесповоротно из жизни героини уходят юношеская беззаботность, чрезмерная романтичность и эмоциональность чувств. И появляются следующие строки:

*Мінулае –
 непераемна.
І, мабыць,
 пасля трыццаці
Я напішу паэму
Аб нашым з табой жыцці.
Не смерць
 прынясе пакаранне.
Жыццё я аддам недарма:
Навек...
 у радках скрыжаванне
Тваё і маё імя...¹⁶³*

И ещё одно искреннее признание:

*Шчаслівы той,
Хто быць каханым
 мусіў.
Хто сам кахай
Без часу і мяжы.*

¹⁶¹ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 326.

¹⁶² Там же. – С. 293–294.

¹⁶³ Там же. – С. 161.

*Я непазбежнай смерці
Не баюся,
Баюся,*

*каб цябе не перажыць.¹⁶⁴
(«У спалучэнні вобраза са словам...»)*

Однако, в поэме «Снежная горка» («Снежная горка») эта уверенность в жизнестойкости неожиданно принимает новый оборот:

*Гэта шчасце за пакуты,
Гэта праўда – за маной, –
Дачакацца той мінуты,
Каб застацца зноў адной.¹⁶⁵*

Чрезвычайно искреннее и меткое психологическое признание. Так выкристаллизовывается характер героини, её готовность к новым эмоционально-нравственным испытаниям, к продолжению материнского рода.

У В. Вербы эти искания героини получают своё развитие в теме материнства, теме вечных забот, переживаний и надежд.

Почему в белорусском литературоведении считается, что этой всеобъемлющей душу поэтессы теме были посвящены лишь поэма «Снежная горка» и цикл лирических миниатюр «Моя маленькая планета» из поэтического сборника «Синяя бухта». Уже в девичьем сознании она соотносит колыбельную песню молодницы со священным словом «мать» («В поле гойсае ветер...» – «У полі гайсае вецер...»), «Няма дзяцяці, каб з калыскі любоўна песціць, гадаваць...» (одноимённое стихотворение), «Хай нада мной застынуць слёзы сына і двое крыл, як белая зіма» («Живи с надеждой...» – «Жыві з надзеяй...») и др. И только в 1972–73 гг. будет написана «Моя маленькая планета» – своеобразный гимн материнству и детству. Судите сами читатели: «Мой сын маленькая планета». И от этих первых строк идёт поистине глубочайшая материнская исповедь, суть которой в том, что, несмотря на все социальные передряги, «чыстым застаецца твая маленькая далонь», и она имеет лишь одно желание: «Асушыць тваю слязінку, твой суцешыць плач». Назвав В. Вербу жалостно-заботливой хозяйкой, которая знает цену материнского счастья, критики, однозначно соглашались, что своё материнское кредо поэтесса выразила в следующих строках:

*Ваўчыцай пераскочу поле –
Усё спазнаць, хто не звык,
Спалох і помсту без патолі
За твой адзін слабенькі крык.
(выделено нами. – А.Р., Ю.Р.)
Я мёртвай выпаўзу з магілы,
Падстаўлю грудзі пад кап'ё
За пальчык невыказна мілы
За цельца чыстае тваё.¹⁶⁶
(«Мая маленькая планета»)*

Может быть, в основе поэтических исканий В. Вербы были впечатления и эмоции от постоянного общения с любимым ребёнком, а может – женское

¹⁶⁴ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 351.

¹⁶⁵ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 286.

¹⁶⁶ Там же. – С. 171.

провидение, что в современном обществе жизнь его счастливой, а может быть сливалось воедино личное и общечеловеческое в понимании детства по продолжению материнской любви она видит:

*І ўсё, што ў будучым
спазнаю,
Я назаву навечна «сын».
Памру – а след твой
адшукаю
Слязінкай ранішняй расы.¹⁶⁷*

Обращением к детству, и не только сыновнему, но и своему собственному, является поэма «Снежная горка» («Снежная горка») («Мы зноў з табою ва ўспамінах свайго аціхлага жыцця. Яшчэ наперадзе гадзіны маленства, шчасця, забыцця»). Снежная горка, которая дала название поэме и двум одноимённым поэтическим сборникам (на белорусском и русском языках), – это своеобразное путешествие к истокам своего детства, к истокам любви, которая в юности лирической героини была смыслом жизни. А ещё Снежная горка – это символ вечного детства, зафиксированного в нашей памяти, вольно или невольно напоминающего нам и о материнской ласке, и о родительском доме, и о том, как передать, как привить родительские чувства и родительскую память теперь уже своему сыну.

*...За ўсё як ёсць – карай дарослых,
Дзяцей ні ў чым не павіню.
...Яны наш час. Душы прадмова
Да славы, шчасця і... разлук.
Бяруць наш боль, пайтораць словы
І цеплыню руплівых рук...¹⁶⁸*

В своём «путешествии назад» в обращении к сыну она стремится найти смысл ценностей прожитых лет, ещё раз ощутить и пережить юношескую любовь, переосмыслить, всколыхнуть «знаёмы боль», чтобы подытожить прожитое. А оно ведь и не такое уж туманное...

*Я знаю працы асалоду,
Крануцца ж і майго жыцця:
– Што ты зрабіла для народа?..
Я гадала вам дзіця.¹⁶⁹*

И вот здесь читатель начинает понимать, что чувства, мысли, эмоции поэтессы – явление далеко не субъективное. Здесь индивидуальное тесно переплетено с общечеловеческим, сливаясь в единое полноводное, творящее жизнь, течение, в котором животворным источником является неиссякаемая материнская любовь:

*І ўсё, што ў будучым спазнаю,
Я назаву навечна: «сын».
Памру – а след твой адшукаю
Слязінкай ранішняй расы.¹⁷⁰*

¹⁶⁷ Вярба, В. Белья пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 173.

¹⁶⁸ Там же. – С. 288–289.

¹⁶⁹ Там же. – С. 290.

¹⁷⁰ Там же. – С. 173.

Без преувеличения можно утверждать, что тема «любовь-материнство» – это жизненный стержень и для самой поэтессы, и для её лирической героини. Именно в них они черпают силы к жизнеутверждению, к стремлению выйти «з жыццёвых дробязей і нахабнага быту на вуліцы Прадвесня, дзе ўсё пачынаецца паноўмаму, па-добраму». И в этом не только рефлексия и интимная исповедь, но и лирико-философское утверждение любви как творческого открытия самого человека.

*Жыццё, спасцігнуўшы старанна,
Мы знаём добра, што рабіць.
Ці не таму старэем рана,
Што развучыліся любіць?¹⁷¹*

В лирику В. Вербы, впечатляющей душевной открытостью и предельной откровенностью, тепло вписывается образ Отечества (Бацькаўшчыны) с его родительским домом и героическими людьми, с его лесными массивами и богатейшей реко-озёрной системой, с его зимними выюгами и весенними дождями, с паутиной бабьего лета и красными гроздьями рябин. Поэтессе свойственны и более крупные литературные формы, вплоть до поэмы и стихотворения-исповеди, и монологи-признания, и мгновенные живописные зарисовки, оформленные в поэтическую строку из впечатлений, позволяющих раздвинуть пределы поэтической выразительности, наполнить её искренностью, песенностью, возвышенными чувствами. Особенностью патриотической лирики выступает одно неизменное качество: биографический и художественный опыт в ней всегда-всегда свой – лично увиденное, эмоционально-пережитое, выстраданное, передуманное... В лучших стихах динамичность поэтического настроения, неуловимая, импрессионистская изменчивость принимают тот содержательный аспект, в котором авторская «правда интонации» становится важнее, чем «правда факта». «Ведь трата душевных сил и сердца не может быть тщетной»¹⁷² – совершенно справедливо отмечает литературный критик В. Стрельцова.

И знакомит поэтесса читателя с бабушкой Просковьей, стоящей «у белаі хусціне» под старой деревенской хатой, с родной матерью, которая «і ўдавой нічога не папрасіла», с партизанской коровой Лыской, единственной «на сто двароў, на сто сяліб». В двадцати восьми строках стихотворения «Себя как помню от колыски...» («Сябе як помню ад калыскі...») слиты воедино личная драма и драма народа, эпизод военного детства белорусской девочки и картина горестных бед оккупированной Беларуси:

*Ледзь набрыялі гронкі бэзу,
Каб немец не напаў на след –
Карову вырашыў зарэзаць
І натачыў касу мой дзед.*

.....
*Ды зразумела наша Лыска...
Глядзіць у вочы блізка-блізка,
А слёзы коцяцца, як боб.¹⁷³*

Но ведь рядом с привлекательными героями детства и юношеских лет в поэзии В. Вербы встречаем былинную Ярославну, плакавшую на стенах Путив-

¹⁷¹ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 196.

¹⁷² Стрельцова, В. Под знаком любви и добра / В. Стрельцова // Нёман. – 1988. – № 3. – С. 170.

¹⁷³ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 62.

ля. Именем этой женщины с большой буквы, которая является воплощением Любви, Тревоги, Красоты, Веры, Сожаления назвала один из своих поэтических сборников В. Верба:

*Не мне табе служыць
пры доме,
Твайму каню даваць вады –
У княжным залатым шаломе
Ты непапраўна – малады
Хай поўніць той апошні
ранак
Шчаслівы кубак да краёў,
У векапомнасці кургана
Забывае імя тваё.¹⁷⁴*

Героиней трагического военного времени в поэме В. Вербы выступает легендарная подпольщица, Герой Советского Союза Вера Хоружая. Поэтесса посвятила ей лирическую поэму «Калина» и стихотворение «Хоружей» (сборник «Високосный год»), стихотворение «Вере Хоружей» (сборник «Белые письма»). Поэтесса не стремилась к полному восстановлению биографии В. Хоружей. Она сделала всего несколько штрихов к портрету женщины-героини и её боевых соратников. Она не ставила задачу создания героических образов, а лишь высказала своё восхищение и их преданность «идеи освобождения». Она от имени поколения, «якое не помніць ніводнай вайны», осуждает кровавые события, в которых сложили головы лучшие сыны и дочери Беларуси:

*...Няўжо ты вернешся, вайна,
У гэты край жывы і мілы
Купальскіх песен і вянкой
На твая ж хаты і магіль.
Маіх загінуўшых бацькой?
А я яшчэ не адлюбіла,
А я яшчэ не пражыла
І нават долі не згубіла
Свайго юнацкага святла.¹⁷⁵*

Нельзя оставить без внимания произведения В. Вербы, в которых патриотизм лирической героини проявляется через открытие и понимание поэзии окружающего его мира. Можно смело утверждать, что в лучших произведениях эмоции поэтессы и героини, их душевные состояния сливаются с красотой родной природы, её образами, звуками, красками. Вот несколько запомнившихся героине впечатляющих деталей, услышанных чутким слухом («Тонкіх сцяжынак чуецца звон» или «слухалі, як кропля кроплю гукае»), увиденных острым глазом («Рунь зямлю на світанні свідруе» или «Антонаўка на ўслонку, жоўтая, пячоная, летам мечаная...»), полученных от лёгкого прикосновения («І кроплі колючца, як голкі...»). Успех ожидает поэтессу, по её собственному признанию, при прямых контактах с самым прекрасным на земле. Как это видно из стихотворения «Поры года» («Поры года»), в котором весной она, капля, «што з даху вось-вось сарвецца», – где летом из неё «вырастае колас», а осенью – «тонкая арабінка».

¹⁷⁴ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 312.

¹⁷⁵ Там же. – С. 134–135.

Зима же представляется «ветразем бялюткім», которая «паставіла красоты» и «тчэ коўдры пад ногі соснам (из «Письма к солнцу» – «Ліста да сонца» из поэмы «Белыя пісьмы»). А ещё можно прочесть стихи о весенних дождях и лесных дорогах, берёзовом соке и одичавшем саде, цветущих белорусских садах и лесной криничке. И всё же – «і светла так, і лёгка стала і востра адчуваем мы, як шчасця, прыгажосці мала».

Стихи и поэмы, пронизанные патриотическим чувством, а многие и гражданским пафосом – это желание автора подчеркнуть общезначимость переживаний лирической героини, открыто поделиться своими мыслями и надеждами, высказать свою тревогу о том, чтобы в больших свершениях кибернетического века люди не потеряли своей привлекательности, не очерствели духовно, и пригласить читателя быть причастным к этой открытости, стать постоянным искателем прекрасного в людях и окружающей их действительности.

Заявив о своей приверженности к устному народному творчеству уже на первом курсе филфака БГУ собственным исполнением песни «Ручнікі», вскоре ставшей народной, известной в каждом белорусском доме*, В. Вярба продолжала активно работать над обогащением своей поэтики формально-поэтическими средствами, взятыми из арсенала народной поэзии. Это стало не просто увлечением – своим насыщенным фольклорной традицией творчеством поэтесса подтверждает непрерывность художественной памяти народа и глубинную связь литературы и народно-поэтического творчества. Она широко использует те художественные возможности, которые даёт фольклорная образность, включает их в свои лирические обобщения, делая поэтические строки более лёгкими, плавными с народно-песенной интонацией. Пример – следующие строки:

*Слёзы, слёзы, слёзанькі!
Божая раса.
Ці збярэў ты, божанька,
Тыя слёзы сам?
Колькі я праплакала
У раннюю пару!
Высахла, як макаўка,
Думала: памру.
Толькі б не ўведаў ён,
Адвяду душу.
Не засну, не снедаю,
Сяду – галашу.
Так ён не даведаўся,
Так ён не пачуў...
Загасіў, не гледзячы,
Шчасце, як свячу.¹⁷⁶*

На задушевно-песенный лад настраивают «Возвращение. Из народного» («Вяртанне. З народнага»), «Из народного» («З народнага»), «Прошенье» («Прашэнне»), вступление к поэме «Альфа», «Колыбельную я пою...» («Калыханку я пяю...»), «Построю я в доме...» («Наладжу я ў хаце...»), «Ярославна» («Яраслаўна»)

* Литературовед С. Марченко высказалась по поводу «Ручников» вполне определённо: «Што і сказаць – успешная з’ява ва ўзаемаадносінах паміж аўтарам і чытачом. Застацца ў памяці хаця б адным радком паэзіі – рэдкая ўвага, а цэлай песняй – гэта вялікае шчасце» (см.: Чырвоная змена. – 1967. – 22 жніўня).

¹⁷⁶ Вярба, В. Белыя пісьмы: вершы, паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1987. – С. 68.

и др. В них отчётливо проявляется бережное отношение поэтессы к фольклорной образности, понимание того, что устное поэтическое творчество пользуется популярностью в народной среде, воспитывая определённые эстетические вкусы.

Подводя итог нашим рассуждениям, сошлёмся на мнение известного литературоведа, землячки поэтессы Т. Чабан: «Паэзія В. Вярбы вельмі асабістае, эмацыянальнае, рухомае. Аднак яна даволі дакладна фіксуе зрухі, звуки, адценні эмоцый, барацьбу супрацьлеглых пачаткаў у душы лірычнай гераіні. Слова, вообраз не столькі выражаюць пачуцці, колькі «зашыфроўваюць» іх. Мэтай верша становіцца не асэнсаванае паведамленне, а ўнушэнне пэўнага настрою, суладнага пачуццям гераіні; над лагічна-рэчыўным сэнсам слова дамінуе эмацыянальная афарбоўка. У пэўнай меры гэта выклікана рамантычным імкненнем перадаць пачуцці поўнасцю, да канца і немагчымасцю выразіць іх у слове. Таму паэтка пры дапамозе «недагавораных слоў і сімвалічных слоў звяртаецца да сэрца чытача, як бы напрамую, «мінуючы логіку».¹⁷⁷

Не противоречит, на наш взгляд, мнению специалиста и слова поэтессы Р. Боровиковой: «Паэт, які падарыў сваім чытачам кнігі, узоры тонкай, пранікнёнай сапраўднай Паэзіі, перад якою бяссьільны час. І гэта каштоўнасць не толькі самой паэтэсы, але і ўсёй нашай нацыянальнай культуры».¹⁷⁸

ЛИТЕРАТУРА

1. Вярба, В. Белья пісьмы: лірыка / В. Вярба. – Мінск, 1967.
2. Вярба, В. Пралеска: вершы / В. Вярба. – Мінск, 1968.
3. Вярба, В. Высакосны год: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1969.
4. Вярба, В. Выбранае: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1970.
5. Вярба, В. Сіняя бухта: вершы і паэмы / В. Вярба. – Мінск, 1975.
6. Вярба, В. Альфа: паэмы і вершы / В. Вярба. – Мінск, 1978.
7. Вярба, В. Мая маленькая планета / В. Вярба. – Мінск, 1982.
8. Вярба, В. Яраслаўна / В. Вярба. – Мінск, 1986.
9. Верба, В. Парус на лузі: стихи и поэмы / В. Верба. – М., 1971.
10. Верба, В. Маміны рукі / В. Верба. – М., 1973.
11. Верба, В. Снежная горка / В. Верба. – М., 1978.

АНАТОЛИЙ ВЕРТИНСКИЙ

Первым заметным шагом **Вертинского Анатолия Ильича** (родился 18 ноября 1931 г. в деревне Демешково Лепельского района в крестьянской семье) в поэтическом творчестве стало издание им в 1962 г. своей первой книги поэзии «Песня о хлебе», в которой наряду со стихами деревенской и студенческой жизни, о Великой Отечественной войне была размещена и первая поэма «Песнь о хлебе».* С 1962 г. А. Вертинский живёт в Минске. Работал литературным сотрудником, заведующим отделом газеты «Літаратура і мастацтва», литературным консультантом по поэзии в Союзе писателей БССР, главным редактором газеты «Літаратура і мастацтва». В 1975–1982 гг. был секретарём Союза писателей БССР, депутатом Верховного Совета Белорусской ССР. Член Союза писателей БССР с 1964 года. Лауреат Государственной премии БССР имени П. Лепешинского (1988). Поэтическое возмужание поэта, критика, переводчика, журналиста А. Вертинского приходится на вторую половину 1960-х – 1970-е го-

¹⁷⁷ Чабан, Т. Крылы рамантыкі / Т. Чабан. – Мінск, 1982. – С. 138–139.

¹⁷⁸ Баравікова, Р. З пшчотаю, любоўю, цеплынёю... / Р. Баравікова // Роднае слова. – 1992. – № 1. – С. 63.

* О начальном этапе творчества А. Вертинского мы писали в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965)». – Витебск, 2010. – С. 84–87.

ды, когда из печати выйдут поэтические сборники «Три тишины» («Тры цішыні», 1966), «Время первых звёзд» («Час першых зорак», 1967), «Человеческий знак» («Чалавечы знак»), «Явление» («З'яўленне», 1975), «Ветрено» («Ветрана», 1979). В 1973 г. читателям будет предложена книга «Избранное» («Выбранае»). Не менее плодотворным будут и 1980-е годы: из печати выходят книга поэзии «Свет земной» (кніга паэзіі «Святло зямное», 1981), книги публицистики и эссе о литературе «Высокое небо идеала» («Высокае неба ідэала», 1980), и «Нью-Йорская сирена» («Нью-Йорская сірэна», 1987).

В разные годы будут написаны пьесы для детей и юношества – «Спасибо, большое спасибо» («Дзякуй, вялікі дзякуй») – поставлена в 1974 г.; «Скажи своё имя, солдат» («Скажы сваё імя, салдат») – поставлена в 1975 г.; «Гефест – друг Прометея» («Гефест – сябар Праметэя») – поставлена в 1984 г.**

В издательстве «Советский писатель» в Москве будут изданы книги А. Вертинского «Возвращение: стихи» (1969) и «Вечный восход: стихи и поэмы» (1982).

Произведения А. Вертинского в эти годы печатаются во многих литературных сборниках – «Дзень паэзіі», «Мары юнацкія», «Універсітэт паэтычны», «Разгарэлася зорачка ясная», «Зорка Венера», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Дзень добры, мама», «Беларуская балада», «Покліч долі адзінай», «Партызаны, партызаны», «Твой зорны час», «Далягляды» и др.

Он активно сотрудничает со средствами массовой информации. Его поэтические произведения, статьи по проблемам литературы, работы с творческой молодёжью в эти годы можно прочесть на страницах республиканских газет («Советская Белоруссия», «Звезда», «Сельская жизнь», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы») и журналов («Беларусь», «Полымя», «Маладосць», «Нёман», «Коммунист Белоруссии», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вясёлка», «Вожык»). Поэт активно сотрудничает с редакциями областных газет («Віцебскі рабочы», «Гомельская праўда», «Магілёўская праўда», «Гродненская правда»), минской городской газетой «Вячэрні Мінск», белостокской (ПНР) газетой для белорусов «Ніва».

Союзный читатель знакомится с произведениями А. Вертинского на страницах «Литературной газеты», журналов «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение».

Благодаря литературному мастерству А. Вертинского как переводчика, белорусский читатель смог познакомиться с произведениями русских, украинских, азербайджанских, болгарских, венгерских, грузинских, еврейских, испанских, латышских, литовских, молдавских, немецких, польских, румынских, таджикских, узбекских, эстонских авторов.

О популярности и востребованности произведений А. Вертинского читателями других стран свидетельствуют их переводы на русский, английский, болгарский, венгерский, грузинский, испанский, Канада язык, латышский, литовский, молдавский, немецкий, польский, словацкий, узбекский, французский, хинди язык, чувашский, эстонский языки.

* * *

Для чалавека мала проста ненавідзець. Для чалавека мала проста любіць. Для чалавека мала быць проста сумленным. І проста чалавечным мала быць для чалавека.

** О нашем прочтении драматических произведений А. Вертинского можно познакомиться с соответствующим материалом в настоящей монографии.

Чалавек павінен адчуваць аказнасць за лёс другіх людзей, жыць для другіх, змагацца за агульныя інтарэсы і ідэалы.

А. Вертинский

Сформулировав таким образом своё жизненное кредо, поэт активно использует художественные средства для его практической реализации.

Определилось несколько, на наш взгляд, социально-значимых тем, захвативших весь поэтический талант А. Вертинского. И, прежде всего, это тема духовно-нравственной чистоты личности, становления её зрелости, о её месте и роли в общественной жизни. Внимание к другим людям, заинтересованность судьбами, как тех, кто живёт рядом, так и тех, кто далеко, стремление разделить с ними и радость, и горе – характерные черты и лирического героя, и непосредственно авторской позиции. Именно они роднят людей, помогают им выстоять в тяжёлые дни испытаний. Плакала тётушка «па ўсіх тых, хто ў палоненяволі, па ўсіх, хто замярзае ў полі, па ўсіх тых, каму не салодка, горка плакала цётка». Герой А. Вертинского, или, как его характеризует сам поэт, – «дзівак-чалавек», – обладает беспокойным, творческим характером, никогда не довольствуется результатами своей деятельности, стремится к совершенствованию и самого себя, и окружающей действительности. Он «бачыць сцяжынку гладкую, а марыць аб трудных цяжкіх шляхах, з іх небяспечнай загадкаю». Несмотря на все противоречия и трудности жизни, он уверен в том, «што ёсць дабро на свеце, што будзе дабро і што пераможа дабро».

Неподвластна времени тема памяти о войне. Она идёт за людьми «след у след», идёт за всеми «многа зім і лет». Для людей, не испытавших ужасов войны, эта память, «то зоркай ранішняй задрыжыць, то хваллю азёрнай набяжыць». Даже яркий заход солнца ежедневно напоминает о тех трагических днях и ночах. И не могут встретить гостей «хлебама ды соллю, крынічнай вадою» жители сожжённых деревень. Голоса их звучат для потомков тяжёлым стоном в хатыньских колоколах:

– Не можам прывеціць, не можам праводзіць.

Не мы на сяле – цені нашыя ходзяць.

Ні бачыць, ні чуць,

ні слова сказаць мы не ў стане...

Мы попелам сталі,

мы попелам сталі

мы попелам сталі...¹⁷⁹

Всю гамму человеческих чувств поэт резко разграничивает на две части – ненависть и любовь. В поэзии А. Вертинского любовь выступает в самом широком смысле слова как философско-этическая категория. В ней сконцентрирована и основа бытия, и мера человечности, и преданность любимому делу, и счастье любить и быть любимым: «Я быў улюблёны. Я быў, як усе мы. І я, як звяно, уключаўся ў ланцуг любові, яе ўсепланетнай сістэмы...».

А ещё – тема родной природы, исторического прошлого нашей Родины, определение роли литературы и литературной критики в осмыслении и художественном творении жизни, месте поэта и писателя в этом процессе, внимание не только к таким корифеям русской поэзии, как М.Ю. Лермонтов и Н.А. Некрасов, но и к товарищам по перу (А. Дракохруст, К. Цвирка, Э. Скобелев, О. Лойко, О. Ипатов, В. Зуёнок, А. Рязанов, Г. Буравкин и др.). И во всём ли-

¹⁷⁹ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 47.

тературно-творческом поиске налицо жажда света, света надежды и света вдохновения, «святла ідэалу і святла чалавечнасці» (В. Бечык).

Заглубляясь в многоплановую лирическую стихию, поэт не просто осмысливает непосредственно пережитое и увиденное, но и соотносит свои личные впечатления с глубоким философским осмыслением природы, общества, Человека, стремится донести до читателя непосредственность и полноту собственного художественного прочтения этих проблем.

Однако, обо всём по-порядку (заметим, что наши рассуждения о творчестве А. Вертинского ограничены рамками настоящего издания. – А.Р., Ю.Р.).

На наш взгляд, не вызывает сомнения тот факт, что стихи и поэмы, рецензии и эссе, критические статьи и выступления в периодической печати – всё это направлено на совершенствование человеческой личности, становление и развитие человеческого в человеке. Поэтому и главный герой, и главный адресат его творчества – это Человек, который «з няпраўдай не мірыцца і з крыўднаю праўдай не хоча мірыцца – хоць кол на галаве чашы». Однако не следует думать, что поэт лишь потворствует такому человеку. Напротив, он ведёт активную, непримиримую борьбу с тем, что унижает человеческую личность, отрицательно сказывается на её духовном развитии. «Усяму мы навучыліся – паляваць, шумець, фальшывыя слёзы праліваць, быць задуменымі, быць спакойнымі, іншая справа – стаць чалавечным», – с публицистическим закалом подчёркивает поэт.

Уместно сослаться на мнение известного литературоведа и литературного критика Р. Берёзкина, который своё мнение высказал уже после выхода в свет из печати второй поэтической книги А. Вертинского «Три тишины».

«На фоне многіх і многіх даволі бяздумных «лірычных» вершаў пра «басаногае дзяцінства», якія не ішлі далей цвёрда завучаных «эмацыянальных» стэрыятыпаў, добраю навіною і абяцаннем новых адкрыццяў прагучалі вершы Вярцінскага з іх аналітычнай тэндэнцыяй, з іх нязвыклым інтанацыйным ладам і прынцыпова «непаэтычным» сінтаксісам».

Такие стихи, как «О величии» («Пра веліч»), «К вопросу о склерозе» («Да пытання аб склярозе»), «Комплекс неполноценности» («Комплекс непаўнацэннасці»), «Безразличие» («Абьякавасць»), «О досках мемориальных и обычных» («Пра дошкі мемарыяльныя і звычайныя») «з іх акцэнтам на думку мелі, паўтараю, станоўчае значэнне для нашай маладой паэзіі, бо разбуралі кантэксты лірыкі, якая толькі і спадзявалася на інтуітыўнае, на «душэўны» стэрыятып і штамп, на бяздумнасць».¹⁸⁰

Не преувеличивая, заметим, что стихи из двух первых книг А. Вертинского закрепили в поэтической душе стремление к работе мысли и чувства, ведущих к движению самого стиха, вызывающего у читателя глубокое чувство логикой силлогизмов и выводов. И в таком вот стремлении и рождаются «высокія імгненні жыцця» (А. Семёнова) и творчества – бескомпромиссного, смелого, интеллектуального.

Во имя такой вот высокой человечности А. Вертинский в своём творчестве постоянно обращается к проблемам, имеющим злободневное общественное звучание, ищет и анализирует связи с общественной жизнью и психологией людей, ведёт на атаку, на сырость, на внутреннюю бессмысленность бесцельного, «осторожного» существования:

*Ідзі! Адольвай самавукам –
Нямаж узору навакол! –
Сваю нялёгкую навуку,*

¹⁸⁰ Бярозкін, Р. «...Каб перадаць само гарэнне» / Р. Бярозкін // Маладосць. – 1973. – № 10. – С. 147–148.

*сваю цяжэйшую са школ!
Ідзі! Хоць век,
хоць цэлую вечнасць! –
Як ходзяць ветры супраць рэк.
Ідзі і помні: чалавечнасць,
Яна – ад слова «чалавек».¹⁸¹*

Поэт выступает за высокую требовательность в основных принципах человеческих взаимоотношений: «Абыякаваць – душэўная подласць. Хібам нашым ёсць апраўданне, подласці апраўдання няма». Своё поэтическое мастерство поэт направляет против пассивно-потребительского отношения к жизни, против равнодушия и приспособленчества, ежи и обогащения. Нельзя не согласиться с его следующим утверждением:

*Сяброў усё менш і менш?..
Гаворыш аб гэтым, як аб драме?
Ды горшае – гэта сціранне меж
паміж непрыяцелямі і сябрамі.¹⁸²*

Но особенно остро А. Вертинский высмеивает такое зло, ведущее к потере человеческого в человеке, как мещанство во всех его проявлениях, открытое или завуалированное, потенциальное или очевидное, бытовое или духовное:

*Тут хоць крычы,
хоць памірай –
будзе майўчаць пустынны край.
Будзе майўчаць край
пясчаны...
Майўчаць мяшчане...¹⁸³*

Он категорический противник духовного бездействия человека: «...жыццё, як марудлівае існаванне, не жыццё, а прывід». Он за постоянное обновление в природе, за то единственное чувство, «якое здольнае стварыць і параджаць». В стихотворении «О дерзании» («Пра дзярзанне») поэт формулирует правило, которое, по его мнению, должно стать главным законом жизнедеятельности каждого человека: «Дзярзаць – значыць жыць! Жыць – значыць дзярзаць!».

Поэт постоянно борется за духовность личности, её беспокойный, поисково-творческий ее характер, активность жизненной позиции:

*Хай там узлёт ці падзенне,
удача ці няўдача, –
толькі ні дня без надзеі,
без радасці і без плача.
Толькі ні дня без надзеі.¹⁸⁴*

Это строки не просто из «Оптимистического стихотворения» («Аптымістычнага верша») – это своеобразный гимн входящего в тогочасную

¹⁸¹ Вярцінскі, А. Святло зямное: выбраныя вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 77.

¹⁸² Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 34.

¹⁸³ Вярцінскі, А. Тры цішыні: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1966. – С. 27.

¹⁸⁴ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 222.

поэзию А. Вертинского, – гимн развитию, очищению природы, общества и Человека. Поэт однозначно выступает за то,

*каб нешта рабілася,
каб нешта адбывалася,
каб хмара аб хмару білася.
І дажджом праліваліся.
Трэба, каб пчолы раіліся,
трэба, каб песні складаліся,
трэба, каб гнёзды ствараліся,
Каб людзі сустракаліся,
зналіся ў дружбе шчырай,
каб зналіся-кахаліся
мужчына і жанчына.¹⁸⁵*

При этом позиция лирического героя поэта не созерцательная. Он всегда готов на помощь человеку («Як памагчы чалавеку? А памагчы яму я павінен... бо хто ж яму паспачувае, калі не я, такі ж, як ён, чалавек!»), его трогает, волнует чужая беда, он не остаётся равнодушным к человеческому горю:

*Бачу я: нехта некага любіць.
Гэта іх справа,
гэта іх права.
Бачу я: нехта некага губіць.
Тут і мая ўжо справа.¹⁸⁶*

В лучших своих произведениях поэт стремится, чтобы каждое его слово было конкретным, адресованным той или другой категории читателей, находило своего адресата. Вот он задаёт вопрос педагогу: «Ці ты ўсё думаеш, што трэба выхоўваць толькі малых, малых, а не сябе саміх?», вот стремится разбудить в человеке стремление к интеллектуальной активности: «Думайце, хлопцы, думайце, інакш бяда, склярроз».

Духовность личности А. Вертинский исследует многопланово. Или через спокойный, рассудительный подход к пониманию повседневной жизнедеятельности, или с позиции высокой гражданской озабоченности и внимания к закономерностям и противоречиям времени, или через личностно-обострённое чувство ответственности за всё происходящее вокруг и веру в безграничные возможности человека как творца и судьбы личной, и судьбы планетарной. Поэт не даёт читателю возможности оставаться безразличным, равнодушным. Он постоянно советуется с читателем, берёт его в соавторы, приглашает к размышлениям над противоречиями общественной жизни.

На наш взгляд, философско-эстетическое осмысление мироздания наиболее ярко нашла своё выражение в книге поэзии «Ветрено», в которой лирический герой ведёт разговор с читателем «пра сённяяшні дзень», пра маральныя каштоўнасці жыцця, пра шчасце і каханне, пра складаныя ўзаемаадносіны ўнутранага і вонкавага свету чалавека». Пытаясь постичь разнообразную лирику и прозы, и поэзии жизни, поэт через свой уникальный стих хочет сделать человека добрейшим, даже определить для него «высшее небо идеала». И в этом идеале он видит и лирическую поэму «надвор'я за метэаралагічнымі звесткамі,

¹⁸⁵ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 221.

¹⁸⁶ Там же. – С. 225.

гістарычнымі экскурсіямі і лірыка-псіхалагічнымі эцюдамі», і сабственную граж-данскую адказнасць і трывожу, пры чым не за сябя, а і за жывучых радом с-ними людзей. Чытаем «Высокае неба ідэала»:

*Мая душа чалавечная спала,
вякамі спала да той пары,
пакуль не ўбачыў цябе ўгары,
пакуль нада мной ты не
заззяла, –
высокае неба ідэала!
Калі адкрыў я цябе аднойчы,
убачыў сябе з тваёй вышыні, –
сталі іншымі мае ночы,
сталі іншымі дні.
Ты новым сэнсам іх асвятляла,
высокае неба ідэала!¹⁸⁷*

Іменно «высокае неба ідэала», як пішет паэт, вяртае нам усмешку, калі мы мрачны, мудрасць і разсуднасць, калі мы разгневаны; сілы, калі болей; свежасць, калі стареем. Іменно яно і зовёт вперёд кожнага з нас, выбірае нам дружэй, надае чужым неадольнасцю, служыць надзейным арыентааром в-быстромяючымся міре. Іменно яно не дае нам покоя, аберегае ад духоўнай спячкі:

*Да ты мяне зноў уздымала...
...зноў уздымала і вяло,
зноў хвалявала, бунтавала,
давала сілы і святло,
усяму нізкаму назло...¹⁸⁸*

І в-дасяжэнні кожным сваёга «высокага неба ідэала», по А. Верцінско-му нет места застою, безразлічю, созерцателнасці. Вот он – паэтычскі гімн чалавеческай актывнасці:

*«Павей, павей, ветру...» –
народная песня спявае.
Зачыну такога без ветру знайсці не змаглі б.
Стыхія жывая
спявае, гудзе, павявае...
Бязветранасць – гэта
нямы, бяспесенна-мёртвы зыб.¹⁸⁹*

Обратимся к поэме «Сколько лет, сколько зим!» («Колькі год, колькі зім!») из книги поэзии «Ветрено». Казалось бы, в поэме речь пойдёт о природ-ных явлениях, о погоде и климате:

*Якое надвор'е на двары?
Пытанне старое, адказ не стары.
Бо ў новага дня надвор'е новае.*

¹⁸⁷ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 124.

¹⁸⁸ Там же. – С. 125.

¹⁸⁹ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 84–85.

*Няважна, зімовае ці вясное,
няважна, пагоднае, ці суровае,
заўсёды новае, чорт пабяры.¹⁹⁰*

Однако разговор поэт ведёт, главным образом, «пра клімат быцця, надвор'е душы, пра надвор'е маральнае», где бы погода не имела места – на сегоднешней планете, в истории, в жизненных фрагментах каждой отдельной личности. Постигание социальных и природных процессов, ведущих к обновлению жизни и умение художественным словом превратить эти процессы в мощное средство развития непосредственно самого Человека – в этом и заключаются истоки философско-эстетического уровня развития:

*Прырода была разам з намі
ў нечым самым істотным,
у не глыбінным, адвечным
з намі была заадно.
Яна нас вучыла цярпліва,
як быць у змаганні нястомным,
спрыяла нам верыць і марыць,
натхняла рабіць дабро...¹⁹¹*

Свои рассуждения о поэтической борьбе А. Вертинского за Человека, его подлинно-значимое место в обновлении жизни, завершим следующими авторскими строками:

*Жыццё даецца, каб жыццё тварыць.
Маральны самы, самы натуральны
Пачатак гэты вось жыццестваральны.
Інакш – якая ад жыцця карысць?
Тварыць!
Жыццё даецца, каб жыццё тварыць,
Не марнаваць, не нішчыць, ні бурыць, –
Тварыць!¹⁹²*

Военное лихолетье... Подростковая память, запечатлевшая его драматические и трагические события, через два десятилетия нашла своё эмоционально-пламенно-публицистическое выражение во многих произведениях А. Вертинского. «Баллада о сожжённой деревне и живом петухе» («Баллада пра спаленую вёску і жывога пеўня»), «Рассказ накануне лета» («Апавяданне напярэдадні лета»), «Много есть на земле инвалидов» («Многа ёсць на зямлі калек»), «Их последняя воля» («Іх апошняя воля»), «Мать ожидает сына» («Маці чакае сына»), «Бой» («Бой»), «Перед отцовской могилой» («Перад бацькавай магілай»), цикл стихотворений-зонгов из либретто оперы по мотивам повести В. Быкова «Волчья стая» («Воўчая зграя») в книге поэзии «Ветрено».

Было бы, на наш взгляд, непростительной ошибкой не адресовать читателя к авторским воспоминаниям о войне: «...Вайна настрайвала нас, падлеткаў, на гераічна-ратны лад. Нам хацелася ваяваць, мы прыхоўвалі на гарышчы зброю (якінебудзь, без затвора аўтамат або заржавелы вінтовачны ствол) і марылі аб тым, як

¹⁹⁰ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 73.

¹⁹¹ Там же. – С. 102–103.

¹⁹² Вярцінскі, А. Хлопчык глядзіць... Выбраныя вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1992. – С. 284.

уцякчы з дому і пайсці ў партызаны (спасылаючыся на свой, але тыповы вопыт). Некаторыя з нас трохі і партызанілі – выконвалі заданні як сувязныя і разведчыкі. Памятаю, сам некалькі разоў падвозиў ноччу партызанаў у пушчу і вяртаўся скрозь ноч у вёску, сам-насам са сваім конікам. Было вусцішна, было страшна.

...Быў і такі бок у вайны. І было нешта горшае, больш драматычнае і трагічнае... Нямецкая засада недалёка ад нашай хаты... Начны бой... Пажар... Трывожнае абуджэнне... Чорны труп партызана на заснежаным агародзе. Напружанае чаканне нейкай непазбежнай развязкі... Поўная няўпэўненасць у заўтрашнім дні, у бліжэйшых гадзінах... І зноў труп – на гэты раз мышастазялёнага немца на зялёнай абочыне... Словам – вайна, словам – смерць, гібель, знішчэнне, няўпэўнасць, хаос...».¹⁹³

Своеобразным ядром стихотворений А. Вертинского о войне является поэма «Реквием» (о каждом четвёртом) («Рэквіем») (аб кожным чацвёртым), написанная, как говорят, на одном поэтическом дыхании. Драматическое напряжение и глухая боль, лирическая задумчивость и публицистические размышления, глубокие переживания и горькая правда слов о каждом четвёртом белорусе, погибшем в годы Великой Отечественной войны. Обратим внимание читателя на эпиграф к поэме. Сконструированы по принципу контраста из газетного сообщения и двух строк из народной песни «У час мінулай вайны загінуў кожны чацвёрты беларус» и «Ой, хацела мяне маці за чацвёртага аддаці». Эти два предложения, поставленные рядом, впечатляют, как душевный крик, как трагическая молитва. Вот она «непоэтическая» статистика «Реквиема»: «Кожны трэці быў змораны, скалечаны і знявечаны. Кожны другі на целе меў раны, апёкі ці шрамы. І ўсе мы, усе мы мелі на душы сваёй раны».¹⁹⁴ Но статистика эта не учитывает тех, кто, не залечив раны, умирал рано, тех детишек, что подрывались и даже в 1960-е годы гибли от вражеских мин:

*Лічым: кожны чацвёрты,
а той рахунак прыблізны,
а той рахунак няцвёрды,
а ўрон яшчэ больш вялізны».¹⁹⁵*

Своего наиболее высокого драматического напряжения боль потерь достигает в эпилоге «Реквиема» – «Уроку спражэння».

И этот урок, на наш взгляд, должен сегодня знать и постоянно помнить каждый человек, кому дорог мир на нашей планете. «Я іду, ты ідзеш, а ён не ідзе, ён мёртвы. Я пяю, ты пяеш, маўчыць кожны чацвёрты. Мы ідзём, ідзяце вы, грунт пад нагамі цвёрды. Яны не ходзяць – нежывы, кожны чацвёрты. Любім мы, любіце вы. Колькі дзятвы, травы, сінявы! – Хоць сэрца насцеж разгортвай. А каб яшчэ ды быў жывы кожны чацвёрты».¹⁹⁶

Из памяти человеческой, утверждает поэт, никогда не должны стереться картины той всё уничтожающей огненной стихии:

*Такога агню не знала зямля,
стыхіі лютай такой.
Вёска гарыць сярод белага дня,
горад гарыць за ракой.*

¹⁹³ Вярцінскі, А. Убачанае перажытае, перажытае ўбачанае / А. Вярцінскі // Маладосць. – 1975. – № 5. – С. 168.

¹⁹⁴ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1982. – С. 63.

¹⁹⁵ Там же. – С. 64.

¹⁹⁶ Там же. – С. 64.

*Хаціны гараць,
горка ім паміраць,
а галоўнае – людзі гараць.¹⁹⁷*

Трагизм уничтожения фашистами мирных жителей становится ещё более осязаемым, когда читаешь следующие строки из поэмы «Сколько зим, сколько лет!»:

*Цямнелі сады крываваых спраў.
Ішоў снег.
Снег мёртвым вочы закрываў.
Ішоў снег.
Сталі пажарышчы затухаць.
Ішоў снег.
Сталі стогны заціхаць.
Ішоў снег.
...Стаў снег ісці. Стаў снег кружыць.
Ішоў снег.
Жывым жыво... Трэба жыць.
Ішоў снег.¹⁹⁸*

Поэтическое осуждение войны. В нём не только проявление воли и желания тех, кто выжил и кто победил. Но это также и выявление предсмертной воли, погибших в борьбе с фашизмом: «І справа не толькі ў тым, – считает А. Вертинский, – каб услаўляць подзвіг народа. Справа яшчэ ў тым, каб самым непасрэдным чынам асацыіраваць памяць з сучаснасцю, успаміны – з сённяшнімі думкамі і пачуццямі, з поглядам у заўтрашні дзень. Каб, іншымі словамі, пераплаўляць у нашых творах боль і смутак у любоў да жывых, у добрыя справы і пачуцці». И свои мысли поэт эмоционально-публицистически выразил в стихотворении «Их последняя воля» («Их апошняя воля»):

*Мы лад ваш зямны спакойны
сніць будзем у вечным сне.
Былі сусветныя войны,
сусветнага міру – не.
Вы пайшымі даражыце.
Ды першая ўвага – жывым.
Адзін аднаго беражыце,
друзыце адзін з адным.
Вы нам не шкадуйце самотных,
журботных пачуццяў сваіх.
Ды лепшая памяць аб мёртвых –
наша любоў да жывых.¹⁹⁹*

Конечно, потери, нанесённые войной, всегда будут невозвратимыми. Но жизнь продолжается. Несмотря на локальные конфликты, на планете господствует «МИР»,

¹⁹⁷ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 48.

¹⁹⁸ Там же. – С. 76–77.

¹⁹⁹ Вярцінскі, А. Убачанае перажытае, перажытае ўбачанае / А. Вярцінскі // Маладосць. – 1975. – № 5. – С. 169.

хотя, нет-нет, да и проявляется желание отдельных политиков, диктовать свои условия мирового развития «с позиции силы». Поэт решительно предупреждает:

*Гэй, груганнё, няма чаго кружыць!
Невынішчальныя жыццё і людзі.
Радзіўся чалавек...
І, значыць, будзе жыць
і прадаўжацца чалавецтва будзе!²⁰⁰*

Поэтически постигая духовность Человека, А. Вертинский постоянно и философски-заглубленно исследует его интимные стороны жизни, видит в Любви наивысшую силу проявления самых высоких человеческих качеств, жизненной силы и энергии личности.

*– Што значыць сапраўдным другам быць?
– Любіць.
– Што значыць аддана справу рабіць?
– Любіць.
– Што значыць дарогу ў жыцці не згубіць?
– Любіць.
– Што значыць зямное шчасце здабыць?
– Любіць.²⁰¹*

Назовём лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее привлекательные из интимной лирики произведения: «Милая, это не предательство» («Мілая, гэта не здрада»), «Праздник» («Свята»), «Я жил высоко на дворе» («Я жыў высока на двары»), «Пока не было тебя» («Пакуль не было цябе»), «Была возвышенность порыва...» («Была ўзрушанасць парыву...»), «Элегия ожидания» («Элегія чакання»), «Появление» («З'яўленне») и др. Самое большое счастье для лирического героя любить, «знаць пяшчоту, што ўмее з дзвюх істот рабіць адзіную істоту» (стихотворение «Эдит Пиаф хочет любви» («Эдзіт Піяф хоча любві»). Так же, как и самая большая боль в расстояниях, во взаимном непонимании любящих друг друга людей. «У чым жа тут прычына? Віноўны ён ці жанчына? Нялёгка даць адказ», – рассуждает поэт в почти шуточной современной песенке «Гора с горой не сходятся...» («Гара з гарой не сходзяцца...»).

Высокая гражданственность любовно-интимной лирики А. Вертинского, её философско-нравственная наполненность, загубленность во всеобщность бытия, в психологизм, на наш взгляд, достигает своего апогея в двух следующих стихотворениях. В первом, по А. Вертинскому, и таится вся «философия любви»:

*Мужчына. Жанчына. Чаканне.
Шуканне. Блуканне. Час.
Жанчына. Мужчына. Спатканне.
Вітанне. Пытанне. Адказ.
Мужчына. Жанчына. Дыханне.
Сэрцабіццё. Забыццё.
Жанчына. Мужчына. Каханне.
Мужчына. Жанчына. Жыццё.²⁰²*

²⁰⁰ Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979. – С. 49.

²⁰¹ Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 202.

Во втором («Весенний закон» – «Вясновы закон»), думается, образующая жизнь – любовь читается как весеннее пробуждение природы, каждый год снова и снова обуждающее в человеке тягу к продолжению жизни:

*Закон адвечны і мудры:
калі сустрэнуць вясну,
жанчыны скінуць футры,
дрэвы накінуць лісту.
Будуць, па тым законе,
жанчыны нас хваляваць,
а дрэвы супакойваць,
думкі навяваць...²⁰³*

Два небольших стихотворения, соединяющие чистый лиризм с психологизмом, бытовосприятие с философским её обобщением, с одной стороны, будят читательскую мысль, наполняют её общечеловеческим опытом, формируют стремление к философско-поэтическому осмыслению жизни, с другой, дают возможность автору через преломление извечных проблем бытия отразить как можно глубже в опыте лирического героя мир современника, проблемы, его волнующие.

Привлекательным для читателя, на наш взгляд, выступает стремление поэта ввести его в мир категорий философии и морали и особенно таких, которые насыщают поэзию подтекстовостью, интеллектуальностью, делают их более доступными для конкретного восприятия. В поэтических произведениях А. Вертинского находим поэтические толкования таких категорий философии и морали, как «время» (именно оно «хлуснёю назаве хлусню, а мітуснёю – мітусню, нядоўгае – нядоўгім, нядобрае – нядобрым, нячыстае – нячыстым, злачыннае – злачынным»), «добро» («не тое лепшае, што навейшае, а тое лепшае, што раднейшае. Не тое лепшае, што вышэйшае, а тое лепшае, што бліжэйшае. Не тое, лепшае, што прыгажэйшае, а тое лепшае, што даражэйшае...»), «правда» (это то, «што відавочна», «што можна ўбачыць і ўчуць», «што можна сэрцам адчуць і нават у сне бачыць штоночна»), «истина» («Шаную ісціну я больш за ўсё на свеце і з ёй спакойна, радасна памру...»).

Нельзя не отметить, что философско-нравственную проблематику, интимную лирику значительно обогащает глубокое проникновение поэта в народное творчество, использование им форм народного языка, устойчивых фольклорных образов. Влияние устного народного творчества прослеживается и в том, что многие поэтические строки звучат как афоризмы. Вот, примеры: «Нашто бяссрэбранікам серабро – пасрэдных людзей пасрэднік», «Не ўсе хочуць быць добрымі, ды хочуць усе дабраты», «Расстаёмся з самім сабою – нехта з боем, а нехта без бою», «Самае лепшае свята на зямлі, калі яго спраўляюць двое».

* * *

И несколько слов о двух книгах прозы. Первая «Высокое небо идеала» посвящена проблемам литературной критики и публицистики. Вторая – «Нью-Йоркская сирена»^{*} – прозаическое продолжение американского цикла стихов из книги поэзии «Ветрено», написанных под впечатлением от посещения Соединённых Штатов Америки. И пусть они посвящены разным проблемам тогочасного общественного развития (литературное наследие, творчество белорусских по-

²⁰² Вярцінскі, А. Святло зямное / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981. – С. 272.

²⁰³ Там же. – С. 261.

* В 1988 г. за книгу «Нью-Йоркская сирена» поэту присуждена Государственная премия БССР им. П. Лепешинского (в области публицистики).

этов и прозаиков, интернациональные связи белорусской советской литературы или социально-экономические и политические проблемы США), в осмыслении каждой из них можно найти – где в большей, где в меньшей степени – то, что их роднит, что в конечном итоге можно сформулировать как высокий дух жизнеутверждения, дух человечности.

В каждой из книг есть свои, скажем так, смыслообразующие позиции не только дополняющие философско-этическую направленность поэтических произведений, но и раскрывающие страстность гражданской позиции автора, его острое восприятие несправедливости в отношении к его Человеку. Лишь один из примеров – статья «Моральный долг поэта» («Маральны абавязак паэта») из книги «Высокое небо идеала». «Грамадзянскасць, – пишет А. Вертинский, – гэта жывое натхненне, жывая страсць, жывая думка, жывая боль. Кан'юнктуршчына – не тое, не другое і не трэцяе. Паэт-грамадзянін унутрана пераплаўляе тэму, кан'юнктуршчык спекулюе на ёй. Грамадзянскасць – сапраўды талент нялёгкі, паэт-грамадзянін змагаецца «за убежэння, за любовь», піша крывёю сэрца. Кан'юнктуршчык ад паэзіі ні за што не змагаецца, па сутнасці, і піша нечым рэдзенькім, падфарбаваным пад колер крыві, ці то ў ружаваты, ці то ў чырванаваты колер. Грамадзянскасць і кан'юнктуршчыну ў паэзіі можна параўнаць адпаведна з ветразем і флюгерам. А як той і другі сябе паводзяць, скажам, у ветранае надвор'е, – мы ведаем. Ветразь змагаецца са стыхіяй, флюгер паварочваецца разам з ветрам, капіруе яго напрамкі».²⁰⁴

Удачно дополняют требовательную позицию А. Вертинского к поэтическому творчеству слова из его ответов на анкету газеты «Чырвоная змена» и, в частности, на вопрос «В чём заключается мастерство писателя?»: «На гэтае пытанне можна адказаць проста: у тым, каб быць пісьменнікам. Праўда, тады можна спытаць: а што такое – быць пісьменнікам? Але гэта ўжо іншае пытанне. Анкету ж цікавіць праблема майстэрства.

Шчыра кажучы, мне не вельмі падабаецца, як мы часта маніпуліруем гэтым паняццем у дачыненні да паэзіі, да літаратуры ў цэлым. Я ўжо аднойчы гаварыў, што ўся справа ў тым, як разумець яго, гэтае самае майстэрства. Бо калі разглядаць яго як умельства, як навык, як валоданне сумай адпаведных тэхнічных прыёмаў, то тады можа ўзнікнуць недаўменнае пытанне: ну а пры чым тут паэзія, паэтычная творчасць? Такое, у двукоссі, майстэрства будзе асацыіравацца з вершатворствам, з рамесніцтвам. А вершы не робяцца, вершы нараджаюцца. Сапраўдныя паэтычныя творы ўзнікаюць як вынік працы думкі і душы, з'яўляюцца формай духоўнага быцця чалавека.

...Быць гранічна праўдзівым у сваім слове, быць самім сабой у сваёй творчасці – ці не ў гэтым і заключаецца сапраўднае майстэрства».²⁰⁵

Получивший признание в белорусской поэзии А. Вертинский неожиданно рассуждает о том, что именно народная тропа к «народной» поэзии и, в первую очередь, к поэзии А.С. Пушкина может помочь авторскому реальному воплощению или тяготению к поэзии, или укреплению связей в этом тяготении. Именно на болдинской земле у поэта возникла потребность в переводе пушкинских строк на белорусский язык. Приведём известные читателям со своего детства строки в переводе А. Вертинского:

*Падымаем і зрушым бакал
да бакала!
Каб розум свяціўся,
каб муза натхняла!*

²⁰⁴ Вярцінскі, А. Высокае неба ідэала / А. Вярцінскі. – Мінск, 1980. – С. 185–186.

²⁰⁵ Чырвоная змена. – 1980. – 1 чэрвеня.

*Ты, сонца святое, гары!
Як гэта лампада бляднее
Прад ясным усходам зары,
Так мудрасць уяўная гасне
і тлее
Прад розумам, поўным святла!
Хай сонца зазьяе, хай знікне
імгла!²⁰⁶*

«Нью-Йоркская сирена» – за границами нашего исследования. Скажем лишь, что насыщенная попыткой автора осмыслить американский образ жизни, «долларовую цивилизацию», всеобъемный американский бизнес, А. Вертинский насытил книгу «прелестями художественной» жизни Нью-Йорка (наркомания, гомосексуализм, бандитизм (т.н. культурологическими ассоциациями)). Именно его гуманистическое постижение и оформление в художественных образах позволило ещё раз донести до белорусского читателя тот образ тогочасной Америки, которая до него оставалась практически недоступной. Заметим, что вторая часть книги – менее впечатляющая, это авторские заметки об участии в работе XXXII сессии Генеральной Ассоциации ООН, его личные впечатления о работе белорусской делегации.

Вторая половина 1960-х – начало 1990-х годов – это пора гражданской и художественной зрелости и активности А. Вертинского. Его произведения – это образец того, с какой художественной мерой, сдержанностью и душевной деликатностью следует говорить о Человеке, его тревогах и заботах. Нельзя не согласиться с поэтессой О. Русилко, считающей, что «поспех филасофска-заглыбленай, эстэтычнай, вартаснай паэзіі А. Вярцінскага найперш у маштабнасці і цэласнасці асобы аўтара, асобы адраджэнскага тыпу, мэта існавання якой заключаецца ў бескампрамісным сцвярджэнні гармоніі, справядлівасці, прыгажосці як асновы быцця».²⁰⁷

ЛИТЕРАТУРА

1. Бечык, В. На аснове чалавечай роднасці... (Анатоль Вярцінскі) / В. Бечык // Перад высокую красою. – Мінск, 1984.
2. Вярцінскі, А. Тры цішыні: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1966.
3. Вярцінскі, А. Чалавечы знак: вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1968.
4. Вярцінскі, А. Выбранае: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1973.
5. Вярцінскі, А. З'яўленне: вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1975.
6. Вярцінскі, А. Час першых дарог: вершы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1976.
7. Вярцінскі, А. Ветрана: кніга паэзіі / А. Вярцінскі. – Мінск, 1979.
8. Вярцінскі, А. Высокае неба ідэала: літаратурная крытыка і публіцыстыка / А. Вярцінскі. – Мінск, 1980.
9. Вярцінскі, А. Святло зямное: выбраныя вершы і паэмы / А. Вярцінскі. – Мінск, 1981.
10. Вярцінскі, А. Нью-Йоркская сірэна / А. Вярцінскі. – Мінск, 1987.
11. Гніламёдаў, У. Вершы мае пісьмы (Анатоль Вярцінскі) / У. Гніламёдаў // Ля аднаго вогнішча. – Мінск, 1984.
12. Русецкі, А. Ісці да людзей (Анатоль Вярцінскі) / А. Русецкі // Ісці да чалавека. – Мінск, 1987.
13. Русілка, В. Анатоль Вярцінскі / В. Русілка // Літаратурныя постаці Віцебшчыны. – Віцебск, 2001.
14. Сямёнава, А. Гарачы след таленту / А. Сямёнава. – Мінск, 1979.

²⁰⁶ Вярцінскі, А. Высокае неба ідэала: літаратурная крытыка і публіцыстыка / А. Вярцінскі. – Мінск, 1980. – С. 223.

²⁰⁷ Русілка, В. Анатоль Вярцінскі / В. Русілка // Літаратурныя постаці Віцебшчыны. – Віцебск, 2008. – С. 74.

НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

Для заявившего о себе в 1962 г. в белорусской советской литературе сборником «Весенняя завязь» поэта **Николая Гончарова** особенно успешным был период второй половины 1960-х – начала 1990-х годов.* Основная библиография этих лет выглядит следующим образом: «Мишка-пилот: стихи» («Мішка-пілот: вершы», 1966), «Космачёв Константин Михайлович» («Касмачоў Канстанцін Міхайлавіч», 1970), «Карусель: стихи и сказки» («Карусель: вершы і казкі», 1971), «Георгий Поплавский» («Георгій Паплаўскі», 1974), «Арлен Кашкуревич» («Арлен Кашкурэвіч», 1976), «Искусство мужества и героизма» («Мастацтва мужнасці і гераізму», 1976), «Космолёт: стихи» («Касмалёт: вершы», 1979), «Сергей Романов» («Сяргей Раманаў», 1979), «Василий Шарангович» («Васіль Шаранговіч», 1981), «Праздники: стихи» («Святы: вершы», 1982), «Земля в цвету: стихи» («Зямля ў квецені: вершы», 1983), «Космонавтом быть хочу. Стихи. Сказки» («Касманаўтам быць хачу. Вершы. Казкі», 1984), «Белорусская книжная графика» («Беларуская кніжная графіка», 1984).

Читатели постоянно встречались с произведениями Н. Гончарова. Его печатают республиканские газеты («Сельская газета», «Знамя юности», «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва»), журналы («Беларусь», «Работніца і сялянка», «Рабочая смена», «Сельское хозяйство Белоруссии», «Бярозка», «Вясёлка», «Вожык»). Частыми были публикации в областных газетах («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гомельская праўда»), минской городской газете «Вячэрні Мінск», коллективных литературных сборниках «Дзень паэзіі». А ещё была кропотливой оформительская работа книг для детей («Детство за колючей проволокой», «Свет на дороге» и др.). Его произведения в эти годы переводятся на армянский, молдавский, таджикский, узбекский, украинский, эстонский языки.

Более глубокое ознакомление с этими книгами позволяет выделить две творческие ипостаси. Это, во-первых, произведения, рассчитанные на детского читателя, и, во-вторых, искусствоведческие работы. На наш взгляд, эти направления не только не исключают одно другого, а тесно связаны между собой, помогают автору в реализации основополагающего принципа его творчества: приучать детей к мысли «земля – моя основа...». И поэтому в авторском поиске сливаются воедино труд хлебопашца и строителя, шахтёра и столяра, космонавта и художника; поэтизация машин, механизмов и профессионального родительского труда, воспевание красот животного и растительного мира Беларуси, в которую, как в реку жизни, постоянно погружается юный читатель. И пусть этот маленький герой не всегда выступает главным действующим лицом, не всегда принимает участие в описываемых поэтом приключениях и играх, но он всегда смотрит, мыслит, рассуждает, смеётся над самыми неожиданными похождениями героев из полюбившихся ему произведений.

Отметим ещё одну особенность детской поэзии Н. Гончарова. Пробуждение детской любознательности он начинает, прежде всего, с собственного постижения детской психологии и построения на этом «человековедении» доверительного диалога, построение своего поэтического разговора с детьми как бы на равных, без дидактики и поучительства, сочетая в своих стихах и сказках мастерство педагога и писателя. Детского писателя привлекают меткие наблюдения автора над природой, удачно найденные образы, доступные возрасту читателей метафоры и эпитеты. В детской поэтике Н. Гончарова нет излишнего нагромождения образов. Видя мир глазами детей, он свои стихи-загадки, стихи-сказки, стихи-миниатюры пишет искренне и просто, говоря занимательно о простых и

* Николай Гончаров умер 25 ноября 1991 года. Похоронен на Восточном кладбище в г. Минске.

поучительных, но воспринимаемых детским читателем историях. Однако, во всём этом чётко прослеживаются жизнеутверждающий оптимизм и гражданственность пафоса, искренность интонации и эмоционально-смысловая нагрузка, заложенные в подтексте стиха. «Ребят чуть ли не с пелёнок окружают техника, игрушки и конструкторы, – рассуждал в одном из своих интервью поэт. – А знают ли они о предназначении машин? Я попытался в книгах «Космолёт», «Я связал рукавичку», «Мишка-пилот» познакомить юных с различными машинами, объяснить им, кто делает машины и как они работают».²⁰⁸ В качестве примера назовём лишь несколько стихотворений: «Самосвал», «Экскаватор», «Электричка», «Трамвай», «Лифт», «Такси», «Пожарная», «Панелевоз», «Теплоход», «Трактор», «Кран» и др. И, что особенно привлекает – так это сочетание технических характеристик и лирических элементов, усиливающих детское восприятие. Убеждаешься в этом, читая стихотворение «Кран» из книги «Космолёт»:

*Словно аист-великан
Под окошком
Вырос кран.
Позабыв усталость,
Лень,
Он в работе
Целый день.
Лишь порой
К нему на грудь
Садится солнце
Отдохнуть.*

Запоминаются «космические» стихотворения в книгах «Космолёт» и «Космонавтом быть хочу», где юные герои, став космонавтами, летят на другие планеты.

Юному читателю, несомненно, пришлось по душе и стихи-загадки, посвящённые родной белорусской природе. Всего лишь несколько примеров:

*Его мы
С весной встречаем.
У нас он
Родился и рос.
Вчера
Из далёкого края
Нам песенку
В клюве принёс.* («Скворец»)

*...Тук,
 тук,
 тук*

*Он обстукал
Каждый сук.* («Дятел»)

²⁰⁸ Книжное обозрение. – 1985. – 10 мая.

*«Вот машина,
Так машина.
Будто дом
Её кабина.*

(«Самосвал»)

Пусть не в качестве загадок, но легко читаемыми для детей («от двух до пяти» или может чуть старше, как об этом в аннотации к книге «Мишка-пилот», писал сам автор) являются стихотворения о красотах родной природы, привитии юному читателю понимания его принадлежности к ней, о необходимости постоянной и неустанной работы (конечно же, и его родителей) по её сохранению и развитию (стихотворение «Жаворонок», «Эхо», «Снежинки», «Рябина», «Сороки», «Аист», «Снегири», «Комбайнёр», «Дорога», «Провода» и др.).

Нельзя не обратить внимание сегодняшнего читателя,* как в начале 1980-х годов (книга «Праздники»**), на то, как поэт ведёт доверительный разговор с юным читателем не только о красных датах календаря (стихотворение «В день восьмого марта», «На Первомайском параде», «Наша Конституция», «День седьмого ноября» и др.), но и существовавших в советском государстве профессиональных праздниках. Представляя, к примеру, «День печати», он доходчиво объясняет, как приходят к малышам книги, показывает вклад и роль в этом процессе писателей, редакторов, художников:

*Затем
Набираются старательно строчки,
Как струны,
Тянулись от точки до точки.
Трудились
Машины в цехе печати,
И в стопку
Ложились листы аккуратно.*

Последовательно описывая весь процесс создания книги, автор напоминает о конечной цели и предназначении книжного слова. Своё обращение к читателю заканчивает словами:

*Пришла она (книга. – А.Р., Ю.Р.) другом
К тебе на порог,
А сколько пришлось ей
Изведать дорог?*

Оказывается, что все дороги объединились одной целью: книга «стремилась к тебе прибежать поскорее, чтоб стал ты умнее, мудрее, добрее».

Творческой удачей Н. Гончарова стали его стихотворения-сказки «Хоровод под Новый год» и «Лесная зарядка», напечатанные в книге «Карусель». Сюжеты у них не сложные, но написаны сказки образно, с весёлым настроением и хорошей улыбкой. Вот, к примеру, начало сказки «Лесная зарядка»:

*Очень рано, очень рано
Встало солнышко румяное.*

* Достаточно часто отвлечённого от литературы программами «Internet».

** Отметим такую особенность книги – она вышла тиражом в 75 тысяч экземпляров.

*Разметав лучей косу.
В поле выпило росу.
Осветило лес дремучий,
Приласкало в небе тучи.
И рукой своею алой
Всем в окошко постучало:
– Просыпайтесь, звери,
Открывайте двери,
И все по порядку
Стройтесь на зарядку.*

Дальше следует интересная картина лесной зарядки, при этом хорошо подмечены особенности тех или иных зверей и птиц. Читаем строки о зубрах:

*Зубры-великаны
Сдвинулись лбами,
Скрипнули рогами.
Кто-кого – не угадать:
Сила силе тут
Под стать.*

А вот о змеях:

*...Все, кому не лень, бегут,
Кто не может, те ползут.
Вот, к примеру, змеи
Бегать не умеют.*

Интересные строчки можно найти и в сказке «Хоровод под Новый год», других стихотворениях, включенных автором в книгу «Карусель». Юные читатели познакомятся с чайником, который «держит вверху нос», троллейбусом, что «обеими руками держит провода», елями, которые, как ракеты, «стоят нацелясь в небо» и со многими другими предметами и явлениями, которые постоянно встречаются на их пути.

На наш взгляд, значительному успеху детских книг Н. Гончарова способствовали оформительские работы, выполненные известными белорусскими художниками А. Кашкуровичем («Мишка-пилот»), С. Ковалёвым («Корусель»), В. Слауком «Космолёт» и т.п. Иллюстрации, сочетающие любовь к детскому читателю и талант художника-оформителя, неплохо дополняют стихи, конкретизируют их. В них немало фантазии, много света, смеха, цвета – всё направлено на активизацию читательского внимания и мышления.

В белорусской детской литературе второй половины 1960-х – 1980-х годов Н. Гончаров состоялся как «новый интересный автор» (Н. Катюшин²⁰⁹), которому «удалось пра складанае ў жыцці расказаць проста і цікава, яшчэ раз прыадчыніць акно ў свет дзіцячай фантазіі» (М. Парахнович²¹⁰).

* * *

²⁰⁹ Знамя юности. – 1983. – 18 августа.

²¹⁰ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 18 ліпеня.

Мы не ставили своей целью знакомить читателя с работами Н. Гончарова, посвящёнными жизнетворчеству известных белорусских художников-графиков К. Космачова, Г. Поплавского, А. Кошкучевича, С. Романова, В. Шеренговича. Это прерогатива специалистов-искусствоведов. Однако, и оставить без внимания эту часть творческой деятельности (а книги о художниках написаны на основе глубокого анализа творчества каждого из них, отличаются фундаментальностью, выдержанностью и объективностью поэта-искусствоведа*) было бы не совсем правильно.

Предлагаем читателю ознакомиться с оценочными выводами Н. Гончарова графического мастерства каждого из названных нами художников. Первая книга этой серии посвящалась творчеству Заслуженного деятеля искусств БССР, выпускнику Витебского художественного техникума (1932) Константину Михайловичу Космачёву. Творчество Космачёва, пишет исследователь, характеризует «связь народнай творчасці, глыбокае разуменне традыцый, вучоба ў старажытнарускіх майстроў і перадвіжнікаў, а таксама ў лепшых прадстаўнікоў беларускай жывапіснай школы». Именно всё это помогло «К.М. Касмачову дасягнуць высокага майстэрства і сталасці мастака-прафесіянала.

...Яго індывідуальнасць стваралася шляхам працяглых і настойлівых пошукаў жыццёвай праўды. Яго наватарства нараджалася наватарствам самага зместу.

Амаль кожны твор мастака вызначаецца індывідуальнасцю. У сваіх асноўных карцінах ён, як правіла, не паўтарае самага сябе. Тонкае пачуццё меры, уменне знайсці галоўнае кампазіцыйнае рашэнне, беспамылкова адкінуць непатрэбнае і сканцэнтраванаць позірк на асноўным – вось што ўласціва творчасці Касмачова».²¹¹

В искусстве графики Заслуженного деятеля искусств БССР Георгия Георгиевича Повловского поэт-искусствовед Н. Гончаров видит такие характерные черты: «...адзін з вядучых беларускіх майстроў пэндзля. Гэта – мастак-шукальнік, мастак-падарожнік. У сваёй творчасці ён абапіраецца на лепшыя традыцыі народнага мастацтва, тэмы і сюжэты чэрпае з глыбіні жыцця...

...Аловак і блакнот – пастаянныя спадарожнікі мастака. Кожная паездка ў адзін з аддалёных куткоў роднага краю прыносіць з сабой дзiesiąткі, сотні замалявак, накідаў, эцюдаў. Праходзіць пэўны час, і гэты найкаштоўнейшы матэрыял становіцца падмуркам для новых жывапісных работ, графічных серый, кніжных ілюстрацый.

...Георгі Паплаўскі не спыняцца на дасягнутым. Ён імкнецца як мага больш пашырыць кола сваіх творчых поспехаў. Ён актыўна асвойвае жыццёвыя далягляды, смела выказвае свае адносіны да жыцця, да чалавека стваральнай працы. Грамадзянін, патрыёт. І рэаліст, і казачнік, летуценнік. Ён захоплены жыццём. Яго мастацтва нясе радасць людзям, хвалюе».²¹²

Заслуженный деятель искусств БССР Арлен Михайлович Кашкурович в оценке Н. Гончарова – это художник, который «кročыць побач з жыццём, імкнецца адкрываць новыя творчыя далягляды. І гэта яму па плячы, як сталаму мастаку, чья творчасць шырока вядома і любіма народам.

* В одном из своих интервью Н. Гончаров отметил, что увлечением графикой и искусствоведением он обязан своим преподавателям А.Д. Гончарову, В.Н. Ляхову, А.А. Сидорову: «Они учили по творческому оформлять не только художественные произведения, но и научную литературу. Запомнились их наставления о том, что художник порой должен знать о предмете иллюстрирования не меньше, чем автор монографии». – Книжное обозрение. – 1985. – 10 мая.

²¹¹ Гончароў, М.І. Касмачоў Канстанцін Міхайлавіч / М.І. Гончароў. – Мінск, 1970. – С. 35–36.

²¹² Гончароў, М.І. Георгі Паплаўскі / М.І. Гончароў. – Мінск, 1974. – С. 5, 45.

Грамадзянін і патрыёт, ён з павагай ставіцца да вялікіх гістарычных падзей мінулага, умее па-мастацку асэнсаваць героіку працоўных будняў, па-філасофскі мудра заглянуць у светлае заўтра.

А.Н. Кашкурэвіч – мастак па складу сваёй творчасці адметна нацыянальны. Ён дасканала валодае ўсімі сакрэтамі графічнай творчасці, і лепшыя яго работы як станковай, так і кніжнай графікі – каштоўныя здабыткі беларускай нацыянальнай культуры і наогул усяго шматнацыянальнага савецкага мастацтва».²¹³

В отношении Заслуженного работника искусств БССР Сергея Григорьевича Романова искусствовед Н. Гончаров пишет: «Як мастак-графік Сяргей Рыгоравіч Раманаў дасканала валодае ўсімі графічнымі тэхнікамі. Асаблівай увагі заслугоўвае яго шырокі творчы дыяпазон. Ён з аднолькавым поспехам выступае ў якасці графіка-станкавіста і ілюстратара кніг, сатырыка і плакатыста, спрабуе свае сілы ў станковым жывапісе.

Характэрнай рысай мастака з'яўляецца тое, што ён ніколі не спыняецца на дасягнутым.

...Мастак ішоў па гарачых дарогах вайны, як воін, як партызан, і тэма вайны, народнай мужнасці і гераізму стала адной з вядучых у яго творчасці. Ён заўсёды ў страі і крочыць побач з жыццём, ствараючы новыя творы пра сучаснасць, пра яго перамогі на карысць Радзімы».²¹⁴

Заслуженный деятель искусств БССР, профессор Василий Петрович Шерангович, по Н. Гончарову, «каларытны мастак з прысутным толькі яму творчым почыркам і мастацкім бачаннем. Ён з асаблівай павагай ставіцца да народнага мастацтва, да нацыянальных традыцый. Добрае веданне жыцця і побыта свайго народа, уменне выявіць тыпічнае і характэрнае, высокі прафесіяналізм і дасканалае валоданне складанымі графічнымі тэхнікамі – характэрныя рысы творчасці аднаго з вядучых беларускіх графікаў В.П. Шаранговіча. ...Мастак не спыняецца на дасягнутым, паспяхова і паслядоўна ўдасканальвае сваё майстэрства, крочыць побач з жыццём. ...тое, што ўжо зроблена ім, значна папоўніла скарбніцу беларускай культуры і стала здабыткам для нашай краіны і многіх замежных бібліятэк і музеяў»²¹⁵.

Николай Гончаров ушёл из жизни в расцвете творческих сил. Однако написанные им книги, в первую очередь для детского читателя, его искусствоведческие работы будут ещё долгое время оставаться в сокровищнице национальной художественной культуры.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Гончаров, Н. Мишка-пилот: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1966.
2. Ганчароў, М.І. Касмачоў Канстанцін Міхайлавіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1970.
3. Гончаров, Н. Карусель: стихи и сказки / Н. Гончаров. – Минск, 1971.
4. Ганчароў, М.І. Георгій Паплаўскі / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1974.
5. Ганчароў, М.І. Арлен Кашкурэвіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1976.
6. Ганчароў, М.І. Мастацтва мужнасці і гераізму / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1976.
7. Гончаров, Н. Космолёт: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1979.
8. Ганчароў, М.І. Сяргей Раманаў / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1979.
9. Ганчароў, М.І. Васіль Шаранговіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1981.
10. Гончаров, Н. Праздники: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1982.
11. Гончаров, Н. Земля в цвету: стихи / Н. Гончаров. – Минск, 1983.
12. Гончаров, Н. Космонавтом быть хочу. Стихи. Сказки / Н. Гончаров. – Минск, 1984.

²¹³ Ганчароў, М.І. Арлен Кашкурэвіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1976. – С. 35.

²¹⁴ Ганчароў, М.І. Сяргей Раманаў / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1979. – С. 5, 43.

²¹⁵ Ганчароў, М.І. Васіль Шаранговіч / М.І. Ганчароў. – Мінск, 1981. – С. 2, 48.

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВ

Поэт, выпускник белорусского отделения филологического факультета Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. **Дмитриев Геннадий Григорьевич** родился 15 октября 1948 г. в деревне Злыдни (ныне Первомайское) Городокского района. После окончания Бычихинской средней школы работал заведующим клубом Бычихинского льнозавода. Получив высшее образование, несколько лет учительствовал на Гродненщине. С 1987 г. работал заместителем директора, директором Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей БССР по Гродненской области, был в этом же Бюро литературным консультантом. С 1999 г. заместитель главного редактора журнала «Полымя».

Писать стихи начал в школе, печатался сначала в Езерищенской районной газете «Калгасная вёска». Его стихи печатали республиканские газеты («Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Бярозка», «Вясёлка»). Он был частым гостем на страницах «Гродненской правды», печатался в «Беларускім календары», што выходзіў у Беластоку (ПНР). Не оставляли поэта без внимания составители и редакторы коллективных поэтических сборников «Дзень паэзіі-84», «Універсітэт паэтычны», «Узлёт», «Слава арміі савецкай», «Вяснянка» и др.

Стихов Г. Дмитриева всегда ждал детский читатель.

Член Союза писателей БССР с 1978 г.

В белорусской советской литературе Г. Дмитриев известен как автор поэтических сборников «Города на ладонях» («Гарады на далонях», 1974, издан в серии «Першая кніжка паэта»), «Птица Синезорка: стихи» («Птушка Сінязорка», 1976), «Озерины: стихи» («Азярыны: вершы», 1980).

О чем же пишет бывший рабочий, солдат, учитель? Ответ на этот вопрос может быть вполне однозначным – о прошлом и современном в жизни Беларуси, о судьбе своего поколения, солдатских буднях, любви и дружбе, нелегком, но почетном труде учителя. При этом авторское понимание и оценка жизни дополняются фольклорными мотивами.

Всем своим творчеством он утверждает в жизни собственный творческий принцип:

Людзі!

Беды свае і трывогі

Узваліце на плечы мае –

Не сагнуся.

Не збочу з дарогі!²¹⁶

Не сбился с дороги будущий поэт и когда пришлось долгое время работать на стройках Минска (в первом поэтическом сборнике этот период его жизни зафиксирован в стихотворениях «На лесах» («На рыштаваннях»), «Благодарность» («Падзяка»), «Я люблю городские дома...» («Я люблю гарадскія дамы...»); в сборнике «Озерины» – «Посвящение в строители» («Пасвячэнне ў будаўнікі»), «Вира» («Віра»), «Хватит, парни! Давайте курнём...» («Хопіць хлопцы! Давайце курнём...»). Вот, к примеру, стихотворение «Вира», которое названо словом из лексикона строителей и монтажников и в котором как будто воплощен микроклимат и содержание стройки:

²¹⁶Дзмітрыеў, Г. Гарады на далонях: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1974. – С. 3.

– Віра! –
 з шэрай будзённасці спраў,
 Дзе пачуцці! –
 без сонца,
 без неба,
 без веры.
 Калі раптам,
 падкошаны здрадай,
 упаў, –
 – Віра! –
 З чорнай нуды –
 ў неспакой,
 Каб жыццё закружыла
 З імкліваасцю віру.²¹⁷

Постепенно значение понятия «Вира» расширяется, наполняется переносным смыслом. И в своей третьей книге «Озерины» он пишет, что «кожная цагліна ў муры цяплом сірочай памяці сагрэта» и будут строиться дома, пока держит он в «руках сваіх правобраз сэрца – працаўніцу кельму».

Дальнейшая закалка характера, выработка требовательности к поэтической строке продолжалась в солдатских буднях и на «гражданке», где шел поиск постижения актуальных жизненных проблем (стихотворения «Четыре линии» («Чатыры лініі»), «Памяти деда» («Памяці дзеда»), «Охота на мамонта» («Паляванне на маманта»), «Я – человек» («Я – чалавек»), «Желайте хорошего крепкого здоровья» («Жадайце добрага здароўя»), «Анола Гей» (Анола Гэй)*.

Эти и другие стихи – убедительное свидетельство, что поэт в своем творчестве не обходит проблемы острого социального звучания, постоянно размышляет о роли Человека в жизни общества, его гражданской позиции, активности и ответственности.

Память о войне... У поэта она получает выражение в «диалоге» двух стихотворений – «Четыре линии» и «Я – Человек», смысл которого в том, что рождение новой жизни и смерть, человечность и убийство – понятия взаимоисключающие друг друга.

Читаем в первом стихотворении: «... на самай што ні ёсць перадавой крычала маці ў бомбавай варонцы», а «на маіх (поэта. – А.Р., Ю.Р.) радзінах пелі кулі».** Но ребенок выжил, уцелел и, став поэтом, имеет право написать в стихотворении «Я – Человек»: «З души неспокойной маёй, быццам сонца ўранні, над маёй шчаслівай зямлёй узыходзіць заранкай кахання. Я – Чалавек... Неспазнаны души катакомбы: рухаю ўперад прагрэс, не хаваю пачуццяў пад пломбаі... А раптам... дасць згоду кангрэс на вытворчасць нейтроннай бомбы?».

И еще один из ответов на волнующие поэта вопросы. Его читатель найдет в стихотворении «Озерины», возвращающем поэта в родные места, к истокам

²¹⁷Дзмітрыеў, Г. Азярыны: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1980. – С. 14–15.

*Самолет «Анола Гей» назван именем матери командира американского экипажа, полковника Тиббетса, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму.

**Сам поэт вспоминает: «Маці нарадзіла мяне на могілках, у варонцы ад снарада. Ішоў якраз бой за нашу вёску. Маці нават даты не памятае, кажа, жыта тады цвіло і салдаты нашы за вёску нашу змагаліся. Бацька на фронце загінуў, не памятаю яго» (Маладосць. – 1983. – № 2. – С. 167).

его послевоенной юности, хотя и знает, что «не знайсці слядоў юначых, змытых цёплымі дажджамі». Знает, но снова и снова возвращается в родной Городокский край:

*И вот «Азярыны»:
Азярыны...
Азярыны
Мне дайно ўжо толькі
сняцца...
Езярышча, Езярышча –
Гарадок майго юнацтва.
.....
Нагадай мне лепей памяць,
Пра чайны на азярынах,
Пра пялёсткаў белых замець,
Пра глушчоў на такавішчах,
Што будзілі з намі ранне...
Езярышча, Езярышча –
Горад першага казання.²¹⁸*

А еще в стихотворениях Г. Дмитриева постоянно ощущается стремление к постижению искренности человеческих чувств и переживаний, таинств любви и нежности, его поэтические строки наполнены тонким и мягким лиризмом:

*Зачаруе
Пара вечаровая
І паклікае ў гай
за сяло.
Дзе ў суквеццях рабін
і чаромух
Дарагое дзяцінства цвіло.²¹⁹*

И, конечно, же, в том «дзяцінстве» было место и первой влюбленности, и первому признанию:

*Вецер снег страсае з ёлак,
Пухкі, мяккі снег...
Ты адна на свеце белым,
Ты адна ў мяне.²²⁰*

Такими же чарующими, наполненными искренностью и теплотой читаются стихотворения «Глаза» («Вочы»), «Еще о равновесии» («Яшчэ пра

²¹⁸Дзмітрыеў, Г. Азярыны: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1980. – С. 72.

²¹⁹Там же. – С. 62.

²²⁰Там же. – С. 78.

раўнавагу»). «Когда в душе твоей начнется...» («Калі ў душы тваёй пачнецца...»), «Красота» («Прыгажосць»), «Птица любви» («Птушка каханья»), «Мы сидим – я и ты...» («Мы сядзім – я і ты...») и др.

И еще об одном. О книге «Птица Синезорка», адресованной детскому читателю и ведущей его в сказочный мир обычных, реальных вещей, сказочно придуманных, но психологически и по-художественному обоснованных. И поэма «Птица Синезорка» («Птушка Сінязорка») написана в добрых традициях сказок о жар-птице и в стиле «Голубой птицы» (Меттерлинка. – А.Р., Ю.Р.), и стихотворения «Часы» («Гадзіннік»), «Лёнев домик» («Лёняў домік») и др. говорят читателю о том, что поэт знает и понимает детскую психику, использует игру слов, рассказывает об окружающей детей среде, привлекательно, через детские игры и забавы, используя смешинки и сказочные мотивы. И в то же время поэт «пазбягае празмернай узнёсласці, слова ў яго канкрэтнае, выразнае, амаль да кожнай строфы можна дадаць малюнак».²²¹

И в заключение несколько мнений о поэтическом творчестве нашего земляка. Вот что в начале его «литературной дороги» писал Н. Гилевич: «У Г. Дзмітрыева ёсць добрая, абавязковая для кожнага паэта якасць – імкненне шукаць свежае, незацяганае слова. Яго вершы – пераважна пейзажныя мініяцюры, прасякнутыя шчырым лірычным пачуццём, ён умее глянуць на навакольны свет СВАІМІ ВАЧЫМА, а гэта вельмі нямала!».²²²

«Поэзия Г. Дмитриева, – пишет литературный критик и литературовед А. Мартинович, – поэзия мелодичная, даже – солнечная. Иногда в ней даже не трудно заметить кое-какую «знакомость» мотивов. Но вникнешь в строки глубже и поймешь: все это свое. Оно, хотя и виделось другими поэтами. Однако естественность переживания не может не радовать».²²³

Сказать о Г. Дмитриеве, «што ён паэт, гэта сказаць вельмі мала, таму што перш за ўсё ён актыўны удзельнік жыцця, ён усім займаецца з самазабыццём... Шырыня яго чалавечых інтарэсаў, багаты жыццёвы вопыт адлюстроўваецца ў яго кнігах шматграннасцю і глыбінёй закранутых у вершах тэм... Не ўсё, вядома, раўнацэнна, але гэтая разнастайнасць тэм не робіць яго кнігі раскіданымі, усе вершы цэментуе асоба самого аўтара, які паварочваецца да чытача рознымі гранямі сваёй душы».²²⁴

Дополнять эти характеристики, на наш взгляд, нет необходимости – все убедительно и объективно. Ибо живет на земле обычный человек, который любит людей и на любовь которого искренне отзываются земля и люд, родные и близкие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзмітрыеў, Г. Гары на далонях: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1974.
2. Дзмітрыеў, Г. Птушка Сінязорка: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1976.
3. Дзмітрыеў, Г. Азярыны: вершы / Г. Дзмітрыеў. – Мінск, 1980.

²²¹Дзюрыч, І. Сіняю птушка была / І. Дзюрыч // Беларусь. – 1977. – № 9. – С. 26.

²²²Гилевич, Н. У добры час / Н. Гилевич // Польша. – 1961. – № 8. – С. 131.

²²³Знамя юности. – 1980. – 25 апреля.

²²⁴Ганчарова, Л. Чалавек на зямлі / Л. Ганчарова // Маладосць. – 1983. – № 2. – С. 166.

СЕРГЕЙ ЗАКОННИКОВ

Поверьте, хлопцы, но Ушаччина, где я родился, не только моя земля. На ней родились такие интересные поэты, как Евдокия Лось и Рыгор Бородулин, ушачская земля дала нам Василя Быкова. А вот совсем недавно я открыл не только для себя, но и для всех любителей поэзии очень интересное имя. И тоже ушачского хлопца – Сергея Законникова. Уверен, что он скажет своё слово в поэзии...

П. Бровка

Сам поэт о вхождении в белорусскую литературу рассказывает: «Мая зямля – лясная, азёрная Ушаччына, дзе я вырас, паэтычны край. Сама прырода і сёння нашэптвае мне пошумам сасновых вершалін, посвітам ветру ў чаротах нейкія радкі, строфы. Першы кволенькі верш, надрукаваны ў раёнцы, быў прысвечаны палёту Ю. Гагарына ў космас. Вучыўся я тады ў восьмым класе. Сённяшняя моладзь, якая ўжо засынае і прачынаецца з камп'ютэрам, і не ўяўляе, што тады рабілася, якое было ўзрушэнне ў нас – вясковых падлеткаў, якія гадаваліся ў глухамані. А паверыць ў свае здольнасці, палюбіць роднае слова мне дапамог выдатны чалавек Уладзімір Ганчароў, які працаваў у абласной газеце «Віцебскі рабочы».²²⁵

Одним из литераторов Витебщины, заявившем своей активной творческой деятельностью в белорусской советской литературе в 1970 – начале 1990-х годов был поэт и литературный критик **Законников Сергей Иванович (Сергей Законников)**. Родился 16 сентября 1946 г. в деревне Слобода* Бешенковичского района в учительской семье. Во время войны мать будущего поэта Валентина Федоровна была связной, а затем партизанкой в бригаде имени Чапаева. Отец, Иван Васильевич, в довоенное время выступал со стихами в республиканской печати. После войны бессменный директор школ на Витебщине. Занимаясь краеведением, нашёл надмогильный камень белорусского поэта-драматурга, уроженца Ушаччины Феликса Тапчевского и тем самым уточнил дату его рождения. Дядя Сергея, Законников Сергей Васильевич (Сяргей Ракіта) – поэт послереволюционного призыва, руководитель Гомельского филиала БелАППа, был репрессирован, умер в одном из лагерей ГУЛАГа.

После окончания Глубочанской средней школы уже в Ушачском районе С. Законников поступил на филологический факультет Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. После окончания учёбы (1969) учительствовал на Борисовщине, работал литературным сотрудником Ушачской районной газеты «Патрыёт», секретарём Ушачского райкома комсомола, в газетах «Чырвоная змена», «Звязда». С 1978 г. – инструктор, с 1979 г. – заведующий сектором художественной литературы отдела культуры Центрального Комитета КПБ. 16 лет был редактором журнала «Полымя».

Первые стихи С. Законникова опубликованы в 1963 г.**. Через 10 лет, в 1973 г. из печати выйдет его первая книга стихов «Беседа» («Бяседа»). Затем, с

²²⁵ Мяснікоў, А. Дзеля гэтага трэба жыць / А. Мяснікоў. – Мінск, 2000. – С. 53.

* В связи с частными административными изменениями на карте Витебщины д. Слобода часто переходила из одного района в другой – Бешенковичский, Ульский, Ушачский. В итоге Ушаччина стала родным домом и первых, и зрелых стихов поэта.

** Цит. по: Мяснікоў, А. Дзеля гэтага варта жыць / А. Мяснікоў. – Мінск, 2000. – С. 53.

завидным постоянством, читателю будут предложены книги поэзии «Встань раньше солнца» («Устань раней за сонца», 1976), «Пока живёт моя берёза» («Пакуль жыве мая бяроза», 1981), «Вера, надежда, любовь» («Вера, надзея, любоў», 1983), «Раскалённое время» («Прысак часу», 1986), «Вечная далечь» («Вечная далеч», 1981), «Сущность» («Сутнасць», 1987), «Заклинание» («Заклінанне», 1991). В 1985 г. в издательстве «Советский писатель» в Москве издана поэтическая книга «Встань раньше солнца».

С. Законников, начиная с 1966 г., был постоянным автором коллективного сборника «День поэзии», печатался в сборниках «Універсітэт паэтычны», «Рунь», «На галоўных рубяжах», «На ніве працы і змагання», «На сцягу і ў сэрцы», «Партизаны, партизаны...», «Зеленя», «Вдохновение», «Беларуская балада», «Вачамі дзяцей» и др.

Его стихи, поэмы, лирические зарисовки, эссе, рецензии можно было встретить в республиканских газетах («Звязда», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Літаратура і мастацтва», «Настаўніцкая газета», «Голас Радзімы», «Піянер Беларусі») и журналах («Беларусь», «Полымя», «Нёман», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Бярозка», «Вожык»). Читатели республики встречались с произведениями С. Законникова с областных газет – витебской «Віцебскі рабочы», брестской – «Заря», минской – «Мінская праўда», гомельской – «Гомельская праўда», могилёвской – «Могилёвская правда», минской городской газеты «Вячэрні Мінск». Его приглашали к творческому сотрудничеству союзные журналы «Огонёк» и «Новый мир».

Отметим, что поэт занимался и переводческой деятельностью. Известны его переводы с русского, украинского, аварского, болгарского, грузинского, киргизского, литовского, узбекского языков. В свою очередь, его произведения переведены на русский, украинский, венгерский, вьетнамский, испанский, киргизский, литовский, немецкий, чувашский языки. Член Союза писателей БССР (с 1977 г.), писателей БССР имени А. Кулешова (1984), Лауреат Государственной премии БССР имени Я. Купалы (1990).

На стихи поэта написали песни композиторы Э. Зарицкий, Ю. Семеняка, Г. Смоляк и др.

* * *

Изучение поэтического творчества С. Законникова и его места в белорусской советской литературе позволило нам, с определённой долей условности, выделить в нём два далеко не однозначных и по содержанию и по временной протяжённости этапы. Первый от начала творческих исканий (1963) и до середины 1980-х годов; другой – вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. Такое деление – это не предмет субъективных исканий поэта. Думается, что правы те исследователи поэзии С. Законникова (например, А. Бельский), считающие, что подобное разделение обусловлено прежде всего таким трагическим знаковым событием 1986 года, как Чернобыльская катастрофа.

Поэтические искания С. Законникова 1970-х – первой половины 1980-х годов весьма многоплановы – память о Великой Отечественной войне и внимание к событиям октября 1917 года, борьба за мир и сыновья любовь к родному дому, родителям, родным и близким ему людям, ярко выраженная патриотическая позиция и философско-этическое постижение бесконечности человеческого существования, экологические проблемы и привлекательность любовной лирики. Правда, уже упомянутый нами А. Бельский видит Беларусь С. Законникова в дочернобыльское время лишь крестьянской, деревенской, а его художественно-образную систему связывает лишь с белорусской природой и деревней, возбуждающими у читателя чувства восторга и любви к традиционным объектам, ок-

ружающей поэта действительности («вобразы жыта, хлеба, руні, лугу, аеру, бо-ру, лесу, рэчкі, узгоркаў, хат, жаўрука... Сялянска-вясковы побыт робіцца асно-вай важкіх жыццёвых назіранняў ці па-філасофску значных думак і высноў...»)²²⁶ И в подтверждение своего тезиса А. Бельский приводит строки из стихотворения «Земля моя...» («Зямля мая...») из поэтического сборника «Рунь»:

*Зямля мая,
ты для мяне – як дзіва...
Як першы дожым любася руці,
Як у спякоту млоская ільдзінка,
Як на кашулі белай васількі.²²⁷*

Не нашли мы здесь, по правде говоря, этой патриархально-деревенской вос-торженности... Разве, что «васількі...». Напрашивается аналогия: и М. Богдановича с его васильками причислить к сонму деревенских поэтов. Вместо крестьянской, деревенской Беларуси в этих строках читается глубокое философско-патриотическое начало, рождающее у читателя адекватные тексту чувства. С дру-гой стороны, забыл А. Бельский и другое обращение поэта к родной земле:

*...Зямля,
якую лёс не надта песціў,
І я ні кроплі прайдзе не зманю,
Калі скажу:
З агню наш хлеб і песні,
І самі мы народжаны з агню.*

Скажем прямо: узковато-примитивное прочтение лирики С. Законникова с её патриотической пронизанностью, гражданским пафосом, публицистическими строками. На наш взгляд, объективная оценка творчества нашего земляка в своё время дана В. Гниломёдовым: «Галоўнае ў яго лірыцы, што ўжо даўно заўважыла крытыка, – моцнае пачуццё радзімы, якая бачыцца яму ў вобразе бярозы, і ў абліччы бялянчкі-славянкі «з шаўковай русаю касой», і ў карцінах шматлікіх таленавіта ўбачаных і сакавіта напісаных беларускіх пейзажаў, і сатканым матуляй ручніку. «Вялікія і малыя цуды», предлагаемые читателю в каждом из поэтических сборников («жыты», «зямля пахне цёплым хлебом», «блакіт калышучь галубы» і інш), «адлюстроўваюць пульсацию паэтычнай думкі і эмоцыі», а «паэтычна-эстэтычнае шчыра і лёгка, нязмушана паядналася з маральным, духоўным».²²⁸

И несколько слов об условно-втором, коротком по времени этапе – вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. Стали реальными новые общественно-политические процессы (перестройка, обновление), Беларусь накрывает чернобыльское облако, страна приобретёт государственную независимость. Новейшая история Беларуси, по сути, начнёт свой отчёт от 26 апреля 1986 года, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС. Другими стали мотивы в поэзии С. Законникова, их новое звучание, прежде всего, видится в поэме «Черная быль» («Чорная быль», 1989) и книге поэзии «Заклинание» («Заклінанне», 1991). Если раньше в его лирике приоритет отдавался поэтическому мироощущению, то в поэме, и в книге остро звучит гражданская интонация, более наступательной становится

²²⁶ Бельскі, А. Радасць быцця і страчаны рай. Паэтычны свет Сяргея Законнікава: да і пасля Чарнобыля / А. Бельскі // Роднае слова. – 2004. – № 3. – С. 59.

²²⁷ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 13.

²²⁸ Гніламёдаў, У. Сучасная беларуская паэзія / У. Гніламёдаў. – Мінск, 1983. – С. 244–245.

публицистика. Болевые ощущения, возникшие после посещения Чернобыльской зоны, всё чаще фиксируются поэтическим словом.

* * *

Какими же путями шли творческие поиски С. Законникова, то было привлекательно для читателя в его стихотворениях, с чем он вошёл в белорусскую советскую поэзию? Попробуем ответить на этот вопрос, излагая материал в определённой логической последовательности.

Уже в первых поэтических произведениях, а затем и в первых книгах «Беседа» и «Встань раньше солнца» заметным стало стремление автора не только понять и ощутить многообразие, противоречивость и сложность тогочасной действительности, но и осмыслить её по-своему в художественном слове, запечатлеть в художественных образах. Свою задачу поэт видел в том, чтобы «опозитивировать обычное, а не выискивать среди обычного поэтическое». А поэтому глубокой поэтичностью пронизаны произведения С. Законникова о родительской земле, мужестве и героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны, о красоте родных просторов и величии дел и свершений современников поэта. Отличительной чертой стихотворений и поэм при этом выступают настоятельные попытки поэта овладеть искусством тонкого лиризма, философского размышления над проблемами современности, местом и ролью человека в преобразовании мира, глубоким психологизмом.

Лирический герой поэта выступает личностью активной с чётко оформленными идеалами и жизненными принципами, с глубоким пониманием неразрывности духовного единства разных поколений советских людей, готовности не только наследовать, но и развивать их героические традиции. Для него счастье в постоянном поиске, в неприятии равнодушия, в умении ощущать и понимать движение времени. Поэт не ищет похвалы, щедростей, выгод коммунального рая, было бы только:

*Айчыны б паветра ўзахлёб,
на ўвесь рост,
І матчынай мовы акраец.²²⁹*

Свою жизненную позицию лирический герой С. Законникова открыто заявляет в стихотворении «Вечный круг жизни и смерти» («Адвечны круг жыцця і смерці») в сборнике «Пока живёт моя берёза»:

*...Я ведаю,
спазнайшы поўна
Цану і радасці
і бед,
Мне не ўсё роўна,
не ўсё роўна,
Якім пакіну белы свет.
З крэўнасцю намёртва звязан
З усім,
што будзе,
ёсць,
было.*

²²⁹ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 67.

*І мой галоўны абавязак
Рабіць дабро,
і нішчыць зло.²³⁰*

Вместе с тем, он стремится увидеть, как «далёкім Млечным Шляхам плыве ружовы маладзік і, прыпыніўшыся над дахам, у вокны здзіўлена глядзіць», услышать, як «Айчыны жытнёвае поле звініць у густой збажыне», помнить, что «беларус быў заўжды хлеббаробам выдатным» и для него «няма на свеце лепшай долі», чем «несці жытнёвы колас праз вякі». Его привлекают к себе ржаное поле, льняные посеы, лесная чаща и вересковая тропа, августовские ночи и хмельной воздух майский. Как с живыми, он разговаривает с бором, криничкой, ржаным весомым колоском. Для него «спявае жыта», «пахне ралля цёплым хлебам», «звіняць крыштальна соснаў стромкіх кроны», «песня прыветная дзіўнай старонкі чуйнаю птушкаю спіць на плячы».

Для такого обострённого ощущения красоты родной природы у героя С. Законнікава есть своя основа. Дело в том, что детские годы самого поэта связаны именно с ушачскими краеведами:

*Дзе сонца ясна і зімой свяціла,
Дзе росны луч так пахнуў малаком.
...Дзе кожная аleshына, асіна
Абцалавана веснім вецярко.²³¹*

Детские впечатления оказались очень прочными. При каждой новой встрече с родными местами они снова и снова оживают в памяти, наполняя душу и сердце лирического героя глубоким патриотическим чувством. Поэта интересует душевное состояние героя в ходе таких встреч. Об этом свидетельствуют многие стихи в разных поэтических сборниках. Вот некоторые из них: «Снова пахнет укропом в материнском доме» («Зноў пахне кропам у матулі ў хаце»), «Как тройка под свадебной дугой» («Як тройка пад вясельнай дугой»), «Материнский порог» («Матчын парог») – сборник «Беседа»; «Только глаза закрою...» («Толькі вочы заплюшчу...»), «Моя тропинка» («Мая сцяжынка») – сборник «Встань раньне сонца»; «Моя деревня» («Мая вёска»), «В родном доме» («У роднай хаце») – сборник «Пока живёт моя берёза» и др. Просто, но убедительно показывает поэт привязанность героя к своей земле, к Родине в стихотворении «Дома»:

*Духмянае поле ў палон забірае,
Гляджу, як стартуюць у свет жураўлі...
І нанай нарадзіцца думка старая:
– Ну хто ты,
ну што ты без гэтай зямлі?²³²*

Земля родителей, с её не очень богатыми для получения урожаев полями, и для поэта, и для его лирического героя является тем единственным первоначалом, в котором «нібы птушаня з вялікім светам адчуваем сувязь...».

Однако патриотизм поэта не местечковый, не ушачский, не только белорусский. Восстановление в памяти дорогих впечатлений детско-юношескому сердцу фиксирует: россонскую тропинку к школьному крыльцу, памятную улыбку матери и, конечно же, – Отчество. Читаем поэтическое признание:

²³⁰ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 132.

²³¹ Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы і паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 24.

²³² Там же. – С. 48.

*Ушацкія узгор'і –
не Эльбрус,
А як відаць мне з іх
уся Радзіма!*²³³

Патриотические чувства являются определяющими среди всех других как для поэта, так и для его лирического героя. Может быть, поэтому в произведениях, в которых разговор ведётся о «малой Родине», очень часто фигурируют дорогие для поэта люди и события, явления и места, являются наиболее выразительными и наиболее эмоциональными, приобретают художественную значимость и философскую обобщённость. К примеру, материнский платок, обычная в быту вещь, сущность которой, скажем прямо, всегда состоит в том, что он обычно «мамин», «материнский». Благодаря поэтическому мастерству обычный материнский платок становится лирической энциклопедией нелёгкой деревенской жизни. Только настоящий поэт смог почувствовать, что «пахне яна асцярожнай вясною, талых снягоў развітальным разлівам, цёплай пупышкай, лісцін навіною, шчэбетам птушак бязладных, шчаслівых. Пахне яна клапатлівай спякотай, песняй пчалы, сырадом духмяным, спрэчкай спрадвечнаю бульбы з асотам і мурагом, што ў сяннік напіханы. Пахне яна залатой павуцінкай, хрумстнай антонаўкай, роснаю пожняй, ржэўнікам шэрым, счарнелым націннем, голасам выраю ў небе трывожным. Пахне яна маладзенькім марозам, дранікам, што на патэльні пяэца, пахне яна нечым родным і розным, як прытулілася – аж зайдзеца сэрца. Мы вырастаем марудна і хутка... Пахне маленствам маміна хутка».²³⁴

Открытость и душевность, трудолюбие и гостеприимство белорусов, неповторимость белорусских красот Отечества – «поле, рэчка, азёры хараством выцалоўваюць вочы» – наполняют разум и эмоции автора, поэтические строки его стихов чувством тревоги и озабоченности о сохранении всего этого богатства для новых и новых поколений.

Если в стихотворении «Пока живёт моя берёза» поэт высказывается, что на этом свете его с берёзой «адны трымаюць карані», то в стихотворении «К вопросу об окружающей среде» («Да пытання аб акаляючым асяроддзі»), он с публицистическим запалом утверждает, что:

*Можа чалавекам той называцца,
Хто шануе родную зямлю.*²³⁵

Главной характеристикой своего лирического героя поэт считает «вечны рух няўтоленай душы». Ощущая неотрывность от родной земли, родных корней, родного Отечества – «а я ў зямлю ўрастаю каранямі, тут мой – світалны і апошні след» – он озабочен тем, чтобы без потерь соединить прогресс и природную судьбу, найти пути, чтобы вместе с земляками «разам ратаваць, ад гнілога бруда адметваць і надзяліць радасцю планету». Он понимает, предупреждает читателя, что к природе надо относиться так, «як хірург над безнадзейна хворым», необходимо спасать её уже сегодня, не откладывая на потом! (Не думал же С. Законников о том, что произойдёт в апреле 1986 г. – А.Р., Ю.Р.). Во времена поэта актуальными были мелиоративные работы (заметим, что всегда обоснованные. – А.Р., Ю.Р.), судьба так называемых «неперспективных» деревень, даже сохранение, имевших для Витебщины огромное значение тех садовых

²³³ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 173.

²³⁴ Там же. – С. 184.

²³⁵ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 62.

насаждений, которые в 1970–1980 гг. становились гордостью БССР. Обращаясь к читателю (считай, человеку. – А.Р., Ю.Р.), поэт напоминает ему: «Ты сам зямлі часцінка... Ёй – маці – не змані, каб не сысці з гасцінца любові, дабрыні». И предлагает ему для полного понимания авторской позиции символический образ «світальныя снягі». Но именно через него поэт (и в том видится талант. – А.Р., Ю.Р.) глубоко и убедительно, по-сыновьему откровенно показывает историческую судьбу родной Беларуси.

Что снится полю белорусскому, когда идут рассветные снега? Оказывается, и «татарскіх стрэл смяротнае гаданне», ад якіх «над Белай Руссю горкі сум званоў», и «французскі штук», что в сердце ей (Белой Руси. – А.Р., Ю.Р.) «цале», и крепостная плеть, и революционные тачанки, и новый строй колхозный, когда «усе шнуры пераараны вузкія». Помнит белорусское поле и фашистские наваждения, пепельные облака над Хатынью. Своеобразная летопись, считает поэт, продолжается и в наше время, когда:

*Над Белай Руссю
лёгка снягі,
Плывуць зямлі і неба
берагі,
Пад коўдрай рунь
пацягваецца з хрустам...
Калі ідуць крышталёныя снягі,
То сніцца сонца
полю беларускаму.²³⁶*

Стихотворение, в котором слиты воедино художественность с публицистичностью, учит нас помнить свою историю, любить свой край, бороться со всякими нашествиями, чтобы над полем белорусским всегда были «зоры і снягі, няўлоўныя, нібы людское шчасце». Осмыслению исторических событий, их связи с современностью, их роли в общественно-политической жизни посвятил поэт ряд произведений, среди которых, в первую очередь, можно выделить стихи о В.И. Ленине – «Поезд в революцию» («Цягнік у рэвалюцыю»), «Орлиная песня» («Арліная песня»), «Баллада о «красных» («Балада пра «чырвоных»), поэма «Урбаны» («Урбаны»). Поэма состоит из отдельных разделов, тем не менее в целом она даёт общую картину жизни одной семьи на протяжении нескольких десятилетий, что является не только художественным решением героической жизни семьи Урбанов, по сути, но и собирательным образом: «У маладой гагарынскай усмешцы ад Урабанаў, бясспрэчна, нешта ёсць».

Память о войне... Она священна, свидетельствует поэт. Помнят о ней матери, чьи сыновья «ляжаць у палях пад Смаленскам і Брэстам» («Обуждение» – «Прабуджэнне»), партизаны помнят, которых «зноўку знітоўвае радасць і гора, цягне моцную ніць з небыцця да жывых» («Партизаны» – «Партызаны»), дети, которые в лесной школе выводили «Москва...», «Смерть оккупантам» («Лесная школа» – «Лясная школа»), память о войне хранит тишина, что, будто мать, стоит «у жалобе ля брацкай магілы» («Тишина» – «Цішыня»), в памяти людской, утверждает поэт, всегда будут жить комсомольцы-подпольщики из Оболи («Памяти героев-обольцев» – «Памяці герояў-обальцаў»), жители из ушачской деревни Мураги, расстрелянные фашистами («Невесты деревни Мураги» – «Нявесты вёскі Мурагі»), ушачские деревни Паперино и Новое Село, в работе которых была прорвана партизанскими отрядами весной 1944 г. фашистская блокада

²³⁶ Законнікаў, С. Бяседа: вершы / С. Законнікаў. – Мінск, 1973. – С. 41–42.

(«Скупы радок маскоўскай зводкі, салют ля могілак сяброў. Смак перамогі не салодкі, салёны, як сляза і кроў»).

Одно из ужасных преступлений гитлеровских головорезов (в реке Свольна, что на Верхнедвинщине было утоплено 3639 человек, 2118 из которых были детьми. — А.Р., Ю.Р.) нашло поэтическое воплощение в балладе «Свольня». Вряд ли можно найти исповедь более трагическую, чем та, что подслушал поэт на берегу реки:

*...І глуха хваляй мовіла рака:
— Прыходзяць на рамонкавы мой бераг,
Нібыта да магільнага грудка.
Я пракляла той дзень,
калі фашысты
Кідалі ў вір бяздонны немаўлят,
Маліла сонца:
«Высушы
І не вяртай пасля
вады назад!»
Але яно свяціла так спакойна,
А я глыбела ад дзіцячых слёз...
І з той пары
стаў ранай незагойнай
І лютай карай
мой гаротны лёс.²³⁷*

Стихи о войне убедительно свидетельствуют о ярко выраженной гражданской позиции С. Законникова, поэта, который пишет про тех, кто «у сорок першым паў...», про «блакітнае худое пакаленне», чью память будят жалостные колокола «Хатыни», чье сердце болит от того, что земля людей стоит над пропастью и ей «да небыцця адзін застаўся крок». Поэт понимает, что память войны требует от каждого белоруса активных действий в защиту мира. От имени своего поколения он открыто заявляет:

*І ты, і я —
Мы ўсе салдаты,
Салдаты праўды і святла.
І нам вяршыць бядзе адплату,
Адкуль яна б ні прыпаўзла.²³⁸*

Отметим, что в ряду со стихами и поэмами гражданского звучания, наполненными острой публицистичностью, в поэтических сборниках С. Законникова читатель находит произведения, пронизанные стремлением автора к философским размышлениям над проблемами современности, слитостью в единое целое эстетического и морального. И в каждом случае С. Законников выбирает для поэтического воплощения вопросы и проблемы, волнующие современника, стремится разобраться в сложных жизненных ситуациях, дойти до сущности явлений и событий. Поэтому произведения поэта наполнены человеческими хлопотами, созвучны с духовным миром читателя. В них четко прослеживается

²³⁷ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. — Мінск, 1981. — С. 118–119.

²³⁸ Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы і паэма / С. Законнікаў. — Мінск, 1976. — С. 10.

связь времён: от дня вчерашнего, что подготовил день сегодняшней, и через него в завтрашний день.

Обострённое внимание к проблемам моральным, духовным, стремление проникнуть и постичь противоречивость развития реальной действительности значительно обогащают философскую сторону творчества С. Законникова. Предметом художественного исследования становится диалектическая взаимосвязь между жизнью и смертью, неповторимость родной природы. Несколько строк из сборника «Пока живёт моя берёза»:

*Жыццё і смерць...
Спрадвеку
Ім няма вымярэння...
Галоўнае для чалавека –
Паверыць у сваё паўтарэнне!²³⁹*

И еще одно стихотворение:

*Даўно з бясмерцем
людзі ў добрай згодзе.
Яно заўжды трымаецца на тым –
Мы каласамі ў гэты свет прыходзім
Каб сілу даць зярнятам залатым.²⁴⁰*

Любовь, Добро, Надежда, Вера, Правда, другие философско-этические категории активно используются С. Законниковым для осмысления самых разных проявлений человеческой жизнедеятельности. Одни из них используются поэтом для понимания качества характера личности, другие – получают философское звучание. Как, к примеру, правда, о которой поэт пишет: «Праўда наша, праўда ваша. Хто ж яе дзяліў? І ці можна праўду важныць, мераць на разліў? Праўды можна адрачыся, у сабе забыць. Паслугачкай, як ні пніся, праўду не зрабіць». Ибо она:

*Як сонца,
вечер.
Вольная яна.
Праўда, ёсць на белым свеце
І на ўсіх – адна.²⁴¹*

Приведём ещё одно стихотворение, в котором, на наш взгляд, очень удачно «сплетены» воедино простота и мудрость, философская наполненность текста и лёгкость поэтической формы:

*Стажок жыцця ўсё вершыца,
штогод – чарговы ўкос.
І памяцю,
і вершамі,
Здаецца, зной падрас.
Стажок не надта зграбны ўжо,
А правіць не прашу...*

²³⁹ Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1981. – С. 30.

²⁴⁰ Там же. – С. 28.

²⁴¹ Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986. – С. 212.

*Бо не прычэшыш граблямi
Свой погляд i душу.²⁴²*

Оптимизм, вера в жизнеутверждающую силу разума, удачно сконденсированы в последних странах стихотворения «Корнями я в родной земле...» («Каранямi я ў роднай зямлi...»):

*Ды жыцця мерны рух не спыніць...
I насуперак стратам i болю
Прарастае, каб колас сцяліць
Зерне*

*веры,
надзеi,
любвi.²⁴³*

И ещё об одном – о понимании поэтом и соблюдении им известного белорусского (времен Ефросиньи Полоцкой, Кирилла Туровского, Франциска Скорины, Ивана Ужевича, Мелетия Смотрицкого, Симеона Полоцкого, Иониния Галетовского, Дмитрия Ростовского, Афанасия Филипповича) отношения к слову как к najveikшему моральному императиву, к «святому святых», перед работой с которым требуется настоящее очищение глубин таинственных, сердца и мысли:

*Без стомы ўсё жыццё шукаць
збавення
У тых радках, што сэрцам
падсярог...
Ты толькі не прыводзь мяне
натхненне
Ніколі да непраўды на парог.²⁴⁴*

Читаем следующие строки:

*Не вершы,
а доля –
i ў змесці, i ў форме,
Пішу i спагады сабе не прашу...
Паэт не абуе, паэт не накорміць,
Ды песня сагрэе i ўзвысіць душу²⁴⁵.*

и видим, как эмоционально призывает нас любить Родину, её книжность, людей «ближних», призывает к полноводной «реке любви» и именно в этом он видит путь к уважительному существованию нашей страны в мировом сообществе.

Поэтические размышления С. Законникова над смыслом человеческого существования наполнены оптимизмом, жизнеутверждением, пронизаны глубоким патриотическим чувством Родины, чувством, которое по признанию поэта «пачынаецца з патрэбнасці ажыўляць у сваёй памяці дарагія сэрцу малюнкi: росную сцяжынку да школьнага ганка, ласкавую матчыну ўсмешку, бязмежныя палi, суровыя i велiчныя бары, глыбокую чысціню азёр». И здесь снова проявля-

²⁴² Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мiнск, 1986. – С. 216.

²⁴³ Там же. – С. 232.

²⁴⁴ Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы i паэма / С. Законнікаў. – Мiнск, 1976. – С. 82.

²⁴⁵ Законнікаў, С. Сутнасць: кнiга паэзіi / С. Законнікаў. – Мiнск, 1987. – С. 22.

ется поэтическая озабоченность. Его волнуют проблемы неразрывности поколений, понимание поэтически-личной ответственности за своё время и его людей, за тот исторический отрезок времени, за тот плацдарм, на котором идёт жизнь его, поэтового поколения:

*...Пакуль жыву –
душа шчыліць і тужыць,
Пакуль я ёсць –
і помню, і люблю.²⁴⁶*

На наш взгляд, с итогами условно первого этапа развития поэтического творчества С. Законникова вполне соотносятся слова Народного поэта Беларуси П. Бровки: «Сяргей Законнікаў заўсёды на перадавой лініі жыцця, разам з героямі сваіх вершаў і паэм, заўсёды ў пошуку свежага слова, якое павінна ўдзячна адазвацца ў сэрцы чытача».

* * *

Послеапрельские события в Чернобыле 1986 г. привели поэта к новому постижению реалий (он сам был участником эвакуационных мероприятий в г. Хойники в мае 1986 г. – А.Р., Ю.Р.). Вот что пишет он сам: «Як і ўсе ў першыя дні пасля аварыі я валодаў той жа скупой інфармацыяй, з якой немагчыма было зразумець: што ўсё ж такі здарылася? Толькі ў глыбіні душы расло шчымлівае адчуванне, што адбылося нешта надзвычай жахлівае і непапраўнае для ўсіх нас. ...Сваё адчуванне цяжару, які лёг на плечы беларусаў, я выказаў адразу, яшчэ ў маі 86 года – у адным з раздзелаў паэмы «Кульмінацыя». Але гэта быў толькі пачатак».²⁴⁷

Произведение, постигающее трагизм произошедшего, всё же звучало оптимистично: «мы ўратаем», «потым чыста адмыем», «здалеем», «выцерпім»... Даже спасение было найдено сразу: «Гэта памяць народа, праведны гнеў і любоў». Автор стремился убедить читателей: «Што б ні было, а наша існаванне ўсё-такі сэнс навечна будзе мець».

Однако настоящее осмысление наступит немного позже, когда в 1989 г. будет напечатана поэма С. Законникова «Чёрная быль», которую Народный поэт П. Панчанка определил, как «значнае дасягненне нашай паэзіі», «адзін з паэтычных твораў і па часе напісання і па высокай мастацкай вартасці».²⁴⁸

Переведённая на русский, польский, немецкий языки, она стала глубоким поэтически-аналитическим исследованием причин и последствий Чернобыля. Произведение, как справедливо отмечает доктор филологических наук, профессор А. Бельский, затронуло читателя смелой и мужественной правдивостью, социальной критичностью, гуманистической направленностью мысли, выверенным пониманием главного, сущностного в тогочасной жизни.²⁴⁹ Каждый из 13 разделов поэмы («Взрыв» – «Выбух», «Зона молчания» – «Зона маўчання», «Дождь в Хойниках» – «Дождж у Хойніках», «За колючей проволокой» – «За калючым дротам», «Полынная звезда» – «Палыновая зорка», «Туфельки» – «Чаравікі», «Чернобыльский волк» – «Чарнобыльскі воўк», и др.) – это 13 мгновений жизни в границах чернобыльской зоны, «у якіх сканцэнтраваны – боль і наіўная надзея, ваяўнічае зло і спаконвечная сялянская дабрыня, жыццё

²⁴⁶ Законнікаў, С. Заклінанне / С. Законнікаў. – Мінск, 1991. – С. 63.

²⁴⁷ Літаратура і мастацтва. – 1989. – 15 снежня.

²⁴⁸ Законнікаў, С. Лістам дарога запала / С. Законнікаў // Выбранае. – Мінск, 2000. – С. 8–10.

²⁴⁹ См.: Бельскі, А. Радасць быцця і страчаны рай. Паэтычны свет Сяргея Законнікава: да і пасля Чарнобыля / А. Бельскі // Роднае слова. – 2004. – № 3. – С. 51.

ва ўсіх яго праявах і атамная смерць, святло і цемра небыцця».²⁵⁰ Поэма засвидетельствовала изменение эмоциональной доминанты в художественном осмыслении поэтом новых общественных, экономических, духовных реалий, а острый контраст между лирическим спокойствием и лиризмом песенных строк у читателя своеобразное идейно-эстетическое восприятие:

*Маўчыць,
нібы каменне,
зямя,
Палын невядомасцю свеціць...
Што будзе,
што будзе пасля? –
Не скажа ніхто ў гэтым
свеце...²⁵¹*

Один из авторов настоящего очерка, а именно А. Русецкий, не единожды и в разное время бывал в загрязнённых районах (Хойники, Брагин, Наровля, Славгород в Могилёвской области) и видел жизнь и людей своими глазами. А поэтому, мы разделяем вывод исследователей (к примеру, А. Бельского) о том, что «Чёрная боль» С. Законникова – это «реалистически-правдивая хроника трагедии», призывающая к честному очищению от всего наносного и низменного, к просветлённости человеческого бытия «душы крануты цвіляю, нібы краты... Страшна ўявіць хоць на хвілю свет, дзе няма дабраты...».

Не ошибся, на наш взгляд, и литературный критик и литературовед Е. Крупенько, сделавший следующий вывод: «Его поэзия (С. Законникова. – А.Р., Ю.Р.) – это своеобразная биография времени, биография не обнажённо-летописных, а переданное через горячее чувство человека. Биография родичей, биография Родины, биография отцов и одногодков стала прочным фундаментом для его страстных, патриотических стихов. Не нарушая исторической достоверности, поэт заставил вчерашний день работать на сегодняшний. Больше того, на завтрашний.»²⁵²

* * *

О литературно-критических устремлениях поэта С. Законникова написано много рецензий и статей, а вот такое направление его творчества, поисков, как внимание к творчеству своих коллег по перу, попытка увидеть магистральные направления в молодой белорусской поэзии, как мы установили, осталось без внимания. А потому мы предлагаем читателю познакомиться с оценками и взглядами С. Законникова на тогочасный молодёжно-поэтический процесс.

Вот одна из первых рецензий – на книгу стихов В. Павлова «Светотени» («Светацeni»):

– «Пісаць чэсна, проста і таленавіта – вось той крытэрыў, з якога зыходзіць паэт. ...У Паўлава слова добры і шчыры саюзнік. Скупа, але разам з тым дакладна, з добрай жыццёвай мудрасцю вядзе размову паэт. ...Аўтар дае поўнае права чытачу мысліць, аналізаваць і рабіць вывад, які ён лічыць справядлівым. І гэта яшчэ адзін доказ адчування паэтам цеснай блізкасці з людзьмі. ...Паэт пачынае жыць не толькі сваімі радасцямі і бедамі. Яго сэрца настрайваецца, як чуйны лакатар, на людскія позвы аб дапамозе. Большая

²⁵⁰ Літаратура і мастацтва. – 1992. – 14 лютага.

²⁵¹ Законнікаў, С. Заклінанне / С. Законнікаў. – Мінск, 1991. – С. 101.

²⁵² Знамя юности. – 1982. – 29 декабря.

аб'ёмнасць, цвярозае асэнсаванне, з якім ён успрымае свет, – вось тыя параметры, якімі характарызуецца творчая сталасць паэта».²⁵³

– О Леониде Дайнеко и его книге «Голоса» («Галасы»):

«У Леаніда Дайнекі знайшліся свае дакладныя, запамінальныя словы і вобразы для выражэння захаплення родным краем, «дзе чутны продкаў галасы і крокі», «звон травы», дзе «спяць у небе срэбныя аблокі, як дзеці, што змарыліся за дзень». Гэта вельмі добра, што малады паэт імкнецца пісаць аб тым, што ім перажыта, з пункту гледжання ўласнага вопыту. Менавіта таму многія вершы зборніка «Галасы» зіхацяць агеньчыкамі сапраўдных паэтычных знаходак. Але частка вершаў «грашыць блёклымі, сцёртымі выразамі, праз некаторыя ледзь-ледзь прабіваецца думка, трапляюцца пагрэшнасці рыфмы. Хацелася б, каб аўтар быў больш строгім і пераборлівым у адносінах да сваіх твораў».²⁵⁴

– Ещё одна оценка, на этот раз книги М. Дуксы «Шаги» («Кроки»):

«...М. Дукса – паэт яўна выражанага лірычнага складу. Больш таго, яго лірыка спакойная, меладычная, як цяпер сталі называць, «ціхая». Але гэта не гаворыць аб тым, што паэт знаходзіцца ў нейкай экзальтацыі, у стане інэртнасці, заспакаення. Шматгалоссе жыцця, трывога і радасць гучаць у кожным лепшым вершы зборніка.

...Вытокі паэзіі Мар'яна Дуксы ідуць ад знаёмых «гаманлівых плёсаў нарачанскіх», ад краю, «што клічуць Белай Руссю». ...У яго вершах мы не знаходзім інтэлектуальнай віртуознасці. Яны пра тое, што вядома кожнаму. Але паэт можа адкрыць нанова гэтае вядомае і звычайнае». Але «можна было абыйсціся без паўтораў, моўных неадкладнасцей, вельмі ўжо частых выклічнікаў «ах!», «о!». ...Аўтару, чалавеку па-сапраўднаму таленавітаму, не да твару такія пагрэшнасці».²⁵⁵

– Не оставил С. Законников и книгу своего земляка О. Салтука «Начало дня» («Пачатак дня»):

«Вершы А. Салтука падкупляюць «юнацкай непасрэднасцю, шчырым здзіўленнем перад характэрам акаляючага свету, сваёй душэўнай цеплынёй. Маладому паэту удалася, нягледзячы на пэўную аднастайнасць тэм, расказваць аб тым, што яго хвалюе, чым ён захапляецца, паказваць падрабязнасці, прыкметы сённяшняга дня. ...Паэт стаў больш пільна ўглядвацца ў жыццё, знаходзіць свае, ясныя і дакладныя словы, яскрава вырашаць сваю пазіцыю. ...Ён гаворыць толькі аб тым, што выпакутавана сэрцам. ...Шкада толькі, што і ў гэтых шчырых вершах (о любви. – А.Р., Ю.Р.) часта сустракаюцца паўторы».²⁵⁶

– И очень доброжелательные размышления над стихотворным сборником Н. Аврамчика («Хранилище» – «Радовишча»):

Во многих стихотворениях Н. Аврамчика «адчуваецца тая самая праўда жыцця і бязлітаснасць фактаў, якія набываюць глыбокую філасофскую сутнасць, нараджаюць пачуццё дачынення чытача да лёсу героя і свярджаюць вышэйшыя грамадзянскія і маральныя ідэалы». Паэт вядзе актыўны ...пошук заповітнага радка, які б поўна і глыбока адлюстравалі разнастайныя жыццёвыя з'явы нашага веку, характар і дзеянні людзей, іх імкненне да добра, прыгажосці і чалавечнасці... Апазнавальныя знакі паэзіі М. Аўрамчыка – шчырасць і праўдзівасць».²⁵⁷

И, конечно, мы не могли оставить без внимания рецензию С. Законникова на стихи членов литературного объединения Белгосуниверситета имени В.И. Ленина «Узлёт» – родном для самого поэта: С одной стороны, в «невялікай па размерах кніжцы так шмат святла, непасрэднасці пачуццяў, што гартаючы яе старонкі, сапраўды адчуваеш сябе ў палоне веснавага настрою, калі сонца дарыць

²⁵³ Чырвоная змена. – 1968. – 10 студзеня.

²⁵⁴ Віцебскі рабочы. – 1970. – 11 лютага.

²⁵⁵ Там же. – 1972. – 7 верасня.

²⁵⁶ Там же. – 1974. – 5 снежня.

²⁵⁷ Звязда. – 1976. – 16 снежня.

табе цяпло промняў, небачны ў блакіце жаўрук – песню, а шчодрая зямля – моц, упэўненасць у сваіх сілах.

Свет, які выпраменьваецца са старога зборніка, шматфарбны. У ім ёсць многае з таго, што спадарожнічае маладым паэтам у жыцці».

З другога, «вершы, змешчаныя ў кнізе, не ўсе роўныя па мастацкіх вартасцях – многім маладым паэтам не стае і жыццёвага, і творчага вопыту. Адны з іх заявілі аб сабе боль упэўнена, у іншых думка яшчэ з цяжкасцю прабіваюцца праз слоўны накіп. Ёсць агрэхі і ў тэхніцы пісьма, сюжэтай пабудове».²⁵⁸

Наши размышления о творчестве С. Законникова в белорусской советской поэзии завершим несколькими строками, в которых мысль и чувство гармонически слиты воедино и зафиксированы поэтически образно:

Над Белай Руссю

чорная імгла.

І кроў у жылах

не ад сцюжы стыне,

Ляціць у хмарах

попел ад Хатыні.

Над Белай Руссю

чорная імгла.

Сыны не чуюць

матчынай тугі,

Маўчаць яны,

чарнявыя і русыя...

Калі ідуць

майклівыя снягі,

Што сніцца табе поле беларускае?^{259**}

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Бельскі, А. Зорка Палын: тэма Чарнобыльскай трагедыі у беларускай паэзіі / А. Бельскі // Роднае слова. – 1990. – № 3.
2. Бельскі, А. Радасць быцця і страчаны рай. Паэтычны свет Сяргея Законнікава: да і пасля Чарнобыля / А. Бельскі // Роднае слова. – 2004. – № 3.
3. Гарэлік, Л. Які пакінем след?.. Літаратурны партрэт Сяргея Законнікава / Л. Гарэлік // Роднае слова. – 1996. – № 9.
4. Законнікаў, С. Бяседа: вершы / С. Законнікаў. – Мінск, 1973.
5. Законнікаў, С. Устань да сонца: вершы і паэма / С. Законнікаў. – Мінск, 1976.
6. Законнікаў, С. Пакуль жыве мая бяроза: вершы і паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1981.
7. Законнікаў, С. Вера, надзея, любоў: кніга лірыкі / С. Законнікаў. – Мінск, 1986.
8. Законнікаў, С. Прысак часу: вершы, паэмы / С. Законнікаў. – Мінск, 1986.
9. Законнікаў, С. Вечная далеч: вершы / С. Законнікаў. – Мінск, 1987.
10. Законнікаў, С. Сутнасць: кніга паэзіі / С. Законнікаў. – Мінск, 1987.
11. Законнікаў, С. Заклінанне: кніга паэзіі / С. Законнікаў. – Мінск, 1991.
12. Русецкі, А. Пад уважлівым позіркам Радзімы (Сяргей Законнікаў) / А. Русецкі // Ісці да чалавека: літаратурныя партрэты. – Мінск, 1987.
13. Тычка, Г. Праўда на ўсіх адна: пра падарожную кнігу і паэмы Сяргея Законнікава / Г. Тычка // Роднае слова. – 1998. – № 11.

²⁵⁸ Звязда. – 1978. – 10 сакавіка.

²⁵⁹ Законнікаў, С. Бяседа / С. Законнікаў. – Мінск, 1973. – С. 41.

** В постсоветское время наиболее известными станут книги С. Законникова «Белорусское сердце. Публицистика. Размышления. Эссе» («Беларускае сэрца. Публіцыстыка. Роздум. Эсэ» (1993)., «Беседа под райским деревом: очерки путешестввенника» («Бяседа пад райскім дрэвам: нататкі падарожніка» (1996), «Листьем дорога запала... Избранное» («Лісцем дарога запала... Выбранае» (2000) и др.

ВЛАДИМИР КОРБАН

Шматлікія кнігі сатырычных вершаў і баек паэта заслужылі сапраўднае прызнанне чытача. Яму заўсёды было пра што пісаць. Здавалася, у сваім штодзённым жыцці ён збіраў па крупіцы народныя жарты, прымаўкі, народную дасціпнасць, каб потым укладзі іх у вусны герояў. Уладзіміра Корбана сёння ўжо няма сярод нас. Шчасце, што з намі засталася яго творчасць.

М. Хведаровіч

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х годов продолжалась активная творческая деятельность сатирика и баснописца, заслуженного деятеля культуры БССР (1970) **Владимира Корбана**. Трудно назвать тему, которой бы не коснулся писатель. Из-под его пера выходят книги басен, фельетонов, памфлетов, очерков, литературных зарисовок. Вот хронология их выхода: 1967 г. – «Соседний двор» («Суседні двор») и фотоальбом «Орша», 1968 г. – «Свиньи в репе» («Свінні ў рэпе»), 1970 г. – «Демьянова уха» («Дзям’янава юшка») и «Стакан чаю: избранное» («Шклянка чаю: выбранае»). Уже после его смерти* будут изданы книга басен и сатиры «Влюблённый морж» («Закаханы морж», 1972), «Избранное: юмор и сатира», («Выбранае: гумар і сатыра», 1976), «Дядюшкина обида: рассказы, юморески, туристские зарисовки» («Дзязькава крыўда: апаваданні, гумарэскі, турысцкія замалёўкі», 1982). Более двух десятков книг вышли из-под пера писателя-сатирика. И всех их роднит гражданская ответственность автора за судьбы и дела людей, желание помочь им избавиться от недостатков, занять достойное место в жизни.

Басни, фельетоны, юморески В. Корбана печатались в коллективных литературных сборниках «Вожык у дарозе», «Дзень паэзіі», «Арлянятам», «Беларускія байкі», «Туман трэба развеяць». Несколько басен включены в «Хрэстаматыю па беларускай дзіцячай літаратуры». Он был постоянным автором в республиканских газетах («Звезда», «Літаратура і мастацтва», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Голас Радзімы») и журналах («Полюмя», «Беларусь», «Нёман», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Вожык», «Народная асвета», «Бярозка»). Его печатали областные газеты «Віцебскі рабочы», «Магілёўская праўда», «Мінская праўда», минская городская газета «Вячэрні Мінск». А ещё были переводы с русского, украинского, казахского, латвийского, узбекского, эстонского языков. Отметим и тот факт, что многие произведения нашего земляка переведены на русский, украинский, узбекский, таджикский, эстонский языки.

Не будет преувеличением вывод о том, что талантливая сатира Владимира Корбана привлекает читателя не только оригинальностью поэтического замысла, образностью и сочностью народного языка, но, главным образом, бескомпромиссностью разговора о том, что волновало и сегодня волнует самого читателя. «У сваёй творчасці, – говорит сам сатирик, – я выкарыстоўваю шмат чаго пачутага ад людзей і ўбачанага ў жыцці. З людзьмі я заўсёды сустракаюся, прыслухоўваюся да іх размоў, запісваю трапныя прымаўкі, прыказкі».²⁶⁰ Его на-

* Владимир Корбан умер 30 ноября 1971 года.

²⁶⁰ Чырвоная змена. – 1970. – 25 жніўня.

блюдательность, умение за, казалось бы, простым, жизненным фактом, увидеть занимательный сюжет, оформить его художественно, донести до читателя и заинтересовать его. И нас привлекла, к примеру, басня «Тётушка» («Цётка»). Сюжет её достаточно прост: в ожидании своего поезда автор купил у местных торговков кулёк малины:

*Маліны з'еў, паперку разгарнуў,
Зірнуў
І аж аслупянеў, вачам не веру.
Дзе цётка гэткую ўзяла паперу?
Да цёткі я казлом, здаецца, сігануў.
«Адкуль вы гэтыя лісткі, – пытаю, выдзіралі?»
«Ды з кніжкі. Дзе ўзяла? Не ведаю сама...»
«Што вы зрабілі! Гэта ж слоўнік Даля,
Выданне першае, – цаны яму няма!
Такую рэч пашкамуталі!
За кніжку гэту сам бы я гатоў
Вам даць не меней чым пайста рублёў.
Маліны вашы з кошыкам таго не варты,
Бо зараз кніжку гэткую сустрэць – не жарты».
«Ну-ну, – цётка не паверыла мне, – дзе ўжо там...»*

* * *

*Бывае, чалавек з-за дробных выгоды
Наробиць шкоды,
Бо што зрабіў – не разумее сам.²⁶¹*

Не остаётся без внимания сатирика:

– небрежная игра футбольного вратаря, приведшая к поражению первоклассной команды. И авторское резюме совершенно справедливое:

*Адзіны вывад тут. Зрабіць яго няцяжка:
Усякі недагляд, усякая прамашка
Аплачваецца немалой
цаной.²⁶²*

(«Расплата»);

– притворство заболевшего Микиты:

*Мікіта ўзяўся за пілюлі,
Ды ледзь адну паклаў з іх на язык,
Як тут жа выплюнуў і ў крык:
«Палын! Гарчыца! Хрэн! Махорка!
Пячэ агнём у роце. Горка».
«Трывай, Мікіта, – кажуць, – не прывык
Ты гэткае глытаць, а давядзецца.*

²⁶¹ Корбан, У. Выбранае: гумар і сатыра / У. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 297–298.

²⁶² Там же. – С. 301.

*Калі не хочаш дуба даць...
...А ён сваё: «О-ёй, не прадыхну!
Нібы накаштаваў цыбулі з ёдам.
Памажце мне пілюлю мёдам, –
Быць можа, праглыну...»
Але ён без мёду праглынуў адну, другую.*

Вывод сатирика звучит призывно-предупреждающе:

*...Што ж, з хворым сітуацыю такую
Магчыма дапусціць.
А вось бывае – іншы ў працы
Пачне выпендрывацца, зарывацца,
У справах чыстую ваду муціць.
Патрэбна хвост яму круціць,
А мы нічога горкага не кажам
І толькі просім перастаць.
Яму на гэта напляваць,
Бо мы пілюлю мёдам мажам.²⁶³
(«Горкая пілюля»)*

– историческое предание об Изабелле, королеве Испанской, вошедшей в историю своим признанием:

*«Мне толькі двойчы цела
Даводзілася мыць.
Упершыню – як нарадзіла мама,
А потым мылася таксама,
Калі прыйшла пара мне замуж выхадзіць».
Так і праславілася дама.*

Однако авторский вывод из давнишнего исторического факта вполне современен:

*Признацца,
Такіх палітыкаў няцяжка адшукаць,
Што ў брудзе з галавой усё жыццё сядзець
Ды тым яшчэ і ганарыцца.²⁶⁴*

В произведениях конца 1960-х – начала 1970-х годов В. Корбан акцентирует и юмор, и сатиру на уродливых проявлениях мещанской морали, развенчивает обывательство, хамщину, воровство, безделие. Вот, к примеру, басня «По плечу» («Па плячу»). На птицеферму понадобился массовик-затейник. И солидный руководитель индюк приглашает на эту должность самоуверенного кота: «На гэту працу, – заявіў (кот. – А.Р., Ю.Р.), – магу згадзіцца, бо ўпэўнена лічу – яна мне па плячу». Впоследствии стало очевидным, что индюк, принимая на работу кота, забыл народную мудрость: «Чаму кот гладкі? Пад'еў ды на палаткі».

²⁶³ Корбан, У. Выбранае: гумар і сатыра / У. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 305–306.

²⁶⁴ Там же. – С. 329–330.

*У гэтым саменькім і ўсё яно.
Мурлыка толькі ёсць ды пысу мые
І не збіраецца наогул працаваць.
Хоць праца на плячу была яму,
ды давялося даць
Кату на шыі.²⁶⁵*

Такие же заверения даёт проворовавшийся кладовщице:

*Паквапіўся, – галосіць, – маху дай».
Каб толькі суд яму ласкава даравай,
Дык болей ён ужо не спатыкнецца,
Ніколі ўжо не зробіць брыдка так,
Зайжды сумленны будзе,
чысты і цвярозы.*

И, как это часто бывает, проходимец находит сочувствующих:

*Няшчасны чалавек, бядак... –
Жанчына нейкая чулівая ўздыхнула, –
Зірніце – гора ў крук яго сагнула.
А плача як!
Не, я б яго так жорстка не карала...*

Забыла, видимо, женщина о том, что вор всегда перед судом готов слезу пустить. И этот плакал:

*Патрапіўшы чацвёрты раз пад суд
За рукі брудныя, як нораў памаўзлівы.
Ён плакаў ужо тройчы і тады,
Калі яго судзілі іншыя суды.²⁶⁶*
(«Слязлівы»)

Следует подчеркнуть, что более острое общественное звучание имели те сатирические произведения В. Корбана, в которых поднимались морально-нравственные и социально-значимые проблемы. Такие, к примеру, как понимание людьми разумного соотношения нрав и обязанностей («Права и обязанности» – «Права і абавязкі»), отношения между детьми и родителями («Родительская подкормка» – «Бацькаўская дакормка»), развенчание подхалимажа и угодничества («Демьянова уха» – «Дзям'янава юшка»), ответственное отношение к труду («Терех» – «Цярэх»), («Болонка и уважение» – «Балонка і павага»), борьба за соблюдение прав человека в демократической Америке («Доказательство» – «Доказы») и др.

Нельзя оставить без внимания пронизанные лёгким юмором басни «Заключение» («Заклучэнне»), «Влюблённый морж» («Закаханы морж»), «Подобие» («Падабенства») и др. И, хоть героями в них являются представители животного мира (собака, морж, обезьяна), читатели легко соотносят их действия и поступки с окружающим их человеческим сообществом. Вот, состарившийся в прошлом красавец-пёс Жартик из басни «Заключение»:

²⁶⁵ Корбан, У. Выбранае: гумар і сатыра / У. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 317.

²⁶⁶ Там же. – С. 327–328.

*Жужуткі, Шайкі, Мушкі ды Фідзеі,
Убачыўшы яго, аж вар'яцелі, –
Такі ўжо здатны кавалер!
І ўсё гэта было як быццам толькі ўчора...*

Но приключилась с Жартиком «беда» («...Двароў суседніх ён не аббягае. Сагнуўся, аслабеў, і хвост калматы ўніз, нібы ануча звіс. І Знайда маладая на Жарціка ўжо ўвагі не звяртае»). Пришлось идти к врачам Тхорам, которые, обследовав «больного», заявили без сомнения:

*Твая хвароба ў тым, што ты стары, –
Адзінае зрабіць магчыма заключэнне.
Ну чым цябе лячыць? Такі ўжо ўзрост,
Што не закруціш абаранкам хвост.*

Естественно, что и писательский вывод не расходится с профессиональным заключением:

*Ад старасці няма лячэння –
На ўвазе гэта май.
Што зробіш, браце мой, гады твае не тыя.
Прыйшла пара – спакойна дажывай,
Хвасты ж закручваюць няхай ўжо маладыя²⁶⁷.*

А как мягко и ...поучительно звучит юмор в басне «Влюблённый морж» – солидный Морж влюбился «у Лісу па вушы, нібы Цюлень якісьці малады». Объяснение в любви приведем полностью – очень уж оно привлекательно:

*Каханая! – пяхчотна Морж зароў, –
Мядуза! Рыбка залатая!
Я так... Я так цябе кахаю,
Што для цябе на ўсё гатоў!»
А тая
На волата і ўвагі не звяртае,
«Злітуйся! – стогне Морж, – бо жыць я
не магу.
Гатовы ўсёй душой табе скарыцца».
«Ха-ха! – хвастом вільнула чараўніца. –
Кахаеш? Дык за мной паўзі ў тайгу.
У моры з-за цябе не буду ж я тапіцца.
Бо я – жывёліна лясная,
Ахвоты цёпкацца ў вадзе не маю.
Паўзі. Капай нару, лаві цецерукоў,
Цягай мне з рэчкі шчупакоў...
Магчыма я цябе – ха-ха! – і пакахаю».
І морж папоўз, Лісой ачараваны....*

²⁶⁷ Корбан, У. Выбранае: гумар і сатыра / У. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 307–308.

И, как не улыбнуться (А, может, и призадуматься?!) над выводами сатирика, когда он узнал, что «ледзь-ледзь не давялося дуба даць, набраўся недарэка гора. Ліса, вядома збегла і канец – зманіў яе юнак Пясец. Ледзь Морж прыпоўз назад і – плюх! – у мора»:

*З каханья гэткага заўжды бывае ліха.
Не кідайся, стары, за маладой
Красой.
Хай Ліс кахаецца з Лісой.
Калі ж ты Морж – кахай сваю Маржыху.²⁶⁸*

* * *

«Байка існуе дзве з паловай тысяч год. Няма падстаў прадказваць ёй павольнае, хоць і пачэснае, згасанне. Пакуль існуе чалавечае грамадства, яму будзе патрэбен смех – як вада, як паветра, як хлеб, як сонца!» – так вот оценил общественную необходимость и потребность в остром, злободневном, но и в то же время, тонком и доступном для читательского понимания в сатирическо-юмористическом творчестве поэта-сатирика. И дальше добавил. – «Уладзімір Корбан выдатна разумеў гэта. Праз ягоныя байкі добра разумеем гэта і мы, ягоныя чытачы».²⁶⁹

Действительно, меткое, острое слово сатирика-баснописца постоянно находило своего читателя. Исследователи художественной культуры Беларуси отмечают и такую привлекательную его черту: редко какой концерт художественной самодеятельности или выступление эстрадников-сатириков обходилось без чтения произведений Владимира Корбана.

Но в конце 1960-х – начале 1970-х годов над писателем, поэтом-сатириком постоянно витали пороховые запахи, солдатские походы и потери, личный опыт бойца и командира роты, прошедшего путь от Гродно до Тулы и Восточной Пруссии, и окончившего свой армейский путь в 1946 г. Нет-нет да и прорывались они в его поэзию. И одним из таких прорывов стала «Повесть о солдате». Она не так часто печаталась. Современному читателю мы предлагаем её сокращённый вариант, выделив в ней несколько определяющих позиций:

– О фронтовых дорогах:

*Дарогі, дарогі: –
Шляхі баявыя,
Шляхі франтавыя,
Шляхі агнявыя.
Вас грэйдары
У сонечны дзень
Не раўнялі,
Вас коўдрай асфальтавай
Не засцілалі.
Ішлі вы праз багны,
Ішлі праз балоты,
Ішлі праз лясы,
Праз жыты і гароды,*

²⁶⁸ Корбан, У. Выбранае: гумар і сатыра / У. Корбан. – Мінск, 1976. – С. 311–312.

²⁶⁹ Валасевіч, Э. Самабытны талент. Да 70-годдзя з дня нараджэння Уладзіміра Корбана // Польша. – 1980. – № 9. – С. 241.

Ішлі праз руіны,
Пажары,
Навалы,
Дзе кроў чырванела
І смерць сустракала
Ваяку салдата.
А ён не згінаўся,
Уперад,
На захад
З агнём прабіваўся,
Праносячы горда
Чырвоную зорку.
...Часіна настала –
З карэннямі выдраў
Змяінае джала.
Яго давлялі
Франтавыя дарогі

Да самай
фашысцкай
звярынай
бярлогі.

– Об авторском диалоге с белорусом-победителем, дошедшим до Берлина:

Стаіць
Пераможца-салдат,
Пазірае.
Варожае неба
Кумач засцілае,
Палаюць не нашы –
Варожныя хаты.
У гэтым, Сцяпане,
Не ты вінаваты.
Табе перад імі
Няма ў чым вініцца,
Бо самі яны
Той агонь ля граніцы
На нашай зямельцы
Калісь распалілі,
Вось ён і вярнуўся
У патроенай сіле.
...Сцяпане, ты рады?
Не рады?
Не рады.
Вядома, не рады –
Табе, чалавеку,
Вайна не здавалася шчасцем
І потым
Ніколі прывабнай не будзе.

– О душевном состоянии солдата Степана:

...Сцяпан падышоў да жанчыны (немкі. – А.Р., Ю.Р.)

Пытае:

«З пайгода малая,

Напэўна, ужо мае»

Жанчына нічогачкі

Не разумее,

Прыліпла да печы

І дыхнуць не смее,

Бяды ад салдата

Жанчына чакае,

Збялела,

Затрэслася ўраз,

А малая

Глядзіць на яго,

Не баіцца,

Не плача,

Яшчэ і ўсміхнулася

Усмешкай дзіцячай,

І гэтай усмешкай,

Пяшчотнай і мілай,

Салдацкае сэрца,

Як воск, растапіла.

Успомніў ён маці сваю,

Маладзіцу

І сына,

Успеў

На бяду нарадзіцца.

У вачах

Сляза заблішчала скупая.

Няшчасце

Такую слязу выціскае

Не толькі з салдацкай душы,

А й з граніта.

Сцяпан рукавом абмахнуўся,

Нібыта

У вока патрапіла

Нешта такое...

Галоўку пагладзіў

Шурпатай рукою,

Даў цукру драбочак

У ручку дзіцяці

«І сумна ўсміхнуўся

Спалоханай маці».²⁷⁰

Сделаем пояснение. Мы прошли не столь объёмное цитирование «Повести о солдате», чтобы показать современному читателю, что В. Корбану было

²⁷⁰ Корбан, У. Аповесць пра салдата / У. Корбан // Чырвоная змена. – 1970. – 25 жніўня.

подвластно не только искусство басни, искусство юмора и сатиры, но он свободно владел пером и в других поэтических жанрах. Рифма, ритмика, мастерское владение словом, содержательность и идейность «Повести о солдате» является лучшим тому подтверждением.

Белорусские литературоведы, исследователи сатирического жанра в литературе 1950-х – начала 1990-х годов, непосредственно творческого наследия В. Корбана (М. Арочка, Я. Казека, М. Хведарович и др.) часто называли его последователем патриарха искусства басен Народного писателя БССР Кондрата Крапивы. Он спокойно относился к подобного рода высказываниям. И своё отношение к ним изложил в басне «Молотобоец», написанной к своему 60-летию (1970) и подводящей итог его творческой деятельности:

*Мне кажуць: «Паслядоўцам
Кандрата Крапівы ты быў...»
Калі Кандрат Кандратавіч
малатабойцам
Мяне магчыма залічыў.
То шэсцьдзсят гадоў я
Нездарма пражыў».²⁷¹*

На наш взгляд, объективная и заслуженная оценка творчества ВлКорбана дана литературным критиком В. Правосудом: «Уладзімір Корбан быў вострым байкапісцам і спагадлівым да людзей гумарыстам. Да яго гарнуліся маладыя і сталыя пісьменнікі, якім ён шчодро перадаваў свой багаты творчы вопыт, вучыў як умела карыстацца зброяй смеху».²⁷²

И кратко, и убедительно!

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Корбан, У. Суседні двор / У. Корбан. – Мінск, 1967.
2. Корбан, У. Орша: фотоальбом / У. Корбан. – Мінск, 1967.
3. Корбан, У. Свінні ў рэпе / У. Корбан. – Мінск, 1968.
4. Корбан, У. Дзям'янава юшка / У. Корбан. – Мінск, 1970.
5. Корбан, У. Стакан чаю: выбранае / У. Корбан. – Мінск, 1970.
6. Корбан, У. Закаханы морж / У. Корбан. – Мінск, 1972.
7. Корбан, У. Выбранае: гумар і сатыра / У. Корбан. – Мінск, 1976.
8. Корбан, У. Дзядзькава крыўда: апавяданні, гумарэскі, турысцкія замалёўкі / У. Корбан. – Мінск, 1982.
9. Казека, Я. Няходжанай дарогай / Я. Казека. – Мінск, 1973.
10. Хведаровіч, М. Незабыўнае / М. Хведаровіч. – Мінск, 1976.

²⁷¹ Цит. по: Сельская газета. – 1970. – 25 августа.

²⁷² Чырвоная змена. – 1980. – 24 жніўня.

ЕВДОКИЯ ЛОСЬ

*Нерядко думаю я, став старее,
Что жизнь вершит неправый суд,
Что умирают лучшие скорее, –
Ведь лучшие себя не берегут.*

К. Кулиев

*Выпала раса холодная на дрэвы,
Дыяментамі галлё ў садах іскрыцца,
Змоўклі птушкі. Дзе ж вы селі!
Дзе вы?*

*Не прайшла для вас п'явучая
сястрыца.*

*Нават дуб, паранены вайною,
Па-самотнаму сукі развесіў.
Чайка ўскрыкнула над люстранай
ракою,
Рэха адгукнулася ў лесе...*

*Дзе ж ты, неспакойная, са светлымі
вачыма?*

Тая, што душой гарэла, а не тлела...

*Тая ад нас пайшла. Ды гэта не
магчыма?*

*Пэўна ў партызанскі край па песню
паляцела?!
С. Шушкевіч*

К середине 1960-х годов поэтесса **Евдокия Лось** (Лось Евдокия Яковлевна родилась в деревне Старина Ушачского района 1 марта 1929 г. Умерла 3 июля 1977 г. Похоронена в городе Минске) уверенно перешагнула порог «начинающих». Из-под её пера вышли книги поэзии «Март» («Сакавік», 1958), «Полочанка» («Палачанка», 1962), «Люди добрые» («Людзі добрыя», 1963), «Красота» («Хараство», 1965). В поэтических кругах была известна, как автор поэм «Говорят бессмертные» («Гавораць бессмяротныя», 1961), «Мой мир» («Мой свет», 1962), несколько книг для юных читателей – «Обутая ёлочка» («Абутая ёлачка», 1961), «Сказка о Ласке» («Казка пра Ласку»), «Весёлики» («Вясёлікі», 1964). В 1963 г. была издана первая книга избранных произведений «Венцы сруба» («Вянцы зруба»). Член Союза писателей с 1957 г.

Без преувеличения можно утверждать, что к середине 1960-х годов поэтесса хорошо усвоила основные принципы стихосложения, правила поэтического творчества, выработала собственную позицию в художественном постижении жизненных реалий. И эта позиция, на наш взгляд, определялась разумным толкованием толстовского правила: «В искусстве самое главное – сказать что-то своё...». Подтверждение находили в следующих поэтических строках Е. Лось из сборника «Красота» («Хараство», 1965):

*Нам наша дорага бясконца,
Яго ствараем і баронім.
У ім нібы праменьчык сонца,
Цвіце маё
на ясных гонях.*

Мая – харошая задума,
Маё – задумы той дзясненне,
Мой – голас праўды сярод тлуму,
Маё – сусвету разуменне.
Мой боль,
Мой гнеў,
мае паэты...
Хто за мяне маё раскажа!²⁷³
(«Мы гучна ўслаўляем наша...»)

Свои творческие правила, своё стремление к познанию динамики и диалектики жизни поэтесса не просто видела в единстве личного и творческого, морального и эстетического, а и стремилась реализовать их, донести до читателя в поэтической форме:

У кожным імгненні паэзія ёсць,
У кожным здзяйсненні – яе прыгажосць.
У кожнай істоце –
яе хада,
У кожнай бядоце –
яе бяда.
Дык значыць, імгненне –
яно маё,
Дык значыць, натхненне –
таксама маё!
У кожнай істоце сябе знайду,
У кожнай бядоце – сваю бяду...²⁷⁴
(«У кожным імгненні паэзія ёсць...»)

Рассматривая написанное поэтессой в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов, известный белорусский поэт, литературный критик и литературовед О. Лойко очень тонко подытожил: «Вершы Е. Лось – лірыка даверлівых інтанацый, споведзі. Можа, часам паэтэса залішне спакойная ў сваім сузіральніцтве, а там-сям чуллівасцю, аднак там, дзе гэтых крайнасцей няма, вершы хвалююць. ...Часцей за ўсё вершы Е. Лось уражліваюць тады, калі ў іх выразілася непасрэднасць асабістага, вельмі індывідуальнага сваёй жаночасцю перажывання. ...Верш яе гучыць у памерах класічных ямбаў і амфібрахіяў, ведае ён таксама і рытмы-інтанацыі традыцыйна-фальклорныя, вобразнасць песенна-народную... У цэлым, такім чынам, лірыка Е. Лось – цікавая старонка ў паэтычным летапісе яе аднагодкаў».²⁷⁵

Не менее высокой была оценка и такого известного литературоведа и литературного критика, как В. Гниломёдов: «...аўтар (Е. Лось. – А.Р., Ю.Р.) даверылася свайму ўнутранаму жыццю, пісала аб асабістым, адчутым. За радком стаяла праўда.

Разам з тым яе паэзія не стала вузкім самавыражэннем аўтара. Душэўны свет паэтэсы быў раскрыты для чалавечых радасцей і трывог, для ўсяго, што адбывалася навокал. ...Грамадзянская шчырасць без натугі паядноўвалася з

²⁷³ Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 201.

²⁷⁴ Там же. – С. 198.

²⁷⁵ Лойка, А. Сустрэча з днём сённяшнім / А. Лойка. – Мінск, 1968. – С. 108–110.

асабістым, прыватным, чужое са сваім, агульнае з інтымным. Гэта стала добрым грунтам развіцця, разгортвання таленту».²⁷⁶

И, конечно же, нельзя не вспомнить слова почитаемого поэтессой такого выдающегося литературоведа, как В. Коваленко: «У той гранічнай адкрытасці і даверлівасці, што ўласцівы вершам Е. Лось ранняга перыяду, ёсць нешта ад эмацыянальнага свету вясковай дзяўчыны, якая, вырваўшыся на шырокі прастор жыцця здзівілася яго маштабу і надоўга пранікнулася пачуццём захаплення, радасці, любавання. У гэтае імгненне яна, натуральна, не бачыць і не хоча бачыць усіх фарбаў жыцця, усіх яго праблем. Выбіраюцца толькі тыя, якія найбольш адпавядаюць светаадчуванню паэтэсы ў дадзены момант».²⁷⁷

Были и другие, не менее лестные оценки, так же, как были противоположные: нет, не отрицающие зародившиеся творческие поиски, но (чаще всего) доброжелательно подсказывающие более короткий путь к успеху. Конечно, это не могло не радовать поэтессу, придавало ей новый творческий подъём. В 1966 г. из-под её пера выходит первая прозаическая книга «Бусы» («Пацеркі»), в 1967 г. – книга поэзии «Ясноглазые мальвы» («Яснавокія мальвы»), в 1969 г. – книга избранных произведений «Венцы сруба» («Вянцы зруба»), в 1970 г. – для юных читателей издаются сразу две книги «Зайчишка-хвастунишка»: Рассказы, зарисовки» («Зайчык-выхваляйчык: апавяданні, замалёўкі») и «Травица брат-сестрица: рассказ, зарисовки» («Травіца брат-сястрыца: апавяданні, замалёўкі»), в 1971 г. – издаётся книга стихов и поэм «Перевал» («Перавал»), в 1973 г. читателю предлагается поэтический сборник «Ветка с яблоком» («Галінка з яблыкам»), наконец, в 1974 г. издаётся последняя прижизненная книга Е. Лось для детей «Двенадцать загадок» («Дванаццаць загадак»), а в 1977 г. – книга поэзии «Лирика июля» («Лірыка ліпеня»).

Признанием литературного мастерства Е. Лось стало издание в 1978 г. книги для детей «Вкусные буквы» («Смачныя літары»), в 1979 г. «Избранных произведений: в 2 т.» («Выбраных твораў: у 2 т.»), в 1984 г. – поэтического наследия последних лет «Волошка на границе» («Валошка на мяжы»).* Через 20 лет после смерти поэтессы в серии «Залатая серия. Поэзія ХХ стагоддзя» будет издана книга поэзии «И колосится долголетие» («І каласуе даўгаліце»).

Вторая половина 1960-х – 1970-е годы для поэтессы стало активным участием в коллективных литературных сборниках белорусских писателей и поэтов. Её произведения регулярно печатаются в авторитетном сборнике «День поэзии» (66, 67, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76), в таких изданиях, как «Мары юнацкія», «Залацінскі», «Ад скарбаў роднае зямлі», «Адданасць», «Беларускія баллады», «На сцягу і ў сэрцы», «Казкі беларускай літаратуры», «Хрэстаматыя па беларускай дзіцячай літаратуры», «Партызаны, партызаны» и др.

Стихи, песни, баллады, рассказы, миниатюры, рецензии, произведения для юных читателей Е. Лось постоянно печатаются на страницах республиканских газет («Звезда», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Голас Радзімы», «Літаратура і мастацтва», «Піянер Беларусі», «Зорька») и журналов («Беларусь», «Польмя», «Маладосць», «Сельское хозяйство», «Вожык», «Работніца і сялянка», «Бязрозка», «Вясёлка»). Она частый гость на страницах «Литературной газеты», областных газет («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гродненская правда»), минской городской газеты «Вячэрні Мінск».

²⁷⁶ Гніламёдаў, У. Праўда перажытага / У. Гніламёдаў // Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 4.

²⁷⁷ Каваленка, В. Жывое аблічча дзён: літаратурна-крытычныя артыкулы / В. Каваленка. – Мінск, 1979. – С. 195.

* Книга подготовлена к печати сестрой Е. Лось Марией Ерошевич и отредактирована Р. Бородулиным.

Е. Лось была подлинным поэтом-интернационалистом. Она стремилась познакомить белорусских читателей с как можно большим числом авторов из других стран. Она переводила с русского, украинского, аварского, азербайджанского, английского, армянского, болгарского, вьетнамского, грузинского, еврейского, кабардинского, латвийского, литовского, молдавского, польского, сербского, таджикского, узбекского, чешского, чувашского, эстонского, якутского языков.

В свою очередь произведения Е. Лось переведены на азербайджанский, английский, армянский, болгарский, венгерский, грузинский, казахский, каракалпакский, латышский, литовский, марийский, молдавский, монгольский, осетинский, польский, русский, таджикский, татарский, тувинский, туркменский, узбекский украинский, французский, чешский, чувашский, эстонский, якутский языки, Канада-язык и языки народов Югославии.

Поэтический поиск Е. Лось чрезвычайно многообразен. Тематика её поэм, стихотворений, песен столь широка, что для осмысления этого творческого диапазона нужны специальные исследования. Мы же остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее значимых направлениях, являющихся своеобразным «скелетом» творчества Е. Лось, на который наращиваются все другие темы поэтического исследования, формируя из «Скелета» полнокровное тело поэтики Е. Лось.

В качестве заглавной темы, на наш взгляд, будет звучать героико-патриотическая проблематика (память о Великой Отечественной войне, погибших родных и близких, трудных послевоенных годах), которая в сочетании с чувством историзма – стихийного и глубоко-постигнутого (В. Гниломёдов), с лирическим направлением высокого патриотического звучания (произведения о Родине, «большой» и «малой», родительской земле, Витебщине, людях, живущих в родном Отечестве и творящем его), станут основой, стержнем, вокруг которого, сливаясь воедино, поэтические строки Е. Лось сотрут неповторимое в белорусской поэзии целостное художественное полотно, пусть иногда со скупыми, но очень выразительными штрихами. Вот она, поэтическая «Квинтэссенция»:

*Люблю цябе, мая зямля. –
З гразёй і хмарамі сівымі,
З дажджамі цёплымі начнымі,
З дзядзькамі ленымі сваімі
І цёткамі з-пад хатуля...
Люблю цябе, мой кут стары. –
Спрадвеку рэзаны, таптаны,
Грамамі, здзекамі пужаны,
Цярплівы, але да пары!..
Люблю цябе, мой добры край, –
Я прыняла тваё падданства,
А з ім – любоў і пастаянства
І ўсе даброты цераз край...
Люблю цябе, мой спеў і плач, –
Цябе, зямля мая, пакіну
На вечнае ўладанне сыну
І накажу яму – аддзяч!..²⁷⁸*

Поэзия Е. Лось – это яркий пример того, как далёкие и близкие дороги всегда сходятся в одном географическом регионе – на родной и близкой поэти-

²⁷⁸ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 13.

ческому сердцу «малой» Родине – Ушачском крае. В каждой её книге находим стихи, посвящённые земле, взрастившей её бездомную, безотцовскую, давшей верный жизненный ориентир. К примеру, назовём в книге «Красота» – это стихотворения «Земляки» («Землякі»), «Встреча» («Сустрэча»), «Незабытые дорожки» («Незабытыя сцежкі»), «Династия» («Дынастыя»); в книге «Ясноглазые Маловы» – («Памяти отца» («Памяці бацькі»), «Студенту из деревни» («Студэнту з вёскі»), «Столичник не построит дачи...» («Сталічнік не збудуе дачы»); в книге «Венцы сруба» – «В Витебске» («У Віцебску»), «Речка» («Рэчка»), «Родина начинается от хат...» («Радзіма пачынаецца з двароў...») и др. Нельзя забыть те места, откуда мы родом, утверждает поэтесса. Куда б ни поехал, куда б ни пошёл, – они всегда с тобою.

*Кожны лапiк сэрцу мiлы,
кожны жаваранак – свiй.
I няма на свеце сiлы
адабраць яго ў жывой...²⁷⁹*

Поэтессе было двенадцать лет, когда гитлеровцы появились на улицах родного посёлка. Она вблизи испытала все ужасы военного и блокадного времени. На её глазах умирали сражённые в боях партизаны лишь немного старше её самой, она видела, как пылали в огне деревни, глаза подростка видели, как каратели издевались над стариками, женщинами и детьми. В её родном районе погибло почти две трети жителей. В 1942 г. умер её больной отец (впоследствии она посвятит ему много стихотворений). «Мы в неоплатном долгу перед ними. Они отдали жизни, чтобы мы жили, – говорила поэтесса, рассказывая о своих творческих планах. – Как дань уважения к памяти тех, кто погиб, защищая свою родную землю, и задумана книга. В неё войдут песни, баллады, легенды, плачи. Хочется, чтобы они прозвучали славой храбрым, проклятием войне».²⁸⁰

А поэтому и появляются щемящие сердца любого читателя (и тогочасного, и современного. – А.Р., Ю.Р.) стихи и поэмы, в которых, почти в каждой строке ощущается женская, щемящая боль за всё увиденное, прожитое и пережитое, за всё, где «кожны гмах на попеле замешан і кожны колас выпаен крывёю». И, прежде всего, это «Трасцянец», «Напамін аб вайне» (поэтический сборник «Красота»), «Партизанскае вяселле», «Лясныя фотаздымкі», «Пісьмо ў Фастаў» (книга «Ясноглазые мальвы»), «Партизанская зямлянка», «Фаустоўская зямля», «Майданак» (книга «Перевал»), «Метраном Саласпілса», «Вёскі, якія не ўсталі...», «На магіле бацькі Міная» (книга стихов «Ветка с яблоком»), поэмы «Моя Хатынь» и «Венок»; рассказы «С войны» («З вайны»), «Купанье» («Купанне»), «Письма» («Паштоўкі»), «Мать» («Маці»), «На большаке» («На бальшаку») и др.

Ограниченные объёмом исследования, приведём лишь фрагментарные отрывки из полюбившихся нам (но и, судя по печатным материалам, не только нам, а и многочисленным почитателям творчества Е. Лось. – А.Р., Ю.Р.) стихотворений:

*Паходамі, зброяй занятыя,
Справай ваеннай пары,
Былі яны проста дзяўчатамі,
Што там не гавары.
Пужаліся свісту міны,
Чужых незвычайных вацэй.*

²⁷⁹ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 92.

²⁸⁰ Литературная газета. – 1968. – 14 августа.

А гінуплі – як мужчыны,
Абняўшы зямлю ямчэй.*

(«Дзяўчаты мінулай вайны»)

...Ён не мог
ні ўласнай мужнасцю, ні сілай
скрышыць той крыжовы астрог,
дзе забывалі вочы кветак,
дзе чорны воран не трываў.

Уратаваў ён дзетак,
а вось сваіх – не ўратаваў...²⁸¹

(«На магіле Бацькі Міня...»)

Крытык маскоўскі мяне пахваліў:

«Прывязана да вайны...»

Слых падабенства не тое ўлавіў:

«Прыстайлена да сцяны...»

Гэта я

калацілася, як ліст,

а не сястра і брат,

гэта ў мяне

страляе фашыст

ледзь не трыццаць гадоў падрад...²⁸²

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу творчества Е. Лось, предложим читателю несколько мнений о ней – женщине, поэте, писателе, публицисте. И тогда станет понятным её внимание к самым болезненным точкам видимой ей действительности, личная боль за увиденное, прожитое и пережитое.

Вот, что в сугубо лирических тонах вспомнил выдающийся русский советский писатель Сергей Сартаков: «Да. В моём представлении она была настолько жизнелюбива, что довелось мне писать какой-то весёлый, весь наполненный светом и движением роман – я главной героиней сделал бы именно Дусю (Е. Лось. – А.Р., Ю.Р.), то есть занял бы от неё для своей героини многие черты характера. Возможно, в чём-то и ошибся бы, ведь встречался я с нею не столь уж часто и повседневного образа жизни её не знаю, – не беда! – вспоминаю и вижу её такой, как запомнилась: совсем ещё молодой, когда в её облике и поступках то и дело смешивалось девичество с женственностью».²⁸³

Ещё одно слово не менее известного автора, чем С. Сартаков – размышления русского советского поэта, критика и публициста С. Баруздина: «Еўдакія Лось, якой я яе ведаю, паэт мужны, моцны. Не паэтэса, а менавіта паэт. Жа-ноцкасьць, уласцівая ёй па першародству, спалучаецца ў яе вершах з тымі па-сапраўднаму сталымі адносінамі да перажытага сённяшняга, якія ўласцівы беларусам – людзям партызанскага краю. Дзеля гэтага варта ўспомніць некаторыя з першых яе кніг на рускай мове: «Калі помніць пра сонца»* і «Купалка».^{284**}

* Заметим, что в поэме «Венок» Е. Лось позволила себе такой творческий приём, как назвать имена всех солдат и офицеров Советской Армии, захоронённых в Фастове.

²⁸¹ Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 112.

²⁸² Там же. – Т. 2. – С. 131.

²⁸³ Литературная Россия. – 1979. – 13 апреля.

* Переведена на русский язык в 1960 г.

Ещё одно мнение – младшей подруги по перу – поэтессы Евгении Янищиц: «І слушаць людзей Яна таксама ўмела. Выходзячы на жаночкі давер, на шчырую адкрытасць сэрца, мае вясковыя суседкі расказвалі паэтэсе аб жыцці-быцці, аб розных прыгодах-здарэннях у сваіх ваколіцах многа і цікава. Уважліва прыслухоўваючыся да непрывычнай, нетаропкай гаворкі. Еўдакія Якаўлеўна час ад часу брала ў рукі агульны сшытак і нешта хуценька занатоўвала там (затым гэтыя запісы пераўтвараліся ў частку кароткіх аповяданняў, што ўвайшлі ў кніжку прозы «Травіца брат-сястрыца»). Выпадковая назіральніца яе творчага працэсу, я адчула пазней, што здавалася б, на першы погляд самая жыццёвая немудрагелістая фабула азначае вельмі многа, калі яна трапляе ў рукі ўмелага мастака».²⁸⁵

И, конечно, нельзя не привести слова знаменитого земляка Е. Лось поэта Р. Бородулина из его прощального слова «Журыцца лірыка ліпеня...»: «Музыка поэтессы «была той працавітай, цягавітай сялянкай, якая вынесла ўсе жахі і пакуты вайны, а калі мінулася неціхоцце, упрагалася ў плуг і дзірваны дужала. Адсюль і такая, крыху мужчынская, ухватка тваіх мужных і ясных, тваіх упэўненых і зажуравіных радкоў.

Адсюль і такая неспатольная прага да жыцця, да пазнання самых глыбінных пластоў, такая нястомнасць вандравання, такая несутрымная радасць ад сустрэч з новымі краінамі, гарадамі, з новымі людзьмі – тваімі прыхільнымі чытачамі.

Нібыта адчуваючы нядоўгі век свой, рупілася ты паўсюль пабыць, спяшалася зрабіць як мага больш, імкнулася выказаць шчырую падзяку народу свайму, пашану свайму краю, роднай Ушаччыне, якую яна асабліва раўніва любіла.

Нарадзілася ты, Еўдакія Якаўлеўна, у першы дзень вясны. І зборнік першы твой, перапоўнены пачуццём вясновай радасці жыцця і пазнання, так і называўся – «Сакавік».

Шлях твой жыццёвы абарваўся на самым пачатку сталага лета. І, нібыта сімвалічна, апошні твой прыжыццёвы томік вершаў названы – «Лірыка ліпеня». Замкнулася кола ад ранняй вясны да ўпэўненага лета...».²⁸⁶

Гараць гарады, стогне зямля,

Захлынаюцца рэчкі крывёй...

Я развяжуся з вайной

пасля.

Калі стану сама зямлёй...^{287}*

Говоря о разработке Е. Лось военно-политической тематики, нельзя оставить без внимания её легенды о партизанской Ушаччине, впервые опубликованные в посмертном сборнике «Валожка на мяжы: паэзія апошніх гадоў». «Легенда горького дерева» («Легенда горкага дрэва») посвящена Г.А. Казей, матери Героя Советского Союза Марата и его сестёр Ариадны и Галины, которую фашисты повесили за детей, за участие в подпольном сопротивлении врагу:

Ішла, шаптала імёны дзяцей:

Гэля, Адачка і Марацік.

Ды не гнула кволых плячэй,

²⁸⁴ Барадзін, С. Пра Еўдакію Лось / С. Барадзін // Польша. – 1977. – № 6. – С. 255.

** Переведена на русский язык в 1963 г.

²⁸⁵ Янішчыц, Я. ...Ніхто гадоў сваіх не лічыць... // Дзень паэзіі-79. – Мінск, 1979. – С. 242.

²⁸⁶ Літаратура і мастацтва. – 1977. – 8 ліпеня.

²⁸⁷ Там же. – С. 125.

* Выделено нами (А.Р., Ю.Р.) как квинтэссенция, как концентрат боли, наполнявшей душу и сердце поэтессы.

*Як тыя, хто веру траціць...
Дома лячыла чырвоных байцоў,
З лесу ішла з лістоўкай.
Засада!*

Бойка.

*Цяжкі засоў.
Звер-наглядчык з вінтоўкай...²⁸⁸*

Трагічэска звучыць «Легенда о зорьке Виктории Рубец» («Легенда пра зорку Вікторыі Рубец» («Сястра мая, я ў фашысцкім засценку, два месяцы сённа, як не чалавек я. Няма ў мяне імені, прозвішча, ёсць толькі нумар камеры...»), легенда «Чему быть...» («Чаму быць...»), посвящённая двоюроднаму брату паэтэсы Николаю Кирпичу, который в своих 15 лет («мала, што гадкоў яму – пятнаццаць...») шёл в бой со старшими товарищами («Акружэнне, бою не мінуць... Коля, Коля, дзе твой дом апошні?! Ці пад ім алешыны растуць, а ці проста зелянее пашня?..»). Ищет мать своего роднёнького:

*...Я баюся на траве хадзіць
па-за Гутай, Дольцамі і Плінам (район активных
партизанских действий. – А.Р., Ю.Р.)
Я шкадую Колю разбудзіць,
запячы няпрошанай слязінай...
Быць таму, каб добры чалавек
жыў і жыў – у песні, у травінцы.²⁸⁹*

Читатель познакомяцца з партызанскай агітатаршай Шурой Никоновой, которой было поручено вести разъяснительную работу среди «солдат» русского полицейского батальона, расквартированного в деревнях Ушачско-Бегомльской партизанской зоны (полагаем, что речь поэтэса вела о радионовцах, большинство из которых – россияне. – А.Р., Ю.Р.):*

*...Але, хлопцы, расіяне,
што ж вы, з гора натварылі?!
Як далосся,
як прыйшлося,
вы ў чужынскіх брудных педантах,
і вінтоўкі ў вас чужыя,
лычкі,
бы на акупантах?!
...Быў палон, была няволя,
але ж побач – лес ваш братні...
Паздзірайце тыя лычкі,
пакідайце побыт хатні!²⁹⁰*

Не останутся без читательского внимания и «Легенда о шестом ребёнке» («Легенда пра шостае дзіцяці»), посвящённая храбрым девушкам-партизанкам,

²⁸⁸ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 143.

²⁸⁹ Там же. – С. 148.

* Впоследствии отряд Родионова в полном составе перешёл к партизанам и был преобразован в партизанскую бригаду.

²⁹⁰ Там же. – С. 149.

трагическая «Легенда о Павлике Рыжкове» («Легенда пра Паўлюка Рыжкова») – о партизане, зверски замученном полицейскими, «Легенда о поварихе Марусе» («Легенда пра кухарку Марусю»), «Легенда о партизане Непомнящем» («Легенда пра партызана Няпомняшчага») и др.

Этим легендарным циклом поэтесса ещё раз подтвердила своё страстное желание – силой стиха сделать так, чтобы герои Великой Отечественной жили в памяти людей, напоминая новым поколениям о военной трагедии, подарившей им счастливую мирную жизнь.

Тема военного лихолетья, увиденного и пережитого в те суровые, страшные годы, постоянно сопровождала Е. Лось, и не только в поэтическом творчестве. О ней поэтесса постоянно говорила на встречах с читателями, на читательских конференциях, писала в публицистических статьях в газетах и журналах.

Изучение поэтики Е. Лось позволяет сделать вывод о том, что она по сути своей стала фундаментом в осмыслении темы «малой» Родины – д. Старина, Ушаччины, Лепельщины, Витебска и темы Беларуси и белорусов, их добрососедства, их менталитета. Вот как прослеживается эта связь в её выступлении в Витебске на торжественном заседании, посвящённом 1000-летию города: «Родныя мясціны не забываюцца нідзе і ніколі. Я казала і кажу аб гэтым усё жыццё. Аб гэтым пішу вершы.

Я ганаруся, што паходжу з Віцебшчыны, старадаўняга беларускага краю, прыгожай лясной і азёрнай старонкі, слаўнай добрымі людзьмі і гераічнай гісторыяй.

Свет ведае аб гераізме партызан і падпольшчыкаў Віцебшчыны, аб героях адраджэння зямлі, аб сённяшніх працаўніках».²⁹¹ А вот и поэтическое оформление этих слов:

*Магчыма, пажыву дзеля дарог,
Насуперак слаце і веі колкай...
Лясы, азёры, сакаўны мурог, –
святая поўнач Віцебшчыны золкай.*

(«Даведалася родам я адкуль...»)

Именно глубокое постижение двуединства темы Войны и темы Родины позволяет поэтессе заявлять о тесном переплетении личного и общественного, прозы жизни и поэзии, у которых единая судьба, в которой хватало всего: ...хвалёнага, праклятага, ...беднага, багатага, ...харошага, узнятага...».

В жанровом отношении в литературном наследии Е. Лось выделяются следующие направления:

- собственно поэзия;
- прозаические искания;
- произведения для юных читателей;
- литературно-критические статьи и материалы.

Говоря о трагедийности в единстве судеб в жизни белоруссов, поэтесса о неотрывности от неё своей жизни то эмоционально-возвышенно, на мажорной ноте, то в нравственно-приглушённых, минорных тонах ведёт перед читателем свою исповедь: «Кажуць, шчаслівае пакаленне тое, што зведала гора» («Пра пакаленне»); «Загінуў бацька, загінуў сын. Жыве іх хата, як успамін...» («Напамін аб вайне»); «...Нямала ў брацкіх магілах няслынных маіх землякоў» («Землякі»); «Зброі б вась толькі зусім не трымаць Вам, залатыя мужчынскія рукі!» («Рукі мужчынскія»); «Завуся з гордасцю мінчанкай і ёй да скону быць хачу» («Мінчанка»); «Я з бядоты, татуля, хацела выйсці ў людзі і жыць з людзьмі!» («Я

²⁹¹ Цит. по: Віцебскі рабочы. – 1984. – 1 сакавіка.

прышла, даражэнькі тата...»); «Я не пахінуся, толькі ўспомню часта: «Не радзіся краснай, а радзіся шчаснай!..» («Не радзіся краснай, а радзіся шчаснай!..»); «Стаяла там (в родной деревне Старина. – А.Р., Ю.Р.) калісь і наша хата... На месцы тым – ігрушына адна...» («Студэнту з вёскі»); «Калі ласкі ў людзей нямнога, то ці варта быць між тых людзей?..» («Гром страляе, дождж ліе ў тры рэдзі...»); «Гэтак жыву ў чатырох вымярэннях – Раніца, Дзень, Вечар, Ноч...» («Я знаю, жыццё, з чаго ты складаешся...»); «Я з табой, несмяротны народзе!..» («Той, хто зладзіў калодзеж...»). Было бы ошибкой не вспомнить в контексте наших рассуждений поэму «Минчанка», автобиографическое произведение, в котором читатель познакомился и с путём деревенской девушки в большом городе, но и её первые шаги в суматошной городской жизни:

*Калі я стала гараджанкай?
Пытаюся у самой сябе.
Расла рахманай учашанкай,
пры ворыве і пры сяўбе.
У дружбе з лехамі і лугам
малочным статкам на траве...²⁹²*

В жизни лирической героини поэтессы переплетены трудности послевоенной городской жизни и тоска по родной стороне. Но не только недостатки и неуютность тогочасного города, вспоминает поэтесса, согревало его внимание к молодёжи, к организации коллективного восстановительного труда:

*А мы завалы разбіралі,
а мы тралейбусы вялі.
Расцілі горад, прыбіралі,
каб стаў ён лепшы на зямлі...
Там-сям дыміліся разлогі
ад выбухаў іржавых мін...
На плошчы ў гонар Перамогі
свій абеліск закладваў Мінск.²⁹³*

«Боль і жахі вайны, спадзяванні і кара пра будучыню – усё прайшло праз сэрца гераіні-студэнткі, што духоўна расла разам з горадам, які палюбіла і праслаўляла ў сваіх, яшчэ нікому не вядомых песнях... Студэнтка-грамадзянка, якая стала паэткай, знаходзячы ў сабе многае ад ранейшай вясковай жыхаркі і любові да прыроды, заклапочанасці ўсімі хлебаробскімі справамі».²⁹⁴ И в завершение этой проблематики приведём четверостишие из сборника «Ясноглазые мальвы», на наш взгляд, являвшееся своеобразным итогом обсуждаемого тематического направления:

*...Мая зямля, ты болей дарагая,
Чым тая, што ні траціла нічога.
Твой кожны гмах на попеле замешан,
Твой кожны колас выпаен крывёю...²⁹⁵*
(«Я прачытала, што ў адной краіне...»)

²⁹² Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 265.

²⁹³ Там же. – Т. 2. – С. 296.

²⁹⁴ Там же. – С. 297.

²⁹⁵ Барсток, М. Паэзія. Беларуская літаратура і праблемы сучаснасці // М. Барсток. – Мінск, 1978. – С. 32.

В 1970 г. Е. Лось в маленьком восьмистишии снова призналась читателям:

*Няхай вятры па мне галосцяць,
няўдачніцай завуць няхай.*

*Хай мне нічога не ўдалося, -
запеўны свій услаўляе май.*

*Для любасці душа ўсчалася,
і ў тым ніхто не папракне.*

На зайздрасць іншым удалася

Любой да Бацькаўшчыны мне...^{296}*

(«Няхай вятры па мне галосцяць...»)

Если бы это было поэтической бравадой, то вряд ли такой принципиально-оценочный литературовед, критик, поэт О. Лойко, мог бы высказаться таким образом: «...Але, як ніхто з яе аднагодкаў у паэзіі ў сваёй патрыятычнай лірыцы, пачынаючы са зборніка «Людзі добрыя», Е. Лось падняла тэму беларусаў у шырокім свеце, Беларусі ў шырокім свеце».²⁹⁷

Надо было иметь большое и чувственное сердце, в нём слились воедино память войны, опыт предыдущих поколений и современная жизнь, чтобы вместились и память, и радость, и боль людей, и ответить на них искренними и мудрыми словами. А чтобы это сделать – надо было хорошо знать жизнь, видеть её сложности и противоречия, радоваться ей, ощущать не только красоты родной земли, но и безграничное единство человека и природы, духовно-нравственное богатство живущих на этой земле людей. И, что особенно важно, не увлекаться сюжетными построениями, а доносить до читателя авторское видение жизни.

Привлекает умение поэтессы от произведений высокого гражданского звучания, выражающих её гражданское кредо и пронизанных глубокой внутренней убеждёностью (личностью лирики и публицистического пафоса), стремлением сверять написанное с самыми требовательными оценками переходить к стихотворениям, поэмам, песням, лирико-афористическим миниатюрам, в которых по женски тонко и остро ощущается поиск и осмысление прекрасного в жизни, соотносимое автором с добротой как необходимым условием человеческой жизни. И в этом плане в её сдержанной философской, в социальной, семейной, интимной лирике сливаются воедино эстетические и этические критерии поэтессы, её отношение к Человеку и людям, к самым разным сторонам современной ей действительности. Или, как когда-то заметил известный советский поэт Михаил Асеев, Е. Лось пишет «по складу своей души, по всей своей строчечной сути». Читателю предлагаются произведения, наполненные глубоким нравственным содержанием, лиричностью, светлыми и яркими образами. Читаем стихотворение «Звонь» («Звонь»), написанное ещё в конце 1950-х годов:

Над Звонню – звон, ля Звонкі – сіль:

Званочки ладзяць карагоды...

Пад Звонню шапку ў грэчку кінь –

І шапка ўраз прапахне мёдам!

Госць вёску Звонь не абміне:

²⁹⁶ Лось, Е. І каласуе даўгалецце / Е. Лось. – Мінск, 1998. – С. 216.

* В русском переводе И. Бурсова последнее двусторочие читается в более узком плане: «Мне удалась, другим на зависть, любовь к родимой стороне». (См.: Лось, Е. «Песня твоей сестры». – Москва, 1977. – С. 138.

²⁹⁷ Лойка, А. Паэзія і час. Літаратурна-крытычныя артыкулы, творчыя партрэты / А. Лойка. – Мінск, 1981. – С. 248–249.

*І вып'е ў меру, і закусіць.
А гора ў гэтай старане –
Што мо пчала калі укусіць.²⁹⁸
(«Звонь»)*

*Чаромха любіць халадок,
ёй доспадобы вецер майскі.
Любы за горадам куток
пераўтвараецца ў райскі.
У прыгарадных паяздах
ад ранку белае кіпенне.
І ў дураслівых халадах
шчаслівыя вы на здзіўленне...²⁹⁹
(«Чаромха любіць халадок»)*

И ещё несколько строк из последнего сборника «Волошка на границе»:

*Зеляніну не пакіну,
не пакіну шчэць травы...
Над усходамі пастану,
Каб быў парастак жывы.
Ты расці, расці, зярнятка,
вышай лесу, вышай гор,
вышай статка ў лузе гладкім,
вышай матчавых апор...³⁰⁰
(«Зеляніну не пакіну»)*

На наш взгляд, не будет ошибкой, если в качестве одного из направлений творческих исканий Е. Лось выделить и подчеркнуть её собственную авторскую позицию, тесно насыщенную эмоциональной открытостью, доверчивостью, даже с выходом на интимные стороны её семейной жизни. Она несёт читателю, как близкому другу, свои переживания, свои волнения за сына, свои успехи и неудачи, своё понимание любви и доброты, и от этого поэзия её становится близкой и понятной: мы приведём несколько примеров из многочисленных поэтических произведений Е. Лось:

*Я да цябе, паэзія, дабіралася,
Як далакоп да вады на сухой мясціне.
Я з табой, нарэшыце, спазналася, –
І стала светла ў маёй хаціне...
(«Вянцы зруба»)**

*Маці паэзіі – лірыка...
Колькі гадкоў дачку
Гадуе сурова і шчыранька, –
то водзячы за руку,*

²⁹⁸ Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979. – Т. 1. – С. 23.

²⁹⁹ Там же. – С. 170.

³⁰⁰ Там же. – Т. 2. – С. 73.

* В данном случае будем делать ссылку на соответствующий поэтический сборник.

*та адпускаючы смела
ў дарогу, у гнеўны бой!..
Маці, яна ссівела,
сочачы за барацьбой...*

(«Перавал»)

*Мне дарага не вязнуць – узвышацца,
мне дарага натхненне барацьбы...
І калі не брэша за вуглом,
і калі гад пыхлівы не ў пашане, –
дык, значыць, тут было маё ўмяшанне,
дык, значыць, я не паўзла вужом!*

(«Галінка з яблыкам»)

*І я кажу: чытайце вершы,
у іх жыцця жывы струмень...
У іх сустрэнецца пра першы
і пра апошні нечы дзень.
...Не скажа бедная анкета
нікому, як я пражыла
адзін звычайны месяц лета...
А я – жыла!*

(«Лірыка ліпеня»)

*Не чакайце, што буду хваліцца
перад іншымі мовай маёй.
Хіба хваліцца з лесу крыніца,
што грымотней яна за прыбой?
Той, хто любіць напраўдзе, ён ціха
слова роднае ў сэрцы спеліць,
беражэ ад пагарднага ліха:
калі слову, то й сэрцу баліць.*

(«Лірыка ліпеня»)

Такими же открытыми, иногда эмоционально-восторженными, иногда щемящими сердце строками выглядят её стихотворения и поэмы об отце и сыне, о собственной судьбе, судьбах дорогих её сердцу людей. Стихи поэтессы о любви можно пересказывать, комментировать, но передать читателю ту гамму чувств, которой они наполнены, без потери смысловой и эмоциональной окраски, на наш взгляд, невозможно. Чтобы в полной мере постичь её лирико-интимную исповедь, то радостно-простую, то драматически-сложную, их надо читать и перечитывать, вдумываясь в каждое слово, интонацию, поэтическое движение любящего и любимого человека.

А ещё в лирике Е. Лось читатель найдёт множество песен, белорусскую фольклорную традицию, стихи-посвящения П. Бровке, В. Лобанку, В. Быкову, М. Шмырёву, Лесе Украинке, Я. Мавру, Я. Смелякову, И. Баграмяну, В. Ключковой, Г. Рыжковой, Р. Бородулину и другим писателям, поэтам, общественным деятелям. Отдельные исследователи (Т. Чабан, С. Марченко) утверждают, что в лирике Е. Лось можно видеть новое эстетическое качество «женской» белорусской поэзии.*

* См.: Нёман. – 1984. – № 3; Літаратура і мастацтва. – 1980. – 7 сакавіка і др.

Ещё одно стихотворение о собственной позиции поэтессы:

*Я прымаю цябе, жыццё,
Неспакойным і ціхім зусім,
Цвёрдым, нібы стальное ліццё,
І празрыстым, як верасня дым.
Для мяне ты не дзённы госць,
Я цябе няскончаным лічу
І прымаю –
якое ёсць,
Каб аддаць –
якое хачу.³⁰¹*

А теперь о детской поэзии Е. Лось.

Долгие годы, работая главным редактором детского журнала «Вясёлка», Е. Лось стала обладательницей поистине бесценного кладезя знаний в области детской психологии, читательских запросов и интересов своей юной публики. Думаем, что это и стало первотолчком в её обращении к детскому поэтическому творчеству. Есть все основания для вывода, что в качестве основных поэтических принципов в этом сложном поэтическом творческом процессе для Е. Лось стали:

– активизация мысли и фантазии детей, даже некоторая интрига в том, чтобы они смогли через детские открытия и эмоциональные контакты с новым для них миром, через своё возрастное восприятие быстрее понять самые обычные (а для детей часто и весьма сложные) явления окружающей их жизни. Как, к примеру, в стихотворении «Слышали ли о звере, появившемся в доме» («Чулі, – звер завёўся ў доме?»):

*Чулі, – звер завёўся ў доме?
Ды славуты, ды вядомы!
Ходзіць на пушыстых лапах,
быццам лапкі тыя ў тапках.
Есць ён мяса, есць ён рыбу,
мае ўласную сядзібу –
дом ад вышак да падвала –
ды злуе ўсё:
«Ма-а-ла...»,
«Ма-а-ла...».*

Стихотворения такого типа привлекают детей разнообразием интонационных оттенков, иносказательным афористическим языком. В загадке о месяце январе из книги «Двенадцать загадок» она подобрала слова по смыслу очень близкие к отгадке, а иногда и перекликающиеся с ней:

*Як гэта называецца,
калі новы год пачынаецца?
Калі поле мяцеліцы студзяць,
маразы траскатнёю будзяць,
калі ў срэбры і свята,
і будзень?*

³⁰¹ Лось, Е. Валожка на мяжы / Е. Лось. – Мінск, 1984. – С. 77.

Поэтесса вполне сознательно ввела в текст загадки слово «студзень», сделав его опорным. Оно ассоциативно вызывает в детской памяти название зимнего месяца, в котором «поле сяцеліцы студзяць»;

– поэтическое обучение юных читателей доброте, искренности, уважительному отношению друг к другу и формирование на этой основе начальных патриотических задатков, того большого чувства любви к родной белорусской земле, её творческим, мыслящим, трудолюбивым людям, которые в семье советских народов ведут грандиозные преобразования и на земле, и в космосе. Вот одно из таких стихотворений – «Письмо из БАМа» («Пісьмо з БАМа»)

*Мы праложым цераз нетры
звонкіх рэек кіламетры...
Зробім трасу,
і тады
пойдуць з грузам паязды.
Павязуць нам лес, машыны,
вугаль, золата, пушніну...*

Или в стихах из посмертного сборника «Вкусные буквы», посвящённых Минску («Минск» – «Мінск»), его стремительному метрострою («Подземная дорога» – «Падземная дарога») и др.;

– умение вести разговор с детским читателем, вести занимательно, а иногда и по детски загадочно, вводя детишек в процесс познания через игру, забавы, баловство, без навязчивой дидактики и поучительства. Обратимся к стихотворению «Быль или нет?» («Быль ці не?»), в котором поэтесса своеобразно переплетает возможное и невозможное и даёт право самим детям определить правдивость рассказанного. Настойчивое повторение одного и того же вопроса «Быль или нет?» не только ритмично организует стихотворение, придаёт ему характер, но и помогает мобилизовать внимание детей, заинтересовать их:

*Вырас яблык на сасне
Быль ці не?
Скача конь на бервяне
Быль ці не?*

В сборнике «Зайчишка-хвастунишка» в этом плане выделяются стихи «Накануне» («Напрадвесні»), «Беглец» («Уцякач»), «Что живое?» («Што жывое?»), «Деды» («Дзяды»), «Посылка» («Пасылка»); в сборнике «Вкусные буквы» – «Рисованное письмо» («Маляванае пісьмо»), «Хорошо сей» («Добра сей»), «Вкусные буквы» и др. К примеру, для детишек буквы – это не просто знаки. Но, чтобы им помочь в этом разобраться, поэтесса поясняет, что буква «О» – это будто бы огородная фасолька, буква «Т» – будто грибок:

*Літары запомню
Без лішняй гаманы,
Як жа не запомніць:
смачныя яны.*

Привлекает, что в этом маленьком четверостишии маленький герой будто удивляется своему открытию, почти считая себя познающим человеком;

– глубокое знание детской психологии, умение быть с детьми в одной жизненной ситуации, в обычной беседе выделять каждый раз в разговоре то

важное, что может заинтересовать, разбудить наблюдательность к собственному пониманию увиденного, детским размышлениям над ним. Главное здесь заключается в приобщении «маленьких» людей к самостоятельному художественному открытию и прекрасного, и поэтического чуда слова: «Поэтесса будто приглашает детей: посмотрите вокруг и вы убедитесь, что рядом с вами «живая река», «живой шиповник», «живые яблоки», «вкусные буквы» и т.д.

Героиня красивого стишка «Котята» («Коцікі») видела, как приносили и поставили в вазу нераспустившиеся ветки лозы. И вдруг через несколько дней, проснувшись, заметила распустившиеся жёлтые почки и в восторге кричит маме:

*Неяк прачнулася –
цэлае свята:
– Мамачка, глянь,
у вадзе кацяняты.*

Или как героиня стихотворения «Девочка-росинка» («Дзяўчынка-расінка»):

*Засвяцілася краса,
заірдыла раса,
і дзяўчынка вышла з класа...
Як завешся ты?
– Я – Раса...*

– наконец, использование в детской поэтике самых разных, доступных форм стихосложения – доступный диалог, стихотворение-миниатюра, загадка, стихотворение-шутка и др.

Известная исследовательница белорусской детской литературы, наша землячка М. Ефремова делает вполне обоснованный вывод: «Е. Лось сваімі вершамі спрыяе таму, каб знаёмства малых са святам было незабыўным. Яна разумее стан душы дзіцяці, якое, радуючыся і здзіўляючыся, глядзіць на навакольны свет. Паэтэса дапамагае малым рабіць адкрыцці, вучыць назіраць за прыродай, разумець яе галасы».³⁰²

Нельзя не согласиться с мнением известных белорусских литературоведов М. Яроша и В. Бечика, считающих, что: «Вершы Еўдакіі Лось вызначаліся моцным валявым імпульсам, сцвярдзальнай энергіяй, актыўнасцю грамадскіх пачуццяў. Рэзкасць характару, вострая палемічнасць спалучалася ў многіх вершах з арганічнай жаночасцю эмоцый і паводзін, асаблівай інтымнасцю лірычнай споведзі. Лепшыя творы паэтэсы прасякнуты душэўнай чысцінёй, пафасам безагляднай самааддачы, адчуваннем мэты як абавязку, шырынёй і багаццем душэўных чалавечых адчуванняў».³⁰³

Несколько замечаний о прозаических исканиях Е. Лось.

Первой книгой Е. Лось в исследуемом нами периоде стала (и, может быть, неожиданно!) книга прозы «Колье» («Пацеркі»). Оставляя за собой поэтические достижения, автор весьма скромно в своём маленьком предисловии к книге написала: «У змешчаных тут кароткіх апавяданнях мне хацелася сказаць тое, што я ведаю пра жыццё і людзей, што перажыта і перадумана.

Буду рада, калі чытачу перадасца хоць часцінка майго хвалявання».³⁰⁴

³⁰² Літаратура і мастацтва. – 1975. – 31 сакавіка.

³⁰³ Ярош, М. Беларуская савецкая лірыка / М. Ярош, В. Бечык. – Мінск, 1979. – С. 285.

³⁰⁴ Лось, Е. Прадмова да кнігі «Пацеркі» / Е. Лось. – Мінск, 1966. – С. 4.

В этом небольшом предисловии и сегодня читается повествование (из более чем трёх десятков рассказов, миниатюр, зарисовок), отражающее ту нашу повседневную жизнь, но за этой повседневностью просматривается глубокое постижение автором проблем белорусской деревни, психологии её жителей, принятия ими решений, постепенно менявшихся по времени от фашистского безумия в годы Великой Отечественной войны до первых послевоенных времён. Из всех рассказов мы бы выделили два – «Целутка» («Цялутка») и «С войны» («З вайны»). В первых из них – острая психологическая ситуация, связанная с сохранением от немецких солдат молодой молочной коровки, кормилицы её троих маленьких детей. И вдруг она слышит: «Голас маці, здалося нам (дзецям. – А.Р., Ю.Р.) скалануў наваколле:

– Не дам карову, гад!..

Яна трымала повад моцна і нават тузанула яго да сябе. Карнік ашчэрыўся – можна было падумаць, што ён усміхаецца, – і ў момант ускінуў руку з гумоўкай.

– Мамачка, ён заб'е цябе, аддай! – загаласілі мы ўсе разам і пацягнулі маці. – Хто за рукаў, хто за спадніцу – далей ад гэтага страшнага месца.

Яна выпусціла павадок.

Мы ішлі па сцяжынцы, моцна трымаючыся за матчыны рукі, і плакалі.

Дзесьці далёка трывожна рыкала наша Цялушка». ³⁰⁵

И – второй рассказ: здесь налицо несколько иные психологические эмоции, чем те, которые были в рассказе «Целушка». Отслуживший в годы войны интендант Гришка Стрижёнков, вернулся к жене и «красиво» повествовал о своих «воинских» победах (снабжение продуктами начальников, любовницы и т.д.), а жена, перенёсшая все тяготы партизанской жизни, за все чемоданы, всё привезённые ей подарки, вдруг вспыхнула: «Вось табе, вась! – пляжыць па твары.

– За мае лапці, за тую бульбяную гніль, за венгерскія спадніцы, за Эўджэнію!».

Грышка ўсхліпваецца і са злосцю сціскае яе руку.

– Пусці, дрэнь ты такая! – вырываецца Паша і з плачам выбягае з хаты». ³⁰⁶

Много психологических, нравственно-эмоциональных зарисовок, дополненных авторской болью за мучения войны, читатель находил в рассказах «Из войны» («З вайны»), «Купанье» («Купанне»), «Письма» («Паштоўкі»), «Мать» («Маці»), «Песня» («Песня») и др., или посвященным событиям войны и осмыслению её трагических последствий.

Эти большие и меньшие по размерам рассказы (были и миниатюры – «Мать» («Маці»), «Сталбунки» («Стаўбункі»), «Крапивка» («Крапіўка»), «Бусы» («Пацеркі»), «Первая пуля» («Першая куля»), «Резцовая грамота» («Разцовая грамата») и др., показывают, что автору удалось нарисовать достаточно выразительный рисунок человеческой жизни. И каждый из этих рассказов-миниатюр вызывает у читателя размышления, даже подводит его к мысли, что в этих обычных мини-повествованиях он увидел «необычное в обычном», и, без преувеличения, мог стать соавтором этого «необычного».

Прозаические искания были продолжены в 1970 г. с выходом книги «Травица брат-сестрица».

Время действия – конец 1950-х – 1960-е годы (если учесть, что одна из героинь, пришедшая на танцплощадку в минском парке Челюскинцев уже учительница, значит, это уже 1950-е годы (рассказ «Полька-енка» («Полька-енка»), а, если читаем «Монгольский дневник» («Мангольскі дзённік») о поездке Е. Лось в Монголию, датируемой 1969 г., то оказывается, что временной промежуток книги определён нами достоверно).

³⁰⁵ Лось, Е. Пацеркі / Е. Лось. – Мінск, 1966. – С. 73.

³⁰⁶ Там же. – С. 84.

Рассказы и зарисовки автора книги (а их около четырёх десятков) продолжают и развивают магистральную линию творчества – воспевание добра, справедливости и верности и осуждение зла и несправедливости. Раскрывается эта проблематика через партизанские судьбы и воспоминания о событиях Великой Отечественной войны («Консерва болотной воды» – «Бляшанка балотнай вады», «Страшный урок» – «Страшны ўрок», «Масляки» – «Маслякі», «Травица брат-сестрица» – «Травіца брат-сястрыца», «Костёр на прощание» – «Касцёр на развітанне»); через жизнь учительства («Учитель» – «Настаўнік», «Помидоры с перцем» – «Памідоры з перцам», «Третья песня Леля» – «Трэцяя песня Леля»); через жизнь детдомовцев («Придумать сказку...» – «Прыдумаць казку...»).

Читатель становится свидетелем того, как проходят творческие встречи в рабочем коллективе («На заводе» – «На заводзе»), как в городскую квартиру приходит музыка («В ваш дом вошла музыка» – «У ваш дом увайшла музыка»). Небезынтересны полоцкие впечатления Е. Лось и её зарисовки о поездке в Польшу.

Книги прозы Е. Лось – хорошее дополнение к её поэтическому творчеству. Именно его влияние постоянно ощущается в этих небольших прозаических картинках.

К прозаическим исканиям Е. Лось (в соответствии с жанровостью литературы) относятся и её шаги в литературно-критической деятельности, её статьи по проблемам литературной жизни Беларуси. Мы приведём лишь несколько оценок Е. Лось, высказанных ей как в отношении авторитетных авторов, так и в адрес начинающих литераторов.

В качестве примера приведём малоизвестное мнение Е. Лось, высказанное ей во время посещения Поставского района и встречи её с партийным руководителем В. Клочковой: «Вось каб пісаць у вершах пра такое (её поразила красота цветущего льняного поля, которое от лёгкого ветра колебалось, как голубое море. – А.Р., Ю.Р.), трэба самаму гэта бачыць і мала бачыць, трэба ўмець перадаць убачанае людзям. А каб перадаць вось гэта непаўторнае хараство калгаснага поля, трэба мець талент і веды. Я б хацела валодаць больш дасканалымі ведамі. Мне заўсёды хацелася ў арыгінале чытаць антычных паэтаў: Вяргілія Лукрэцыя, Катула... Гэтыя вялікія паэты пазбягалі ўсялякай напышлівасці і вытанчанасці, што з'яўляецца прыкметай паэзіі нашага часу. Яны вызначыліся дакладнасцю адлюстравання не толькі душэўных парыванняў, але і стану нораваў. І мне зараз вельмі хацелася б далучыцца да іх паэзіі, убачыць, як яны апісвалі хараство прыроды. Параўнаць з маім і знайсці зусім новыя словы, каб дакладней выказаць тое, што акружае нас. Калі б мы добра ведалі мінулае, мы б лепей разумелі і сучаснае...».³⁰⁷

А теперь обратимся к анкете журнала «Малодосць», в которой поэтесса сформировала своё видение в определении роли и места литературы в духовной жизни народа. В анкете читаем: «Не ўяўляю духоўнага жыцця грамадства без літаратуры. Засмучае тое, што ў моладзі, у вучняў усё меншае часу на чытанне кніг.*

Літаратура і адлюстроўвае духоўнае жыццё народа, і ўплывае на духоўнасць жыцця. Літаратура даказала, якое вялікае месца ў інтэлектуальным і духоўным жыцці чалавека яна займае. Багата прыкладаў як станоўчага, так і адмоўнага плану (з аднаго боку, – наша чалавечная «Гранада», з другога – фашысцкі «Хорет Весель»). Таму нязменным павінен заставацца клопат літаратуры – у якім кірунку ёй уплываць на развіццё асобы (і душы чалавека).»³⁰⁸

Первая учительница сына Е. Лось, первоклассника Олега, Н. Климкович в своих воспоминаниях приводит слова поэтессы, которые весьма удачно дополняют,

³⁰⁷ Беларусь. – 1983. – № 9. – С. 31.

* Эти слова сказаны Е. Лось 35 лет тому назад. А что бы сказала поэтесса, видя нынешнее отношение молодёжи к книге?

³⁰⁸ Покліч сэрца, абавязак грамадзяніна. Анкета «Малодосці» // Малодосць. – 1976. – № 2. – С. 161.

высказанную для журнала, мысль: «Нам, пісьменнікам, – гаворыла она, – нельга адпачываць, бо час і жыццё падганяюць, вялікія падзеі сучаснасці не даюць раслабляцца нават ні на адно імгненне. Народ патрабуе новых твораў, глыбокіх, ідэйных і праўдзівых. І мы павінны памятаць аб гэтым».³⁰⁹ Это её внутренние убеждения, собственная творческая позиция. Заметим, что она последовательно, без всяких скидок на авторитеты и личные предпочтения прослеживается в размышлениях и оценках как известных, так и начинающих белорусских литераторов.

К примеру, её мнение о любимой поэтессе, старейшине белорусской поэзии Констанции Буйло: «Вершы, у якіх перад вачыма зьяе Радзіма», – аснова ўсёй творчасці Канстанцыі Буйло, яны, як правіла найбольш удалыя, яркія. Ні гады, ні жыццёвая нядоля не сцёрлі ў сэрцы паэтэсы дарагое аблічча роднай зямлі, – яе калыскі, вытокаў яе песні».³¹⁰

Или её отношение к одному из основоположников белорусской детской литературы Я. Мавру: «Творам Я. Маўра ўласціва пазнавальнасць, драматызм. Удала спалучаюцца ў іх прыгодніцтва і псіхалагізм. Напісаны творы сакавітаю, чыстаю мовай, аздоблены непаўторным маўраўскім гумарам».³¹¹

В 1967 г. издательство «Мастацкая літаратура» выпустила в свет книгу «Лирика» народной поэтессы Узбекистана Зульфийи. И Е. Лось сразу же откликнулась на это издание: «Вялікі шлях пройдзены ад узнёслых дзявочых радкоў да мудрых дум пяцідзсяцігадовага майстра, настаўніцы, у якой можна павучыцца грамадзянскай палымьянасці, шчырасці паэтычнага слова.

...Творчасць Зульфійі, яе жыццё – яскравы прыклад няўрымслівасці, змагання. Вершы паэтэсы, сабраныя ў кніжцы, як бы загорнутай у кавалак узбекскага шоўку, хвалююць і ўзбагачаюць сэрца, вучаць любові і вернасці, заклікаюць жыць і змагацца ў імя хараства на зямлі».³¹²

Не оставалось без внимания и литературное творчество начинающих белорусских авторов. Вот строки из её рецензии на книгу «Лесная загадка» детской поэтессы Н. Галиновской: «Мне хочацца прывітаць паэтычную працу Ніны Галіноўскай. Яна можа пісаць вершы для дзяцей, грунтоўны доказ таму – два зборнікі. Але вершам, як і самім дзецям, трэба аддаваць усю душу. Не абмяжоўвацца тым, што лёгка даецца і блізка ляжыць. Шукаць свае тэмы і вобразы, даводзіць да ладу кожны радок».³¹³

О принципиальности оценок Е. Лось, её требовательности к молодым авторам свидетельствуют оценки первой книги стихов «Леснічоўка» поэта Р. Семашкевича: «Малады паэт паказвае, што ён так разумее творчасць, і голасна пачынае свой спеў свету добра і святла, схіляючыся перад чысцінёй сцягоў бацькаўшчыны... І гэта, бадай, дастаткова, каб моцна адчуваць сябе на зямлі, не блукаць у пошуках вернай дарогі. ...Але часам у творы паэта запаўзае нейкі неразумелы скепсіс. Быццам паэт палюхаецца, каб яго не папракнулі ў несучаснасці, бо, маўляў, скепсіс – адзнака веку...

Хочацца параіць Р. Семашкевічу: не трэба прыдумваць свае пачуцці, не трэба «глыбокадумна» філасофстваваць там, дзе для гэтага няма асаблівых прычын, не трэба слоўных і іншых штукарстваў. Трэба быць больш шчырым, натуральным».³¹⁴

Вспоминает известный белорусский литературовед В. Гниломёдов, обращает внимание на такую гражданственно-творческую черту характера Е. Лось, как постоянное внимание к молодой творческой волне: «Цікавая,

³⁰⁹ Настаўніцкая газета. – 1979. – 26 снежня.

³¹⁰ Лось, Е. Слова павагі і любові / Е. Лось // Беларусь. – 1974. – № 1. – С. 17.

³¹¹ Літаратура і мастацтва. – 1972. – 25 жніўня.

³¹² Там же. – 1967. – 2 чэрвеня.

³¹³ Там же. – 1966. – 18 студзеня.

³¹⁴ Там же. – 1968. – 18 кастрычніка.

таленавітая моладзь расце, – гаварыла яна пра сваіх ровеснікаў, аднагодкаў, пра сваё пакаленне – Уладзіміра Караткевіча, Міколу Арочку, Ніла Гілевіча, Уладзіслава Нядзведнага, Алега Лойку, Рыгора Барадуліна і іншых. – Добрыя яны і розныя, а, паглядзіце, крытыка іх не разумее!».³¹⁵ С мненнем В. Гніломёдова вполне коррелируются слова старейшего белорусского поэта Х. Жычки: «Еўдакія Якаўлеўна заўсёды помніла свой нялёгкі шлях ў літаратуру, таму і была такой чулай да маладых талентаў. Пазней, калі стала вядомай паэтэсай, яна часта выступала ў друку з артыкуламі пра творчасць маладых, выступала вусна на парадах і сходах, падтрымлівала здольных паэтаў, давала прытулак у сваёй не дужа прасторнай кватэры «паэтэскам», якія прязджалі з далёкіх вёсак. А колькі разоў была Еўдакія Якаўлеўна ў Каралішчавічах на традыцыйных семінарах маладых пісьменнікаў, прязджала не столькі вучыць іх пісаць, колькі парадавацца з’яўленню новых талентаў».³¹⁶

Подытоживая, обратимся к мнению такого авторитетного поэта, как А. Пысин. В его статье, посвящённой памяти поэтессы, на наш взгляд, содержится самая ёмкая объективная оценка поэтики Е. Лось: «У беларускую паэзію Еўдакія Лось увайшла адразу. Еўдакія Лось змалку ведала і разумела народнае жыццё, народную мудрасць, спасцігала тайну слова і песні. Па-вясковаму, па-народнаму яна рабіла ўсё: і пісала, і выступала, і ладзіла свае ўзаемаадносінны з людзьмі. Не ўмела яна хітраваць, любіла праўду жыцця, адмятала ўсялякія кампрамісы. Усё яе жыццё, уся яе справа былі на віду, і, можа, толькі прытойвала, не выносіла з душы самае патаемнае, асабістае, да чаго іншым няма справы. Таму, напэўна, па-народнаму здаровая і чыстая яе паэзія... Родная зямля і яе добрыя людзі – такі прыгожы жыццёвы і паэтычны свет Еўдакіі Лось».³¹⁷

ЛИТЕРАТУРА

1. Бечык, В. Под высокою красою / В. Бечык. – Мінск, 1984.
2. Гніламёдаў, У. Як само жыццё / У. Гніламёдаў. – Мінск, 1980.
3. Дзень паэзіі-1979. – Мінск, 1979.
4. Зарыцкі, А. За словам-падарункам / А. Зарыцкі. – Мінск, 1985.
5. Каваленка, В. Жывое аблічча дзён / В. Каваленка. – Мінск, 1979.
6. Лойка, А. Паэзія і час / А. Лойка. – Мінск, 1987.
7. Лось, Е. Пацёркі: апавяданні / Е. Лось. – Мінск, 1966.
8. Лось, Е. Яснавокія мальвы: вершы / Е. Лось. – Мінск, 1967.
9. Лось, Е. Вянцы зруба: выбранае / Е. Лось. – Мінск, 1969.
10. Лось, Е. Зайчык-выхваляйчык / Е. Лось. – Мінск, 1970.
11. Лось, Е. Травіца брат-сястрыца: апавяданні, замалёўкі / Е. Лось. – Мінск, 1970.
12. Лось, Е. Перавал: вершы і паэмы / Е. Лось. – Мінск, 1971.
13. Лось, Е. Галінка з яблыкам: кніга вершаў / Е. Лось. – Мінск, 1973.
14. Лось, Е. Дванаццаць загадак / Е. Лось. – Мінск, 1974.
15. Лось, Е. Лірыка ліпеня: вершы і паэмы / Е. Лось. – Мінск, 1977.
16. Лось, Е. Смачныя літары: вершы / Е. Лось. – Мінск, 1978.
17. Лось, Е. Выбраныя творы ў 2 т. / Е. Лось. – Мінск, 1979.
18. Лось, Е. Валашка на мяжы: паэзія апошніх гадоў / Е. Лось. – Мінск, 1984.
19. Лось, Е. І каласуе даўгалецце: вершы / Е. Лось. – Мінск, 1998.
20. Лось, Е. Зелёная светлица / Е. Лось. – М., 1968.
21. Лось, Е. Синие дни: стихи / Е. Лось. – М., 1971.
22. Лось, Е. Обутая елочка: стихи / Е. Лось. – М., 1972.
23. Лось, Е. Венок: стихи / Е. Лось. – М., 1973.
24. Лось, Е. Песня твоей сестры: стихи / Е. Лось. – М., 1977.
25. Лось, Е. Птица счастья: стихи, поэмы / Е. Лось. – М., 1979.
26. Лось, Е. Лесной цветок: стихи / Е. Лось. – М., 1986.

³¹⁵ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 28 кастрычніка.

³¹⁶ Жычка, Х. Чатыры промні / Х. Жычка // Польша. – 1983. – № 3. – С. 189.

³¹⁷ Чырвоная змена. – 1979. – 2 сакавіка.

ВАЛЕНТИН ЛУКША

Лукша Валентин Анатольевич (родился в г. Полоцке в семье служащих 16 февраля 1937 г.) в белорусской советской литературе известен, как поэт, очеркист, автор драматических произведений для детей и юношества. А еще его часто называют поэтом-песенником – на его стихи написано более 50 песен.

Окончил Полоцкий лесной техникум (1956) и Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1976). После окончания техникума работал помощником токатора Пензенской аэрофотоустроительной экспедиции. С 1975 г. – инструктор Полоцкого горкома комсомола. В 1959 г. перешел на работу на строительный комплекс г. Новополоцка, где был контрольным мастером и секретарем комсомольского комитета строительного треста № 16 «Нефтестрой». В 1961–1973 гг. на журналистской работе – литературный сотрудник полоцкой городской газеты «Сцяг камунізму», корреспондент белорусского радио, заведующий отдела литературы и искусства газеты «Чырвоная змена», ответственный секретарь ежемесячника «На экранах Беларусі». С 1973 г. старший, а с 1975 г. – главный редактор литературно-драматического вещания Белорусского радио. В 1981 г. назначен директором республиканского книжного издательства «Юнацтва».

Член союза писателей БССР с 1978 г., лауреат литературной премии имени Петруся Бровки, лауреат Государственной премии БССР. Отличник печати СССР.

Первое стихотворение В. Лукши «Я завидую почтальону...» («Я зайздошчу пачтару...») было напечатано в 1956 г. в газете «Віцебскі рабочы». В 1964 г. вышла из печати первая книга поэзии «Города рождаются сегодня» («Гарады нараджаюцца сёння»), в 1966 г. первая книга прозы и публицистики «Наша, полоцкая профессия» («Наша, полацкая прафесія»). Затем, с завидным постоянством, почти ежегодно будут издаваться книги В. Лукши. Вот их хронология: 1967 г. – «Романтики шестидесятых: очерки» («Рамантыкі шасцідзсятых: нарысы»), 1969 г. – «Второй укус: поэзия» («Атава: паэзія»), 1972 г. – «Десять дорог к волшебному: очерки» («Дзесяць дарог да чароўнага: нарысы»), «Оркестр: стихи» («Аркестр: вершы»), 1973 г. – «Полоцк: фотоальбом» («Полацк: фотаальбом») (В. Лукша – автор текстов), «Исповедь: стихи» («Споведзь: вершы»), 1974 г. – «Зеленая больница: стихи» («Зялёная бальніца: вершы»), 1978 г. – «Лето круглый год: стихи» («Лета круглы год: вершы»), 1981 г. – «Белые берега: поэма-хроника» («Белыя берагі: паэма-хроніка»), 1982 г. – «Крылатый цех: стихи и сказки» («Крылаты цэх: вершы і казкі»), «Родимые пятна: стихи и фельетоны» («Радзімыя плямы: вершы і фельетоны»), 1985 г. – «Следы памяти: стихи и поэма» («Сляды памяці: вершы і паэма»), 1987 г. – «Волшебный камень: стихи, сказки, поэмы, переводы и пересказы» («Чароўны камень: вершы, казкі, паэмы, пераклады і пераказы»), 1989 г. – «Огонь и пепел: драматические поэмы» («Агонь і попел: драматычныя паэмы»), 1991 г. – «Как лиса училась летать: сказки, переводы» («Як ліса вучылася лётаць: казкі, пераклады»).

Произведения В. Лукши во второй половине 1960-х – начале 1990-х гг. можно встретить на страницах многочисленных коллективных сборников: «День паэзіі» (№ 66, 74, 75, 77–79, 81–84), «Карчагінцы шасцідзсятых гадоў», «Вышыня», «Універсітэт паэтычны», «Кім быць?», «Слухайце, Хатынь!..», «Люблю будзённы дзень», «Такія сэрцы ў нас», «Туман трэба развеець», «Вечная крыніца», «На сцягу і ў сэрцы», «Вяснянка», «Казкі беларускіх пісьменнікаў», «За цябе, Радзіма», «Партызаны, партызаны...» и др.

Он – постоянный автор республиканских газет («Звязда», «Советская Белоруссия», «Сельская газета», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», «Піянер

Беларусі») и журналов («Беларусь», «Маладосць», «Нёман», «Работніца і сялян-ка», «Рабочая смена», «Бярозка», «Вожык»), областных газет («Віцебскі рабочы», «Мінская праўда», «Гомельская праўда», «Гродзенская праўда», «Магілёўская праўда»), минской городской газеты «Вячэрні Мінск». Его печатают союзные журналы «Детская литература» и «В мире книг».

Благодаря переводческой деятельности В. Лукши белорусский читатель познакомится с произведениями русских, украинских, адыгейских, болгарских, вьетнамских, грузинских, дагестанских, колмыцких, латышских, литовских, молдавских, таджикских, туркменских, татарских, узбекских, чувашских, эстонских писателей и поэтов.

Произведения В. Лукши переведены на русский, украинский, азербайджанский, болгарский, казахский, киргизский, литовский, молдавский, польский, таджикский, туркменский, эстонский языки.

Каждый писатель приходит в литературу по-своему. А это значит, со своим жизненным опытом, творческим диапазоном и талантом. В писательской биографии Валентина Лукши ярко прослеживаются три этапа. Первый – послевоенный (детство и юность будущего поэта), второй – 1960–1970-е годы XX столетия, период становления и творческого взросления как литератора. В это время публикуются первые стихи, выходят в свет поэтические сборники. И наконец, третий – 1980-е – начало 1990-х гг., когда талант художника крепнет, стих приобретает душевную тонкость и наполняется добротой, гражданскими и философскими мотивами. Появляются произведения сатирическо-юмористического характера. Валентин Лукша становится известным не только в Беларуси, но и за ее пределами.

Первые произведения и книги Валентина Лукши представили читателю атмосферу жизненных коллизий, романтику дальних и близких дорог. Читатель сразу увидел и понял, почувствовал, что появился незаурядный писатель, влюбленный в поэзию, чистосердечный и доверительный в каждой своей строке.

Молодой поэт стремился к творческому самоутверждению, искал новые литературные формы и интонационные образы, которые бы наиболее соответствовали поставленной цели. Читатель встречался на страницах периодических изданий со стихотворением-зарисовкой, стихотворением-воспоминанием, стихотворением-исповедью. В них поэт тесно связывает свою судьбу с судьбой Родины и в трагическое военное, и в счастливое мирное время. За строками его поэтических произведений – поэзия личного и небезучастного отношения ко всему, о чем он задумывается, что принимает и что отвергает в быстротечной жизни. Правда, среди первых стихов встречались и случайные, проходные, рожденные эмоциональным подъемом, всплеском души, реакцией на только что увиденное явление или имевшее место событие. И в большинстве своем это были произведения, пронизанные свежестью восприятия событий, особым взглядом на них, способностью к обобщению.

На наш взгляд, не будет ошибкой, если назвать в качестве программного в поэзии В. Лукши стихотворение «Моя песня» («Мая песня») из книги «Исповедь».

*Як за дзіцё,
за песню я баюся.
Трывожуся
бяссоннымі начамі,
Пакутую,
пакутую ў адчай.
Як за дзіцё,
за песню я баюся.*

*Не абмінуць каб
важнага чагосьці,
Каб шчодраю была,
нібыта восень,
Каб для людзей была
жаданай гасцяй...
Як за дзіцё,
за песню я баюся³¹⁸.*

Не ошибался литературовед А. Мартинович, отмечая, что в этом стихотворении «добра відаць аўтарская набліжанасць да самога жыцця, жаданне, каб яго зразумеў сучаснік. У той жа час відавочна і другое: патрабавальнасць да самога сябе як да мастака слова. Інакш кажучы, выверка верша на паэтычную “трываласць”»³¹⁹.

Поиск и настойчивость всегда приводят к результату. У Валентина Лукши он также увенчался успехом. Так, честным, благородным отношением к жизни, свежестью и живой интонацией выделяются его первые «личные» циклы – «сибирский» и «новополоцкий». Вряд ли кто станет сомневаться, что поэтические строки автора, его сравнения, метафоры, рифмы, были искусственными, ненатуральными. Ведь они рождались от влюбленности в жизнь, подкупали своей легкостью и музыкальностью. Здесь и умение в обычном видеть сложное, и высокое напряжение любви, богатство эмоциональных красок и этику труда. Впрочем, для убедительности процитируем лишь несколько строчек из сибирских стихов: «Тайга хрыпіць, як ранены алень, трасуць вятры загрыўкамі сумётай», «Прылізالی чупрыны сівыя сумёты, разбудзіў Заіртышыша траскункрыгалом», «Раптам за таёжным ручаём закурыў пажар стракаты люльку», «Ад холоду (в Заполярье) дрыжала нават сонца ў пасіNELых лапах кедрача».

Жизнь в цикле «Сибирь» представлена такой, какая она есть, а лукшинские стихотворные строки отчетливо зримы, физически ощутимы. Словом, стихи для белорусского юноши стали результатом лично увиденного и поэтически осмысленного в том далеком, неизвестном краю.

Подобным поэтическим чувством, соединенным с изображением живой, светлой природы, пронизано и описание Тургайской долины: «Компас – неба з халоднымі зоркамі майскімі, праваднік – медзвядзямі пакінуты след». Сделаем первое отступление и... порассуждаем: а строки действительно живописные, поэтические. Мы и в белорусских лесах чаще всего ходим по чьим-то тропам – заячьим, лисьим, лесниковым... А там, по дороге в тайгу, где Валентин Лукша работал техником-помощником таксатора аэрофотоустроительной экспедиции, конечно же, мог видеть и медвежьи тропы.

*Я з паходнай кайстраю нямала
Вёрст прайшоў і раницай і ў вечар.
Ад бярозак краю Калевалы
Да сібірскіх хваль шыракаплечых.
Ды ніколі сэрца не шукала
Засені...³²⁰*

³¹⁸ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 3–4.

³¹⁹ Віцебскі рабочы. – 1973. – 8 верасня.

³²⁰ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 18.

Кстати, о пленительной власти природы, которая всегда была для поэта актуальной, он пишет основательно и серьезно. Поскольку Валентин Лукша не просто воспевает родные леса и озера, он влюблен в природу. Впечатления от многочисленных поездок по республике, от встреч с интересными людьми, от сказочных пейзажей в окрестностях городов и деревень легли в основу многих его произведений.

Например, одухотворенно запечатлел поэт дыхание белорусской природы в стихотворениях: «Мак таўкуць камары...» и «Любіце родныя лясы», где звучит призыв оберегать чистейший источник природы – лес. Этот призыв в стихотворении звучит не прямо, а как бы затаен в тексте, а сам лес талантом поэта одушевляется. Лес, по существу, и врачует человека от болезней, и снимает нервные перегрузки, и делится с ним своим богатством. А потому поэт в очередной раз считает своим гражданским долгом тонко и поэтично напомнить читателю об этом:

*...Прыйдзі
у лес гаючы на світанні –
Ён тваю стому здыме як рукой.
...Прыйдзі
у лес вячэрняю парою
Ён неспакой твой зніме як рукой.
...Прыйдзі
у лес вячысты, ён ахвоча
Цябе акрыліць шчодрасцю сваёй.
...Як казку велічнай красы
Любіце родныя лясы.³²¹*

Если в сибирском цикле читатель знакомится с искренними поэтическими строками, раскрывающими великолепную таинственность тайги, то в новополоцком – с историческими страницами великой стройки, развернувшейся во второй половине прошлого столетия на берегах Западной Двины. В частности, книга прозы Валентина Лукши «Наша, полацкая прафесія» посвящена жизни, труду, романтическим исканиям реальных литературных героев: строителей, геологов, бурильщиков. О том периоде творческой жизни (шестидесятые–семидесятые годы прошлого столетия) Валентин Лукша вспоминает: «...Прыгоды і экзотыку я не шукаў за марамі. Мяне прываблівалі Сібір, Поўнач. І мара мая, безумоўна, здзейснілася б., калі б не пачалася ў прыдзвінскім краі будоўля. Яна і вызначыла мой лёс. Мы працавалі грузчыкамі і мантажнікамі. Мы сталі Калумбамі – першапраходцамі новай трасы нафтахіміі».

Сегодня иной раз на улице, в транспорте приходится слышать досужие мысли, рассуждения относительно советской эпохи. Видимо, и о книгах раннего периода Валентина Лукши, где литературный герой восхищен социалистическим строительством в Беларуси, судачат по-своему. Им то и хочется задать вопрос: «Какую же плохую услугу оказало вам то недалекое время?». Не плюй в колодец, ведь неровен час – напиться придется.

Особо хотелось бы отметить полоцко-новополоцкий период в творчестве Валентина Лукши. Ясно, что в Сибири, как и любой другой человек, впервые оказавшись за Уралом, он восхищался тихой прелестью природы, но здесь, на Полоцкой земле, для него открылась не менее сюжетная, не менее живописная жизненная страница. Началась большая стройка. По существу, сама рабочая среда Нефтестроя позволила ему, первому комсоргу треста, увидеть и ощутить

³²¹ Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэмы / В. Лукша. – Мінск, 1985. – С. 16.

мир в разных его измерениях – моральных, психологических, эстетических, и в будущих своих произведениях ярко, талантливо рассказать о тех уже далёких, но таких романтических временах, которые уже никогда не повторятся. В одном из стихотворений, говоря о строительных буднях Новополоцка, он пишет, что это его счастье, его основа, его начало и первая песня.

*У райкоме
ушчэнт пракураным,
папярэдзілі строга,
– Ці вытрымаеце?
Нялёгкая ў Нафтаград
дарога.
Быў пачатак
падобны на наступленне.
Быў пачатак
не вечам урачыстым,
Як порхайка
развееліся сумненні,
Мы выстаялі...³²²*

Вот почему и сегодня с таким интересом читаются книги, в которых нашло свое отражение время первопроходцев, где весьма тонко, через мотивы их поступков, переживаний, конфликтов, исследуется внутренний мир его героев, становление и утверждение характеров. Очевидно и то, что его творчеству на том важном жизненном этапе помогала работа в полоцкой городской, а позднее межрайонной газете «Ленінская іскра», активное участие в литературном объединении при газете «Віцебскі рабочы». Ярчайшим свидетельством его творческого поиска той поры стали книга очерков «Романтики шестидесятых» («Рамантыкі шасцідзесятых», 1967), стихи: «У інтэрнаце над Дзвіною», «Дзесяты кубрык», «Неферціці», «Сповідзь», «Калі поруч таварыш», «Нашы любімыя», «Рамантыкі», «Капяжы», «Егорка», «Геодезисты» и др.

Вышеназванные стихи, вместе с небольшой поэмой «Станцыі майго юнацтва» и поэмой-хроникой «Белыя берагі» (1981), а также книгами «Рамантыкі шасцідзесятых» (1967), «Дзесяць дарог да чароўнага» (1970), по сути дела, – это биография молодого поколения строителей Новополоцка 60–70-х годов прошлого столетия, своеобразная литературная летопись города-новостройки, оформленная в скуповатый на эмоции язык поэтической публицистики. Именно в этих произведениях весьма последовательно рукой мастера воссоздавался художественный портрет человека-созидателя. («Дык вось мы працаваць і жыць павінны, каб сорам шчокі чырванню не пёк...»). Что же, по В. Лукше, нужно, «каб сорам шчокі чырванню не пёк...»?

*Чалавеку вельмі многа патрэбна сонца!
Каб сонечныя былі мары,
Каб сонечныя былі справы,
Каб сонечнае было заўтра³²³.*

Валентин Лукша искал и находил верные слова для поэтизации труда водителя и монтажника, бетонщика и электросварщика, руководителя стройки и...

³²² Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 17.

³²³ Там же. – С. 27.

В одном из стихов, вошедших в сборник «Исповедь», автор признается:

*...Расказваю сёння, як быліну.
Пра справы тых цяжкіх, ударных дзён.³²⁴*

Теперь несколько слов о поэме-хронике «Белые берега», в конце которой стоят две даты (1958–1978). Это произведение – яркое подкрепление тезиса о том, что главным в творчестве Валентина Лукши является желание все знать и все видеть, до всего дойти самому, не пропустить в жизни новые веяния и через художественное восприятие эпохи доказать их значимость. Словом, создать реальное литературное полотно со всеми его неожиданными поворотами, искренностью интонаций, высокой моральной планкой для своих героев, радостью, горечью, противоречиями, ведь на новостройке, куда съехались люди из разных уголков Союза, жизнь шла напряженно, стремительно, казалось, что время здесь опережало положенный бег. Следует отметить, что книга «Белыя берагі» была издана почти через четверть века после описываемых в ней событий. А это значит, что произведение довольно долго, как говорят, «вызревало», поэт собирал материал и работал над ней не год и не два, выделяя наиболее важное и типичное из того, что помогало глубже и полнее осмыслить и раскрыть трудовой подвиг советской молодежи 1960-х гг.

В поэме-хронике «Белыя берагі» почти физически ощущаешь азарт, страсть, молодое сбивчивое дыхание рабочих, чувствуешь неподдельный интерес горожан, у которых дух захватывало от размаха и величия стройки на их древней земле. Автор поэмы-хроники, талантливый поэт и прозаик (в дальнейшем и драматург) Валентин Лукша широкоохватной лирой осветил переплетение людских судеб строителей, занятых важным делом, от «десанта» на берега Западной Двины первых геологов и до появления на географической карте Беларуси первого города отечественной нефтехимии – Новополоцка. Среди героев «Белых берегоў» Василий Бережков, прошедший свой трудовой путь от юного бригадира строителей до опытного начальника современного производства – прототипом его был бригадир Петр Блохин, чьим именем сегодня названа одна из улиц города, Екатерина Верес, Валерий Ветрун, Марина Супрун, Виктор Мешков, Острейко, Лазурский, Бугров, Герой Социалистического Труда экскаваторщик А.С. Кремень и др.

Они не ропщут на свою судьбу, не убиваются о погубленной молодости, не отрекаются от своих взглядов, придерживаются того пути, в конце которого светит огонечек. Это они прямо в рабочих спецовках шагнули на поэтические страницы поэмы Валентина Лукши. И сам он в поэме возвращается в годы своей юности, чтобы не просто еще раз пережить радостное волнение былого, а чтобы еще раз ощутить важность совершенного в лучшие годы жизни, прикоснуться к подвигу первопроходцев.

*Грымелі да світання эшалоны
Па звонкіх затуманеных кірунках.
Былі мы рады першаму бетону,
Як першаму каханай пацалунку³²⁵.*

Следует отметить, что литературное творчество Валентина Лукши в 60–70-е годы прошлого столетия – об этом говорят стихи – не ограничивается лишь созданием яркого сибирского и новополоцкого циклов. В этот период

³²⁴ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 22.

³²⁵ Лукша, В. Белыя берагі: паэма-хроніка / В. Лукша. – Мінск, 1981. – С. 44.

он значительно расширил свой творческий диапазон. В частности, из-под пера писателя появляются первые книги для детворы, публикуются очерки, пьесы, песни, в которых звучат романтика, ясность и благородные чувства. Лирический герой В. Лукши эмоционально-оптимистичен, уверенно смотрит в будущее, помня о том, что земля пахнет *«як бохан падавы. Пахне глеба сонечным потам, пахне сінімі васількамі. Пахне летам – добрай надзеяй земляробу-дабрадзею. Пахне хлебам зямля, якой так нялёгка даваўся спакой»*.

Тема военного и послевоенного детства – не новая в белорусской литературе. Не осталась она вне поля зрения Валентина Лукши. Одно только стихотворение «Шамшалі» чего стоит! Уверены, мало кто из нынешнего поколения знает смысл этого слова. После Великой Отечественной войны в разных уголках нашей республики оно звучало по-своему. К примеру, на нашей малой родине вблизи Ракова его произносили как «шамшоры». Если же принципиально, то «шамшалі» – это залежавшийся с осени в земле и перемерзший за зиму картофель, от которого только и осталась крахмальная корка – ошметок. В военное и послевоенное время было большим счастьем найти по весне на еще мерзлом поле такую «картофелину», чтобы мать потом испекла черные, как уголь и, казалось, самые вкусные на свете оладьи.

*Мы выкопвалі шамшалі
З перазяблай
Глёўкай зямлі.
Скрыгатала жарствой рыдлёўка,
Буркі мокрыя,
Як памакі.
Шамшалі мы вылузвалі лоўка,
Шыбавалі дамоў нацянькі.
Праснакі з іх рабіла
Мама –
Нам ласункі
Лепшыя самыя.
Войкаў вецер.
Нібы чайня, –
За Дзвіною
Гула
Вайна³²⁶.*

Война оставила глубочайший трагический след в людских сердцах. Время нет-нет да напомнит о ней рассказами ветеранов, документальными кинолентами, художественными произведениями. Вот и поэт Валентин Лукша, для которого в *«чацвёртую вясну вайна прыйшла галашэннем бомбаў, хіжай свастыкай, куродымным небам»*, принадлежит к тому поколению, детство которого совпало с войной. Он родился в городе Полоцке, а потому в своих прозаических и поэтических произведениях повествует о суровом и жестоком времени. Особенно горькой, пронзительной трагедийностью наполнены строки его стихотворения «“Цацкі” ваеннай пары».

*Пра гэта добра фашысты ведалі.
Ведалі нелюдзі –*

³²⁶ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 56.

*Не забывалі
«Цацкі» забайныя падсылалі,
«Цацкі» стракатыя падаюць з неба.
Дзеці,
Бярыце па густу.
Што трэба.
Вось з-за трайкі праклюнуўся пейнік.
Возьмеш –
Струной абарвецца песня.
Возьмеш цукерку
У паперцы блішчастай,
І пашматае на дробныя часткі...³²⁷*

Далеким отзвуком войны пронизаны и стихи поэта: «Зайцаў хлеб», «Партизанскія будні», «Лясныя сны», «Раніца», «Пасляваеннае навагоддзе» и другие.

Убеждены, что трудное военное и послевоенное детство поэта, несмотря на разнообразие взятых им тем для создания прозаических или поэтических произведений, нет-нет да напоминает о себе «шамшаламі», нищетой и сожженными войной деревнями. Не потому ли так взволнованно, мастерски и художественно убедательно, но одновременно с гневом и болью написаны им стихи «Хатынскі рэквіем», «Дальва – сястра Хатыні», «У Брэсцкай крэпасці», «Трывожная памяць» и другие.

Для поэта, как и всех граждан Беларуси, память о Бресте («дзе аглухлі сцены ў лютым гуле, дзе сёння зоры свецяцца вясне, бацькі маіх равеснікаў паснулі...») и горькая память о Хатыни, что «не бачыла з часоў Пампеі пекла больш жудаснага. Агонь, здабыты калісь Праметэем, ля пуні дзіка скавытаў. Колькі думак крылатых падала ў полымі, колькі казак, якіх расказаць не паспелі, колькі мар і надзей, што маглі быць вясёлымі, у пекле вогненным тлела», будет вечно жить в сердцах.

Белорусскую деревню Дальва и южновьетнамскую Сонгми разделяют тысячи километров, но писатель Валентин Лукша сближает их, обнажает трагедию людских судеб, раскрывает ужас войны. О чудовищных злодеяниях поэт, в частности, написал: «У хаціны пад ціхімі шатамі прыляцелі чужыныцы-каты. Не раса гарыць на шыпыне, Дальва – сястра Хатыні» («Дальва – сястра Хатыні») и «А ў сэрца мае, як у званы трывога, як птушка ў цесную клетку, грукое Сангмі» («Трывожная памяць»).

Поэт и сегодня, хотя прошло уже более шестидесяти лет после Победы над фашистской Германией, рисует людское горе глазами пятилетнего мальчишки:

*Мне перажыць свае дзяцінства трэба
Нанова,
Каб праклятая вайна
Не засланяла васільковасць неба,
Ніколі не прыходзіла да нас.
Злавесны час бяды,
Людскога гора
І сёння бачу, –
Перажыў не ў сне.
І памяць штохвілінна мне гаворыць,
Што прамаўцаць –
Злачынна для мяне.*

³²⁷ Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэма / В. Лукша. – Мінск, 1985. – С. 52.

*...Я зноў і зноў вайну перажываю.
Ля сэрца зноў –
Халодныя клінкі...
Старонкі горкай памяці гартаю, –
Бягуць на
Горкія радкі³²⁸.*

С каждым своим героем Валентин Лукша вместе во всех обстоятельствах их жизни: в горе и счастье, в победах и неудачах, тревогах и конфликтах. О ком бы ни писал Валентин Лукша в тот или иной период своего творчества, его постоянно интересовала история Полоцкой земли: архитектура, памятники зодчества, древней летописи.

*Шмат стагоддзяў Сафія стаіць па-над рэчкаю,
Быццам тая бярозка ў светлым гай.
А ля сцен адцвітаюць і спеюць парэчкі,
Гарлапаняць усю ноч за Дзвіной салаўі.
Палатою платы праплываюць лянiва,
У паднябессі крыжы рассыпаюцца іскрамі.
Хмары кратаюць іх залацістымі грывамі
Пралятаюць так блізка, пралятаюць так нізка...³²⁹*

*...Святая палачанская зямля!
Ніколі галавы ты не схіляла,
Не падала ніколі на калені,
Якім бы грозным вораг твой ні быў.
Без хітрыкаў ішла на чэсны бой,
Каб погань не таптала родных гоняў
І не піла святой вады з Дзвіны!³³⁰
(«Апошні дзень «Сокола»)*

*...З гісторыяй,
Што не сышла ў адрыну,
Дух беларуса ставіць на крыло.
І са схаронак томікаў Скарыны
Праменіцца свяшчэннае святло³³¹.
(«У Полацкім музеі кнігадруку»)*

*...А з ракі голаў чорную высунуў
Чорны камень
У космах імхоў.
Камень –
Сведка княства Барыса.
Камень –
Сведка далёкіх вякоў.³³²
(«Барысаў камень»)*

³²⁸ Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэма / В. Лукша. – Мінск, 1985. – С. 43.

³²⁹ Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973. – С. 46.

³³⁰ Лукша, В. Атава: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 1969. – С. 51.

³³¹ Лукша, В. І родны дом, і цэлы свет: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 2006. – С. 12, 13.

³³² Лукша, В. Гарыды нараджаюцца сёння: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1964. – С. 21.

Поэтическим словом описал поэт и историю создания святого креста Евфросинии Полоцкой гениальным мастером Лазарем Богшей:

*У прыцемках майстэрні Лазар Богша
Рабіў для сьлынай Еўфрасінні крыж.
Маліўся, каб ні ў чым, ні ў чым не схібіць,
Не падвяла каб спрытная рука...
Крыж паўставаў анёлкам светлым, нібы
Лёс вызначай яму жыццё ў вяках.*

Авторское заключение еще мудрее:

*Не быў ніколі геній звышбагаты,
Хутчэй за ўсё было наадварот...
Ён стомлены вяртаецца ў хату –
І спеліца ў душы мільён турбот.³³³*

Мастерски, короткой поэтической строкой, не искажая исторические факты, Валентин Лукша характеризует творческие мечты, поиски, мысли и чувства Франциска Скорины:

*Людское сэрца радасцю уразіць
Адразу змог адзіны шчасны міг,
Як са станка плылі ў Злата Празе
Цаглінкі першых беларускіх кніг.*

*Няма на свеце справы непасільнай,
Хоць у паднеб'і кропля з кропляў мы...
Яшчэ ўспамін – у вайстрадахай Вільні
Кладу у кайстру новыя тамы...³³⁴*

Если, скажем, в Беларуси или на Полотчине создавалась антология исторической и художественной литературы о полоцкой древности (возможно, этой идеей кто-либо заинтересуется, а может быть, и сам Валентин Антонович?), то, без всякого сомнения, произведения писателя-земляка заняли бы в ней самое почетное место. Именно о ней, об истории Полоцкой земли и ее людях, книги Валентина Лукши «Города рождаются сегодня», «Романтики шестидесятых», «Второй укос», «Исповедь», «Огонь и пепел», «Следы памяти» и написанные после 1991 г. «Огни далеких городов» (1992), «Батлейка» (1993), «Вызов судьбе» (1997). «Читая такие книги, – представлял В. Лукшу читателю молодого гвардейского альманаха «Родники», Владимир Цыбин, отмечал, что в них чувствуешь, что они в самом главном родственны духу и направленности горячей комсомольской музыки Михаила Светлова, и звонкой, как армейская труба, лирики Валентина Луговского, и по-русски распевает музыку Александра Прокофьева»³³⁵.

В одной из статей Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, народный писатель Иван Петрович Шамякин дал высокую оценку его творчеству: «Валянцін Лукша надзвычай тонка адчувае свайго чытача. Яго чытач – юнак, які ўступае ў жыццё і востра і глыбока задумваецца над

³³³ Лукша, В. І родны дом, і цэлы свет: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 2006. – С. 20.

³³⁴ Там же. – С. 18.

³³⁵ Мартинович, А. Бригантины белое крыло. О поэте Валентине Лукше / А. Мартинович // Детская литература. – 1985. – № 10. – С. 20.

тым, што акружае яго сёння, чым жывуць блізкія і сам ён, і над тым, што яго чакае ў будучым, якой ідэі прысвее ён свае жыццё».

Ярким свидетельством вышесказанному – объемистая книга Валентина Лукши «І родны дом, і цэлы свет» (2006), что вышла в свет в серии «Беларуская паэзія XX стагоддзя».

Неиссякаемый интерес поэта к истории родной земли, ее самобытной культуре все настойчивей пробивал путь к истокам народного творчества – фольклору. Валентина Антоновича заинтересовали, увлекли деревенские обрядовые действия, обычаи, традиции. И здесь он нашел то, чего не замечали, чему не придавали особого значения другие художники слова. Результатом терпеливого труда стали его произведения для детей и подростков: поэма-сказка «Чароўны камень», стихи «Жаўрукова песня», «Самы каштоўны плод», «Букет незабудак», «Чалавек-пярэварачень», «Батлейка», «Цярэшка» и другие. В них немало тепла, простоты и сердечности, благородства и житейской мудрости...

Может поэтому талант замечательного писателя Валентина Лукши сегодня в одном ряду с именами самых лучших детских писателей.

Пишет он легко, искренне и ответственно, тонко чувствуя не только психологию ребенка, но и звуковую природу слова, чем и достигается главная цель – привлечь, заинтересовать ребенка книгой, а в конечном итоге прекрасным словом привить ему чувство светлое, доброе. Через занимательную и быструю смену сюжета, легко воспринимаемые ребенком рифмы и ритмы, яркими, но простыми и доступными словами он прокладывает детям и подросткам путь в сказочный, волшебный мир красоты и фантазии, добра и зла, рассказывает в доступной поэтической форме о красоте родной природы, мудрости народных примет, лечебных свойствах трав и деревьев – черемухи, калины, девясила, мяты, крапивы... Читая сказки Валентина Лукши «Нарачанская чайка», «Лёгкі хлеб», «Дубок і грыб», «Тры майстры», «Лясное рэха», «Пра хлеб», «Черные аисты», «Нищий и счастье», «Цікавы барсук», «Как лиса училась летать» и др., стихи для детей о рабочих профессиях «Мы працоўная сям'я», «Зорны гарадок», «Крылаты цэх», «Станцыя Заслонава», видишь, как в них дружно соседствуют поэт и прозаик, как один помогает другому. Через поэтические строки чувствуешь, как просветленно автор видит окружающий детей мир, в котором таинства природы оказываются по-новому удивительными, близкими и родными. В результате у ребенка с родителями (и с автором книги) идет поэтическая, познавательная, доверительная беседа.

Много добрых слов о творчестве Валентина Лукши сказал народный писатель Иван Науменко: «Валянцін Лукша стаў адным з самых яркіх пісьменнікаў, што пішуць для дзяцей. Пераход паэта ў новую якасць адбыўся арганічна, натуральна.

Паэт выдатна адчувае гукавую, музычную стыхію паэзіі, наіўную душу дзіцяці, падлетка, любіць лес, прыроду, наогул усё жывое, прыгожае на зямлі. Таму не дзіўна, што яго дзіцячыя кнігі сталі прыкметнай з'явай беларускай літаратуры». Именно такое яркое, светлое впечатление и оставляют книжки детских стихов Валентина Лукши: «Аркестр» (1972), «Зялёная бальніца» (1974), «Лета круглы год» (1978), «Крылаты цэх» (1982), «Чароўны камень» (1987), «Як ліса вучылася лятаць» (1991) и др. Заметим, что по его инициативе белорусское книжное издательство «Юнацтва» осуществило выпуск пятнадцатитомной «Библиотеки детской литературы народов СССР».

Творческий путь Валентина Антоновича Лукши, поэта, лауреата Государственной премии Республики Беларусь и литературной премии имени П. Бровки, нельзя отделить от его пути общественного. Весьма широкое поле его деятельности (литературной, издательской, общественной) было обогащено яркими встречами с российскими, украинскими писателями, литераторами Африки, Европы, Азии. Куда только не заносил его ветер странствий, рабочих поездок! Во время тех дружеских встреч с коллегами по перу обсуждались вопросы высокого

предназначения литературы, происходящих в мире и в Беларуси в частности литературных процессов, укреплялись творческие связи.

В. Лукша активно интересуется жизнью других народов, богатством других культур. Большой цикл поэтических произведений посвятил поэт Ближнему Востоку, Италии, Китаю, Египту, Финляндии. Историческая деталь, оставшаяся в памяти после посещения того или иного города, страны, даже самая незначительная, но составляющая контекст эпохи, становится источником его поэтического осмысления. К примеру, во время посещения Финляндии предметом его внимания стало творчество известного композитора Яна Сибелиуса («Айкола») и основоположника современной финской литературы Олексиса Киви («У доме-музеі Аляксіса Ківі»); в Италии – Римский Колизей, служивший амфитеатром для гладиаторских боев и других зрелищ («У Рымскім Калізеі»), и известный во всем мире миланский театр Ла Скала («Ля Скала»); в Египте – гигантские гробницы древнеегипетских фараонов, и в частности пирамиды Хеопса («Вечерам ля піраміды Хеопса») и Сфинкс в Гизе («Сфінкс у Гізе»). В тех гробницах, как точно подмечает Валентин Лукша, не только сверкание золота великого фараона, что «балюча хвошча па вачах», но и:

...Жыва бачны палюсы:

Адзін –

У золаце па глотку

Другі –

Па пяты ў рыззі.³³⁶

Фараоны, империи, колонии рабов – все это временное. Есть одна лишь константа, вечная и неизменная:

...У гэтай мітусні спрадвечнай,

Рамзес згадаў у вечным сне:

Народ,

Нібыта памяць, –

Вечны,

А фараон,

Як горка –

Не!³³⁷

Несмотря на все перемены к лучшему, которые происходят в мире, нет-нет да и взорвется то в одном, то в другом уголке планеты страшная разрушительная война, которая на современном новоязе называется локальным конфликтом.

...Я почырк пазнаю,

Іх намаганні

Сумленнае дарэшты затаптаць,

Нікчэмнасць сваіх хіжых парыванняў

Вяршыняў духу гулка абвяшчаць.

Навязваць людзям халадок сумнення,

Сумнення верыць,

Працаваць,

Любіць.³³⁸

³³⁶ Лукша, В. Агні далёкіх гарадоў: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1992. – С. 69.

³³⁷ Там же. – С. 72.

³³⁸ Лукша, В. Покліч лёсу: выбр. творы ў 2 кн. / В. Лукша. – Мінск, 2007. – Кн. 1. – С. 202.

Само собой разумеется, в этом случае писатель видит серьезные противоречия в мировом развитии и призывает людей не забывать уроки прошлого и, как поэт, в тревоге душой и сердцем за мир на земле.

Рассуждая о поэтическом мастерстве Валентина Лукши, вольно-невольно вспоминаешь слова известного советского поэта М. Светлова, который сказал: «Если человек написал хотя бы одну популярную песню, он может считать себя поэтом». А что же Валентин Лукша? Как можно рассуждать о его творчестве, если в содружестве с известными белорусскими композиторами В. Дорохиным, Л. Захлевым, А. Чиркуном им, как автором стихов, написано около шестидесяти песен, которые исполняются на всем постсоветском пространстве. И песенность эта – подчеркнем особо – идет от увлечения поэта фольклором, от того, что автор наполняет содержанием песен неисчерпаемым богатством устного народного творчества. А поэтому из-под его пера выходят произведения народные, по мотивам, языковому строю, современные по содержанию.

Первые строки в биографию поэта-песенника были вписаны на Первом Всесоюзном конкурсе советской песни, жюри тогда возглавлял Леонид Утесов, а исполнял песню «Стаяць на рэйдзе нашы брыганціны» Виктор Вуячич. Автор слов – Валентин Лукша и автор музыки – Игорь Лученок тогда только делали первые шаги в творчестве. Тем не менее, дебют оказался весьма удачным – исполнитель песни Виктор Вуячич получил первый приз.

Без преувеличения скажем, что и сегодня эта песня – гимн романтиков, первопроходцев, путешественников. И при ее романтической возвышенности, неожиданно реалистически одухотворенная:

*Стаяць на рэйдзе нашы брыганціны,
Стаяць
і морам трызняць каравелы.
І сотні вёрст,
і сотні дзён прайсці нам,
Калі яны падымуць крылы белыя.
...Прыйшлі ў свае семнаццаць
да прычала,
Прыйшлі,
на іх глядзім маўкліва, строга.
І сто вятроў
са ста дарог крычала,
І клікала далёкая дарога.³³⁹*

Радует, что в «белые крылья песенной бригантин» Валентина Лукши, как и раньше, дует только попутный ветер. Об этом свидетельствует и новый цикл песен, написанный в содружестве с Игорем Лученком («Рэха», «Песня рабочага юнацтва», «Камсамольскі гарніст» и др.), Д. Лукасом («Новаполацкая лірычная», «Песня аб Полацку», «Песня пінераў Нафтаграда»), Ф. Пыталевым («Брэсцкая крэпасць», «Жывая памяць», «А мне жонка казала»), К. Тесаковым («Квітней, Беларусь», «Беларусь мая», «Дорогая моя Беларусь», «Вячэрні Мінск», «Мінская дзявочая», «Крынічка», «Песня нарачанскіх арэжаўцаў» и др.), В. Прохоровым («Маладосць», «Па-сапраўднаму жыць»). Тесная творческая связь у поэта-песенника с Э. Носко, М. Петренко. Долгое время песня «Даўгава-Дзвіна» исполнялась ансамблем «Песняры», которым руководил Владимир Мулявин.

³³⁹ Лукша, В. Атава: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 1969. – С. 3–4.

В свое время по произведениям Валентина Лукши были поставлены радио-спектакль «Ветер века» (по одноименному роману И. Гурского), радио-опера «Барвовы золак» – версия по известной «Палескай хроніцы» Ивана Мележа, театральный спектакль «Ассоль» (по мотивам произведений А. Грина), музыкальный фильм «Беларусь мая сінявокая» (сценарий которого был написан автором совместно с Р. Бородулиным). Заметили композиторы и пьесу-сказку «Чароўны камень», драматические поэмы «Агонь і попел» (посвященную герою Гражданской войны, начдиву В. Азину) и «Падснежнікі для Веры» (о витебском периоде жизни и о смерти Героя Советского Союза В. Хоружей) и другие драматические и лирические произведения адтора.

Многие знают и любят поэзию Валентина Лукши, поскольку его стихи-размышления, стихи-впечатления предельно достоверно передают дух времени. В них и раздумья об истории Отечества, и влюбленность в Полоцкую землю, и природа Беларуси, и люди, с кем бок о бок трудился, встречался и еще один раз встретится, поскольку писатель опять в дороге, опять в пути.

*Калі пакліча лес круты за дзверы...
...Дарога паплыве перада мной.
Яна мяне нястомнасці навучыць,
Яна мяне навучыць дабрыні,
Да таямніц нязведаных далучыць,
Да прагі вышыні і глыбіні.
Яна мне шмат раскажа і пакажа,
Па казачных краінах правядзе.
Калі сляпым не буду,
Безразважным,
Ад тых не адварнуся,
Хто ў бядзе³⁴⁰.*

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Лукша, В. Гарады нараджаюцца сёння / В. Лукша. – Мінск, 1964.
2. Лукша, В. Наша, полацкая прафесія: нарысы і апавяданні / В. Лукша. – Мінск, 1966.
3. Лукша, В. Рамантыкі шасцідзсятых: нарысы / В. Лукша. – Мінск, 1967.
4. Лукша, В. Атава: паэзія / В. Лукша. – Мінск, 1969.
5. Лукша, В. Дзесяць дарог да чароўнага: нарысы / В. Лукша. – Мінск, 1971.
6. Лукша, В. Аркестр: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1972.
7. Полацк: фотаальбом / тэкст В. Лукшы. – Мінск, 1973.
8. Лукша, В. Сповідзь: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1973.
9. Лукша, В. Зялёная бальніца: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1974.
10. Лукша, В. Лета круглы год: вершы / В. Лукша. – Мінск, 1978.
11. Лукша, В. Белыя берагі: паэма-хроніка / В. Лукша. – Мінск, 1981.
12. Лукша, В. Крылаты цэх: вершы і казкі / В. Лукша. – Мінск, 1982.
13. Лукша, В. Радзімыя плямы: вершы і фельетоны / В. Лукша. – Мінск, 1982.
14. Лукша, В. Сляды памяці: вершы і паэмы / В. Лукша. – Мінск, 1985.
15. Лукша, В. Чароўны камень: вершы, казкі, паэмы, пераклады і пераказы / В. Лукша. – Мінск, 1987.
16. Лукша, В. Драматычныя паэмы / В. Лукша. – Мінск, 1989.
17. Лукша, В. Як ліса вучылася лятаць: казкі, пераклады / В. Лукша. – Мінск, 1991.
18. Русецкі, А. Яшчэ стаяць на рэйдзе брыганціны / А. Русецкі // Беларуская думка. – 2000. – № 3.
19. Русецкий, А. Еще стоят на рейде бригантины: штрихи к творческому портрету В. Лукши / А. Русецкий // Нёман. – 2007. – № 2.

³⁴⁰ Лукша, В. Покліч лёсу: выбр. творы ў 2 кн. / В. Лукша. – Мінск, 1997. – Кн. 2. – С. 3.

СЕРГЕЙ ПОНИЗНИК

С 1960 г. на страницах республиканских газет и журналов, в коллективных поэтических сборниках стали появляться стихи, статьи, рецензии совсем молодого парня из Миорщины **Сергея Степановича Познизника** (первое его стихотворение «Фестивальный праздник» («Фестывальнае свята») было напечатано в Миорской районной газете «Зара камунізму» в 1959 г.). Мало кто предполагал, что на Витебщине всходит новая поэтическая звезда, но всё последующее становление и развитие поэтики С. Познизника дали достаточное тому подтверждение.

Сергей Познизник (иногда печатался под псевдонимом С. Папар, Сергей Папар) родился 10 мая 1942 года в д. Бобышки Миорского района в крестьянской семье. Окончил Левонпольскую среднюю школу в 1959 г.; в 1959–1962 гг. учился на фельдшерском отделении Могилёвского медицинского училища, после окончания которого служил фельдшером дивизиона в одной из частей Белорусского военного округа. В 1963 г. поступил на факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. С 1967 по 1976 г. постигал азы армейской жизни в разных должностях военного журналиста (служил в Центральной группе советских войск в Чехословакии, Беларуси).

После увольнения из Советской Армии жил в Минске, работал на разных журналистских работах – редактором газеты «Вечерний Минск», редактором Гостелерадио БССР, ведущим редактором издательства «Юнацтва». С 1992 г. работал в Национальном научно-просветительском центре Ф. Скорины, исследует белорусско-латышские и белорусско-чешские культурные связи.

Говоря о «звёздности» С. Познизника, мы ничуть не ошиблись: в 1967 г. из печати выйдет первая поэтическая книга «Костры Купалья» («Кастры Купалля»); в 1972 г. – поэтический сборник «Полевая почта» («Палявая пошта»); в 1975 г. – книга лирики «Ветка надежды» («Крона надзеі»); в 1979 г. – книга стихотворений «Чело и век» («Чало і век»); в 1980 г. – в библиотеке газеты «Голас Радзімы» вышел сборник «После огненных деревень...» («Пасля вогненных вёсак...»); в 1982 г. – книга лирики «Слово для встречи» («Слова на добрыдзень»); в 1984 г. – книга стихов «Материк» («Мацярык»); в 1986 г. – стихотворная книга «Житень» («Жыцень»); в 1989 г. – книга стихов «Весло» («Стырно»).

В 1985 г. – читатели «Братского партизанского края»^{*} познакомились с первой попыткой С. Познизника в освоении прозаического жанра – была опубликована документальная повесть «Бронислава» («Браніслава»).

В 1980-е годы С. Познизник издаёт две книги для детей младшего и среднего школьного возраста: это стихотворная книга «Откуда радуга пьёт воду» («Адкуль вясёлка п'е ваду», 1981) и «Мы – грамотеи!: стихи-улыбки; стихи-потешки; прибабуны; скороговорки» («Мы – грамацеі!: вершы-ўсмешкі; вершы-пацешкі; прыбабунькі; скорогаворкі», 1989).

А ещё была большая работа по составлению и подготовке к изданию таких весьма заметных в белорусском книгоиздании книг, как двухтомная антология «Латышская советская поэзия», сборник избранных произведений М. Богдановича (на русском языке), сборник стихотворений белорусских поэтов для среднего и старшего возраста «Свободой озарится свет» («Воляй азарыцца свет»), книги исторических произведений «Отечество» («Бацькаўшчына»), книга стихов, рассказов и сказок для детей – «Парус». – Писатели народов СССР и зарубежных стран детям» («Ветразь». – Письменники народаў СССР і замежных краін – дзецям»), заме-

^{*} Наши пояснения будут чуть ниже.

чательная книга «Подорожная книжка Скорины» («Падарожная кніжка Скарыны»), посвящённая 500-летию со дня рождения великого гуманиста.

С интересом воспринимались переводы С. Понизника с латышского, литовского, украинского, чешского языков. В свою очередь, произведения С. Понизника переводились на русский, украинский, латышский языки.

* * *

На одной из встреч с читателями уже известный любителям поэзии С. Понизник неожиданно вспомнил слова матери: «Трэба з людзьмі жыць так, каб заўсёды заставаўся слова на добрыдзень». Изучение написанного С. Понизником почти за четверть века творческой деятельности (вспомним, что его первая поэтическая книга была издана в 1967 г.), его лирических произведений, книг для детей, прозы, публицистических статей показывает, что слова-напутствия стали для С. Понизника главным, определяющим принципом его литературного мастерства – каждая встреча с читателем была искренней, открытой и интересной, приглашая его к постижению Прекрасного и Доброго. Читая стихотворение за стихотворением, начинаешь понимать, что, несмотря на тематическое многообразие поэтики, перед тобой не разрозненные стихи и книги, а размещённые во времени части одной большой поэмы, наполненные и обогащённые поэтическим и песенным народным творчеством, этнографическими элементами. При этом народное устно-поэтическое наследие и этнография не калькируется, не повторяется, а используется в самых разных ипостасях – тематических, образных, композиционных. Наиболее яркое выражение подобная диалектика находит в образе Родины, в безграничной любви к родному краю, его природным красотам, богатой драматическими и трагическими событиями более чем тысячелетней истории. Высокороднейшее чувство любви к родной белорусской земле закрепляется в романтизации самого образа Беларуси. Уже в первом поэтическом сборнике «Костры Купалья» читаем такие строки: «На Беларусі сінеюць азёры, над Беларуссю – сінія зоры. Вечар агністы, у паўнеба світанне. Тут з маёй доляй вячыстай спатканне. Над Беларуссю – сярэбраны ветах, і Беларусь мая – папараць-кветка».

Пожалуй ни у одного автора – уроженца Витебщины, мы не найдем такого глубокого художественного осмысления и образного выражения принципов народного общежития, сложившегося в небольших городах, местечках, маленьких деревнях и закреплённых в местной народной традиции и устном поэтическом творчестве. Миорско-Верхнедвинско-Освейский край – это не просто запомнившиеся с детства и постоянно притягивающие к себе поэта места, это ещё и сыновняя дань памяти и погибшим и тем, кто выжил здесь в суровые годы Великой Отечественной войны. Поэтому практически в каждом поэтическом сборнике есть произведения, пронизанные чувством памяти о героике жизни людей этого неповторимого края. Назовём лишь несколько стихотворений, на наш взгляд, в самой открытой, самой эмоциональной форме, раскрывающих душевное состояние поэта, стремящегося в родные места. «Речушка, ручеёк и мостик...» («Рачулка, ручаіна і масток...»), «Гармония» («Гармонія»), «Музыка вечера» («Музыка вечара»), (сборник «Материк»), «Обратный путь» («Вярталны шлях»), «Дорога сына» («Сцежка сына»), (сборник «Чело и век»), «Туча ржи» («Журбота жыта»), «Леонполь» («Лявонполь») (сборник «Стырно»)*. Вот, к примеру, несколько строк из стихотворения «Возвратный путь» («Вярталны шлях»):

* По С. Понизнику: «стырно» («стырна») – игра слов. В переводе с латышского – «косуля».

*Я тым шчаслівы,
што любоў-заблуду
праз межы і праз ростані пранёс,
ніхто ў мяне ў дарозе не застрашыў
вяртальныя шляхі свае любіць:
бо так хацеў
азёраў, рэчак нашых
у кожным вершы берагі глыбіць
і не забыць
(а мог жа вырай дальні)
пароль: «Радзіма, я – Вяртальны».³⁴¹*

И ведёт путь поэта не просто на широкое Придвинье, к местам босоногого детства – деревням, урочищам Леонполь, Заборка, Бобышки, Гороховка, Леоново поле, Еловый ток, маленьким речушкам Миорице, Волте, но и к местам, оставшимся в юношеской исторической памяти – Миоры, Верхнедвинск, Освея. А рядом с «малой Родиной» – древний Полоцк с его богатыми историческими традициями, его легендарно-героическими образами-героями. Вот, они подтверждения: Седьмой абзац лирического повествования «На незаколдованной земле» («На несурочанай зямлі»):

*А ты, Прадслава, асвятіла
не толькі палачанскі край.
І калі б быў у бога рай –
Па ім, напэўна, ты б хадзіла.
...Стагоддзяў замірае мова
ля гулкіх помнікаў такіх.³⁴²
(«Ля Полацкіх фрэсак»)*

*...Не дазволіць сёння Век Вялікі
Забыцця, пагарды ці маны...
Залатыя купалы Сафійкі
Не пацьмянуць у вачах Дзвіны.³⁴³
(«З глыбіні вякоў»)*

*Ведаў Скарына летапіс
нашага роднага Полацка.
Веру яго запавету:
Кнігі і ласка – помняцца!³⁴⁴*

*З-пад сонечных вежаў Полацка
попел стагоддзяў спадае –
на брук на сляды Скарыны,
на нашу змагарную памяць
«Спачуванне і справядлівасць»...**

³⁴¹ Панізінік, С. Мацярык / С. Панізінік. – Мінск, 1985. – С. 7.

³⁴² Панізінік, С. Чало і век / С. Панізінік. – Мінск, 1979. – С. 38.

³⁴³ Там же. – С. 45.

³⁴⁴ Панізінік, С. Мацярык / С. Панізінік. – Мінск, 1985. – С. 21.

* Гуманные лозунги панской инквизиции, которые должны быть «привиты» и на белорусской земле.

*Якімі святымі маглі быць
гэтыя словы.³⁴⁵*

И в сборнике «Стырно» – последней поэтической книге в белорусской советской литературе – С. Понизник напишет:

...І не Андрэ конніцу
напоіць памяць Полацка, –
а тых, хто будзе жыць,
чый конь не раскупоніцца...
І Беларусь – нястомніцай! –
пачне вякам служыць
...Паклон палону Полацка.
Іду цяпер не вобмацкам,
А замак? Памянём,
Хто помніць, той і помніцца.
Радзіма – гэта Поўніца,
палітая агнём.³⁴⁶*

Поэтические сборники С. Понизника пронизаны памятью о великих песнях Беларуси, уважением и почитанием, пониманием значимости их поэтики для формирования национального самосознания, непреходящего знания их творчества для становления белорусской советской литературы.

У С. Понизника такое обращение, на наш взгляд, выглядит как стержневая линия его поэтики, как постоянная потребность сверять свои мысли, чувства, своё творческое кредо с поэтическим мастерством Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, других известных авторов. А потому читателю системно и последовательно предлагаются произведения так или иначе связанные с житнетворчеством белорусских классиков. К примеру, в книге стихов «Чело и век» – это обращение к Вязынке («В Вязынке» – «У Вязанцы»: «Спавязала Вязынка пагоркі, каласіцца цішыня... І пачуем: лета закувала з гарадзішча даўняга, з гарбоў: трапяткой жалейкаю Купала абуджае светлую любоў...»), размышления над встречей Я. Коласа и Я. Купалы («Встреча Коласа и Купалы» – «Сустрэча Коласа і Купалы»: «Два дзецюкі пад страхой саламянаю на лавы за шырокім сталом паселі»); и посвящение дядюшке Юзику, брату Коласа («Миколаевщина» – «Мікалаеўшчына»: «**Так было нялёгка ў дарозе, о радзіма, для твайго ганца: берагчы, як слова, завет; прылучаць да слова новы свет** (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), – каб радзімы каласіўся колас») в книге «Материк» – это связка из шести стихотворений («Денница Купалы» – «Дзянніца Купалы»: «Тут вершамі быў заселены бераг геаграфічны. А мы табою засеяны, Іван Дамінікавіч. ...Духам зямлі настое-на песня не занядбалая... З якой бы жылі мы доляю, калі б не было Купалавай?»), воспоминания о Королищевичах («Королищевичи» – «Каралішчавічы»: «Тут, за мяжою горада, ходзяць грыбы па глінішчы. Дзядзькі Якуба лагода – Каралішчавічы»); в книге «Весло» – размышления о купаловской «Вязынке» («Вязынка. Июль» – «Вязынка. Ліпень»: «Дзяця пайторыць словы маці –

³⁴⁵ Панізнiк, С. Мацярык / С. Панізнiк. – Мiнск, 1985. – С. 24–25.

* В 1386 г. полоцкий князь Андрей Полоцкий во время междоусобной войны сжёг замок летописного города Дрисса (Одрысь).

³⁴⁶ Панізнiк, С. Стырно / С. Панізнiк. – Мiнск, 1989. – С. 95–96.

і менавіта наша не прапала! І каб душа не заскарузла – вандруе ён з утомным грузам: на свеце цяжка быць Купалам – паэтам, сынам, беларусам»).

Купало-колосовскую летопись С. Понизник дополняет посвящениями другим белорусским знаменитостям – Пимену Панченко («Над книгой П. Панченко» – «Над кнігай П. Панчанкі»), Василю Быкову («В Гродно» – «У Гародні»), Петрусю Бровке («Поэт Красной Полотчины» – «Паэт Чырвонай Полаччыны»), Владимиру Короткевичу («Дида времени» – «Дзіда часу»), Владимиру Дубовке («Владимир Дубовка» – «Уладзімір Дубоўка»). Тёплые слова нашлись у С. Понизника и для Миколы Гусовского, Павлюка Багрима, Винцента Дунина-Мартинкевича, Матея Бурачка, Кастуся Калиновского, Сергея Полуяна, Кириллы Туровского и Зоськи Верес, самобытному художнику-земляку Язепу Дроздовичу, певице Марии Пархоменко, художнику Василию Телешу, композитору Людмиле Шлег и другим авторам. Заметим, что стихотворения-посвящения С. Понизником адресованы не только деятелям художественной культуры. Есть все основания утверждать, что это направление в поэтике С. Понизника является одним из важных. Особенно показательным в этом плане является его последний в белорусской советской литературе поэтический сборник «Весло». Здесь читатель найдёт строки, посвящённые солдату-земляку Андриану Кисляку, уроженцу Миорской деревни Бобышки, мобилизованному в Советскую Армию в 1944 г. (После освобождения Беларуси от оккупантов. – А.Р., Ю.Р.) и закончившему войну на земле Чехословакии («Волочёбник» – «Валачобнік»), воину-интернационалисту, уроженцу Миорского Леонполя Анатолию Морозу, погибшему в 1936 г. при защите Мадрида во время войны в республиканской Испании («За свободу» – «За волю»), участнику движения Сопротивления во Франции, члену Политбюро ЦК Польской рабочей партии, уроженцу тех же Бобышек Александру Понизнику («Француз» – «Француз»), бывшему бойцу Россонской партизанской бригады имени Сталина, Заслуженному учителю БССР Павлю Мартинято, долгое время после войны работавшему в школах Миорского района («Идёт урок» – «Ідзе ўрок»), уроженцу Миорского хутора Дубовое, участнику Сталинградской битвы Виктору Понизнику («Дядюшка Виктор из хутора Дубовое» – «Дзядзюшка Віктар з хутара Дубовае»), матери девочки насильственно вывезенной из концлагеря Саласпилс в Германию, а затем переправленной в США и заявившей о себе только в 1960 г., уроженке Россонской деревни Клястицы Анны Деменщёнок («Полнеба надежды» – «Паўнеба надзеі»). А ещё в поэтическом сборнике «Материк» стихи были посвящены узникам концлагеря Саласпилс Юзефе Кадаш, прошедшей и сам Саласпилс, и Майданек, и Равенсбрюк («Освея» – «Асвея»), и бывшей узнице Саласпилса, спасённой рижанкой Л. Зиедыныш Тамаре Шутко («Границы сердца» – «Рубяжы сэрца»). Есть посвящения сестре Нине, можно прочитать и другие строки. Привлекает то, что для стихотворных посвящений у С. Понизника находятся самые проникновенные, самые душевные слова, позволяющие видеть не только поэтическое мастерство, но и понять мировоззренческую позицию, ощутить сложность и противоречивость складывающейся новой духовно-нравственной атмосферы, которая во второй половине 1980-х годов перед каждым автором открывала неожиданно новые темы и предлагала ему определить своё место в ситуации, открывающей широкий поэтический простор для утверждения в каждом человеке исторического и национального «я».

В 1980-е годы в творчестве С. Понизника находят подтверждение сформулированные им самим же творческие требования. По Понизнику, поэт становится явлением искусства, если он «нясе на сабе адметны адбітак самабытнасці, харошай творчай сканцэнтраванасці, гэта значыць мае не толькі над сабой, але і ў сабе трывалую аснову, той асяродак, на якім трымаецца аўтарская задума,

што з'яўляецца вытокамі унутранага руху яго думкі».³⁴⁷ Для паэта становіцца очевидным, што толькі прывязаннасць к роднай зямлі, преданнасць тым злучэнням іхнага дня, неразрывная сувязь родіцельскага і сыновняга, асабістага і агульнага, можа стаць невідзімой, но сувязуючай нітцой, котрая пазваляе прывярнуць адрозныя вершы ў тую жывую арганізм, іменуемую кнігай. І ў такой кнізе, на наш выгляд, заўсёды будзе месца вершам з такіх вершыц, як «Асвеа» («Асвеа»):

*...Неба Асвеі
ніхто не акліў,
і за святую мне –
цётухна з Росіцы.
Слаўная доля ў народа,
калі,
як у малітву,
прызнанні ўсе просяца.
Голаў схіляю
да самай зямлі –
да вугалінак
адроджанай Росіны.³⁴⁸*

«На свабоду»:

*...Мястэчка Лявонпаль.
Пад зоркай –
радамі – імёны салдат.
І кожнаму школьніку горка:
так многа кароценькіх дат.*

*На Дзень Перамогі акрайцам
частуюць тут памяць вайны.
І толькі магілы «іспанца»
няма ля вясенняй Дзвіны.*

* * *

*Змяняюцца пазіцыі, сімпатыі...
За мір Еўропа галасуе дружна.
Што на крыві – нязменная, непарушная.
Свабода – кроў: адно другога варта.
Бяспамяцтва і памяць – сілы ўпартыя.*

*І школьнік прачытаць яшчэ павінен:
«Мароз А.М. Вярнуўся на Прадзвінне.
Баец Камуністычнай партыі.³⁴⁹*

«Дядюшка Віктор из хутора Дубовое»:

*...Знай: толькі спадчына душы
аберагае ад іржы*

³⁴⁷ Віцебскі рабочы. – 1982. – 12 жніўня.

³⁴⁸ Панізінік, С. Мацярык / С. Панізінік. – Мінск, 1985. – С. 10.

³⁴⁹ Панізінік, С. Стырно / С. Панізінік. – Мінск, 1989. – С. 109–110.

тваю зямлю і твой народ.
Зямля снягоў, вясна ільдзін.
Зямля бароў. Зямля дарог.
Ад'едзем... Толькі ён адзін
зноў упіраецца ў парог.
Дзе сілы ўзяць зямлю трымаць
яму,
мне
і табе?
Няхай хмурынкі на ілбе
сканала не крычаць:
Радзіму можна зноў пачаць
са Слова. А яго пячаць –
на дзядзькавым гарбе.³⁵⁰

«Здольшчына»:

...Пад Асвейскай трагедыяй* зрушаны
нетры Памяці.
Не вярнуць
дзетак спаленых і задушаных,
і прададзеных, і раструшчаных...
Столькі лёсаў тут перакручана...
Не разгледзець, не прыгарнуць.

...Сакавік: то адліга, то замаразь.
А вясна – падымала раку...
...Паўстаюць успаміны, як запаведзь:
«Гэта было ў сакавіку...»
Дні Асвейскай трагедыі звераны.
Непакорнымі мы былі!
А бяспамяцтва выклятым зверам
так і ходзіць яшчэ па зямлі.
Прыглядайцеся, людзі харошыя,
і найперш да сябе, да сябе».³⁵¹

и др.

В обращении к прошлому поэт ищет истоки происходящего, нового, перестроечного общества; соединяя воедино и далёкое и недалёкое прошлое с событиями, захватившими общественное и художественное сознание второй половины 1980-х годов, поэт стремится к глубокому осмыслению собственных переживаний, усиливает аналитическое и публицистическое начало в поэтических исканиях (одно из стихотворений так и называется «Перестройка»), остро чувствует свою ответственность за тревоги и заботы современников, оказавшихся в

³⁵⁰ Панізінік, С. Стырно / С. Панізінік. – Мінск, 1989. – С. 117.

* В публицистической статье «Освейская трагедия» писатель Алексей Толстой заявил: «В страшную пустыню превратился этот красивый уголок земли белорусской. В нём нельзя узнать бывший чудесный озёрный край, щедрый и богатый. Всё, что долгие годы создавали здесь освейские колхозники, погибло под тяжёлым сапогом немецких карателей-оккупантов».

³⁵¹ Панізінік, С. Стырно / С. Панізінік. – Мінск, 1989. – С. 120–121.

непривычно-неожиданных условиях смятения в умах и мировоззрении. Стихи С. Понизника – не просто фиксация происходящих в обществе событий, это достаточно сложный и трудный процесс, в котором постепенно и будто бы незаметно снимается черта между человеческим сознанием и действительностью, и в результате динамичная и противоречивая картина реальной жизни становится мотивом к духовному развитию личности. Сохранённое – не оставляйте – и творческая позиция, и духовность, и пафосность:

*...Каб ні зласліўцы, ні плеткары
у словы
не падлівалі ачмурэлы яд,
каб светлыя, харобрыя галовы
вялі вас за нязнаны далягляд.
Хай сціхне пыха,
і хай скісне брага,
а подласць вашых не кране
граніц!
Бо можна жыць адною
толькі прагай –
да чысціні нязрушаных
крыніц.³⁵²*

И всё же, несмотря на широкое использование и осмысление общественно-значимых проблем, темы Отечества, «малой Родины», их богатой истории, С. Понизник – поэт-лирик. Его поэзия мягкая, тонкая, успокаивающая, без философской заумности. Философские мысли предлагаются читателю не в форме сентенций и надуманных (и чаще всего уже известных!) построений, а вытекают из сущности описываемых поэтом событий и явлений. Как, к примеру, в стихотворении «Давайте разведём сосновый бор!» («Давайце развядзём сасновы бор!»), в котором видны раскованность мысли поэта, широта его мировосприятия, глубина постижения жизненных реалий. Приведём его полностью:

*Давайце развядзём сасновы
бор!
Нічога,
што пясчаная зямля, –
хай сосны сокі дастаюць з
глыбінь.
І тут аселяцца чабор і верас,
а сосны падрасуць –
баравікі
укленчуць у малітве лесавой.
Па-свойму
кожны будзе ўслаўляць
той край,
што даў ім сілу
і нязломнасць.
Бо вечная карміцелька-зямля
гадуе іх і корміць з*

³⁵² Панізінік, С. Слова на дабрыдзень. Лірыка / С. Панізінік. – Мінск, 1982. – С. 47.

малалецтва...
Давайце развядзём сасновы
бор!
(Сборник «Костры Купалья»)

А вот как читаются, на наш взгляд, пронизанные и любовью к родным местам, и глубоко-личностным проявлением чувств, и простым видением, казалось бы, привычных, повседневных явлений стихотворения «Праздник яблук» («Свята яблыкаў»):

*Дзень свята яблыкаў – прыкмета,
што хіліцца да долу лета.
У спеласці і на дазволе
вісяць сакоўныя плады.
Вясёлы вецер на прыволлі
гайдае сад сюды-туды.
Час вольнавейны, час бязмежжа,
маліннік нам, што Белавежа,
і плот – глухою абаронай...
Хрумсціць наліў, і светлы сок
на грудзі капнуў, на пясок –
і ў жніўня падае карона.*
(Сборник «Чело и век»)

и «Черёмуховые холода» («Чаромхавыя халады»):

*Зной зорка свіціцца-дрыжыць.
У золкай смузе – гарады...
Іду памагчы перажыць
чаромхавыя
халады.*

*Для зёлак, для птушак, для нас –
як рэха далёкай бяды –
прыходзяць зайсёды не ў час
чаромхавыя
халады.*

*І сонца нявыспелы круг
баіцца туманнай слаты...
Але нас не выстудзяць, друг,
чаромхавыя
халады.*

*З табой цеплыню зберажом –
і зной усміхнуцца сады,
і некалі ўспомніць наш дом
чаромхавыя
халады.*

(Сборник «Материк»)

Содержательной и интересной, наполненной натуральностью интонаций выглядит любовная лирика поэта. В каждом из поэтических сборников читателю предлагаются произведения, которым присущи искренность чувств, высокий драматизм, тонкость в исследовании неуловимых сдвигов человеческой души.

Стихи С. Понизника о любви будто пронизаны солнечным светом, то вспыхивающего ярким пламенем в момент душевного напряжения, то приглушённого, когда дело доходит до длительной разлуки или расставания. Как правило, все они насыщены, окрашены красотами родной природы, улавливаемым лишь тонким поэтическим мастерством. Здесь и «дні з бусліным клёкатам», «і музыка сіняга вечара», и «водсвет Нарачы, шум Белавежы, звон ласкавых пастаўскіх азёр...». Даже дожди – эти вечные спутники влюбленных у поэта кристально искрятся, наполняя их души уверенностью и спокойствием: «У маіх дажджоў – свая вясёласць», – пишет С. Понизник. Своё отношение к любовной лирике, на наш взгляд, поэт с лёгким налётом юмора изложил в стихотворении «Когда писать поэтам о любви?» («Калі пісаць паэтам пра любоў?»):

*Тады, калі любоўныя запіскі,
падобныя на крылы галубоў,
а голубы так блізка, блізка, блізка.*

Калі пісаць паэтам пра любоў?

*Тады, калі глядзяць на іх дзяўчаты,
і тузаюцца хлопцы каля хаты,
і вырастаюць гузакі з ілбоў.*

Калі пісаць паэтам пра любоў?

*Ва ўсе гады, якія перад шлюбам:
пасля – таксама: музыка ля клуба,
а ў парку столькі дзетак, як грыбоў.*

Калі пісаць паэту пра любоў?

*Адны гавораць, што – пасля разводу.
І сябра радзіць: «Ты падзьмі на воду.
Ні бюста ні было ў той, ні клубоў...»*

Калі пісаць паэтам пра любоў?

*Тады, калі прыходзяць спасцяжэнне:
Любоў – усенароднае рушэнне
на сексуальна збэшчаных клапоў.³⁵³*

И, конечно же, военный журналист С. Понизник не мог оставить без поэтического внимания такую тему, как солдатская служба. Нелёгким солдатским будням посвящён поэтический сборник «Полевая почта», в котором на первый план выступает «публицистически заострённый монолог нашего современника» (А. Мартинович). Специальный цикл «Район учения» вводит читателя в повседневность армейской службы, позволяет прочувствовать и понять чувства и состояние – нравственное, психологическое молодых солдат и офицеров, которые

³⁵³ Панізінік, С. Стырно / С. Панізінік. – Мінск, 1989. – С. 83.

цементируются и укрепляются в суровой службе, благодаря постоянной памяти солдата о родной земле, отцах, матерях, их постоянному вниманию к сыновней солдатской службе. И эта сыновья любовь снова и снова ведёт бывшего офицера, журналиста, поэта в родные Миорско-Освейские места, тот партизанский край, в котором сопротивленческое движение фашистам фиксировалось иногда достаточно поверхностно, иногда субъективно. А в памяти поэта постоянно видится сгоревшая Освея, выжженный советский край, детский лагерь смерти «Саласпилс».

В 1985 г. С. Понизник издаёт документальную повесть «Бронислава», явившуюся итогом его встреч с родившимися под небом Освеи очевидцами тех трагических событий, теми, кто прошёл круги ада Саласпилса, Майданека, Освенцима, Равенсбрюка, навечно сохранив память о людских мучениях, память, ставшую для них постоянной и невыносимой болью. Несколько лет шла подготовительная работа – пройдено сотни километров, состоялось множество встреч с очевидцами Освейской трагедии, изучены архивные документы, записаны страницы «великой памяти народной». И вот она – документальная повесть «Бронислава», книга, рассказывающая о жестокости оккупантов в Братском партизанском крае,* о дружбе белорусских, русских, латышей, объединившей их усилия в спасении маленьких вязней Саласпилса. Без преувеличения можно говорить о том, что «Бронислава» воспринимается, как продолжение книги-документа «Я из огненной деревни» А. Адамовича, Я. Брыля и И. Колесника.

Против партизанской «державы» немецкое командование направило крупные карательные силы, выполнявшие приказ фюрера – превратить советскую землю в пустыню. Вот они ужасные цифры: за годы войны в Верхнедвинском районе уничтожено 11283 человека, 14175 человек было вывезено в Германию (почти все они прошли Саласпилс).

В «Брониславе» всё базируется на документальных материалах: здесь и фактографический экскурс в историю партизанского движения Братского края, и рассказ об Освейских Хатынях, и воспоминания людей, переживших ужасы фашистских концлагерей, и голоса людей разного возраста, среди которых особенно пронзительно звучат голоса женские. Заметим, что женские свидетельства являются преобладающими. И это обоснованно – ведь карательные гитлеровские экспедиции реализовали политику геноцида, главным образом, на мирном населении.

Главной героине повести Броне – Брониславе в 1943 г. было только семь лет, к моменту выхода книги – почти 50. У неё в Риге была семья, взрослая дочь, которую Бронислава вместе со своим мужем Янисом иногда привозила в Саласпилс на место своих мучений. Пересказать книгу С. Понизника невозможно – очень жёсткими выглядят записанные воспоминания очевидцев. Правильнее было бы назвать не «воспоминания», а обвинения человеконенавистнической идеологии фашизма, которые вполне могли бы дополнить материалы Нюрнбергского процесса.

Убедительной выглядит и оценка «Брониславы», которую дала ей литературовед Г. Творонович: «Кнігу Сяргея Панізініка характарызуе шчырасць, даверлівасць споведзі. «Браніслава» сціпла адрасавана чытачу сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту. Аднак гэта кніга для кожнага, каму баліць трагедыя народа, зведаўшага амаль на сярэдзіне нашага цывілізаванага стагоддзя самы жорсткі, бязлітасны генацыд. Кніга – удзячная памяць пра чалавечную дабрыню і пра зло нелюдзяў, напамнім пра тых, што гэтае зло не павінна паўтарыцца».³⁵⁴

* Братский партизанский край находился на северо-западе Советской Беларуси и включал в себя Россонский, Освейский, Дриссенский (сейчас два последних составляют Верхнедвинский район), большую часть Полоцкого района в Беларуси. Себежский и Идрицкий районы РСФСР, прилегающие районы Латвии. Общая площадь края составила около 10 тыс. кв. км, на этой территории проживало более 100 тыс. человек. На охране его рубежей стояло 15 тыс. партизан.

³⁵⁴ Тварановіч, Г. Вызваліць памяць / Г. Тварановіч // Маладосць. – 1987. – № 4. – С. 173.

Книга для детей младшего школьного возраста «Откуда радуга пьёт воду», изданная в 1981 г., стала первой пробой пера С. Понизника в детской литературе. И, как оказалось, впоследствии пробой весьма удачной. Несмотря на большой тираж (80 тыс. экземпляров), она не залежалась на магазинных полках. И дети, и родители с интересом знакомились с приключениями маленьких Андрейки, Веронички-клубнички, Галинки, которых во всём сопровождал смешной дедушки Бай, создатель и толкователь всех детских сказок и басен. Вот он покупает Андрейке новые ботинки, вот рассказывает басню про кота, считает диких зверей в пуще, отправляет шуточные телеграммы, убеждает детей в том, что каждый из них, если очень захочет, сам может сложить сказку. И уже не Андрейка, а Михалка со своими друзьями пытаются узнать «Откуда радуга пьёт воду?». И помогают им в этом «мастак з мальбертам у берэце», «дзядзька ў акулярах», которые также оставляют вопрос открытым:

*...І я ўзятай
Высока ў марах,
Глядзеў удалеч
З-над рукі.
Надзею меў,
Што ўбачу,
Адкуль
Вясёлка п'е
Ваду.
Адкрыў мне
Таямніцы
Час.
Чакайце –
Дасць і вам
Адказ.³⁵⁵*

Книга «Мы грамотеи», адресованная детям и юношеству, вышла в свет в 1989 г. и была подписана одним из псевдонимов автора – Сергей Папар. Герои книги – грамотеи. Как об этом говорится в аннотации «не скрывают того, что кроме любителей книг и любителей чтения есть и нелюбители того и другого. Любители бросают рыцарский вызов «супостатам» книги, неграмотеям, сочиняют «самую грамотную грамоту», берут себе на службу Буквицу, Восклицательный знак, Запятую, Точку и становятся Разноцветными Книжниками, чтобы охранять 12 Грамот – все 12 месяцев. И помогают им в этом «помесячном» путешествии «добрый зверь Гур-Гор», волшебное перо птицы желны, тепло первых весенних дней, росинка и жучок, страна Бегемотия, щучий зуб мудрости и многие другие сторонники «Грамотеев». И, конечно, адресованное детскому читателю «слова роднае» Витки и Зуёнка, Бородулина и Бичель-Загнетовой, Панченки и Саченки, Вольского и Матяш... Юные читатели встретятся со старым знакомым Баем, раком Рекой-недореккой, петухом Кукарекой, узнают, что такое «прибабульки» («Песня, казка не ўмірала: іх – ад мамы – я ўбірала; брала мудрасць ад бабулькі; прымаўкі і прыбабулькі, і выслоў, і пацешкі лезлі ў кош, як сыраежкі»), станут участниками школьного вечера «Грамотеев», придут к пониманию того, что они вырастут и в Двадцать первом столетии скажут:

³⁵⁵ Панізінік, С. Адкуль вясёлка п'е ваду / С. Панізінік. – Мінск, 1981. – С. 16.

Толькі мір
Зямлю
Убараніў!
І ў магутным хоры
Быў наш голас:
«Не тушыце сонца для дзяцей!»
З нас, зярнятак,
Вырастае колас –
Колас міру, сонца і надзей.
Будзь,
Зямля,
Калыскаю
Людзям.³⁵⁶

Звучит несколько публицистично. Но детское обращение – это призыв к утверждению гуманизма как основного правила человеческого общежития.

Творческая, главным образом, научно-исследовательская деятельность С. Понизника продолжается и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панізінік, С. Кастры Купалля: лірыка / С. Панізінік. – Мінск, 1967.
2. Панізінік, С. Палявая пошта: вершы / С. Панізінік. – Мінск, 1972.
3. Панізінік, С. Крона надзеі: лірыка / С. Панізінік. – Мінск, 1975.
4. Панізінік, С. Чало і век: кніга паэзіі / С. Панізінік. – Мінск, 1979.
5. Панізінік, С. Пасля вогненых вёсак... / С. Панізінік. – Мінск, 1980.
6. Панізінік, С. Адкуль вясёлка п'е ваду / С. Панізінік. – Мінск, 1981.
7. Панізінік, С. Браніслава: дакументальная аповесць / С. Панізінік. – Мінск, 1985.
8. Панізінік, С. Мацярык: кніга лірыкі / С. Панізінік. – Мінск, 1985.
9. Панізінік, С. Жыцень: вершы / С. Панізінік. – Мінск, 1986.
10. Панізінік, С. Стырно: вершы / С. Панізінік. – Мінск, 1989.
11. Панізінік, С. Мы – грамацеі: вершы-ўсмешкі; вершы-пацешкі; прыбабунькі; скарагаворкі / С. Панізінік. – Мінск, 1989 (пад псеўданімам Сяргей Папар).

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ

...ён (Г. Пашков. – А.Р., Ю.Р.) увайшоў у беларускую паэзію молада і ўпэўнена. Усе заўважылі яго звонкі, чысты голас, поўны захвалення цяжкім і складаным, але такім цудоўным жыццём.

П. Панчанка

В 1975 г. любители белорусского поэтического слова и специалисты-литературоведы познакомились с поэтическим сборником «Кленовик» («Кляновік») начинающего поэта Геннадия Пашкова. Хотя это была первая проба сил, «Кленовик» привлек внимание читателей, получил положительные рецензии. Критики, в большинстве своём, поддержали творческие искания молодого поэта, называя книгу приятным явлением в белорусской поэзии (М. Хведорвич).

³⁵⁶ Папар, С. (Панізінік С.С.). «Мы – грамотеі» / С. Папар (Панізінік С.С.). – Мінск, 1989. – С. 46.

Пашков Геннадий Петрович родился 23 марта 1948 года в деревне Липовичи Чашникского района в семье сельской интеллигенции (отец был председателем колхоза, мать работала учительницей). В 1953 году семья Пашковых переехала в д. Войстом Сморгонского района, что на Гродненщине. Здесь будущий поэт и журналист окончил среднюю школу, отсюда в 1966 г. поступил на факультет журналистики Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. В составе студенческого строительного отряда выезжал на новостройки Казахстана.

После окончания университета работал на Белорусском радио, в журнале «Полымя», в Центральном Комитете КПБ, заместителем главного редактора журнала «Театральная Беларусь». В настоящее время главный редактор издательства «Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки».

Начало своей литературной деятельности Г. Пашков относит к 1967 г., когда в коллективном поэтическом сборнике «Вдохновение» («Натхненне») были напечатаны его первые стихи «Притаились лес и земля» («Затаіліся лес і зямля»), «Стремимся мы к реке...» («Імчаць нас да ракі...»). Рассказывая о своих начальных исканиях в поэзии, Г. Пашков однажды заметил: «А ўвогулле першыя вершы я надрукаваў у раённай газеце, калі вучыўся ў дзевятым класе. Гэта для мяне была вельмі прыятная падзея. Бо ўбачыць упершыню свой верш надрукаваным – тут не хопіць слоў выказаць тыя свае далёкія пачуцці, узрушанасць»³⁵⁷ (стихи были напечатаны и в коллективном сборнике молодых университетских поэтов «Взлет» («Узлёт»). Казалось, путь в поэзию открыт. Однако понимание личной ответственности за поэтическое слово не просто сдерживало творческие амбиции, но и требовало выработки собственного творческого стиля, тематической определённости, образных и ритмико-интонационных приёмов и средств. Поэтому и понадобилось восемь лет, чтобы поэтические наработки объединить в первую книгу «Кленовик», открыв её стихотворением-обращением к родной земле:

*Да кожнай тканачкі
Я твой.
Твой боль – мой боль,
Сухмень ці лівень.
Прашу цябе, зямля,
дазволь
быць каласком
у роднай ніве.³⁵⁸*

(«Зямля...»)

И родная земля не отказала ему в этой просьбе, обогатив при этом большим жизненным опытом, наблюдательностью процесс создания лирического образа героя, умеющего понимать и осмысливать события и явления противоречивой действительности. Во второй половине 1970-х – 1980-е годы из печати одна за одной выходят поэтические книги Г. Пашкова – «Дистанция опасности» – «Дыстанцыя небяспекі» (1979), «Гравюры дорог» – «Гравюры дарог» (1981), «Землю слушаю» – «Зямлю слухаю» (1983), «Монолог на кострище» – «Мана-лог на кастрышчы» (1986), «Девочка с голубым мячом» – «Дзяўчынка з блакітным мячыкам» (1986), «Люблю, надеюсь, живу» – «Люблю, спадзяюся, жыву» (1990), книга избранных произведений «Шаги» – «Крокі» (1988). За временными границами нашего исследования (т.е. после 1991 г.) из печати выйдут

³⁵⁷ Центральная газета. – 1998. – 20 сакавіка.

³⁵⁸ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 7.

ещё одна книга Г. Пашкова «Птичь. Стихотворения». В 1980 г. за книги поэзии «Красный жаворонок» – «Чырвоны жаваранак» (издана в 1977 г. в Москве на русском языке) и «Дистанция опасности» был удостоен премии Ленинского комсомола Белоруссии.* А ещё были переводы на белорусский язык произведений русских, украинских, азербайджанских, армянских, таджикских, латвийских поэтов. В свою очередь, поэтические произведения Г. Пашкова переведены на русский, украинский, литовский, таджикский, туркменский, киргизский, английский и болгарский языки.

Что же характерно для поэтики Г. Пашкова? Попробуем ответить на этот вопрос в предлагаемом читателю небольшом исследовании.

Уже в первом поэтическом сборнике «Кленовик» поэт продемонстрировал умение быть откровенным, донести до читателя собственное понимание и прочтение таких классических понятий (в их новом прочтении. – А.Р., Ю.Р.), как Земля, Родина, Мать, Любовь, Жизнь, Дитя, ... и умение в строке выразить собственные впечатления через простые и выразительные сравнения, часто встречающиеся в народном творчестве. Не претендуя на широкие поэтические обобщения, автор сборника рассказывает обычные жизненные истории, представляя читателю возможность вместе с ним и его лирическим героем понять и осмыслить повседневность бытия. Как покажут последующие поэтические искания Г. Пашкова, ему наиболее удаются произведения, в которых поэт идёт от собственного опыта, от увиденного, пережитого и осмысленного, от того, что он хорошо знает и уверен, что поэтические строки найдут понимание у белорусского читателя. И, думаем, читателям пришлось к душе и сознанию строки из стихотворения «Отец» («Бацька»). Налицо, не только собственные эмоции («пра сорок восьмы – дату нараджэння – знямоглае, шчаслівае ласё між прагных траў і смяглага карэння», пра «крокі бацькавы, мароз паланны пах салдацкай гімнасцёркі» і як світалі ад бяроз бацькавых «дарог пакатыя пагоркі», но и перевод личностного (пусть и не конкретного – обозначенного. – А.Р., Ю.Р.), в мысли лирического героя, смотрящего с тревогой в стылое окно «скрозь экран праталіны, хоць ведае: баліць яно даўно – з апошняга не вернецца шпіталя ён», бацька лірычнага героя. Это окно «баліць» і ў паэта, вядома таму, што яму балюча самому ад суперажыванняў яго лірычнага героя, прага да жыцця якога і робіць травы ў вершы прагнымі, а карэнне – смяглым...» (А. Лойка). Определённым ориентиром здесь выступают богатые поэтические находки, обогащённые неожиданно привлекательными эпитетами и сравнениями. Судите сами: «Як леснічанчына акно, у соснах маладзік іскрыцца», «Вудзільны кінула ў бары кустоўе гнутых вербалозаў», «Як зоры, гаснуць журавіны, а глянь пад ёлачкі: брыдзе баразной баравік баравінны з баравяняткамі ў барадзе», «...Як матчыны, маёй Радзімы рукі два зерні сеюць – роднасць і жыццё». Конструкция строки делает содержание достаточно выразительным, а мысль – наиболее социально-очерченной:

*Прыгадаем прыкмету
веку,
Калі ў краме раскуплена
соль –
Недзе чорная небяспека
заматляла падраным
крысам.³⁵⁹*

(«Соль»)

* Здесь «памяць дзіцячых наіўных вачэй» і «чырвоныя жаваранкі» переплелись с философско-рассудительными словами о смысле нашей жизни.

³⁵⁹ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 20.

И очень лирической, как в строках стихотворения «Светоянник» («Светаянник»)*:

*Сыходзяць цені.
Сонныя лаўжы
грыбнік абходзіць
вёрткі, нібы крамнік...
Апошняю расінкаю дрыжыць
пад елачкаю
ранні
светаяннік.*

*У брагу кветку мудрую
крышылі,
і на жніво
піў квас з ёй
хлебароб:
крынічкай пахла
і ратавала
кветка
ад хвароб.*

*Не злічыш, лесе,
колькі спеліш талентаў:
травін і ягад
шышак і грыбоў!
...А светаяннік –
светлая праталінка
зялёнай веі
выспелых бароў.³⁶⁰*

или в стихотворении «Сентябрь» («Верасень»), глубоко пронизанные осенним настроением:

*Варочаюцца скразнякі
у кроквах, шашалем
пабітых.
Над азярынай саснякі
журбою выраяў спавіты.
І шыба з-пад брыва страхі
ў цяжкім сінее задуменні.
На дрэвах светлыя вярхі,
Спакой муражны
ў загуменнях».
На сонцы струны павуціння
над стылаю дрыжыць ігліцай...³⁶¹*

* Светаяннік – цветок, растущий в лесах и перелесках Беларуси.

³⁶⁰ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 11–12.

³⁶¹ Там же. – С. 24.

По сути, Земля, как и мать, и Родина – это одна из тех категорий поэтического мышления, которая и составляет стержневое звено в художественных размышлениях автора о времени, жизни, о себе. Именно в поэтическом колорите земли он воплотил материнскую ладонь и зелёную росинку, голубой цвет василька и листовенные осенние метели, весеннее дуновение ветра и золотые цвета осени. Вот, к примеру, стихотворение «Дома» («Дома») из первой поэтической книги «Кленовик»:

*...Сцяжынкам,
дрэвам
пакланюся нізка,
травінцы кожнай,
што тут прарасла
і смелаю расінкаю набліскае,
імхом грыбным,
мядзвежым верасам;
табе,
мая старэнькая хаціна
на вышыбе
ад пыльных
бальшакоў,
дзе вісне над світальнаю
рабінай*

*хмурынка легкакрылая
шпакоў...³⁶²*

Или строки из стихотворения «Наследие» («Спадчына»):

*Карэнне тут маё,
тут сіла,
тут слова
рэвалюцыянер (выделено Г. Пашковым. – А.Р., Ю.Р.)
мой прадзед некалі
асіліў
не з кніжных
лошчаных папер.
Этапы грамаце вучылі
Пад зван іржавых ланцугоў.³⁶³*

Мы вправе сделать вывод, что уже в начале творческого пути Г. Пашков экспериментирует, ищет свежие образы, меткие сравнения, поэтические проблемы, характеризующие творческую самостоятельность и ответственность за неё. Известный белорусский литературовед О. Лойка вполне прав, считая, что в книге «Кленовик» «высвечваецца ўжо асоба, пэўны лірычны характар, пэўная стылёвая манера».³⁶⁴

С ростом поэтического мастерства у поэта появляется необходимость через чувства лирического героя передать сложность и масштабность духовных

³⁶² Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 47–48.

³⁶³ Там же. – С. 59.

³⁶⁴ Літаратура і мастацтва. – 1976. – 31 снежня.

исканий современника (а его образ формируют живущие рядом с поэтом молодые люди), его понимание собственной причастности как к судьбам других людей, так и всего человечества. Подобные искания делают поэзию Г. Пашкова такой, которую «необходимо переживать внутреннее, осмысливать через напряжённую работу мысли и сердца»³⁶⁵ (А. Мартинович). Ещё один рецензент – поэт К. Камейша подчёркивает: «...Г. Пашкоў не імкнецца ісці па лініі найменшага супраціўлення, карыстаецца ўжо гатовай паэтычнай рудой, адшуканай іншымі. Ён сам – нястомны шукальнік, неўтаймоўны рудакоп. Ледзь не кожны яго верш – гэта рухомы згустак дэталей, эпітэтаў».³⁶⁶ А вот поэтесса Т. Бондар прочитала первые книги Г. Пашкова и сделала собственную, но заслуживающую внимания оценку: «Калі ў першай кнізе кожны верш – закончанае цэлае, адзін трапяткі арганізм, яму ўласцівы і сцягасць, і ўзрушанасць, і напружанасць руху, у дзвюх іншых нярэдка сустракаюцца вершы яўна зацягнутыя, шматслоўныя, лагічна не завершаныя – ставіцца кропка, а фіналу няма. Можна выбраць, адасобиць значна мацнейшыя, чым раней радкі, строфы, а цалкам узяць верш як узор немагчыма. Раптам дзесьці ў сярэдзіне, у гушчары эпітэтаў губляецца нітачка – той трапяткі нерв, які трымае верш».³⁶⁷

Однако сам поэт находится в поиске. И его, как и в начале творческого пути, волнует личная ответственность за слово, за его влияние на мысли и чувства людей: «За то, чтобы Человек даже в самых критических ситуациях оставался Человеком»:

*Выток слядоў найпершых,
каляін.*

*Перабіраю сцежкі і дарогі.
Хай б'еца*

*ў густой расе
калін*

Чырвоны жаваранак

маладой трывогі.³⁶⁸

(«Смаляны дым савее ў бары...»)

У Г. Пашкова постепенно определяются приоритетные темы творчества – Родная Беларусь, её история и живописная природа, сопричастность с происходящими в жизни людей и народов процессами, главным участником и творцом которых выступает его современник, человек не просто живущий в этом времени и в этом пространстве, но и заботящийся о сохранности красот родного края, родной природы, того культурно-исторического наследия, которое выступает и основой, и залогом сохранения Доброго и Прекрасного на земле. Вот она, на наш взгляд, убедительная поэтически-диалектическая, пространственно-временная связь. С одной стороны, слова поэта о себе:

*А для мяне былі і будуць вечнымі
святыя словы:*

праца і зямля.

*Тады чаму ўкалоўся недарэчна
аб злую думку ў гэтым полі я?*

³⁶⁵ Чырвоная змена. – 1979. – 17 ліпеня.

³⁶⁶ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 20 ліпеня.

³⁶⁷ Там же. – 1981. – 7 снежня.

³⁶⁸ Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 17.

Здалося мне:
цяпер,
калі араты
гадуе жыта – свой адвечны лёс,
на палігоне

вызвалены

атам

сцяблом смяротным вогненна прарос...³⁶⁹
(«Я разгубіўся ад такой прасторы...»)

С другой – о проблемах общечеловеческих:

Пара,
пара!
Даўно пара настала.
Мой ціхі голас,
біся ў стынь

з грудзей!

Грымі на плошчах,
раскалыхвай залы,
яднай,
вядзі

устрывожаных людзей.

Пара!
Пара!
Народы свету, устаньце,
пракляўшы
тэрмаядзерны разбой,
і галасы,
і сэрцы
паяднайце.

Руку – з рукой!

Руку – з рукой!³⁷⁰

(«Дзяўчынка з блакітным мячыкам»)

Наиболее концентрированное выражение диалектика времени и пространства, общечеловеческого и национального, связи между поколениями и роли места Человека на земле звучит в поэмах «Тревога» из поэтического сборника «Дистанция опасности» и «Девочка с голубым мячом» из книги «Гравюры дорог». Вот, к примеру, строки из поэмы «Тревога»:

Што такое са мной?..

*Таямнічасцю дзіўна прарочай
захліснула ўсяго.*

*Я рашуча будзёнасць крышу.
І бязмежжа сінечаю*

³⁶⁹ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 23.

³⁷⁰ Там же. – С. 86.

зырка ўліваецца ў вочы,
і вандройная прага збалелую крыліць душу.

Скрозь, як птушкі ў гнёздах,
дрэмлюць пасёлкі і вёскі,
і грывяць гарады.

А трывожна на сэрцы шчыміць:
гэта ж поўню падсекла
рэактыўная белая лёска
і – гатова парвацца! –
нацята над светам звініць.

...Я –
што ёсць у душы
і што ў тканачцы кожнай закладзена –
сёння ўзвасью усё.

А без гэтага ж пэўна не жыць.
Гэта ў спадчыну мне
самай горкай зямлёй
перададзена,
каранямі сплялося,
запаветам у сэрцы ляжыць.
Мне б зайсёды ісці
на прасёлку трывожна туманным.

Там у сажалцы цёплай
хмурыначкі плавае цень,
і дымок пастушковы
гарчэе альховым дурманам,
і займаецца ціха,
на восень схіляецца дзень.

Глухне гул рэактыўны
за лесам у дымнай прасторы,
дзе на лісціку жоўтым
у люстры сцямнелай вады
мой пазначаны шлях.

Там – дубровы,
палі і азёры,
майго шчасця вытокі
ды горкія знакі бяды.

...На зямлі я стаю.

У курганне ўрос.
Думку паліць жытнёвая воля:
як уткаць
у суровы зямлі маёй лёс
і маё

зарунелае поле?..³⁷¹

³⁷¹ Пашкоў, Г. Гравюры дарогі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 87, 88, 92.

И в «Тревоге», и в других поэмах и стихотворениях Г. Пашкова мало покоя, равнодушия и тишины. Поэтому и тревожится он за звучание над родными просторами журавлиной песни, за исчезнувшую речку Сцюдзянку, за родную деревню Укропенку с её оставленными «совам даўно нежылыя двары», последнюю «толоку» неперспективной деревни. Он переживает за то, что до сих пор «жывуць мана і раўнадушша і цвеліць сверб мяшчанская іржа», размышляет над проблемой определения роли и места поэтического творчества в потоке жизненных реалий, событий, явлений и противоречий. В поэтической мысли жизнь фиксируется в многообразии всех своих проявлений, а поэтому произведениям чужды приглушенное звучание, они заявляют о состоянии лирического героя (и самого автора) во весь голос, открыто, и ...привлекательно. Как в поэме «Девочка с голубым мячом». Именно в этом произведении, – совершенно справедливо отмечает А. Мартинович, – «раскрываются черты таланта поэта – высокая гражданственность, публицистичность и вместе с тем та душевность, которая, кстати, всегда и сопутствует настоящей публицистичности»³⁷² А мы добавили – и ответственность, ложащаяся даже не на плечи лирического героя, а на совесть, потому что этот герой остро понимает: каждый из нас в конце бурлящего XX в., в котором «стыхія вірыць электронная» и «павук рэактыўны нітачку прадзе», не так мало может сделать, чтобы предотвратить всевозможные мировые катаклизмы. Вот, что рассказывает сам поэт о замысле поэмы: «Было это несколько лет назад. Отдыхал я тогда на Полесье. Взяли лодку и переплыли с дочкой Припять, остановились на небольшом острове. А тут как раз началась гроза. Ветер, дождь, а на острове негде спрятаться. У дочери моей – мяч. Ветер вырвал его из рук... Этот случай вспомнился мне через год, когда был в Италии, Помпеи, городе, который, как известно, погиб во время извержения Везувия. Археологи раскопали его... И стоят сегодня дома, но этот город мёртвый. Нет травы, нет деревьев. И вдруг – сначала в это даже не хотелось верить! – девочка с мячом. Итальянская девочка, которая играет здесь, в мертвом городе. ...Подумалось: мы, взрослые, в ответе за судьбы детей планеты. Особенно ответственность эта возрастает сегодня, когда на каждого жителя земли уже накоплено по 15 тонн взрывчатки. Страшно это... И мы должны сделать всё, чтобы предотвратить катастрофу. Должны, ибо мы – люди».³⁷³ Эти прозаические строки найдут своё поэтическое закрепление в поэме о римских впечатлениях. Город почти две тысячи лет назад... Город, которому уже никогда не восстать из пепла. И даже те дома, которые остались, уже никогда не огласят человеческие голоса:

*Тут нават птушкі гнёздаў не
віоць,
арол мясціну гэту аблятае.
І паспрабуй пяску рукой
чарпнуць –
дык і зямля тут нейкая не тая.
...Дзяўчынка?
не.
А можа прывід?
Не!
Смуглявая,
дзве коскі з матылькамі....³⁷⁴*

³⁷² Знамя юности. – 1981. – 18 декабря.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 66, 67.

Через погибшую Помпею поэт приблизил к нашим дням горький опыт человечества, те угрозы, которые висят над ним в такой степени, что и в наше время всё спрессовывается в яркие образные (достаточно часто – трагические) картины.

Эмоциональное напряжение поэмы ещё более возрастает после того, как девочку «паклікаў нехта Наталет!». Но ведь и дочь лирического героя также Наташа! И сближаются в произведении расстояния, и соединяются события, происходящие на разных территориях и в разное время. Однако детская идиллия совсем не безоблачна – висят над ней, как заклинание, слова известного советского поэта В. Луговского: «Умирали царства на земле – детство никогда не умирает». И голубое итальянское небо, и молнии над Припятью – это для живущих на земле и напоминание, и предупреждение. Слова поэта своим звучанием, своим призывом к миру приобретают общечеловеческое значение:

*...Спакойна спаць?
Ды толькі не жывым!..
Нясём цяжар тваіх трывог,
Дваццаты.
Мы думам падуладным тваім,
твае патэнцыяльныя салдаты.

Мы – моцныя.
Спатрэбіцца калі,
усе як ёсць
мы стаць у строй гатовы.
Мы думаем аб дзецях,
аб Зямлі,
і дзеля іх –
і справы ўсе і
словы...³⁷⁵*

(«Дзяўчынка з блакітным мячыкам»)

Этими тревогами и заботами пронизаны многие произведения Г. Пашкова, повествующие об увиденном им и на земле древней Италии, и на далёком африканском континенте, и в южных советских республиках, в Ленинграде, Сибири и в других далеко не близких к Беларуси местах. Привлекает внимание то, что в таких произведениях (в качестве примера назовём несколько стихотворений из поэтического сборника «Землю слушаю» – «Марфин корабль» («Марфін карабель»), «Дом Маяковских вблизи Кутаиси» («Дом Маякоўскіх паблізу Кутаісі»), «Дорога в Сахаре» («Дарога ў Сахары»), «Песня бедуина» («Песня бедуіна»), «Застольная песня тунисского докера» («Застольная песня туніскага докера»), «На стенах Колизея» («На сценах Калізея») – поэт не просто фиксирует личные впечатления и высказывает восторженные оценки, а идёт дальше этого частного, единичного, приглашая читателя к пониманию того, что и на разных континентах, и в разных странах люди живут «зямлі пякотным болем», «калі высокавольтны ток ідзе праз кожны нерв, што быццам дрот аголены».³⁷⁶

Устами своего лирического героя поэт напоминает нам, как из-за «захмареных павек глядзяць на нас усіх Хатыняў хаты» и что в Хиросиме надпись можно прочитать: «Спакойна спіце! Больш таго не будзе!». И он заклинает, предостерегает, напоминает не только белорусскому читателю, но и всем, кто читает и любит белорусскую литературу, что на каждого живущего на планете Земля:

³⁷⁵ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 83.

³⁷⁶ Пашкоў, Г. Зямлю слушаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983. – С. 25.

*Пятнаццаць тон –
над кожным сёння з нас.
І трыццаць тон
на нас з табой дачушка,
падрыхтаваў у стратах
горкі час
і можа раптам
вогненна абрушыць,
і ў тылай лаве
сэрцы скамяніць,
і спапяліць зямлю
агнём пакуты.³⁷⁷*

Поэзия впечатлений и переживаний таким образом наполняется активным утверждающим пафосом. Справедливости ради, всё же следует признать, что поэтической мысли Г. Пашкова несомненно ближе обращение к родительской земле, далёкой и близкой истории родного края, его природным красотам, трудолюбивым и миролюбивым людям. Стихи такого рода не просто читаются, они заставляют читателя внутренне переживать прочитанное, очищаться духовно нравственно, соотносить себя с окружающей его действительностью. Ещё раз обратимся к поэме «Тревога», этой своеобразной сыновней исповеди поэта перед современниками, перед старшими поколениями и теми, кто придёт им на смену:

*Я –
што ёсць у душы
і што ў ткачыцы кожнай
закладзена –
сёння ўзважыў усё.
А без гэтага ж, пэўна, не
жыць.
Гэта ў спадчыну мне
самай горкай зямлёй
перададзена,
каранямі спялося,
запаветам у сэрцы ляжыць.³⁷⁸*

И ведут поэтические дороги Г. Пашкова к памяти Ф. Скорины («Портрет Скорины в Падуе» – «Партрэт Скарыны ў Падуі»), революционным событиям 1905 г. на белорусской Сморгонщине (поэма «Клюква во тьме» – «Журавіны ў шэрані»), памяти М. Багдановича («Журавлиная почта Максима» – «Жураўліная пошта Максіма»), собственно-творческому пониманию значения поэзии Я. Купалы для духовного совершенствования («Левки» – «Ляўкі», «Купаловские чай» – «Купалаўскія чай») и др.

И не только написанная в начале творческого пути «Тревога». Будут запоминающиеся гражданско-лирические стихотворения из книги «Гравюры дорог» («Гравюры дарог»), «Земля родителей» («Зямля бацькоў»), «Дом» («Хата»), «Человек – природы корона» («Чалавек – прыроды карона»), «В путь»

³⁷⁷ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 83.

³⁷⁸ Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 50.

(«У дарогу»), «Светло родного леса» («Святло роднага лесу»), «А каждой порою в душе...» («А кожнай парой у души...»), «Радуга над рекою По...» («Радуга над ракою По...») и др.

Начало 1980-х и все последующее десятилетие свидетельствуют, что с каждым новым сборником, каждой новой поэтической подборкой на страницах газет и журналов, поэт становится более внимательным (и даже придиричивым!) к жизни привычных людей, трансформации их взглядов, может быть даже нарушением их душевного и духовного равновесия. Нам думается, что это человеческое «равновесие», а можно было бы сказать авторское философско-эстетическо-нравственное определение своего поэтического слова, он предлагает прочитать в стихах о природе и ...о любви. Читайте описание оригинального природного явления (думается, что Г. Пашков наблюдал её и в Чашниках, и в Сморгони. – А.Р., Ю.Р.), как предгрозовое солнце:

*Ужо над рэчкаю пярун
Трасе ажынная асонне,
І жайранак –
 зямлі пярон,
Аж захліпаецца ў азоне.
Зноў – колер белы,
Зноў – чырвоны.
Спакой рамонак і суніц.
А сонца
 плавіцца карона
ў святле
 вясёлкавых званіц.³⁷⁹*

Жить в Поозёрном крае и не знать, что кроме родных Г. Пашкову, есть уникальные места (он это тонко подметил):

*Ажно звініць бруя.
 Між асакі
ракітнікам і вольхамі
прыкрыта
жывое срэбра
стронгавай ракі,
крынічкамі сцюдзёнымі
 налітае.

Закінеш вуду пад галлё ракіт –
як фігурысты,
 вёртка
 на люстранцы
цыбатыя танцуюць павукі
ля паплаўка
 пад звон птушыны
 танцы.
(«Ажно звініць бруя...»)*

³⁷⁹ Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 39.

...Прыроды лёс

цяпер рашаць табе –

*і мудраму,
і дужаму,
і брату.*

*А нам яе да скону берагчы,
яна –*

*аж да ракеты
ад калыскі,
і дум тваіх імклівых*

і радасці тваёй

агэнчык блізкі.³⁸⁰

(«Чалавек – прыроды карона»)

Природа (и только читая Г. Пашкова мы можем представить «глухія ўсплёскі ля бабровых хатак», «язьміну росны пах», «перамену ў скразняках», «сонечны лісцік, як вечнай мудрасці калыску...», «смаг на бульбу паруе ў сцюдзёнцы з ракі», «павучынкi плывуць над зямлёй, нада мной у крамяным паветры» и т.д.

Он не перастае любаваться, вельма прывлекательнымі, почти художественнымі краевідамі, будто бы открываемымі для поэтического взора впервые:

*Б'е ў малінніку крыніца.
Сцежку кожную пазнаю,
дзе хадзіць і не стаміцца,*

*дзе між ясеняў чубатых
перад сонцам,
у тумане
паплыве нячутна хата,
спакваля чайном растане.*

*Недзе птушка загалосіць
над пагаслай знічкай-зоркай.*

*Скрып падводы на дарозе
між сасонкавых пагоркаў.³⁸¹*

(«Старана мая лясная»)

А за любованіем и описаніем родной природы (в стихотворении «Путь домой» («Шлях дадому») видим сыновью память, сыновью боль и (думаю, из личных бесед с Г. Пашковым) «тугу», як гэта пішуць на роднай мове), стоит стремление постоянно чувствовать свою неотделённость, свою кровную причастность к тому, что из детской памяти не уходит, а всегда «висит» и напоминает о малой родине:

...Над гарою прадзіва дымоў.

*Калі ёсць сцяжыначка да раю –
гэта тая,*

што вядзе дамоў.

³⁸⁰ Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981. – С. 20, 22.

³⁸¹ Там же. – С. 5.

...На дарозе ўпарты статак
стане,
ці не рогам грэбліва кране?..
Старажылкі вёсачка Маланья
распазнаць стараецца мяне.
І трывожна, і шчасліва-млосна,
бо калі не вернешся,
то зноў
сцеляць дым смаляны па-над вёскай
на світанні
меней каміноў.
...Яшчэ вокны цеплынёй нябёсаў
ружавеюць пад напевам вос,
быццам перакрэсленыя лёсы,
дошкамі забітыя наўскос.
Але ў тым цябе не дакараю.
Тут шукаць віноўнікаў дармо.
Калі ёсць сцежачка да раю –
гэта тая,
што вядзе дамоў.

Написаў поэму «На лосіных картах», поэт прадставіў перад чытацелем як вдохновены зашчытнік красот беларускай прыроды. Не ашибаецца Г. Пашков, утвэрджая, што нікто иной, а сам чалавек повинен в том, что исчезают малые реки и речушки, идёт обмеление больших рек и заболачивание озёр, что на белорусской земле возникают торфяные бури, а на географической карте становится всё меньше деревень:

Сады... сады...
А як яны дзічэць
пачнуць на адзіноце!
Так – спрадвеку:
Гарчак зялёны вылузнецца ледзь,
а ўжо ў шрамах,
ім сохнуць і чарнець!
Душа садоў – нібыта ў чалавека.³⁸²
(«На ласіных картах»)

Поэтэса Т. Бондарь, деля обзор поэтической деятельности молодых авторов, неожиданно выделила поэму Г. Пашкова «На лосіных картах». Думаем, что можно познакомиться с её мнением: «Там жа («На ласіных картах»), дзе задума патрабавала асэнсавання адносін паміж чалавекам і прыродай, асэнсавання таго, як спалучаецца хуткапыннасць кожнага жыццёвага імгнення з адвечнасцю, непарушнасцю прыроды, і было знойдзена аўтарам цікавае яе ўвасабленне (апавяданне ідзе нібыта па слядах лася, прыпыняючыся – то каб уваскрэсіць чароўныя вобразы пушчы, то каб ясней адчулася трывога яго за лёс непerspектыўнай вёсачкі, за лёс чалавека, адарванага ад прыроды, ад свайго мінулага), слова гучыць упэўнена, пераканаўча».³⁸³ Уже в конце 1970-х годов

³⁸² Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979. – С. 81.

³⁸³ Літаратура і мастацтва. – 1981. – 2 жніўня.

поэт активно «погружался» в экологические проблемы (не очень в те годы понимаемой и воспринимаемой в правительстве Беларуси. – А.Р., Ю.Р.), наполняя жизненное пространство одновременно и болью, и тревогой, и светлой радостью (о том, что произойдёт в апреле 1986 г. никто не задумывался. – А.Р., Ю.Р.). Заметим, что постижение природно-экологических проблем для Г. Пашкова – не самоцель: это его стремление обсудить в читательском сознании ту непреходящую истину – человек и природа неразделимы:

Але і лес...

Не преувеличивая, можно утверждать, что всё то, о чём пишет поэт, подаётся без приукрашивания, но и без излишнего нагнетания страстей, всё пронизано авторским стремлением заявить о своём отношении к жизни, провести своеобразную поэтическую цепочку между прошлым, настоящим и будущим. В подтверждение несколько строк из разных поэтических сборников:

*...Я – чалавек,
я многа значу.
Я – сонца брат,
мой род такі:
мне на плячы
ўсё перайначыць –
і лесу лёс,
і бег ракі.*

*Я ўсё магу.
Мне ўсё над сілу.³⁸⁴*
(«Разведаў зорныя пячоры...»)

*...Бяру я твой боль, Зямля.
Прымаю ўздрыг трывожны,
што рэха прыносіць здаля,
над абеліскам – галля,
і той, што на сэрцы кожным.
...Бяру я твой боль, Зямля!³⁸⁵*
(«Збялелых палёў васілёк»)

*...І, здаецца, жыццё
мне відно да атожылкі кожнай.
Што мне сытае шчасце?!
Ёсць шчасце світальных дарог.
Я хацеў бы пражыць...
Я хацеў бы...
І, думаю, можна
да пылінкі згарэць
на зямлі ад балючых трывог...³⁸⁶*

И ещё об одном. О том, что выделяет поэзию Г. Пашкова из общего потока белорусских литераторов, а именно о его своеобразной склонности к поис-

³⁸⁴ Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975. – С. 35.

³⁸⁵ Пашкоў, Г. Зямлю слухаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983. – С. 15.

³⁸⁶ Пашкоў, Г. Дзяўчынка з блакітным мячыкам / Г. Пашкоў. – Мінск, 1986. – С. 8.

ку свежего слова, к лексическому новотворчеству. Заметим, что это стремление молодого поэта критика заметила и поддержала. К. Камейша называет его «неутомимым рудокопом»³⁸⁷, который, к счастью, не пользуется готовой «поэтической рудой», найденной другими авторами. М. Губернаторов отмечает, что Г. Пашков ищет неожиданные языковые находки, что он чувствует «пругкасць самых родных, расістых слоў, зялёных, быццам лісце».³⁸⁸ «Ответственность за слово, ответственность перед своим талантом, пусть и медленно, но от книги к книге растёт»³⁸⁹, – делает вывод Т. Бондарь.

Работу со словом поэт ведёт аккуратно, не торопясь, по многу раз поворачивая его разными гранями, пока слово не ляжет на своё место в строке, не станет «самым родным, не заиграет всеми цветами радуги». И этот поиск, как свидетельствуют даже первые книги, был не простым – приходилось преодолевать затянутость стиха, многословие, логическую незавершённость. И там, где правило «спешить, не торопясь» выдерживалось, читатель получал равнодушные, привлекательные строки. Несколько примеров из первой книги «Кленовый сок»:

*Сцяжынак прамураўляныя ніці
смаляе на ўзлеску выстаяны дым,
пявун крылом дрымоту сціпла выцяў,
і рэха шышкай грукнула ў бары.
(«Свежае»)*

*Карчэўе чорнае ляшчын,
нанізвае кругі ўсплёскаў,
дзе крутабокія ляшчы
заварушыліся, як вёслы.
Вудзільны кінула ў віры
кустоўе гнуткіх вербалазаў...
(«Паром»)*

*Сахаты ў стоме
выбег на паляну,
гарачай храпай
лашчыў стылы снег...
І бінтавала завіруха раны
нявіннай беллю
нечы
чорны грэх.
(«Сахаты»)*

А вот какая словесная характеристика даётся грозовому солнцу в книге «Дистанция опасности»:

*...Маланкі стынуць у траве.
Ад сонца ядрацца дажджыны.
І лес сарваўся,
ды плыве*

³⁸⁷ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 20 ліпеня.

³⁸⁸ Губернатораў, М. Маладая нястрымная плынь / М. Губернатораў // Маладосць. – 1980. – № 1. – С. 178.

³⁸⁹ Літаратура і мастацтва. – 1981. – 7 жніўня.

*Зялёным дымам на лагчыны.
Ужо над рэчкаю пярун
трасе ажыннае асонне...
...Зноў – колер белы,
Зноў – чырвоны.
Спакой рамонкаў і суніц.
А сонца*

*плавіцца карона
ў свеце вясёлкавых званіц.
(«Навальнічнае сонца»)*

Или осенняя гроза в книге «Землю слушаю»:

*Пратупаў дождж на тонкіх ножках,
і прама ў пушчы, на мяжы,
агніста выбліснулі рожкі,
траскуча ўдарылі ў лаўжы,
ажно ласіны рык пранёсся
на спалымнелых гушчарах,
відно рагатаму здалося:
«На бой пара!»
«На – бой – па – ра!!! –
прыняты кліч ягоны смела.
«На пнях, ля ёлак акурат,
вакола гэтак панасела
апенек, быццам мышанят!
(«Восеньская навальніца»)*

Уместно сказать о том, что поэт никогда не скрывал, что своими успехами в творчестве он во многом обязан таким известным белорусским авторам, как А. Велюгин, Р. Бородулин и др. «Што тычыцца творчасці, – размышляе Г. Пашков, – то я найперш удзячны Паэту з вялікай літары (не пабаюся гэтага слова), вельмі вядомаму паэту, майстру і настаўніку, як мы яго называлі з любоўю, – Анатолю Сцяпанавічу Вялюгіну. Гэты чалавек выхаваў цэлую пляяду вядомых сёння паэтаў». И ещё одно признание Г. Пашкова: «У чым мая сіла? Яна ўсё ж такі ў роднай зямлі, дзе нарадзіўся, жыву і дзе, як кажуць, сыду ў гэты шар зямны. І сілу, і веру чэрпаеш толькі з людзей, выдатных, дарагіх беларускіх людзей, якія, нягледзячы на складанейшыя перыпетыі жыцця, на страшэнныя трагедыі, на шталт Чарнобыльскай, усё-такі знайшлі ў сабе сілы выстаяць. І дзе ж узбіванне на нейкі шлях, які, будзем спадзявацца, прывядзе да нейкай палёгкі».³⁹⁰

Справедливости ради, следует признать, что в погоне за красивым словом, неожиданным словооборотом или усложнённой образностью поэт «заходил» так далеко, что образ «зависал», теряя реальное ассоциативное наполнение, а сам автор «сяды-тады і перабірае меру – ідзе па лініі штучнага канструіравання слоў і выразаў» (М. Губернатараў). И тогда авторский поиск не концентрирует, а ослабляет внимание читателя. В подтверждение – несколько псевдокрасивых штампов: «клычаць мяккі мох грыбы пад ранак мокрымі лычамі», «маліннік гарачы ў бядзе – цярэбіць нехта і клыча» (из книги «Кленовый сок»); «саспелае лета», «смарагдавыя сажалкі», «багуновыя паляны», «смяглыя травы», «белагрудае

³⁹⁰ Цэнтральная газета. – 1998. – 20 сакавіка.

рэха», «мядзяны іржэўнік», «бярозавыя вакаёмы», «сярэбраныя халады», «світалныя дарогі», «свінцовыя вуголлі», «сасоннік за пагоркам разгарну і трапяткой смужынкаю вярну гарачы дух, бруснічны і смяляны», «ад пырскаў сонца і вады ажно гараць лускаю чароды рыб, і чароты, і катэр пада мною» (из книги «Дистанция опасности») и т.д.

Однако всё это можно определить как издержки роста поэтического мастерства, ибо в каждой книге таких «открытий» становится меньше и меньше.

Не осталась без внимания Г. Пашкова и такая вечная тема поэтического творчества, как любовь. В каждой из книг читатель находит строки, воспевающие отношения любящих друг друга молодых людей, чистоту их чувств и взаимоотношений. Обратимся к лирическому циклу «Душа» из книги «Землю слушаю». Здесь и трепетность юношеского чувства («Зямля і неба... Красамоўней няма маўчання... Цішыня... І толькі – лес. І толькі – поўня. І толькі – ты. І толькі – я...» – «Снег юнацтва»), и уверенность в личностных отношениях («І тады, як у свеце адзін, даганяў следам голас паніклы: «Я прашу... Я прашу... Не ідзі... Ад цябе я цяпер не адвыкну...»), и даже шутливое авторское признание («Я канчаткова забытаўся – чаму гаворым: «Віно і жанчыны». Яны паасобку нібыта ў мужчынскім жыцці немагчымы?...» – «Я канчаткова забытаўся...»). А вот стихотворение «О, любы мой...» приведём полностью:

*«О, любы мой...»
Не трэба слоў такіх.
Былога у іх –
 хіба што рэха толькі.
Адкуль і як
 ты зноў прынесла іх,
якім жа ветрам
 прамаўчайшы столькі?»*

*«О, любы мой...»
Прашу – маўчы...
Маўчы!..
«О, любы мой...»
Ты, жорсткая, караеш! –
І вочы са слязінкамі начы
цалуючы,*

сябе я праклінаю.

*«О, любы мой...»
Каб зноў вярнуць гады...
Прашу цябе, любімая,
не трэба.
«Глядзі, для нас сягоння,
як тады, –
бялюткі дзень,
і цішыня,
і неба,
а схлынуць хмары,
будуць капяжы
вызвоньваць нам
срэбранае скерца!..»*

То не для нас.
«А для каго ж, скажы?...»
Для тых,
 хто сэрцам
адчувае сэрца...

З'інелі іскры
бела-сінім страхам.
Світальныя
пагашаны кастры.
Імгой кастры.
Імгой клубістай
падае на дахі
апошні снег,
вясновы і густы...³⁹¹

Связь времён... Земное и сакральное... Преходящее и вечное... Своё понимание такой диалектики поэт излагает в следующих строках:

Хадзіце на могількі, людзі,
 часцей,
не бойцеся змрочнае песні,
адсюль на жыццё глядзіцца
 прасцей –
ні звадак,
ні плётак,
ні плесні...
Душу не ўгладзіш,
не трапіш у рай.
Сяброў, што палеглі,
 не клікай
і век за імкліваець не дакарай –
сэнс веку, як праўда,
вялікі.³⁹²

В одном из стихотворений конца 1970-х годов поэт назвал себя человеком, идущим на «высокогорье». На наш взгляд, к концу 1980-х годов это восхождение состоялось. В поэтических сборниках этого периода (и тех, которые были изданы во второй половине 1970-х. – А.Р., Ю.Р.) «Девочка с голубым мячом» и «Монолог на огнище» (1986), «Люблю, надеюсь, живу» (1990) читатель увидел этот процесс – от молодого авторского обращения к жизни и горячего желания вести разговор с читателем от имени своего современника к пониманию проблем общечеловеческих, проблем межнационального понимания значимости жизни и мира на земле; от оригинальных поэтических поисков, часто сопровождавшихся в границах образной, почти космической «туманности», а иногда становящейся почти пародийной – к выверенности стиха, в котором собственно-авторское философско-эстетическое понимание сопряжённости смысла и содер-

³⁹¹ Пашкоў, Г. Зямлю слухаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983. – С. 73–74.

³⁹² Там же. – С. 16.

жания трактуется, как актуальное и понимаемое. Что в итоге позволяет Г. Пашкову успешно решать главную сверхзадачу – синтетически сочетая лирическое и этическое начала, душевность и публицистику, эмоционально глубоко и многообразно постигать проявление внутреннего мира человека, мотивации его действий и поступков во всех его многообразных контактах с современной ему действительностью. Думается, что в этом и есть диалектика поэтики – от простого к сложному, от личностных ощущений и оценок к формированию собственно-поисковской философско-эстетической позиции.

Есть все основания утверждать, что «паэт, які сваім правадніком у гісторыі і часе абраў маладую трывогу ўзлёту, шчырую заклапочаннасць пошукам свайго месца ў сучасным свеце» (М. Губернаторов), в ходе поэтического развития стал автором «ярка выражанага публіцыстычнага кірунку, вызначальнай рысай творчасці якога заўсёды былі адкрытая грамадзянскасць і палымяная страснасць» (А. Мартинович). Наконец, «у манеры пісьма Г. Пашкова, мяккасць тону, задушэўная лірычнасць выкладу на мяжы з чулівым захапленнем, з эстэтызацыяй не толькі адчутай красы прыроды, але і таго, што ўявілася ў грозных падзеях...» (М. Арочка). Мы бы лишь добавили, что всему этому способствовали – более глубокое осмысление социально-духовных процессов, участником которых он является постоянно; переосмысление поэтических образов ранних лет, когда мысль отрывалась от содержания; постоянное стремление к более глубокому, философскому осмыслению традиционных духовно-нравственных отношений.*

В очерке о творческом пути Г. Пашкова – это было бы не совсем объективной оценкой, если уйти от хотя бы в общих чертах характеристики недостатков, упущений, погрешностей, которые присущи людям ищущим, людям творческим, способным излагать свои мысли в присущим им формам. Было формотворчество, запредельное философствование (под маркой поиска «оригинальности»), были неожиданные переходы от личной авторской позиции в угоду конъюнктуре и т.п.

Представляется, что творческий портрет Г. Пашкова будет неполным, если не вспомнить его книгу очерков «Рабочий день, как праздник» («Будзень, як свята»), вышедший в 1977 г. в издательстве «Мастацкая літаратура» в серии публицистических работ под общим названием «Республика, время, люди». В книге два очерка – «За осенней Лошицей» (запоминающийся рассказ о делах Минского комбината строительных материалов) и «На перевале» (о строителях крупнейшего в Европе Бобруйского шинного комбината). Содержательную сторону первого очерка составляют будни и праздники бригады заслуженного строителя БССР, лауреата Государственной премии СССР Ивана Моисеевича Потерейченко; во втором очерке раскрывается деятельность директора комбината Валентина Ивановича Кравченко.

Автор рассказов знакомит читателя с рядовым бригадиром слесарей, внимательным и заботливым руководителем основного строительного звена – бригады. Иван Потерейченко постоянно стремится к тому, чтобы каждый слесарь не только был со стопроцентным коэффициентом полезного действия, но твёрдо придерживался утвердившихся в бригаде правил: «У нас закон цвёрды – працуй і жыві сумленна. Выбірай сяброў, каб і яны табе хацелі дапамагчы, і мы ім».³⁹³ Разделяют подобную позицию ветераны бригады Николай Тихонович, Николай Трипутин, Владимир Корочкин и другие рабочие, составляющие устоявшийся коллектив единомышленников.

* Это лишь сокращенная характеристика содержательно-смысловых исканий Г. Пашкова в конце 1980-х гг.

³⁹³ Пашкоў, Г. Будзень як свет / Г. Пашкоў. – Мінск, 1977. – С. 20.

Г. Пашков показывает своих героев в различных жизненных ситуациях. И ему веришь – одна за другой перед читателем предстают картины многоплановой производственной деятельности, обрисованной автором с глубоким проникновением в проблемы всего комбината в целом и каждого его отдельного работника.

Убедительным выглядит и Валентин Кравченко, участник Сталинградской битвы, председатель горисполкома и руководитель крупнейшей стройки на Беларуси в 1960-е годы – Бобруйский шинный комбинат и в начале XXI ст. является крупнейшим производителем резиновых шин в Европе.

Г. Пашков, постигая жизнь трудовых коллективов, сумел подметить оригинальные чёточки в характерах своих героев, активно использовал диалог, внутренний монолог, так и личные писательские впечатления.

Книга, в которой автор выступает ...своеобразным лириком в публицистическом произведении, стала несомненной творческой удачей поэта и журналиста Г. Пашкова.

15 лет творческого пути в белорусской советской литературе. Он сам учился, но и начинающим в наше время авторам, во многом можно поучиться в Г. Пашкова.

Свои рассуждения о творчестве Г. Пашкова завершим ссылкой на мнение его университетского однокурсника, писателя В. Ширко, который даёт оценку и Поэту, и Гражданину: «Ужо з пазіцый сённяшняга дня бачу, што Пашкоў ніколі не лез у вялікую палітыку, не хістаўся злева направа, куды падзьме вецер, а цвёрда служыў Яе Вялікасці Паэзіі, роднаму слову, і галоўны яго прынцып «Добра народу – добра мне!».³⁹⁴

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашкоў, Г. Кляновік / Г. Пашкоў. – Мінск, 1975.
2. Пашков, Г. Красный жаворонок / Г. Пашков. – М., 1977.
3. Пашкоў, Г. Дыстанцыя небяспекі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979.
4. Пашкоў, Г. Будзень як свет / Г. Пашкоў. – Мінск, 1979.
5. Пашкоў, Г. Гравюры дарог / Г. Пашкоў. – Мінск, 1981.
6. Пашкоў, Г. Зямлю слухаю / Г. Пашкоў. – Мінск, 1983.
7. Пашкоў, Г. Маналог на кастрышчы / Г. Пашкоў. – Мінск, 1986.
8. Пашкоў, Г. Дзяўчынка з блакітным мячыкам / Г. Пашкоў. – Мінск, 1986.
9. Пашкоў, Г. Крокі / Г. Пашкоў. – Мінск, 1988.
10. Пашкоў, Г. Люблю, спадзяюся, жыву / Г. Пашкоў. – Мінск, 1990.

ГРИГОРИЙ РЕЛЕС

Одним из долгожителей белорусской художественной культуры XX столетия с полным основанием может быть назван еврейский и русский писатель, и поэт **Цодик Григорий Львович**. Родился Григорий Львович 10 (23) апреля 1913 г. в г. Чашники в семье служащих.* Умер 17 сентября 2004 г.

В 1933 году окончил Витебский педагогический техникум, затем учился на литературном факультете Минского педагогического института им. М. Горького. Преподавал русский язык и литературу в средних школах городов Слуцка и Новогрудка (1937–1941). В начале Великой Отечественной войны был при-

³⁹⁴ Цит. по: Літаратура і мастацтва. – 1998. – 20 сакавіка.

* Земляк Г. Релеса літаратурны критик Д. Полотика о духовной атмосфере послереволюционного города Чашники вспоминает: «Свае першыя вершы мы пісалі кожны на сваёй мове, але мы разумелі мову адзін другога. Рускія, беларусы, палякі і яўрэі – мы былі дзецьмі аднаго часу, у адной калысцы калыхала нас беднасць, і кожны з нас разумеў аднолькавую са сваёй мовай мову свайго таварыша».

зван в Красную Армию и определён в 3-й Минский сборный полк. Осенью 1941 г. был направлен на строительство оборонных предприятий на Урале. С декабря 1941 по 1945 г. – ответственный секретарь газеты «Строитель» (г. Громечинск, в настоящее время в Пермской области Российской Федерации). После возвращения в Беларусь работал литсотрудником брестской областной газеты «Заря», в редакциях газет «Зорька» и журнала «Вожык».

И всё было спокойно до 1948 г., пока управляющая страной идеологическая «верхушка» не начала наступление на представителей еврейской культуры. Г. Релеса «по собственному желанию» увольняют из редакции «Вожыка», а спустя некоторое время исключают из Союза писателей БССР с неожиданно странной формулировкой – «за пассивность». (Справедливости ради, заметим, что по предложению П. Бровки в годы хрущёвской оттепели он был восстановлен в Союзе писателей БССР). При явной нехватке в Беларуси в первые послевоенные годы профессиональных кадров, опытный педагог, журналист остаётся без средств к существованию. Доктор исторических наук, профессор Э. Иоффе пишет, что в это тяжёлое время на помощь Г. Релесу пришёл Янка Брыль, по просьбе которого редакция «Вожыка» передавала ему за небольшую оплату для обработки письма читателей. (Свои трагические дни 1948 г. Г. Релес опишет в рассказе «В новой среде»). О сложностях и трудностях жизни уже известного писателя в те годы весьма привлекательно высказался поэт Р. Бородулин в статье, посвящённой 90-летию Г. Релеса: «Рыгор Рэлес з'ездзіў усю Беларусь, запісваў, збіраў рэшткі мудрасці свайго народа, пісаў пра яўрэяў, якія ацалелі ад навалы. Дый сам паэт цудам ацалеў ад перадаваенага і пасляваенага хапуна. Можна таму, што прымаў, як яўрэі кажучь, лыжку нематы. Яшчэ ратаваў Рыгора Рэлеса гумар. Відаць, і ў пекле жыве гумар. Забылася чорнае, страшнае, засталася ў памяці вясёлае. Смех праз слёзы, ці што. Помняцца Чашнікі, помняцца землякі, якія таксама ратаваліся гумарам». С конца 1940-х годов и до 1973 г. Г. Релес преподавал русский язык и литературу в вечерних школах рабочей молодёжи г. Минска. С 1973 г. Г. Релес – на творческой работе – преподавал идиш, консультировал издания по еврейской этнографии и истории еврейской культуры на Беларуси.

Печататься начал в 1930-е годы (первое стихотворение, напечатанное в газете «Юнгер арбайтер», до сих пор не выявлено. – А.Р., Ю.Р.). С 1933 г. его стихи и очерки печатались в журнале «Штерн», газете «Октябрь». Чем привлекали читателя тех лет произведения Г. Релеса? В первую очередь, мелодичностью стиха и доступностью слова на языке идиш, – «мамэ-пошы» – так по-еврейски читается «материнский язык», которое формировались «менавіта ў стыхіі шматлікіх па часе яго маленства яўрэйскіх мястэчках па-над Прыпяццю і Дняпром, Дзвіной і Нёманам».³⁹⁵ Воспоминания писателя о его дорожных впечатлениях от командировочных (Г. Релес был корреспондентом московского еврейского журнала) хождений по Беларуси в 1930-е годы будут впоследствии описаны в очерке «Дорожные затемнения» («Дарожныя зацемкі»).

Постепенно оттачивалось поэтическое слово, складывались свои творческие правила. Вот одно из личных воспоминаний Г. Релеса: «В начале 1930-х годов я, будучи совсем ещё юным, подрабатывал в газете «Віцебскі рабочы», в которой по субботам печатались еврейские страницы на идиш. Статьи туда я писал частенько. И вот однажды получил задание пойти к Юдалю Пэну (известный живописец, педагог – учитель М. Шагала. – А.Р., Ю.Р.) и сделать очерк о его новой работе. Мастер принял меня хорошо, рассказал всё, что надо было и, довольный, я пошёл писать материал. Его вскоре напечатали, а через

³⁹⁵ Літаратура і мастацтва. – 2004. – 1 кастрычніка.

пару дней после выхода в свет номера, в редакцию зашёл Пэн. Постукивая тросточкой, он строго спросил: «Где этот шалопай, который писал про меня статью!?!». Все расступились и указали на меня. Я страшно испугался, не зная чего ожидать. Юдаль Моисеевич, подойдя ко мне, сказал: «Вы упомянули в статье, что мне уже за семьдесят. А ведь я холостяк! Какая женщина после этого пойдёт за меня замуж?!». Все засмеялись, а я стал неловко оправдываться. Тогда Пэн «сжалился»: «Ничего-ничего, это я шучу. Вы написали хорошую статью. Думаю, вы и дальше будете писать столь же умело и хорошо».³⁹⁶

До войны на еврейском языке были изданы сборники поэзии Г. Релеса «Начало» («Пачатак», 1940) и «Стихи» («Вершы», 1941). Во время войны публиковался в московской еврейской газете «Эйникайт». Рассказы писателя на еврейском языке объединены в сборнике «Под мирным небом». По-русски начал писать в середине 1950-х годов, когда идеологический пресс над еврейской культурой несколько ослаб. Были изданы книги рассказов «Друзья и знакомые» («Сябры і знаёмыя», 1963), «За тесными партами» («За цеснымі партамі», 1966), «В родном уголке» («У родным кутку», 1972). В 1974 г. в Москве издана книга поэзии «Отзвуки времён». Во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х годов на русском языке будут изданы повесть «Через трудный порог. Из дневника классного руководителя школы рабочей молодёжи» («Праз цяжкі парог. З дзённіка класнага кіраўніка школы рабочай моладзі», 1975), книги рассказов и очерков «Под каждой крышей» («Пад кожным дахам», 1979), «Под ясным небом» («Пад ясным небам», 1983), «Не розами устлан твой путь» («Не ружамі ўсцелен твой шлях», 1984). На белорусский язык переведены повесть «Записки моего коллеги» («Запіскі майго калегі», 1960) и книга поэзии «Берёза под окном» («Бяроза пад акном», 1961) в переводе Р. Бородулина.

В исследуемом нами временном промежутке произведения Г. Релеса публиковались в коллективном литературном сборнике «День поэзии» (71, 72, 81), журналах «Беларусь», «Польмя», «Работніца і сялянка», газете «Літаратура і мастацтва». Всего за свои творческие годы Г. Релес напечатал более двух десятков книг на идиш, русском и белорусском языках. Заслуживает читательской и общественной признательности большая писательски-поисковая работа, проведенная Г. Релесом по восстановлению в художественной культуре Беларуси доброй памяти о еврейских литераторах, репрессированных в 1930-е – 1950-е годы, а также погибших на фронтах Великой Отечественной войны и замученных в немецких гетто и концлагерях.

В 1949 г. из печати вышла книга «Мы их не забудем» о безвременно ушедших из жизни поэтах и писателях Советской Беларуси. Среди авторов значится и Г. Релес, из-под пера которого вышли очерки «Лев Талалай», «Рува Рейзин», «Геннадий Шведик», «Семён Ляльчук». Сам Г. Релес в одном из интервью вспоминал, что цензуру не прошёл только один материал – о репрессированном, а потом погибшем на фронте в июне 1944 г. советском еврейском писателе Эле Кагане.

В 1960-е – 1990-е годы в московском журнале «Советиш Геймбланд» («Советская Отчизна»), белорусской периодической печати были опубликованы статьи Г. Релеса о русско-еврейскоязычном писателе из Городка Цодике Долгопольском, погибшем в Гулаге, члене-корреспонденте Академии Наук БССР, поэте Изи Харике, расстреленном в 1937 г., писателе Эле Кагане, поэте, переводчике на еврейский язык произведений Я. Купалы, Я. Коласа, других белорусских авторов; Зелику Аксельроде, писателе, переводчике на еврейский язык романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и бессмертного гоголевского «Ревизора» Мойсее Кульбаке, убитого

³⁹⁶ Рэлес, Р. «Для мяне іграў Галубок...» /Р. Рэлес // Беларуская деловая газета. – 2003. – 23 апреля. – № 59.

в 1937 г., погибших на фронте поэтах Семёне Ляльчуке и Геннадии Шведике, Эли Кагане, Льву Талалаю и других. Своеобразным реквиемом еврейским писателям и поэтам, ставшим жертвами сталинско-бериевского произвола или погибших при защите Советского Отечества стали очерки «Через перекрёстный огонь. О судьбе еврейской литературы в Белоруссии» («Праз скрыжаваны агонь. Аб лёсе яўрэйскай літаратуры ў Беларусі») и «Судьба кагорты» («Лёс кагорты»), опубликованные в середине 1990-х годов^{397*}.

Говоря о роли и месте Г. Релеса в белорусской советской литературе, сделаем небольшое отступление от временных границ нашего исследования. И вот почему. Во-первых, будет сделана попытка рассмотреть творчество Г. Релеса комплексно, в полном его объёме и, во-вторых, поэтический сборник «Берёза под окном» – это единственная книга поэзии на белорусском языке. И, хотя книга представлена читателям в переводе Р. Бородулина, она даёт достаточно полное представление о поэтических предпочтениях Г. Релеса, его оптимистическом мироощущении и лирико-романтической насыщенности строки и слова. И всё это воплощается в тематическом разнообразии. Здесь и послереволюционные мотивы (стихотворения «В те годы» – «У тья гады», «В детстве» – «У дзяцінстве»), и впечатления от военных событий («Юный партизан» – «Юны партызан», «Нет адресата» – «Няма адрасата», «Салют» – «Салют»), воспоминания об уральском периоде жизни («Уральская зима» – «Уральская зіма») и, конечно же, память о родных местах, тех традициях и обычаях, в которых проходила его юношеская жизнь («После бури» – «Пасля буры», «Берёза под окном» – «Бяроза пад акном», «Встреча» – «Сустрэча», «Лявониха» – «Лявоніха», «Соложе от мёда» – «Саладзеі за мёд».

Известный белорусский литературный критик Д. Политика, прочитав поэтический сборник «Берёза под окном», проникновенно заметил: «Напэўна, у кожнага чалавека ёсць вось такія Чашнікі, той кавалак свету, адкуль мы рабілі першыя крокі, адкуль пачынаюцца сцежкі-дарожкі ў вялікі свет. Гэтыя першыя ўражанні назаўсёды з намі. Уваскрасіць іх словам, прымусіць нас з хваляваннем перашываць іх, выклікаць прыгожыя пачуцці радасці, а разам з тым павялічваць нашу любоў і павагу да людзей – якая гэта пачэсная справа для паэзіі. Ёсць такая чароўная сіла і ў зборніку Р. Рэлеса «Бяроза пад вакном».³⁹⁸

Несколько метафорично звучит признание лирического героя Г. Релеса в стихотворении «С ярмарки» («З ярмаркі») при возвращении домой (ярмарка – то место, где состоялся «успешный» жизненный торг), вспоминающего пройденные дороги:

*...Хай сёння ўсе мяне вішуюць –
Іду дадому з кірмаша!
Бы ўчора выйшаў я ў дарогу.
Няўзнак за годам год мінуў.
Я нёс ці многа ці нямнога –
Цяжар прыгнуў маю спіну.
Іду я крокам нетаропкім,
Не так, бы ў першую вясну.
Яшчэ і рана ставіць кропку,
Ды шмат чаго ўжо не вярнуць.*

* См.: Полюмя. – 1995. – № 8; В краю светлых берёз. – Минск, 1997; Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания (Яўрэйскія савецкія пісьменнікі Беларусі. Успаміны). – Мінск, 2006.

³⁹⁸ Палітыка, Д. След часу: літаратурныя артыкулы / Д. Палітыка. – Мінск, 1967. – С. 122.

Мяне не памінаюць ліхам –
Вяршыў з усімі разам стог.
І чэсным мазалём
і рыфмай
Дапамагаў –
наколькі мог.

Мы ўсе ішлі не бітай сцежкай –
Уцэла крочылі ў жыцці.
Не многім выпала, канешне,
Да кірмаша
хаця б дайсці.

.....
Ківаю кветкам,
дрэвам,
травам.

Іду я, можна не спяшаць.
Я сам сабе не веру нават –
Іду дадому з кірмаша!³⁹⁹

И ещё одно стихотворение:

Не зайсці ў гэты сад,
быццам бацькаву хату мінуць
Тут маленькім знаёма
мне кожнае дрэва,
Помню ў сцюжу з саломы,
як з пялёнак, глядзелі яны.
А цяпер на галінах іх
яблыкі дрэмлюць.
Бацька дрэўцы ў мароз
спавіваў клапатлівай рукой.
Год ад году
сукоў станавілася болей.
Як румяных сынкаў
зараз гушкае яблыкі сад.
Толькі сада не ўбачыць
мой бацька ніколі.
Чуеш, бацька,
як грукае яблык цяжкі?
Чуеш, родны? –
не загінула праца дарэмна!
Не зайсці ў гэты сад,
быццам бацькаву хату мінуць...⁴⁰⁰

³⁹⁹ Рэлес, Р. Бяроза пад вакном: вершы. – Мінск, 1961. – С. 49–50.

⁴⁰⁰ Там же. – С. 66.

Привлекательные стихи, не правда ли? Здесь и философские размышления над пережитым, и уверенность в продолжении жизненной дороги поэта, и тоска по ушедшему из жизни отцу, наконец, о верности родным местам, родительскому дому. Читаются легко, непринуждённо, формируя у читателя лирически-эмоциональное душевное состояние. И, как нам думается, субъективность поэта не экстровертная, направленная на внутреннее самопостижение, а также состояние поэтической души, которое сопутствует жизненной правде, наполняет стихи Г. Релеса поэтическим дыханием и личностным мировосприятием. Пафос субъективности поэта, считает Д. Политика, наполняет его произведения духовностью, усиливает её.⁴⁰¹ И нельзя не согласиться с утверждением критика, что характерными для поэтического стиля Релеса, выступают «жывы ўсхваляваны дыялог, чыстыя паэтычныя паўторы, моцная інтымнасць лірычнай плыні верша, некаторая адцягнутая метафарычнасць».⁴⁰²

* * *

В своей жизни Г. Релесу довелось трудиться по разным профессиям. Однако была одна (кроме занятий литературной деятельностью), которой он отдал почти 30 лет жизни – это работа учителем, как в общеобразовательных школах, так и в вечерних школах рабочей молодёжи. О том, что значила для него работа с молодёжью можно судить по повестям и рассказам, посвящённым школе. И первой пробой творческого соединения литературы и педагогики стала повесть «О том, что не знают учащиеся» («Пра тое, што не ведаюць вучні», напечатанная в 1955 году в журнале «Полымя»). Затем будет повесть «Записки моего коллеги» («Запіскі майго калегі», Мінск, 1960), книга рассказов «За тесными партами», повесть «Через трудности поры. Из дневника классного руководителя школы рабочей молодёжи» и другие рассказы и очерки.

Стихотворение «В вечерней школе» из поэтического сборника «Берёза под окном» не отличается сложностью сюжета – учащейся школы рабочей молодёжи каменщице Тане за ошибки в контрольном диктанте преподаватель вынужден был поставить «двойку». Оценка объективная. Но переживают и она («У падушку ўбіўшыся, у інтэрнаце праплача, зная ўсю ноч...»), и учитель, проверяющий новую контрольную работу («Радок за радком, як па міннаму полю, вачыма праходжу... Ды «тройка»! Уздыхаю з палёгкай і выцраю ўзмакрэлы лоб»). И вот авторское резюме. Видя, хоть и небольшой Танин успех («За Таніну «тройку» быў дужа рад»), радостный шум в классе, он эмоционально определяется:

*Калі яшчэ Тані пастаўлю «двойку»,
Дык значыць «двойку» пастаўлю сабе.⁴⁰³*

И, думаем, что писатель был совершенно прав – опыт накапливался годами – он глубоко знал свою аудиторию: среди учащихся были и подростки, и двадцати-тридцатилетние люди и пожилые дяди и тёти. Одних несовершеннолетних в ШРМ «сбыла» общеобразовательная школа за слабую успеваемость и далеко не лучшее поведение, другие пришли сами, чтобы наверстать упущенное в молодости, третьим – поучиться предложило руководство трудового коллектива... И педагогу надо было определяться и в педагогических, и в психологических, и социальных отношениях, в личных контактах, взаимоотношениях. И главный герой книги «За тесными партами» классный руководитель Константин Ивано-

⁴⁰¹ См.: Палітыка, Д. След часу: літаратурныя артыкулы / Д. Палітыка. – Мінск, 1967. – С. 123.

⁴⁰² Там же. – С. 124.

⁴⁰³ Рэлес, Р. Бяроза пад акном: вершы / Р. Рэлес. – Мінск, 1961. – С. 61.

вич приходит к поэтическому постижению жизненного правила – «Нет плохих учеников, есть плохие учителя». Правило это, как показывает его педагогическая практика, постоянно наталкивается на обычные, в школьной среде, противоречия. С одной стороны, он ищет и находит пути к формированию единого во мнениях и делах классного коллектива; с другой, этот результат – не только творческих усилий Константина Ивановича, но и его неприятие псевдоприёмов завуча школы Эмили Антоновны, или её подруги учительницы географии Лоллы Антоновны, для которых красивая, иногда острая, но, по сути, формальная фраза и есть способ достижения успеха.

Смог Константин Иванович, как и герои других произведений Г. Релеса, на педагогическую тему озвучить проблемы обучения работающих людей, увидеть и предложить читателю правдивое и проблематичное состояние работы ШРМ в 1960-е – 1970-е годы. В этом и есть значимость литературно-педагогических произведений Г. Релеса, подсказывающих необходимость постоянного совершенствования педработы, имеющих свою ценность и в наши дни.

Не менее привлекательными выглядят и повести, и рассказы Г. Релеса, возвращающие его в родные места, родным и близким с его детских и юношеских лет людям. Здесь нет выдающихся личностей – герои писателя – это, так называемый «средний» человек: бывший партизан Соломон Ошеров (рассказ «Сторож»), актриса гастролирующего театра Мария Еланская (рассказ «Племянница»), сторожил посёлка Дуся (рассказ «Не так это просто»), детский врач Мария (рассказ «Вдовушка»), путевая обходчица Альбина (рассказ «Мать и дочь») и другие жители родного Чашникско-Лепельского края. Но не менее интересны для читателя очерки и рассказы, родившиеся у писателя в результате многочисленных творческих командировок (Кричев, Речица, Городище, Жлобин, Крупки, Калинковичи и др.). Ведь в каждой из книг этого прозаического цикла автор ведёт разговор о радостях и горестях людских, о нравственно-этических коллизиях в окружающей его действительности.

А свои размышления мы хотели бы завершить «неожиданной» экскурсией в поэтические увлечения Г. Релеса. И в 1960-е, и в 1980-е годы не забывает он о своих исканиях в довоенной поэзии. И, вот, читателю предлагается, пусть и переводная, но откровенная душа поэта, прозаика, «старого еврея».

Вот и «Листопад», датированный 1968 годом:

*Под крышами жмутся унылые галки –
Горюют иль, может быть, спят.
И осень подходит ни шатко, ни валко,
А следом идёт листопад.
Опавшие листья – деревья страницы –
Прозрачно-желты и чисты.
Наборщики, видно не стали трудиться,
И шрифт не запомнил листья.
Их ветер сегодня рябиво разносит
По разным – по всем – адресам.
И кажется мне, что доверила осень
Какую-то тайну листам...⁴⁰⁴*

А вот «Ледолом» («Крыгаход») 1972 года:

⁴⁰⁴ Релес, Г. Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания / Г. Релес. – Минск, 2006. – С. 284.

*...Нібы маланкі лёд спаласавалі –
І грымнуў гром – адтуль, з бяздонных вод.
Блакітным вокам выбліснула хваля
І – зноў у вір... Пачаўся крыгаход!
Вільготны вецер абвясціў адкрыта,
Што лёд крануўся, збуджаны вясной.
А людзі і не пачулі навiны той,
Занятыя будзённасцю сваёй.
Ля дома жонка першаю спаткала,
Яе погляд нібыта гаварыў:
«Што там цябе раптоўна ўсхвалявала,
Такім шчаслівым ты даўно не быў?!»⁴⁰⁵*

Или философский роздум над «птицами-воспоминаниями»:

*Яны ідуць за мною,
Успамiны,
З усіх маіх дарог,
З бароў,
З яроў.
Каб з памяці іх мог
Я ў міг адзіны
Прагнаць, як з плоту
Гэтых снегіроў.
Ды з лесу голага
Да хат пагрэцца
Мароз
Іскрынкi зябкія занёс.
Што выглядаюць,
Быццам пагарэльцы,
З-за ледзяшоў,
Ці свой птушыны лёс?
Тут знойдуць снегіры
Скарынкi, зерне,
Аслабне ў зацішку застрэшша
Золь.
А хто мае ўспамiны
Ў двор заверне,
Хто іх пакорміць,
Хто суцішыць боль?»⁴⁰⁶*

Жила душа творца... И может быть эти поэтические строки являют лучшее свидетельство о прожитом и пережитом. И, можно согласиться с мнением известного литературоведа еврейской советской литературы А. Левиной, «называющей Г. Релеса патриархом еврейской культуры Белоруссии, последним из могижан...».

⁴⁰⁵ ...Дзень паэзіі-72. – Мiнск, 1972. – С. 198–199.

⁴⁰⁶ Дзень паэзіі-81. – Мiнск, 1981. – С. 147.

Таким вот нам он показался – уроженец г. Чашники, малоизвестный даже на своей родине – еврейский советский поэт, писатель и педагог Григорий Релес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рэлес, Р. Пра тое, чаго не ведаюць вучні. Аповесць / Р. Рэлес // Польша. – 1955. – № 8, 9.
2. Рэлес, Р. Запіскі майго калегі / Р. Рэлес. – Мінск, 1960.
3. Рэлес, Р. Бяроза пад акном: вершы / Р. Рэлес. – Мінск, 1961.
4. Рэлес, Р. Сябры і знаёмыя: апавяданні / Р. Рэлес. – Мінск, 1963.
5. Релес, Г. За теснымі партамі: рассказы / Г. Релес. – Минск, 1966.
6. Релес, Г. В родном уголке: рассказы / Г. Релес. – Минск, 1972.
7. Релес, Г. Отзвуки времён: книга поэзии / Г. Релес. – М., 1974.
8. Релес, Г. Через трудный порог. Из дневника классного руководителя школы рабочей молодёжи: повесть / Г. Релес. – Минск, 1975.
9. Релес, Г. Под каждой крышей: рассказы, очерки / Г. Релес. – Минск, 1979.
10. Релес, Г. Не розами устлан твой путь: повести и рассказы / Г. Релес. – Минск, 1983.
11. Релес, Г. Еврейские советские писатели Белоруссии. Воспоминания / Г. Релес. – Минск, 2006.

ОЛЕГ САЛТУК

Поэт **Олег Владимирович Салтук** родился 25 августа 1946 года в д. Рыженьки Шумилинского района в крестьянской семье. Ещё в детстве научил его читать, мать привила любовь к народной песне. В 1963 году О. Салтук окончил Мишковскую среднюю школу и поступил на отделение русского языка и литературы Могилёвского педагогического института. Окончил институт (1967), служил в Советской Армии. После демобилизации работал секретарём ушачской районной газеты «Патриот», собственным корреспондентом витебской областной газеты «Віцебскі рабочы», секретарём Витебского областного отделения Союза писателей Беларуси.

Первые заметки О. Салтука в газетах «Герой працы», «Піянер Беларусі» появились ещё в школьные годы. Однако начало своей поэтической деятельности О. Салтук относит к 1965 г., когда с благословения поэта Алексея Пысина в газете «Могилёвская правда» было напечатано его первое стихотворение. И первый литературный учитель будущего поэта не ошибся: за 17 путей творческих дорог О. Салтуком написаны поэмы, множество стихотворений, выполнены десятки переводов стихов с русского и украинского языков. В то же время произведения нашего земляка звучали на русском, украинском, польском, болгарском, немецком языках. Творческие приобретения О. Салтука нашли отражение в книгах стихотворений и поэм «Начало дня» («Пачатак дня», 1974), «Продолжение» («Працяг», 1977), «Свет земли» («Святло зямлі», 1982), «На ладонях жизни» («На далонях жыцця», 1988), печатались в коллективных сборниках «Молодые поэты Белоруссии», «Истоки», «Беларусь моя», звучали в передачах по радио и телевидению.

Уже в начале творческого пути в поэтической памяти О. Салтука выкристаллизовались темы его будущих исканий – любовь к Родине, красоте родной Бацькаўшчыны, героической памяти, связанной с трагизмом и героизмом Ушачской земли в годы Великой Отечественной войны... Чуть позже в поэтику О. Салтука вливаются произведения, посвящённые собственным армейским будням, любви, заботам и тревогам времени, непростым человеческим взаимоотношениям.

Внимательное прочтение поэтического творчества О. Салтука позволяет и сегодня оценить многообразность его поэзии, в основе обобщающей характеристики, которая, пусть негласно, выражает настойчивое, всеобъемлющее, мы бы сказали, суперактивное стремление поэта к постижению глубинной сущности

миросуществования, а стержневым моментом – конкретно-образное осмысление духовно-исторических истоков формирования национального самосознания. Несколько строк из первого поэтического сборника «Начало дня»:

*Сяла не ўгледзець з-за
садоў,
Нібы падлодка з тоўшчы
хваляў.
І спіны мокнуць у дзядоў –
Даўно ўжо не косаў не кляпалі.
Дзяды б'юць косы,
А сыны
На луг шыбуюць дружным
скопам...
З садоў далёка каміны
Глядзяць,
Як з хваляў перыскопы...⁴⁰⁷*

И вот этот лирический фон становится основой для поэтического анализа сложных морально-этических и философских проблем, восприятия поэтом изменчивого и быстротечного бытия, духовного наследия, традиций и обычаев предков, многогласия постоянно-живущей Вечности. Как-то получив характеристику, чьё творчество связано с жизнью и на асфальте, и на дорожных просёлках (В. Ярец), поэт проявил неожиданные, но всегда глубоко заглубленные варианты поэтической мысли, пронизанной неразрывной связью с родным белорусским, или со славянским началами. В стихах и поэмах, в поэтических образах, возникающих «з душэўнай і духоўнай патрэбы» (А. Мартинович), в судьбе и жизни лирического героя О. Салтука всегда прослеживается чувство искренней благодарности тропинкам детства и юности, перекрёсткам зрелости, что вывели и ведут поэта по жизни и необъятным просторам родного Отечества. Геннадий Буравкин как-то отметил, что в поэтике О. Салтука чувство причастности к тревогам и глобальным мировым проблемам очень личностное, лирическое, тихое и приходит оно не только тогда, когда он в мыслях охватывает взглядом планету, а чаще всего тогда, когда он задумывается о судьбах земляков, об истории родного края, о становлении своего поколения. Между поэтом и его Родиной (большой Белой Русью и «малой» деревенькой Рыженьки и речкой Нерешней), его земляками, близкими и памятными для сердца людьми, событиями и местами установилась та прочная неразрывная связь, без которой нет ни поэзии, ни духовности, ни в целом человечности. Связь с родными местами – это не только встречи с близкими людьми, знакомыми и дорогими с детства речушками, полями и дорогами. Поэт возвращается на Родину, которая дала ему язык, через слово, которому придаёт силу и уверенность. При этом любовь к отечеству (это очень тонко подметил В. Ярец) выказывается «без эстрадного завывания и холодной монументальной декларативности». Конечно, произведениям О. Салтука присущи эмоциональность и приподнятость, духовная наполненность, публицистичность, духовная наполненность, благодаря которым минувшее и настоящее, личное и общечеловеческое сливаются в единое целое, в котором читатель находит не только «вогненныя сполахі і незагойныя водгукі мінуўшчыны, але і спадзяванне, веру ў неўміручасць, у працяг» (В. Ярец).

⁴⁰⁷ Салтук, А. Пачатак дня / А. Салтук. – Мінск, 1974. – С. 36.

Первый поэтический сборник О. Салтука «Начало дня» и последний «На ладонях жизни», написанный в условиях Советской Беларуси, разделяет четырнадцать лет. Это были годы поэтического взросления, мучительных поисков и находок, наполнения поэтического простора новыми темами, более зрелым, более аналитическим, углубленным философско-этическим подходом к их осмыслению (не просто утверждать эстетику обычного!), а также новаций в структурной полифонии стиха, ритмичной и графической многообразности. Имеется в виду неоднобразие метрики соседства различных версификационных форм и приёмов организации материала. Внимание О. Салтука привлекает не только настроение крестьянской избы, но и процессы в развитии общества и человеческих отношений, те явления, из которых складывается жизнь, вырастают поэты и их мировосприятие. При этом все процессы и явления воспринимаются автором не изолированно одно от другого, а во взаимосвязи, определённой зависимости и взаимовлиянии. Один пример.

Вот научно-философская цепочка «нация–коллектив–личность». Для поэтического осмысления этой триады О. Салтук находит свои подходы и слова. К примеру, о нации: ломали нас, белорусов, «распіналі на дыбах, плахах і крыжах», «але ўставалі мы з каленяў, не паміралі, а жылі». О земляках: «У Шуміліне пасынак сёння я, ва Ушачах – даўно сыноч. Землякі, мае родныя, сонныя, не чутно мяне ў вас, не відно». Рождаются такие мысли, формируя образ Родины, такие слова и строки, потому что для поэта (как и для каждого из нас) «мясціны бацькі, мясціны маткі» и есть тот «дым Отечества», о котором, если ты действительно предан ему, не будешь каждый раз говорить высоким словом, но которое живёт в сердце, душе, памяти, где бы ты не был. О семье (для поэта именно она выступает в качестве первичного коллектива): здесь, в первую очередь, тёплые слова о матери («Ты для мяне незгаснае святло. Няхай цябе агарне і вартуе анёл – на найсвятлейшае крыло»), об отце («Стары, сівенькі мой, стары, часцей адзін ты днём і ноччу: схаваў матулю дол стары, а жыць да нас ісці не хочаш»).

Шумилинская деревня – колыбель поэта. Здесь сформировалась и утвердилась в детской душе любовь к родителям, детские и юношеские впечатления складывались с твёрдую мировоззренческую позицию, которая позволяет проводить сверку начальных этапов своей жизни с сегодняшними, «взрослыми» чувствами и мыслями. Это убедительно подтверждает стихотворение («Такі наш звычай...») из первой книги поэта «Начало дня», которое приведём полностью:

*Такі наш звычай –
Іншага не знаю,*

*Прыйшоў да нас ён з даўняй
старыны:*

*Звініць вяселле –
Вёска ўся гуляе;
І вёска ціха плача ля труны.
І вёска ўдаве будзе хату,
Нібы мурашнік,
Тая талака,
І вёска выпраўляе ў салдаты
Мурзатага калісьці хлапчука.
І талакой
Калісь ішлі з няволі.
Вялікі звычай,*

*Покуль ён живе, –
Нас не сагнуць,
Нікому і ніколі...⁴⁰⁸*

Конечно, корнями своими эта проблематика заглубляется и в «Начало дня», и в «Продолжение», и в «Свет земли», и «На ладонях жизни». (Не может человек, особенно если он натура поэтическая, жить без своего определяющего начала!). Именно в первых книгах поэта сложилась его тематическая определённости. Вот, к примеру, второй сборник стихов «Продолжение», в котором читатель найдёт поэтические воспоминания о земле детства «У нас лесная сторона...» («У нас лясная старана...»), «Ровеснику» («Равесніку»), «Старый колодец» («Старая студня»), «Бьётся крыльями петух...» («Лапоча крыламі певень...»), «Потушили в деревне давно огни» («Патухлі ў вёсцы даўно агні»), размышления о неразрывности связей детей с родителями и Родиной – «Родине» («Радзіме»), «Беседа с лесом» («Размова з лесам»), «За победу сегодня выпил...» («За перамогу сёння выпіў...»), «Не насмехайтесь надо мной, не иронизируйте...» («Не пасміхайцеся з мяне, не кпіце...»), «Беловежа» («Белавежа»), «Дорога» («Дарога»), заботы о судьбе мироздания и человеческой памяти – «Ответьте, почему...» («Адкажыце, чаму...»), «Память» («Памяць»), «Проклятая баллада» («Выклятая балада»), «Рисуют дети на асфальте...» («Малююць дзеці на асфальце...»), «Приветствую солнца восход» («Вітаю сонца узыход»), лирические строки о любви – «Когда разговаривают уста...» («Калі размаўляюць вусны...»), «Сирень цветы купает в росах...» («Бэз пялёсткі купае ў росах...»), «Хотела как-то море зажечь...» («Хацела неяк мора запаліць...»), «Свет твоих глаз...» («Святло тваіх вачэй...»). Во многих произведениях можно найти интересные заходы к поэтическому постижению сущности явления, интересные формотворческие подходы, неожиданные метафоры, сравнения («Верасень келіх з краямі наліў – восень на царства вяпчаецца», «Лістапад асцярожна, на дыбачках ходзіць...», «Вечныя толькі багі, ад сэрца не маюць жывога») и др.

Тематически всё это найдёт своё отражение в сборниках «Свет земли» и «На ладонях жизни». Однако подходы автора к реализации обозначенных направлений, как нам кажется, несколько отличаются от предыдущих, их конкретно-образное воплощение принимает более реальные и в то же время обобщённые черты и достигается через отношение поэта к таким известным личностям в белорусской художественной культуре, как Франциск Скорина и Владимир Короткевич, Янка Купала и Олег Янченко («На ладонях жизни»), Феликс Тапчевский, Игнат Буйницкий, Евдокия Лось («Свет земли»). Вот эмоционально-экспрессивные, но болезненно-правдивые строки из стихотворения «Памяти В.С. Короткевича» («Памяці У.С. Караткевіча»):

*...Нылі недзе няўлоўна званы,
Мож, у Віцебску, можа, у Гародні,
Ведаў ты, як пражыць без маны
І адкуль, і якога мы роду.
Каласы ўжо чакалі сярпоў.
Незабыўны той час, незваротны.
Адышоў?
Не – да дому прыйшоў,
Задуменны, шчаслівы, гаротны.*

⁴⁰⁸ Салтук, А. Пачатак дня / А. Салтук. – Мінск, 1974. – С. 4.

*Ты ляжыш пасярод зямлі.
І вярба, і чазенія ў скрусе.
БЫЎ.*

ЁСЦЬ.

БУДУ.

*Не будзеш калі –
Значыць, Бог уцячэ з Беларусі!»⁴⁰⁹*

Душевно-болезненно звучит и стихотворение-посвящение землячке поэтессе Евдокии Лось:

*Усё было. Усё было.
Мы сёння толькі паўтарэнне...
Зямлі кранулася святло,
І пачалося празарэнне.
Што без яго мы? Камяні –
Былых часоў нямыя сведкі,
А голас ёсць і ў цішыні,
І размаўляць умеюць кветкі.
А як падслухаць, разгадаць
І голас той, і гукі гэты?..
Ляцяць у вырай і ляцяць,
Каб не вярнуцца больш, паэты.⁴¹⁰*

Фамилии творцов национальной художественной культуры, которые читатель находит в первых четырёх поэтических сборниках О. Салтука совсем не случайность. С одной стороны, это хорошая и удачная попытка в поэтической форме осмыслить исторический путь развития белорусского искусства, зафиксировать через конкретных личностей не впечатляющие личностно-исторические явления, которые, будто янтарь, не теряют со временем своих качеств, а становятся ещё более величественными и привлекательными. С другой, это как бы ступени, подходы к поэтическому осмыслению такого сложного философского явления, как язык понимания его сущности, его роли и места в историческом и культурном развитии нации.

Сошлёмся на литературоведа Аллу Кабакович, которая в одной из статей о творчестве О. Салтука тонко заметила: «Мова ва ўжытак кожнаму дастаецца спадчынна». В том числе и поэту. А уж как каждый из нас (в том числе и поэт) сможет распорядиться таким национальным сокровищем, это уже другая сторона дела (не секрет, что и на сегодняшний день отношение к родному белорусскому языку – как ко второй государственной и т.д., и т.п.). При этом, для человека творческого, на наш взгляд, прослеживаются две ипостаси – отношение к языку как явлению историческому, национальному, философскому и отношению к родному языку как материальному выражению всеобщего понятия «язык».

Упомянутая нами А. Кабакович высказала однажды интересную и глубокую мысль. Мол, поэтическое творчество – это всегда приручение слова. И с ней нельзя не согласиться – в поэзии без «прирученного» слова никак не обойдётся. Как не обойдётся без понимания глубинной сущности первоосновы слова – языка, языка родительского, дедовского, тех наших предков, кто, как

⁴⁰⁹ Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 50.

⁴¹⁰ Салтук, А. Святло зямлі / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 116.

камушек за камушком, отбирали её исторические приобретения, обрабатывали, отшлифовывали, чтобы в итоге язык наш белорусский сверкал на небосклоне языков мира отличительной, неугасающей звездой. И звучит это слово в родительских устах и поэтических произведениях («Слова матчынай мовы так у сэрца запалі, што ў вершах нанова праз гады прарасталі...»), родных песнях («А ў сэрца ўсё б'ецца песня матчына й белы свет»), на солдатских обелисках («Цішыня на варотах распята. Ад болю белыя пліты: у сорок трэцім, у сорок пятым забіты, забіты, забіты...») и на отеческой спине:

*Бацька скажа, як ні запытаю:
– Усяго бывала на вайне...
Кінула ў прадонне
разрыўная,
Баразну праклала на спіне.
Тру спіну з вялікай
неахвотай.
Толькі ці мая ў тым віна,
Калі што суботу з-пад вятохі
Проста ў вочы мне
Глядзіць вайна?⁴¹¹*

Родной язык для поэта – это и сущность жизни («У век імклівы, у век суровы, шукай высновы, у яве слова Бацькоўскай мовы»), и сущность творчества:

*Буду стаяць на сваім:
Паэзія – гэта ўздым,
Паэзія – гэта падзенне.
Малітва і ачышчэнне
Неба крутая бязмежнасць,
Лёсу твайго непазбежнасць.
Паэзія – гэта натхненне,
Праўда, давер і сумленне.⁴¹²*

Приходилось сожалеть, но во второй половине 1970–1980-х гг. это не все хотели понимать. В поэме «Встреча» («Спатканне») О. Салтук высказывается совершенно однозначно:

*...Было хвалючы сказаць,
Што ў слове дух і гарт народа,
Дык я сягоння з тых спагнаць,
Хто сваё слова лічыць шкодным?
Каб на мяне, вось што б зрабіў:
Такіх усіх і без размовы
У першы клас бы пасадзіў
У школу з беларускай мовай.
Цярпліва б і з душой вучыў,
Каб на жыццё навукі стада,
Што беларус спрадвеку быў,*

⁴¹¹ Салтук, А. Святло зямлі / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 35.

⁴¹² Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 58.

*А з ім – і Колас,
і Купала?*⁴¹³

Как оказывается всё это святое в жизни поэта – его Родина, которая дала слово, счастье и талант распоряжаться ими. Поэтому и думает, и заботится поэт об истинности слова, доверии и уважении к нему:

*Каб слова праверыць
На абрус пакладзі яго матчын,
Што на святы яна засцілае.
Калі больш пасвятлее ад слова
ў хаце
Гэта добра».*

Поэту и требователен поэт к себе, к своему творчеству. В поэтическом сборнике «На ладонях жизни» О. Салтук сформулирует своё понимание поэтического творчества, своё отношение к поэзии:

*Жыву і веру,
Веру нездарма:
Я не апошні з іх, сыноў вясковых.
Выток мой там, пачатак і аснова,
Там спадзяюся адшукаць я словы,
Якіх пакуль у слоўніках няма.*⁴¹⁴

(«Вера»)

Таким образом, сливаются в единое целое «слово», «язык», «творчество», «поэт», как бы приближая О. Салтука к поэтическому постижению сущности Родины, его принадлежности и ответственности за неё. Своеобразным обобщением, обращением-призывом быть верным Отечеству звучат следующие строки: «Жывіце шчасліва і дружна, сябры, землякі і радня, каб нехта чужы і дасужы сваё ў нас не адняў». И далее поэт призывает:

*Адна ў нас такая зямелька,
Дзе кожнаму месцейка ёсць.
Не будзе яе – хоць у пельку,
Таварыш, спадар, ягамосць.*

Однако к тому времени, когда «земная глыбіня» станет «апошнім прытулкам», лирический герой О. Салтука постоянно ощущает свет родной земли, стремится, чтобы она вечным добром освещала Отечество, людей, которые живут и трудятся в Беларуси. Никто не знает, куда забросит его судьба, но каждый, кто помнит свои истоки, кто глубоко пустил корни в тёмные белорусские поля и зелёные сенокосы, должны знать следующее:

*Запытаюць цябе, чый ты сын,
Адкажы, мой сыноч:
– БЕЛАРУС Я!*

Для своего героя поэт в окружающей действительности находит реалии, цементирующие жизнь родной стороны и жизнь славян в единое, неразрывное

⁴¹³ Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 115.

⁴¹⁴ Там же. – С. 53.

целое. Как нам кажется, в отношении к Беларуси таким символом стала речушка Нерешня (которую только и найдешь на географической карте Шумилинского района). Маленькая речушка Нерешня для поэта – это и жизненные истоки («Ёсць у мяне свае вытокі, і пачынаюцца яны з Нярэшні – рэчкі неглыбокай, сястры малодшае Дзвіны...»), и исток творческого вдохновения, и место размышлений над прожитым и увиденным. Через любовь к своей Нерешне поэт высвечивает общезначимые общественные проблемы, неподвластные поэтическому перу. Звучат они эмоционально-обостренно, даже тревожно. Вот, к примеру, строки из поэмы «Встреча», в которой тесно переплелись социальное и моральное, духовное и экологическое:

*Дзень ідзе, і я іду
У зару яшчэ младую.
У радасць крочый, прыйшоў у бяду –
І смуткую.
Баравіны шумелі тады
І сяло, як вулей, гуло,
Нібы крыгі, сплылі гады,
Агарнула суму крыло.
Дзе паляны сунічныя, дзе
На Дзвіне крутыя віры?
Лес, мой лес, як жа ты парадзей –
Хоць лічы сасонкі ў бары!
Школы новай бялеюць муры.
Кабінеты – цяпло і святло –
Ёсць усё, мени дзетвары
Чым у нашай драўлянай было.
У Парэччы –
Чатыры двары.
У Далуэве...
Што лічыць?
Амаль кожны двор стары –
Не бабулек жа ў школе вучыць.⁴¹⁵
(Всё выделено авторами. – А.Р., Ю.Р.).*

Да, всё есть в нелёгкой деревенской жизни (непродуманные мелиоративные работы, вырубленные леса, состаревшие деревни и люди), но в голосе поэта всё же преобладает оптимистическое начало:

*І вады дадуць табе крыніцы,
І апоўнач дужыя ласі
Выйдуць з пушчы да цябе напіцца.
На купалле моладзь прыбязыць
У святочнай да цябе абнове.
Трэба верыць, рэчка, трэба жыць, -
Мой выток,
Пачатак
І аснова!⁴¹⁶*

⁴¹⁵ Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 116.

⁴¹⁶ Там же. – С. 122.

Кстати, и маленькие речушки (Нерешня и Ушача, Дорейка и Вульянка), и более значительные (Двина, Полота, Витьба) – своеобразный фетиш поэта, дань которому он отдаёт в каждой своей книге. К тому же и сам поэт открыто признаётся: «У мяне ёсць тры рачулки, светлы боль, мая любоў. Мне без іх на свеце мулка, з імі сэрца б'ецца гулка і бунтуе ў жылах кроў... Ёсць на свеце тры рачулки – берагі маёй тугі...». Умение увидеть, заметить ощутить человеческое (и своё) родство на своём реальной почве действительности 1970–1980-х годов – составляет важную характеристику в творчестве О. Салтука. Его стихи о родных и близких с детства местах – оптимистические, душевные, насыщенные поэтическими зарисовками природных явлений, родных лесных просторов, взаимоотношений человека и природы.

Хотя сам О. Салтук войны не видел, военная тема в его творчестве представлена очень широко и многопланово. Своё отношение к войне поэт формирует через осмысление отдельных эпизодов (скрипящий протез ветерана, осколок, который пила нашла в дереве, проржавевшие пули в каждом дереве, уцелевшая от расстрела девочка, кровавый блокадный прорыв, солдатские захоронения у дороги Витебск–Лиозно, отцовская военная медаль, жизнь вдовы Адели), которые в итоге складываются в панорамное полотно народной памяти, в которой трагически-суровыми символами выступают непокорённая Брестская крепость и шемящая душу Хатынь, трагическая блокада Ушачско-Лепельского партизанского края и каждый четвертый погибший белорус:

*У зямлі маёй памяць моцная,
У народа – яшчэ мацней.
Абеліскам на брацкіх могілках
З кожным годам усё цясней.
Едуць сёння здалёку і зблізку
Пакланіцца, узяць жменьку зямлі...
Манументы і абеліскі
З нашай памяці прараслі.
Гэта памяць усё нераверне
Праўдаю,
Як зямлёю сырой...
У тваю нязломнасць я веру,
Неўміручая
Крэпасць-герой.
Веру вам,
Каміны Хатыні,
Вас ні жах, ні агонь не скарыў.
Веру вам,
Сцяжыны святыя,
Партызанскія –
На Прарыў!*

Помни о войне и поклонись народу, который смог в ней выстоять и победить, – вот лейтмотив стихотворений и поэм О. Салтука о военном лихолетье. Живи, современник, радуйся и... помни. Помни, что оружия в мире накоплено много и оно (или те, кто им владеют) всегда ищет место для своего использования.

Не смог обойти О. Салтук и такую традиционную для поэтического творчества тему, как любовь. Однако же быть в ней традиционным, значит, загубить себя. Именно поэтому поэт стремится найти свои, отличительные подходы, мет-

кие тёплые слова. У каждого из нас есть та единственная, которой решаемся однажды адресовать своё признание. У О. Салтука читаем:

*Святая, мусіць, ты,
Калі даюць яшчэ
Цяпла тваіх вачэй
Хапае мне на ўсіх маіх сцяжынках.*⁴¹⁷

Неожиданно, даже непривычно, звучит просьба героя к своей избраннице. Однако, какая искренность, какая открытость чувств: «Напішы мне пісьмо // На лісточках кляновых, // У азёрную сінь абмакнуўшы пяро».

И ещё об одном. О постоянном внимании О. Салтука к устному народному творчеству, обогащении его поэтики народной мудростью, насыщении произведений метафорами, неожиданными сравнениями. Особенность, однако, не только в заимствовании из народного и использовании его: идёт процесс обогащения собственного поэтического языка, создания своих неологизмов, новых словообразований. Словом, идёт процесс утверждения своей поэтической дороги, на которой главным для него стало правило «Не петь из чужого голоса!».

В белорусской советской литературе О. Салтук выглядит поэтом зрелым, творческим, ищущим. Это Личность с открытой и активной творчески-гражданской позицией: перо поэта всегда направлено на осмысление общечеловеческих и значимых для него личных проблем. Читатель принимает его озабоченность судьбой белорусов, переживших Чернобыль, удивляется его деликатности и тонкости при осмыслении темы любви и взаимоотношений между близкими людьми. Личное же желание поэта более скромное: «І адно, напэўна, засталася, без яго няма чаго і жыць – дачакацца (Божа, каб збылося!): жніўны ранак... Спелае калоссе... І насустрач мне ўнук бяжыць».

Активная творческая деятельность О. Салтука продолжается и в условиях суверенной Беларуси. Его поэтический голос звучит мелодично, настойчиво, привлекательно, охватывая новые просторы и аудитории. Однако это тема для нового исследования.

ЮРАСЬ СВИРКА

К середине 1960-х годов **Ю. Свирка** был известен как автор двух поэтических сборников, получивших признание и у читателей, и у литературоведов и литературных критиков. В представленной на суд читателей в 1967 году третьей книге стихов «Боровина» («Баравіна»), поэт, по словам его же коллеги по поэтическому цеху К. Камейши, предстал «обновлённым и возмужавшим, в его поэтическом голосе было много тревоги, боли за пережитое и за нашу неустроенную, не очень счастливую жизнь...».⁴¹⁸ И лучшее подтверждение словам К. Камейши находим в стихотворении «Хочу проснуться...» («Хачу прагнуцца...»), которым и открывалась «Боровина»:^{*}

*Хачу прагнуцца я
Праз сотні год,*

⁴¹⁷ Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988. – С. 103.

⁴¹⁸ Літаратура і мастацтва. – 1993. – 7 мая.

* Наши авторские суждения в значительной мере будем подкреплять ссылками на произведения самого Ю. Свирки.

*Паслухаць траў і ветру шапаценне.
Хачу я толькі на адно імгненне
Паслухаць,
Як жывеш ты, мой народ.*

*Хачу паслухаць
Шум сівых бароў
І пахадзіць прасекаю лясною,
Спыніцца над Бярозаю-ракою,
Паслухаць шоргат сініх чаратоў.*

*Калі пачую:
Ты жывеш, народ
(Па голасе пазнаю беларусаў),
Тады спакойна на пагост вярнуся
І зноў засну –
На сотні тысяч год.⁴¹⁹*

С поэтической исповедью Ю. Свирки вполне коррелируются его признание «Возвращаясь в пережитое» («Вяртаючыся ў перажытае»), напечатанное в автобиографическом сборнике писателей Беларуси «Истоки песни» («Вытокі песні»): «Калі б патрабавалася адказаць, якія вершы любіш, зазначыў бы: выпакутаваныя, сціслыя, спакойныя. Мне здаецца, калі паэт свядома піша гучныя радкі, то ён думае, што ўсе глухаватыя і яму трэба крычаць.

Не люблю вершаў-галаваломак з прэтэнзіяй на глыбокадумнасць, не люблю вершаў без жыццёвай асновы і лёсу.

Пераканаўся, што лепш пісаць па гарачых слядах паэтычнай задумы. Накіды, пакінутыя ў запіснай кніжцы, з часам астываюць. І немагчыма двойчы прымусіць сваю душу вяртацца да першапачатковага настрою і хвалявання».⁴²⁰

Эти слова, как впоследствии оказалось, лягут в основу философско-эстетической концепции творчества Ю. Свирки во второй половине 1960-х – 1980-х гг. И в этой многофакторной системе определяющую роль будут играть несколько всеобъемлющих тем – тема памяти о военных и трудных послевоенных годах, родных местах, родной природе, близких и дорогих с детства людях. О последних, кстати, поэт пишет неторопливо и спокойно, как будто ведёт летний покос. Это врождённая уважительность к односельчанам, их не простой, противоречивой жизни); тема ответственности поэтического слова, родного языка и роли писателя в формировании нравственно-эстетических взглядов, вкусов и представлений человека, тема человеческих отношений, любви, дружбы, уважительного отношения к старшим по возрасту людям; наконец, тема верности народным традициям, той неиссякаемой духовно-нравственной ауре, в которой есть место и М. Богдановичу, Я. Купале и Я. Коласу, всему богатству народной жизни, которым так богаты белорусская земля, родная Бегомльщина, небольшая родная деревня Марговица...

И в этом условном тематическом разделении поэт предстаёт во всей многогранности своего таланта (от лиризма к публицистике, от трагедийности до самого высокого чувства любви), приглашает читателя к размышлениям, насыщая стихи и баллады огромным гражданским смыслом. И его память, пронизанная дыханием

⁴¹⁹ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 3–4.

⁴²⁰ Свірка, Ю.М. Вяртаючыся ў перажытае / Ю.М. Свірка // Вытокі песні. Аўтабіяграфія беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1979. – С. 255–256.

сурового военного времени, приобретает новый социальный аспект, возрастает публицистичность и личная ответственность лирического героя за дела собственные и дела других людей. Эта линия в поэзии ярко проявится в стихах «Сижу с комбригом партизанским...» («Сяджу з камбрыгам партызанскім...»), «Память партизанского района» («Памяць партызанскага раёну»), «Он думал...» («Ён думаў...») (поэтический сборник «Боровина»), «Тебя я уже годами прожил...» («Цябе я ўжо гадамі пражыў...»), «Минск. Площадь Победы 9 мая» («Мінск. Плошча перамогі 9 мая»), «Баллада о памятнике» («Балада пра помнік») (поэтический сборник «Кровность»); «Баллада о партизанине и пограничнике» («Балада пра партызана і пагранічніка»), «Баллада о танце» («Балада пра танец»), «1418 дней» («1418 дзён»), «Партизанские вдовы» («Партызанскія ўдовы») (сборник «Автограф»), «21 июня 1981 года» («21 чэрвеня 1941 года»), «Снимки военной поры» («Здымкі ваеннай пары»), «Июль 1944 года» («Ліпень 1944 года»), «Солдат Отечественной» («Салдат Айчыннай»), «Сон партизанской вдовы» («Сон партызанскай удавы»), «Баллада о бессмертии» («Балада пра неўміручасць»), «Партизанская мадонна» («Партызанская мадонна»), «Саласпилский реквием» («Саласпілскі рэквіем») (сборник «Ядрённость» («Ядранасць»)) и др.

Тематическое определение творчества Ю. Свирки, сформулированное нами, правильное было бы назвать условным, ибо у поэта тема чаще всего становится чем-то внутренним, органическим, совпадает с идеей, с судьбой, с ощущением моральной ответственности за всё. При этом ответственности не словесно-декларативной, пронизанной восприятием жизни, состоявшейся на родной земле. И, если эту жизнь разложить на «кирпичики», составляющие выделенную нами в качестве первой «тему памяти», то все описать их просто невозможно. Попробуем это сделать при помощи самого Ю. Свирки – его стихи можно комментировать, читать по-своему, но, на наш взгляд, читателю надо представить авторские поэтические строки, а комментарии предлагать лишь в необходимых случаях. Вот лишь несколько примеров. Запомнив навсегда, «што бомбаю варожают маленства пакалечана маё» (Ю. Свирка. – А.Р., Ю.Р.), через сорок лет поэт пишет стихотворение:

*Хаджу адзін па спелым садзе,
Свіцяцца яблыкі з сукоў.
Я не хаваяся ў засадзе,
Не каравулю хлапчукоў.*

*Хачу паслухаць зор гаворку.
Даверыўшыся цішыні,
Пагаманіць з вячэрняй зоркай
Пра вечнасць і пра нашы дні.*

*Даўно ўжо сад не слепіць макам.
І яблыкі не без пары
Патрабавальна, але мякка
Зямлі пашэптваюць:*

*«Бяры!»
Ім надакучыла спяліцца,
Адно жаданне ў іх жыве,
Каб адарвацца,
Абрасіцца
І пакацацца на траве.*

*І не збаяўшыся, звысоку
Даказваць хочацца зямлі,
Што недарма цягнулі сокі,
Што недарма вясной цвілі.*

*Каб паляцець,
Знаходзяць выйсце:
Агледзяць між сукоў прасвет
І, расхінуўшы ціха лісце,
Кідаюцца ў белы свет.*

*Я бласлаўляю сад,
Дарожку,
Калі пад яблыні ідзеш,
Каб пад антонаўскай бамбёжкай
Адчуць,
Што ты яшчэ жывеш.⁴²¹*

И, если ты ещё живешь, обращаясь к читателю, пишет Ю. Свирка, в памяти твоей будет не только война, но и трудное послевоенное детство:

*Я начаваў пад магазінам,
Ад машкары-заеды слеп...
І самай важнаю навінай
Была адна:
«Прывезлі хлеб!»
Чарга бясконца будзіла,
Я ледзь трымаўся на нагах:
Нібыта рошчына хадзіла
Худая, доўгая чарга.
Няўжо тады я быў двухжылы,
Няўжо тады я быў другі.
Чарга сціскала і душыла,
А я не пакідаў чаргі.
Яна мяне хістала груба
І плюшчыла з усіх канцоў,
А я – бліжэй да лесарубаў,
Да кавалёў і да касцоў.
За іх шырокімі плячамі...⁴²²*

(Першыя гады пасля вайны)

И не будет оставлять поэта детская боль, которая нет-нет да и звучит в стихах Ю. Свирки:

*Далёкае,
Зацягнутае марывам,
Ты засталася ў франтавых гадах,*

⁴²¹ Свирка, Ю. Аўтограф / Ю. Свирка. – Мінск, 1971. – С. 114–115.

⁴²² Там же. – С. 23.

*Нямелае,
З няздзейсненымі марамі
І са слязьмі пакуты на вачах.*

...
*Я не хачу з табою сустракацца,
Маё дзяцінства.
Ты не лезь у сны.
Я не хачу:
Баюся я вяртацца
Да голаду, хваробы і вайны.⁴²³*

Конечно, послевоенные трудности не могли не остаться в поэтической памяти. Но думаем, что насыщалась и крепла, росла из корней деревенских, из лирико-возвышенного воспевания бегомльской природной красоты, её лесных краевидов и небольших речушек заливных лугов и легендарных исторических мест:

*П'ю
Не нап'юся лясной прахлады:
Працэджан туман праз мільёны
ствалоў.*

*Лёгка ісці мне...
Грыбамі плодная,
Ціха зямля ўздыхае без слоў.*

*Туман пакаціўся лагчынамі, поймамі,
А прыстань яго ля Бярозы-ракі.
Там травы спрабуюць карэннем напоеным
Разбуджваць пласты,
Што праспалі вякі.⁴²⁴*

Или как в стихотворении «Возвращение в начало своего рода» («Вяртанне ў пачатак свайго роду») из книги «Люблю и верю» («Люблю і веру»):

*Ёсць у калгасе свой
незабыўны абжыты куток.
Дзе ніколі не страшны
ніякія спёкі і сцюжы.
Дзе з калодзежа возьмеш
гаючай вадзіцы глыток.
І адчуеш сябе маладым,
і шчаслівым, і дужым.*

Практически в каждой из книг поэта читатель найдёт строки, воспевающие неповторимые красоты Бегомльщины, снова и снова привлекающие к себе поэта, позволяющие, как пишет он сам: заглянуть «у вёску, як у слоўнік, каб упэўніцца, што правільна пішу».

Подобная сверка поэтического совершенства проходит у Ю. Свирки с лесом стихи «Формула лесу», «Мой вечны, мой мудры бор», «Здарова, лес!»

⁴²³ Свірка, Ю. Крэўнасць / Ю. Свірка. – Мінск, 1971. – С. 30.

⁴²⁴ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 50–51.

(сборник «Боровина»), «Сасна з ляскога возера», «Самоў прыродаю запрашаны...» (сборник «Автограф») і др.

*...Лес мой, бог мой!
Я люблю тваё царства –
Адзінае царства свабоды,
Дзе прасторна і думкам, і соснам –
Тваім жыхарам.
Я прыйшоў да цябе,
Каб адчуць тваёй свежасці подых.
Я стаю на паляне,
І светлай, і чыстай, як храм.
...Дрэвы дружнай сям'ёю.
Мне заўсёды без іх сумаваць.
І мне хочацца, лесе мой,
Высіцца толькі з табою,
Пераплёўшы карэнне з зямлёй,
Каб вяршыняй блакіт даставаць.⁴²⁵*

(«Лес мой, бог мой!»)

– с грибама:

*Апошнія нажыткі лесу –
Грыбы,
Асеннія грыбы.
І з дражняку ў дражняк я лезу,
Ад павуціння твар рабы.*

*Нагамі верасы рассойваю,
Ступаю мякка ля імхоў...
Налезла ў кошык верасовых па кулаку баравікоў...*

*А неба нізкае захмарана,
І ад імжы мой плашч намок.
Прапахлі багуном, імшарамі,
Іду, нагрыблены, дамоў.⁴²⁶*

(«Баравіковае»)

*Бег я да лесу на збліжэнне,
Туман закрыў усе хады,
І мне здавалася тады:
Ішло грыбное нараджэнне.
Сланяўся я па баравінах,
Як з нейкай казкі чараўнік,
Не наступі на баравік!..*

(«Грыбны ўспамін»)

⁴²⁵ Свірка, Ю. Аўтограф / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 50–51.

⁴²⁶ Там же. – С. 64.

– с его запавшей в детстве любовью к мурожным, укосным лугам:

Луг!

Табе я любоў сваю выкажу.

Лазнякі, сабірайце ў круг!

Луг!

Цябе я да кусціка выкашу,

Будзеш ты, як падстрыжаны, луг.

Так мне лёгка і весела косіцца,

У руках я не чую касы.

Толькі неба хмурынкамі косіцца,

Абцяючы дожджык касы.

...Луг!

Табой я даўно зачарованы.

Для цябе я заўсёды быў свой.

Так мне лёгка парой вечароваю

У пакосы ляжыць травастой.

Прыбярэ цябе мяккімі копамі,

Паднясу да адоння мурог.

І бусла,

Што стаіць, як укопаны,

Папрашу,

Каб мне вытаптаў стог.⁴²⁷

Поэт откровенно признаётся читателю, что в родных местах он «кожная дрэва са школьных гадоў, як людзей сваёй вёскі па імені» знает. Подтверждение этим поэтическим строкам находим в одном из интервью Ю. Свирки: «Амаль усе свае вершы я напісаў дома, у роднай Маргавіцы ў кароткія месяцы адпачынку. Радкі прыходзілі і тады, калі быў на лузе з касой, і тады, калі хадзіў па грыбных баравінах, і тады, калі чуў ад старэйшых пра ваеннае ліхалецце...».⁴²⁸ А потому и тянет на Бегомльщину, к родительским местам, в родную деревню Морговицу, «якая з такім імем вякуе ці таму, што з баравымі зорамі пераміргавалася, а ці таму, што свае скупыя на ўраджай гоні на маргі мэрала» (Р. Барадулін):

Я заўтра на золку

Паеду дадому –

У ціхі Бягомль, партызанскі раён,

Туды,

Дзе мне кожная хата вядома,

Дзе далеч гудзе ад пчаліных раёў.

Там маці мяне кожны вечар чакае,

Там бацька даўно мне наладзіў касу.

Мне гэты куток уяўляецца раем:

Там вершы мае –

⁴²⁷ Свірка, Ю. Аўтограф / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 89.

⁴²⁸ Цит. по: Віцебскі рабочы. – 1978. – 1 чэрвеня.

Мая радасць і сум.

*Не знаю,
Як доўгую ноч пералежаць:
Так цягне прайсціся па золкай расе!
Я чую,
Як соладка пахне алешнік,
Як шастае нехта ў спелым айсе...⁴²⁹*

Малая родина, родныя места, знакомыя для Ю. Свіркі лица... Признание поэта в сыновней любви к ним, в том, что с детства памятно и дорого, читатель находит практически в каждом из поэтических сборников, вышедших из печати в 1970–1980-е годы. В сборнике «Люблю и верю» – это «Моё местечко» («Маё мястэчка»), «Следами отцов» («Слядамі бацькоў»), «Бегомль» («Бягомль»); в сборнике «Памятная верста» – «Моя сто пятая верста» («Мая сто пятая вярста»), «Приглашение» («Запрашэнне»); в сборнике «Биография памяти» («Біяграфія памяці») – «Приснилась моего детства речка» («Прыснілася майго дзяцінства рэчка»), «В Березинском заповеднике» («У Бярэзінскім заповедніку») и др.

Верность Бегомльшине «своей», которая для поэта не только земля породившая его, но и та моральная высота, тот ориентир, на который равняет он свою жизнь и творчество. Перед читателем в концентрированном, спрессованном виде, можно сказать, исповедальном, позиция поэта изложена в стихотворении «Возвращение в начало своего рода» («Вяртанне ў пачатак свайго роду»):

*Ёсць у кожнага
свой незабыўны,
абжыты куток,
Дзе ніколі не страшаць
ніякія спёкі і сцюжы,
Дзе з калодзежа возьмеш
гаючай вадзіцы глыток
І адчуеш сябе
маладым,
і шчаслівым,
і дужым.
Кожны помніць
бязрозу, рабіну ці клён пад акном,
Што садзіў яшчэ бацька
ў гады маладыя,
Каб сыны пазнавалі
здалёку бацькоўскі свой дом,
Каб канчаліся дома
вандройкі даўгія.
Ёсць у кожнага ганак,
там клубкі непачатых дарог
Улягліся пад жорнам,
што некалі трушчыў зярняты.
І калі ты аслаб,*

⁴²⁹ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 38.

*і калі ты стаміўся, знямог,
То вяртайся на гэты парог,
Тут ля рук сваіх знойдзеш
спацын і занятак.
...Зноў я дома жыву.
Родны двор,
родны дом!
Як я рад, што сюды
прывяла мяне сцежка прамая.
Бацькаў двор, для мяне ты –
адкрыты аэрадром:
Без сігнальных агнёў
у любое надвор'е прымаеш.⁴³⁰*

И над всем этим господствует своеобразная народная метафоричность, окрашивая поэтические строки в непривычные, но привлекательные одеяния. Вот, к примеру, стихотворение «Мать утро будит» («Маці раніцу будзіць»):

*Смачна раніца спіць,
Сіняватая, крохкая,
Смачна спіць, маладая, –
Аж зайздрасць бярэ.
Маці раніцу будзіць
Нямелымі крокамі
І натужлівым рыпам
Настылых дзвярэй.*

*Апускае ў калодзеж
Вядро акаванае,
І радзеюць на вораце
троса віткі.
Спатыкаецца ў зрубе
Вядзерца заспанае
І нырае ў ваду –
У крышталь трапяткі...⁴³¹*

Казалось бы, воспевание «молодой Родины» как источника и кристаллизатора мыслей и творческих исканий могло стать ностальгическим, довлеющим над поэтическими исканиями Ю. Свирки. К счастью, этого не произошло. Оставаясь по-сыновьему влюблённым в родной край, он поэзию памяти шаг за шагом поднимает до осмысления проблем социально-значимых, наполняет их глубоким философско-эстетическим смыслом. И одной из таких проблем выступает тема ответственности поэта за своё слово, запечатлённое в поэтической форме за ответственность за «должность поэта», или даже в авторском выступлении с эстрады здесь весьма показательным выступает стихотворение «Творческий вечер» («Творчы вечар») из сборника «Автограф». В сборниках стихов, изданных в 1970–1980-е годы, читатель может найти десятки произведений, раскрывающих

⁴³⁰ Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967. – С. 31.

⁴³¹ Там же. – С. 10.

понимание Ю. Свиркой общественной знаменитости поэзии (стихотворения – «Поэзия» («Паэзія») в сборнике «Кревность»; «Опаздываю я платить дань поэзии...» («Спазняюся я плаціць даніну паэзіі...»); «Стихи» («Вершы») в сборнике «Авторграф» и др.), гражданской поэзии мастеров художественного слова (стихотворения «О стихах, которые не удались» («Пра вершы, якія не ўдаліся») в сборнике «Боровина»; «Обращение» («Зварот») в сборнике «Кревность»; «Хотел бы одного...» («Хацеў бы аднаго...»), «Мы едем домой дорогой одною» («Мы едем дадому дарогай адною») в сборнике «Автограф» и др.; и даже личные обращения-пожелания к своим сверстникам («Поэтам-сверстникам» («Паэтам-аднагодкам»), «Нет, друг мой, ты не обижайся...» («Не, дружа мой, ты не крыўдуй...»), «Друзья мои...» («Сябры мае...») в сборнике «Авторграф» и др.) и к более молодым коллегам по поэтическому цеху («Пожелание тем, кто моложе» («Пажаданне тым, хто маладзейшы») в сборнике «Автограф» и др.). Приведём лишь два примера, на наш взгляд, определяющие поэтическое кредо Ю. Свирки:

Паэты!

*Вы ўсе паслы народа
У краіне праўды і свабоды.*

*А народ чакае ад паслоў
Самых верных і праўдзівых слоў.*

*І як лепшую ўзнагароду
Праўду выпраменьвайце народу.⁴³²
(«Зварот»)*

*Калі ты сын свайго народа,
Скажы ўсю праўду пра яго.
І не чакай узнагароды,
Не адступайся ад свайго.
Калі зямлю святую любіш,
Скажы,
Якой яна красы,
Скажы,
Што край свой не забудзеш,
Нікому ў крыўду не дасі.
Калі шануеш тую мову,
Якую продкі збераглі,
Скажы ты ёй такія словы,
Каб у вяках яны жылі.
Каб той,
Хто прыйдзе за табою,
Не папракаў цябе ні ў чым.
А ўзяў бы мову, нібы зброю,
Каб для нашчадкаў берагчы.
Каб у апошнюю хвіліну*

*Не давлялося шкадаваць,
Што засыпаюць з дамавінай*

⁴³² Свирка, Ю. Крэўнасць / Ю. Свирка. – Мінск, 1971. – С. 61.

*І тое,
Што не змог сказаць.*⁴³³

(«Пажаданне маладзейшым»)

В разговоре о значимости поэтического слова в нашем духовном сообществе нельзя не вспомнить стихотворение «Родной язык» («Родная мова»). Чтобы у читателя сложилось целостное впечатление о понимании и оценке Ю. Свиркой роли родного языка в жизни белорусской нации, приведём стихотворение без сокращения:

*Не, народ ад мовы не адрокся:
Колькі жыві ён, мову не мяняў.
Выдумка чужацкага адроддзя,
Што народ без мовы гараваў.*

*Мова не скаралася ніколі,
Хоць душылі, а яна жыла.
Мой народ вякамі сніў пра волю,
Да яе ішоў, як да святла.*

*Доўга мой народ быў у абозе,
Жорсткі свет на дапамогу скуп.
Як гарох пры выбітай дарозе,
кожны і таптаў яго і скуб.*

*Мой народ жыві пад прыгнётам доўга,
Паслужыў цару і каралю!
Мову пазычаў князям літоўскім,
Заарайшы волю у зямлю.*

*А ў Кастрычніку сказаў ён грозна:
«Там, дзе воля, хай не дрэмле меч!»
Вырваў з сэрца гнеў, як шаблю з ножнай,
Каб свой страх пакорлівы пасеч.*⁴³⁴

(«Родная мова»)

На наш взгляд, в тематике поэтического творчества, о котором мы только что рассуждали, заслуживает внимания то обстоятельство, что поэту удалось уйти из ловушек риторики и резонёрства (хотя в те годы избежать этих принципов было весьма сложно).

Лирический герой Ю. Свирки, хоть и остаётся, как и ранее, рассудительным, спокойным и тихим, без претензий переустроить жизнь и даже весь мир, но становится более активным, рассудительным, энергичным, с конкретно определёнными идеалами и жизненными принципами. И, может быть, поэтому поэтика Ю. Свирки, его лирика не была кричащей, представала перед читателем то тихо-тревожным, взволнованным поэтическим размышлением, то духовной теплотой с откровенными исповедальными мотивами. Лично пережитое поэтом (а равно и его лирическим героем) всё чаще становится исходной позицией, темой и пафосом его творчества. В стихах слова становятся иногда звучными, но

⁴³³ Свирка, Ю. Аўтограф / Ю. Свирка. – Мінск, 1974. – С. 146.

⁴³⁴ Свирка, Ю. Крэўнасць / Ю. Свирка. – Мінск, 1971. – С. 9.

чаще тихими, пропущенными сквозь сердце, передающими глубокое поэтическое чувство. И мы (думаем, что и читатель согласится с нами. – А.Р., Ю.Р.) приходим к выводу, что глубокий лирический мотив найдёт своё выразительное проявление в стихах о любви, дружбе, человеческой верности. Здесь и боль от непонимания девушкой тревог и волнений попавшего в беду любимого («А калі мяне хвароба гнула, быў ад смерці я на валасок, ты тады руку мне працягнула, дужую і слабую руку». – Мусіць не забудуцца ніколі тыя сцежкі...) и душевная простота от потери любимого человека:

*У пакоі я адзін, нібыта ў схованцы.
Гэтак сумна мне ніколі не было.
Не хачу я цішынёю заслухоўвацца,
Мне здалося:
Усё жывое аджыло.
Дзе шукаць цябе?
Скажы, куды мне ехаць?
Цішыня напятая цячэ.
Не хапае твайго голасу і смеху,
Не хапае тваіх крокаў і вачэй.

...Адзінота насядае, як навала.
Мне здаецца,
Што я ў цішу урасту...
Ты мяне бязбожна пакарала
І пакінула, як помсту, пустату.⁴³⁵*

(«Верная адзінота»)

Однако, было бы ошибкой слышать в любовной лирике Ю. Свирки лишь минорные пессимистические ноты и мотивы. Лучшие стихи о любви – написаны «от души и для души» и пронизаны возвышенностью чувств лирического героя, оптимизмом, верой в высокородность, теплоту и чистоту человеческих отношений. Это (здесь нет преувеличения) созданная поэтом песня самому светлому, самому чистому человеческому чувству: «Заклинанье» («Заклінанне»), «Ты позвонила...» («Ты пазваніла...»), «Я начинаю забывать...» («Я пачынаю забываць...») в сборнике «Боровина»; «Не говори мне о любви...» («Не гавары мяне пра любоў...»), «Любовь и предательство» («Любоў і здрада»), «Отдаю тебе все ночи и рассветы...» («Аддаю табе ўсе ночы і світанні...») в сборнике «Кровность»; «Пошли на луг под вечер двое...» («Пайшлі на луг пад вечар двое...»), «Нет уже валочки, нет...» («Няма ўжо валошкі, няма...»), «Не плачь, любимая, не плачь...» («Не плач, любімая, не плач...»), «Спасибо!..» («Дзякуй!..»), «Ты с каждым годом всё дороже...» («Ты з кожным годам усё даражэй...») в сборнике «Автограф»; «Я начинаю забывать...» («Я пачынаю забываць...»), «Беседа» («Бяседа») в сборнике «Люблю и верю» и др.

Литературоведы в своей исследовательско-литературно-критической практике часто используют термин «тихая литература». На наш взгляд, такое определение имеет прямое отношение к поэтике Ю. Свирки. Его стихи посвящены осмыслению духовно-нравственного состояния общественной жизни. Поэт избегает людских тревог и радостей, пишет доверчиво и просто, отдавая предпочтение тем из них, которые проходят через душу и сердце, получив заряд и силу

⁴³⁵ Свірка, Ю. Аўтограф / Ю. Свірка. – Мінск, 1971. – С. 72.

чувств, становятся сначала личностным, чтобы в поэтической строке стать значимым, общественным достоянием читательской души и сердца. Казалось бы, всё обыденное, повседневное, возможно далёкое от героизма, но именно в таких стихах складывается начало мыслей и строк, с помощью которых лирический герой Ю. Свирка проходит «школу возмужания и взросления» (А. Мартинкевич).

Стихи этого цикла выделяются своей неповторимостью, искренностью и неповторимостью. К тому же, Ю. Свирка избегает громких слов – манера его письма, – справедливо отмечает А. Мартинкевич, – это образец того, как следует писать о казалось бы знакомом и известном. Лиризм произведений Ю. Свирки – лиризм душевный и чувственный, художественно-выразительный, насыщенный поэтическим восприятием, поиском простого в сложном, доступного в философском, будущего в сегодняшнем дне, в иногда противоречивой, но многоплановой жизни современников. На наш взгляд, позиция поэта нашла в своё яркое и убедительное выражение в стихотворении «Следами родителей» («Слядамі бацькоў») из сборника «Люблю и веру»:

*Праходжу я не першы па зямлі,
Ісці мне лёгка светлымі шляхамі:
Тут да мяне мае бацькі прайшлі,
І я трапляю крочыць іх слядамі.*

*Бяру рукамі чорную раллю –
Бацькі ж яе, сагнуўшыся, аралі;
Гляджу я на шчаслівую зямлю –
Бацькі яе грудзямі прыкрывалі.*

*Яшчэ тады, у той суровы час,
Яны зрабілі для мяне так многа,
Каб мне не прачынацца па начах,
Аглушаных паветранай трывогай.*

*Бацькам маім нялёгка выпаў лёс:
Перацярпелі ўсё яны за волю,
Каб мне хадзіць заўсёды на ўвесь рост,
Каб толькі не згінацца мне ніколі.⁴³⁶*

Так же искренне-признательными звучат слова из стихотворения «Совет» («Парада») из сборника «Памятная верста»:

*...Трэба здрадзе, хлусні ўсе шляхі перакрыць –
Пра жыццё я не ведаю іншай навукі;
Трэба штосьці такое адкрыць ці зрабіць,
Каб пра нас не забылі ні дзеці, ні ўнукі.*

*Трэба дрэва вясною хоць адно пасадзіць.
Гэту мудрасць усе паўтараюць спрадвеку.
Трэба кнігу, сапраўдную кнігу стварыць,
Трэба вывесці ў свет немаўля-чалавека.*

Яшчэ доўга з табою нам побач ісці,

⁴³⁶ Свирка, Ю. Люблю и веру / Ю. Свирка. – Минск, 1975. – С. 6.

*Сустракаючы шчасце, мінаючы гора.
А тады застанецца адно ў жыцці:
Адпльваць у сваё – не ў Саргасава мора.⁴³⁷
(«На магіле Максіма Багдановіча»)*

Нельзя обойти вниманием стремление поэта к познанию новых и новых мест, знакомству с далёкими и близкими территориями, их культурным наследием и богатством. Поэтому и вели его поэтические дороги в Грузию и Чувашию, на Дальний Восток и Крым, в Березинский заповедник и на берега Нарочи. На страницах поэтических книг Ю. Свирки соседствуют озеро Мушкат, что на Глубоччине и маленькая грузинская речушка Тихерва, любимая поэтом с детства река Берёза и скалистый крымский Кара-Даг. Вот, к примеру, стихи, посвящённые Грузии:

*Я папаў у Грузію не госцем,
Хоць і сніў каўказскія хрыбты.
Цэлы месяц мне сціскалі коці
Мулкія бальнічныя бінты.
Не забуду,
як мяне шывалі.
Сіні шрам застаўся на плячы.
Мне жыццё ў смерці вырывалі
Добрыя грузінскія ўрачы.*

*Я з палаты пачынаў дарогу,
Так хацеў на гэтым свеце жыць!
І сястра-грузінка,
Як малога,
Навучыла зноў мяне хадзіць.*

*...А было, што ступіш крок і ... цёмна,
Вочы забінтоўвала імгла...
Беларусь мая дала жыццё мне,
Грузія ад смерці зберагла...⁴³⁸*

(«Я з палаты пачынаў дарогу»)

Юрась Свирка много и успешно работал в сфере художественного перевода. А. Пушкин, А. Фет, А. Твардовский, Н. Тихонов, С. Нерис, А. Прокофьев, Я. Смеляков, М. Луконин, М. Дудин – вот неполный список поэтов, стихи которых Ю. Свирка перевёл на белорусский язык. Благодаря переводам Ю. Свирки читатели республики смогли познакомиться с многими произведениями поэтов России, Украины, Литвы, других республик. В свою очередь, произведения Ю. Свирки переведены на английский, армянский, грузинский, литовский, молдавский, польский, русский, таджикский, чувашский языки.

Без преувеличения «можно утверждать, что в поэзии лауреата литературной премии им. А. Кулешова Ю. Свирки читатель всегда ощущает заряд и силу чувства» (В. Витка), органически объединённых в своём единстве и призванных «прарочыць цішыню». Отличительная и притягивающая читательское внимание черта его поэзии – насытит поэтическую мысль нравственной про-

⁴³⁷ Свирка, Ю. Аўтограф / Ю. Свирка. – Мінск, 1974. – С. 189.

⁴³⁸ Свирка, Ю. Люблю і веру / Ю.Свирка. – Мінск, 1975. – С. 44–45.

блематикой, довести её до лаконичного окончания, независимо от ритма произведения и его концовки, будь она замедленной или неожиданно обрывающейся. Хотя, нет-нет да и наблюдаются отступления от собственной программной установки «хіла не пісаць». К примеру, в сборнике «Боровина» не совсем выразительными выглядят стихотворения «Ты, солнце...» («Ты, сонца...»), «Тронешь умело ты струну...» («Кранеш умела ты струну...»), «Живая плита» («Жывая пліта»); В «Автографе» – это «Придумали люди года» («Прыдумалі людзі гады»), «Баня» («Лазня»), «Такое видеть случается» («Такое бачыць здараецца»), «Зеркало разбилось...» («Люстэрка разбілася...»), «Не спится мне...» («Не спіцца мне...»); в сборнике «Люблю и верю» – «Ночь» («Ноч»), «Парус» («Ветразь») и др. Правда, в народе говорят, что отступления и исключения из правил лишь подтверждают истинность правила. Значит, правило Ю. Свирки «хіла пісаць» является для него определяющим и свидетельствует тому – постоянная её «прописка» в белорусской советской литературе и достойное место в национальной литературе так называемого «среднего поколения».

К месту будут и следующие слова поэта Алеся Письменкова: «...Ю. Свірка нарадзіўся вясной, нарадзіўся ў час сяўбы – шчаслівы і турботны час, калі сэрца хлебароба поўніцца радасцю працы. І ў гэтым ёсць свая сімволіка».⁴³⁹

* * *

Как-то Ю. Свирка в сборнике «Автограф» неожиданно и откровенно признался: «Я пасля новай кніжкі, як ніва пасля жніва». Если читать дословно – значит, становится пустой. А вот здесь мы читателя хотели бы убедить в том, что поэт слегка слукавил. Говорим, не в обиду, а «справедливости для». Логика нашего вывода подкрепляется следующими суждениями. Ю. Свирка – ведь не только поэт. Более глубокое изучение его литературно-творческой биографии позволяет сделать вывод, что поэтическое творчество постоянно сопровождалось аналитической литературно-критической работой. Столько рецензий на книги авторов-современников, статей, посвящённых анализу поэтического творчества, мы, пожалуй, не найдём в биографии любого другого поэта. Вот перечень авторов, которые проанализированы Ю. Свиркой и получили его принципиально-объективные оценки: М. Калачинский («Докшицкий каравай. Стихи из близкой дороги» – «Докшыцкі каравай. Вершы з блізкай дарогі»), А. Острейко («Цвитите, верасы» – «Цвіціце верасы»), А. Белевич («Солнечные часы. Книга стихов, стихотворных рассказов и поэм». – «Сонечны гадзіннік. Кніга вершаў, вершаваных апавяданняў і паэм»), «Солнцем обвенчанные. Стихи, поэмы, фельетоны» – «Сонцам заручаныя. Вершы, паэмы, фельетоны»), С. Законников («Беседа. Первая книга поэта» – «Бяседа. Першая кніга паэта»), О. Ипатова («Июльские грозы» – «Ліпеньскія навальніцы»), Р. Семашкевич («Суббота» – «Субота»), Ю. Голуб («Дерево грозы» – «Дрэва навальніцы»), О. Лойка («Чувства» – «Пачуцці»), Л. Дайнеко («Ночные телеграммы» – «Начныя тэлеграмы»), А. Звонак («Предчувствие» – «Прадчуванне»), М. Дукса («Станция» – «Станцыя»), В. Матевушев («Верасы» – «Верасы»), А. Русецкий («Два цвета жизни» – «Два колеры жыцця»), Б. Спринган («Ясень» – «Ясень»), С. Гаврусёв («Переключка» – «Пераклічка»), М. Шевчёнок («Роса-росинка» – «Раса-расінка»), М. Рудковский («Вековая отчизна» – «Векавечная Бацькаўшчына»), С. Басурматова («Мир живой и неповторимый...» – «Свет жывы і непаўторны...»).

И для каждого из рецензируемых авторов поэт Ю. Свирка находил свои подходы, своё понимание и свои оценки их творчества. В качестве примера приведём несколько таких оценок:

⁴³⁹ Голас Радзімы. – 1983. – 12 мая.

– о книге лирики Анатоля Острейки «Цветите, верасы»: «Шчырасць, прастата, напеўнасць і даходлівасць – вось характэрныя рысы яго вершаў. ...Асаблівую цікавасць уяўляюць тыя вершы, дзе паэт гаворыць са сваім сэрцам, як бы застаўшыся з ім адзін на адзін. Вершы-споведзі, вершы-прызнанні апошнім часам часцей за ўсё выходзяць з-пад пяра Анатоля Астрэйкі. І менавіта тут ён раскрываецца як паэт па-юначаму ўсхваляваны, рамантычны»⁴⁴⁰;

– о книге Антона Белевича «Солнечные часы»: «Самабытны голас аўтара – па-народнаму шчыры, гаворкі і ўсмешлівы, сардэчны і пявучы. Ліра А. Бялевіча ніколі не ўмела сумаваць. Яна заўсёды была ўзнёслая, аптымістычная. ...Радок яго цячэ свабодна, вывераны на натуральнасць і дакладнасць. ...Яго лірычны герой – добры і спагадлівы, прынцыповы і бескампрамісны. ...Яго паэзіі доўга жыць пад сонцам, бо яна зямная і пявучая»⁴⁴¹;

– аналізуючы поэтычэскі зборнік А. Белевича «Земли живые голоса», Ю. Свірка адзначае, што А. Белевич «мастер поэтычэскага слова», он «не з тых, хто любіць здзіўляць кампануюкай вершаў, мудрагелістымі назвамі раздзелаў, праявістымі пераходамі-эпіграфамі. У яго ўсё надзвычай проста і даступна. Ён, як руплівы гаспадар, заняты сваёй асноўнай работай, не імкнецца паказвацца ў стратным убранні, бо ведае, што светам агледзіны яго здабыткаў яшчэ адбудуцца»⁴⁴²;

– о первой книге Сергея Законникова «Беседа»: «Першую кнігу паэта хочацца параўнаць з першым каханнем. У ёй павінна быць шчырасць, адкрытасць і накіраванасць, якую звычайна сам не заўважаеш. Такая непасрэднасць, якую звычайна сам не заўважаеш. Такая непасрэднасць першародная, яе нельга запазычыць. У адваротным выпадку яна будзе смешнай, ненатуральнай, як прызнанне закаханага, выказанае гучнымі словамі». ...С. Законнікаў, як бы адштурхоўваецца ад гэтага, вядомага «...малады паэт у сваіх высновах неарыгінальны. Ён павялічвае колькасць радкоў, на гістарычна-патрыятычную тэму, але нявыяўленымі засталіся яго уласны вопыт і адчуванне»⁴⁴³;

– о поэтычэском зборніке Мар'яна Дуксы «Станция»: «...герой лепшых вершаў М. Дуксы – асоба верная свайму сумленню, свайму погляду на жыццё – чалавечую годнасць вымярае чысцінёй і шчодрасцю души»⁴⁴⁴;

– о книге поэзии А. Звонака «Предчувствие»: «У паэта добрае жаданне «сэрца голас, скрыпкі тонкі плач пералажыць на строгі рытм санета». Аўтар як бы выводзіць формулы такім паняццем, як слова, паэзія, іронія, мудрасць, вернасць, дружба, любоў, хараство, слава... У яго адно жаданне – «радком санета даспяваць усё, што недапета і ўсё, што недасказана – сказаць»⁴⁴⁵;

– о книге поэзии Бронислава Спрингана «Ясень»: «Стих Спрингана традыцыйны і прост. Поэт прыбегает к усложнённым образам. Свои мысли и суждения он хочет донести в «первозданной ясности». Он будто ведёт откровенный разговор с читателем, рассказывает ему о том, что сам увидел и прочувствовал»⁴⁴⁶.

І яшчэ два мненія – о творчэстве двух беларускіх паэтэс Маріі Шэвчэнок і Светланы Басуматровой:

– о книге М. Шэвчэнок «Роса-росинка»: «Зборнік «Раса-расінка» дае падставу сцвярджаць, што паэтку хвалюць вобразы роднага краю. У малым М. Шаўчонак імкнецца ўбачыць вялікае, значнае, тонка перадаць душэўны стан.

⁴⁴⁰ Свірка, Ю. Сэрца словы ўздавала / Ю. Свірка // Польша. – 1976. – № 1. – С. 240, 241.

⁴⁴¹ Свірка, Ю. Гадзіннік сэрца / Ю. Свірка // Польша. – 1979. – № 3. – С. 242, 243, 244.

⁴⁴² Свірка, Ю. Зямлі жывыя галасы / Ю. Свірка // Польша. – 1976. – № 5. – С. 246.

⁴⁴³ Свірка, Ю. Патрэба свайго адкрыцця // Ю. Свірка // Маладосць. – 1973. – № 9. – С. 138.

⁴⁴⁴ Свірка, Ю. Знаходзяцца словы сардэчныя / Ю. Свірка // Польша. – 1974. – № 11. – С. 242.

⁴⁴⁵ Свірка, Ю. Жыве ў радках жывая мара / Ю. Свірка // Літаратура і мастацтва. – 1975. – 14 лютага.

⁴⁴⁶ Знамя юности. – 1974. – 10 январа.

Сваім, сцішаным голасам гаворыць яна пра перажытае і ўбачанае», дэманструе здольнасць да суперажывання, уменне падзяляць гора сваёй спагадай, дапамогай. Лепшыя вершы паэтки не здзіўляюць нечаканымі параўнаннямі, шматзначнасцю падтэкста. Яна імкнецца да прастаты, да значнасці думкі, да шчырасці»⁴⁴⁷;

– і о книге С. Басуматровой «Цветы полевые»: «Радкі лепшых вершаў С. Басурматавай «мускулістыя і пластычныя, кранаюць жыццёвасцю, непадробным пачуццём. Паэтэса не збіваецца на апісальнасць, якую цяжка спыніць у яе мана-тонным наплыве. Публіцыстычнасць яе лепшых вершаў хвалюючая, сагрэтая шчырасцю. ...У Басуматравай свой голас, сваё бачанне навакольнага свету, без чаго не бывае паэта. Яе шчырыя, дакладныя, на першы погляд зусім простыя радкі, добра раскрываюць душу гераіні, яе памкненні падзяліцца самым важным і заповітным. ...Акно паэзіі С. Басуматравай расчыняецца ў вялікі свет чалавечых думак і перажыванняў. ...Добры погляд у С. Басуматравай у заўтрашні дзень: «Сумленна жыць пад родным мірным небам, любіць усё жывое на зямлі».⁴⁴⁸

Однако было бы ошибкой считать, что Ю. Свирка в анализируемых изданиях видит лишь положительные моменты и поэтические находки. В рецензиях и заметках читатель находит принципиальные оценки Ю. Свирки, его высокую требовательность к поэтическому слову. В поэтике той же М. Шевченко «засмучае тое, што аўтар у асноўным зарыфмоўвае факт, з'яву, якія не становяцца яе лёсам. Здаецца, і піша яна пра роднае, блізкае, дарагое, але яно не ўражвае, не кранае сэрца ні пачуццём, ні вобразамі, ні паэтычнай дэтאלлю. Такое роўненькае пісьмо нярэдка пераходзіць у гладкапіс, дзе хапае квяцістых слоў, а глыбокіх думак і пачуцця малавата».⁴⁴⁹ В некоторых стихах Б. Спрингана «не всегда замысел поэта переплавляется в поэзию, нет глубины, новизны, огня и блеска, проскальзывают шаблонные мысли».⁴⁵⁰

В книге Василия Матеушева («Верасы» – «Верасы») наблюдается «тапанне на адным месцы – паэт не можа паглядзець шырэй на свет», часта бярэцца рыфмаваць любы факт. Нават радкі, прысвечаныя родным мясцінам (Прыдняпроўю) у сваёй большасці рытарычныя – сустракаюцца недарэчныя сказы, такія вобразы, якія нельга ўявіць, а калі ўявіш, дык толькі з іроніяй».⁴⁵¹ У Ольги Ипатовой (сборник «Июльские грозы») встречаются «творы неакрэсленыя, без пачуцця і думкі», яны не праявіліся у думы, у паэтэсы было жаданне сказаць нешта сваё, адметнае, але яму не суджана было здзейсніцца».⁴⁵² У Рыгора Семашкевіча (сборник «Суббота») некоторые стихи «проста нязначныя, павярхоўныя», ...выклікаюць пытанні не столькі сваёй манернасцю, колькі недарэчнасцю».⁴⁵³ И еще одно, на наш взгляд, очень выразительное замечание – в адрес Михася Калачинского в рецензию на книгу «Докшицкий каравай. Стихи из близкой дороги». Недостатки в некоторых стихах «вытыркаюцца, як тое каменне на полі. І напамінаюць пра сябе прыблізнай рыфмай, прازیчным радком, разцягнутасцю», наблюдаецца «камандзіровачны» падыход да жыцця, да ўвасаблення яго у мастацкім творы».⁴⁵⁴

Мы не могли читателю предложить из ещё большего количества литературных рецензий, заметок, статей-посвящений в адрес известных белорусских писателей. Однако, при хорошем прочтении в белорусском литературоведении

⁴⁴⁷ Літаратура і мастацтва. – 1985. – 11 кастрычніка.

⁴⁴⁸ Там же. – 1986. – 21 сакавіка.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Знамя юности. – 1974. – 10 января.

⁴⁵¹ Свирка, Ю. Зярняты для пасеву / Ю. Свирка // Польшыя. – 1973. – № 9. – С. 236, 237.

⁴⁵² Свирка, Ю. Урокі другой кнігі / Ю. Свирка // Маладосць. – 1974. – № 1. – С. 175.

⁴⁵³ Там же. – С. 176, 177.

⁴⁵⁴ Свирка, Ю. Пра хлебаробаў Докшыцкіх сказ / Ю. Свирка // Польшыя. – 1975. – № 4. – С. 242.

могла бы появиться убедительно-профессиональная книга о всех таинствах и творческих поисках белорусской советской поэзии.

Так уж получилось, что в поэзии второй половины 1960-х годов чаще всего назывались имена Р. Бородулина, Г. Буравкина, Я. Сипикова, но почему-то забывалось имя Юрася Свирки, поэта, выросшего на боровине родных лесов, почувствовавшего «кровность» со своей малой родиной, признаться ей в своей любви и вере и, заявить, о том, что главное и самое болезненное для него вспомнить и прочитать им «биографию памяти». И, может быть, сложившуюся диспропорцию нам удалось исправить. Судить об этом читателю.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Свірка, Ю. Баравіна / Ю. Свірка. – Мінск, 1967.
2. Свірка, Ю. Крэўнасць / Ю. Свірка. – Мінск, 1971.
3. Свірка, Ю. Аўтограф / Ю. Свірка. – Мінск, 1971.
4. Свірка, Ю. Люблю і веру / Ю. Свірка. – Мінск, 1975.
5. Свірка, Ю. Памятная вярста / Ю. Свірка. – Мінск, 1978.
6. Свірка, Ю. Біяграфія памяці / Ю. Свірка. – Мінск, 1981.
7. Вытокі песні. Аўтабіяграфія беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1973.

ВЛАДИМИР СКОРИНКИН

Поэт **Владимир Максимович Скоринкин** родился 7 июня 1939 г. в г. Витебске в семье служащих. Отец погиб на фронте в 1945 г., мать воспитывала Володю одна. В 1943–1945 гг. она вместе с Володей фашистами была вывезена в трудовой (концентрационный) лагерь в г. Либаве (в Советской Латвии – Лиепая), затем был лагерь «Бломберг» на польской территории. Вот оно шестилетнее детство Володи Скоринкина.

В 1956 г. он закончил 2-ю СШ в г. Городке и выдержал вступительные экзамены в Рижское Высшее инженерно-авиационное военное училище; с 1961 г. – студент Рижского института инженеров гражданской авиации. Получив диплом, работал на различных инженерных должностях в Минской авиационно-технической базе. Больше 10 лет работал начальником аварийно-спасательной службы Белорусского управления гражданской авиации. В 1982–1987 гг. занимался проблемами Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей БССР. С марта 1987 г. находится на творческой работе.

Началом поэтики В. Скоринкина можно считать 1955 г., когда стихотворение («Першы яблык») было опубликовано в газете «Піянер Беларусі». Начинающий автор печатался в республиканских периодических изданиях, городокской районной газете. Первый сборник лирики «Аисты над аэродромом» («Буслы над аэрадромам») увидел свет в 1969 г. Затем один за другим выходят из печати стихотворные сборники «Звуковой барьер» («Гукавы бар'ер». – 1972), «Разрешите взлёт» («Дазвольце ўзлёт». – 1975), «Четвёртый разворот» («Чацвёрты разварт». – 1979), «Угол атаки» («Вугал атакі». – 1982), «Посадочные огни» («Пасадчныя агні». – 1985), «Спасительный плот» («Выратавальны плот». – 1988). Отметим, что само название книг позволяет выделить «крылатую» тему – романтика неба, связанную с его профессиональными буднями – в белорусскую советскую литературу входил автор, не имеющий даже филологического образования. Тем не менее, произведения «непрофессионала» от поэзии переведены и на русский, и на украинский языки. Не анализируя творческие достижения В. Скоринкина в условиях суверенной Беларуси, отметим лишь одно – в 2000 году В. Скоринкин за высокохудожественный перевод уникальной «Бо-

жественной комедии» Данте был удостоен Государственной премии Республики Беларусь им. Я. Купалы и Национальной премии Италии. В. Скоринкин является автором перевода на белорусский язык книги стихов «Русский огонёк» известного российского поэта Николая Рубцова (1986).

Однако обратимся к предмету нашего исследования – развитие творчества поэта в условиях советской литературы.

Итак, слово... Слово начинающего поэта... Задача, поистине, сложнейшая, но притягательная. Ведь приходилось думать и класть в поэтические строки моральное и эстетическое видение действительности, предложить её читателю в ярких, запоминающихся образах, зафиксированных поэтом будто бы впервые, но приобретших его литературную версию. Сделана первая попытка в художественных образах зафиксировать жизнь, не как случайное течение, а как органично действующее сообщество со всеми его болезнями, удачами, поисками... И эта попытка приводит В. Скоринкина к собственному видению мира, созданию поэтических образов, вызванных жизненными ассоциациями, личной зрительной памятью и впечатлениями об этих жизненных явлениях. Но всё это писал (сборник стихов «Аисты над аэродромом») пока начинающий непрофессионал – «летун» или официально инженер гражданской авиации. Вот, как оценил «Аистов...» белорусский литературный критик Н. Федюкович: «...У. Скарынкін, выдаўшы першую кнігу, – падкрэсліваю не зборнік, а цэльную кнігу, прыйшоў у нашу паэзію са сваёй тэмай, знайшоў свой музычны рытм, свае паэтычныя фарбы».⁴⁵⁵ В унисон Н. Федюковичу звучит мнение ещё одного рецензента Ф. Ефимова: «Хочацца толькі заўважыць: кніжка, напісаная прадстаўніком «нелітаратурнай прафесіі, як правіла, багацейшая на жыццёвыя рэаліі, чым кніжка літаратурнага прафесіянала».⁴⁵⁶ «Крылы вершаў У. Скарынкіна трывалыя»⁴⁵⁷, – так образно высказался писатель Л. Дайнеко. А потому, вполне естественно, что во многих произведениях поэт пишет о тех, через «сердце которых «праходзіць лінія, што злучае з зямлёй небасхіл». Говоря о трудностях лётной службы, он почти публицистически утверждает:

*Авіяцыя,
як паэзія.
Пачынаецца
з мужнай прозы –
З рук парэпанных
і жалеза.
Пасінелага
ад марозу.*

В своих лучших стихах, посвящённых жизни авиаторов («Перед полётом» («Перад палётам»), «В зале ожидания» («У зале чакання»), «Авиация» («Авіяцыя»), «Стюардессы» («Сцюардэсы») и др.) читатель ощущает удачный сплав лирической исповеди и патриотической взволнованности, прочный союз Земли и Неба (Н. Федюкович).

Разделяя подобные мнения, считаем, что первая книга В. Скоринкина привлекла внимание читателей широтой интересов, тематичностью, разнообразием интонационно-ритмического построения стихов, раскрывающих разнообразие жизненных процессов и явлений.

⁴⁵⁵ Чырвоная змена. – 1975. – 6 жніўня.

⁴⁵⁶ Яфімаў, Ф. Перад узлётам / Ф. Яфімаў // Полымя. – 1976. – № 6. – С. 248.

⁴⁵⁷ Віцебскі рабочы. – 1969. – 1 лістапада.

Представляется небезынтересным познакомиться с рассказом самого поэта о его приходе в литературу. «Вообще-то стихи я начал писать с пятого класса, – рассказывает поэт, – но потом ушел от стихотворства, показалось, не сумею. Даже стихи, которые написал раньше, сжѐг. «Второе дыхание» пришло три года тому назад. Писал в основном про авиацию, о тяжѐлом труде своих товарищей – авиатехников. Так постепенно вынашивалась мысль, о книге стихов, которую мне хотелось написать. Это книга – «Буслы над аэродромом». Время работы над ней было одновременно временем большой поэтической учёбы. Очень много читал Есенина, Кулешова, Бородулина, – это любимые мои поэты – но в самостоятельной работе над стихом пытался искать свои, никем не придуманные строчки.

И ещё мечтаю написать одну стихотворную книжку. Даже название уже придумал – «Калейдоскоп». Хочется, чтобы получился интересный и серьёзный разговор с малышами о лѐтчиках. Не ограничивает ли мои творческие планы «лѐтная» тематика? Нисколько. Ведь любой факт – это тема для будущего произведения, нужно только увидеть его по-своему. А в нашей профессии таких фактов – бесчисленное множество...».⁴⁵⁸

Повседневные реалии фиксируются поэтом через воспоминания и воспроизведение родной поэту деревенской среды: «Отчиму» («Айчыму»), «Земляника» («Суніцы»), «Беспричинная песня» («Безпрычынная песня»), «Детству» («Дзяцінству»), «Две песни на один мотив» («Дзве песні на адзін матыў») и др. Родной край, своя земля, трудное детство (а оно пришлось у поэта на войну и послевоенные годы), память о войне, природа Городокско-Витебского края – в этих тематических направлениях формируется поэтическое понимание действительности, о которой он пишет сердечно и душевно.

*Люблю душою пасталелай
Я завітаць на тыдні тры
У родны край, дзе локці смела
На стол кладуць
гаспадары.
Дзе я заўсёды гоць
жаданы.
Дзе брат вучыў мяне
араць,
Дзе ўсё, што мне, як бінт
ад раны,
Ад сэрца цяжка адарваць.⁴⁵⁹*

Уже в первой книге «Аисты над аэродромом» поэт признаётся:

*Мая гордая,
Шматпакутная,
Мая добрая
І магутная,
Як я жыў бы
І што рабіў,
Каб цябе
Незнарок згубіў.
(«Радзіме»)*

⁴⁵⁸ Знамя юности. – 1969. – 3 января.

⁴⁵⁹ Скарынкін, У. Буслы над аэрадромам / У. Скарынкін. – Мінск, 1969. – С. 9.

*...Не засмуцілі войны
Позірк лагодны твой.
Толькі бялеюць скроні
Удовінай сівізной...*
(«Беларусі»)

Познакомившись с первой книгой В. Скоринкина известный белорусский литературовед В. Гниломёдов, высоко оценив её, тонко подметил, что успех поэта в будущем будет зависеть от того, «наколькі глыбока ён зразумее тое, што кіруе чалавекам у яго справах».⁴⁶⁰

Как показала жизнь, слово специалиста не повисли в воздухе. Для В. Скоринкина они стали своеобразным стержневым оселком, «помня о котором он «шлифовал» своё поэтическое мастерство, стремясь к самому глубокому проникновению в духовные проблемы общества, человека, самого себя. Свою духовно эстетическую программу он заявляет смело и горячо отстаивает её, высказывает её, как думает и понимает, не боясь упреков в риторике, непосредственно и искренне. Возможно была и определённая доля риска – ведь определить направление целостного и масштабного творческого поиска не просто важно и принципиально. Квинтэссенцией таких решений на творческом пути выступит прежде всего гражданская ответственность самого автора.

Всего в белорусской советской литературе В. Скоринкин известен как автор шести поэтических сборников. Они дают возможность проследить, как развивался поэт, ощутить расширение поэтической направленности творчества и углубление её мотивации, наконец, увидеть, как обогащаются и углубляются его образные средства, растёт культура слова и поэтического мышления. Подтверждение тому находим и во второй книге поэта «Звуковой барьер», и в третьей «Разрешите взлёт», и в последующих изданиях. Поэт и его лирический герой открыты перед читателями, и эта открытость идёт не только от щедрости поэтической души, но и от верности ранее заявленным моральным и гражданским принципам:

*А пакуль я іду, расхрыстаны,
Прагна з прыгоршчай
п'ю расу.
Песні –
шчырыя і празрыстыя –
Асцярожна людзям нясу.
(«На парозе сталасці»)*

Знакомство с книгой показывает, что В. Скоринкин успехов достигает только там, где остаётся самим собой, где является рядовым жителем, живущим тревогами, заботами и радостями своего времени, наконец, где тепло и эмоциональность говорит о близких ему людям, будь-то коллеги по авиации (стихотворение «Дорога в небо» – «Дарога ў неба») или деревенский плотник, который «хаты будаваў пасля вайны – знікалі аднавокія зямлянкі» («Комель» – «Камель»). Привлекают внимание читателя образы и метафоры так или иначе ассоциативно соотносящиеся с темой Неба («Жара» – «Спякота»), стихи о жизни друзей-ровесников («Земные созвездия» – «Зямныя сузор'і»; «У друга» – «У сябра»), философские размышления о месте и роли человека на Земле («Рожь» – «Жыта»), осмысление исторического прошлого («Вайханы» – «Вайханы»^{*}), проник-

⁴⁶⁰ Гніламёдаў, У. З чаго пачынаецца паэзія / У. Гніламёдаў // Маладосць. – 1970. – № 10. – С. 141.

* Вайханы – деревня в Городокском районе.

новенное отношение к любимой («Снова ты не пожелала...» – «Зноўку ты не пажадала...»), тревога за судьбу родной природы и её жителей («Остывшее гнездо» – «Астылае гняздо»). Понятным и близким он предстаёт перед читателем, в тех произведениях, где соединены мысль и чувство, а сам он выступает не только как поэт, но и как Гражданин, Человек, стремящийся понять и осмыслить заботы и тревоги живущих рядом людей:

*Радасна
душою дакрануцца
Мне
да чалавечай дабрыні.*

Привлекает и то, что поэт не просто сам стремится к постижению проблем бытия, но и принимает к размышлению читателя, не оставляет его равнодушным, возбуждает светлые мысли и возвышенные чувства. Назовём лишь несколько таких стихотворений – «Девчата из интерната» («Дзяўчаты з інтэрната»), «Заря умыла волосы» («Зара памыла валасы»), «Прирученные гуси» («Свойскія гусі»), «Тропинки, что тебя водили» («Сцяжынкi, што цябе вадзілі»), «Доброе утро» («Добры ранак»). Их с полным основанием можно отнести к творческой победе начинающего поэта: они, как раз, и являются той прочной ступенькой, которая ведёт к поэтико-гражданскому возмужанию и зрелости.

Восхождение по таким ступенькам на поэтический Парнас не всегда бывает лёгким и беспроблемным. Как-то наш земляк поэт С. Понизник заметил, что автору нельзя добиваться успеха, если не достигнута духовная сопряженность с теми, для кого пишутся стихи. Не преувеличивая, можно утверждать, что В. Скоринкину удалось и почувствовать, и установить такую сопричастность. Если размышлять о смысле жизни, если проникаться чувством ответственности за судьбу планеты и её людей, которые «адчуць павінны, што ўсе земляне – землякі», если в поэтических произведениях есть место и настоящей романтике, и философскому началу, и здоровому жизненному юмору, значит твои произведения будут востребованы и коллегами по профессии, и земляками-сельчанами, и многочисленными любителями поэтического слова. И такие стихи В. Скоринкина составляют в большинстве своём содержательную сторону и третьей, и четвёртой, и пятой, и шестой его книг. К примеру, в книге «Разрешите взлёт» – это стихи «Посадочные огни» («Пасадачныя агні»), «Глоток синевы» («Глыток сінечы»), «Саласпилс» («Саласпілс»), «Второй снег» («Другі снег»), «Жажда» («Смага»), «Лесоруб» («Лесаруб»), «Немецкая девочка в Хатыни» («Нямецкая дзяўчынка ў Хатыні»), поэмы «Навстречу веку» («Насустрач веку»), «Слепой дождь» («Сляпы дождж»); в книге «Четвёртый разворот» – стихи «Позывные Родины» («Пазыўныя Радзімы»), «Пролетая над родной землёй» («Пралятаючы над роднай зямлёй»), «Знакомство с Грузией» («Знаемства з Грузіяй»), «Ты не ревнуй меня к небу» («Ты не раўнуй мяне да неба»), «Загорится светофор зелёный» («Загарыцца светафор зялёны»), «Лосвидо» («Лосвіда»), «Смотрю я тихим вечером» («Гляджу я ціхім вечарам»), поэма «Высокое солнце» («Высокае сонца»); в книге «Угол атаки» – стихотворение «За мною гонится овчарка» («За мною гоніцца аўчарка»), диптих «Родословное дерево» («Радаслоўнае дрэва»), поэма «Угол атаки» («Вугал атакі») и др.

Логичным представляется, на наш взгляд, вывод, что поэтическая значимость названных (и других) произведений не в предпочтительном отношении к более близкой авиационно-небесной тематике, а в том поэтическом мастерстве, единстве мысли и слова, с которыми воплощены в лучших стихотворениях и космические, и достаточно противоречивые земные реалии. Поэт показал себя

художником обострённого, полемического восприятия действительности с умелым переходом от личностных восприятий к обобщениям, а поэтому и его лирический герой воспринимается читателем, как человек благородной души и само совершенности, не терпящий фальши, искусственности, подхалимажа, остро ощущающий ответственность перед собственной совестью за свои дела и поступки. Привлекает и то, что под его Мораль и Гражданственность В. Скоринкин не подгоняет поэтические строки, набор эпитетов и метафор, а ведёт свой рассказ искренне, лирически, по-мастерски используя меткую образность, живое народное слово, публицистическое начало и интимность чувств.

В подтверждение сказанному обратимся к поэтическим сборникам «Четвёртый разворот», «Угол атаки» и «Посадочные огни», переходным мостиком, своеобразным эпиграфом к которым могут служить строки из стихотворения «Есть право жить» («Ёсць права жыць») (книга лирики «Разрешите взлёт»):

*Нам пазбаўляцца смеласці
 зарана,
 Яна яшчэ спатрэбіцца
 ў жыцці.
 Ёсць права жыць
 і ў бой самааддана
 Заўжды за права гэтае ісці.*

Это четверостишие, на наш взгляд, с одной стороны свидетельствует о целенаправленности гражданских взглядов автора на прошлое и настоящее, о глубокой ограниченности этих взглядов и постоянном их утверждении доступными ему средствами поэтики; с другой, о глубоком понимании им сверхзадачи искусства в целом и поэзии, в частности — всегда нести идею, воспитывать людские души, развивать в людях благородные мысли, делать их активными сторонниками утверждения в жизни Доброго и Прекрасного.

Что же характерно для поэзии В. Скоринкина конца 1970-х — 1980-х годов?

Во-первых, широта поэтической интонации — от лёгкой героики до драматического (иногда, трагедийного) звучания, привносящая в стихотворения и поэмы необходимое интонационно-ритмическое разнообразие, полифоничность, присущие жизни тогочасного советского общества. Здесь читатель находит дальнейшую разработку темы, связанной с авиацией и собственной профессией, запоминающиеся меткие детали и образы («Испытание воли» — «Выпрабаванне волі», «Пролетая над родной землёй» — «Пралятаючы над роднай зямлёй», «Смотрю я тихим вечером...» — «Гляджу я ціхім вечарам...», «Высокое солнце» — «Высокае сонца» — книги лирики «Четвёртый разворот»; поэма «Угол атаки» — «Вугал атакі» в одноимённом поэтическом сборнике «Угол атаки») и др.

Лейтмотив темы читается в следующих строках из поэмы «Угол атаки»:

*...Ідзі на ўзлёт!
 І помні,
 Што ў палёце
 Ты ўжо не можаш
 Замарудзіць рух,
 Каб крылы не зламаць
 На развароце.⁴⁶¹*

⁴⁶¹ Скарынкін, У. Вугал атакі / У. Скарынкін. — Мінск, 1982. — С. 16.

Говоря о расширении интонационно-ритмического диапазона, следует отметить более широкое использование фольклорных мотивов, народного поэтического творчества, юмористического начала. Думается, что лёгкую усмешку читателя вызовут такие задушевные, с языковой меткостью стихи, как «На рынке» («На базары») (книга лирики «Четвёртый разворот»), «Свадебная» («Вясельная») и «Масленица» («Масленіца»), пронизанная атмосферой веселья и задора, (книга поэзии «Угол атаки»), «Скоро ль сыночек мой придёт с войны?» («Ці скоро мой сыночак прыйдзе з вайны?»), «Белорусское застолье» («Беларускае застолле»), «Вакантная должность» («Вакантная пасада») (сборник произведений «Посадочные огни»). Вот лишь несколько примеров – строки из стихотворения «Белорусское застолье»:

*...Гаманлівая бяседа
Хоць каму падніме дух.
Баба ў бок штурхнула дзеда:
– Не глядзі на маладух!
На старэнькую камоду
Хустачку навесіла.
– Ой, ляцелі гусі з броду, –
– Заспявала весела.
Быццам бубен
хмель зазвоніць
Неўзабаве ў галаве.
І гарэзлівы гармонік
На кадрылю пазаве.
Ад чачоткі зухаватай
Хата захістаецца,
І прыпеўкаю са сватам
Свацця развітаецца:
– Эх, узлескі-пералескі,
Вочы ў свата,
як пралескі.
Ты прыходзь мяне шукаць –
Я на печы буду спаць.*

Из стихотворения «На рынке»:

*Горы персікаў і дынь,
Як у дзіўнай казцы.
Зазываюць гаспадынь
Да сябе каўказцы:
– Заходзь, народ,
У свой гарод!
Напалову – цукар,
Напалову – мёд.
Прадавец гаваркі.
І тавар харошы.
Расчыняйце капшукі,
Даставайце грошы.*

*Не таргуйцеся здарма,
Як малыя дзеці,
І гранаты, і хурма –
Лепшыя на свеце.⁴⁶²*

Чтобы почувствовать дух масленицы, её весёлый разгул, непринуждённость отношений между участниками праздника, стихотворение «Масленица» приведём полностью:

*Зімавала цішыня
Тут у хустцы вязанай,
А с'ягодня палазня
Маслам змазана –*

*Выдыхаюць рысакі
Аблачынкi белыя.
Заліваюцца званкі
Захмялелыя:
– Мас-ле-ні-ца!*

*Лейцы ў маладых руках –
Сувязь між эпохамі.
Скачуць сосны па баках
Скамарохамі –
Масленіца!*

*Добра цягне кожны конь –
Дагадзіць стараецца.
Твар у хлопца, як агонь,
Разгараецца –
Масленіца!*

*У прыгожым керамку
Вабна гурб'яцца бліны.
У суседкі на вазку
Позірк маслены –
Масленіца!*

*Зух дзяўчыну прытуліў –
Памагла дарожанька:
– У агонь ты масла лі
Асцярожненька –
Масленіца!⁴⁶³*

Во-вторых, постоянное возвращение к традициям Великой Отечественной войны, оставившей и поэта и его лирического героя сиротами («Цяпер я круглы сірата – няма ні маці, ні айчыма...»). Запоминаются диптих «Родословное дерево» («Радаслоўнае дрэва»), стихотворение «С собственной памятью я...»

⁴⁶² Скарынкін, У. Чацвёрты разварот / У. Скарынкін. – Мінск, 1979. – С. 26.

⁴⁶³ Скарынкін, У. Вугал атакі / У. Скарынкін. – Мінск, 1982. – С. 40.

(«З уласнай памяцю я...»), «За мною гонится овчарка» («За мной гоніцца аўчарка»), «В Брестской крепости» («У Брэсцкай крэпасці»). Однако наиболее значительным творческим достижением в разработке этой темы стала поэма «Вознесение» («Узнясенне») с подзаглавием «Автобиография души», посвящённая жизни и смерти родителей, их трагической, но мужественной судьбе. Лирический герой поэмы размышляет над сложной ситуацией из его жизни – «Шмат перажыў я на сваім вяку, але забыць такое немагчыма: матулі нерухомаю руку труць пальцы аслабелага айчыма...».

Умерли родные, самые близкие ему люди. автор сфокусировал смерть отца, матери и отчима в одном временном промежутке, будто смерть идёт за смертью – не успевает утихнуть одно душевное переживание, как наступает второе, третье. Вот оно душевное состояние героя:

*Уздоўж разбітых
Чорных каляін
Апалая лістота дагарае.
З журботным крыкам
Жураўліны клін
Душу маю
У неба раздзірае.⁴⁶⁴*

Острой болью щемит у героя сердце, когда он вновь и вновь обращается к образу матери:

*Мне будзе ноч
Успамінацца тая.
Спакойна
У арэоле сівізны
Ляжала маці –
Родная, святая.
Не многім я
Душу сваю адкрыў,
Хоць іншы раз
Яна крычма крычала...
Упершыню, відаць.
Я гаварыў,
А маці ўсё маўчала
І маўчала.*

*Прайшла пара –
І давялося мне
З журбой
Пераканацца ў час разлукі,
Што ў маці роднай
Нават у труне
Мягчэйшыя
За ўсе другія
Рукі.*

⁴⁶⁴ Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985. – С. 4.

*Каго, скажыце,
Гэта не кране?
Ва ўсіх аднойчы
Абарвецца сцежка...
У маці роднай
Нават у труне
Дабрэйшая
За ўсе другія
Усмешка....⁴⁶⁵*

Воспоминания, воспоминания, воспоминания... Это и есть душевное состояние, когда кадр за кадром проходят перед глазами картины детства в небольшом Городке с любимой героиней речкой Горожанкой, навсегда оставшиеся в памяти благодаря учительнице русского языка и литературы Марии Васильевне Гончаровой и «печных дел мастеру» Мише Серебро, деревенской жизни с её принципами «толоки».

Герой поэмы верит, что время приглушает боль утрат, что и после личного горя, он найдёт в себе силы для дальнейшей активной жизни и продолжения тех добрых начинаний, которыми учили его, пусть уже и ушедшие из жизни, но оставшиеся в его памяти люди. Трагизм поэмы в конце становится почти пафосно-публицистическим:

*...І мы –
Пары ваеннай хлапчукі –
Жывём,
Нібы выконваем заданне.
Кроў апраўдаць,
Што пралілі бацькі,
Каб нашы жыцці
Мелі апраўданне.⁴⁶⁶*

В-третьих, проявлением постоянного внимания к развитию белорусской художественной культуры, жизнедеятельности таких известных личностей, как Франциск Скорина – стихотворение «Начало Скорины» («Пачатак Скарыны»), Максим Богданович – поэма «Где голубь купался...» («Дзе голуб купаўся...»), Якуб Колас – стихотворение «На родине Якуба Коласа» («На радзіме Якуба Коласа»), Зоська Верас – стихотворение «Юбилейное послание Зоськи Верас» («Юбілейнае пасланне Зоські Верас»). Упоминаются в книгах В. Скоринкина и наши современники – А. Кулешов, Л. Дайнеко, П. Панченко, В. Павлов, Г. Цитович, А. Велюга, А. Пысин, Р. Бородулин, А. Вертинский.

На наш взгляд, поэма, посвящённая М. Богдановичу, написана в требованиях поэтики, мастерски, даже занимательно. Но дать читателю новые, пусть свои литературные исследования, автор не смог. Может быть поэтому среди исследователей творчества М. Богдановича, его творческого пути и жизнеописания она остаётся вне поля критического анализа. А вот о стихотворении «Начало Скорины» можно обратить внимание (в Беларуси сложилась энциклопедическая литература о Скорине). Не читалось где-то, чтобы так образно не просто был описан уход на учёбу из родного дома:

⁴⁶⁵ Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985. – С. 23–24.

⁴⁶⁶ Там же. – С. 26.

*...На бацьку кінуў
Светлы позірк свой:
...Я не змагу
Аднолькава дружыць.
Я з футрам і са скурамі
Да Рыгі
Не буду больш спускацца
Па Дзвіне
Душу маю
Запаланілі кнігі.
Яны і днём.
І ноччу сняцца мне...
...Я гандляваць не буду,
Як Іван (брат Ф. Скарыны).
Хай дапаможа бог
Табе з Іванам.
Дай бог здароў'я
Маці і радні...
У Кракаў я
З купецкім караванам
Вучыцца едзе
Праз чатыры дні...⁴⁶⁷*

По-філософски звучат и последние строки из этого стихотворения:

*Глядзелі вочы ясныя
Сухія
Праз ранішнюю навалач імглы
Туды,
Дзе горда ўзносіла Сафія
Над старажытным градам
Купалы.⁴⁶⁸*

Красиво вписывается в историю художественной культуры Беларуси знание В. Скоринкиным истории родного ему края.

В стихах конца 1970-х – 1980-х годов читатель встретится с мощной Западной Двиной и малознакомой Речицей,* маленькими деревушками Городокщины (в наше время их не осталось на географической карте Витебщины. – А.Р., Ю.Р.) и, конечно, родным и близким поэтическому сердцу Городком. Несомненный интерес вызовет и лирико-исторический цикл (назовём его так. – А.Р., Ю.Р.) «Лосвидо» («Лосвіда»).**

Наконец, в-четвёртых, повышенная требовательность, даже трепетное отношение к произведениям лирического плана. Стихи о любви у В. Скоринкина тёплые, душевные, читаются на одном вздохе. «Каханне патрабуе шчырых слоў», – признаётся поэт. И он находит такие слова для поэтического цикла «Глаз твоих поляны» («Вачэй тваіх паляны») в сборнике «Угол атаки», стихо-

⁴⁶⁷ Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985. – С. 45, 47.

⁴⁶⁸ Там же. – С. 47.

* Небольшая речка в Миорском районе.

** Достаточно большое озеро на границе Городокского и Витебского районов.

творений «Счастливая сегодня ты...» («Шчаслівая сёння ты...»), «Ты же знаешь...» («Ты ж ведаеш...»), «Последняя любовь» («Апошняя каханне») в книге «Посадочные огни», «Хотело повториться что-то» («Хацела паўтарыцца штосьці»), «Отдымел поволокою золот...» («Аддыміўся смугою золак...»), «Белый вальс» («Белы вальс»), «Глаз твоих поляны» в книге лирики «Четвёртый разворот». Вот, к примеру, несколько строк из последнего стихотворения:

*Каханая, ад шчасця захмялей!
Таму, што павуцінне пад вачыма
У цябе рукою сцерці немагчыма,
Ты стала для мяне яшчэ мілей.
Яшчэ таму, што перасвіст птушыны
Гучаў вясной намнога весялей,
Што неба майскае было святлей
І што на гэта ёсць свае прычыны.
І ў змрочны дзень ты вер, маё каханне,
У цяпла абавязковае вяртанне,
Вер у магчымасць сонечнага дня.
Хоць верыць не жадае ў дзень даждлівы,
Што вернуцца святло і цеплыня,
Ніколі той не можа быць шчаслівы...⁴⁶⁹*

Вершиной любовной лирики В. Скоринкина с полным основанием следует считать венок сонетов «Глаз твоих поляны». «Прыхільнік форм старых і заветаў», – так скажет поэт о себе в одном из 15 сонетов. Действительно, это так. Написанные в строгом соответствии с требованиями, предъявляемыми к искусству сонета, они в то же время звучат искренне, молодо, предельно открыто:

*Дару табе вянок сваіх санетаў.
Прымі яго – прашу цябе ізноў.
Прымі сувой пачуццяў і высной,
Прымі бярэма сонечных букетаў.
Запальваю сузор'е даўніх сноў –
Сузор'е самых яркіх самацветаў.
Каханне – вечная вясна паэтаў,
Каханне патрабуе шчырых слоў.
Пакуль цвітуць вачэй тваіх паляны,
Я ўсё яшчэ, бы школьнік закаханы,
А час ляціць, як зоралёт імклівы.
Ты з кожным годам для мяне мілей.
Ніколі той не можа быць шчаслівы,
Каго засмокча раўнадушыша глей.⁴⁷⁰*

Таким вот тематически разноплановым (память войны, деревня, родной край, его история и современность, любовь, родительские чувства, красота Земли и Неба, вопросы морали и этики), богатым на поэтическое многообразие стихотворным творчеством заявил о себе в белорусской советской литературе

⁴⁶⁹ Скарынкін, У. Чацвёрты разварот / У. Скарынкін. – Мінск, 1979. – С. 34.

⁴⁷⁰ Скарынкін, У. Вугал атакі / У. Скарынкін. – Мінск, 1982. – С. 93.

«непрофессиональный» поэт В. Скоринкин. Без преувеличения можно говорить о том, что в его художественном мышлении удачно сочетаются зрительность жизненных реалий и эмоциональная непосредственность, натуральность интонаций и эстетическая обобщённость размышлений над увиденным и пережитым. Перефразируя С. Понизника, подчеркнём, что для В. Скоринкина главное не только в том, что он часто первым ощущает открытие Прекрасного, своей поэтикой от утверждает право быть одним из первых среди тех, кто является борцом в движении общества к Доброму и Прекрасному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салтук, А. Пачатак дня / А. Салтук. – Мінск, 1974.
2. Салтук, А. Працяг / А. Салтук. – Мінск, 1977.
3. Салтук, А. Святло зямлі / А. Салтук. – Мінск, 1982.
4. Салтук, А. На далонях жыцця / А. Салтук. – Мінск, 1988.
5. Скарынкін, У. Буслы над аэрадромам / У. Скарынкін. – Мінск, 1969.
6. Скарынкін, У. Гукавы бар'ер / У. Скарынкін. – Мінск, 1972.
7. Скарынкін, У. Дазвольце ўзлёт / У. Скарынкін. – Мінск, 1975.
8. Скарынкін, У. Чацвёрты разварот / У. Скарынкін. – Мінск, 1979.
9. Скарынкін, У. Вугал атакі / У. Скарынкін. – Мінск, 1982.
10. Скарынкін, У. Пасадачныя агні / У. Скарынкін. – Мінск, 1985.
11. Скарынкін, У. Выратавальны плот / У. Скарынкін. – Мінск, 1988.

АЛЕСЬ СТАВЕР

Попытка войти в поэзию, сделанная в 1959 г. выходом поэтического сборника «Золак над Берёзой», оказалась для **Алесь Ставер** (Александра Сергеевича) весьма успешной. (Он родился 10 августа 1929 г. в деревне Морговица Докшицкого района, трагически погиб в автокатастрофе 23 июля 1995 г.). Восьмилетнее осмысление требований и правил поэтического мастерства завершилось в 1967 г., когда из печати вышла вторая книга поэзии «Ласточки перед дождём» («Ластаўкі перад дажджом»). Затем следуют новые сборники стихов, поэм, песен. В 1972 г. издаётся книга стихов и песен «Журавли летят...» («Жураўлі ляцяць...»); в 1975 г. – книга стихов «Лирник» («Лірнік»); в 1974 г. – книга «Августовский отлёт: избранное» («Жнівеньскі адлёт: выбранае»); в 1983 г. – сборник песен «Мой край белорусский» («Мой край беларускі»). В 1986 г. в переводе на русский язык в одном из московских издательств издан поэтический сборник «Созвучие». В 1989 г. читателям будет предложена последняя поэтическая книга «Зори земные: поэмы, стихи, песни» («Зоры зямныя: паэмы, вершы, песні»).

Уточним: последняя в поэзии так, как уже с конца 1960-х годов А. Ставер начал отдавать предпочтение прозе – в 1969 г. из печати выйдет роман «Под конвоем. Из пережитого» («Пад канвоем. З перажытога») (в 1981 г. будет издана в русском переводе, в 1990 г. – выйдет вторым изданием); в 1974 г. – книга «К своим: повесть и рассказы» («Да сваіх: аповесць і апавяданні»); в 1986 г. будут изданы «Лесные повести» («Лясныя аповесці»). Детскому читателю в 1984 г. будет адресована книга поэзии «Под радуговой дугой» («Пад вясёлкавай дугой»).

А. Ставер известен и как автор драматических произведений – лирической комедии «Олимпиада Солодкая» («Алімпіяда Салодкая») и пьесы «Слово не воробей» («Слова не варабей»). В белорусских театрах обе поставлены в 1972 г.

Его произведения печатались в коллективных сборниках «Дзень паэзіі» (1966, 1972, 1973, 1975, 1979 гг.), «Вытокі песні», «Родины сыновья», «За цябе Радзіма», «Нам засталася спадчына», «Волей азарыцца свет», «Партызаны, партызаны» и др.

Стихи, песни, отрывки из прозаических произведений А. Ставера в конце 1960-х – начале 1990-х годов можно было прочесть на страницах республиканских

газет («Звезда», «Советская Белоруссия», «Чырвоная змена», «Знамя юности», «Настаўніцкая газета», «Голас Радзімы») и журналов («Беларусь», «Маладосць», «Работніца і сялянка», «Сельское хозяйство Белоруссии», «Вожык», «Бярозка»). Он активно сотрудничал с областными газетами – витебской «Віцебскі рабочы», могилёвской «Магілёўская праўда», минской «Мінская праўда», брестской «Заря», гродненской «Гродненская правда», минской городской газете «Вячэрні Мінск».

Поэтичными выглядят его переводы с русского, украинского, армянского, болгарского, греческого, казахского, латышского, литовского, татарского языков.

О популярности поэзии А. Ставера свидетельствуют переводы его стихов, песен, детских произведений на русский, украинский, армянский, болгарский, грузинский, литовский, татарский, туркменский языки. Член Союза писателей БССР с 1967 г.

«Крестными родителями» поэта-песенника, прозаика и драматурга А. Ставера без тени сомнения можно считать его родителей – мать Кристину Петровну и отца Сергея Макаровича, а также поэта Алексея Русецкого – рецензента первых стихов начинающего автора.

В западной деревне извечно ценилась образованность, постоянным было уважение к «учёным» соседям. И, конечно, не думали они о писательстве; мечтой родителей – было видеть своего сына учителем, а поэтому отговаривали они юношу от шофёрских курсов, убедили его в необходимости продолжения учёбы в одном из педагогических училищ (сначала это было Минское, затем – Борисовское педучилище, а затем филологический факультет Минского педагогического института имени М. Горького – окончил в 1954 г.). Разными были жизненные пути-дороги А. Ставера: педагогические, журналистские, редакторские, организационно-литературные. С 1984 г. он находился на творческой работе.

Нельзя не согласиться с мнением известного белорусского литературоведа, критика и прозаика С. Александровича, который в одной из статей, посвящённых творчеству А. Ставера подчеркнул, что «сёння ў А. Ставера ёсць свая палітычная дзялянка, на якой ён працуе даўно, з сапраўдным поспехам, уменнем і майстэрствам. Маюцца на ўвазе лірычныя вершы паэта фальклорна-песеннага складу, а таксама яго вельмі трапныя апрацоўкі народных паданняў і жартаў».⁴⁷¹

В то же время следовало бы сделать небольшое уточнение, которое не противоречит мнению маститого литератора, а лишь уточняет, конкретизирует его. Имеется ввиду детализация поэтики А. Ставера. На наш взгляд, уточняющими позициями могут быть: лирико-патриотическое начало; любовная лирика; лирика народно-фольклорного звучания; песенная лирика.

А теперь сделаем отступление и познакомим сегодняшнего читателя хотя бы с двумя противоположными оценками поэтического творчества А. Ставера, которые декларировались критиками в исследуемом нами периоде. К примеру, известный и часто «острый» литературовед О. Лойко в обзоре молодой поэзии 1972 г. (в 1972 г. вышла в свет третья поэтическая книга А. Ставера «Журавли летят...» писал: «... А. Ставер свядома адважыўся выдаць за паэзію сённышняга дня стэрэатып рытарычнай агульшчыны, даўно адкінуты развіццём нашай лірыкі» и часто не учитывает «законы мастацкасці, паэтычнай гармоніі», в то же время констатировал, что «хапае малаплённай стылізацыі пад народную песню».⁴⁷² Трудно понять, что дало повод О. Лойко для такого «очень объективного» вывода – те десяток стихотворений, написанных в духе партийно-идеологического стихо- и песнетворчества? Ведь не они стали сущностью книги. Ведь шёл внутренний поиск эстетических ориентиров, постепенное преодоление идейно-политической конюнктуры и примитивного стихосложения, механического повторения схем и штампов. Думаем, что все эти поиски-преодоления компенсирова-

⁴⁷¹ Літаратура і мастацтва. – 1979. – 10 жніўня.

⁴⁷² Лойка, А. Паэзія і час / А. Лойка. – Мінск, 1981. – С. 49, 50.

лись лишь одним стихотворением «Журавли летят...» (есть же примеры, когда лишь одно произведение делало автора всемирно известным. – А.Р., Ю.Р.):

*Каб любіць Беларусь нашу мілую,
Трэба ў розных краях пабываць.
Разумею цяпер, чаму з выраю
Жураўлі на Палессе ляцяць.*

*Што ім тыя пагоды пайднёвыя!
Што ім пышны платанавы рай,
Калі клічуць іх далі сасновыя
І азёрны рабінавы край.*

*Сакавітыя пожні муровыя
Не заменіш нічым і нідзе,
І зямлю, дзе сцяжыначка кожная
У прыветлівы двор прывядзе.*

*Каб любіць Беларусь нашу мілую,
Трэба ў розных краях пабываць.
Разумею цяпер, чаму з выраю
Жураўлі на Палессе ляцяць.⁴⁷³*

А ведь в книге «Журавли летят...» были далеко не все стихи «идеологически-ми». В книге преобладают глубоко лирические стихи. Назовём лишь некоторые: «З гадоў юнацкіх», «Упершыню спаткаўся я з табою...», «Шмат дзяўчат прывабных ёсць на свеце...», «Уночы», «Лірычныя», «Ішлі з табой – мне помніцца – з кіно...», «Ты мяне, напэўна, не кахала...» і іншыя. Была память о войне («Ты мой чуб пшчотна папраўляеш», «Памяць вайны»), были чудесные песни – «Беларусачка», «Чарнабровае шчасце маё», была попытка познакомить белорусского читателя с красотами кавказской природы... (Почему этого не заметил О. Лойко – не понятно!).

Свою позицию в отношении подобных суждений выразим следующим образом. Да, в отдельных стихотворениях проявилась типично-шаблонная, трафаретная гладкопись («Наша Маша звеньевая», «Наш голос», «Любим Родину», «О Москве» и др.), поэт попадал в плен идеологических и литературных стереотипов. Но уже за то, что он написал стихотворение «Журавли летят...», пронизанное большой и трогательной любовью к родной земле, ему можно простить и проявление риторического стихотворчества, и славословие, и другие просчёты и недостатки.

Ведь это не просто лирический гимн неповторимым белорусским красотам. Это ещё и продолжение Скариновой мысли о том, что люди к месту большую любовь имеют, где родились и выросли. О привлекательности Ставеровский «Журавлей...» свидетельствует и то, что они прочно прописались в антологиях и хрестоматиях поэзии, что их снова и снова перепечатают белорусские газеты и журналы.

Отметим, что были и другие статьи и рецензии, способствующие становлению поэтического мастерства А. Ставера в его самобытной форме. Вот, к примеру, позиция критика Г. Шупенько, обратившего внимание поэтического сообщества на незаслуженную определённо одностороннюю и привзятую оценку творчества А. Ставера. Он не только понял авторское признание: «Творчыя пошукі і намаганні праходзілі ў мяне няроўна. І, безумоўна, не заўсёды выклікалі разуменне ў маіх блізкіх і нават у некаторых літаратараў»,⁴⁷⁴ но і отметіў народную прыроду творчества, прывлекательность его.

⁴⁷³ Ставер, А. Жураўлі ляцяць... / А. Ставер. – Мінск, 1972. – С. 6.

⁴⁷⁴ Ставер, А. Старонкі з жыцця // Жнівеньскі вырай... / А. Ставер. – Мінск, 1979. – С. 170.

Однако, о самой поэзии А. Ставера. И начнём с лирико-патриотической. Читаем вторую поэтическую книгу «Ласточки перед дождём». Открытость, душевность, гордость за свой народ, сыновья преданность к своей «малой» Родине, память войны, весенние мотивы и обращения к теме любви, «пахущую наилучшему», возвышенному, светлому, чистому. Однако, представим слово самому автору. (Думаем, что даже несколько стихотворений позволят читателю самому сделать выводы о поэтических предпочтениях автора, его отношении к мирозданию и собственному месту в нём. – А.Р., Ю.Р.). Он говорит о патриотизме:

*Мой народ праз стагоддзі пранёс
дабрату,
Да суседзяў-народаў павагу.
Знае свет навакольны яго прамату
І любоў да жыцця і адвагу.
І заўсёды ў віхурах вякоў і нягод,
У зямной непагодзе суровай,*

*Вылучала між іншых мой мужны
народ
Беларуская родная мова.
Мой народ зберагае сваю даўніну.
Кожны нашай гісторыі знаўца
Добрым словам успомніць не раз
Скарыну
І пахваліць за мудрасць Мсціслаўца.
Каліноўскага імя навокал гучыць,
І Купалы і Коласа слова, -
Навучылі іх край беларускі любіць
Беларуская родная мова.
Мой народ ганарыцца сягодня сваім
Партызанскім праслаўленым краем.
У вялікіх бяседах прад светам усім
Дэлегаты яго выступаюць.
Дык чаруй жа людзей паміж моваў
другіх
І гучы вечна ярка і нова,
Мова продкаў маіх і нашчадкаў
маіх, -
Беларуская родная мова!⁴⁷⁵*

(«Мой народ»)

О любви:

*«Кахаю...» – ціха ўначы пайтараю.
«Кахаю...» – гучна ўдзень я гавару.
Сваё каханне радасна страгаю,
Як жайранак світальную зару.
Каго кахаю – толькі мне вядома.
Каму якая справа да таго?*

⁴⁷⁵ Ставер, А. Ластаўкі перад дажджом / А. Ставер. – Мінск, 1967. – С. 26–27.

*Прэч меркаванні блізкіх і знаёмых!
Я – сам стваральнік характа сваёго
Маё ў пачуццях сэрца не прыстане.
Бек буду славіць радасць і красу.
Высокае і чыстае каханне
Я ў сэрцы праз стагодзі пранясу.⁴⁷⁶
(«Кахаю... ціха ў начы паўтараю...»)*

Дополняют эту тему, на наш взгляд, такие стихи, как «Як даўно прывабіла мяне ты...», «Паэтэса», «Ты добра ведаеш сама...», «Дзе ты, маё каханне?»; и о родной сторонке, любимой «Малой» Родине:

*Я так люблю вячэрнім часам
Сцяжынкай роснаю адзін
Прайсці на луг майго калгаса,
Дзе вее водарам лагчын,
Дзе ветрык ласкавы, чароўны
Хвалюе нізкія кусты,
Дзе салаўіны спеў цудоўны
Гучыць у зараслях густых,
Дзе спеву гэтаму абшары
Утораць водгуллем сваім, -
І я ў палётах думак-мараў
Хачу спрацацца песняй з ім.⁴⁷⁷*

Проникновенные, тёплые, сердечные слова поэт, может быть, впервые адресует своему отцу и дочери («Бацьку», «Бяседа з бацькам», «Дачка»), наполняет строки стихотворений, которые впоследствии станут известными песнями («А мне ў шчасце верыцца» – кампазітар Ю. Семеняка, «Нігагусенкі няма», «Дзве таполі» і іншыя), с болью и горечью пишет о войне («Смерць партызана», «След вайны»).

А ещё были пронизанные юмором свадебные диалоги («Скрыпка і бубен»), поэтические воспоминания о родной Морговице, горестно-исповедальный ужин в день рождения сельской вдовы («Песня адной іменніцы»), просьба-заклинанье «Калі кавец мяне павезёце», юмористически—бытовые стихи («Каб дома не журылі»), «У хаце каваля», «Вяселле»), стихи-посвящения М. Танку, А. Русаку, В. Короткевичу, М. Стрельцову, О. Лойко, М. Аврамчику, М. Прошковичу, А. Федосику, любимому учителю Я.М. Заммерфельду, лётчику капитану В. Каранину. Паэту ўдаліся вершы «дзе жыве яго душа», адзначыў патрабавальны да творчасці паэт А. Разанаў, а разам з ёй «жывуць і іншыя, няхай нават гутарка і не ідзе пра іх».⁴⁷⁸

Собранные в книгу стихи подчёркивают эпичность взглядов поэта – он диалектически объединяет в единое целое народную мудрость и философские рассуждения о смысле жизни, исконное стремление людей к счастью и доброте и личное желание участвовать в достижении такой благородной цели, насыщение стихов богатыми ассоциациями и элементами народной смехотерапии.

Свою дальнейшую разработку выделенными нами направления в поэтическом творчестве А. Салтука найдут в его книгах «Журавли летят», «Лирник». (Последующие поэтические сборники «Августовский отлёт» и «Зори земные» – это, по сути своей избранное из ранее написанного).

⁴⁷⁶ Ставер, А. Ластаўкі перад дажджом / А. Ставер. – Мінск, 1967. – С. 32.

⁴⁷⁷ Там же. – С. 48.

⁴⁷⁸ Разанаў, А. Неспраўджаныя абяцанні / А. Разанаў // Маладосць. – 1968. – № 1. – С. 152.

О книге «Журавли летят...» мы писали чуть выше. Здесь же поведаем читателю историю создания этого шедевра. Юношеский друг поэта, Заслуженный деятель культуры БССР В. Скороходов, тонко подметив, что стихи А. Ставера «ляжалі на дне души ў спакоі да таго часу, пакуль не запяе сэрца смуткам ці радасцю», рассказал: «Закончыўся тэрмін камандзіроўкі на Каўказ (об этом В. Скорохову рассказывал сам А.Ставер. – А.Р., Ю.Р.). Купіў білет на Мінск. Склаў рэчы ў нумары гасцініцы да адлёту самалёта, а сам пайшоў у сталоўку. На дарогу добра папалуднаваў. За сталом прыпомніліся нашы нацыянальныя стравы, радзіма, лугі і палеткі, лясы і азёры, і сэрца запела:

*Каб любіць Беларусь нашу мілую,
Трэба ў розных краях пабываць....*

За першай – і наступная страфа. Істоту паэта ахапіла незвычайнае хваляванне. Ён хапіўся за асадкай і натотнікам, каб запісаць гэтыя радкі, а іх няма – у гасцініцы. Папарасіў на вуліцы ў грузіна асадку, разарваў пачак ад папярос і запісаў верш. Тады высах на ілбе пот, адлягло ад сэрца хваляванне, і яму захацелася есці, быццам ён тыдзень харчаваўся толькі вадой...».⁴⁷⁹

Уточняют и подтверждают рассуждения В. Скороходова Народный артист СССР и БССР, композитор, автор песни «Журавли на Полесье летят» И. Лученок: «Верш, які кладзецца на музыку мае ярчэй выражаныя мілагучнасць, настраёнасць, даходлівасць. Павінен мець свій вобраз» (напрыклад, «Жураўлі, што ляцяць на Палессе»).⁴⁸⁰ В песенной лирике А. Ставера мы не найдём ненужной усложнённости, она принизана близостью к народным мотивам (А. Пысин). Здесь господствует мелодичность белорусского языка, непосредственность и проникновенность авторской позиции, соответствующей душевному настрою человека, его чувствам и настроению. Устное народное творчество диктовало поэту интонации, мотивы, и он, опираясь на народную речевую стихию, стремился к тому, чтобы в его песенной лирике чувства были раскованными, а сами песни звучали мелодично, просто и натурально. Такие песни, пронизанные одухотворённым чувством, чудесной красотой музыкального оформления, неповторимостью звучания, как «Журавли на Полесье летят...», «Белоруссочка», «А мне в счастье верится», «Колос, ты мой колос» и др. (композиторы И. Лученок, Ю. Семеняка, М. Чуркин) являются лучшим доказательством того, что их автор имел бесспорный дар поэтически-песенного творчества.* К месту будет ещё одна ссылка на И. Лученку. В предисловии к сборнику песен на слова поэта «Мой край белорусский» («Мой край беларускі». – 1983) выдающийся мастер белорусской песни написал: «Як кампазітар, я хачу зазначыць: пявучая паэзія Алеся Ставера – з’ява даволі рэдкая. ...Паэт умее падмеціць трапны жарт, сакавіты радок і, прыдаўшы ім высокую адухоўленасць і непасрэднасць, стварыць у песенным вершы паўнацэнны мастацкі вобраз. Свое предисловие композитор окончил высокой оценкой творческой личности поэта-песенника: «Ён паэт ад прыроды. Гэта бачна і на вершах, і на яго светаўспрыманні наогул. Прастата і шчырасць – вось яго адметныя якасці як паэта і чалавека».

Размышлениями над человеческими отношениями, всём дорогим, что есть в судьбе народа, над диалектикой жизненных противоречий и утверждением в этих процессах собственной авторской и гражданской позиции проникнута четвёртая книга стихов А. Ставера «Лирник». Здесь и героика, и трагедия войны, которую пережил сам поэт:

⁴⁷⁹ Культура. – 1995. – 6–12 снежня.

⁴⁸⁰ Карэлін, А. Як нараджаецца песня / А. Карэлін // Маладосць. – 1973. – № 1. – С. 127.

* Кроме названных композиторов музыку на слова А. Ставера писали М. Петренко, А. Чиркун, Г. Вагнер, Е. Тихонович, И. Кузнецов, Д. Каминский, Р. Бутвиловский, Л. Захлевный, В. Каретников, В. Серых и другие.

*Ад Маргавіцы
аж да шахтаў Рура
Мае застылі слёзы на пяску,
Дзе пад канвоем я,
кульгавы Шура,
Ішоў у самаробным кажуху...⁴⁸¹
(«Давайце памяркуем»)*

В книге присутствуют и Николай Гастелло и Александр Матросов, и Вера Хоружая, и партизан-грузин Шалва Бабунашвили, и героическая партизанская эпопея на озере Палик в ходе фашистских блокад в 1943–44 гг.

Читатель снова становится свидетелем поэтического признания. Вот строки из стихотворений:

– о родной Беларусі:

*Гэтай песні гарэзныя словы
Я з юнацтва ўсім сэрцам люблю,
Як сваю беларускую мову,
Як маёй Беларусі зямлю!
Знаю я: абыдзі ўсю планету,
Але гэткай зямлі не сустрэць.*

*Беларусь! Край натхнення паэтаў!
Ды цябе немагчыма апець⁴⁸²
(«Беларусі»);*

– о родных марговицкіх местах:

*Любімая вёска. Стаіць як стаяла...
Тут жыві я ў маленстве і светам дзівіўся.
Узгорак, з якога зімою, бывала,
З сябрамі на лыжах, на санках вазіўся.
А побач з узгоркам – рачулка малая,
Лужок сакавіты яе акружае,
Дзе ўранні малочныя таяць туманы,
Дзе смажыў я скварку калісь на кастры.
Навокал – прасторы палёў узараных,
Дзе ўвёсну жаўрук чаравай на зары.
Далей – лес сасновы, мядзены, смалісты.
За лесам бялеюць там-сям лазнякі
Абапал Бярозы шарокай, празрыстай.
Ну хіба дзе знойдзеш прастор вось такі?!⁴⁸³
(«Родны пейзаж»);*

– о любові: «Лепш каханне пачаць з недаверам, чым верыце каханню затым» («Аб каханні»), «Скажыце мне, заслужаныя людзі: калі нарэшце з кожнаю сям'ёй дружыцца шчасце і каханне будзе» («Яна была такая, як дзіця...»), «Ці

⁴⁸¹ Ставер, А. Лірнік / А. Салтук. – Мінск, 1975.

⁴⁸² Там же. – С. 66.

⁴⁸³ Там же. – С. 26.

бачыў хто, ці мо хто чуў хоць раз, што можна жыць на свеце без каханьня» («Расказ пра маці-адзіночку...»).

Помня о необоснованной, недоброжелательной, почти уничтожающей критике в свой адрес, А. Ставер пишет стихотворение «Обращение к критикам», в котором признавался, что хотел бы оставаться самим собой, человеком, в памяти которого постоянно присутствует вековая мудрость его родных и близких, соседей и просто жителей бегомльских (докшицких) деревень. Он обращается к специалистам литературного дела:

*Дык зразумейце ж вы жыццё паэта!
І не шукайце хітрасці ў яго.
Яго душа раскрыта перад светам
І свеціцца,
як вечнасці агонь.
К таму агню нагрэцца ўсе імкнуцца...
Няроўны толькі той агонь для ўсіх:
Адны –
чамусць раптоўна апякуцца...
А іншыя –
сагрэюцца на міг.
Паэт жыве ўсё жыццё надзеяй
І, як дзівак,
яе шукае след –
Таму такі няўрымсны між людзей ён...
Якім, хацелі б вы, каб быў паэт.⁴⁸⁴*

И, рядом со стихами социально-гражданского звучания, читаются авторские обработки и стилизации народного фольклорно-юмористического наследия. Народный юмор стал неотъемлемой чертой всех его книг и отдельных публикаций. Его стихи (к примеру, «Адкуль бяда», «Скрыпка і бубен», «Жончына здагадка», «Натура», «Храбры заяц», «Жартоўны верш», «Знаходлівы Марка», «Пра шафёра-ліхача, жонку Мішы Чухнага» и др) написаны живо, воспринимаются на слово и на слух, имеют туристический налёт.

Сам поэт своё отношение к живущему в народной памяти фольклорно-сметовому наследию, пишет: «Складаць вершы на фальклорнай аснове сталагалоўнай умовай маёй творчасці, калі я пачаў часта сустракацца з чытачамі, бываць у калгасах, на заводах Беларусі, калі мой пісьменніцкі лёс павадзіў мяне па прасцечых многіх братскіх рэспублік. Ажывалі ў памяці чутыя ў дзяцінстве апавяданно дзеда Чэчы (маргавіцкага мудраца), бабы Макарыхі (па бацьку), бабы Петрочыхі (па маці), купальскія і святочныя песні маргаўчан. У розныя гады з'явіліся вершы «Песня адной імянінніцы», «Індык і гусак», «Каб дома не журыліся», «Адкуль бяда?», «А мне ў шчасце верыцца», «Індыйская легенда», «Трасуха» і іншыя.⁴⁸⁵

А разве можно оставить без читательского внимания стихи-отчёты о его путешествиях, поездках, экскурсиях в разные страны и республики, весьма часто рождающиеся прямо в дороге (вспомним, к примеру, история создания «Журавлей...»). Поэтом созданы такие «связки» стихотворений – «Янтарный прибор», («Бурштынавы прыбой»), «Карпатские перевалы» («Карпацкія перавалы»), «Горное

⁴⁸⁴ Ставер, А. Лірнік / А. Салтук. – Мінск, 1975. – С. 23.

⁴⁸⁵ Ставер, А. Старонка з жыцця // Жнівеньскі вырай / А. Ставер. – Мінск, 1979. – С. 170.

эхо» («Горнае эха»), «Северное сияние» («Паўночнае ззянне»), «Голубая Висла» («Блакітная Вісла»), «Дальние меридианы» («Далёкія мерыдыяны»). В лучших строфах об экзотических чудесах известных исторических местах, поэт не просто испытывает собственные душевные волнения.

Может быть, не все поэтические искания А. Ставера учтены в нашем обозрении, но это был человек от земли, от войны, от послевоенного детства и долгой жизненной дороги. О нем можно было прочесть и такие строки: «Дужа і вялікі ён быў жыццялюб, і было ў яго характары нешта ад рамэнаўскага Кала Бруньёна, толькі ў нашым, беларускім варыянце».⁴⁸⁶

Стихи о «малой» и «большой» Родине (Марговица и Белоруссия – А.Р., Ю.Р.), стремление автора, скажем, аккумулировать своё творчество, неожиданно получило заявление в следующих (ещё раз подчеркнём) откровенно-исповедательных строках:

*Я песні складаю
не з думак залётных,
Я песні складаю
з гаворак людскіх!..
...Адно толькі знаю я:
сны Беларусі,
Як мара і ява, пайсюдна пры мне.
І з імі
іду я ў жыццё ўлюблёны
І з імі
я ў марах крылатых лячу,
Праз іх я т водгук дацуцца хачу...
І каб чалавек
з нетутэйшай праніскай
Скажаў
прачытайшы мой томік як след:
– Так, ён узлятаў ці высока ці нізка,
А ўсё-такі ён быў беларускі паэт.⁴⁸⁷*

Именно, этими строками мы и хотели бы завершить эссе о поэтическом творчестве А. Ставера.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Ставер, А. Ластаўкі перад дажджом / А. Ставер. – Мінск, 1967.
2. Ставер, А. Жураўлі на Палессе ляцяць... / А. Ставер. – Мінск, 1972.
3. Ставер, А. Лірнік: вершы / А. Ставер. – Мінск, 1975.
4. Ставер, А. Жнівеньскі вырай: выбранае / А. Ставер. – Мінск, 1979.
5. Ставер, А. Зоры зямныя: паэмы, вершы, песні / А. Ставер. – Мінск, 1989.

⁴⁸⁶ Письмянкоў, А. Ён любіў Беларусь нашу мілую / А. Письмянкоў // Першацвет. – 1996. – № 2. – С. 94.

⁴⁸⁷ Ставер, А. Лірнік / А. Салтук. – Мінск, 1975. – С. 76.

ПАВЕЛ И ПЁТР СУШКО

В белорусской советской литературе **Сушко Павел Михайлович** (печатался под псевдонимом Язэп Сяўня) известен с 1940 года,* когда в «Сялянскай газеце» его стихи «Колхозная» («Калгасная») и «Минуло неволи время» («Мінуў няволі час»). В годы Великой Отечественной войны связной партизанского отряда «Москва», затем партизан 4-й Белорусской партизанской бригады. В газете «Кліч партызан» (орган Миорского подпольного райкома КП(б)Б) выступаў з нататкамі пад псеўданімам Язэп Сяўня. «Марш белорусских партизан» («Марш беларускіх партызан») на слова П. Сушко часто исполняли народные мстители.

После войны активно участвовал в восстановлении разрушенного народного хозяйства. Печатался в коллективных сборниках «Дзень паэзіі-66», «Сцягі і паходні», «В походе», «Партизаны, партизаны...», республиканских газетах «Звезда», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», витебской областной газете миорской районной газете «Зара камунізму», «Сцяг працы», журнале «Работніца і сялянка». Любил песню. Мог быть солистом. Известный белорусский литературовед В. Колесник назвал его произведения мастацкімі дакументамі перажыванняў заходнебеларускага перадавога селяніна». Стихотворения П. Сушко «Тропинка» («Сцяжынка») и «Ой, шла девушка» («Ой, ішла дзяўчына») положены на музыку М. Петренком и А. Полонским.

Умер 26 сентября 1974 г., похоронен на деревенском кладбище.

Богатейший жизненный опыт Павла Сушко, его жизнь в условиях цензурной польской печати позволяли писать лишь в природоописательные стихи или «мягкую» любовную лирику. Хотя эмоциональные, острые слова, читаемые в «лёгких» стихах миорского бунтаря.

Поэт выжил в Великой Отечественной войне, сохранилась семья, вырос ещё один поэт Пётр Сушко, для которого отцовские стихи после каждой их публикации становились очередным поэтическим уроком. Уроком, напоминающим подростку о том, что может помнить и что помнит душа человека, пережившего войну. Читайте:

На п'едэстале

*над магілай брацкай
стаіць нязменна
дзень і ноч падрад,
нібы вартуе
вечны сон салдацкі,
адліты з бронзы,
узброены салдат.
У ім пазнаеш
брата,
мужа,*

* Сушко П.М. родился 7(20) ноября 1909 г. в деревне Сушки нынешнего Миорского района. До воссоединения Западной Белоруссии с БССР работал на сельском хозяйстве, активно поддерживал гуманистические и антифашистские идеи народного фронта. После воссоединения – один из организаторов первого в Миорском районе колхоза «Боевой партизан». Работал председателем Чересского сельсовета.

Печататься начал в 1938 г. в прогрессивных газетах и журналах Западной Белоруссии. Его произведения распространялись среди подпольщиков и трудящихся, призывали их на борьбу с национальным угнетением. В академической библиотеке г. Вильнюса (Республика Литва) хранится рукописный сборник его стихотворений «Отголоски» («Адгалоскі», 1939).

сына

*ці бацьку,
не прыйшоўшага з вайны...
Тут, быццам маці,
плача пургавіна,
а я
здымаю шапку з галавы.⁴⁸⁸*

И рядом с этими стихотворениями «Солдатка» («Салдатка»), «Над братской могилой» («Над брацкай магілай»), «Мёртвое поле» («Мёртвае поле»), наполненными трагедийностью памяти о Великой Отечественной войне советских людей с фашистским нашествием, читателю предлагается лирическая «Тропинка» («Сцяжынка»), ставшая популярной эстрадной песней:

*Срэбрам свеціцца сцяжынка,
Хоць вачэй не адрываі.
Не кружы над ёй, сцяжынка,
Абнімі, не замятай.
Праімчыся ўдалеч з хмарай.
Мне ж вядома ўсё як ёсць:
Ходзіць сцежкаю за марай
На спатканне маладосць.
Мне чуто тут кожны вечар,
Як міне працоўны дзень,
Песня крыламі трапеча:
«Дзе ж ты, мілы, ходзіш, дзе?»
Ой, пакінь свой сум, дзяўчынка,
Што ў самоце дзень жыла.
Не забудзецца сцяжынка
Да знаёмага сяла.⁴⁸⁹*

И почти фольклорное предание «Кукушкины слёзы» («Зязюльчыны слёзкі»):

*– Растуць кветкі ў лузе
Ля кожнае вёскі,
І завуць іх людзі
Зязюльчыны слёзкі.*

*А я так мяркую:
Шэрая кукуе,
Ды ніхто не бачыў,
Як зязюля плача.
Яна не гадуе
Уласнага дзіцяці,
Па кім жа заплача
Падобная маці?*

⁴⁸⁸ Сцягі і паходні: творы паэтаў з былой Заходняй Беларусі. – Мінск, 1966. – С. 216.

⁴⁸⁹ Дзень паэзіі-66. – Мінск, 1966. – С. 178.

*Але ж у народзе
Сцвярджаюць, што чулі:
Жыццё на зыходзе –
Галосцяць вязюлі.⁴⁹⁰*

И в этой пронизанности лирического начала народно-фольклорными мотивами рождались и зрели стихи о любви, о чувствах своего героя, возвышенных и проникновенных. Какими богатствами души и сердца должен был обладать поэт, чтобы более чем в 60-летнем возрасте вспоминать о годах юношеских, о той единственной, которая постоянно жила в его памяти:

*Пэўна, ты нарадзілася
восенню,
А мо нават начама зімовымі,
Бо няма ў вачах яснае
просіні,
А здаюцца зайсёды суровымі.
Толькі часам суровасць
руйнаючы,
Зайважаліся мне з'явы новыя,
Як глядзеў табе ў вочы я
любячы.
У тваіх бачыў я промні
вяснова.⁴⁹¹*

Человек, влюблённый в красоты родных краевидов, озёрно-лесные просторы Миорско-Браславского края знает, «чаму кветкі блакітныя гэты незабудкамі людзі завуць» («Незабудкі»), видит сам, как «снавала ноч росная раніцу майскую», а потом и «успыхнула раніца яснымі промнямі» («Майская раніца»), его радует «росквіт роднае зямлі» («Радзіма»), а его лирический герой и «у лузе касіў на зары, ...араў поле светлымі вёснамі, для будоўляў сеё сосны ў бары, рэзаў хвалі азёрныя вёсламі» («Спадчына»), видит, как летом «каціцца воз бы зялёны шар, далеч у сонцы смягне, цягнуцца вусны да гладыша прагна» («Лета»).

Написаны стихотворения, посвященные Беларуси и сыновней признательности к ней, которая для поэта «...уся, як вясёлка квяцістая, як сатканая з промняў найма, залатая, святая, агністая, наша ясная доля сама».

Стихи-приветствия, стихи-пожелания «Родной земле» («Роднай зямлі»), «Белоруссии» («Беларусі»), «Октябрю» («Кастрычніку»), «Родине» («Радзіме») Павла Сушко пронизаны тонким лиризмом, делающим патриотизм поэта ещё более глубоким, более насыщенным, легко воспринимаемым и понимаемым.

Свои заметки о поэтическом творчестве борца за воссоединение белорусского народа в единую семью, партизана, активного участника восстановительного периода своеобразной исповедью поэта об истоках своего влечения, чувством удовлетворения, что его стихи и песни нужны народу, с которым он честно прожил свою жизнь. Итак, «Моё стихотворение» («Мой верш»):

*З чаго ён пачаўся,
уяўлення не маю,*

⁴⁹⁰ Полымя. – 1963. – № 11. – С. 166.

⁴⁹¹ Віцебскі рабочы. – 1970. – 28 ліпеня.

Магчыма, з мелодыі
ціхай бяз слоў,
З пупушкі напруглай
пад промнямі мая,
А мо яго выклікаў
клёкат буслоў.
Ды толькі яго ўжо
нічым не стрымаеш,
Ён б'еца у сэрцы,
ён прагне жыцця.
І я заміраю шчаслівы,
як маці,
Што ў муках цяжкіх
нараджае дзіця.⁴⁹²

Встречаясь с молодыми авторами, был откровенным, учил поэтическому мастерству, оставил им своё «крестьянски» поэтическое завещание:

Усё падуладна
Вам, маладзейшым.
Форма, вобраз
І – склон...
Вам, разумнейшым
і прыгажэйшым
Шчыранькі мой
Паклон.⁴⁹³

* * *

Поэт и переводчик **Сушко Пётр Павлович** (сын белорусского поэта П.М. Сушко) родился 1 января 1937 г. в деревне Сушки Миорского района. Во время Великой Отечественной войны находился с матерью Надеждой Романовой в партизанском отряде. В 1956 г. окончил Миорскую среднюю школу. Работал воспитателем Александровского детского дома в Миорском районе, лаборантом в средней школе. В 1959–1961 гг. служил в Советской Армии. После демобилизации поступил на факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина, который окончил в 1966 г. Работал заведующим отдела миорской районной газеты «Сцяг працы» (1966–68), корреспондентом газеты «Віцебскі рабочы» (1968–69), литсотрудником газеты «На страже Октября» (1969–70), «Звезда» (1970–73), журналах «Вожык» (1973–77). В 1977–80 гг. был редактором отдела литературы журнала «Вожык», в 1980–87 гг. – ответственным секретарём еженедельника «Літаратура і мастацтва». С 1987 г. и до выхода на пенсию работал старшим редактором в издательстве «Польмя». Член Союза писателей БССР с 1984 г.

Печататься Пётр Сушко начал в 1954 г. – его первое стихотворение «Тёплый дождь» («Цёплы дождж») было напечатано в миорской районной газете «Зара камунізму». Заметим, что на становление поэтического мастерства моло-

⁴⁹² Міёрскія навіны. – 2010. – 23 лютага.

⁴⁹³ Там же.

дого автора непосредственное воздействие оказало литературное творчество отца – Сушко Павла Михайловича.

Стихи, басни, фельетоны, рецензии, миниатюры, эпиграммы печатались в коллективных сборниках «Дзень паэзіі-67, 76, 77, 78, 81, 83, 84», «Універсітэт паэтычны», «Рунь», «Узлёт», «Партызаны, партызаны...», «Воляй азарыцца свет», республиканских газетах «Звязда», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», «Голас Радзімы», областных газетах «Віцебскі рабочы» и «Мінская праўда», белорусскоязычной газете «Ніва», издаваемой в Белостоке (Польша). П. Сушко – постоянный автор журналов «Беларусь», «Работніца і сялянка», «Вожык», «Бярозка», «Вясёлка».

Поэтом написаны сборники юмористическо-сатирических произведений «Горделивый сучёк» («Ганарлівы сучок», 1975), «Косил Ясь клевер» («Касіў Ясь канюшыну», 1976), «Острога нагове» («Восці напатоў», 1978), «Парнасская кузня» («Парнаская кузня», 1981), «Размышления у Парнаса» («Роздум ля Парнаса»), книга «Поэтическое вече» («Паэтычнае веча») – первого в белорусской литературе венка пародийных сонетов, отличающихся глубоким философским смыслом, лирический сборник «Протока» («Пратока», 1976) и венки сонетов «Земля целебных трав» («Зямля гаючых траў»), пронизанных глубиной чувств, возвышенностью мыслей, оригинальностью образов. П. Сушко известен и как автор книг для детей (сборники стихов «Весёлый бай» («Вясёлы бай», 1980), «Шмелёва качель» («Чмялёва гушкалка», 1986), «Ехал кот в лес за дровами» («Ехаў кот у лес па дровы», 1990).

Переводил с русского, белорусского, украинского, армянского, польского языков. В свою очередь произведения П. Сушко переведены на русский, украинский, литовский, узбекские языки. На слова П. Сушко композиторами А. Полонским и Л. Сверделем написаны песни.

Умер Пётр Сушко 20 ноября 1996 г. Похоронен на кладбище деревни Королёв Стан Миорского района. В Миорской СШ № 1, где учился поэт 17 марта 2000 г. ему открыта мемориальная доска (работа Б. Чернявского).

* * *

Долгие годы журналистской работы, постоянное общение с людьми, стремление к философскому осмыслению и поэтическому выражению явлений и процессов белорусской действительности 1960-х – начала 1990-х годов получили своё литературное закрепление в двух основных, но по сути своей, противоположных творческих направлениях. С одной стороны, это не просто активное и постоянное стремление, скажем, повседневная решительность и бескомпромиссность в борьбе с антиподами общественной жизни, развенчание безнравственной моралью разного рода проходимцев и приспособленцев, но и острое авторское желание своим пером, своим, то остро-сатирическим, то мягко-юмористическим словом помочь читателю глубоко осмыслить и понять происходящее вокруг него, отличать добро от зла, возвышенное от земного, завтрашнее от вчерашнего. Сатирическим пером автора стихов, басен, фельетонов, эпиграмм разоблачаются маскирующиеся под людских благодетелей гонорливые начальники и те, кто своё благополучие строит на воровстве и стяжательстве, молодые специалисты-приспособленцы («Лепш на востраў святой Марыі, чым на перыферыю») и начинающие подхалимы («Інструкцыя для пачынаючага падхаліма» – «Інструкцыя для пачынаючага падхаліма»), хвастливые журналисты («Я магу пісаць адразу па загаду, па заказу, па натхненню, без яго, нават леваю нагой») и воинствующие графоманы («Ён верыць, здзяйснецца, яго намеры, хапіла б толькі чыстае паперы») и т.д. Успех сатирических произведений в значительной мере определяется умелым насыщением их меткими словами, народной лек-

сикой, яркими образами, сравнениями, укрепляющими особый эффект и комизм сатирического слова. Несколько примеров: характеристики однолюба («Любіў ён толькі кнігу скаргаў»), архиэрудита («Я чуў, што нават Архімед ніколі не чытаў газет»), любителя красивого словца («Прамовы кажучь, як лыка вяжучь»), верблюда-критика («Сабе тым славу заваёўваў, што без разбору ўсіх аплёўваў...»). Разнообразие способов создания сатирически-юмористических образов – в этом, на наш взгляд, и кроется литературный успех Петра Сушко.

Собственно говоря, само вхождение поэта в белорусскую советскую литературу нашло своё выражение в издании первых двух книг («Горделивый су-чэк» и «Косил Ясь клевер»), написанных в юмористическо-сатирическом жанре. Заметим, что в реализации этого направления у П. Сушко прослеживаются две линии. Первая связана с беспощадным отрицанием отживших традиций (подхалимство, ложь, стремление к обогащению, зазнайство, браконьерство, пьянство и т.п.); вторая – это активное утверждение новых явлений (творческая активность, дружба, любовь, песенное начало и т.д.). Вот это новое и является существенным наполнением второго творческого направления в поэтике П. Сушко. Здесь возвышенность мыслей и речь о красоте человеческих отношений, народный юмор и глубокий лиризм, служение родной земле и патриотические чувства и самого поэта, и его лирического героя. И здесь, на наш взгляд, нет никакого противоречия – работа по каждому из направлений велась параллельно, по сути, дополняя и обогащая осмысление каждого из них. И в подтверждение – два примера. Может быть, первый покажется формальным, но... тем не менее – в 1976 г. одновременно выходят из печати великолепная книга лирики «Протока» и юмористический сборник «Косил Ясь клевер». А вот второй пример, в нашем понимании, выглядит и существенным, и показательным. Имеются в виду, прежде всего, следующие позиции. Во-первых, юмористические прочтения – пародии лирических стихотворений большого числа белорусских авторов, среди которых П. Макаль и В. Раков, Н. Тулупова и А. Шавня, М. Федюкович и В. Ярец, Р. Бородулин и Н. Гилевич, Л. Дайнеко и М. Дурса, Р. Боровикова и В. Верба, О. Шатова и В. Лукша, А. Зарицкий и В. Макаревич, Э. Волосевич и А. Вольский, А. Вертинский и К. Киреенко, Я. Сипаков и Ю. Свирка, С. Гаврусёв и А. Ставер и др. (всего почти четыре десятка). Думаем, что и сегодняшнему читателю некоторые из них окажутся небезынтересными.

Дарога каханяў

*Як вас было многа,
Дарогі, дарогі,
У кожным каханні,
У кожным растанні!*

.....
*І гэтак мне добра,
І гэтак мне шчасна!
Вам дзякуй, дарогі...*

В е р а В я р б а

*Каханні, каханні,
Як вас было многа!
Былі і растанні,
Ды гэта нічога.*

Непацалаваны трамвай

*Я трамвай бы пачаў цалаваць,
Каб не вёз ён Яе дадому.*

.....

*Тры дні
Без спыну
Я выў вайком.*

А л е с ь Е м е л ь я н а ў

*Я Яе за руку трымай,
Як Яе прыручыць, не ведаў.*

Загадала:

– Цалуй трамвай!

Пацалуеш – дык не паеду.

Разгубіўся,

а дзверы – шчоўк!

З прычыны такое
Ў жальбе не схілюся,
Дармо што Вярбою
У народзе завуся.⁴⁹⁴

Цёплыя плечы

Я рукі грэю пад тваім паліто –
Якія цёплыя ў цябе плечы!
Вольга Іпатава

Рукі і плечы старыя кабеты
Грэюць бязгрэшна на цёплай печы,
А мне, маладзенькай, для гэтай мэты
Хапае шырокіх плячэй хлапечых.
Сэрца цяплынь і гулкія гукі
Чую выразна і разважаю:
«І на чужым часам грэюць рукі,
А я ж хлапцу свая,
не чужая.»⁴⁹⁵

Трывожныя ногі

Каханая!
Ёсць ногі ў цябе...
Мікола Федзюковіч

Каханая!
Чаму ты не ідзеш?
Бярэ і роспач,
і адчай,
і злосць.
Я ўважліва аднойчы паглядзеў
І добра ведаю,
што ногі ў цябе ёсць.
Ды зноў і зноў
гнаце мяне трывога:
А што, калі няма
Больш анічога?⁴⁹⁶

За спіной яе нечакана...
Я завый,
як піліпаўскі воўк:
Збег трамвай
непацалаваны.⁴⁹⁷

Асалода

Кручу гарбуз. Такая асалода.
Казімір Камейша

Кручу гарбуз. Такая асалода.
Суседка ж Гандзя са свайго гарода
Гарэзна кажа:
– Міленькі Камейша,
Няўжо не знойдзеш
Справы цікавейшай?⁴⁹⁸

Упрытык

Тут упрытык сусед з суседам,
Пінжак з сукенкай упрытык.
Пятрусь Макаль

Аўтобусам з работы еду,
Хоць да яго і не прывык,
Тут упрытык сусед з суседам,
З суседкай гэтак жа ўпрытык.

Тут упрытык пінжак з сукенкай,
Тут гузік з брошкай упрытык,
Тут упрытык з бядром каленка
І з басаножкай чаравік.

Пакуль у ручцы ёсць чарніла,
Не кіну славіць я прытык:
На ўзнёслы верш мяне натхніла
Гарачая гадзіна «пік»,⁴⁹⁹

во-вторых, то серьёзные, с тонким намёком, то весёлые, с налётом лёгкого юмора, посвящения таким авторам, как М. Танк, Р. Бородулин, А. Багило, Я. Брыль, М. Вершинин, К. Крапива, Н. Гилевич, В. Мысливец, М. Пенкрот и др. Вот, к примеру, несколько строк, адресованных:

⁴⁹⁴ Сушко, П. Парнаская кузня / П. Сушко. – Мінск, 1981. – С. 18.

⁴⁹⁵ Там же. – С. 20.

⁴⁹⁶ Там же. – С. 29.

⁴⁹⁷ Там же. – С. 19.

⁴⁹⁸ Там же. – С. 21.

⁴⁹⁹ Там же. – С. 23.

– Максиму Танку:
На этапах,
Пад мачтай,
На Нарачы,
У дарозе,
У творчай хадзе
Ён гаворыць:
– Здарова, таварышы!
Кажуць людзі яму:
– Добры дзень!
Праплываюць
Над шчасцем і бедамі
Жураўліныя ў небе ключы...
Нарадзіўся на свет ён,
Каб ведалі,
Як чароўнае слова
Гучыць.⁵⁰⁰

– Леониду Прокше:
Прачытайшы прокшайскія
творы,
Каб заўсёды ў добрым быць
гумары.
Хай расце разумны і вялікі
Хлопчык у вялікіх чаравіках;⁵⁰¹

– літэраторам из когорты Иванов:*

Янке Брылю:
У пашане
Вечна будзе слова.
Богу – богава,
Брылю – Брылёва.

Ивану Шамякину:
Узнімае
Атлант нястомны
На далонях
Багаж шматтомны.

Янке Сипакову:
Дзень цалюткі ў яго
святліцы
Вёска шэпчаца
са сталіцай.
Пад крылом цішыні
штовечар
Вершы з прозаю
ладзяць веча.⁵⁰²

А ещё были вариации на тему белорусской народной песни «Касіў Ясь канюшыну...»: «А паспрабуем уявіць сабе, як пра тое ж напісалі б нашы беларускія паэты». И появились «стихи» К. Крапивы («Ясь і Стася»), П. Панченки («Саперніца»), М. Танка («Ave Ganina»), А. Русецкого («Яго светласць»), О. Лойки («Конкурсны адбор»), М. Скрипки («Касавіцкія прыпеўкі»),⁵⁰³ венки юмористических октавов «Размышления у Парнаса» («Роздум ля Парнаса», под псевдонимом Кірша Рымар),⁵⁰⁴ венки пародийных сонетов «Поэтическое вече» («Паэтычнае веча», под псевдонимом Цімох Дзераза),⁵⁰⁵ пожалуй, единственное произведение такого типа в белорусской советской литературе. Посвятив по сонету каждому из 15 авторов (М. Арочка, В. Лукша, Э. Волосевич, Г. Буравкин, А. Вертинский, Р. Евсеев, М. Скрипка, Я. Сипаков, А. Ставер, В. Скоринкин и даже самому себе (сонет «Автопородия»), автор делает вполне обоснованный вывод: «Усё пад сілу грамадзе паэтаў...».

⁵⁰⁰ Сушко, П. Парнаскае кузня / П. Сушко. – Мінск, 1981. – С. 72.

⁵⁰¹ Літаратура і мастацтва. – 1980. – 5 снежня.

* Напечатаны под псевдонимом Цімох Дзераза.

⁵⁰² Літаратура і мастацтва. – 1980. – 11 ліпеня.

⁵⁰³ См.: Сушко, П. Парнаскае кузня / П. Сушко. – Мінск, 1981. – С. 9–14.

⁵⁰⁴ См.: Літаратура і мастацтва. – 1983. – 29 ліпеня.

⁵⁰⁵ Там же. – 11 ліпеня.

Не будет «натяжкой» отнесение всего этого поэтического разнообразия к жанру юмора и сатиры. Но при более глубоком знакомстве с книгой «Парнасская кузница» становится очевидным, что П. Сушко с глубоким знанием дела вскрывает и мнимое глубокомыслие, и досадную упрощённость, и лёгкость в обращении со словом. Вместе с тем, поэт доброжелателен, не дидактик, а человек, искренне восхищающийся настоящей поэзией, каждым авторским требованием к своему творчеству, и, что не менее важно, уважительным отношением к читательским вкусам и запросам.

Подобная ситуация несомненно определяла и поэтические искания поэта в жанре гражданской лирики. Здесь читатель находит произведения, пронизанные памятью о войне и её трагических последствиях; о следовании традициям народа и их прочтении в новых исторических условиях; о поэтической верности слову и родному языку и своей неотрывности от родной земли, родительских корней, близких и памятных с детства добрых людей и красивых поозерских мест. Вот, к примеру, одно из стихотворений, написанного ещё в середине 1960-х годов, в котором откровенно заявляется о своих творческих предпочтениях, своём видении и поэтически-философском осмыслении действительности:

*Мы такія –
адкрытыя людзі.
Мы пачуццям не ведаем меры.
Калі любім,
то шчыра любім.
Калі верым,
то моцна верым.
Нам дарэмна дарадцы радзяць
У жыцці
мець практычны розум.
Мы сваім дарагім
не здрадзім,
Каб жыццё ладкаваць
цвяроза.
...На планеце мы не касіры,
На рублі
мы не лічым шчасця,
Лічым скарбам найлепшым
шчырасць,
Бо нікому яе не ўкрасці.⁵⁰⁶*

Высокой гражданственностью и патриотизмом, нежностью и лиризмом пронизаны стихотворения «Баллада о неизвестных» («Баллада про невядомых»), «Земля героев» («Зямля герояў»), «Партизанская зона» («Партызанская зона»), «Слово» («Слова»), «Край юности моею чудной...» («Край юнацтва майго дзівоснага...»), «Когда-то строил мой отец дом...» («Калісьці будаваў мой бацька хату...»), «Синекрылое эхо» («Сінякрылае рэха»), венки сонетов «Поле» («Поле») из книги «Протока», стихотворения «Светлый край» («Светлы край») – «Дзень паэзіі-86», «Буду помнить» («Буду помніць») – «Дзень паэзіі-87», «Ласковое слово» («Лагоднае слова») – «Дзень паэзіі-88», «Францискава ласка»

⁵⁰⁶ Дзень паэзіі-66. – Мінск, 1966. – С. 179.

(«Францыскава ласка») – «Дзень паэзіі-1990», «Максимова звезда» («Максімава зорка»), «Встреча с Родиной» («Сустрэча з Радзімай») – «Дзень паэзіі-91» и др.

Своеобразным концентратом нравственного, патриотического, лирического начал, на наш взгляд, является написанный в 1985 году строгий центон* «Восьмое чудо света» («Восьмы цуд свету»), который приведём полностью:

*На гэтых сцэжках я не знаю стомы,
Нібы на чарадзейным дыване.
Сем цудаў свету? Не апошні – сёмы:
Апошні цуд мой край адкрые мне.*

*У ім святло бярозак беластволых
І першае дыханне маразоў,
Асенні клопат шпаркіх палазоў
І зелень руні – спадзяванняў кволых.*

*Святло бяроз дуброву не пакіне.
Святло вачэй пральеца ў сіні змрок.
Шуміць,
Шуміць ручай у лугавіне,
І кліч сустрэчы рвеца з-пад аблок.*

*...Сачу, сачу са зманліваю хваляй,
І на паперу – колераў акорд.
Няёмелы мой малюнак і няўдалы
Перад жывою прыгажосцю вод.*

*Такі мой лёс, пакуль хапае сілы,
Зямлю і неба песняю вітаць.
...А людзі...*

*Людзі не аднімуць крылы
У птушкі, што народжана лятаць.*

*Мне падуладны ўсе зямныя далі,
Я пазыўныя дальніх зор лаўлю.
Але якія б высі ні ўздымалі,
Ізноў вяртацца трэба на зямлю.*

*Няхай чытач па-свойму зразумее
Усё, што пад шматкроп'ем у радках.
Хоць – можа стацца:*

*дзе схаваў я жах,
Адтуль камусь пяшчотаю навее...⁵⁰⁷*

(под псевдонимом «Цімох Дзераза»)

* От латинского cento – одежда или одеяло из разноцветных лоскутков – стихотворение, составленное из отрывков произведений одного или нескольких поэтов. Строки подбираются так, чтобы в стихотворении была определённая мысль, синтаксическое построение.

⁵⁰⁷ См.: Дзераза, Ц. Восьмы цуд свету / Ц. Дзераза // Роднае слова. – 2007. – № 1. – С. 19.

И снова, как и 20 лет тому назад для поэта определяющими являются непреходящие духовные качества белоруса – открытость, искренность, толерантность (пшчота). И, думаем, что молодой белорусский литературовед, сформировавшийся в условиях развития критической мысли в суверенной Беларуси коротко, но ёмко подчеркнул, что Петро Сушко «імкнуўся быць афарыстычным, дасціпным і арыгінальным»⁵⁰⁸ аўтарам. Поэтому не откажешь в его стремлении искать своего читателя и в детской среде. Первым успехом в этом направлении стала книга «Весёлый бай», которую можно охарактеризовать как в меру серьёзную, так и в меру выдержанную. «Весёлый бай» сразу же оказался в поле зрения родителей, воспитателей детских садов, да и самих дошколят. Оценка была однозначной – проба пера Петру Сушко удалась. И в 1986 г. книжное издательство «Юнацтва» предложило детскому читателю новую книгу поэта «Шмялёва карусель», написанную искренне, просто и привлекательно. Хотя сюжетно книга посвящена одному герою – городскому мальчику Ясю, который со столицы приехал в деревню на отдых к дедушке и бабушке. Зная о том, что подобные книги уже были в белорусской детской литературе, автор не отказался от своей задумки, постарался избавиться от трафаретных сюжетных ходов. А потому волшебный мир детства предстал перед требовательным читателем во всей его неповторимости и некоторой загадочности.

Все мы живём по определенным законам, но в детской среде эти законы преломляются в особых характеристиках, позволяя им видеть окружающий мир и оценивать его собственными мерками. Они могут выглядеть наивными, но и серьёзными, пытливыми, часто задавая взрослым такие вопросы, на которые без «напряга» мысли и не ответишь. И, конечно же, им не откажешь в наблюдательности. Как, к примеру, в стихотворении «Жаворонок» («Жаўрук»):

*Міма жыта,
Міма грэчкі
Гурт дзятвы
Бяжыць да рэчкі.
А над полем
У сінечы
Крыльцамі жаўрук трапеча.
– Паглядзіце, –
кажа Тая, –
Гэта ж нас
Жаўрук вітае.*

С интересом мальчики и девочки познакомятся со стихотворениями «Мягкая посадка» («Мяккая пасадка»), «Сказка о козле» («Казка пра казла»), «Приключения курочки Чубатки» («Прыгоды курачкі Чубаткі»), «За орехами» («Па арэхі»), «Разговорчивые гусята» («Гаварлівыя гусяткі»), «Шмелиная карусель» («Шмялёва карусель») и др.

Загадочно, скромно, познавательное, поэтически и с лёгким чувством юмора, улыбки старшего товарища была адресована и последняя детская книжка «Ехал кот в лес по дрова». Заметим, что детские произведения П. Сушко (помимо изданных книг) постоянно печатались в газетах и журналах.

* * *

⁵⁰⁸ Дзераза, Ц. Восьмы цуд свету / Ц. Дзераза // Роднае слова. – 2007. – № 1. – С. 45.

На смерть Петра Сушко яго земляк известный поэт из Миорщины С. Понизник написал стихотворение «Шумяць вершаліны», которым мы и завершим очерк о его творчестве:

Надзеяў свой «бігосаўскі паром».

Слаў навіну Мёршчыне:

– Аснежся!

*Сум на Дзвіне. І ўжо сваім пяром
расіначкі ў Сушках не дакранешся.*

Але відзён «сцяг» твой, відзён;

упёрся ў рум Дзісны

ганок Цімоха...

*Ад Бога кожны мае столькі дзён,
каб не лічылі: мала нам ці многа.*

На «паэтычным вечы» – твой Парнас:

«Вясёлы Бай» у «гушкалцы чмялёвай»,

«Зямля гаючых траў»...

Усё – для нас,

і след –

азімінай –

да руні новай.⁵⁰⁹

Не преувеличивая, можно утверждать, что семейно-поэтический дуэт Павла и Петра Сушко – явление для литературной Витебщины не только уникальное, но и в некоторой мере оказавшее влияние на развитие определённых жанров белорусской советской литературы.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Сушко, П. Ганарлівы сучок: сатырычныя вершы, байкі, мініяцюры / П. Сушко. – Мінск, 1975.
2. Сушко, П. Касіў Ясь канюшыну / П. Сушко. – Мінск, 1976.
3. Сушко, П. Пратока: лірыка / П. Сушко. – Мінск, 1976.
4. Сушко, П. Восці напяхатаў: фельетоны, вершы, байкі, мініяцюры / П. Сушко. – Мінск, 1976.
5. Сушко, П. Парнаскае кухня: сатыра і гумар / П. Сушко. – Мінск, 1981.
6. Сушко, П. Чмялёва гушкалка: вершы / П. Сушко. – Мінск, 1986.
7. Сушко, П. Ехаў у лес па дровы: вершы / П. Сушко. – Мінск, 1990.

⁵⁰⁹ Літаратура і мастацтва. – 1996. – 29 лістапада.

Критика
и литературоведение

РЕПОЗИТОРИЙ ВГУ

МАРИНА БАРСТОК

Во второй половине 1960-х – 1980-х годах творческая деятельность **Марины Никитичны Барсток*** развивалась по таким важным и основным направлениям – научные исследования в области литературоведения и литературной критики, поэтические поиски, научно-методическая работа в сфере педагогики и методики изучения национальной литературы**, постоянные встречи со студентами, учителями общеобразовательных школ, преподавателями высших учебных заведений.

Среди наиболее значимых работ этого периода выделяются «Единство и многообразие белорусской поэзии» («Адзінства і разнастайнасць беларускай паэзіі», 1973), «Рабочий полдень» («Руплівы поўдзень», 1984), «Кузьма Чорный в школе» («Кузьма Чорны ў школе», 1973 (издание второе, дополненное и переработанное)), «Максим Богданович в школе» («Максім Багдановіч у школе», 1984 (издание третье, дополненное и переработанное)).

В эти годы М. Барсток – один из авторов «Гісторыі беларускай савецкай літаратуры» (Мінск, 1966, т. 2), «Гісторыі многанацыянальнай савецкай літаратуры» (Мінск, 1970, т. 3), «Гісторыі беларускай савецкай літаратуры» (Мінск, 1977), пособия для студентов высших учебных заведений «Беларуская дзіцячая літаратура» в соавторстве с М. Ефимовой (Мінск, 1966) и др. А еще было возвращение в поэтическую юность («...Марыя Мікітаўна пачала зноў пісаць вершы, ды неблагія» – В. Полтаран). Многочисленные статьи, обзоры, рецензии по актуальным проблемам развития литературы, ориентации читателей на лучшие ее образцы и профессиональная подсказка авторам на совершенствование их писательского мастерства.

Свои литературоведческие предпочтения этих лет М. Барсток изложила в книге «Единство и многообразие белорусской поэзии». Предлагаем сегодняшнему читателю познакомиться с основными, на наш взгляд, положениями:

– Современная белорусская поэзия достигла высокого идейно-художественного уровня. Она накопила богатые эстетические ценности, стала неотъемлемой частью духовной жизни народа, приобрела широкую известность в советской стране и во всем мире.

– Опираясь на передовые литературные традиции, белорусская поэзия двигалась вперед, прокладывая дорогу другим жанрам. Именно поэзия была до последнего времени ведущей отраслью нашей литературы и проза неоднократно обращалась к ее открытиям.

– Белорусскую поэзию современной в широком смысле слова можно считать также, как и всю советскую поэзию, имея в виду ее идеологическую основу и принципы, метод социалистического реализма, в соответствии с которым она развивается. Белорусская поэзия, считает М. Барсток, сегодня много сказала о своем времени, о человеке крутых переломных лет, и сказала это в форме специфической, присущей только ей.

– Изучать поэзию полезно и интересно. Работа эта бесконечная, неисчерпаемая, ибо и сама поэзия бесконечна во времени, творится каждый день людьми разных возрастов, непохожих творческих индивидуальностей.

– Современная белорусская поэзия с ее богатством мыслей и форм – результат развития нашей литературы на всех предыдущих этапах. Уроки прошлого – значимая часть нашего исторического и художественного приобретения.

* О ней писали: Русецкий, А.В. От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенные годы (1946–1965 гг.) / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск, 2010.

** Заметим, что рекомендации М. Барсток с успехом использовались в школе профессионально-го и среднего специального образования.

– Современная белорусская поэзия – явление сложное, многогранное, многоголосое. В ней работает более сотни поэтов, из которых уже многие стали творческими индивидуальностями. Лучше было бы рассматривать творчество каждого из них в отдельности. Проблемные и обзорные работы необходимы для понимания общих закономерностей и путей развития литературы в каждый отдельно взятый отрезок времени, нужны для того, чтобы проследить, как отражается время в поэзии, как взаимодействуют поэтические поколения, что новое несут молодые поэты, исследуя те преимущества, которые дает им время.

– Здоровое, народно-демократическое старое (у П. Панченко, М. Танка, В. Дубовки и др.) органично соединялись с новым, что рождалось, укреплялось и находило свое проявление во всей художественной структуре произведений.

– Следующий тезис продолжает предыдущий: «Взаимодействие традиций и новаторства – это двуединый, диалектический процесс, внутренний и глубокий. ...Художественные традиции развиваются творчески, отрицая консервативное, устаревшее и продолжая прогрессивное, положительное.

– Действительно «Новая земля» и «Симон-музыкант» Я. Коласа, «Соки целины» Т. Гартного «исторически засвидетельствовали живую преемственную связь между дооктябрьским и советским периодами в развитии нашей литературы».

– В 30-е годы усиливается гражданский пафос в поэзии, идет борьба за глубокий образ современника. Правда, в Беларуси эта проблема имеет свою специфику. «Говоря о народе и его жизни, поэты обращались к устному поэтическому творчеству, активно пользовались богатством лирической песни».

– Действительно, важным событием в конце 30-х годов «было воссоединение двух течений нашей поэзии – восточной и западной – в одну белорусскую советскую поэзию». Называются фамилии классиков революционных поэтов Западной Белоруссии М. Танка, В. Павлая, М. Василенка, М. Машары.

– Именно поэзия (гражданская лирика, поэма, баллада) вышла тогда (в годы Великой Отечественной войны. – А.Р., Ю.Р.) на самый передний край; так бывает всегда, когда решаются общенародные, общенациональные проблемы, когда как бы сливаются в единое целое человек и история, общество и лирическое «я» поэта.

– В первое послевоенное десятилетие «появилось много поэтических произведений, в которых рассказывалось о возвращении домой или на родное пепелище фронтовика, партизана, беженца, узника концлагеря, о встрече с родными местами, с людьми, оставшимися в живых.

– Не всегда в послевоенное десятилетие находилось в ней (поэзии. – А.Р., Ю.Р.) органическое единение общественной темы и личностный человеческий опыт поэта, многим произведениям (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) не хватало объективности и глубины⁵¹⁰.

Справедливости и объективности ради мы не можем согласиться с выводами М. Барсток, пусть и красиво звучащими. Вот, к примеру, ее вывод о том, что **«именно поэзия была до последнего времени ведущей отраслью нашей литературы и проза не однажды обращалась к ее открытиям»**. Трудно определить, что значит «до последнего времени». Однако, если М. Барсток говорит о белорусской поэзии, значит, она охватывает весь период от 1920-х до начала 1970-х годов. Можно ли говорить о том, что проза Т. Гартного, М. Зарицкого, З. Бедули, К. Чорного, Я. Мавра, Э. Самуйленка, да и самого Я. Коласа зависела от «молодняковской» поэзии А. Дударя, А. Александровича, В. Дубовки и т.д.? И там и там был поиск. Думается, что вряд ли будут оппоненты у тезиса М. Барсток, что произведения Я. Коласа, Т. Гартного сыграли

⁵¹⁰ См.: Барсток, М.М. Адзінства і разнастайнасць беларускай паэзіі / М.М. Барсток. – Мінск, 1973. – С. 3–21.

определяющую роль в становлении белорусской литературы. Но, к большому сожалению, содержащиеся в них недостатки (не совсем убедительная художественная типизация автобиографического материала у Т. Гартного, или недостаточное раскрытие психологии героев у Я. Коласа) были явно сдерживающими в художественных поисках молодых литераторов (в т.ч. и «Молодняка»). Но сегодня (не с позиции исследователя начала XXI в.), а с проникновения в суть процессов, осмысливаемых в художественной форме тех 1920–1930-х гг.) совершенно очевидно, что и поэзия и проза в Беларуси развивались по имманентно им присущим законам, не изучая и не обучая друг друга. Может быть поэтому «маститые» белорусские авторы, чтобы не возиться с «непослушными молодыми», не учить их «уму-разуму», разорвали отношения с «Молодняком» и создали свое творческое литературное объединение «Полымя». На наш взгляд, это тот «подводный камень», который литературоведы умело обходили и обходят при исследовании проблемы диалектики традиций и новаторства в белорусской советской литературе второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Ведь та же М. Барсток пишет, что бесспорной эстетической ценностью выделяются лучшие произведения П. Труса, П. Глебки, М. Чарота, А. Дударя, В. Ходыки, А. Александровича. А мы бы добавили в этот список и уроженцев Витебской области П. Бровку, В. Дубовку, Т. Кляшторного, А. Морковку, В. Морякова, С. Семашко, А. Вечера, Ю. Таубина и др.

У М. Барсток красиво звучит – в белорусской поэзии насчитывается более сотни авторов, творчество каждого из которых лучше было бы рассматривать в отдельности. На деле же оказалось, что вся белорусская поэзия оказалась в одной «ступе» – ветераны М. Танк, П. Панченко, В. Дубовка, П. Бровка и начинающие Р. Бородулин, Г. Буравкин, Е. Лось, С. Дергай, Ю. Свирка и др. Действительно, единство – налицо, а вот разнообразие приходится искать по строчкам и страницам.

А если вернуться в 1930-е годы, в поэзии которых, по М. Барсток, главенствовало внимание к устному народному творчеству. Действительно, обращение и увлечение фольклором было. Но в то же время были в 1930-е годы поэтические сборники Т. Кляшторного «Поля заговорили» (1930), «Через шторм – на штурм» (1934), поэма Б. Люговского «На лесах» (1930-е годы), стихотворные сборники А. Ушакова «Труд и молодость», «Зарево вагранок», «Рабочий пульс» (в соавторстве с П. Ананьевым, все в первой половине 1930-х гг.), сборник А. Гейне «Счастливая звезда» (1939) и др.

И, если вести разговор о конце 1930-х годов, о воссоединении БССР, то уже рядом с именами М. Василька, М. Машары, М. Танка, В. Тавлая непременно должно звучать имя талантливого поэта из Глубоччины А. Дубровича, перенесшего тяготы польской тюрьмы, но расстрелянного 7 ноября 1942 г. на глазах семьи фашистами.

И еще об одном. М. Барсток считает, что в годы Великой Отечественной войны именно поэзия вышла на передний край. Мы не будем столь категоричными оппонентами. Но заявим, что не менее мобилизующими были радиовыступления Я. Коласа, З. Бедули. Их прямые радиообращения к солдатам и офицерам Красной Армии, а также листовки, подготовленные обращения к партизанам и подпольщикам А. Велюгиным, М. Машарой, П. Бровкой и др. Их доброе–«злое» слово доходило до сердца борцов с фашизмом более оперативно, чем написанные, пусть и по горячим событиям, поэмы и баллады.

Наконец, о последнем: М. Барсток, характеризуя послевоенное развитие поэзии в Беларуси, пишет о «многих поэтических произведениях»... Что взять за определение «многие»? Да и надо ли в этом искать истину? Был путь осмысления прожитого ужаса, постижения истоков народного героизма. К тому же, даже в эти годы были написаны многие, привлекающие внимание читателя произведения и

опытными, и начинающими авторами. Тем более, что и сама автор книги пишет, что «абвостранае пачуццё праўды ўласціва творам Р. Барадуліна, А. Вярцінскага, У. Караткевіча, аўтарам, што выступілі ў сярэдзіне 50-х гадоў»⁵¹¹.

Высказанные во «Введении», по мнению исследовательницы, определяющие тезисы получают свою разработку в первой главе книги «Дали поэзии». М. Барсток не откажешь в масштабности проведенной работы. Для современного читателя сообщим, что, оценивая состояние белорусской поэзии конца 1950-х – начала 1970-х годов, М. Барсток только в этом разделе называет более 400 фамилий, из которых 310 – белорусские авторы, 51 – русские и советские, 18 – зарубежные, 16 – исторические личности и политические деятели. Некоторые из белорусских поэтов упоминаются по 22 (П. Бровка и А. Кулешов), 25 (П. Панченко), 34 (А. Кулешов) раза. Упоминаются названия более 200 поэтических сборников и отдельных поэм, баллад, стихотворений. И это все уместилось на 70 страницах малоформатной по своему размеру книги. На первый взгляд, впечатляет, не правда ли? По сути же, такая пестрота не только не позволяет читателю определить идейно-содержательную направленность (единство, по М. Барсток) поэзии. Но, порой, и саму исследовательницу заставляет теряться в нагромождении тем, фамилий авторов, названий произведений. К примеру, на с. 27 М. Барсток, начиная разговор о ленинской теме в белорусской поэзии (упоминается лирико-публицистическая поэма П. Бровки «Всегда с Лениным» («Заўсёды з Леніным», 1956), в одном абзаце и заканчивает его, чтобы снова вернуться к более широкому показу белорусской поэтической Ленинианы (с. 61–62). Или, как в ситуации с поэтом В. Дубовкой. На с. 26 М. Барсток пишет: «Старэйшы паэт (В. Дубовка. – А.Р., Ю.Р.) падае прыклад таго, як трэба вывучаць народнае жыццё, канкрэтныя чалавечыя лёсы, працу і быт людзей...»⁵¹². Затем отмечается, что поэзия В. Дубовки несет в себе «багаты гуманістычны змест»⁵¹³, а «сучасны этап у творчасці У. Дубоўкі надзвычай плённы»⁵¹⁴. Наконец, на стр. 75 анализируется стихотворение В. Дубовки «Васильки». Его фамилия, к тому же, упоминается в ряде перечней фамилий других поэтов (с. 24, 51, 80). Подобного рода «накладки» заметны при анализе творчества А. Кулешова, П. Панченко и др. Попытка М. Барсток объять необъятное, как нам кажется, в первом разделе книги оказалась нереализованной. Это не лучший пример, когда количество не переходит в качество.

Более убедительной выглядит М. Барсток во втором разделе своей книги «Жанрово-стилевое разнообразие». Выделив в качестве определяющих две исходные позиции – ***понятие стиля в советской и белорусской поэзии и основные стилевые ориентации непосредственно белорусской поэзии***, исследовательница раскрывает их и обосновывает свое отношение к ним на многочисленных примерах из советского и белорусского литературоведения и поэтической практики 1960-х – начала 1970-х гг. В целях более глубокого понимания проблемы стиля читателю предлагаются различные точки зрения известных советских литературоведов Л. Тимофеева, А. Соколова, Ю. Бондарева, Д. Маркова, М. Хопченко. В белорусской литературе эти вопросы изучали и разрабатывали А. Адамович, В. Юревич, В. Рагойша и др. Проблема стиля неотрывна от проблемы метода. И хотя они взаимосвязаны между собой, отождествлять их неправомерно. Метод – это способ художественного познания и отражения действительности; стиль же – это грани, стороны, конкретные формы

⁵¹¹ Барсток, М.М. Адзінства і разнастайнасць беларускай паэзіі / М.М. Барсток. – Мінск, 1973. – С. 63.

⁵¹² Там же. – С. 26.

⁵¹³ Там же. – С. 47.

⁵¹⁴ Там же. – С. 48.

проявления метода. Для метода отправным пунктом является общее, многогранный целостный образ мира, а для стиля – индивидуальное, единичное, неповторимое. И именно в поэзии более чем где-либо проявляется это оригинальное, индивидуально выраженное.

Подобное толкование стиля позволило автору книги сделать вывод: «У беларускай паэзіі гістарычна вызначыліся дзве стылёвыя арыентацыі: рамантычная, што ідзе ад творчасці Я. Купалы і канкрэтна-рэалістычная, што пераважае ў Я. Коласа»⁵¹⁵. Правда, если следовать высказываниям известного русского поэта А. Блока (кстати, одного из немногих, чья жизнь определенное время связана с Беларусью. – А.Р., Ю.Р.), то была и литература «высокого стиля», в которой сущность и содержание *романтического творчества* составляет реализм.

Чистых романтиков было не так уж и много (да и сама М. Барсток их не называет), а вот романтически-реалистическое течение в поэтике белорусов впечатляет – М. Танк, А. Кулешов, П. Панченко, А. Велюгин, В. Короткевич, Я. Сипаков, С. Гаврусев*. Реалистическое, или, как пишет М. Барсток, «конкретно-реалистическое», направление наиболее ярко представлено в творчестве П. Бровки, А. Белевича, А. Вертинского, Р. Бородулина, П. Глебки, М. Лужанина, А. Русецкого и др. И, конечно, исследовательница права, утверждая, что «яшчэ немагчыма дакладная класіфікацыя паводле стылёвых і жанравых адзнак, тым больш што паэт на розных этапах творчасці схіляецца то да адной, то да другой стылёвай плыні». И сочетание этих стилей у корифеев поэзии – А. Кулешова, М. Танка, П. Панченко и более молодых В. Короткевича, Я. Сипакова, Р. Бородулина, А. Вертинского, Г. Буравкина и др.

М. Барсток достаточно аргументировано, на наш взгляд, раскрывает сущность такого взаимодействия на примере анализа поэтического творчества А. Кулешова, М. Танка, П. Панченко, П. Бровки; романтические тенденции более понятны из анализа поэзии А. Русецкого, А. Пысина, В. Короткевича, Е. Лось, К. Киреенко и др. Не осталась без внимания М. Барсток и такая стилевая особенность поэзии, как сатирическая. Конечно, здесь называются и представители старшего поэтического поколения (П. Панченко, М. Танк), но и более молодые поэты (Н. Гилевич, В. Корбан, Э. Волосевич и др.).

Наши рассуждения о первой части книги М. Барсток «Единство и многообразие современной белорусской поэзии», думается, были и ненадуманскими, и объективными. Тем не менее, они не влияют на общий вывод о значимости исследования: проникновение в содержательную сторону жанрово-стилевых особенностей поэзии и постижение ее сущностных сторон только подтверждает философско-эстетическую наполненность, социальную значимость и национальные особенности белорусской советской поэзии второй половины 1950-х – начала 1970-х гг.

В 1984 г., почти в 70-летнем возрасте, М. Барсток издает книгу «Рабочий полдень», посвященную творчеству к тому времени уже известного поэта и журналиста, нашего земляка Геннадия Буравкина. Что же привлекло внимание исследовательницы?

Во-первых, безграничная влюбленность поэта в родной Полоцко-Россонский край (первый поэтический сборник «Майская синева» («Майская просінь», 1960), нашедшая свое поэтическое закрепление в «Полоцкой балладе», стихотворениях «Полоччина», «Воспоминание» и др. «Майская синева», считает М. Барсток, обратила на себя внимание не авторской «задзірыстасцю» («Я іду

⁵¹⁵ Барсток, М.М. Адзінства і разнастайнасць беларускай паэзіі / М.М. Барсток. – Мінск, 1973. – С. 158.

* По мнению литературоведа О. Лойки, к этому направлению могут быть отнесены В. Вилейка, М. Аврамчик, А. Русецкий, С. Граховский, А. Пысин и др. См.: Літаратура і мастацтва. – 1968. – 22 лістапада.

дваццацігадовы, і дзяўчаты глядзяць на мяне»), а органической связью поэта со своим краем, готовностью в своем молодом возрасте быть на передовых рубежах жизнестроительства.

Во-вторых, страстная гражданская публицистика (поэтический сборник «С любовью и ненавистью земной» («З любоўю і нянавісцю зямной», 1963), направленная на утверждение в повседневной жизни высоких моральных принципов человеческого общежития, осмысление и понимание героики народа в годы Великой Отечественной войны и новостроек возрожденной Беларуси. Публицистическое начало, подкрепленное остротой журналистского пера, принимает то форму сюжетного стихотворения, коротенькой поэтической зарисовки или лирической исповеди (стихотворения «Юности синие качели», «На дворе еще сердитый январь», «Скворец поет», «День рождения у генерала», «Голубые колокольчики» и др.), то гневных, обличающих строк (стихотворение «Предатель»). В разноплановой поэтике формируются основы поэтической зрелости, буравкинского таланта правдиво и убедительно отражать сложность и противоречивость тогдашней жизни.

В-третьих, человеческой, гражданской, поэтической зрелостью (поэтический сборник «Дыхание» («Дыханне», 1966), пронизанной стремлением глубже познать «суровы і цвярозы» XX век. Здесь впервые проявляется стремление поэта осмыслить «час як філасофскую катэгорыю, як адну з неабходных умоў існавання чалавека»⁵¹⁶. Во многих стихотворениях этого сборника поэт открыто развенчивает философию мещанства, приспособленчества, накопительства, выносит приговор совершенно «бязгрэшнаму», тем, кто заполучив должность, забывает о людских проблемах, заботясь лишь о собственном благоустройстве. Поэт ищет героя, «чалавека сучаснага з яго «за» і «супраць», з жаданнем пазбавіцца ад недахопаў і памылак мінулага, імкненнем да шырокага, гарманічнага развіцця»⁵¹⁷.

В-четвертых, широта поэтических размышлений над возвышенным и земным, прекрасным и низменным, духовностью и человеческой пустотой (поэтические сборники «Жатва» («Жніво», 1971), «Исток» («Выток», 1974). Знакомство с ними показывает, что «Генадзь Бураўкін разумее важнасць, непраходзячую каштоўнасць мінулага, падыходзіць да яго з пэўнай дыферэнцыяцыяй: адрознівае ў ім мёртвае ад жывога, даражыць вынікам дзеяння ўмелых чалавечых рук...»⁵¹⁸.

В-пятых, обращение поэта к детской литературе (поэтическая трилогия «Три сказки о Зае» («Тры казкі пра Зая», 1974), в произведениях которой он в убедительной и доступной для детского восприятия форме пишет о доброте и сочувствии, скромности и даже незащитности. Его Зая (маленький зайчик. – А.Р., Ю.Р.) на собственном заячьем опыте познает жизненные премудрости. А волей поэтического слова (легкий стихотворный ритм, традиционный прием хорея, энергия «слова» лесных жителей и др.). Эти «премудрости» легко воспринимались детьми, превращая поэму в учебник доброты, уважения к природе, защите и охране ее «заячьего» (и не только) мира.

Не остались без внимания М. Барсток – буравкинские поэмы «Хатынский снег» («Хатынскі снег») и «Поэма расставания» («Паэма расстання») (обе написаны в конце 1960-х гг.), его поэтические впечатления от поездок в близкие и дальние страны, любовная лирика поэта, его Лениниана, сатирические и юмористические произведения, переводческие этюды, наконец, проза (рассказы, очерки журналистского типа, документальная повесть «Три страницы из легенды», посвященная юной витебской партизанке-разведчице Наде Богдановой и др.) и рецензии и статьи о творчестве коллег по перу (вспомним хотя бы статьи

⁵¹⁶ Барсток, М. Руплівы поўдзень / М. Барсток. – Мінск, 1984. – С. 35.

⁵¹⁷ Там же. – С. 42.

⁵¹⁸ Там же. – С. 69.

о Е. Янищиц, О. Рязанове, Ю. Голубе, Д. Бичель-Загнетовой, В. Быкове, И. Мележе, Р. Бородулине, П. Панченко и др.). «Па глыбокаму ўнутранаму абвязку, – адзначае М. Барсток, – напісаны Г. Бураўкіным артыкул пра кнігу «Крывёю сэрца» (1967), у якой собраны вершы загінуўшых на вайне маладых беларускіх паэтаў: З. Астапенкі, Л. Гаўрылава, А. Гейнэ, А. Дубровіча, А. Жаўрука, А. Коршака, А. Ушакова, М. Сурначова і іншых. Яны розныя, гаворыць аўтар артыкула (Г. Бураўкін. – А.Р., Ю.Р.). І ў кожнага з пятнаццаці паэтаў бачыць штосьці сваё, адметнае, праўдзівае сведчанне пра свой час і пра сябе»⁵¹⁹.

Подытоживая, отметим, что книга М. Барсток удалась. Мы не одиноки в этой оценке. Сошлемся на авторитетного в Беларуси литературоведа Веру Палтаран, которая в журнале «Работніца і сялянка» отмечала: «А ўжо будучы на заслужаным адпачынку, яна (М. Барсток. – А.Р., Ю.Р.) напісала і выдала адну з лепшых сваіх кніг «Руплівы поўдзень» – пра творчасць Генадзя Бураўкіна»⁵²⁰. В 1991 г., в связи с 85-летием М. Барсток, та же «Работніца і сялянка» высказалась таким образом: ««Руплівы поўдзень» – якая трапная метафара для вызначэння творчай самаадданасці, працавітасці, не падуладнай часу»⁵²¹.

* * *

Мы не можем обойти вниманием большую публицистическую деятельность М. Барсток. На первом плане, конечно, будут названы ее глубоко аналитические обзоры состояния белорусской поэзии, в разных ее прочтениях, будь то обзор поэзии на страницах журналов «Полымя» и «Маладосць»⁵²², размышления над состоянием белорусской поэзии в начале 1980-х гг.⁵²³, или авторская оценка коллективной книги белорусских поэтов разных поколений «День добрый, мама» («Дзень добры, мама», 1977).

Конечно, сегодня выводы М. Барсток могут показаться идеологизированными, даже может быть заданными, но ведь она была права, что во второй половине 1960–1970-х гг. «вобраз жанчыны-маці ў беларускай паэзіі,... не толькі паэтычны, але і драматычны, бо доля жанчыны-маці ўвасабляла драму народнага жыцця – і бытавую, і гістарычную, асабліва, калі мець на ўвазе тэму – жанчына і вайна»⁵²⁴. Или заметки о творчестве молодых белорусских поэтов второй половины 1970-х гг. (П. Мартиновиче, В. Некляеве, В. Яраце, В. Линовиче и др.)⁵²⁵. Но ведь находилось время, чтобы осмыслить и оценить, а потом донести до читателя свою оценку таких общественно значимых изданий, как «День поэзии-76», «День поэзии-79», белорусская поэтическая лениниана и т.п., поучаствовать в дискуссии о белорусской поэзии второй половины 1960-х – 1980-х гг.⁵²⁶ Один из тогдашних выводов М. Барсток, на наш взгляд, заслуживает внимания и сегодняшнего читателя: «Чуюцца папрокі, што паэзія пайшла ў «вечнае». Нельга сказаць, што ўся яна ў роздуме аб вялікім і вечным, але задумацца ёсць над чым, і яна шукае, параўноўвае, робіць новыя захады ў гісторыю. І гэта яе права, бо не ўсё ж спазнана ў нас пра мінулае, пра вайну і пасляваеннае станаўленне. Паэзія, асабліва лірычная, жыве і натхняецца сучаснасцю. І сённяшнія цяжкасці яе, відаць, маюць больш глыбокія прычыны, чым гэта здаецца на першы погляд»⁵²⁷.

⁵¹⁹ Барсток, М. Руплівы поўдзень / М. Барсток. – Мінск, 1984. – С. 159.

⁵²⁰ Работніца і сялянка. – 1986. – № 4. – С. 15.

⁵²¹ Там же. – 1991. – № 4. – С. 3.

⁵²² Літаратура і мастацтва. – 1978. – 3 сакавіка.

⁵²³ Там же. – 1981. – 3 красавіка.

⁵²⁴ Барсток, М. Дарагая мая, мамуля / М. Барсток // Полымя. – 1978. – № 4. – С. 251.

⁵²⁵ Звязда. – 1977. – 20 мая.

⁵²⁶ См.: Літаратура і мастацтва. – 1983. – 1 красавіка.

⁵²⁷ Там же. – 1978. – 3 сакавіка.

Мы не будем называть «статьи-посвящения» (так мы определили печатные материалы, посвященные творчеству М. Богдановича, П. Панченко, А. Адамовича, А. Кулешова, В. Короткевича, П. Глебки, П. Бровки, Д. Политики и др.), однако в каждом из них есть мягкие, но точные «посылы» к прочтению их творчества. К примеру, **в поэзии П. Панченко** «зліты ўадзіна лірызм і публіцыстычнасць, гумар і сатыра, рамантычныя і рэалістычныя тэндэнцыі традыцыйнасці і наватарства»⁵²⁸. «Чытаючы, увесь час думаеш: у чым сакрэт дзейнасці паэзіі Пімена Панчанкі, хоць і сапраўды разгадаць гэты сакрэт да канца немагчыма. Не будзем гаварыць пра рыфмы, кампазіцыю і іншыя паэтычныя сродкі. Сакрэт, відаць, у асобе паэта, яго характары, у спосабе думаць і адчуваць. Гэта і робіць паэзію непаўторнай, жывой, дынамічнай. А асоба паэта ў лірыцы Пімена Панчанкі духоўна багатая, шчырая, даверліва-адкрытая перад чытачом, заклапочаная галоўнымі праблемамі сучаснасці. Паэт глядзіць на жыццё знутры яго, як самы актыўны ўдзельнік, ён сцвярджае, адмаўляе, сумняваецца, спадзяецца, верыць, спачувае чалавеку, падтрымлівае добрае, высокае ў ім»⁵²⁹. **Об А. Кулешове:** «...І думы яго ішлі пра жыццё і час, пра аблічча нашага стагоддзя, пра творчасць і будучыню, бескампрамісную праўду ў мастацтве»⁵³⁰; **у П. Глебкі,** который «...у сталым узросце не гнаўся за таннай прыгажосцю, пісаў проста, выразна, змястоўна. Такі стыль прынята называць аўталагічным, ён патрабуе рэалістычнай канкрэтнасці, дакладнасці, празрыстай яснасці выражэння»⁵³¹. А вот как тепло она пишет о коллеге по литературоведческому «цеху» **Дмитрии Политике:** «Але галоўнае – гэта быў крытык са сваёй непазычанай думкай, сваім поглядам на літаратуру, сувязь з жыццём народа. Не баяўся сказаць слова пра новы твор, бывала і памыляўся ў яго ацэнцы, перабольшваў значэнне самой тэмы. Пісаў у асноўным пра прозу, але глыбока разумеў і паэзію, адчуваў слова ў паэтычным кантэксце, што добра бачым у яго работах пра пераклады, сувязі і ўплывы літаратуры»⁵³².

Лаконичной выглядит оценка книги «Взгляд» («Погляд») известного белорусского литературоведа **В. Юревича:** «Яснасць ідэйнай пазіцыі, аналітычнасць, мастацкасць – вось тыя асноўныя крытэрыі, якімі кіруецца У. Юрэвіч»⁵³³.

И, конечно, нельзя не сказать о принципиальной оценке М. Барсток выходящих в белорусских издательствах поэтических сборников, книг по литературоведению.

Да, она была права, давая положительную оценку книге стихотворений П. Панченко «Крик сойки» («Крык сойкі», 1975), книге прозы П. Бровки «Вместе с комиссаром» («Разам з камісарам»), стихотворному сборнику начинающего поэта (как она сама определила «з нефілагічнай прафесіяй». – А.Р., Ю.Р.), уроженца Городотчины, летчика гражданской авиации В. Скоринкина*, монографии Э. Гуревич «Беларуская дзіцячая літаратура», литературному альманаху «Горизонты» («Далягляды»), знакомящему белорусского читателя с лучшими произведениями братских литератур, мировой прогрессивной литературы.

Вот один из примеров литературно-критической принципиальности М. Барсток – несколько строк из рецензии «Каб душа не маўчала» на поэтический сборник В. Марука «Лист рябины» («Ліст рабіны»): «Шмат цымянага, з прэтэнзіяй

⁵²⁸ Барсток, М. Пры святле маланак і вогнішча / М. Барсток // Звезда. – 1977. – 21 жніўня.

⁵²⁹ Звезда. – 1976. – 18 снежня.

⁵³⁰ Голас Радзімы. – 1984. – 9 лютага.

⁵³¹ Звезда. – 1975. – 6 ліпеня.

⁵³² Літаратура і мастацтва. – 1985. – 17 мая.

⁵³³ Там же. – 1975. – 8 жніўня.

* Впоследствии за перевод «Божественной комедии» А. Данте на белорусский язык В. Скоринкин стал лауреатом Государственной премии Республики Беларусь.

на паэтычнасць, сустракаюцца вершы зусім невыразныя (верш «Світання свет далёкі»), перавага паэта аддаецца адцягнутым прынцыпам і катэгорыям, зусім выпалі з поля зроку сацыяльныя адносіны паміж людзьмі. Здзіўляюць недакладнасцю асобныя выразы, што нібыта нясуць у сабе жыццёвую мудрасць. Неапраўданая сімволіка, якую цяжка расшыфраваць. Надуманасць, душа без псіхалагічнага напаўнення. Схільнасць да шматслоўя, вычурнасць вобраза. «Але каб душа набыла голас, а голас – адметны лад, патрэбна настойлівая, засяроджаная праца»⁵³⁴.

Подытожывая нашы рассуждения в этом разделе, согласимся и перефразируем слова известного белорусского литературоведа, критика и педагога Зиновия Пригодича, как-то заметившего, что М. Барсток для решения достижения выбранной ей цели выбрала единственно правильный методологический принцип В. Белинского: «Нет даже нужды останавливаться на каждом приличном произведении и углубиться в подробный анализ его красоты и недостатков. ... Главная ж задача здесь – показать преобладающее направление, общий характер литературы в данное время, проследить в ее явлениях мысль, оживляющую и движущую ее»⁵³⁵.

И она старалась видеть общие, определяющие направления развития, принципы и правила, поддерживать граждански значимые позиции авторов, их произведения, создающие художественную летопись современного ей общества. Не обходилось без эмоций, ошибок, субъективности, но это было движение вперед, движение к высокому художественному и эстетическому выражению.

* * *

Нельзя хотя в нескольких предложениях не познакомить читателя с научно-методической работой М. Барсток, направленной на разумное понимание и прочтение в общеобразовательной школе (и учителями, и учащимися. – А.Р., Ю.Р.) классического наследия М. Богдановича⁵³⁶ и К. Чорного⁵³⁷. В 1972–1973 гг. была доработана и издана вторым изданием книга «Кузьма Чорны ў школе», а в 1991 г. третьим изданием вышла книга «Максім Багдановіч у школе». Проследив жизненный путь К. Чорного и М. Богдановича, на основе выверенных научно-методических рекомендаций М. Барсток, при изучении творчества К. Чорного, к примеру, обращает внимание учителей общеобразовательных школ на такие определяющие моменты при изучении его творческого наследия, как:

– урочная деятельность (вступительные занятия, уроки по изучению романов «Отечество» («Бацькаўшчына») и «Третье поколение» («Трэцяе пакаленне»);

– внеклассная работа. Хотя по программам начала 1970 г. время на проверку внеклассного чтения не предусматривалось, тем не менее М. Барсток рекомендует учителям «творы для пазакласнага чытання актыўна ўключачь у разгляд творчага шляху пісьменніка, аналізаваць іх больш поўна, чым іншыя. Твор з пазакласнага чытання павінен арганічна ўваходзіць у кожную новую тэму»⁵³⁸.

Небесполезными для учителей являются рекомендации по учету специфики произведений, их художественной ценности. При этом важно использовать наглядные пособия, просмотр спектаклей или кинофильмов по произведениям К. Чорнага, а также поручать учащимся подготовку небольших докладов с элементами самостоятельного анализа.

Заслуживает внимания и такой проверенный на практике совет, как учет и опора на жизненный опыт школьников, их умения наблюдать и понимать происхо-

⁵³⁴ Літаратура і мастацтва. – 1988. – 8 красавіка.

⁵³⁵ Цит. по: Прыгодзіч, З. Праблемы сучаснасці ў люстры літаратуры / З. Прыгодзіч. – Мінск, 1978. – С. 246.

⁵³⁶ Барсток, М.М. Кузьма Чорны ў школе / М.М. Барсток. – Мінск, 1973. – 109 с.

⁵³⁷ Барсток, М.М. Максім Багдановіч у школе / М.М. Барсток. – Мінск, 1991. – 108 с.

⁵³⁸ Барсток, М.М. Кузьма Чорны ў школе / М.М. Барсток. – Мінск, 1973. – С. 5.

дящие вокруг них события и явления, видеть в литературе не только источник знаний, но и важное условие формирования идейных и моральных качеств личности.

Книга о К. Чорном интересна и ценна и тем, что содержит список книг К. Чорного, а также статьи и книги о его писательском мастерстве.

Несколько иными являются методические рекомендации при изучении творчества М. Богдановича. Здесь исследовательница акцентирует внимание учителей на «уласнай ініцыятыве, ...асабліва пры карыстанні альтэрнатыўнымі праграмамі або тады, калі патрэбна вылучыць грамадзянскія, патрыятычныя матывы ў творчасці паэта»⁵³⁹. Ведь именно от знаний и умений учителя зависит степень познания и понимания учащимися лирического богатства поэзии М. Богдановича, способов, методов и средств у каждого учителя много (собственное выразительное чтение известных произведений, их музыкальное сопровождение, использование картин и сюжетов, написанных по мотивам стихов, баллад, поэм М. Богдановича и т.п.), важно, чтобы возникла психологическая гармония в диалоге «учитель–учащийся».

Конечно, бесполезными для изучающих творчество М. Богдановича будет список произведений, посвященных М. Богдановичу, составленный М. Барсток, а также рекомендованная ей литература для учителей.

Таким вот, на наш взгляд, творчески-активным и профессионально-принципиальным выглядит многолетний творческий труд уроженки Верхнедвинского района, активного участника белорусского советского литературоведческого процесса, учителя, методиста и поэтессы М. Барсток.

МИХАИЛ КЕНЬКО

Путь в белорусское литературоведение 1970-х годов для уроженца деревни Вертеи Поставского района **Михаила Павловича Кенько** был достаточно традиционным* – учёба в институте, педагогическая или комсомольская работа, аспирантура... С 1983 г. работал научным сотрудником Института литературы имени Я. Купалы Академии наук Беларуси, затем – заместителем главного редактора издательства «Юность» («Юнацтва»); с 1988 г. – доцент Белорусского государственного университета. В республиканской печати с рецензиями и статьями по теории и практике художественного перевода, проблемам белорусской прозы и поэзии выступает с 1974 г.

⁵³⁹ Барсток, М.М. Максім Багдановіч у школе / М.М. Барсток. – Мінск, 1991. – С. 4.

* Кенько М.П. родился 8 февраля 1947 г. в семье железнодорожника на Поставщине. Здесь же окончил среднюю школу, в 1969 г. окончил Могилёвский педагогический институт имени А. Кулешова. Потом работал в Кировской районной газете «Кировец», учительствовал на Глуботчине и в Витебске, был лектором Витебского обкома комсомола. В 1973–1976 гг. учился в аспирантуре Института литературы имени Я. Купалы Академии наук Беларуси. В 1978 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Тема исследования – «Аркадий Кулешов – переводчик».

М. Кенько – автор широко известных работ в белорусском литературоведении «Мастерство Аркадия Кулешова – переводчика» (1983), «Михась Лыньков. Летопись жизни и творчества» (1987).

Он участвовал в подготовке и издании собраний сочинений М. Лынькова (т. 3, 1983) и М. Горецкого (т. 1, 1984).

Не остались без внимания специалистов и читателей переводы М. Кенько. В 1997 г. он перевёл (практически переиздал) известный роман Г. Сенкевича «Крестonosцы» («Крыжакі»), в 1998 г. – повесть чешского писателя Э. Баса «Клопзубова команда» (Клапзубава каманда), в 2005 г. – книгу польского писателя-романтика, друга А. Мицкевича, Г. Жевусского «Воспоминания Соплицы» («Успаміны Сапліцы»). Это первое полное на белорусском языке издание, воссоздающее бессмертный дух старой белорусской шляхты.

М. Кенько – составитель и автор предисловий ко многим книгам, изданным в Беларуси.

В творческой и исследовательской деятельности М. Кенько в истории белорусской советской литературы выделяются два магистральных направления: первое – исследование белорусского художественного перевода (творческое наследие М. Горецкого, А. Кулешова, переводческое мастерство В. Радкевича и других авторов), авторов переводов сборников «Горизонты» («Далягляды»), переводов на белорусский язык произведений С. Есенина, Н. Тихонова и собственные переводы из русского, польского, украинского и чешского языков (с максимальным сохранением текста и духа оригинала, предисловиями, послесловиями и комментариями; второе направление – литературоведческая и литературно-критическая работа. Поскольку временной промежуток нашего исследования завершается 1991 годом, то и разговор будет вестись, преимущественно, об исследовательской работе М. Кенько во второй половине 1970-х – 1980-х годах.

Народный поэт Беларуси Аркадий Александрович Кулешов как автор переводных работ в поле зрения Кенько-исследователя попал благодаря многообразию переводческой деятельности (при этом изучение этого аспекта в творчестве А. Кулешова было сделано впервые). Он переводил оригинальные произведения русских, украинских и советских поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова, Т. Шевченко и И. Котляревского, С. Есенина и А. Твардовского, успешно работал с подстрочными переводами текстов произведений К. Кулиева, Р. Гамзатова, Г. Лонгфелло и других авторов, разрабатывал отдельные теоретические проблемы переводческой деятельности, часто, с одной стороны, связывая воедино собственное поэтическое творчество с работой интерпретатора и, с другой, расширял возможности белорусской литературы в освоении поэтического наследия разных народов.

Шаг за шагом, проводя читателя по этапам становления А. Кулешова как переводчика, М. Кенько выделяет и успешно анализирует основные этапы его творческой деятельности, основные направления его поисков, становления его переводческого стиля. При этом материал излагается доступно и убедительно, что делает теоретическое исследование привлекательным для разных читательских слоёв (преподаватели, студенты, учащиеся, просто любители поэтического (а теперь – и переводческого) таланта А. Кулешова). Тем более, что выводы и заключения исследователя М. Кенько, как правило, дополняются мыслями и оценками самого А. Кулешова. Незадолго до своей смерти в интервью «Строителю мостов мастерства» поэт откровенно говорит о том, что его поэтическое пространство, насыщенное своеобразным эстетическим светом, сложилось во многом благодаря пусть невидимым, но прочным связям с творческим наследием других поэтов. «Далучэнне да творчых крыніц Шаўчэнкі, Пушкіна, Лермантава, Лангфела з’явілася для мяне вялікай школай паэтычнага майстэрства»,⁵⁴⁰ – читаем мы в еженедельнике «Літаратура і мастацтва». Теперь очевидно, что переводческая деятельность была для поэта не только возможностью сверки собственного опыта, мыслей, стилистики с классической поэтической традицией, но и их обогащения посредством постижения произведений, особенно близких его собственным творческим замыслам.

Однако вернёмся к книге М. Кенько «Мастерство Аркадия Кулешова – переводчика» («Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка»). Автор исследования, на наш взгляд, совершенно справедливо в переводческой деятельности А. Кулешова условно выделяет три периода: 1936–1941 гг. – период становления А. Кулешова как переводчика, постижения основ переводческого мастерства, формирования собственного переводческого стиля, умения работать с художественным словом. «Узбагачэнню яго (А. Куляшова. – А.Р., Ю.Р.) вопыту ў гэты час спрыяла вучоба ў час сумеснай працы над перакладамі ў Я. Коласа і

⁵⁴⁰ Літаратура і мастацтва. – 1976. – 23 студзеня.

Я. Купалы, – отмечает М. Кенько. – У першых сваіх вопытах інтэрпрэтатара А. Куляшоў праяўляў патрабавальнасць да сябе, перарабляў зробленае, удасканалваў раней надрукаванае пераклады. ...Судакрананне з выдатнымі творамі ўзбагачала эстэтычны свет А. Куляшова, павышала культуру яго творчасці. ...Несумненна, важнае значэнне для А. Куляшова меў даваенны пераклад рамана А.С. Пушкіна «Яўгеній Анегін».⁵⁴¹

– 1945–1961 гг. – выработка новых прынцыпов і прыёмаў перавода з улікам накопленнага в годы Великой Отечественной войны собственного поэтического опыта. А. Кулешов приходит к выводу, что переводить следует более творчески, раскованно, руководствуясь правилом, что буквальное следование авторской строке снижает качество переводческой интерпретации. В эти годы он «тэарэтычна абгрунтаваў свае прынцыпы перакладу, выкананага на аснове пранікнення ў глыбінную структуру тэксту. ... былі зроблены важныя абагульненні, што датычыліся спецыфікі перакладу з блізкароднасных моў... А. Куляшоў спрабаваў больш актыўна выкарыстаць у перакладах свой вопыт паэта».⁵⁴²

– 1961–1978 гг. – период расцвета переводческого мастерства А. Кулешова, проявившегося, с одной стороны, в достижении высокой степени эмоционального воздействия произведения в инонациональной языковой структуре и с другой – в обогащении философской глубины и насыщенности собственных произведений мотивами переводимой лирики поэтов-единомышленников. В эти годы поэт «пачаў авалодваць такімі разнавіднасцямі перакладаў з незнаёмых моў, як пераклад праз мову-пасрэднік, па падрадкаўніку, аўтарызаваны пераклад. ...Праца перакладчыка спалучалася ў яго з працай даследчыка, тэарэтыка».⁵⁴³

* * *

В исследовании М. Кенько, на наш взгляд, определяющим является его обоснованный вывод о том, что становление собственного поэтического мастерства А. Кулешова неотрывно от его стремления постигать таинства поэтики как классиков («Усё часцей і часцей звяртаюся да крыніц народнай творчасці, да твораў Янкі Купалы, Якуба Коласа, Пушкіна і Някрасава»⁵⁴⁴), так и современных ему советских поэтов («Я ніколі не перабольшу, калі скажу, што, як паэт, сваім нараджэннем я абавязаны менавіта гэтаму твору. «Краіна Муравія» (поэма А. Твардовского. – А.Р., Ю.Р.) не толькі па новаму дала магчымасць асэнсаваць блізка мне свет народнага жыцця, але і з'явілася штуршком, які вывеў мяне з творчага тупіка».⁵⁴⁵

Творчество поэтов-современников (А. Малышко, К. Кулиев, М. Нагнибеда, А. Твардовский и др.) привлекало новизной проблематики, оригинальностью художественных решений, неповторимостью авторской поэтики. Однако именно Пушкина, – свидетельствует М. Кенько, – Кулешов называл среди тех поэтов, кто более всего воздействовал на его творчество.

Овладение секретами пушкинского поэтического стиля началось для А. Кулешова с поэмы «Цыгане» около второй половины 1936 года (21 сентября 1936 г. в газете «Літаратура і мастацтва» были напечатаны отрывки из поэмы в переводе на белорусский язык А. Кулешовым). В целом проба переводческих сил была воспринята специалистами, читателями, коллегами по перу как несомненная удача поэта М. Кенько среди творческих находок А. Кулешова в первую очередь называет «уменне захаваць паэтычнасць твора... Яно праяўляецца ў

⁵⁴¹ Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 119.

⁵⁴² Там же. – С. 120.

⁵⁴³ Там же. – С. 121.

⁵⁴⁴ Куляшоў, А. Некалькі слоў аб сабе / А. Куляшоў // Пяцьдзсят чатыры дарогі. – Мінск, 1963. – С. 326.

⁵⁴⁵ Там же. – С. 325.

тым, што ў перакладах, зробленых на высокім узроўні, захоўваецца ўражанне надзвычайнай прастаты і натуральнасці. Чытаючы, напрыклад, паэмы, не заўважаецца амаль нідзе слядоў тых ператасовак і змен слоў, якіх вымагала не супадзенне моўных сродкаў нават і блізкароднасных моў». ⁵⁴⁶

В своём стремлении адекватно передать содержание «Цыган» в другой языковой системе А. Кулешов «перамяшчае асобныя элементы строф з аднаго радка і дасягае нязмушанасці інтанацыйнага гукання верша, удала пазбягаючы розных моўных цяжкасцей, якія часта паўстаюць перад перакладчыкам тады, калі ён імкнецца быць бліжэй да арыгінала». ⁵⁴⁷

По мнению исследователя, перевод поэмы «Цыгане» у А. Кулешова был достаточно близок к оригиналу. Правда, где это было необходимо, поэт находил соответствующие духу переводимого произведения понятия. Вот несколько примеров. У А. Пушкина «в шатрах изодранных кочуют» у А. Кулешова эпитет «изодранных» заменен словом «палапленных», по сути, показывающим ту же «кочующую бедность» цыган, что и в оригинале; у А. Пушкина читаем «бедный, звучный их язык», а у А. Кулешова – «бедной мовы прыгажосць»; у А. Пушкина есть строка «между колёсами телег», у А. Кулешова – дана следующая редакция: «між колаў езджаных калёс», Пушкинское «Она (Земфира. – А.Р., Ю.Р.) привыкла к резвой воле», а у А. Кулешова находит такую редакцию:

*Яго дачка гуляе ў поле
Адна, вясёлая, на волі.*

Слово «воля», как видно, присутствует и там, и там. Однако, если у А. Пушкина оно даёт ключ к пониманию и характера Земфиры и самого конфликта поэмы, то у А. Кулешова оно теряет свою смысловую нагрузку, что является, по мнению М. Кенько, одним «из серьёзных просчётов перевода». ⁵⁴⁸

Трудность в переводе «Цыган» для А. Кулешова состояла и в том, что белорусский язык к 1930-м годам не имел «той лексікі высокага, кніжнага стылю, «которая в русском языке широко использовалась в поэтическом творчестве как для создания возвышенных тонов, так и для выражения иронического, пародийного. К примеру, «дева говорит» (у А. Пушкина) и «дзяўчына кажа» (у А. Куляшова); «уборы дев там так богаты» (у А. Пушкина) и «А як апрануты дзяўчаты!» (у А. Куляшова).

А язык старого цыгана, в котором сплетены воедино простота и наивность, крепость и теплота, искренность и поэтичность. Вот оригинал и перевод обращения цыгана к Алеко:

*Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.*

*Я рад. Застанься да зары
Тут з намі ў нашым спаць шатры
Альбо жыві сабе на волі
Між намі, ні дзікіх кветак пах
Дзялі агульны хлеб і дах.*

Одной фразой «пі дзікіх кветак пах» А. Кулешов определённым образом уравновесил употребляемые А. Пушкиным словенности «сень», «доле», «кров», но и раскрыл поэтическую душу цыгана. «Узнаўляючы адценні пушкінскай ма-

⁵⁴⁶ Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 16. См. также: Кенька, М. Паэма А.С. Пушкіна «Цыганы» у перакладзе А. Куляшова / М. Кенька // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. – Мінск, 1976. – Вып. 4.

⁵⁴⁷ Там же. – С. 17.

⁵⁴⁸ Там же. – С. 19.

неры пісьма, – делает заключение М. Кенько, – Куляшоў карыстаецца багаццем роднай мовы ад размоўнай лексікі да сродкаў вобразнай, паэтычнай мовы». ⁵⁴⁹

И ещё одну черту, сложившуюся у А. Кулешова – переводчика во время работы над «Цыганами», отмечает М. Кенько: это постоянная работа над улучшением текстов переводов. Казалось бы, это не главное звено в переводческой деятельности. Но именно такой подход сформировал у А. Кулешова те принципы трансформации оригинала, те приёмы и методы перевода, которые станут определяющими для работы поэта с иноязычными текстами. М. Кенько выделяет следующие, наиболее значимые, для последующей переводческой деятельности А. Кулешова:

- учёт близости языков оригинала и перевода;
- сочетание текстуально близкого перевода с относительно свободным воссозданием текста в духе первоисточника;
- употребление компенсирующих художественных средств, передача их при помощи синонимов или других словесных эквивалентов;
- введение своих слов и образов, созданных в соответствии с поэтикой оригинала;
- пристальное внимание к передаче формы и содержания произведения в переводе.

Подчеркнём и такую особенность литературоведческого исследования М. Кенько. Автор не просто констатирует наличие собственных творческих правил у переводчика А. Кулешова. Он глубоко и системно исследует форму их реализации на разных этапах переводческой деятельности А. Кулешова. В достоверном творчестве поэта этот анализ сделан на примере перевода «Кобзаря» Т. Шевченко (изучить стилевые особенности довоенного периода романа А. Пушкина «Евгений Онегин» не удалось – кулешовская рукопись пропала в годы войны. Так же, как потерялись и переводы стихотворений М. Лермонтова, предоставленные А. Кулешовым в издательство в июне 1941 года. – А.Р., Ю.Р.); в послевоенные годы изучен новый текст «Евгения Онегина», а также переводы стихотворений А. Пушкина «Осень» и «19 октября», баллады украинского поэта М. Нагнибеды «Зёрна», стихотворений известных украинских поэтов М. Рыльского и Т. Масенко, русских – А. Твардовского, В. Маяковского, М. Исаковского; наконец; переводов, осуществлённых А. Кулешовым в 1960–1970-е годы («Заветная криница» А. Малышко, новая редакция переведённых стихотворений М. Лермонтова и новые переводы его поэм «Демон» и «Мцыри», стихотворений «Молитва», «Кинжал» и др.; такие известные поэтические произведения, как «Энеида» И. Котляровского, «Песнь о Гойавате» Г. Лонгфелло, стихотворения и поэмы С. Есенина, К. Кулиева, Р. Гамзатова, М. Луконина и др.).

«Другі этап (послевоенный. – А.Р., Ю.Р.) перакладчыцкай працы А. Куляшова, – падчёрківае ісследоватэль, – вызначаецца больш складанай формай узаемадзеяння з арыгінальнай творчасцю паэта, калі канкрэтныя сляды ўзаемаўплыву ўжо не прасочваюцца так ярка, як раней, характарызуюцца праяўленнем больш агульных тэндэнцый узаемазалежнасці. Калі вучоба ў класікаў беларускай, рускай, украінскай літаратуры, што дапаўнялася працай над перакладамі, шмат у чым прадвызначала высокія мастацкія вартасці ваеннай лірыкі Куляшова, то, у сваю чаргу, уся яго творчасць ваенных гадоў надала новую якасць пасляваенным перакладам. Узбагачэнне ўласнага эстэтычнага свету, тая новая вышыня, на якую ён узняўся ў мастацкім адлюстраванні жыцця, прымушала па-новаму глянуць і на працу па пераўвасабленню ўзораў творчасці іншых паэтаў, крытычна паглядзець на дасягнутае ў гэтай справе». ⁵⁵⁰

⁵⁴⁹ Кенька, М. Паэма А.С. Пушкіна «Цыганы» у перакладзе А. Куляшова / М. Кенька // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. – Мінск, 1976. – Вып. 4. – С. 21.

⁵⁵⁰ Там же. – С. 38.

Убедительное подтверждение этому положению даёт работа А. Кулешова над переводом «Евгения Онегина», который был издан отдельной книгой в 1949 г. Несмотря на, в целом, высокую оценку специалистами и читателями кулешовского прочтения романа, в печати всё же высказывались упреки в адрес переводчика в его отходе «от пушкинского стиха, каждого его слова». И вот здесь М. Кенько очень тонко и тактично раскрывает ещё одну, но очень важную для переводчика А. Кулешова черту – его умение вести дискуссию, отстаивать свою позицию и свои принципы и придерживаться не формальных требований, а следовать традициям, сложившимся в практике художественного перевода. «Кожная мова, – утверждает А. Кулешов, – мае свае звароты, свае ўмоўныя рытарычныя фігуры, свае засвоеныя выразы, якія не могуць быць перакладзены на другую мову адпаведнымі словамі. У рабоце над перакладам «Яўгенія Анегіна» на беларускую мову даводзілася пераадолюваць і спецыфічную цяжкасць і зманлівую блізкасць рускай і беларускай моў. Блізкасць гэта, у асобных выпадках амаль дакладна перадаючы сэнс, часта пераходзіць у сваю супрацьлегласць, гэта значыць робіць такі даслоўны пераклад непаэтычным».⁵⁵¹

Сформируется ещё одно правило переводчика А. Кулешова – тексты должны быть близкими к оригиналу, соответствовать его духу, жить с ним одной внутренней жизнью, способными стать заметным явлением, как в поэзии, так и в другой языковой среде. Эта концепция, отмечает М. Кенько, была смелым шагом вперёд в практике художественного перевода. По сути, это было новое направление, позволявшее преодолеть сложившиеся, устаревшие взгляды. И, как показывает дальнейшая переводческая практика А. Кулешова, оно полностью оправдало себя. В подтверждение лишь одно мнение – известного белорусского литературоведа М. Ларченко: «Асаблівасць куляшоўскага перакладу «Яўгенія Анегіна» ў тым, што ён не літаральна, аднак надзвычай дакладна перадае не толькі пачуцці і думкі кожнай анегінскай страфы, але і ўсю іх паэтычную структуру, іх паэтычную спецыфіку, рытміку, сістэму рыфмоўкі. Прычым у гэтай дакладнасці заўсёды адчуваецца эмацыянальная прысутнасць творчай індывідуальнасці паэта-перакладчыка, якая надае перакладу мастацкую асаблівасць, робіць пераклад самабытным адкрыццём беларускай паэзіі», а эмоциональная окраска поэта-переводчика, органически сливалась с эмоциями автора оригинала, «робіць пераклад арыгінальным, самабытна-беларускім».⁵⁵²

Обобщающий вывод предлагает и сам М. Кенько: «Работа над беларускім тэкстам «Яўгенія Анегіна» была для Куляшова добрай школай перакладчыцкага майстэрства. ...Куляшоў здолеў вырашыць рад складаных праблем, якія сустрэліся ўпершыню. Ён узбагаціў арсенал сваіх перакладчыцкіх прыёмаў, стаў шырока выкарыстоўваць кампенсацыю моўных і вобразных сродкаў, што дапамагала яму ў перакладзе вялікага эпічнага твора дасягнуць цэльнасці мастацкага ўражання без гранічна блізкай адпаведнасці паэтычных тропаў арыгіналу. Пераклад «Яўгенія Анегіна» з'явіўся важкім творчым дасягненнем Куляшова і несумненна аказаў значны ўплыў на стан перакладчыцкай справы ў Беларусі, паслужыў адным з узораў, на якія можна было арыентавацца. Акрамя таго, ён адыграў важную ролю і ў творчым лёсе паэта. Пераклад быў яшчэ адным дабратворным фактарам, які ўздзейнічаў на яго. Вучоба ў Пушкіна працягвалася ў новай, больш апасродкаванай форме».⁵⁵³

Дополнительные комментарии, на наш взгляд, излишни.

⁵⁵¹ Літаратура і мастацтва. – 1949. – 4 чэрвеня.

⁵⁵² Ларчанка, М. Яднанне братніх літаратур / М. Ларчанка. – Мінск, 1974. – С. 37–38.

⁵⁵³ Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 68.

Говоря о 1960–1970 гг., М. Кенько подчёркивает, что «А. Куляшоў перакладаў у гэту пару толькі тое, што было блізка да яго творчых інтарэсаў».⁵⁵⁴ Можно с восторгом говорить о переводах с украинского стихов А. Малышко (отступление от образности автора оригинала и усложнения стихотворной формы) и «кулешовском» Лермонтове (стремление к такому перевыражению оригинала, которое соответствовало бы ему не только по форме, смыслу, но и по уровню художественности. Вспомним кулешовское требование о «поэтичности» перевода). О том, как требовательно к себе относился А. Кулешов в работе над переводами М. Лермонтова, свидетельствует поиск эквивалента известной лермонтовской строке «И звезда с звездой говорит...». Критик Ф. Ефимов, к примеру, отмечает, что любители словесности, ожидая перевода, волновались: «А справится ли? А, когда прочли кулешовское «Зорка зорцы голас падае..., _облегчённо вздохнули!».⁵⁵⁵ Находясь под впечатляющей образностью этой строки, известный поэт К. Кулиев на страницах журнала «Октябрь» заметил: «Строка «Звезда с звездой говорит», думаю, явилась одним из самых чудесных открытий в мировой лирике. Поэзия живёт подобными открытиями».⁵⁵⁶

М. Кенько, подводя итоги своим размышлениям над кулешовскими переводами М. Лермонтова, делает вполне обоснованный вывод: «Мастацкі пераклад у Куляшова дасягаўся шляхам зберажэння ўнутранай цэласнасці твора, што ў сваю чаргу обумоўлена арганічным адзінствам перакладчыцкіх варыянтаў вытлумачэння арыгінала з кантэкстам. Ён выступаў творцам ў перакладзе, прыўносіў у яго нешта ад свайго паэтычнага стылю. Так, ён шляхам вобразнага прыпадабнення збліжаў з’явы: «Прагавітая лапата» (у арыгінале – «жалезная»); згушчаў вобраз у метафару: «нядоляю прыкуты» – «просящий подаянье»; канкрэтызаваў асобныя дэталі ў апісаннях. Больш апасродкавы ўплыў індыўідуальнага стылю выяўляўся і ў некаторым зніжэнні ўзвышанага рамантычнага тону лермантаўскіх вершаў, у пэўнай гарманізацыі негарманічнасці лірычнага героя, адзінокага ў чужым яму грамадстве».⁵⁵⁷ Не завышае оценку переводов М. Кенько, делая и следующий вывод: «Паспяховым узнаўленнем паэзіі Лермантава на беларускай мове ён (А. Кулешов. – А.Р., Ю.Р.) практычна даў магчымасць дасягнення высокай ступені эстэтычнага ўздзеяння перакладнога твора».⁵⁵⁸

Новая вершина в художественном переводе покорилась А. Кулешову во время его работы над переводом «Песни о Гайавате» Л. Лонгфелло с английского на белорусский язык. При этом, А. Кулешов впервые занялся переводом с незнакомого ему английского языка – перевод вёлся по подстрочнику, сделанном для поэта на русском языке (подстрочник и черновик перевода в настоящее время хранятся в архиве А. Кулешова. – А.Р., Ю.Р.).

М. Кенько, разделяя оценочные выводы кулешовского перевода, которые сделали известные белорусские литературоведы Я. Семезон и В. Небышинец, подчёркивает, что А. Кулешов во время работы над «Песней о Гайавате» внимательно относился к высказанным замечаниям и рекомендациям, учёл их при переиздании перевода.

Более развёрнуто анализирует М. Кенько перевод поэмы «Энеида» И. Котляревского, до конца 1960-х годов на белорусский язык не переведившейся. И главная трудность, с которой встретился А. Кулешов, подчёркивает

⁵⁵⁴ Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 69.

⁵⁵⁵ Літаратура і мастацтва. – 1972. – 18 лютага.

⁵⁵⁶ Октябрь. – 1974. – № 10. – С. 194.

⁵⁵⁷ Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 81–82.

⁵⁵⁸ Там же. – С. 82.

М. Кенько, состояла в понимании особенностей пародийности «Энеиды», в которой комическое существует за счёт «перанясення дзеяння (греко-римского сюжета. – А.Р., Ю.Р.) у іншае нацыянальнае асяроддзе»⁵⁵⁹ (на украинскую почву. – А.Р., Ю.Р.), а также следовало сохранить национальный характер юмора, неповторимый национальный украинский колорит, которые составляют сущность «Энеиды», её особенность как произведения пародийного.

М. Кенько считает, что со своей задачей переводчик успешно справился: «...А. Куляшоў, добра зразумеўшы сутнасць і асаблівасці бурлескна-парадыйнай паэмы, узяўшы за аснову яе глыбокую народнасць, змог перадаць яе ідэйны змест, данёс да беларускага чытача іскрысты гумар. Перакладчык прааналізаваў асноўныя прыёмы стварэння камічнага эфекту, якімі карыстаўся аўтар (И. Котляревский. – А.Р., Ю.Р.) паэмы, і твораў у згодзе з імі, не імкнуўчыся строга адэкватна перадаць кожны элемент з мастацкіх сродкаў арыгінала, але выдатна кампенсуючы страчанае. Пры такім падыходе да тэксту А. Куляшоў здолеў захаваць цэласнае ўражанне ад твора, перадаў найбольш істотныя яго рысы».⁵⁶⁰

Признанием высокого мастерства в художественном переводе стало присуждение А. Кулешову в 1970 г. (за переводы стихотворений и поэм М. Лермонтова, «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло и «Энеиды» И. Котляревского) Государственной премии БССР, а в 1972 г. (за переводы из украинской литературы) – звания заслуженного деятеля культуры Украинской ССР.

1970-е годы переводческий арсенал А. Кулешова обогатят художественной интерпретацией произведений Т. Шевченко, С. Есенина, К. Кулиева, Р. Гамзатова, А. Прокофьева, М. Луконина, Л. Первомайского, И. Вьергана, М. Бажана, П. Неруды, Х. Физалы... И логичным выглядит его собственное признание:

*Нехта крывіцца, быццам не рады,
Што я вершаў дайно не пішу.
Мне і твораў чужых пераклады
саграваюць работай душу.*

И это не поэтическая декларация. На страницах газеты «Советская культура» А. Кулешов поделился с всесоюзным читателем своими впечатлениями от работы над «Книгой земли» К. Кулиева: «...я давно люблю и ценю поэзию Кулиева, с желанием глубже познать её, сроднить её с поэзией моего края я взял на себя нелёгкий труд перевести образцы кулиевской лирики на белорусский язык. Мне эта работа принесла настоящую творческую радость. Я, не горю, ощутил себя в чудесном плену природы и жизни трудолюбивого и мудрого белорусского народа. И мне было приятно считать себя таким же его учеником, как и переведённый мной Кулиев, и я понял, насколько я, как поэт, стал богаче, соприкоснувшись с этой чистой и освежающей криницей».⁵⁶¹

Как переводчик, А. Кулешов «змог глыбока адчуць спецыфіку лірыкі беларускага паэта, добра пераўвасобіць яе. Захаваны ў перакладзе хапрактэрны для вершаў Куліева сплаў рамантычнай узнёсласці з грунтоўнасцю і няспешнасцю апавадальнай інтанацыі, спалучэнне народнай мудрасці з філасофскімі абагульненнямі самага паэта. Верш у перакладзе даносіць неспакойны пульс лірыкі Куліева, прасякнутай любоўю да людзей, занепакоеннасцю іх лёсамі».⁵⁶²

⁵⁵⁹ Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 94.

⁵⁶⁰ Там же. – С. 105.

⁵⁶¹ Советская культура. – 1974. – 5 марта.

⁵⁶² Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 111–112.

М. Кенько отмечает внимательное, предельно бережное отношение А. Кулешова-переводчика к стихам и поэмам С. Есенина. Для таких переводов «характэрна ашчаднае захаванне духу верша, нюансаў настрою, пачуццяў, увага да мілагучнасці радка, нязмушанага, песеннага рытму.»⁵⁶³ При кажущемся отступлении от оригинала он добивается высокой степени близости к творчеству переводимого автора.⁵⁶⁴ В переводах А. Кулешова не встретишь нарушения ритмики стиха, и трудного для чтения, нехарактерного для творчества С. Есенина сочетания согласных. Когда перевод сохраняет целостное, смысловое единство, хотя и нет соответствия оригиналу в границах строки, тогда отбрасывается не существенное, выделяется наиболее важное, как, к примеру, в переводе стихотворения «К собаке Качалова»:

Оригинал:	<i>Хозяин твой и мил, и знаменит И у него гостей бывает дома много, И каждый, улыбаясь, норовит Тебя по шерсти бархатной потрогать.</i>
Перевод:	<i>Твой мілы гаспадар і людзям рад, І з гучнай славаю ён у сяброўскім ладзе, Таму ў яго гасцей бывае шмат І кожны з іх цябе па шэрсці гладзіць.</i>

Удачно трансформированы образные средства в переводе поэмы С. Есенина «Анна Снегина» – тонко переданы лирические чувства героев, индивидуальные особенности их языка, пейзажные зарисовки. Не утерялись эпические черты поэмы, сохранено идейное содержание, позволяющие ощутить тогочасную духовно-нравственную атмосферу. «Уменне А. Куляшова ўжыцца ў асаблівасці ясенінскай паэтыкі, здольнасць перадаць настрой, пачуцці надаюць перакладам высокае мастацкае гучанне. Сіла іх эстэтычнага ўздзеяння не ўступае арыгіналу».⁵⁶⁵ Заметим, что внимание М. Кенько к переводам произведений С. Есенина на белорусский язык было постоянным и пристальным.* И мы вполне разделяем его оценку перевода. «Избранного» С. Есенина, выполненного А. Кулешовым и Р. Бородулиным – «выдатны рускі паэт шчыра і пранікнённа загаварыў па-беларуску».⁵⁶⁶

Не будет преувеличением если сделать вывод, что М. Кенько, глубоко и всесторонне изучив специфику художественного перевода А. Кулешова, сделал заметный вклад в осмысление и развитие практики белорусской национальной школы перевода, убедительно доказал, что успех в прочтении иноязычных произведений и их трансформации на новую национальную почву возможен лишь в итоге диалектической творческой взаимосвязи переводимых текстов и собственно авторской поэтической деятельности или, говоря словами А. Кулешова, соответствия внутренней жизни переводного текста (выражения) внутренней жизни оригинала.⁵⁶⁷

В год своего 40-летия М. Кенько представил на суд читателей и специалистов свою новую книгу «Міхась Лынькоў: летапіс жыцця і творчасці» («Міхась Лынькоў: летапіс жыцця і творчасці»). В трёх разделах «Летаписи...»

⁵⁶³ Кенька, М. Звонкая песня паэта / М. Кенька // Польша. – 1977. – № 5. – С. 236.

⁵⁶⁴ Кенька, М. Паэзія Сяргея Ясеніна ў перакладзе Аркадзя Куляшова / М. Кенька // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1976. – № 1. – С. 109.

⁵⁶⁵ Кенька, М. Звонкая песня паэта / М. Кенька // Польша. – 1977. – № 5. – С. 237.

* См.: Чырвоная змена. – 1975 – 2 кастр.; Польша. – 1977. – № 5 и др.

⁵⁶⁶ Там же. – С. 238.

⁵⁶⁷ См.: Кенька, М. Майстэрства Аркадзя Куляшова – перакладчыка / М. Кенька. – Мінск, 1983. – С. 45.

(«Образ поэта, образ времени... (иллюстрации)», «Летопись жизни и творчества», «В памяти народной») собран богатейший материал, раскрывающий наиболее значительные события из житнетворчества, научной и общественной деятельности народного писателя Беларуси М.Т. Лынькова. Шаг за шагом, скрупулёзно проводит М. Кенько читателя по этапам становления Писателя, Личности, Человека, постоянно подкрепляя свои мысли и выводы ссылками на документы и факты, раскрывающие жизненный путь и в творческие поиски М. Лынькова в их единстве и взаимосвязи. Знакомясь с книгой М. Кенько, удивляешься, как много событий было на его жизненном пути и какой разнообразно-богатой и содержательной выглядит его биография.

Белорусский (и советский) читатель знает М. Лынькова, главным образом, как автора эпопеи «Незабываемые дни» («Векапомныя дні»), повестей «Миколка-паровоз» («Міколка-паравоз»), и «О смелом и славном вояке Мишке и его славных товарищах» («Пра смелага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў»), рассказов «Над Бугом» («Над Бугам»), «Гой» («Гой»), «Андрей Летун» («Андрэй Лятун») и др. – о них написаны фундаментальные литературоведческие работы. Однако мало – и почти неизвестным для широких читательских кругов оставался огромный пласт публицистической и литературно-критической деятельности, многочисленные литературно-творческие встречи с рабочими и колхозниками, учителями, студентами, школьниками; была активная и многолетняя работа М. Лынькова в Институте языка, литературы и искусства Академии Наук БССР, редакторская деятельность и работа в качестве одного из руководителей писательской организации Беларуси. А ещё – участие в работе международных организаций, выезды за рубеж по литературоведческим делам, многочисленные встречи с писателями союзных республик.

Знакомство с такими материалами, как это подчёркивает в предисловии к книге доктор филологических наук М. Мушинский (он же автор «Летописи жизни и творчества Якуба Коласа») позволяет глубже постичь творческую индивидуальность писателя, особенности его метода, стиля, художественного почерка и каждый, «хто возьме ў рукі гэта даследванне, знойдзе тут багата звестак, якія па-новаму раскрываюць вобраз выдатнага майстра слова, пісьменніка-грамадзяніна».⁵⁶⁸

Во второй половине 1970-х – 1980-х годах М. Кенько активно сотрудничает со средствами массовой информации. На страницах газет и журналов публикуются его рецензии, литературно-критические статьи и обзоры.⁵⁶⁹ Материалы посвящаются проблемным вопросам литературного процесса, литературным новинкам («Далягляды»), творчеству начинающих и уже известных авторов (Зм. Морозов, В. Грядовкин, А. Дятлов и др.). И для каждого из авторов находят выверенные, объективные оценки – и показывающие автору на его промахи, и, в то же время, ориентирующие читателя на понимание субъективности авторских оценок, его творческие ориентации и предпочтения. Вот, к примеру, несколько литературно-критических оценок М. Кенько:

– о творчестве писателя В. Гигевича: «Аўтар не толькі не дае адназначных і простых адказаў, а часам нібы заклікае чытача самому дайсці да сутнасці справы». Особенность манеры его письма «праяўляецца ў паэтычнасці стылю, у здольнасці не толькі данесці змест, але і стварыць пэўны настрой»;⁵⁷⁰

⁵⁶⁸ Мушыньскі, М. Нязгаснае святло таленту / М. Мушыньскі // Кенька, М. Міхась Лынькоў: летапіс жыцця і творчасці. – Мінск, 1987. – С. 7.

⁵⁶⁹ См. напр.: Чырвоная змена. – 1974. – 26 снежня; Літаратура і мастацтва. – 1977. – 4 лютага, 27 мая; там же. – 1987. – 1 мая; Польшча. – 1979. – № 4; там же. – 1987. – № 1; там же. – 1988. – № 3, 10; Знамя юности. – 1988. – 30 августа и др.

⁵⁷⁰ Чырвоная змена. – 1977. – 20 лістапада.

– о поэзии Зм. Морозова: В стихотворениях Зм. Морозова «Не чувствуешь фальши, они написаны человеком равнодушным, озабоченным теми проблемами, которые нам всем сейчас не чужды». Его неброские поэтические ходы и сравнения, которые всем кажутся очевидными, подаются читателю «в таком ракурсе, что это трогает, волнует, остаётся в памяти»;⁵⁷¹

– о детских произведениях Н. Гомолки, в которых сочетаются «драматизм, занимательность, динамичность сюжета, основательность в обрисовке событий, психологически убедительная мотивировка поступков героев, жизненность характеров»;⁵⁷²

– о прозаике В. Павлове, в творчестве которого «і простая, лаканічная манера пісьма, і паэтычная настраёнасць, назіральнасць. Аўтар адчувае важнасць, змястоўнасць слова, умее ашчадна карыстацца ім».⁵⁷³

У поэта В. Грядовкина критика привлекает философское содержание стиха, его наполненность «человеческими чувствами и взаимоотношениями»; у прозаика В. Карпова умение оформить события как исторический документ, волнующий «сваёй праўдзівасцю і шчырасцю»; у Р. Бородулина – пафосность, согретая авторскими чувствами, у Э. Скобелева – необычайная чуткость «да запатрабаванняў часу» и т.д.

Не оставляет без внимания М. Кенько и проблемы художественного перевода, которым посвящена серия публикаций («Русский советский рассказ». – «Русские савецкае апавяданне: у 2 т.», поэтический сборник Н. Тихонова «Постижение» из серии «Поэзия народов СССР», «Избранное» – «Выбраное» С. Есенина, «Книга переводчика» – «Кніга перакладчыка» и др.).

Он автор комментариев ко второму тому 4-томного собрания сочинений М. Горького (Минск, 1985), третьему тому 8-томного собрания сочинений М. Лынькова. Не остались без внимания читателей и его публикации, посвящённые выходу в свет «Собрания сочинений» А. Кулешова (в 5 т.) и «Собрания сочинений» И. Мележа (в 10 т.) и т.д.

Мы впервые сделаем вывод, что в лице литературоведа, литературного крика и переводчика М. Кенько белорусская советская литература имеет специалиста, стремящегося постоянно быть в русле литературной жизни Беларуси, размышлять над её проблемами, видеть её болевые точки, искать и находить актуальные и эффективные решения.

ИСИДОР БАСС

Уже известный белорусскому читателю (в 1969 г. вышла из печати его книга «Литературные поиски, находки, исследования») литературный критик и литературовед И. Басс* в 1971 г. вынес на суд читателей и специалистов свою книгу. «Путешествие в литературное прошлое» («Падарожжа ў літаратурнае мінулае»). Вышедшая сравнительно небольшим тиражом (1800 экз.), книга сразу же привлекла пристальное внимание. Вот лишь несколько оценочных суждений. «...кніга літаратурна-крытычных артыкулаў Ісідора Баса «Падарожжа ў літаратурнае мінулае», цікава не толькі вялікай насычанасцю фактычным матэрыялам, але і «літаратурнай геаграфіяй», аб'ёмнасцю даследчых праблем, мас-

⁵⁷¹ Знамя юности. – 1988. – 30 августа.

⁵⁷² Там же. – 1984. – 17 октября.

⁵⁷³ Чырвоная змена. – 1974. – 21 ліпеня.

* См. об этом: Русецкий, А. От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965 гг.) / А. Русецкий, Ю. Русецкий. – Витебск, 2010.

штабнасцю тых з'яў, пра якія ідзе гаворка. ...Кніга І. Баса яшчэ раз грунтоўна падцвярджае зроблены ўжо нашай навукай вывад, што Беларусь у сэнсе літаратурнага і грамадска-палітычнага жыцця ніколі не была глухой правінцыяй. Іншая справа, што пастаўленыя ў складаныя гістарычныя ўмовы, лепшыя прадстаўнікі яе не заўсёды маглі паказаць сябе,»⁵⁷⁴ – адзначал в журнале «Польмя» критик и литературовед Г. Семашкевич «При значительном жанровом разнообразии... материалов книга всё же производит впечатление тематической целостности; эту целостность придаёт ей проходящая сквозь все статьи, очерки и заметки единая тема литературных связей в прошлом, ...удачно сформулированная в заглавии книги.

Книга вызывает интерес своими познавательными достоинствами, даже когда речь идёт не об открытиях, а просто о забытом и поэтому неизвестном читателю»,⁵⁷⁵ – писал в «Нёмане» Л. Царенков. «Добрая кніга»,⁵⁷⁶ – оценил «Падарожжа...» у «Звяздзе» В. Раков.

Что же предопределило такие оценки бассовского «Падарожжа...» ?

Краткий ответ на этот вопрос, на наш взгляд, дан самим И. Бассом уже в первом образце его авторского вступления – это слова писателя-славянофила И.С. Аксакова в своё время заметившего, что: «Знакомство с Беларусью подобно открытию Нового Света». Более широкое толкование находим в содержании каждой из 26 статей, составляющих книгу и раскрывающих такое масштабное явление в белорусском литературоведении, как взаимосвязи белорусской, русской, украинской и польской литератур. Нельзя не согласиться с И. Бассом, когда он утверждает: «Цяжка ўявіць сабе плённае развіццё беларускай нацыянальнай літаратуры і культуры у XIX – пачатку XX стагоддзя без уліку тых працэсаў, якія адбываліся ў рускай літаратуры і культуры, а таксама ў украінскай і польскай»⁵⁷⁷. С другой стороны, книга интересна и тем, что открывает для читателя ранее малоизвестные (и даже неизвестные) страницы жизни видных русских писателей на белорусском языке, показывает, что первооснова для подлинного ознакомления русского народа с историей и художественной культурой Беларуси была заложена не официальными литераторами и историками, а представителями литературно-художественно-революционной интеллигенции, в литературно-художественных и публицистических произведениях которых нашли отражение события, персонажи, природные этюды из тогочасной Беларуси.

Из «Падарожжа...» И. Басса следует, что в первой половине XIX ст. белорусские мотивы звучат в русской художественной культуре в произведениях А. Грибоедова, П. Чаадаева, Ф. Глинки, А. Пушкина, К. Рылеева, П. Кириевского, П. Вяземского, В. Белинского, Н. Гоголя, М. Лермонтова, М. Погодина и др. Среди авторов второй половины столетия и начала XX в. А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, В. Короленко, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, К. Чуковский. На рубеже веков живёт и плодотворно работает И. Репин. Материалы о Беларуси печатают журналы «Колокол», «Отечественные записки», «Современник», «Этнографический сборник» и др. В свою очередь, и выходящие в Белоруссии издания регулярно информируют читателей о событиях в русской культуре, литературных новинках, театральных гастролях. И, если в середине 1860-х годов публикации появляются лишь в «Витебских губернских ведомостях», «Могилёвских губернских ведомостях», «Минских губернских ведомостях», «Гродненских губернских ведомостях», то к концу XIX в. пишут: «Мин-

⁵⁷⁴ Семашкевіч, Р. Асэнсаванне факта / Р. Семашкевіч // Польмя. – 1972. – № 2. – С. 215.

⁵⁷⁵ Царенков, Л. Ісідор Бас. Падарожжа ў літаратурнае мінулае. Літаратурна-крытычныя артыкулы / Л. Царенков // Нёман. – 1972. – № 1. – С. 177.

⁵⁷⁶ Звязда. – 1971. – 9 кастрычніка.

⁵⁷⁷ Бас, І. Падарожжа ў літаратурнае мінулае / І. Бас. – Мінск, 1971. – С. 5–6.

ский листок», Витебский вестник», «Северо-Западный край», «Полесье», «Минское слово», «Голос провинции», «Минский голос», «Северо-Западная жизнь», «Западный Буг», «Минское эхо», «Минское русское слово», «Минский курьер» и даже «Бобруйские отклики» и т.д. То есть, налицо единый взаимосвязанный процесс: с одной стороны, прогрессивная российская общественность всеми возможными средствами (как это сделал, к примеру, редактор журнала «Маяк», напечатав в 1843 г. на белорусском языке (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) преподавателя из Поозерья И. Цытовича. И не просто напечатал, а написал благодарственное письмо автору с пожеланиями, чтобы «эта статья послужила добрым почином будущих успехов поэзии, истории и письменности Белой Руси, без которой поэзия, история и письменность всея Руси есть и будет односторонна и неполна» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) пыталась пробудить общественное сознание России к пониманию исторической древности, самобытности и самостоятельности к функционированию языка, истории и художественной культуры белорусов; с другой, такие же прогрессивные местные (живущие в Беларуси. – А.Р., Ю.Р.) корреспонденты знакомили жителей с драматургическим и исполнительским искусством российских авторов Н. Некрасова, А. Островского, М. Горького, С. Рахманинова, А. Зилотти, С. Траилова, А. Чехова, актрис – А. Яблочкиной, В. Комиссаржевской, М. Савиной, Л. Лариной, М. Блюменталь-Татариной, балалаечника В. Андреева. В газетных публикациях всегда можно было прочитать материалы о гастролирующих на Беларуси театральных коллективов, в репертуаре которых значились произведения и известных украинских авторов – И. Котляревского, М. Крапивницкого, Г. Квитки-Основьяненко.

Наиболее убедительным, на наш взгляд, примером такого взаимодействия является исследованная И. Бассом тема «Л.Н. Толстой и белорусская культура».* Хотя в дореволюционное время на белорусский язык было переведено только несколько небольших рассказов Л. Толстого, его популярность в Беларуси была огромной. В газете «Минский курьер» (август 1908 года) читаем, что писатель был избран почётным членом Минской городской библиотеки; в «Гомельской мысли» (№ 39, 1913) сообщается, что в 1912 году произведения Л. Толстого «были в обращении 1359 раз»; «Витебский голос» (№ 72, 1906) пишет о следующем факте: 20 марта 1906 г. в народной чайной г. Витебска в присутствии большого количества людей был прочитан рассказ писателя «Чем люди живы». 28 августа 1908 г. «Минский курьер» публикует статью С. Раззявы, рассказывающую о том, с каким интересом читалась в Беларуси толстовская повесть «Крейцарова соната»: «Я помню звонкие голоса и возбуждённые лица родных, которые спорили о «Крейцаровой сонате». Помню и саму «Сонатку» – затасканную рукопись, которую я украл у матери из-под подушки». Сам И. Басс пишет, что одна из таких рукописей долгое время хранилась в библиотеке Вильнюсского государственного университета.⁵⁷⁸ Не менее интересен факт, о котором в письме Л. Толстому сообщала ему оршанская корреспондентка Е. Ждан. Работавший в местной школе учитель, «не пьяница, не карьерист, скромный человек» неожиданно «получил предписание немедленно оставить школу, передав дела новому учителю». Причина увольнения, как оказалось, заключалась лишь в том, что он и его жена читали «Крейцарову сонату» и другие произведения Л. Толстого.⁵⁷⁹ Постоянно писали о творчестве Л. Толстого, его морально-нравственной позиции, печатали отрывки из его произведений газеты «Северо-Западный край», «Витебские губернские ведомости», «Минский голос»,

* См.: Бас І. Падарожжа ў літаратурнае мінулае / І. Бас. – Мінск, 1972. – С. 163–196.

⁵⁷⁸ См.: там же. – С. 165.

⁵⁷⁹ См.: там же. – С. 171.

«Наша ніва» и др. К примеру, только в «Северо-Западном крае», выходящем в Минске в 1902–1905 гг., были напечатаны статьи «Письмо Л.Н. Толстого об искусстве», «Мемуары Толстого», «Толстой против использования его имени», «Из мыслей Л.Н. Толстого о воспоминании», «Толстой о войне», «Новые произведения Л.Н. Толстого», «Театр и музыка» и др.

Из рецензий и других материалов, опубликованных в местных газетах, отмечает И. Басс, видно, что во многих городах Беларуси с большим успехом игрались спектакли по пьесам и инсценированным произведениям Л.Н. Толстого («Власть тьмы» в Витебске, Гомеле, Бобруйске, «Живой труп» в Гомеле, «Анна Каренина», «Воскресенье», «Война и мир» – в Минске и т.д.), проходили многочисленные литературные вечера, диспуты, читались лекции о его творчестве. Почитатели его таланта вели переписку, собирали и высылали в Ясную Поляну денежные пожертвования, обращались за советами в разрешении жизненных ситуаций. О жизнедеятельности Л. Толстого на Беларуси создавались были, сказки-легенды, отражавшие то большое доверие и любовь, которую ощущали к великому писателю белорусские крестьянские массы.*

Имя Л.Н. Толстого в 1908 г. было присвоено Витебскому начальному училищу и Минской публичной библиотеке.

В свою очередь Л.Н. Толстой стремился не оставлять без внимания каждое обращение к нему самому или к его творчеству. Он вёл переписку с М. Косич, А. Шевковой, Ф. Богдановым, Е. Шевко и многими другими белорусскими корреспондентами, встречался с белорусами, наезжавшими в Ясную Поляну, высылал свои книги в деревенские библиотеки.

Своё исследование о связях Л. Толстого с Беларусью и белорусами И. Басс завершает ссылкой на народного писателя БССР Я. Брыля, заметившего в своё время, что правдивая и глубоко-народная в своей простоте поэзия Я. Купалы, поэзия и проза Я. Коласа, драматургия К. Крапивы, проза К. Чорного и М. Лынькова, а также произведения более молодых белорусских литераторов лучшими «сваімі якасцямі сведчаць аб бяспрэчным уплыве на іх вялікай спадчыны Льва Мікалаевіча Талстога».⁵⁸⁰ С таким заключением, на наш взгляд, нельзя не согласиться.

Из книги И. Басса (разделы «Филоматы-белорусы» («Філаматы-беларусы»), «Польские друзья В. Дунина-Марцинкевича» («Польскія сябры В. Дуніна-Марцынкевіча»), «Певец надвинского края» («Пясяяр наддзвінскага краю»), «Адам Мицкевич и царская цензура» («Адам Міцкевіч і царская цэнзура»), материалы об Э. Ожешко), следует, что не меньший размах, чем связи с революционно-демократической Россией имели белорусско-польские литературные и культурные связи. При этом свои выводы И. Басс подтверждает ссылками на архивные материалы, работы польских учёных, касающиеся Беларуси, но ранее не известные белорусским исследователям. Автор уточняет и дополняет список филоматов-белорусов, открывает для читателя «Общество военных друзей», созданное в Литовском отдельном корпусе и имевшее связи с движением декабристов в России, подчёркивает внимательное отношение А. Мицкевича к устной народной поэзии поляков и белорусов. Именно глубокое и творческое освоение поэзии польского и белорусского народов, постоянное общение с такими выдающимися единомышленниками как Чечёт, Зан, Ежовский и другие, помогло Мицкевичу стать одним из зачинателей реалистической литературы в Польше.

Заслуживают внимания рассуждения И. Басса о творческом содружестве поэта и комедиографа В. Дунина-Марцинкевича и композитора С. Монюшко, к

*Одну из таких легенд привёл Т. Гартный в статье «Леў Талстой у памяці музыкаў-беларусаў», напечатанной в газете «Наша ніва» (№ 52, 1910).

⁵⁸⁰ Там же. – С. 196.

операм которого «Борьба музыкантов» («Барацьба музыкантаў») и «Сельская идиллия» («Крестьянка») («Сельская ідылія») поэт написал либретто. В творческом дуэте Марцинкевич-Монюшко активно участвовали и такие авторы, как Владислав Сырокомля и Апполинарий Контский. А ещё автор «Падарожжа...» знакомит белорусского читателя 1970-х годов с анонимными стихами на белорусском языке, написанных в XIX ст. (стихотворение «Песенка на белорусском говоре» («Песенька на беларускай гаворцы» предположительно написана в 1830-е годы, а стихотворение «Как было под паном» («Як было пад панам») и хранящимися в рукописном сборнике в библиотеке Литовской Академии наук.

Появившиеся в печати в 1860-е годы материалы об уроженце Витебщины, белорусско-польском поэте Тадеуше Ладе-Заблоцком* у исследователей белорусской литературы по неизвестным причинам остались без должного внимания. И вот, более чем через 100 лет после смерти (Т. Лада-Заблоцкий умер от холеры в августе 1847 года. – А.Р., Ю.Р.) имя талантливого, но почти забытого поэта будет возвращено в белорусское литературоведение. В разделе своего «Падарожжа...» «Певец паддвинского края» И. Басс называет десятки созданных Заблоцким произведений – стихотворения, поэмы, переводы Шекспира, Байрона, Мура, Ламмертина, Горация, Шиллера, других поэтов, рукописи. Большая часть из них вошла в книгу стихотворений «Поэзия» («Паэзія», на польском языке), изданную в Петербурге в 1845 г. известным популяризатором белорусской литературы середины XIX ст. Ромуальдом Подберезским. Однако и до настоящего времени полного издания произведений Т. Лады-Заблоцкого на белорусском языке не существует (исключение составляют отдельные переводы П. Бителя, К. Годыцкого, А. Конопелько, В. Мархеля и др. – А.Р., Ю.Р.). Думается, что прав Г. Семашкевич, который в своей рецензии на книгу И. Басса, высказался следующим образом: «Лёс тых паэтаў, якія нарадзіліся, жылі на Беларусі, творчасць якіх прасякнута беларускімі матывамі, хоць і пісалі яны па-польску, наводзіць на такую думку. Мы не маем права забываць, што іх творчасць – частка і нашай літаратуры. Даўно ўжо трэба выдаць зборнік гэтых паэтаў у перакладзе на беларускую мову».⁵⁸¹

В последнем разделе своего «Падарожжа...» «Литературные этюды» И. Басс знакомит читателя с жизнью и творчеством Александра Блока, Николая Боголюбова, Ивана Гольц-Миллера, Владимира Самойло. Сделаем отступление и заметим: если три последних материала и по формату и по содержанию вполне соответствуют определению «Этюд», то статья «Полесские письма Александра Блока» («Палескія пісьмы Аляксандра Блока», на наш взгляд, выходит за рамки этюдного повествования. Пусть «Этюд о Блоке» и охватывает всего семь месяцев его жизни (служба с июля 1916 по март 1917 года в 13-й инженерно-строительной дружине, расквартированной в Полесье, в районе станции Лунинец), но повествование о них (и в письмах самого А. Блока и в комментариях И. Басса) столь убедительно-привлекательно, что заставляет писателя вновь и вновь возвращаться к предложенному тексту. Да, возможно, это был наименее плодотворный период в творчестве А. Блока («Всё совместное во мне молчит. Стихотворения также никак не выходят», – признавался он в письме к Леониду Андрееву в октябре 1916 года в ответ на его приглашение к сотрудничеству в

* Известный русский библиограф Г. Геннади в «Иллюстрированной газете» (1866. – Т. XVII. – № 21) в статье «Несколько слов о белорусском народной поэзии и народных поэтах» называл Ладу-Заблоцкого одним из главных представителей новейшей белорусской литературы; во «Всеобщей энциклопедии», изданной в Варшаве в 1868 году, отмечалось, что Лада-Заблоцкий выделялся художественным талантом среди поэтов «Белорусской школы», а в его стихотворениях «много страстности и образности».

⁵⁸¹ Семашкевіч, Р. Асэнсаванне факта / Р. Семашкевіч // Польшыя. – 1971. – № 2. – С. 217.

газете «Русская свобода», но именно эти семь месяцев в значительной степени способствовали тому, что поэт в дни Октябрьской революции 1917 года безвозвратно отошёл от старого мира, глубже понял необходимость «переделать всё», найти единственно «правильный путь» для России, «сделать так, чтобы всё стало новым; чтобы лживая, грязная, мрачная, обидная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и чудесной жизнью».

Изучающие историю и культуру Витебской и Могилёвской областей несомненно найдут полезные материалы в этюде «Воспоминания внука Радищева (о Н.П. Боголюбове, долгое время проходившего службу в Витебском губернском правлении 1847–1865) и Горецкой сельскохозяйственной школе (1865–1873); те, кто интересуется революционно-демократическим движением в Беларуси во второй половине XIX ст., познакомятся с поэтом и критиком И. Гольц-Миллером (этюд «Не умерло слово его!» («Не памерла слова яго!»); наконец, для купаловедов небесполезным, на наш взгляд, будет знакомство с Владимиром Самойло – поэтом, журналистом, литературным критиком, одним из редакторов газеты «Минский курьер» и, может быть, наиболее влиятельным литературным советчиком и консультантом начинающего свой творческий путь Я. Купалы.

Использование неизвестных архивных документов, материалов дореволюционной периодической печати Беларуси, художественных произведений малоизвестных авторов конца XIX – начала XX ст. позволили И. Бассу на страницах книги «Литературоведческие этюды» («Літаратуразнаўчыя эцюды»)* приоткрыть новые страницы в истории становления белорусской художественной культуры, познакомить читателей и специалистов с жизнью и творчеством белорусов, чья художественная, журналистская, научно-исследовательская, публицистическая деятельность была заметным явлением в культуре и науке тогочасных России и Беларуси, но до последнего времени оставалась малоизвестной.

Всего восемь очерков-этюдов и небольшое литературное приложение «Наследие» («Спадчына»), составленное из стихотворений Д. Бохана, А. Микульченко, Я. Окуня, С. Некрасова и др., печатавшихся в начале XX ст. на страницах выходящих в Беларуси газет «Северо-Западный край», «Голос провинции», «Могилёвский голос», составляют содержание «Литературоведческих этюдов» И. Басса. По проблематике, по богатству исследуемого материала, аналитичности и научности авторских оценок, издание не просто пополнило серию материалов, посвящённых изучению развития и становления национальной художественной культуры, но и вскоре после своего выхода стало библиографической редкостью.

О том, что история белорусской художественной культуры, в т.ч. и новой литературы, требует постоянного к себе внимания и изучения, свидетельствует первый раздел книги «Страницы жизни» («Старонкі жыцця»), посвящённый разным периодам жизни Янки Купалы, Янки Лучины, Сергея Полуяна. В каждом из очерков-этюдов И. Басс выделяет события и факты, важные для понимания жизнетворчества каждого из названных авторов. В очерке «Знакомый путь» («Знаёмы шлях») – это неразработанная тема «Купала и Минск», город, который, по сути, является колыбелью поэтического творчества Купалы (вспомним, что и первое стихотворение на белорусском языке, по воспоминаниям самого поэта, связано с минскими впечатлениями, и то, что на страницах минской газеты «Северо-Западный край» 15 мая 1905 г. появится его первое напечатанное стихотворение «Мужик» («Мужык»), и то, что впервые печатные отклики Ядвигина Ш. и В. Самойло на первую книгу стихотворений Я. Купалы «Жалейка» («Жалейка») напечатают газеты «Минское эхо» и «Минский курьер» и т.д.

* См.: Бас, І. Літаратуразнаўчыя эцюды / І. Бас. – Мінск, 1977. – С. 222.

В очерке «Петербург-Тифлис (Из жизни Янки Лучины)» И. Басс восстанавливает одну из малоизвестных страниц жизни Ивана Неслуховского, известного под псевдонимом Я. Лучина. Не только в очерке, но и в публикации в газете «Літаратура і мастацтва».⁵⁸² И. Басс ставит под сомнение тиражированное в различных изданиях утверждение (напр., в монографии С. Майхровича «Янка Лучина» или в учебниках по истории белорусской дооктябрьской литературы) о том, что Я. Лучина работал в должности начальника Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе (ныне Тбилиси). Он полагает, что к истине ближе авторы, считающие, что Лучина (И. Неслуховский) работал в Тифлисе в должности начальника железнодорожных складов.⁵⁸³ Может быть расхождение и незначительное, но И. Басс прав в том, что в биографии одного из основателей реалистического направления в белорусской литературе не должно быть «белых пятен».

Глубиной и фундаментальностью выводов выделяется этюд «Сеятель в родных словах посева» («Сявец у родных слоў сяўбе») о трагической судьбе и преждевременной смерти двадцатилетнего Сергея Полуяна, о котором убедительно сказал М. Богданович: «Не крупными, но глубокими буквами вырезал он себе имя на перекрёстках белорусской литературы». И. Басс прослеживает истоки формирования литературно-критических и эстетических взглядов С. Полуяна, созвучие их с эстетикой литературного творчества Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича подчёркивает, что именно он стоял у истоков белорусских литературоведения и театроведения как науки. Энциклопедизм интересов, горячее желание участвовать в процессе создания национальной художественной культуры, развития её связей с культурами других славянских народов (напр., украинского и русского), активная литературно-критическая и публицистическая деятельность, воссозданные И. Бассом на основе глубокого анализа тогочасной белорусской и украинской периодической печати, – всё это характеризует С. Полуяна как яркую звезду белорусского национального Возрождения. На наш взгляд, вполне оправдана ссылка И. Басса на М. Богдановича, словами которого завершается этот этюд-исследование: «У гісторыі літаратур, – пісал Богдановіч, сустракаюцца фігуры людзей, якія падавалі вялікія надзеі, але памерлі рана і пакінулі пасля сябе больш эскізаў, чым спелых закончаных твораў. Бо само жыццё іх было эскізам таленавітага і натхнёнага мастака... Такія былі Веняцянаў і Станкевіч, такім быў і С. Палуян».

Благодаря исследовательским поискам И. Басса, читателю (и специалисту) представлены материалы об известном в начале XX ст. минском литераторе, человеке разностороннего таланта (журналист, критик, поэт, переводчик, эссеист, пропагандист белорусской художественной культуры), редакторе минской газеты «Голос провинции» Дорофее Бохане (несколько остропублицистических стихотворений Д. Бохана напечатаны в разделе «Наследие» (этюд «Желал он счастья Белоруссии» – «Жадаў ён шчасця Беларусі»). Богатый материал об известном журналисте, прозаике, редакторе и издателе прогрессивной минской газеты «Северо-Западный край» (закрывается властями в июне 1905 г., а редактор М. Мысовский по решению суда признан виновным в опасных для тогочасного строя действиях и выслан в Архангельскую губернию) содержит этюд «Редактор крамольной газеты» («Рэдактар крамольнай газеты»). Этюд «Поэзия борьбы» («Паэзія барацьбы») посвящён творчеству малоизвестных поэтов начала XX ст. Александра Микульчика, Сергея Некрасова, Якова Окуня (Окунёва), творчество которых проникнуто думами и мечтами подневольного человека, желанием борьбы с тогочасными социальными порядками.

⁵⁸² См.: Літаратура і мастацтва. – 1977. – 4 сакавіка.

⁵⁸³ См.: Бас, І. Літаратуразнаўчыя эцюды / І. Бас. – Мінск, 1977. – С. 31.

Вот, к примеру, стихотворение «Борцу» («Барацьбіту») крестьянского поэта-самоучки С. Некрасова, напечатанное в газете «Северо-Западный край» (1905, № 774):

*Не унывай: ночь на исходе,
Ударит утра скоро час,
Скоро вспыхнет солнце-радость,
Скоро всех пригреет нас.
Видны уже отблески рассвета,
Заря железная встаёт –
Повсюду льётся звон призыва,
Набат давно тревогу бьет.*

*Восток горит, восток сияет,
Всё ярче, ярче солнца луч.
Редает тьма, и тише вьюга,
И меньше стало чёрных туч.*

*Итак, борись, долой оковы!
Гони тоску, сомненья прочь.
Очнулась Русь, проснулся пахарь.
Не унывай – проходит ночь.*

*Волненьем вся страна объята,
Всё пробудилось ото сна.
Настало утро, утро жизни;
Борись и верь: идёт весна.*

И. Басс справедливо отмечает, что «творчасць паэтаў-рабочых і іншых аўтараў дэмакратычнага кірунку, што друкаваліся на старонках перыядычных выданняў Беларусі ў гады першай рускай рэвалюцыі, заслугоўвае ўважлівага вывучэння і даследвання».⁵⁸⁴ Тем более, что это творчество – богатая и пока малоизвестная страница национальной художественной культуры.

Не менее интересен и последний раздел книги «Архивными тропинками» («Архіўнымі сцежкамі»), посвященный взаимодействию и взаимообогащению русской и белорусской культур, а именно месте и роли уроженца Беларуси в развитии русского литературоведения (Л. Шепелевич), языкознания (К. Коссович), медицинской науки (С. Чирьев и А. Чечёт). Пятый этюд раздела «Добрый след» («Добры след») посвящён талантливому дирижёру, уроженцу г. Смоленска Михаилу Анцеву, более 30 лет своей жизни отдавшему становлению и развитию музыкального образования и воспитания в г. Витебске. Без преувеличения можно утверждать, что с именем каждого из них с полным основанием соотносятся эпитеты – первый, ведущий, лучший, авторитетный и хорошо известный. К примеру, считает И. Басс, Л. Шепелевич – это первый из белорусов, ставший известным системным исследователем западноевропейской литературы в России; К. Коссович – первый санскритолог и великий пианист в российской лингвистической науке; С. Чирьев – известнейший физиолог в России последней четверти XIX ст., в неполных 27 лет получивший научную степень доктора медицины, А. Чечёт – один из ведущих учёных России второй половины XIX ст. в области психиатрии и судебной медицины.

⁵⁸⁴ Бас, І. Літаратуразнаўчыя эцюды / І. Бас. – Мінск, 1977. – С. 146.

Убедительными мазками рисует И. Басс подвижническую деятельность М. Анцева в области музыкальной культуры Витебска 1910–1920-х годов. Выпускник Санкт-Петербургской консерватории по классу М. Римского-Корсакова известен как автор учебников и учебных пособий для учителей, певцов, дирижёров, просто любителей хорового пения. В Витебске он не только преподаватель пения и руководителя городского смешанного хора, но и автор многочисленных романсов, песен, литургий, хоров, обработок Белорусских народных песен (сохранилось около 80 произведений, созданных композитором), кантаты «К 100-летию А. Пушкина» и др. Его рецензии на музыкальные постановки гастролирующих коллективов, публикуемые в «Витебских губернских новостях», не просто познавательны. Автор настойчиво и убедительно пропагандирует значимость оперного искусства, его непреходящее значение в формировании высоких эстетических вкусов.

М. Анцев – один из инициаторов создания при Отделе народного образования Витебского губисполкома Музыкального отдела, первой на территории Беларуси и Советской России Народной Консерватории как высшего музыкального учебного заведения (М. Анцев – один из авторов устава консерватории. – А.Р., Ю.Р.), Витебского симфонического оркестра. Однако его творческая деятельность, отмечает И. Басс, нуждается в более глубоком и системном исследовании. И с таким выводом нельзя не согласиться.

Таким вот многоплановым, ищущим, стремящимся к открытию новых неизвестных страниц в белорусской художественной культуре предстал перед читателем в книгах «Падарожжы ў літаратурнае мінулае» и «Літаратуразнаўчыя эцюды» наш земляк, талантливый литературовед Иосиф Басс. Его книги – результат многолетних и плодотворных поисков; написанные доступно и популярно, они не теряют своей актуальности и для читателей XXI ст. и для нынешних исследователей истории развития белорусского литературно-художественного процесса.

АНТОНИНА ЛЫСЕНКО

В нашем предыдущем издании мы лишь предопределили круг литературоведческих поисков А. Лысенко. Уже её первые рецензии в газетах и журналах, а затем работа в редакционном коллективе над впервые издаваемым двухтомником (а она была составителем и комментатором 1-го тома*) «Белорусского советского очерка» («Беларускага савецкага нарыса») сформировали предпочтения в литературоведческих исканиях Лысенко. На наш взгляд, они сгруппировались в следующих направлениях:

- постоянное внимание к новинкам в литературной жизни Беларуси, ориентация читательского вкуса на высокие художественно-эстетические образцы;
- научно-теоретическая разработка актуальных проблем белорусского литературоведения, изучение его жанрово-стилевого многообразия;
- комплексное исследование творчества писателей и поэтов Беларуси в их единстве с тогочасной литературной практикой;
- активное участие в работе творческих коллективов над созданием необходимой учебной и учебно-методической литературы.

Проанализируем каждое из обозначенных направлений.

В одной из первых, заметных рецензий предметом исследования А. Лысенко стала книга И. Шамякина «Первый генерал», изданная в «Молодой гвардии» в Москве, в 1971 году. Предстояло помочь читателю разобраться в

* См.: Беларускі савецкі нарыс: у 2 т. – Мінск, 1977. – Т. 1.

том, насколько удалось И. Шамякину решение избранной им такой сложной и ответственной темы – «Ленин и судьбы людей». Путь писателем был выбран непростой – объективно совместить общечеловеческое содержание и значение исторического процесса с конкретным образом Вождя и Человека.

Рецензент справедливо отмечает, что И. Шамякину удалось достичь намеченного через глубокое постижение исторических фактов, которые силой писательского замысла и воображения превращались в неопровержимое доказательство правильности и жизненности ленинских идей.

Наиболее убедительно и целостно, по мнению А. Лысенко, «активный исторический фон, обстоятельства и человеческие характеры», воссозданные И. Шамякиным в повести «Первый генерал» (в книгу также включены повести «Эшелон прошёл», «Бронепоезд», «Товарищ Ленин», рассказы «Хлеб» и «Матрос с «Олега»»), в которой «в точных штрихах (социально-экономических, политических и психологических) переданы сложность и драматизм эпохи революционных потрясений».⁵⁸⁵ Художественная достоверность повести определяется её соответствием правде жизни, правде истории.

Через воспоминания старого генерала Филиппа Григорьевича Жменькова о годах своего детства и юности на страницах повести рисуется типичный образ шамякинского героя, активного в своём отношении к жизни, самостоятельного в поисках своих путей к цели. «Композиция повести, подчёркивает А. Лысенко, соответствует её внутренним смысловым акцентам: постепенно нарастает напряжённость действия, выделяются наиболее ответственные сцены, которые играют роль последовательных ступеней в формировании характера героя».⁵⁸⁶ И главная из них, окончательно приобщая Жменькова к делу Ленина, миру его идей – это его встреча с самим Лениным, оставившая неизгладимый след в душе и сознании Филиппа. «Здесь и ошеломлённость открытия (узнал Ленина по фотографии), и стремление быть поближе, и отмеченное про себя: «Ленин «красиво» произносил слова «товарищи» и «отлично».

И – удивление: Ленин говорит о политике, произносит много непонятных слов, но суть разговора ему, Филиппу, ясна: «Я не сводил глаз с Ленина, ловил каждое его слово и... всё понимал: от этого появилось странное ощущение, будто и сам я участник в этом разговоре. Ленин слышит мои мысли, одобряет их, и все одобряют, и мне радостно, хорошо, что размышления мои тоже что-то значат».

И, наконец, целая гамма переживаний во время беседы с Лениным, вызванных тем, что Ленин говорит с ним, как с равным, расспрашивает его о доме, знает его белорусский народ, что помнит фамилию Голодушки, что посылает его, Филиппа, учиться на красного командира и весело шутит-желает на прощанье: «Всего вам наилучшего, товарищ будущий рабоче-крестьянский генерал!».⁵⁸⁷

Говоря о языке героев книги, А. Лысенко, в первую очередь, концентрирует внимание читателя на лаконизме, точности, индивидуализации речевых оборотов как средства их самохарактеристики, выражения эмоций, поступков, идейного начала. В книге звучит русская, белорусская, украинская речь, на ломаном русском языке говорят черкесы. Особенности восприятия действительности подчёркиваются спецификой бытовых деталей, конкретностью тропов. В речи В.И. Ленина, к примеру, И. Шамякину удалось передать смысловую глубину, убедительность и эмоциональность фразы, внимание к собеседнику, быстроту ответной реакции, умение сосредоточить внимание на главном, направить беседу в нужном направлении.

⁵⁸⁵ Лысенко, А. Тема неисчерпаемая, вечная / А. Лысенко // Нёман. – 1972. – № 3. – С. 174.

⁵⁸⁶ Там же. – С. 175.

⁵⁸⁷ Там же. – С. 176.

И ещё одну особенность книги И. Шамякина «Первый генерал» подчёркивает рецензент. Это её вневременные характеристики. «Повествуя о событиях пятидесятилетней давности, книга обращена в наш сегодняшний день, к нашему современнику. Хотя в ней нет активного «перекрещивания» временных планов и настоящее – только обрамление исторических событий прошлого, здесь ощущима неразрывная связь времени – как этапов социалистической революции, её традиций, завоеваний.

Со страниц книги герои обращаются к читателю, как бы говоря: вот такими мы были, нынешние деды, ровесники века. Так делалась наша революция. Так строилась новая жизнь. Такой ценой, такими усилиями. Так мы верили и так мечтали. ...Книга «Первый генерал», подобно всем произведениям И. Шамякина, имеет ярко выраженную гражданскую направленность. И в этом её несомненная воспитательная ценность».⁵⁸⁸

Глубиной анализа, объективностью характеризуются и другие статьи и рецензии А. Лысенко, появившиеся в печати в 1970–1980-е годы – о книге В. Павлова «Ежелиха. Спелые травы. Наше поле не посеяно», о творчестве очеркиста И. Дубровского, писателя и поэта Я. Сипакова и др.

Однако творческий успех и общественное признание А. Лысенко как исследователя и аналитика, стремящегося постичь сущность происходящих событий в белорусской литературе, будут связаны с работой над такими важными вопросами, как пути и проблемы развития белорусского советского очерка (на примере очеркового творчества Я. Брыля, В. Палтаран, И. Дубровского, Я. Сипакова и др.), белорусской публицистики 1980-х годов, исследования творчества поэта, прозаика, публициста и переводчика Я. Сипакова.

Сегодня можно утверждать, что в качестве основных предпосылок, определивших отношение начинающегося литературного критика и литературоведа (к этому времени уже кандидата филологических наук) А. Лысенко к проблемам белорусского очерка были:

а) понимание публицистики как одного из наиболее оперативных жанров национальной художественной культуры (в т.ч. и литературного творчества);

б) определяющая роль очерка (в соотношении с такими жанрами, как корреспонденция, репортаж, статья) как средства художественного обобщения, объединяющего в единое целое производственную и психологическую («человеческую») стороны изучаемого события или явления;

в) диалектическая связь в искусстве очерка конкретного жизненного факта с его документальной основой и потенциальных возможностей литературного слова, определяющая глубину и привлекательность публицистической идеи;

г) накопленный в прошлые годы опыт и лучшие традиции белорусской публицистики, требующие, однако, их переосмысления с позиций литературного процесса второй половины 1960-х – 1970-х годов, учёт в разработке теории очерка новейших достижений белорусской публицистики;

д) наконец, привлекательность проблемы, сформировавшей необратимый творческий интерес, в ходе работы редакционного коллектива над впервые издаваемым двухтомником «Белорусский советский очерк».

Взяв в основу историко-хронологический принцип исследования, А. Лысенко поставила перед собой цель «паказаць, па-першае, фарміраванне нарыса ў агульным літаратурным рэчышчы, і, па-другое, выявіць унутраную логіку яго развіцця як мастацка-публіцыстычнага жанру».⁵⁸⁹ При этом автор книги стремился сочетать конкретный анализ произведений с теоретическим осмыслением проблемы,

⁵⁸⁸ Лысенко, А. Тема неисчерпаемая, вечная / А. Лысенко // Нёман. – 1972. – № 3. – С. 178.

⁵⁸⁹ Лысенка, А. Сучасны беларускі нарыс / А. Лысенка. – Мінск, 1978. – С. 4.

затрагивая вопросы типизации, жанровых видоизменений, формы очерка и др., проводя типологические параллели с произведениями русских советских очеркистов.

Отправной точкой исследования А. Лысенко стала её собственная дефиниция очерка, определяемая, «как жанр, исследующий на основе конкретного жизненного материала актуальные проблемы современности, выявляя публицистическое содержание произведения через движение образно-воплощённой авторской мысли»⁵⁹⁰ (перевод наш. – А.Р., Ю.Р.). Подчеркнём, что это определение родилось не путём теоретических построений, а на основе глубокого анализа имеющегося в её распоряжении белорусского (и советского) литературоведческого материала (работы В. Юревича, Г. Шкрабы, В. Канторовича, Е. Журбиной, В. Рослякова, А. Шумского, В. Литвинова, В. Богданова, Л. Тимофеева, Н. Венгрова и др.), опыта русского очерка XIX ст. документальных публикаций, газеты «Наша ніва», публицистики зачинателей белорусской литературы Я. Купалы, Я. Коласа, Цётки, З. Бядули, М. Богдановича, Ядвигина Ш., М. Горецкого, Ц. Гартного, М. Чарота, М. Зарецкого и др. При этом теоретическое осмысление проблемы базируется на всестороннем исследовании творчества ведущих белорусских очеркистов 1960–1970-х годов В. Палтаран, И. Дубовского, Я. Брыля, В. Проскурова, Я. Сипакова и др., в произведениях которых бережное отношение к объективной правде факта, документально моделирующего действительность, сопровождается выразительной субъективностью авторской позиции.

Проследим за ходом рассуждений А. Лысенко.

Первое подтверждение научности и объективности её исследовательских построений, на наш взгляд, совершенно справедливо связано с анализом достижений «деревенской» публицистики, обусловленных в определённой степени развитием в белорусской литературе лирико-философского течения, ассоциирующегося с именами Я. Брыля, Я. Сипакова, М. Стрельцова, В. Адамчика, А. Кудравца, В. Палтаран и др.⁵⁹¹

У особенное отношение к жизни, без связи с которой существование теряет всякий смысл. И подобная диалектика становится действенной не только через повышенное авторское внимание к фактам, содержательным в социальном и «человеческом» отношении. Успех возможен лишь тогда, отмечает А. Лысенко, если «смела знойдзены і дакладна вызначаны пісьменніцкі назіральны пункт, з якога адкрываюцца шырокія далягляды жыцця».⁵⁹²

Для В. Палтаран таким «пунктом» стали «лирическое отступление» и «осмысление общественных явлений через повседневный быт человека». Проблемность и критический пафос её произведений проявляется, прежде всего, в выявлении причин равнодушия, лени мысли, безответственности, эгоистических иждивенческих настроений в хозяйствовании. Автор очерков о жизни полесской деревни сформулировала для себя правило: «Формула чалавечых адносін... Яна і складаная – бясконца складаная! – і простая, як хлеб: «Чалавек, што пра цябе скажуць людзі?».⁵⁹³ И, руководствуясь им, в своих очерках «Дивосил» («Дзівасіл»), «Дед-Корень» («Дзед-Корань»), «Улица разных настроений» («Вуліца розных настрояў»), «За рекой Горыню» («За ракой Гарыню») и др. стремится донести до сердца и сознания читателя понимание необходимости постоянной борьбы за «очеловечивание» людских контактов, вывести человека из состояния душевного покоя и созерцательности пригласить его к творческому участию в созидательном ритме обновления жизни. Лирическая наполненность очерков В. Палтаран определяется тремя главными элементами – их пронизан-

⁵⁹⁰ Лысенка, А. Сучасны беларускі нарыс / А. Лысенка. – Мінск, 1978. – С. 14.

⁵⁹¹ Там же. – С. 50.

⁵⁹² Там же. – С. 51.

⁵⁹³ Палтаран, В. Дзівасіл / В. Палтаран. – Мінск. – 1974. – С. 46.

ностью фольклорным материалом (сказочные мотивы, легенды, поговорки, припевки), умение вести рассказ от первого лица и своеобразием и неповторимостью живого народного языка. «Такі лірызм уздымае нарыс, такі лірызм трэба падтрымліваць, развіваць»⁵⁹⁴, — отмечает в своей статье «Оперативный жанр» («Аператыўны жанр»), напечатанной в журнале «Полымя», патриарх белорусской публицистики И. Дубовский. Думается, что вывод исследовательницы о том, что «деревенские» очерки В. Палтаран — это удачный пример осмысления темы микромира, так называемой «Местной темы», с проблемами общезначимыми, глубинными, связывающими воедино всю нашу жизнь, логичен и обоснован.

«Деревенский» очерк писателя-документалиста И. Дубовского (настоящее имя Чернявский Игнат Тимофеевич) — так определяет его А. Лысенко — выделяется откровенно-исследовательским направлением, «па сваёй мастацкай структуры нагадваюць аповесці (тут ёсць і разгорнуты ў часе сюжэт, і выразныя канфліктныя дачыненні дзейных асоб)».⁵⁹⁵ И. Дубовский умеет обходиться с фактом, хорошо понимает, что от него, как от исходного строительного материала будет зависеть во многом и качество всей конструкции очерка. Он находит среди множества второстепенных, главный, весомый факт, за ним второй, третий, создавая научную основу в показе типичного рисунка народной жизни. Каждая из его книг (в первую очередь, выделяются «Светлый путь» («Светлы шлях»), «Зеленые узлы» («Зялёныя вузлы», 1967), «Гомонит Полесье» («Гамоніць Палессе», 1977), «На новые круги» («На новыя кругі», 1980) — это своеобразное подведение итогов в развитии и преобразовании белорусской деревни — от периода послевоенного восстановления до перевода сельскохозяйственного производства в Беларуси на промышленную основу. Показ жизни деревни в её диалектическом развитии потребовал от очеркиста концентрации внимания на таких конкретных фактах и явлениях, которые выражали наиболее характерные общественные тенденции 1950–1980-х годов и которые чаще всего проявлялись в несоответствии между старыми, административными методами руководства сельским хозяйством и новыми требованиями, складывающимися в производственной и управленческой сферах. Определяя подобные коллизии, как острый конфликт между новым содержанием и старой формой, И. Дубовский в «деревенской» теме видит целостную систему взглядов и отношений человека к действительности, вскрывает всю потребность иждивенчества у «присосавшихся» к колхозному делу председателей колхозов Авдеева («Светлый путь») и Сидоренки («Земные узлы»), уполномоченного обкома партии Шабловского (такую кличку дали ему сами колхозники), самоуверенного носителя «железной дисциплины», секретаря районного комитета партии Горюнова. Автор «Земных узлов» однозначно на стороне молодого председателя колхоза Воронежского, связывающего узлы в развитии хозяйства с материальной заинтересованностью колхозников. Так же, как и в книге «Гомонит Полесье», на примере анализа мелиоративных проблем, он ратует за взаимосвязь теории и практики при организации таких работ, изучения природного комплекса во всех взаимосвязях.

Правда, на наш взгляд, А. Лысенко не только в понимании и осмыслении очеркового творчества И. Дубовского, но и в том, что это творчество может быть хорошей школой для молодых публицистов, как например гражданской активности, человечности и высокого профессионального мастерства.⁵⁹⁶

Исследуя очерковую «деревенскую» тему, А. Лысенко анализирует самые различные её аспекты — очерк-портрет у В. Яновенки («Пока солнце в зените» —

⁵⁹⁴ Дубоўскі, І. Аператыўны жанр / І. Дубоўскі // Полымя. — 1981. — № 1. — С. 219.

⁵⁹⁵ Лысенка, А. Сучасны беларускі нарыс / А. Лысенка. — Мінск, 1978. — С. 67.

⁵⁹⁶ Там же. — С. 75.

«Пакуль сонца ў зеніце»), Н. Мнацакановой («Сохранить бы песню» – «Захаваць бы песню»), П. Минько («Дерево жизни» – «Дрэва жыцця»), В. Проскурова («Люди-соседи» – «Людзі-суседзі»); очерк-исследование у Л. Левонича («Зелёный треугольник» – «Зялёны трохкутнік»), А. Козловича («Красный остров» – «Чырвоны востраў», «Вертелишки» – «Верцялішкі»), Я. Сипакова («Человек на земле» – «Чалавек на зямлі»), очерк-размышление у Я. Сипакова («Окно, раскритое в зиму» – «Акно, расчыненае ў зіму»).

«Деревенский материал, – пишет в рецензии на ежегодный публицистический сборник «Современник-88» А. Лысенко, – показал действительно неограниченные свои возможности для выявления творческой индивидуальности. Вот уникальная по продолжительности времени, по заботливой исследовательской добросовестности и мастерству деревенская летопись публициста и учёного И. Дубовского, писательская публицистика Я. Брыля, В. Палтаран, Я. Сипакова, В. Проскурова, В. Карамазова, М. Герчика, М. Войтешонок, аналитичная и художественная – А. Козловича, отмеченная выверенностью взгляда, бодрой оптимистичной наполненностью – Е. Будинаса, широтой интересов, поисками новых изобретательных средств – С. Алексиевич, В. Яковенки.

...При всей разности авторов объединяет единственная искренняя забота – возратить земле её разумного, трудолюбивого хозяина». ⁵⁹⁷

Не обходит вниманием А. Лысенко и публицистику «рабочей» темы, отмечая стремление авторов к выявлению характерных тенденций развития промышленности и их влияние на формирование личности современного рабочего. Интерес в этом плане представляют книга «Рабочий. Социальный портрет» («Рабочы. Сацыяльны партрэт»), отмеченная Государственной премией БССР (авторы Н. Кононова, М. Кернога, А. Сафроненко), очерк В. Палтаран «Лён мой, лён» («Лён, мой лён»), сборники очерков В. Мысливца «Мои заводчики» («Мае заводчыкі») и «Рабочие люди» («Рабочыя людзі»), очерки А. Кулаковского «Солигорские этюды» («Салігорскія эцюды») и А. Кудравца «Солигорская песня» («Салігорская песня») и Э. Ялугина «Солёная планета» («Салёная планета»), книга очерков о геологах В. Яковенки «Пробный камень» («Пробны камень»). И у каждого из авторов А. Лысенко находит элементы творчества, позволяющие видеть жизнь в процессе её непрерывного обновления, усиливая, тем самым силу публицистического воздействия на читателя. У В. Палтаран, к примеру, это стремление выявить художественно-публицистическими средствами социальный смысл проблемы; у В. Мысливца – умение осмыслить личную жизнь своих героев и донести её до читателя в авторском осмыслении («от первого лица»); у Э. Ялугина – пронизанность публицистики настоящей романтической одухотворённостью, той «солью земли», которая и оказывает определяющее воздействие на формирование личности современного рабочего, и т.д.

Сокровищницу белорусской советской публицистики, по мнению исследовательницы, пополнили произведения двух, казалось бы противоположных направлений: с одной стороны, это внимание к своим «корням», той «малой Родине», которая «отпустила» автора в большое писательское плавание (вспомним «Мою Гродненщину» («Маю Гродзеншчыну») А. Карпюка, «Землю предков» («Зямлю продкаў») Б. Савченко, «Островечина, край дорогой...» («Астравеччына, край дарагі...») А. Мальдиса и др.), с другой – описание этого «плавания» в «дорожном» очерке («Поэма дорог» («Паэма дарог») Я. Сипакова и М. Клышки, очерки Я. Сипакова «Тихая Океания» («Ціхая Акеанія»), «Там, где Сибирь» («Там, дзе Сібір»), «За зелёной молнией» («Па залёную маланку»), Я. Брыля –

⁵⁹⁷ Літаратура і мастацтва. – 1989. – 21 красавіка.

«На той стороне планеты» («На тым баку планеты»), «Душа – не путешественница» («Душа – не падарожніца»), его же «польские» очерки и др.).

На наш взгляд, слова, высказанные А. Лысенко в адрес Я. Брыля, можно с полным основанием соотнести с лучшими произведениями белорусских очеркистов, которые постоянно обращаются к коренным, основополагающим проблемам человеческого бытия. «Зусім натуральна, што цвяроза гледзячы на дыялектыку жыцця наогул, на яго заканамерны ход, нялёгка прымірыцца з сумнымі вынікамі гэтых заканамернасцей: чалавек небесмяротны. Зразумелая і тая барацьба розуму і сэрца, што пульсуе на старонках, той «непакой духу», што паўстае супраць непазбежнага. Гэтым абумоўлена нярэдка кантраснасць аўтарскага духоўнага становішча, настрою: радасць і сум, надзея і трывога – супярэчліvasць, што адлюстроўвае нястомную унутраную работу думкі».⁵⁹⁸

Белорусская публицистика 1960–1980-х годов, в т.ч. и исследование А. Лысенко «Современный белорусский очерк», анализирующее процесс её развития – это подлинная художественно-документальная летопись, основанная на гармоничном сочетании рационального и эмоционального начал и вместе с другими видами и жанрами литературного творчества, составляющая непреходящую духовную ценность белорусской нации.

Исследованию проблем развития белорусской публицистики и её роли в объективном и компетентном осмыслении действительности 1980 – начала 1990-х годов А. Лысенко посвятила свою книгу «С тревогой и надеждой. Белорусская публицистика 80-х годов» («З трывогай і надзеяй. Беларуская публіцыстыка 80-х гадоў»), вышедшую из печати в начале 1991 г.⁵⁹⁹ Издание, прежде всего, интересно тем, что творчество белорусских литераторов исследуется в контексте процессов (и теоретических, и практических), захвативших советское общество в ходе так называемой перестройки. Творчество известных советских публицистов И. Васильева, А. Стрелянного, Л. Иванова, И. Черниченко, А. Ваксберга, В. Кардина и др., влияние публицистики на развитие художественной прозы (нарушение строгой «аристотелевско-гегелевской» системы жанров, большей независимости художника от её канонов, свобода авторского самоизъявления и т.п.), появление таких оригинальных произведений, как «Грустный детектив» В. Астафьева, «Пожар» В. Распутина, «Буранный полустанок» и «Плаха» Ч. Айтматова, «Картина» Д. Гранина, «Память» В. Чивилихина, «Поворот» С. Залыгина, «Статьи из романа» А. Битова и др. нашло яркое проявление и очевидное утверждение в творчестве белорусских писателей А. Адамовича, В. Быкова, И. Шамякина, В. Козько, И. Чигринова, И. Науменко, Н. Гилевича, С. Граховского, В. Карамазова, публицистов И. Новикова, И. Дубровского, А. Козловича, В. Яковенко, В. Мысливца и др. И если в произведениях художественной прозы определяющими становятся личностная публицистическая выразительность автора, интуитивная социальная пытливость и даже элементы субъективно-публицистической объективации событий и явлений, то для очеркистов на первый план (особенно после апрельской 1986 г. аварии на Чернобыльской АЭС) выходят проблемы острой защиты природы, подъёма экологического сознания и культуры граждан. За неполных пять лет в разных жанрах белорусской литературы были созданы произведения, «адзначаныя пільнасцю назіранняў, высокай мерай далучанасці да ўсенароднай бяды»⁶⁰⁰. Выделяются роман Э. Скобелева «Беглец» («Уцякач»), документальная повесть В. Гигевича и А. Чернова «Стали воды горькие» («Сталі воды горкія»), эссе В. Козько «По ком сегодня звонят колокола»

⁵⁹⁸ Лысенка, А. Сучасны беларускі нарыс / А. Лысенка. – Мінск, 1978. – С. 183.

⁵⁹⁹ Лысенка А. З трывогай і надзеяй. Беларуская публіцыстыка 80-х гадоў / А. Лысенка. – Мінск, 1991. – С. 205.

⁶⁰⁰ Там же. – С. 55.

(«Па кім сёння звоняць званы») и «За краем ночи» («За краем начы»), экологическая книга «Второй земли не будет» («Другой зямлі не будзе», 1989) и цикл остро-публицистических статей В. Яковенко, поэмы В. Некляева «Зона» («Зона»), С. Законникова «Чёрная быль» («Чорная быль»), «Записки о радиации» («Запіскі аб радыяцыі») Б. Саченко, серия картин из девяти полотен «Чёрная быль» («Чорная быль») народного художника СССР М. Савицкого.

Среди публикаций, появившихся в белорусской печати второй половины 1980-х годов и привлечших пристальное читательское внимание, проблемные материалы М. Шиманского («Уроки Солигорска» – «Урокі Салігорска»), А. Петрашкевича («Незабываемая горечь» – «Незабываемая горыч»), М. Замского («Смог» – «Смог»), В. Тараса («Опасная зона» – «Небяспечная зона»), А. Козловича (122,7 x 122,7 метра» – «Квадрат 122,7 x 122,7 метра») и др.

Вторую главу своего исследования «Современники» («Сучаснікі») А. Лысенко посвятила проблеме очерка, проследила историю его становления и развития как в русской, так и в белорусской советской литературах. Вполне оправданно, что в качестве примера творческого содружества А. Лысенко приводит книгу белорусского публициста В. Яковенко «Деревенские диспуты» («Вясковья дыспуты»), созданную на материале совместного путешествия с известным русским публицистом И. Васильевым по Беларуси. Авторское кредо сформулировано в предисловии к книге, написанном В. Яковенко: «Асаблівае значэнне тут набывае паглыблены пісьменніцкі аналіз маральных якасцей і ўчынкаў герояў, выяўленне людзей, якія могуць быць узорам для іншых, бо выступаюць як носьбіты актыўнай грамадзянскай пазіцыі, нават псіхалогіі і маралі».⁶⁰¹ И всем содержанием книги авторы подтверждают действительность задуманного – здесь и механизатор Михаил Алексеенко, и лесничий Григорий Бондаренко, и агроном Иван Данилович, и ветераны колхозного строительства, известные на всю страну председатели колхозов В. Старовойтов, В. Бедуля, А. Володько. Значит, брать пример – в Беларуси есть из кого!

А. Лысенко называет десятки интересных работ, напечатанных в периодических изданиях, и тех, что вошли отдельными изданиями, раскрывающих образ (от рядового колхозника или рабочего до руководителя республики) современника в самых различных аспектах его производственной работы и духовно-нравственной жизни. В итоге своих размышлений критик приходит к вполне обоснованному выводу: «Вобраз сучасніка, «героя» у беларускай публіцыстыцы, як як бачна, выяўляе пашырэнне творчых даляглядаў, разнастайнасць схільнасцей, густаў – прыкметную актывізацыю пісьменніцкага пошуку суадносна з надзённымі патрабаваннямі жыцця».⁶⁰²

Не обходит А. Лысенко вниманием и проблему взаимодействия публицистики с другими литературными жанрами – эссе (В. Короткевич), дорожного очерка (А. Вертинский), памфлета (С. Павлов), дневниковых записок (В. Бечик), микропублицистики (Я. Брыль) и т.п., проблему субъективного начала в публицистике, обогащения её за счёт интервью и бесед с ведущими деятелями художественной культуры Беларуси. И мы разделяем вывод А. Лысенко о том, что к началу 1990-х годов белорусская публицистика не осталась инертной «к процессу обновления проблемного содержания, тревог и надежд жизни» и своей поэтикой активно способствовала связи художественного слова с жизнью, воздействия на духовный мир современника».⁶⁰³ И в повышении её такой действен-

⁶⁰¹ Якавенка, В. Вясковья дыспуты / В. Якавенка. – Мінск, 1987. – С. 6.

⁶⁰² Лысенка, А. З трывогай і надзеяй: беларуская публіцыстыка 80-х гадоў / А. Лысенка. – Мінск, 1991. – С. 158.

⁶⁰³ Там же. – С. 197.

ности, на наш взгляд, сыграло заметную роль полезное и нужное исследование А. Лысенко «С тревогой и надеждой».

Выход книги А. Лысенко «Линия горизонта» («Лінія гарызонту») в 1986 г. совпал с 50-летием со дня рождения и 25-летием творческой деятельности поэта, прозаика, переводчика и очеркиста Янки Сипакова. Говоря о книге, прежде всего, отметим удачное, глубоко-философское её название. Линия горизонта... Для каждого человека она собственная, личностная, сугубо субъективная. Я. Сипаков определил её для себя следующим образом:

*Яе (лінію гарызонта. – А.Р., Ю.Р.) адкрываюць дзеці,
Гэтую вабную, як бабуліна казка, нітку,
Якая злучае зоркі з расою,
І не злучыць зоркі з расою;
Якая мяшае паветра з вадою
І не змяшае паветра з вадою;
Якая звівае аблокі з раллёю
І не саўе аблокі з раллёю;
Якая сшывае неба з зямлёю
І не сшые неба з зямлёю.
У дзяцей пераймаюць дарослыя
Гэту зманлівую, як матчына песня, нітку.*

*Ах, гэтая зменлівая нітка!
Вечна яна дражніцца новымі небасхіламі.⁶⁰⁴*

Четверть века в литературе, четверть века познания жизни в её диалектическом изменении, непрерывном обновлении, неожиданных противоречиях, четверть века в поиске художественного эквивалента жизненной изменчивости и таинственности (А. Лысенко) на пути к своей линии горизонта. И в каждом из жанров (поэзия, проза, переводы с других языков, художественная публицистика) есть свои находки, выкристаллизовавшиеся элементы, подвластные только перу Я. Сипакова. В поэтике, к примеру, это «связка славянских баллад», оформленная в книгу «Вече славянских баллад», удостоенную Государственной премии; в прозе «книга деревни», известная читателю под названием «Крыло тишины» («Крыло цішыні»); в переводных произведениях – пронизанная глубоким гуманистическим смыслом и по-новому раскрывающая отношения «автор–читатель» поэма американца У. Уитмена «Листья травы»; наконец, в публицистике цикл философско-нравственных очерков-размышлений о своей «малой Родине» – родных Зубревичах, Андреевщине, Оршанщине. К каждому из исследуемых жанров Т. Лысенко находит выверенные, взвешенные оценки.

Вот, к примеру, оценка поэтического мастерства. «Вершы Я. Сіпакова, – пишет исследовательница, – разгледжаныя ў паслядоўнасці іх напісання, успрымаюцца ...як фрагменты біяграфіі адной душы, якая сталела, набірала сіл у няспынным пошуку, знаходзіла апору ў злітнасці з лёсам свайго народа і ўсяго чалавецтва. Лірыка адлюстравала ўзмужанне героя найперш як асобы сацыяльна актыўнай – ад юначых асабістых перажыванняў да ўсведамлення сябе грамадзянінам усёй «планеты людзей». Больш шырокімі з часам сталі яго далягяды, больш засяроджаным – роздум над праблемамі сучаснасці. Але ў галоўным паэт і яго другое «я» – лірычны герой засталіся вернымі сваім схільнасцям, сімпатыям, жыццёвым ідэалам

⁶⁰⁴ Сіпакоў, Я. Лірычны вырай / Я. Сіпакоў. – Мінск. – 1965. – С. 23.

і творчаму курсу, вызначаным у юнацтве».⁶⁰⁵ (Заметим, что вывод этот А. Лысенко сделала на основе анализа поэтических сборников «Солнечный дождь» («Сонечны дождж», 1960), «Лирический отлёт птиц» («Лірычны вырай», 1965), «День» («Дзень», 1968), «Вече славянских баллад» («Веча славянскіх балад», 1973), «В полдень, к воде» («У поўдзень, да вады», 1976).

Анализируя творчество Я. Сипакова в жанре юмора и сатиры (сборники юмористически-сатирических произведений «Лысый юбилей» («Лысы юбілей», 1965), «Плюс на минус» («Плюс на мінус», 1973), «Цепи для мух» («Ланцугі для мух», 1980), А. Лысенко приходит к выводу, что юмор и сатира – это продолжение его гражданской принципиальности и бескомпромиссной последовательной позиции автора. «Праявы бюракратызму, безгаспадарчасці, кар’ерызму, спажывецтва аўтар імкнецца выявіць як ланцуговую рэакцыю ўчынкаў, якія маюць агульныя вытокі і агульны – антыграмадскі, антынародны вынік». При этом, «смех Я. Сипакова – не «казытліва» безаблічны смех дзеля забавы. Ён змястоўны ў сваёй выразнай сацыяльнай накіраванасці – барацьбе за адраджэнне чалавека...».⁶⁰⁶

В искусстве перевода (а поэтом на белорусский язык переведены стихотворения А. Пушкина, Т. Шевченко, произведения А. Церетели, Э. Межелайтеса, А. Блока, А. Туманяна, Р. Гамзатова, Г. Эмина, Ю. Мартинкявичюса, Д. Павлычки, отрывки из карело-финского эпоса «Калевала», «Дедов» А. Мицкевича, «Тюремный дневник» Хо Ши Мина, «Листья травы» У. Уитмена и др.) «Я. Сипакоў зыходзіць з галоўнага правіла перакладчыка – зразумець і перадаць, увасобіць «дух» арыгінала і яшчэ з таго, што пераклад мастацкага твора таксама павінен быць мастацкім».⁶⁰⁷

На наш взгляд, убедительными являются характеристики критика и в отношении прозы Я. Сипакова – его повестей «Крыло тишины», «Все мы из хат» («Усе мы з хат»), «Живи, как хочется» («Жыві, як хочацца»), «Пыль под ногами» («Пыл пад нагамі»), сборников рассказов «Женщина среди мужчин» («Жанчына сярод мужчын»), «Пять струн» («Пяць струн»), «Надежда на радость» («Спадзяванне на радасць»), художественных очерков. Здесь и жизнь послевоенной деревни, и проблема «человек и война», и опасность распространения бездуховности и мещанской морали, разрушающих нормальные принципы человеческого общежития, и духовная жизнь белорусского общества 1970–1980-х годов.

«Індывідуальны творчы лёс Я. Сипакова, – заключае А. Лысенко, – сведчыць аб плённым выкарыстанні магчымасцей свайго часу і вопыту папярэднікаў. Я. Сипакоў, як і яго калегі – прадстаўнікі «сярэдняга» «філалагічнага пакалення», увайшоў у літаратуру «пісьменным»: яму не давалося пераадольваць тых цяжкасцей «самадушніцтва», якія былі не малай перашкодай на творчым шляху многіх пісьменнікаў старэйшай генерацыі. Аднак у тых была і свая перавага, і, разумеючы гэта, Я. Сипакоў, атрымаўшы ўніверсітэцкі дыплом, увесь час імкнецца папаўняць, удасканалваць свае веды ў галоўным, агульным для ўсяго чалавецтва ўніверсітэце – універсітэце жыцця».⁶⁰⁸

Есть все основания, чтобы сделать наше собственное обобщение – книга А. Лысенко «Линия горизонта» – это высокопрофессиональное осмысление философского познания жизни (в данном конкретном случае – нашим земляком Янкой Сипаковым, человеком от Земли, как и «Усе мы з хат!», её выразительности в неповторимых художественных образах, цветах, звуках, ощущениях, кото-

⁶⁰⁵ Лысенка, А. Лінія гарызонта: нарыс творчасці Янкі Сипакова / А. Лысенка. – Мінск, 1986. – С. 46.

⁶⁰⁶ Там же. – С. 57, 58.

⁶⁰⁷ Там же. – С. 59.

⁶⁰⁸ Там же. – С. 117.

рые не теряют и сегодня, и надеемся не потеряют своей привлекательности в будущем.

И ещё об одном. Об активном участии А. Лысенко в подготовке и издании коллективных работ по проблемам белорусской советской литературы, её редакторской деятельности. Назовём лишь некоторые, наиболее крупные публикации. В «Истории белорусской советской литературы» (Минск, 1977) это разделы «Змітрок Бядуля» (с. 387–412) и «Иван Шамякин» (с. 675–700); в «Гісторыі беларускай савецкай літаратуры». 1941–1980. Падручнік для студэнтаў філалагічных факультэтаў» (Мінск, 1983), в «Гісторыі беларускай савецкай літаратуры» (Мінск, 1981. – Ч. 1) – «Змітрок Бядуля» (с. 255–269), в части второй того же издания – «Иван Шамякин» (с. 311–339). В коллективное издание «Беларуская савецкая проза. Апавяданне і нарыс» (Мінск, 1971) включены два раздела – «Апавяданне 30-х гадоў» (с. 52–86) и «Нарыс» (с. 258–326) и т.д.

В книге «Стыль пісьменніка», посвящённой анализу индивидуального мастерства белорусских писателей (Мінск, 1974), – раздел «Іван Шамякін» (с. 303–370). Развитию белорусской публицистики 1960–1970-х годов посвящён раздел «Пяром публіцыста» в книге «Беларуская літаратура. Дзень сённяшні» (Мінск, 1980. – С. 270–333). С её участием подготовлен к печати первый том антологии «Белорусский советский очерк» («Беларускі савецкі нарыс». – Мінск, 1977).

А. Лысенко выступила составителем, автором комментариев и вступительной статьи «На прыэднім краі» в книге: «Шынклер Хвядос. Апошні рэйс», посвящённой 80-летию со дня рождения известного белорусского советского прозаика Х. Шинклера, погибшего 25 октября 1942 г. у посёлка Бекетовка под Сталинградом.

Её рецензии и критические материалы постоянно печатаются на страницах периодических изданий.⁶⁰⁹

Такой вот многоплановой, творчески активной выглядит в белорусском советском литературоведении уроженка д. Заречаны Полоцкого района Антонина Фёдоровна Лысенко.

ВАЛЕНТИНА ГАПОВА

1970–1980-е годы в творчестве критика и литературоведа **Валентины Гаповой** характеризуются новыми творческими горизонтами – расширением тематической направленности исследований, вниманием к малоизученным к тому времени литературоведческими проблемам, выверенностью авторских оценок и позиций. А ещё было – активное участие в подготовке и издании коллективных фундаментальных литературоведческих работ, учебников, учебно-методической литературы, участие в Международных научных съездах и конференциях, постоянные встречи с читателями, выступления перед учителями, школьниками, студентами.

Наиболее значимыми работами В. Гаповой в исследуемом нами периоде являются «Изменчивое и постоянное». Опыт типологического исследования белорусской и польской «деревенской прозы» («Зменлівае і спрадвечнае. Вопыт тыпалагічнага даследвання беларускай і польскай «вясковай прозы». – Мінск, 1975), «Белорусско-русское поэтическое взаимодействие» («Беларуска-рускае паэтычнае ўзаемадзеянне». – Мінск, 1979), «Перечитывая «Спадчыну» Янки Купалы» («Перачытваючы «Спадчыну» Янкі Купалы. – Мінск, 1983). Является автором «Гісторыі беларускай савецкай літаратуры» (Минск, 1966. – Т. 2),

⁶⁰⁹ См., напр.: Нёман. – 1976. – № 6; Настаўніцкая газета. – 1986. – 23 красавіка; Літаратура і мастацтва. – 1989. – 21 красавіка и др.

«Истории белорусской советской литературы» (Минск, 1977), книги «Стиль писателя» («Стыль пісьменніка». – Минск, 1974) и др.

Об этом как-то не пишут, но В. Гапова в совершенно доступной форме «маленькими мазками» рисовала богатейшую художественно-творческую жизнь Змитрока Бядули, Михаила Лынькова в связи с их жизненными юбилеями, кратко, но мотивированно давала практическую оценку таким знаковым литературным произведениям, как книга В. Козько «Здравствуй и прощай»,⁶¹⁰ романы И. Мележа «Минское направление» и И. Шамякина «Снежные зимы»⁶¹¹ и др.

Лейтмотивом написанного выступает тема раскрытости белорусской советской литературы при сохранении её национального своеобразия. Взяв за исходную точку исследования актуальные проблемы взаимодействия белорусской и польской литератур, неопровержимый вывод белорусско-русского литературоведения о том, что молодая национальная литература, получая подпитку от более зрелых литератур других славянских народов (вспомним хотя бы воздействие польского романтизма, А. Пушкина и русского критического реализма, народно-бурлескного творчества И. Котляревского и поэзии Т. Шевченко, пролетарско-революционных произведений А. Горького, В. Маяковского, Э. Багрицкого, лирики С. Есенина и др., уже в начале XX ст. «аказалася не толькі падрыхтаванай да ўспрыняцця мастацкіх дасягненняў іншых літаратур, але ў хуткім часе сама звярнулася да вырашэння карэнных праблем грамадскага жыцця»,⁶¹² что и позволило ей стать в один ряд с русской, польской и другими славянскими литературами.

И основным мерилom такого сотрудничества стало владение авторами новым творческим методом социалистического реализма, который и в новой белорусской литературе, и в польской пролетарской литературе 1920–1930-х годов носил новаторский характер. Правда, новаторство это характеризовалось разноплановостью, даже иногда противоречивостью (в польской литературе авторские предпочтения колебались от «пролетарской литературы» до «модернизма»; в белорусской – преодолевалась заторможенность в развитии литературных жанров (в первую очередь, романного жанра). Может быть поэтому В. Гапова для исследования выбрала далеко не простую сферу – типологические процессы, характерные для белорусской и польской «деревенской» прозы, подчёркивая при этом, что «пры вывучэнні беларуска-польскага літаратурнага ўзаемадзеяння неабходна размежаваць факты літаратурнага ўплыву і тыпалагічнай блізкасці».⁶¹³ И далее автор исследования делает оговорку, что «тыпалагічнае вывучэнне літаратур яшчэ толькі становіцца аб'ектам нашага літаратуразнаўства...».⁶¹⁴ При этом сам процесс поиска характерен, и для польского, и для белорусского литературоведения.

Методологической основой для В. Гаповой послужили работы известных русских (Д. Марков, М. Храпченко, А. Овчаренко, Г. Гачев, В. Веди́на), белорусских (Н. Перкин, А. Адамович, П. Дюбайло, В. Коваленко), польских (З. Жабицки, Ф. Форнальчик, К. Настулянска) исследователей литературного славяноведения. Типологический аспект исследования прозаических жанров белорусских и польских писателей (К. Чорны, Я. Брыль, В. Быков, И. Пташников, М. Домбровская, Е. Путрамент, Б. Чешка, Ю. Ковалец, Т. Новак и др.) позволил В. Гаповой обнаружить общие тенденции в развитии литератур, непрерывный процесс их взаимообогащения, типологическое единство при сохранении национального своеобразия. И, несмотря на то, что белорусская литература в сравнении с

⁶¹⁰ Гапова, В. На пути самообретения / В. Гапова // Нёман. – 1977. – № 8. – С. 172–175.

⁶¹¹ Там же.

⁶¹² Гапова, В. Зменлівае і спрадвечнае. Вопыт тыпалагічнага даследвання беларускай і польскай «вясковай прозы» / В. Гапова. – Мінск, 1975. – С. 4.

⁶¹³ Там же. – С. 30.

⁶¹⁴ Там же.

польской имела менее богатые литературные тенденции, в разработке «деревенской» темы она смогла убедительно, с огромной силой эмоционального и социально-психологического обоснования показать необходимость ломки устоявшихся принципов и норм патриархальной крестьянской жизни во имя «умного и прекрасного человеческого общества» (Н. Перкин). Относительная «молодость» белорусской и зрелость польской литератур в их обращении к крестьянской жизни высвечивают общность эстетического идеала, выбор драматических конфликтов и тонкий психологизм в их разрешении, общность концепции человека и действительности, использование богатых традиций классической славянской литературы.

Тему проведенного В. Гаповой исследования, на наш взгляд, можно было бы выразить следующей формулой: «Человек и общество в типичных характерах и конфликтах». При таком прочтении для читателя становится более понятной сложность и противоречивость социальных процессов, имевших место в польской деревне 1950–1960-х годов. Это во-первых. Во-вторых, их мотивированное разноплановое осмысление такими писателями, как М. Домбровская, Ю. Ковалец, Ю. Мортан, Э. Брыль, Т. Новак, Э. Кобатц и др.; в-третьих, выделение В. Гаповой в качестве сопоставительных типологических пар произведений: из польской литературы взята книга М. Домбровской (основной акцент сделан на повести «На деревне свадьба» («На вёсцы вяселле»), из белорусской – повести Я. Брыля «В Заболотье светает» («У Забалотце днее») и «На Быстрынке» («На Быстранцы»). Однако более глубокие суждения выносит критик на суд читателя, анализируя сочетание «Юлиан Ковалец – Кузьма Чорный» (повести «К земле приписанный» («Да зямлі прыпісаны»), «Танцующий ястреб» у Ю. Ковальца и романами «Левон Бушмар» («Лявон Бушмар») и «Третье поколение» («Трэцяе пакаленне») у К. Чорнага).

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение инсинуаций В. Гаповой (нам показалось, что они не только профессиональны, но и убедительно мотивированы для читательского понимания), но вывод, будем надеяться (так оценит читатель), будет объективным: обратившись к малоизученной проблематике в контексте взаимосвязей белорусской и советской литератур (пусть, и в узкоплановом ракурсе «деревенской прозы»), В. Гапова подчеркнула необходимость внимания профессионалов к исследованию проблемы: «Славянская литература: Творчество. Мастерство. Диалог».

Думается, что и в наши дни (несмотря на новую географическую картину славянской Европы. – А.Р., Ю.Р.) развитие художественных культур не окажется изолированным друг от друга: и исторически-духовные, и народно-нравственные представления, и типологическая близость творчества являют залы художественно-творческих контактов, в основе которых лежат такие принципы, как взаимообщение, взаимопонимание и утверждение непреходящей значимости и духовной ценности славянского искусства.

Однако наиболее широкую известность получили книга В. Гаповой «Белорусско-русское поэтическое взаимодействие»,⁶¹⁵ вышедшая из печати в 1979 г. Успех исследовательнице, на наш взгляд, обеспечили, как минимум, две основополагающие позиции. Во-первых, обобщение и глубокое научное осмысление процесса творческих связей крупнейших белорусских поэтов Янки Купалы и Аркадия Кушешова с такими выдающимися представителями русской советской поэзии, как Михаил Исаковский, Сергей Есенин, Николай Тихонов, Александр Твардовский, и, во-вторых, использование в качестве методологической основы исследования теоретических положений и выводов, сформулированных известными русскими и белорусскими советскими литературоведами 70-х – 80-х годов

⁶¹⁵ См.: Гапова, В. Белорусско-русское поэтическое взаимодействие / В. Гапова. – Минск, 1979. Прим.: далее все ссылки будут даваться по этому изданию.

XX ст. Д. Марковым, З. Кедриной, В. Щербиной, Ю. Андреевым, А. Бушминым, М. Храпченко, Г. Берёзкиным, В. Коваленко, И. Науменко, а также рассуждения и выводы о путях развития братских литератур, сделанные самими литераторами – М. Исаковским, А. Твардовским, А. Кулешовым и т.д.

Думается, что В. Гапова права в том, что в качестве основных методологических правил выделяет:

– вывод Д. Маркова о том, что становление новых литератур, в т.ч. и белорусской советской, связывается не только с революционно-пролетарскими течениями, но и с наличием нескольких линий в их собственно-творческом отражении национального развития;

– суждение З. Кедриной, из которого вытекает, что в развитии белорусско-русского поэтического (и прозаического. – А.Р., Ю.Р.) взаимодействия важную роль играли традиционные декады и месячники братских литератур, позволявшие писателям непосредственно общаться с потребителями (читай, читателями. – А.Р., Ю.Р.) литературного творчества, узнать массового читателя, понять его отношение к национальной литературе белорусов;

– справедливое замечание В. Щербиной об определяющем влиянии на становление поэтического мастерства Я. Купалы (и Я. Коласа) всеобъемлющей эстетики М. Горького;

– вывод Ю. Андреева о том, что, несмотря на отсутствие системных знаний о «тайнах писательского «ремесла», мироощущение, социальные симпатии, понимание роли новой литературы в становлении нового национального сознания русского и белорусского народов, не просто родит поэтическое творчество М. Исаковского, Я. Купалы, А. Твардовского, А. Кулешова, Я. Коласа, Н. Тихонова и других авторов 1920-х – 1930-х годов, но превращает его в своеобразную энциклопедию поэтических раздумий над судьбами братских народов и их историческом выборе;

– заключение М. Храпченко о диалектическом единстве (несмотря на личные авторские подходы к разработке нового типа лирического стихотворения. – А.Р., Ю.Р.), общности проблемно-тематической направленности поэтики М. Исаковского и Я. Купалы;

– теоретические положения А. Бушмина о преемственности связей в развитии литератур, являющейся основополагающим элементом в их казавшемся бы независимом друг от друга развитии;

– вывод Г. Берёзкина о романтизации Я. Купалой обобщённо-лирической характеристики великих перемен в жизни белорусского народа, диалектическом взаимодействии в его творчестве идеи «Родина и революция»;

– выводы В. Коваленко и И. Науменко (а также русских советских литературоведов А. Овчаренко, Л. Тимофеева и др. – А.Р., Ю.Р.) о непреходящем значении для поэтики Я. Купалы белорусского романтизма, имевшего к началу 1920-х годов свою «национально-своеобразную сокращённую традицию».

В систему методологических построений В. Гаповой, на наш взгляд, органично вписаны взгляды на поэзию и её роль в общественном развитии таких разных, отдалённых друг от друга более чем полувековым, как известнейший автор у белорусов – М. Богданович, у русских – А. Твардовский.

Вот квинтэссенция этих взглядов. У М. Богдановича (статья «Забывший путь»): «...Мы допустили бы тяжёлую ошибку, если бы оставили без внимания ту выучку, которую нам давала мировая (чаще европейская) поэзия. Было бы больше чем нерадивостью ничего не взять из того, что сотни народов за тысячи лет собрали в сокровищницу мировой культуры. Но вносить только чужое, не развивая своего, – это ещё хуже: это означает глумиться над народной душой».⁶¹⁶ И у А. Твар-

⁶¹⁶ Багдановіч, М. Збор твораў: у 2 т. / М. Багдановіч. – Мінск, 1968. – Т. 2. – С. 171.

довского: «Я принадлежу к тому большинству рода человеческого, которое полагает, что действительность, независимо от моего видения её, есть при мне, была бы до меня и будет после меня. И она для меня – высшая ценность, и я не хочу её замены никаким прихотливым видением её, если это видение, особо художественное видение, не служит выяснению сущности этой действительности и не берёт на себя никакой ответственности за неё перед людьми, перед миром».⁶¹⁷

Таким образом, выстроив для себя теоретико-методологическую цепочку – «действительность → поэтическая деятельность → литературоведческая оценка» В. Гапова знакомит читателя с собственно-творческой позицией, раскрывает основные, знаковые события и явления, подтверждающие её достоверность и объективность.

Вот лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее важные выводы белорусской исследовательницы.

1. В противовес «левацким» измышлениям о том, что Я. Купала был ограниченным в своих возможностях самоучкой, В. Гапова доказывает, что и для белорусской и для русской советской литературы поэтическое осмысление революционных событий, начала строительства социализма и в творчестве Я. Купалы и в поэтике М. Исаковского стало явлением общелитературным, в котором видится:

а) «включение купаловской поэзии и её перевод в орбиту широкого литературного взаимодействия», привлекающего «своим эстетическим уровнем, художественно неповторимым видением национальной жизни...».⁶¹⁸ И если Я. Купала не оказал заметного влияния на поэтическую систему таких советских поэтов, как Э. Багрицкий и М. Светлов, то «весьма определённо можно говорить о включении купаловских мотивов в чистую деревенскую мелодию Михаила Исаковского» и «об обогащении русской поэзии в конце 20-х – 30-х годов (XX ст. – А.Р., Ю.Р.) купаловской образностью и народно-песенной традицией белорусов»;⁶¹⁹

б) влияние «малой» белорусской советской литературы на художественный опыт высокоразвитой советской литературы. «Восприняв наследие прошлых литературных эпох, белорусская литература сполна вернула долг, обнаружила свою силу в широте творческих исканий и влияний на русскую советскую поэзию».⁶²⁰ И это влияние (здесь В. Гапова обращается к значительной речи А. Твардовского на II съезде советских писателей Беларуси. – А.Р., Ю.Р.) выражается не только в большом общественном резонансе, но и в том, что произведения Я. Купалы «представляют образец поэзии» не только для любителей и знатоков, но и для всех читателей, даже «далёких от развитых литературных интересов»;⁶²¹

в) личное участие Я. Купалы в формировании основы и дальнейшего развития белорусско-русского (русско-белорусского) литературного взаимодействия – ведь именно Я. Купала выполнил перевод пролетарского гимна «Интернационал» и героического эпоса давних лет «Слово о полку Игореве». О последнем можно сказать, что это один из лучших переводов, какие появились на славянских языках»;⁶²²

г) следование Я. Купалы принципам «нового» романтизма, который в своём новом качестве освободится от прежней «конфликтности» (противоречий сущего и идеального) – «агняцетная воля» и станет основой для создания поэтом образа новой Беларуси, в поэтическом осмыслении которой «принцип возвышения действительности в соответствии с идеалом получил реальную основу».⁶²³ Именно поэтому влияние Я. Купалы на поэзию М. Исаковского «было органиче-

⁶¹⁷ Твардовский, А. О литературе / А. Твардовский. – М., 1973. – С. 314–315.

⁶¹⁸ Гапова, В. Белорусско-русское поэтическое взаимодействие / В. Гапова. – Минск, 1975. – С. 32.

⁶¹⁹ Там же. – С. 35.

⁶²⁰ Там же. – С. 39.

⁶²¹ Твардовский, А. О литературе / А. Твардовский. – М., 1973. – С. 260–261.

⁶²² Там же. – С. 49–50.

⁶²³ Там же. – С. 56.

ским и плодотворным», влияя не конкретными образцами (поэмами, стихотворениями и т.д. – А.Р., Ю.Р.), а «идеями, силой и народно-мелодическим мастерством их художественного воплощения».⁶²⁴ Важен вывод В. Гаповой о том, что «романтические и реалистические стилевые начала поэзии Купалы, и Исаковского вступали как равноправные в крепнущее взаимодействие 20-х годов, когда вырабатывались формы художественного обобщения внутри новой эстетической системы».⁶²⁵ А в итоге, и Купала, и Исаковский явились первопроходцами в освоении новой жизни общества средствами лирической поэзии;

д) развитие Я. Купалой и М. Исаковским практики лирической поэзии, которая в их исполнении явилась «художественным открытием для советской (и русской, и белорусской) литературы. Новаторская эстетика лирики Купалы и Исаковского нашла в их творчестве ряд типологических проявлений – как в новаторской разработке общей темы, так и в формальных поисках принципов художественной типизации. По сути, Я. Купала и М. Исаковский разработали «тот новый тип лирического стихотворения, который под их влиянием стал в 30-х годах (XX ст. – А.Р., Ю.Р.) господствующим в советской поэзии».⁶²⁶ И в этой лирике – что непременно можно поставить в заслугу В. Гаповой – особое место принадлежит есенинскому творчеству, влияние которого ощутили и пережили и Я. Купала, и М. Исаковский. Без особого труда в поэзии Купалы и Исаковского можно видеть многоплановый ряд близких образностью и ритмическим строем лирических зарисовок, в основе которых лежит ярко-выраженная русско-белорусская фольклорная песенность. Правда, и здесь В. Гапова совершенно права, в линии «Купала–Есенин» – заметны творческие несогласия. Как, например, в есенинском стихотворении «Неуютная жидкая лунность» (1925) и купаловском – «Уходящей деревне...» Я. Купала в присущих его тогочасному творчеству категориях эстетики соцреализма уходит от есенинских противоречий общественного развития (есенинское противопоставление «живого» и «полезного». – А.Р., Ю.Р.) и жизнь, её эстетическое видение, определяет, как движение во имя её совершенствования, облагораживания, обустройства. Как пишет В. Гапова, поэт постепенно расстаётся «со стереотипом образного патриархального мышления» и «чувственной логикой новых художественных образов..., утверждает диалектику мира природы и индустрии..., идёт к отражению новой деятельности, где и «вторая природа» становится прекрасной»;⁶²⁷

е) чувственное и внимательное отношение Я. Купалы к насыщенной героикой революции и послереволюционного строительства поэзии Н. Тихонова (поэта романтического подвига. – А.Р., Ю.Р.), идейно-образное содержание которой «явилось для Купалы концентрированной формой идеального, идеалом обобщённо-народного «мы», включавшего и черты реальной действительности».⁶²⁸ И что представляется важным и актуальным, так это то, что и Я. Купала, и Н. Тихонова постоянно влекла жажда творческих открытий, неутолимый поиск новых тем, взаимообмен поэтическими находками и развитие связей с новыми литературами (таджикской, киргизской, грузинской и др. – А.Р., Ю.Р.). Творческие переводы Я. Купалы как нельзя лучше характеризуют его удивительно тонкое понимание не только стилистики и поэтики Н. Тихонова, М. Исаковского, С. Есенина, но и духа поэзии других славянских народов. И, думается, права В. Гапова, делая вывод, что осмысление русскими поэтами творческого новаторства Я. Купалы, его образной системы, ритмико-синтаксического строя и лексики народноэтического творчества, способствовало становлению их классической культуры стиха,

⁶²⁴ Твардовский, А. О литературе / А. Твардовский. – М., 1973. – С. 57.

⁶²⁵ Там же. – С. 63.

⁶²⁶ Там же. – С. 79.

⁶²⁷ Там же. – С. 90.

⁶²⁸ Там же. – С. 116.

обогащению его народно-песенным (белорусским купаловским. – А.Р., Ю.Р.) звучанием, задушевностью и мелодичностью поэтической интонации.

И несколько слов о «философской лирике» (так озаглавила последнюю главу своего научного исследования В. Гапова. – А.Р., Ю.Р.), может правильнее было сказать о «философском дуэте» – даже её (В. Гаповой) авторском прочтении взаимоотношений А. Твардовского и А. Кулешова – это не просто лирика (поэтами-философами они были на протяжении всей своей жизни. – А.Р., Ю.Р.), это наиболее полное постижение русско-белорусской, даже, не жизни, а душевности, в основе которой славянское слово, его история и развитие. И умение донести до читателя это, именно это постижение. И, пожалуй, имели смысл предсмертные слова А. Кулешова: «...Твардовский и сейчас остаётся моим учителем».⁶²⁹ А в итоге вывод самой В. Гаповой «Философская мысль обоих поэтов всегда исходит из основ самой жизни».⁶³⁰

А ещё была поистине огромная работа по донесению до читателя (и юного, и пожилого) истинной сути белорусской литературы, трудных, порой трагических, путей её развития. В. Гапову можно назвать заинтересованным пропагандистом (в научном понимании этого понятия. – А.Р., Ю.Р.), путей и судеб национального литературного творчества,⁶³¹ понимания его роли в формировании литературно-творческих приоритетов, значения и ценностных ориентаций в формировании художественно-эстетических (литературных) предпочтений белорусских читателей.

Думается, что есть все основания для нашего заключения: творческие исследования В. Гаповой путей взаимодействия белорусской поэзии с поэтикой соседских славянских народов – это заметный и весомый вклад в развитие белорусского советского литературоведения, его перспективных позиций и направлений.

ВАЛЕРИЙ АТРАШКЕВИЧ

Атрашкевич Валерий Иосифович родился 22 апреля 1939 г. в деревне Красная Горка Ушачского района в учительской семье. Отец Иосиф Иванович погиб в дни прорыва блокады Полоцко-Лепельской партизанской зоны в мае 1944 г. В 1956 г. окончил Ушачскую среднюю школу, в 1957 г. поступил на филологический факультет Полоцкого педагогического института, в 1959 г. в связи с расформированием был переведён в Могилёвский педагогический институт (окончил в 1962 г.). Был оставлен для работы в институте. На кафедре белорусского языка работал ассистентом и преподавателем. В 1968 г. перешёл на кафедру белорусской литературы, которую и возглавил в 1979 г. Кандидат филологических наук, доцент.

Литературную деятельность В. Атрашкевич начал с поэзии, его первое стихотворение было опубликовано в газете «Знамя юности» в 1958 г. На наш взгляд, стихотворение достаточно увлекательное, чтобы познакомить с ним сегодняшнего читателя:

*Валерий Атрашкевич, студент**

БЕГЛЕЦ

– *Домой!*

⁶²⁹ Цит. по: Юность. – 1977. – № 12. – С. 66.

⁶³⁰ Гапова, В. Белорусско-русское поэтическое взаимодействие / В. Гапова. – Минск, 1979. – С. 148.

⁶³¹ См.: Літаратура і мастацтва. – 1973. – 10 жніўня; там же. – 1974. – 26 ліпеня; там же. – 1987. – 25 снежня; Нёман. – 1984. – № 7; там же. – 1985. – № 8; там же. – 1987. – № 6; Настаўніцкая газета. – 1988. – 13 красавіка; Голас Радзімы. – 1991. – 4 ліпеня и др.

* В. Атрашкевич в это время учился в Полоцком педагогическом институте.

Домой!
Домой! –
стучат колёса.
А позади – туманный дымный след.
И я спрошу, как всякий честный спросит:
– Ты смалодушничал?
И это – в двадцать лет!..
Твои друзья
Остались там, где солнце
Палит, как жар у доменных печей
На поздний зов
Никто не отзовется
Из нас... Никто!
Ведь ты сейчас...

ничей.

Твои друзья!
Ты их имел когда-то...
Но подлостью за дружбу платишь ты.

Забудем все,
Забудем даже дату,
Когда ты встретился в пути нам дезертир.
А дома будешь ты
Искать причину
И длинной лжи гнилую нить
тянуть.

Пугливый взгляд
Мелькнёт, и – под личину...
Ты даже мать способен
обмануть.

И мать поверит,
Встрече с сыном рада,
На стол борца тарелку вмиг подаст,
А со стены
(Как трудно спорить с правдой?)
Глядит колючий взгляд отцовских глаз.
Ты знаешь это...
Всё-таки ты едешь
В свой низкий, мелкий и ничтожный мир.
Такие вот
Не верили в победу.
Я вижу: ты – сродни им, дезертир.

г. Полоцк

В литературоведческой практике известен как автор научных работ по истории белорусской литературы и текстологии, критических статей и рецензий по вопросам литературы и театра. Будучи молодым преподавателем участвовал в подготовке учебного пособия «Белорусская детская литература» (написал моногра-

фический очерк о детском творчестве Михася Лынькова), изданного в 1966 г. Глубокому анализу, как оказалось, авторами были подвергнуты такие произведения М. Лынькова, как «Янка-парашютист» («Янка-парашутыст»), повесть-сказка «О славном вояке Мишке и его славных товарищах» («Пра слаўнага ваяку Мішку і яго слаўных таварышаў»), рассказ «Ядвисин дуб» («Ядвісін дуб»), и, конечно же, этапную и для М. Лынькова и всей белорусской детской литературы повесть «Миколка-паровоз» («Міколка-паравоз»). В. Атрашкевич, на наш взгляд, профессионально разобрался в психологии детских героев М. Лынькова, показал их привлекательность для читателей второй половины XX ст.

Вот, к примеру «Янка-парашютист», – испытатель полётов с трёхметровой высоты на бабушкином зонтике. Прыгнул, попал в крапиву и руки бабушки и отца. Казалось, финал. Однако и М. Лыньков, и его критик В. Атрашкевич отмечают, что для детей, охваченных новой идеей, есть один путь – жить и сражаться во имя родины.

Говоря о повести «О смелом вояке Мишке и его славных товарищах», В. Атрашкевич подчёркивает, что М. Лынькову удалось «увесці ў твор шмат пазнавальнага матэрыялу, паставіць і вырашыць важныя педагагічныя праблемы, у прыватнасці праблему дружбы, сяброўства».⁶³²

Глубокому анализу В. Атрашкевич подверг повесть «Миколка-паровоз». Радует то, что молодой исследователь не только подметил конкретность детского мышления и особенности языка главного героя повести, но в его повседневных действиях, поступках, отношении к старшим (дед Астап, отец Андрей, машинист Орлов и др.), но и определил повесть как «важный вклад писателя в сокровищницу детской советской литературы»,⁶³³ а его произведения «выяўляюць выдатнае майстэрства пісьменніка як тонкага псіхолога, знаўцу дзіцячай душы, як мастака, які ўмее знайсці сюжэт і распрацаваць яго хвалюча і праўдзіва».⁶³⁴ Основной научный труд «От прототипа к образу. Проблема автобиографизма в белорусской прозе 20-х годов (Минск, 1984).

По нашему мнению исследовательско-литературоведческую деятельность В. Атрашкевича можно было бы условно разделить на два периода – исследовательско-аналитический (по сути сбор и накопление материала для реализации главной исследовательской задачи. – А.Р., Ю.Р.) и итогово-результативный (выход из печати монографии «От прототипа к образу»). Конечно, исследовательская деятельность В. Атрашкевича не прекращалась и после выхода монографии (свидетельство тому публикация в 1989 г. статьи об автобиографизме в творчестве Ф. Богушевича, В. Дунина-Марцинкевича и др.), но мы свой анализ посвятим известным работам В. Атрашкевича в условиях развития советской литературы (1965–1991 гг.).

Думается, что было бы правильным начать этот анализ с глубоко аналитической статьи «Об автобиографизме ранних произведений М.И. Горецкого».⁶³⁵ И не столько с её разбора, сколько с двух (на наш взгляд. – А.Р., Ю.Р.) исследовательских выводов В. Атрашкевича:

а) автобиографичность образов первых произведений М. Горецкого, Клима Шамовского (первый рассказ «В бане» («У бані») датируемый концом 1912 г.), Кастуся Зарембы (рассказ «В чём его обида?» («У чым яго крыўда?»), Архипа Линкевича (рассказ «Родные корни» («Роднае карэнне») выглядит и убедительной, и безусловной;

⁶³² Атрашкевіч, В. Міхась Лынькоў / В. Атрашкевіч // Беларуская дзіцячая літаратура. – Мінск, 1980. – С. 230.

⁶³³ Там же. – С. 239–240.

⁶³⁴ Там же. – С. 244.

⁶³⁵ Атрашкевіч, В.И. Об автобиографизме ранних произведений М.И. Горецкого / В.И. Атрашкевич // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1979. – № 2. – С. 108–115.

б) «аўтабіяграфічнасць першых апавяданняў пісьменніка, прыкрытая знешне аб'ектызаванымі адносінамі яго да падзей і герояў, калі толькі асобныя элементы падкрэсліваюць аўтабіяграфічную канву апавядання, а сам аўтабіяграфізм як унутраная якасць герояў і аўтара, пацвердзілася пазней, калі М. Гарэцкі ў 1926 г. выпусціў у свет аповесці «В чём яго обида» (на основе одноименного рассказа. — А.Р., Ю.Р.), «Меланхолия» («Меланхолия»), запіскі «На імперыялістычнай вайне» — творы, аб'яднаныя цэнтральным, аўтабіяграфічным вобразам Лявона Задумы.

В 80-е годы проделанную исследовательскую и публицистическую деятельность завершит монографическая работа «От прототипа к образу. Проблема автобиографизма в белорусской прозе 20-х годов». Что же в ней было оптимистического, выделившего книгу из общего потока белорусской литературоведческой литературы?

На наш взгляд, такими отличительными моментами являются: во-первых, последовательное осмысление проблемы автобиографизма, в отличие от работ И. Замотина, А. Вознесенского, С. Замбржицкого, Н. Байкова, М. Пиотуховича, А. Бабарико, Ю. Пширкова, И. Науменки, О. Лойки, С. Александровича, в которых вопросы автобиографизма затрагивались лишь в связи с решением других, более масштабных проблем. Ссылаясь на высказывания Я. Коласа, у которого «Почти каждое произведение можно назвать биографическим», М. Горецкого, считавшего, что «настоящее художественное произведение — часть души автора. Изучая художественную практику белорусских писателей второй половины XIX ст. В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богушевича, Я. Лучины, О. Обуховича, Ядвигина Ш., Тётки, произведения Т. Гартного, В. Атрашкевич приходит к выводу: признания самих писателей о личностных истоках их творчества свидетельствует о необходимости комплексного исследования проблемы и, в первую очередь, таких её составных частей, как истоки сюжетно-ситуационных коллизий, соотносённость автобиографических реалий и элементов художественного домысла, авторские приёмы и способы трансформации автобиографических материалов и др.; во-вторых, обращение исследователя к творческой деятельности трёх крупнейших белорусских писателей Т. Гартного, М. Горецкого и Я. Коласа, которые уже в дооктябрьской литературе очертили пути художественной типизации личностных материалов для углубления психологизма белорусской прозы, особенно, если учесть, что именно с именами связано создание крупных литературных жанров — повести и романа. И, конечно, прав В. Атрашкевич, утверждая, что в условиях «неразвітасці буйных жанраў беларускай прозы, адсутнасці традыцый беларускія пісьменнікі-рэалісты ў вырашэнні задач, якія стаялі перад імі, вымушаны былі звярнуцца да вопыту ўласнага жыцця»;⁶³⁶ в-третьих, раскрытие методологического значения таких произведений, как роман «Соки целины» («Сокі цаліны»), повести «В чём яго обида» («У чым яго крыўда»), «Меланхолия» («Меланхолия»), «Тихое течение» («Ціхая плынь»), Т. Гартного, записок «На империалистической войне» («На імперыялістычнай вайне») М. Горецкого, трилогии «На раздорожье» («На ростанях») Я. Коласа для понимания и оценки использования писателями личностных материалов в творческой практике, использования характеризуемого принципиальными закономерностями, вытекающими из бытового жизненного опыта автора, активным участием в происходящих событиях, пониманием собственной жизни как неотрывной части от жизни всего народа. И вполне можно согласиться с выводами литературоведов (напр., Я. Климутя) о том, что В. Атрашкевичу удалось передать особенности творческих приёмов каждого писателя, выявить через них некоторые общезначимые тенденции белорусской советской прозы.

⁶³⁶ Атрашкевіч, В. Ад прататыпа да вобраза. Праблема аўтабіяграфізму ў беларускай прозе 20-х гадоў / В. Атрашкевіч. — Мінск, 1984. — С. 11–12.

Однако обратимся к содержательной стороне книги В. Атрашкевича, тем наблюдениям и выводам, которые отличают его монографию от других произведений подобного типа. Посвятив каждому из изучаемых авторов отдельную главу, исследователь сформулировал выводы, характерные для каждого автора (Т. Гартный, М. Горецкий, Я. Колас).

Первая глава «Проверяя собственной жизнью» («Вывяраючы ўласным жыццём») посвящена анализу использования автобиографических материалов в писательской практике Т. Гартного (Дмитрия Фёдоровича Жилуновича). Казалось бы, первые рассказы Т. Гартного, его «Дневник рабочего» и «Дневник посадчика», созданные на основе начальной трудовой деятельности писателя, как нельзя лучше утверждают в автобиографизме, в сближении позиций автора и героя. Такими же выглядят и корреспонденции, зарисовки, стихотворения, небольшие рассказы Т. Гартного, напечатанные в газете «Наша нива» в 1908–1912 гг. и поэтическом сборнике «Песни» («Песні») (СПб., 1913). Правда, автобиографические детали неоднородны, лирическое и авторское «я» часто сливаются в единое целое, особенно в стихотворениях, наблюдается определённое обобщение, выводящее автора за рамки «я», рамки личностного восприятия. Т.е. в своих дореволюционных произведениях Т. Гартный от насыщенности первых из них сугубо автобиографическими чертами переходит к постепенной объективации событий, созданию объективированных художественных образов, в большей степени абстрагированным от личности писателя.

Сложности в исследуемой проблеме встретили В. Атрашкевича при его обращении к роману Т. Гартного «Соки целины» («Сокі цаліны») и даже не всего романа, а его первой квадры (части) «Отцовская воля» («Бацькава воля»). И заключались трудности в том, что «Отцовская воля» Т. Гартного несколько раз редактировалась, исправлялась, претерпела многочисленные авторские правки. В. Атрашкевич отмечает, что «Іменна першае выданне «Бацькавай волі» у якасці твора, які аказаў значны ўплыў на фарміраванне беларускай савецкай прозы ў пачатку і ў сярэдзіне 20-х гадоў, зразумела, побач з першай кнігай трылогіі Я. Коласа – аповесцю «У палескай глушы» (1923)»⁶³⁷. А во всех последующих редакциях, без обращения к первой, «нельга ўявіць працэса складвання творчай індывідуальнасці пісьменніка, працэса выкарыстання ім аўтабіяграфічных матэрыялаў у літаратурнай практыцы».⁶³⁸ Именно поэтому В. Атрашкевич обратился к первой редакции, так как здесь прослеживается характерная черта гартновского творчества: соединение глубоко личностного материала с художественным замыслом и типизацией жизненных явлений. Это прослеживается и в образах главных героев Рыгора Нязвычнага из «Отеческой воли» и Самуся Шибы из повести «За свою свободу, за свободу страны» («За сваю волю, за волю краіны»), и в показе его жизненного пути и пути Т. Гартного, и в описании тех мест, откуда и писатель, и его герой были родом. И как отмечает В. Атрашкевич, «пісьменнік шмат у чым трымаўся ў «Бацькавай волі» канвы ўласнай біяграфіі. Але гэта не значыць, што ў жыцці героя твора абсалютна ўсё супадае з жыццём аўтара, бо Гартны ствараў мастацкі твор, а не аўтабіяграфію».⁶³⁹

Проследив все несовпадения в жизни героя и писателя, В. Атрашкевич делает два вполне обоснованных итоговых вывода: а) художественная типизация автобиографического материала не вполне удалась Т. Гартному и поэтому ему пришлось беллетризовать образ Рыгора Нязвычнага и в «Отеческой воле», и во второй квадре (части) «Соков целины» («Сокаў цаліны»), «На переломе»

⁶³⁷ Атрашкевіч, В. Ад прататыпа да вобраза. Праблема аўтабіяграфізму ў беларускай прозе 20-х гадоў / В. Атрашкевіч. – Мінск, 1984. – С. 24.

⁶³⁸ Там же. – С. 26–27.

⁶³⁹ Там же. – С. 32.

(«На перагібе»)⁶⁴⁰; б) художественность и яркость многих произведений Т. Гартного особенно заметны в тех из них, где писатель опирался на собственное пережитое и этим пережитым выверял создаваемые образы и картины, мотивировал психологию героев, художественно типизируя их независимо от того, взяты факты из собственной биографии, реальной жизни или являются результатом авторского вымысла.⁶⁴¹

Несколько по-другому проблема автобиографизма исследуется в творчестве М. Горецкого, связующим элементом в котором выступает образ человека «крестьянского интеллигента», «для якога пошукі «родных карэнняў», моцная сувязь з мінулым свайго народа і сваёй радзімы сталі вызначальнымі ў жыцці».⁶⁴² Такими будут выглядеть герои первых рассказов М. Горецкого Клим Шамовский (рассказ «В бане» – «У лазні»), Кастусь Заремба (рассказ «В чём его обида?» – «У чым яго крыўда?»), Архип Линкевич (рассказ «Родные корни» – «Роднае карэнне»), основой для собирательного образа которых стала «іменная ўласнае жыццё».⁶⁴³ Герои последующих рассказов «Что оно?» («Што яно?»), «Лирные песни» («Лірныя спевы»), «Богатырь» («Асілак»)* и др. мучаются философскими вопросами о жизни и смерти, о бытии и небытии и т.д., также как мучался над ними, пока не зная ответа и сам М. Горецкий. И особенно откровенно он заявил об этом в своём рассказе «Рунь» («Рунь»), специально написанном для первого прозаического сборника. Это наиболее личностное (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) произведение М. Горецкого, в котором сконцентрированы и постановка повседневных вопросов жизни, и та художественная программа, которую писатель ставил перед собой и перед всей белорусской литературой.⁶⁴⁴ Главному герою Владимиру З. М. Горецкий «передал» многое из собственной жизни, «з уласнай жыццёвай і мастацкай праграмы, пераўтварыўшы яго ў рупар сваіх сацыяльных, нацыянальных і мастацкіх ідэй».⁶⁴⁵

Литературоведами Беларуси установлено, что в 1924–1926 гг. М. Горецкий дорабатывал многие свои произведения (автобиографически-художественные записи «На империалистической войне» («На імперыялістычнай вайне»), повесть «Меланхолия» («Меланхолія»). Повесть «За что?» («За што?») сначала получила название «Тихие песни» («Ціхія песні»), а в 1930 г. была опубликована как «Тихое течение» («Ціхая плынь») и т.д. Речь шла просто о «шлифовке» ранее написанного, писатель, по мере накопления литературного и жизненного опыта, уточняя свои задумы, «высвечивал» наиболее ценное и «приглушал» то, что оказалось временным, проходящим и от чего в новых условиях жизни можно было отказаться.

Начав работу над «Комаровской хроникой» («Камароўскай хронікай»), (первой частью «Виленские коммунары» («Віленскія камунары»)), писатель понял, что именно ему следует быть и интерпретатором, и комментатором событий (в жизни он был и свидетелем, и участником происходящего. – А.Р., Ю.Р.). Пока замысел хроники о жизни одной семьи, начиная с времён крепостничества и оканчивая годами социализма выкристаллизовывался, оформлялся в литературную реализацию, М. Горецкий много экспериментировал, вводил новые, наиболее известные ему образы, перерабатывал, дополняя свои произведения, постепенно приближая их к решению задуманного. Сам он, как автор, не мог в таком масштабном

⁶⁴⁰ Атрашкевіч, В. Ад прататыпа да вобраза. Праблема аўтабіяграфізму ў беларускай прозе 20-х гадоў / В. Атрашкевіч. – Мінск, 1984. – С. 47.

⁶⁴¹ Там же. – С. 65.

⁶⁴² Там же. – С. 67.

⁶⁴³ Там же. – С. 75.

* Написаны в 1914–1916 гг.

⁶⁴⁴ Там же. – С. 78.

⁶⁴⁵ Там же. – С. 81.

произведении быть в центре событий – появляется автобиографический образ Лявона Задумы, переходящий из произведения в произведение. В разных частях хроники автобиографизм прослеживается по-разному, в зависимости от накопления общественного опыта самим М. Горецким (повести «В чём его кривда?» («У чым яго крывда?») и «Меланхолия» («Меланхоля»). «Лявон Задума разважае ў аповесці так, як у жыцці разважаў сам аўтар».⁶⁴⁶

Нельзя обойти и произведение «На империалистической войне», опубликованное в 1926 году, оцениваемое литературоведами как документально-художественное (правда, наша землячка А. Лысенко определяет «Записи...» как очерковые. – А.Р., Ю.Р.). В. Атрашкевич, зная о недостаточной разработанности теории документализма в белорусском литературоведении, выдвигает тезис о том, что «аўтабіяграфізм ў адрозненне ад дакументалізму якраз і вызначаецца суб'ектыўнай пазіцыяй аўтара, суб'ектыўным поглядам на падзеі, удзельнікам якіх ён сам быў».⁶⁴⁷ «Дакладныя дэталі, тонкае пранікненне ў псіхалогію свайго героя (Лявона Задумы. – А.Р., Ю.Р.), – падчёрківае В. Атрашкевич, – магло нарадзіцца толькі ў чалавека, які сам прайшоў праз усё гэта, сам усё зведаў, усё перажыў. Праўда псіхалагічных зрухаў у паводзінах героя вызначана ўласным вопытам пісьменніка. Але пры чым тут дакументалізм? У тым, што штуршок для ўзнаўлення перажытага даў запіс у кніжцы? (імаецца в виду дневник Лявона Задумы. – А.Р., Ю.Р.). А калі такія штуршок дала ўласная памяць пісьменніка? Але ж памяць – не дакумент! Таму ў даным выпадку варта гаварыць не толькі пра дакументалізм, пра ўласную перажытасць падзей, пра аўтабіяграфічнасць сітуацыі, пра аўтабіяграфізм запісак «На імперыялістычнай вайне».⁶⁴⁸

Правда и в «военных» рассказах («Литовский хуторок» («Літоўскі хуторок»), «Русский» («Рускі»), «Оставленные дома» («Пакінутыя дома»), «Генерал» («Генерал»), «На этапе» («На этапе») и др.), повести «Тихое течение» М. Горецкого активно использует приём объективизации событий, личность писателя, за редким исключением, в них практически отсутствует. Стремление к максимальной объективизации событий проявилась и в романе М. Горецкого «Виленские коммунары» (1931–1932) с их главным героем Матвеем Мышкой и неоконченной «Комаровской хроникой».⁶⁴⁹ И в этом признании раскрывается весь спектр диалектических взаимоотношений, все формы художественной типизации жизненных, в том числе и автобиографических материалов. В первую очередь, можно вести разговор о выразительном проявлении тенденции к автобиографизму (ранний рассказ «Наше село, люди и что делается в селе» («Наша сяло, людзі і што робіцца на сяле»), лиричные зарисовки «Мысли в пути» («Думкі ў дарозе»), «Павлюковы мысли» («Паўлюковы думкі»), «Туда, на Нёман» («Туды, на Нёман»), «Дом над болотцем» («Хата над балотцам»), «В городе» («У горадзе») и др., когда наиболее ярко проявилось умение писателя построить произведение на собственном виденном, пережитом, пропущенном через собственное восприятие, одновременно абстрагируясь от фактов собственной биографии (как, например, в рассказах «Дождался» («Дачакаўся»), «Сергей Коряга» («Сяргей Карага») и др. становится определяющим в творческой манере Я. Коласа. Во-вторых, можно вести речь и о проявлении синтетического подхода к написанному, когда элементы автобиографизма, типизации жизненных фактов

⁶⁴⁶Атрашкевіч, В. Ад прататыпа да вобраза. Праблема аўтабіяграфізму ў беларускай прозе 20-х гадоў / В. Атрашкевіч. – Мінск, 1984. – С. 97. См. также. Атрашкевіч, В. Ля вытокаў «Камароўскай хронікі» Максіма Гарэцкага / В. Атрашкевіч // Беларуская літаратура. – 1983. – Вып. 11. – С. 42–50.

⁶⁴⁷ Там же. – С. 100.

⁶⁴⁸ Там же. – С. 103.

⁶⁴⁹ Там же. – С. 42–50.

через художественный домысел в сочетании с аллегорией начинают становиться определяющими в творчестве (рассказы, посвященные теме детства: «В старых дубках» («У старых дубах»), «Деревенщина» («Деравеншчына»), «Сирота Юрка» («Сірата Юрка»), статья «Крестьянские дети» («Сялянскія дзеці») и др. В третьих, автобиографические реалии отличаются дифференцированным воплощением сочетания личностного и её объективации поэмы «Новая земля» («Новая зямля») и «Симон-музыка» («Симон-музыка»).

В этом плане убедительным подтверждением выступает трилогия Я. Коласа «На распутье» («На ростанях»), в которой жизнь главного героя Андрея Лобановича, имеющая истоки в жизненной биографии Я. Коласа («Лобанович – мой двойник». – Я. Колас) много в чём отличается от жизненных путей писателя. Я. Колас очень требовательно и тщательно отбирал автобиографические факты, подлежащие типизации. Подтверждение тому находим и в первой, и во второй, и в третьей части трилогии. Заметим, что сам Я. Колас, рассуждая о соотношении правды и домысла в художественном произведении, подчёркивал: «Хочаш узлятаць – мацней абапірайся на зямлю. Толькі не дазваляй ёй крылле вымыслу. Думаючы так, мяне больш задавальняе «У палескай глушы» (первая часть трилогии. – А.Р., Ю.Р.). У апошніх частках, бывае, я дакладней, чым трэба, пільнуюся матэрыялу, а памяць падкладвае ўсё новы і новы».⁶⁵⁰

Мы не будем анализировать те жизненные события, которые пришлось пережить Я. Коласу во время своего учительства – это умело проследил В. Атрашкевич. Изучив книгу «От прототипа к образу», не можем не согласиться с исследовательским выводом В. Атрашкевича: «...прыхільнасць Я. Коласа да асабістых матэрыялаў, ...не простая выпадковасць. Яны былі найбольш знаёмы пісьменніку, вядомы да драбніц, і, сваеасабліва выкарыстоўваючы іх, ён уводзіў аўтабіяграфізм ледзь не ў пастаянную асаблівасць сваіх мастацкіх пошукаў. Выкарыстоўваючы мастацкую выдумку ў вельмі нязначных дозах, а хутчэй перагрупоўваючы, трансфарміруючы жыццёвы матэрыял, Я. Колас грунтаваўся на праўдзівай жыццёвай аснове, што, бяспрэчна, умацоўвала коласаўскі рэалізм».⁶⁵¹

Обобщая, можно сделать вывод, что степень проявления автобиографизма в творчестве Т. Гартного, М. Горецкого, Я. Коласа неодинакова, также как неодинаково это начало в разных произведениях одного и того же автора на различных этапах его художественно-эстетического пути. С другой стороны, каждый из авторов пользуется наряду с общими и своими собственными методами и приёмами интерпретации, трансформации и модификации. Именно подобная интеграция и диалектика позволили им на основе личностных, автобиографических материалов создать в белорусской советской прозе, произведения, ставшие и достоянием, и наследием всей белорусской литературы.

На наш первый взгляд, В. Атрашкевич, обратившись к творчеству Т. Гартного, М. Горецкого, Я. Коласа, казалось бы, взял на себя невыполнимую задачу. Однако книга «От прототипа к образу» как нельзя лучше опровергает это первоначальное мнение. Исследование результативное, монография получилась. Приходится лишь сожалеть, что она малодоступна и для учителей общеобразовательных школ, и для преподавателей и студентов философских факультетов высших учебных заведений Республики Беларусь.

После завершения работы над монографическим исследованием «От прототипа к образу» В. Атрашкевич не отказался от задуманной темы. В 1989 г. в системно-выходящем сборнике «Белорусская литература» («Беларуская

⁶⁵⁰ Лужанін, М. Колас раскавае пра сябе / М. Лужанін. – Мінск, 1964. – С. 125.

⁶⁵¹ Атрашкевіч, В. Ад прататыпа да вобраза. Праблема аўтабіяграфізму ў беларускай прозе 20-га гадоў. – Мінск, 1984. – С. 207.

літаратура». – Мінск, 1989. – Вып. 17. – С. 71–77) публікуецца яго статья «Об элементах автобиографизма в творчестве Франтишка Богушевича» («Аб элементах аўтабіяграфізма ў творчасці Францішка Багушэвіча»), а в 1990 г. статья «Об элементах автобиографизма в творчестве В.И. Дунина-Марцинкевича» («Аб элементах біяграфізма ў творчасці В.І. Дуніна-Марцынкевіча»). См.: Беларуская літаратура. – Мінск, 1990. – Вып. 18. – С. 43–49.

Адресуем современному писателю наши заметки, так как в этих небольших статьях, в отличие от монографического издания, выделяются некоторые весьма заметные литературоведческие элементы. В. Атрашкевич (а с ним нельзя не согласиться, если внимательно проанализировать написанное Ф. Богушевичем) приходит к выводу: «Герой творчасці Францішка Багушэвіча і сама асоба пісьменніка не супадаюць амаль ў адным яго творы. Вымушанасць узняць свой голас пратэсту ад імя мужыка прымусіла пісьменніка шмат у чым адмовіцца ад асабістага ў паэзіі».⁶⁵² И подтверждением, к примеру, является стихотворение «Моя дудка» («Мая дудка»), в котором практически слиты воедино образ автора и образ лирического героя. Именно лирический герой, словами автора, раскрывает бесправие белорусского крестьянина, его полную зависимость от чиновничьего произвола (правда, большинство произведений, в которых поэт проявлял собственные чувства и переживания, написаны на польском языке. – А.Р., Ю.Р.). Есть все основания, чтобы сделать вывод: в отличие от открытого автобиографизма Т. Гартного, М. Горецкого, Я. Коласа и Ф. Богушевича, скрывающего свои личные, субъективные переживания, «у знешне аб'ектыўнай яго творчасці знайшлі адлюстраванне толькі элементы біяграфічнасці»⁶⁵³ Т.е., даже и эта небольшая статья подтверждает наши выводы о том, что в исследовании проблемы автобиографизма в творчестве белорусских писателей В. Атрашкевич выглядит скурпулёзно-последовательным и научно-принципиальным автором, для которого установление истины отодвигает на иной план все другие соображения.

Своей статьёй о В.И. Дунине-Марцинкевиче В. Атрашкевич ещё более укрепляет свои позиции в стремлении понять проблему в литературном творчестве разных авторов. Ф. Богушевича и В. Дунина-Марцинкевича разделяют многие «параметры»: и само творчество, и социальный статус каждого из них, и, наконец, социально-идеологическое состояние общественных систем, в которых они жили и творили.

«Раскрываючы прыроду аўтабіяграфічных элементаў у творах Дуніна-Марцынкевіча, – пішет В. Атрашкевич, – варта звярнуць увагу на тое, што яны звязаны як з прыродай яго творчасці, так і з яе задачамі. Паколькі асноўная ўстаноўка пісьменніка... у літаратуры на адшуканне ідэалу «добрага» пана не магла прывесці да поспеху, пастолькі і апора на ўласны вопыт жыцця мела пад сабою даволі слабы фундамент»⁶⁵⁴ (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). Создал образ Наума Приговорки (а он проходит через всё творчество писателя), Дунин-Марцинкевич ставил если не знак равенства, то определённое тождество между собой, как автором, и Наумом Приговоркой, как литературным героем, подчёркивал постоянно. И доказательство этому признанию – около 20 произведений, посвящённых его (Дунина-Марцинкевича. – А.Р., Ю.Р.) прототипу. И наиболее убедительно, считает В. Атрашкевич, это видно из «Литераторских забот» («Літаратарскіх клопатаў»), в которых за размышлениями лирического героя откровенно просматривается сам автор (размышления о трудной судьбе литератора в

⁶⁵²Атрашкевіч, В. Аб элементах аўтабіяграфізму ў творчасці Францішка Багушэвіча / В. Атрашкевіч // Беларуская літаратура. – 1989. – Вып. 17. – С. 71.

⁶⁵³ Там же. – С. 77.

⁶⁵⁴Атрашкевіч, В.І. Аб элементах аўтабіяграфізму ў творчасці В.І. Дуніна-Марцынкевіча / В.І. Атрашкевіч // Беларуская літаратура. – 1990. – Вып. 18. – С. 44.

тогочасных условиях общественной жизни) и его личные впечатления, возникшие от поездки в дружеское ему имение Щерово. Нельзя не согласиться с В. Атрашкевичем, что личные впечатления и личная позиция В.И. Дунина-Марцинкевича для белорусского читателя второй половины XIX ст. выглядели бы более понятными и более доступными, если бы писались они на белорусском языке.*

С другой стороны, «слабая ступень абагульнасці, «канструяванне рэчаіснасці па разумоваму ідэалу, узвядзенне вобраза да ідэальнага» ў спалучэнні з недастатковым спасціжэннем унутранага, духоўнага свету чалавека «не далі яму магчымасці стварыць паўнакроўныя мастацкія вобразы-тыпы. Не дапамог яму і аўтабіяграфізм: хоць пісьменнік і намеціў магістральныя шляхі яго выкарыстання сваімі «літаратурнымі клопатамі», усё ж ён, зыходзячы са сваіх творчых задач, выкарыстоўваў яго эклектычна».⁶⁵⁵

Вот такими выглядят наши размышления над разрабатываемой В. Атрашкевичем актуальной для белорусского литературоведения темой автобиографизма в творчестве классиков белорусской литературы Ц. Гартного, М. Горецкого, Я. Коласа, Ф. Богушевича, В. Дунина-Марцинкевича. Но это, пусть и главное магистральное направление исследовательской работы, не исключало внимание нашего земляка к другим проблемам литературоведения. Читателю предлагались и заметки о современном белорусском военном романе (См.: ...І была вайна. – Польша. – 1981. – № 10), и рецензии на прозаические произведения белорусских авторов (Е. Ледка. – Літаратура і мастацтва. – 1971. – 9 снежня); А. Кондрусевича. – Звязда. – 1977. – 23 верасня) и др., и публицистические статьи в газете «Могилёвская правда» и т.д.

В своём, пусть и небольшом материале мы хотели показать современному читателю, что витебская земля белорусского литературоведения в лице В. Атрашкевича взрастила способного и думающего автора, творческая деятельность которого заслуживает внимания и глубокого изучения.

МАРГАРИТА ЕФИМОВА

О начале этапа творческой деятельности **Маргариты Борисовны Ефимовой**** мы рассказали читателям в книге «От земли Поозерской... Творчество витебских литераторов в послевоенный период (1946–1965 гг.)». Его итогом стал выход в 1960 г. книги «Янка Мавр». Однако, как оказалось, это был промежуточный (назовём его так) итог. Ибо уже в 1965 г. из печати выходит первое в БССР исследование «Белорусская детская литература»***, в 1966 г. – учебное пособие для студентов «Белорусская детская литература» (здесь в качестве соавтора М. Ефимовой выступает известный к тому времени литературовед М. Барсток. М. Ефимова выступает и как редактор книги), в 1977 г. – «Литера-

* Как отмечает исследователь «асабістыя адчуванні аўтара напісаны ў большасці выпадкаў на польскай мове». Атрашкевіч, В.І. Аб элементах аўтабіяграфізму ў творчасці В.І. Дуніна-Марцынкевіча / В.І. Атрашкевіч // Беларускае літаратура. – 1990. – Вып. 18. – С. 48.

⁶⁵⁵ Там же. – С. 49.

** Ефимова Маргарита Борисовна родилась в Орше 25 декабря 1927 г. Окончила Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина в 1951 г. Кандидат филологических наук (1956). Почти 30 лет работала на кафедре белорусской литературы БГУ, где читала курс по истории белорусской литературы. Автор многочисленных работ, связанных с исследованием творчества белорусских авторов, пишущих для детей. Активный популяризатор белорусской литературы.

*** Заметим, что в том 1965 г. работа М. Ефимовой Белорусским министром образования была определена в качестве методического пособия для студентов-заочников факультетов начальных классов педагогических институтов.

турные вечера в школе», в 1983 г. – книги «Звучит живое слово» и «Целый мир детям: творческий портрет Янки Мавра», в 1989 г. – книги о Франциске Скорине «Народу своему служа» и «Открыть наследникам Скорину». В качестве методических материалов в журнале «Родное слова» печатаются статьи о жизни и творчестве Франциска Скорины (1989, № 7), Михася Лынькова (1989, № 9), сценарии литературно-музыкальных вечеров (1990, № 6, 12).

Активной останется творческая деятельность М. Ефимовой и в условиях суверенной Беларуси. Однако эта тема находится за границами нашего исследования.

А теперь – о главном: «Белорусская детская литература» М. Ефимовой – литературоведческая работа, впервые выполненная в Беларуси. В позиции сегодняшних дней в ней можно найти недостатки, как сейчас принято говорить «идеологическую зашоренность», личные эмоциональные предпочтения и т.д. Но мы будем исходить из того времени, в которое книга появилась из печати и в которое она была чрезвычайно необходима для учителей общеобразовательных школ и студентов высших учебных заведений (педагогических, а впоследствии и филологических факультетов). Ведь, по сути, до выхода из печати книги М. Ефимовой специфика детской литературы* ни в учебной, ни в преподавательской деятельности не подчёркивалась, детская литература изучалась в едином литературоведческом потоке. Своей книгой М. Ефимова провела чёткую и вполне профессиональную грань между общей литературой и литературой для детей и юношества. Лейтмотивом является мысль о том, что специфика литературы для детей проявляется, прежде всего, в учёте детского восприятия. Юный читатель мыслит образами, а не отвлечёнными понятиями, а поэтому чрезвычайно важно, чтобы дидактика в книгах для детей была подана образно, эмоционально и развивала чувства. Только тот образ дойдёт до детского сознания, который в привлекательно-художественной, впечатляющей форме передаёт картину событий или обмен вещей. При этом совершенно не обязательно, чтобы писатель давал исчерпывающие ответы на все поставленные вопросы. Достаточно часто наиболее захватывающими выступают как раз те произведения, где вопрос поставлен, а найти ответ на него предстоит самим юным читателям, обладающим и пытливым разумом, и живой фантазией. На наш взгляд, исследовательница была права, положив в основу своих научных поисков историко-хронологический принцип. Ведь ей предстояло пройти, проследить истоки и этапы развития белорусской детской литературы, которая в своём развитии во многом отставала от соседних (украинской, русской) детских литератур.

Действительно, первые книги для белорусских детей появились в начале XX ст., когда в России уже существовали такие шедевры детской литературы, как стихотворения и сказки А. Пушкина, басни И. Крылова, рассказы и сказки Л. Толстого, произведения Мамина-Сибиряка, Гаршина, Чехова, Короленко, Станюковича, Ершова и др.

Однако духовное наследие белорусского народа, его устно-поэтическое творчество, его обряды и традиции на протяжении веков не теряли своей нравственно-этической направленности на формирование у человека жизненных принципов добра, справедливости, толерантности, неприятия угнетательства и эксплуатации. Белорусский фольклор – это поистине неисчерпаемый колодец мудрости и щедрости, красоты души человеческой, передаваемых из поколения в поколение.

В ходе работы над первой главой книги, посвящённой истокам белорусской детской литературы, М. Ефимова столкнулась с задачей выделения, кристаллизации из огромного фольклорного наследия белорусов элементов, можно сказать тех маленьких кристаллов, которые могли бы быть определяющими в исследуемой

* «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание – большое дело, им определяется судьба человека» (В. Белинский).

проблеме. И надо признать, что ей это удалось. Вот перечень элементов фольклора, которые, по мнению М. Ефимовой, явились первоосновой для создания белорусской детской литературы: колыханки, потешки, забавлянки, пестушки, загадки, стихи, песни, сказки и т.д. При этом исследовательница не ограничивается перечислением и констатацией: каждому из обозначенных элементов она даёт развёрнутую характеристику, показывая его значение для воспитания у тогочасных детей бодрости, оптимизма, трудолюбия, уважения к старшим. Заслуживает внимания вывод М. Ефимовой о том, что в потешках, забавлянках, пестушках богатство интонационных оттенков, повторы, лаконизм и чёткость звучания положительно влияют на развитие уже в младшем детском возрасте языковой практики детей.

Не оставила без внимания М. Ефимова и проблему собственно детского творчества (книги К. Чуковского «От двух до пяти» и В. Витки «Дети и мы»), роль в развитии детской литературы П. Багрима, Ф. Богушевича, А. Гуриновича, Я. Лучины, социальное звучание и значение первых белорусских периодических изданий, появившихся после революции 1905–1907 гг. (печатались произведения Я. Купалы, Я. Коласа, З. Бедули, М. Богдановича, Тётки и др.). Логичным и оправданным выглядит вывод о том, что к началу XX ст. был накоплен богатый духовный материал для развития детской литературы в Беларуси. Однако реализоваться в полной мере он смог лишь после Октябрьской революции.

И далее, следуя избранному историко-хронологическому методу исследования, М. Ефимова, скрупулёзно и последовательно анализирует развитие белорусской (советской) детской литературы на таких временных промежутках – литература 20–30-х годов, литература 40–50-х годов, литература 60–70-х годов. И в каждом из исследуемых периодов она выделяет наиболее существенные, определяющие направления развития, явления и события. К примеру, в разделе «Белорусская советская детская литература 20–30-х годов» раскрывается роль и значение таких первых в Беларуси регулярных печатных изданий, как ежемесячный журнал на белорусском языке для дошкольников и младших школьников «Звёзды» («Зоркі»), журнал, призванный содействовать развитию пионерского движения в Беларуси «Белорусский пионер» («Беларускі піянер»), продолжатель дела «Белорусского пионера» журнал «Искры Ильича» («Іскры Ільіча»), газета «Пионер Белоруссии» («Піянер Беларусі»). Характерной особенностью этих периодических изданий было участие в их работе З. Бедули, Я. Купалы, Я. Коласа, К. Буйло, М. Чарота (журнал «Зоркі»); А. Якимовича, М. Зарецкого, В. Дубовки, А. Гурло, П. Глебки и др. (журнал «Белорусский пионер»; Я. Мавра, К. Чорного, А. Александровича, Я. Журбы, Т. Кляшторного, С. Шушкевича, М. Калачинского, Э. Огнецвет и др. (журнал «Искры Ильича»). Заслуживает внимания тот факт, что в журналах для детского читателя публиковались не только лучшие произведения белорусских писателей для детей, но и произведения самих читателей. Правда, раздел был бы более богатым, если бы исследовательница больше внимания уделила тому же З. Бедули, который уже в середине 20-х годов весьма заботливо относился к детской литературе. Много стоит, к примеру, обращение З. Бедули от имени редакции журнала «Красные звёзды» к белорусским литераторам, педагогам и комсомольцам присылать в журнал «жизнеописание выдающихся революционеров. Очень желательно описание детских лет великих революционеров».⁶⁵⁶ При этом З. Бедуля подчёркивал, что создание новой литературы для белорусских детей – это задача не только лучших писателей и талантливых педагогов, «им должны помогать историки и учёные, проникнутые также новыми идеями».⁶⁵⁷

⁶⁵⁶ Советская Белоруссия. – 1924. – 19 студзеня.

⁶⁵⁷ Там же. – 1922. – 22 лістапада.

В разделе «Белорусская советская детская литература 40–50-х годов» М. Ефимова основной упор делает на раскрытие содержательной стороны детской литературы. Выделяются несколько тем, определяющими среди которых являются тема Великой Отечественной войны (книга писем – воспоминаний детей «Никогда не забудем» («Ніколі не забудзем»)), поэмы Э. Огнецвет, К. Киреенки, М. Калачинского, А. Белевича, А. Астрейки, а также повести П. Ковалёва, А. Якимовича); тема школы, учёбы, развития пионерского движения (сборники рассказов И. Гурского, М. Даниленки, П. Ковалёва, А. Василевича, А. Якимовича, повести М. Гамолки и И. Науменки); тема детской трудовой деятельности (повести Я. Брыля, И. Грамовича, книги очерков «Над краем поют гудки» («Над краем спяваюць гудкі»)), составленная из очерков С. Граховского, А. Пальчевского, Я. Бечанской, Г. Шиловича, П. Рунца, Ф. Жички, В. Быкова, С. Михалочука и др., насыщенных богатым научно-познавательным фактическим материалом, раскрывающим историю создания самых крупных заводов и фабрик Беларуси; тема исторического прошлого белорусского народа, тесно переплетающаяся с традициями устного поэтического творчества (автобиографическая повесть Я. Мавра «Путь из темноты» («Шлях з цемры»)), поэтические сказки В. Дубовки, повесть А. Якимовича, книга З. Бондаринной); тема белорусской природы (природоведческие произведения В. Вольского, поэтические и прозаические произведения М. Танка, С. Шушкевича, Я. Пущи, В. Хомченки, А. Велюгина, А. Гурло и др.).

Глубокий и всесторонний анализ позволил М. Ефимовой прийти к выводу: «...беларуская дзіцячая літаратура пасляваеннага часу вызначаецца ўзбагачэннем тэматыкі, жанравай разнастайнасцю твораў, увагай да праблем працоўнага выхавання, да праблем фарміравання чалавека-калектывіста, да тэмы мінулага вайны. ...пасляваенная беларуская літаратура для дзяцей з'явілася той трывалай асновай, якая забяспечыла яе далейшы рост, ідэйнае ўдасканаленне».⁶⁵⁸

В третьем разделе «Белорусская советская детская литература 60–70-х годов» заметно увлечение М. Ефимовой ссылками на официальные документы тех лет, ориентирующих писателей республики на литературную разработку социально-значимой проблематики. Однако, несмотря на определённый официоз, исследовательнице удалось определить главные направления в литературном творчестве для детей и юношества, сгруппировать произведения по тематической направленности, определить их место в формировании высоких морально-нравственных качеств подрастающего поколения. «У творах, адрасаваных юным чытачам, – отмечает М. Ефимова, – беларускія пісьменнікі па-мастацку даследуюць найбольш важныя падзеі ў гісторыі беларускага народа, імкнуча дапамагчы дзецям зразумець гістарычную абумоўленнасць і гуманістычны пафас Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, паказаць, што з ёю звязаны ўсе дасягненні нашай краіны».⁶⁵⁹

Среди всего многообразия тем выделяется разработка белорусской детской Ленинианы (поэма А. Велюгина «Ветер с Волги» – «Вецер з Волгі»), повести П. Ткачёва «На Шуше, у подножыя Саян» («На Шушы, ля падножжа Саян») и его же сборник рассказов «Вишнёвое цветение» («Вішнёвая квецень»), книга Е. Бечанской «Над рекой Шушей» («Над ракой Шушай»), сборник повестей и рассказов И. Шамякина «Флаги над штыками» («Сцягі над штыкамі»), сборник рассказов В. Хомченки «Красный мак» («Чырвоны мак») и др. В доступной для понимания детским читателем форме исторические события раскрывают А. Якимович (т.н. Голыновская хроника, состоящая из четырёх повестей «Отку-

⁶⁵⁸ Яфімава, М. Беларуская савецкая дзіцячая літаратура 40–50-х гадоў / М. Яфімава // Беларуская дзіцячая літаратура. – Мінск, 1980. – С. 83.

⁶⁵⁹ Там же. – С. 87.

да лихо на свете» («Адкуль ліха на свеце»), «Конец сервитута» («Канец сервітуту»), «Кастусь Калиновский» («Кастусь Каліноўскі»), «Трудный год» («Цяжкі год»), С. Граховский (повесть «Горячее лето» («Гарачае лета»), А. Василевич (тетралогия «Подожди, задержись» («Пачакай, затрымайся»), П. Ткачѳв (повесть «Сердце коммунара» («Сэрца камунара»), Х. Жичка (повесть «Где растут бессмертники» («Дзе растуць бяссмертнікі»), П. Ковалѳв (повесть «Красный ледок» («Чырвоны лядок»), В. Хомченко (повесть «Красные волны» («Чырвоныя хвалі»), В. Недведский (поэма «Сыновья Октября» («Сыны Кастрычніка»), В. Вольский (книга «Путешествие по стране белорусов» («Падарожжа па краіне беларусаў») и др.

В одном ряду с этими произведениями М. Ефимова называет книги документального содержания о Великой Отечественной войне, доносящие до детского сознания образы командиров партизанских бригад и соединений, подпольщиков, юных мстителей, реально действовавших на территории Беларуси В. Коржа, юных Риммы Кунько и Тихона Барана, партизанки-разведчицы Надежды Богдановой, Марата Казея. Исследовательницу не упрекнёшь в том, что в качестве обобщающего материала она приводит слова Героя Советского Союза П.М. Машерова (наверяд ли найдутся объективные оппоненты этим словам. – А.Р., Ю.Р.), признавшего, что такие произведения и книги «будут передавать, как эстафету, из поколения в поколение, от сердца к сердцу, золотые россыпи ярких человеческих судеб, героических подвигов, бессмертных патриотических дел нашего народа». (Приходится лишь сожалеть, что в настоящее время работа с такой книгой «пробуксовывает», организаторов и руководителей мероприятий становится всё меньше, а книг часто и вовсе нельзя найти в библиотеке. Забываются такие ясные и понятные слова Я. Коласа: «Чытанне мастацкіх твораў каштоўна не тымі крупінкамі ведаў, якія можна вынесці з іх вучань, а тымі асабістымі перажываннямі, якія ўзнікаюць у яго пры чытанні гэтых твораў, тымі вобразамі, якія акрыляюць, узвышаюць, крышталізуюць душу дзіцяці». – А.Р., Ю.Р.)

И, конечно, не обходит вниманием М. Ефимова большой материк произведений, в которых авторы ведут доступный и эмоциональный разговор на злободневные морально-этические темы. Здесь и В. Дубовка с его книгой «Лепестки» («Пялёсткі»), и А. Якимович со сборником рассказов «Золотые руки» («Залатыя рукі»), и П. Мисько с повестью «Путешествие в колхоз» («Падарожжа ў калгас»), и сборники очерков «Помощники» («Памочнікі»), «Всегда впереди» («Заўсёды наперадзе»), «Корчагинцы шестидесятых годов» («Карчагінцы шасцідзсятых гадоў») и многие другие произведения для читателей среднего и старшего школьного возраста.

Отдельно анализируются произведения для самых маленьких читателей, т.е. полностью соблюдается жизненная цепочка: «дошкольники→младший школьный возраст→средний возраст→старший школьный возраст». К достижениям белорусской детской поэзии для малышей М. Ефимова совершенно справедливо относит «Читанку-рисованку» («Чытанку-маляванку») В. Витки, книгу А. Деружинского «Чабарок» («Чабарок»), поэму-сказку А. Лойки «Как Таня эхоскала» («Як Таня рэха шукала»), произведения Е. Лось, И. Муравейки, Р. Бородулина, А. Вольского.

На наш взгляд, права М. Ефимова в своих наблюдениях о том, что в 60–70-е годы проявилось стремление писателей в произведениях и для младшего, и для среднего и старшего школьного возрастов более деятельно отражать современность, поднимать жизненно важные морально-этические (и даже социальные) проблемы, помогать юным читателям сделать уверенный старт в жизни, выбрав тот единственный правильный путь, ведущий к процветанию родной Беларуси.

О том, что работа М. Ефимовой «Белорусская детская литература» была не просто актуальной, но и общественно-востребованной, свидетельствует тот

факт, что именно на её основе в 1966 г. разрабатывается и Министерством высшего и среднего специального образования БССР утверждается в качестве учебного пособия для факультативов начальных классов педагогических институтов Беларуси «Белорусская детская литература» (под общей редакцией М.Б. Ефимовой и М.Н. Барсток). Пособие оказалось настолько востребованным, что через 15 лет оно уже адресуется студентам филологических факультетов и выходит вторым доработанным и дополненным изданием. Монографический раздел издания, в котором рассматривается творчество писателей, внёсших наиболее значительный вклад в развитие белорусской детской литературы, дополнен материалами о творчестве В. Витки, С. Шушкевича, Э. Огнецвет, В. Вольского, А. Василевич. Отметим, что очерки о творчестве С. Шушкевича и А. Василевич подготовлены непосредственно М. Ефимовой, под руководством которой и вышло из печати второе издание пособия.

Можно всесторонне анализировать творческие портреты С. Шушкевича и А. Василевич. Будем надеяться, что читатель поверит нашему исследовательскому выводу: они написаны в добротной, объективно-научной форме, а поэтому приведём лишь итоговые выводы М. Ефимовой.

О С. Шушкевиче: «Паэтычны голас С. Шушкевіча ў сучаснай беларускай дзяцячай літаратуры адзін з самых адметных, выразных, хвалюючых. Творы гэтага таленавітага аўтара, актыўна садзейнічаюць далучэнню дзяцей да свету цудоўнага, узвышаюць іх духоўна, спрыяюць фарміраванню іх характару ў духу камуністычнай маралі».⁶⁶⁰

Об А. Василевич: «Гэтыя творы яшчэ раз пацвярджаюць, што ў асобе А. Васілевіч беларуская літаратура мае мастака-аналітыка, псіхолога, пісьменніцу, якая валодае багатай творчай фантазіяй, паэтычным бачаннем свету, тонкім адчуваннем слова, аўтара, што сваімі кнігамі ўзбагачае як літаратуру для дарослых, так і літаратуру для дзяцей і юнацтва».⁶⁶¹

И ещё. В 1996 г. М. Ефимова вместе со своей дочерью кандидатом филологических наук Викторией Ляшук издадут хрестоматию для педагогических училищ, что позволяет говорить о создании завершённого учебного комплекса, крайне необходимого для изучения национальной детской литературы в современных условиях.*

Именно книга М. Ефимовой «Литературные вечера в школе» («Літаратурныя вечары ў школе»)⁶⁶² ценна другим качеством: здесь сконцентрирован практический опыт человека, заинтересованного в умелом донесении до сознания школьников (и студентов) гуманистических идей белорусской литературы, вовлечение их в активный процесс самостоятельной внеурочной работы с произведениями классиков белорусской литературы (Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович). При этом опыт М. Ефимовой – это не только личные наблюдения или, к примеру, опыт её руководства (во время работы в БГУ) студенческой театральной студией «Мечтатель» («Летуценнік»). Это опыт, сформировавшийся из многолетней преподавательской работы, постоянного общения с учителями школ республики, участия в мероприятиях, проводимых со школьниками органами управления образованием. При таком постоянном нахождении в эпицентре популяризации белорусской литературы приходилось не только радоваться при встрече с умелым обращением с классикой. Были и огорчения, когда приходи-

⁶⁶⁰ Яфімава, М. Станіслаў Шушкевіч / М. Яфімава // Беларуская дзіцячая літаратура. – Мінск, 1980. – С. 301.

⁶⁶¹ Там же. – С. 349.

* Учебное пособие «Белорусская детская литература» и до настоящего времени является единственным изданием данного типа, по которому работают учителя общеобразовательных школ, преподаватели и студенты высших учебных заведений РБ.

⁶⁶² См.: Яфімава, М.Б. Літаратурныя вечары ў школе / М.Б. Яфімава. – Мінск, 1977.

лось видеть неумелое, поверхностное прочтение литературных произведений, несовершенство сценариев, проводимых мероприятий, неудовлетворённость зрителей (а иногда и самих участников) увиденным и услышанным.

В книге, как пишет сама М. Ефимова, «хацелася ўлічыць усё, што спрыяе найбольш актыўнаму ўздзеянню літаратуры на эстэтычныя пачуцці вучняў, бо вядома, што эстэтычнае выхаванне ўплывае на ўвесь духоўны свет чалавека, садзейнічае фарміраванню ў яго высокіх маральна-этычных якасцей».⁶⁶³

На наш взгляд, книга М. Ефимовой «Литературные вечера в школе» в целом не потеряла своей актуальности и до сегодняшнего времени. В целом, так как те, кто будут ей пользоваться вправе опустить такие разделы, не связанные с усвоением курса литературы, как «Я слаўлю Леніна, я Леніна п'яю», «Ты, партыя для ўсіх маяк, высокі, горды і агністы!», «Старонкі братняй дружбы». А вот литературно-музыкальная композиция «Октябрь негаснувший свет» («Кастрычніка нязгаснае святло»), «Белоруссия, мать моя!» («Беларусь, маці мая!») и литературно-музыкальный фонтан «Всегда юный комсомол!» («Заўсёды юны камсамол!») можно и нужно использовать в практике воспитательной работы с разными категориями молодёжи (правда, с определённой корректировкой, с учётом реалий начала XXI ст.). И вот почему. Праздник Октябрьской революции – государственный праздник Республики Беларусь. А вот его историю многие начинают забывать. В своей композиции М. Ершова посредством музыкального оформления, но, главным образом, через стихи П. Глебки, Я. Купалы, М. Танка, А. Русецкого, С. Граховского, А. Лойки оживляет, одухотворяет историю, заставляет слушателя вдуматься в роль Октября в жизни белорусского народа, понять его значение как величайшего исторического события, пусть почти столетней давности. Что касается корректировки или небольших изменений к тексту, то они под силу и учителям и преподавателям литературы, и руководителям школьных и студенческих драматических коллективов.

В республике Беларусь правопреемником ВЛКСМ выступает Белорусский республиканский союз молодёжи (БРСМ). Приходится сожалеть, но изучение истории ВЛКСМ (даже в Беларуси), его славных традиций среди членов БРСМ не стало массовым. Может быть и потому, что в условиях информационно-пресыщенного начала XXI ст. нет того эмоционального «двигателя», который позволил бы молодым людям воспринять историю более чем 70-летней молодёжной организации, как и основа для БРСМ. И вот здесь монтаж о комсомоле, предложенный М. Ефимовой, представляет значительную методологическую помощь современным функционерам (приходится сожалеть, но о нём никто ничего не знает. – А.Р., Ю.Р.). В нём нет идеологической догматики; с одной стороны, стихи Я. Купалы, Я. Коласа, И. Колосника, Э. Огнецвет, А. Астрейки, с другой – музыка А. Островского, Дм. и Д. Покрассов, А. Александрова, Е. Винокурова, А. Фельцмана, А. Пахмутовой. История становится побуждающим эмоциональным началом, благодаря которому и развивается молодёжное движение начала XXI ст.

И о литературно-музыкальной композиции «Беларусь, мать моя!». На наш взгляд, именно в ней М. Ефремова проявила себя философом, который не только видел прошлое и настоящее. Её материал, основанный на творчестве известных белорусских авторов (поэты П. Приходько, К. Киреенко, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, Г. Буравкин, А. Звонак, П. Бровка и композиторов В. Оловникова, Ю. Семеняки), не только актуален сегодня, но может и должен использоваться на самых разных мероприятиях, посвящённых истории становления белорусской государственности (конечно, и здесь могут быть внесены режиссёрские решения, ещё более актуализирующие содержание композиции).

⁶⁶³ Яфімава, М.Б. Літаратурныя вечары ў школе / М.Б. Яфімава. – Мінск, 1977. – С. 4.

На наш взгляд, на высоком профессиональном уровне подготовлены М. Ефремовой вечер комбинированного построения «Сын народа – Купала» («Сын народа – Купала»), литературный вечер широкой программы «Песнь народа, бессмертный наш Колас» («Песня народа, неўміручы наш Колас»), литературная композиция «Так ярко прожить – лучшей судьбы нет на земле» («Так ярка пражыць – лепшай долі няма на зямлі»). Значимость этих программ в сегодняшних условиях и в том, что на вступительных экзаменах в высшие учебные заведения экзамен по белорусской литературе проводится в устной форме.

В разделе «Готовится литературный вечер» («Рыхтуецца літаратурны вечар») М. Ефимова излагает методические рекомендации по проведению различной формы литературных мероприятий, не просто усиливая значимость своих литературно-художественных поисков, но, главным образом, упрощая и облегчая работу над своими рекомендациями.

Книга М. Ефимовой «Литературные вечера в школе» при соответствующей редакторской правке (а таким редактором, на наш взгляд, вполне могла бы выступить дочь Маргариты Борисовны кандидат филологических наук Виктория Ляшук) заслуживает переиздания. Это будет хорошее пособие для всех, кто заинтересован развитием белорусской литературы в её историческом, социальном, эстетическом контексте.

Талант М. Ефимовой в отстаивании (гнет, ни в борьбе. – А.Р., Ю.Р.) чистоты белорусской литературы, истории её развития, пропаганде её классических основ, творчества белорусских авторов проявился и в казалась бы нетворческой работе – книге «Народу своему услугуючы...» («Народу свайму ўслугуючы...»). Здесь она выступила составителем. И какая же сложная работа проделана: «под одной крышей» вместились 48 авторов, имевших отношение к жизни и творчеству великого гуманиста. «Хацелася як мага шырэй прадставіць іх у кнізе «Народу свайму ўслугуючы...», – пишет в предисловии к книге М. Ефимова. – Яны розныя па часе напісання, па жанрах і мастацкіх вартасцях, але іх родняць шчырыя пачуцці схілення перад подзвігам нашага выдатнага земляка, жаданне асэнсаваць шматграннасць яго асобы і дзейнасці».⁶⁶⁴ Объединив в книге большое количество разноплановых произведений, М. Ефимова видела одну цель: произведения, собранные в книгу, должны «крануць сэрца чытачоў, абудзіць цікавасць да роднай гісторыі, спадчыны, да нашай велічнай і спеўнай мовы, каб мы «забыць не маглі свайго радаводу».⁶⁶⁵

Вторая книга, посвящённая Скорине, «Открыть наследникам Скорину» – это не только методическое пособие (заметим, не просто для преподавательского и студенто-ученического корпуса, но и книга, позволяющая всему библиотечарскому составу республики готовить, проводить, внося свои местные элементы, самые привлекательные вечера о жизни и творчестве нашего просветителя.*

В исследовательско-литературоведческой деятельности М. Ефимовой обращает на себя внимание такое направление, как анализ издаваемой в Беларуси детской литературы, постоянное её рецензирование, ориентация читателей на проблемные аспекты. В нашей небольшой статье невозможно перечислить все статьи, рецензии, заметки, напечатанные ей в периодических изданиях республики. Отметим лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее заметные. Это рецензии на книгу стихотворений, сказок, шуток, загадок В. Зуёнка «Дом, полный

⁶⁶⁴ Яфімава, М. Ад укладальніка / М. Яфімава // Народу свайму ўслугуючы... – Мінск, 1990. – С. 3.

⁶⁶⁵ Там же.

* Отметим, что и другие методические и учебно-методические книги и материалы М. Ефимовой являются надёжными помощниками для педагогов при проведении мероприятий познавательного и воспитательного характера.

гостей» («Хата, поўная гасцей»),⁶⁶⁶ на книгу детских произведений П. Макаля «А богатство тут уникальное...» («А скарб тут адмыслы...»),⁶⁶⁷ представление книг Э. Огнецвет «Мы серьёзные, мы весёлые» («Мы сур'ёзныя, мы вясёлыя») и «Доктор Смех» («Доктар Смех»)⁶⁶⁸ на присуждение Государственной премии БССР книги прозы для детей «Добрый день, Валера» («Добры дзень, Валера»)⁶⁶⁹ В. Машкова и др. При этом для каждого из авторов М. Ефимова находит лаконичные оценки, выражающие сущность писательского мастерства. У В. Зуёнка — это, действительно, «дом, полный гостей»; у П. Макаля — «концентрация мира и человека», проверяемая требовательным детским читателем; у Э. Огнецвет — «понимание ответственности детского писателя за своё творчество, чтобы дать «детям чистые рассветы»; для П. Ковалёва — главная задача «заботиться о людях, о их жизни и делах, передавать юным читателям своё патриотическое вдохновение и влюблённость в жизнь».⁶⁷⁰ Особые слова исследовательница адресует нашему земляку Валентину Лукше, который, по её словам, «не ограничивает интересы читателей миром детства, ведёт их в большую жизнь, поднимает сложные проблемы и конфликты, учит ребят думать, действовать в соответствии с высокими нравственными принципами».⁶⁷¹

Глубокой аналитичностью, доказательностью, стремлением донести до читателя непреходящую значимость писательского наследия отличаются статьи М. Ефимовой, посвящённые творчеству (и, особенно в его детской части) Я. Мавра (Звезда. — 1983. — 9 мая), В. Вольского (Літаратура і мастацтва. — 1981. — 4 верасня), А. Якимовича (Звезда. — 1984. — 17 студзеня), П. Ковалёва (Настаўніцкая газета. — 1987. — 18 лістапада), Я. Беганской (Літаратура і мастацтва. — 1983. — 25 лютага) и др. С такой же скрупулёзностью готовились ею для печати материалы о литературоведческой и педагогической деятельности таких известных белорусских учёных, как заслуженный деятель культуры БССР, профессор М.Г. Ларченко, выдающийся детский писатель, педагог и методист В. Витка, критик и литературовед, активный участник Великой Отечественной войны, автор многих книг («Сатыра Кандрата Крапівы», «Кароткі літаратуразнаўчы слоўнік», «Фальклорныя матывы ў драматургіі Янкі Купалы» и др. статей и рецензий, доцент Могилёвского педагогического института А.А. Макаревич и др.

И ещё боец публикации-размышления над путями развития белорусской советской детской литературы, в т.ч. и для детей младшего школьного возраста,⁶⁷² постоянное участие в республиканских и союзных совещаниях по проблемам детской литературы, заседаниях «круглых столов», редакционных дискуссиях и обсуждениях, многочисленные встречи с преподавателями, учителями, студентами, организаторами педагогических воспитательных мероприятий.

Такой вот неутомимой труженицей, активным популяризатором белорусской советской детской литературы выступает наша землячка критик и литературовед Маргарита Борисовна Ефимова.

⁶⁶⁶ См.: Літаратура і мастацтва. — 1987. — 23 кастрычніка.

⁶⁶⁷ Там же. — 1988. — 23 верасня.

⁶⁶⁸ Там же. — 1986. — 27 кастрычніка; Советская Белоруссия. — 1986. — 13 октября.

⁶⁶⁹ Літаратура і мастацтва. — 1975. — 12 снежня.

⁶⁷⁰ Настаўніцкая газета. — 1987. — 18 лістапада.

⁶⁷¹ Ефимова, М. Валентин Лукша. Лето круглый год / М. Ефимова // Нёман. — 1988. — № 10. — С. 172–173.

⁶⁷² См.: Настаўніцкая газета. — 1979. — 20 кастрычніка.

АНАТОЛИЙ МОЙСЕЕНКО

В ряду известных белорусских литературоведов, родившихся на Витебщине, значится и уроженец деревни Холошеевка Дубровенского района **Анатолий Федосович Мойсеенко**. Родился А. Мойсеенко 1 сентября 1940 года. В 1957 году окончил Добринскую среднюю школу и поступил на литературный факультет Минского педагогического института имени М. Горького. После окончания института в течение пяти лет работал в системе народного образования Минской области (учителем, завучем, директором школы). В 1967 г. поступил в аспирантуру пединститута, после окончания которой работал в этом же институте ассистентом, старшим преподавателем кафедры белорусской литературы. Защитил диссертацию по теме: «Творчество Михася Зарецкого. Становление таланта». С 1975 г. работал доцентом Минского института культуры. Умер 25 июля 2009 г.*

Начинал с поэзии. Первые его стихотворения, напечатанные на страницах республиканских газет, датируются 1962–1963 гг. («Надёжные ключи» («Надёжные ключи») – Настаўніцкая газета. – 1962. – 5 верасня и «Тебя не предам» я нікогда» («Табе не здраджу я ніколі») – Чырвоная змена. – 1963. – 13 студзеня).

В конце 1960-х – 1970-е годы активно выступал в печати как рецензент и литературный критик. Соавтор таких изданий, как «Вялікі кастрычнік і беларуская літаратура» и «Гісторыя беларускай савецкай літаратуры: 1917–1940».

В самых общих оценках творческую деятельность А. Мойсеенко можно разделить на два больших, значимых периода. Первый – «вхождение» в литературоведение, активное печатание статей и рецензий на новые явления в белорусской литературе и второй – «накопление» материалов и осмысление творчества одного из зачинателей белорусской советской литературы М. Зарецкого. На наш взгляд, всё же надо поставить исследовательскую работу, связанную с творчеством М. Зарецкого в 1920 – начале 1930-х годов (она же, по сути, станет фундаментом и для последующих успехов в учебной, учебно-методической и популяризаторской деятельности учёного и педагога. – А.Р., Ю.Р.) на первый план. Ведь именно монография А. Мойсеенко о становлении творчества М. Зарецкого станет глубокой основой для донесения до студентов и учащихся той огромной роли, которую наш земляк из Сенненского района М. Зарецкий сыграл в становлении новой национальной литературы. Появятся статьи, рецензии, заметки о творчестве белорусских писателей, в которых в контексте общих рассуждений постепенно прослеживается стержневая позиция А. Мойсеенко в осмыслении прозы М. Зарецкого.

Мы понимаем, что выбор такой темы исследования для начинающего критика и литературоведа – обращения к творчеству М. Зарецкого – было не просто желанием заявить о себе в литературной богеме Беларуси, но, как оказывается, молодого исследователя больше всего привлекала самобытность таланта М. Зарецкого, широта его творческого диапазона, умение увидеть и по-художественному осмыслить социально-политические и морально-этические проблемы своего времени.

Масштабность задуманного требовала фундаментальной подготовки. Как оказалось, защиты кандидатской диссертации было явно недостаточно – требовалось более глубокое постижение литературного процесса, выработка собственных оценочных подходов, ориентация на выделение в анализируемых явлениях и процессах главного, существенного. Надо было найти ту основу, ту поч-

* Приходится сожалеть: За рамками нашего временного исследования А. Мойсеенко заявит о себе и как поэт («Навальнічныя вёрсты. Вершы, паэма». – Мінск, 2002) и как исследователь народного фольклора («Роздум. Вершы. Паэма». – Мінск, 2010) (заметим, что книга была издана уже после смерти А. Мойсеенко).

ву, которые стали бы опорой в решении поставленной цели. И этой опорой, на наш взгляд, стали народные истоки, культура белорусов, их вековые традиции. Не последнюю роль сыграло и знакомство и общение с известными литературоведами (Н. Гринчик, А. Лис), философами (Н. Крюковский, Э. Дорошевич), историками (А. Грицкевич, О. Трусов). В периодических изданиях стали появляться литературоведческие статьи, рецензии, заметки. Постепенно формировались оценочные суждения, целостное понимание литературной жизни. Вот лишь некоторые из выводов, сделанных А. Мойсеенко в 1970-е годы. О творчестве основателя белорусской советской детской литературы Я. Мавра: «У сваіх творах пісьменнік ставіў не толькі выхаваўчыя, але і адукацыйныя задачы, навуковыя звесткі імкнуўся падаваць ярка, эмацыянальна, вобразнай мовай... Невыпадкова яго творы сталі сапраўднай скарбонкай звестак з галіны геаграфіі і прыродазнаўства. Па тэматыцы і жанравых асаблівасцях, па праўдзівасці і псіхалагічнай дакладнасці адлюстраванага апавесці Янкі Маўра – адны з самых выдатных твораў у савецкай літаратуры».⁶⁷³ О поэтическом мастерстве А. Кулешова: «Паэзія А. Куляшова – паэзія пошуку, вялікага інтэлекту філасофскіх абагульненняў. Прасякнутая імкненнем асэнсаваць жыццё ў росце, у руху, палёце, адухоўленая пафасам героікі і рамантычнай накіраванасці, яна з’яўляецца ўзорам наватарскага, па-грамадзянску сталага і паўнакроўнага мастацтва, магчымасці якога не ведаюць межаў».⁶⁷⁴ Или о книге очерков В. Мысливца «Рабочие люди»: «Вартасцю кнігі «Рабочыя людзі» з’яўляецца і тое, што ўсе вобразна-выяўленчыя сродкі ў ёй падпарадкаваны галоўнай публіцыстычнай задуме – паказаць багацце асобы рабочага чалавека, высакароднасць яго дзейнасці. Пісьменнік добра ведае матэрыял, настойліва шукае і знаходзіць дакладныя словы і ярка расказвае пра сваіх герояў, прадстаўнікоў рабочага класа рэспублікі, пра іх жыццё, турботы, радасці і перажыванні».⁶⁷⁵

Были и другие статьи, рецензии, заметки, предисловия и послесловия к издаваемым белорусскими литераторами книгам. Лейтмотивом во многих из них проходило осмысление судеб народа Беларуси, малой родины на Дубровенщине, где проходили деревенское послевоенное детство и юность и всю жизнь прожила мать, воспитывавшая без погибшего на Великой Отечественной войне мужа пятерых детей. Однако в сознании постоянно присутствовало понимание неотрывности «малой родины» от родной Беларуси. В «большой родине» юноша видел возможность к реализации своих задумок и планов. В этой диалектической связи «малая родина» – «большая родина» и вырос молодой исследователь, стремящийся быть на острие литературной жизни.

Вот лишь некоторые из статей, замеченных и читателями, и специалистами: рецензия на книгу А. Кавруса «Из родников родного языка» («З крыніц народнай мовы») (Літаратура і мастацтва. – 1968. – 18 чэрвеня); И. Басса «Литературные поиски, находки, исследования» («Літаратурныя пошукі, знаходкі, даследванні») (Пытанні гісторыі: матэрыялы XII канферэнцыі маладых вучоных. – Мінск, 1969); М. Лазарука «Белорусская поэма в конце XIX – начале XX ст.» («Беларуская паэма ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя» (Маладосць. – 1970. – № 10; Народная асвета. – 1970. – № 1); Р. Шкрабы «Белорусская советская литература» («Беларуская савецкая літаратура») (Народная асвета. – 1975. – № 1); В. Коваленки «Стремление духовности» («Прага духоўнасці») (Полымя. – 1975. – № 11). Сославшись на цитируемые источники, мы лишь хотели показать сегодняшнему читателю, как постепенно и настойчиво А. Мойсеенко осваивал литературоведческую грамоту, вырабатывая не только требовательность к собственным выводам и оцен-

⁶⁷³ Майсеенка, А. Пісьменнік-педагог / А. Майсеенка // Народная асвета. – 1973. – № 5. – С. 81.

⁶⁷⁴ Майсеенка, А. Паэзія вялікіх адкрыццяў / А. Майсеенка // Народная асвета. – 1974. – № 2. – С. 89.

⁶⁷⁵ Звязда. – 1913. – 27 чэрвеня.

кам, но и объективную ориентацию читателя на суть событий и явлений в литературной жизни Беларуси. А ещё была разноплановая учебная и учебно-методическая работа – подготовка учебных и учебно-методических пособий, учебных планов и программ, руководство научной работой студентов. Часто приходилось выступать с лекциями и беседами на литературных вечерах, встречах в молодёжных общежитиях, рабочих аудиториях.

«Накопительный» (назовём его так. – А.Р., Ю.Р.) период завершился в 1978 году, когда издательство «Вышэйшая школа» выпустило в свет его новую главную книгу «Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту», даже через 20 с лишним лет после выхода, получившей оценку, как «бліскавай манаграфіі». ⁶⁷⁶

Что же выделяет книгу А. Мойсеенко из обилия исследовательской литературы о творчестве М. Зарецкого?

На наш взгляд, это отличие состоит в следующем:

Во-первых, в чётком разграничении временных параметров (этапов), в которых формировалось и зрело писательское мастерство М. Зарецкого. Это два этапа творчества (первый с 1922 г. и до начала 1930-х годов и второй – от начала 1930-х годов и до конца жизни (1937), в свою очередь дифференцируется на периоды, характеризующиеся диалектическим развитием мастерства М. Зарецкого.

Первый период – от ранних рассказов (первый рассказ М. Зарецкого «В Савках» («У Саўках») напечатан в «Советской Белоруссии» 29 декабря 1922 г. – А.Р., Ю.Р.) и появление первых прозаических сборников «Пела весна» («Пела вясна» (1925), «Под солнцем» («Пад сонцам») (1926) и «42 документа» («42 дакументы») (1926). К ним тематически и содержательно примыкает сборник рассказов «В водовороте жизни» («У віры жыцця») (1929).

Второй период – от публикации повести «Голый зверь» («Голы звер») в 1926 г. до выхода в свет отдельным изданием для творчества романа «Тропы-дорожки»*. Заметим, что в этом временном промежутке важным, знаковым для М. Зарецкого явился 1927 г., когда он вышел из литературного объединения «Молодняк» и присоединился к литобъединению «Полымя», созданному старейшими белорусскими писателями Я. Купалой, Я. Коласом, Т. Гартным, В. Голубком. Для М. Зарецкого – это было не просто смена одной литературной организации на другую; принятое решение диктовалось творческими интересами, неудовлетворённостью художественных принципов «Молодняка», пониманием необратимости поступательного развития белорусской литературы в конце 1920-х – 1930-х годах.

Третий период связан с творческими поисками М. Зарецкого на рубеже 1920–1930-х годов (1928–1929), когда он стремится постичь сущность новой жизни, найти ответы на самые злободневные вопросы тогоčasного общественного развития (очерк «Путешествие на новую землю» («Падарожжа на новую зямлю») обращается к новому для его творчества драматическому жанру (пьеса «Ураган на болоте» («Віхор на балоце») (1928), драма «Белые розы» («Белыя ружы») (1929).

Во втором временном промежутке (этапе) выделяются два разноплановых периода.

Первый – начало 1930-х гг. – 1932 г., когда писатель активно изучал тему социалистического преобразования деревни (очерки о коллективизации «Письма от знакомого» («Лісты ад знаёмага», Полымя. – 1930. – № 4) и «Весна 1930 года» («Вясна 1930 года», Полымя. – 1930. – № 5, 6).**

⁶⁷⁶ Письмянкоў, А. Размова па сутнасці / А. Письмянкоў // Майсеенка, А. Навальнічныя вёрсты. – Мінск, 2002. – С. 5.

* Роман М. Зарецкого «Стежки-дорожки» публиковался в № 1–7 журнала «Полымя» в 1927 г.

** Отдельной книгой под названием «Письма от знакомого» очерки будут напечатаны в 1931 г.

Второй период более продолжительный – с 1932 г. (выхода в свет романа «Вязьма» до 1936 г. (из печати выйдет последнее прижизненное* произведение пьеса «Ная» («Ная»)).

Во-вторых, в выделении А. Мойсеенко в каждом из обозначенных периодов творчества М. Зарецкого специальных приёмов художественного осмысления действительности, содержательного и формотворческого аспектов, позволяющих писателю овладевать литературными приёмами, постепенно переходя от азов писательства к вершинам художественной зрелости.

Предлагаем вниманию писателя наше видение и понимание логики рассуждений литературоведа. Итак, особенности писательской манеры М. Зарецкого в первом периоде его творчества А. Мойсеенко в качестве исходного элемента в начале творческого пути Зарецкого называет следование последнего принципам «эмоционального романтизма», характеризуемого эмоциональной напряжённостью как характерной эстетической приметой литературы 1920-х годов, в которой и начинался литературный путь Зарецкого и которой наполнены его первые прозаические сборники «Пела весна» и «В водовороте жизни». Наиболее выразительно этот принцип реализован в одном из первых рассказов М. Зарецкого «Пела весна»: «Пела вясна... У шоламе гучным раз'юшаных павадак гімнам расла, расцвітала магутная свежая сіла. Расла, расцвітала. Пела вясна... Так смела і горда. Так радасна, шчыра... Смяялася звонка, задорна. Над старым струхнелым, смяялася. Над тым, што гарбаціць, корчыцца... Над тым, што баіцца зірнуць у агністы працяг, што сонца баіцца гарачага, палкага... Радасна пела вясна...».⁶⁷⁷ В качестве наиболее важных составляющих «эмоциональный романтизм» М. Зарецкого, на наш взгляд, можно выделить:

– пристальное внимание и интерес писателя к проблемам действительности, событиям Октябрьской революции и Гражданской войны, очевидцем и участником которых он был (рассказы из сборника «В водовороте жизни»);

– стремление осмыслить сложную этико-философскую проблему взаимоотношения общественного и личного и создать на основе её постижения произведения с драматически-напряжённым сюжетом (примером может служить рассказ «Враги» («Ворагі»). Справедливости ради заметим, что на начальном этапе творчества в решении поставленной задачи наблюдается противоречивость и незавершённость. Преодолеваемые постепенно, они окончательно исчезнут в рассказе «42 документа» из одноимённого сборника рассказов. Здесь писатель утверждает, что это противоречие вполне разрешимо при условии наличия у героев произведения единства цели и единства идейных взглядов, достигаемых в процессе преодоления разнообразных по характеру и остроте противоречий, существующих в самой действительности, в моменты исключительно высокого напряжения духовных и физических сил, в порыве страстей, по сути на грани драматизма, острого противостояния сил добра и зла. При этом действующие лица часто ставятся в неожиданное, часто исключительное положение, гиперболизируются (по убеждению самого М. Зарецкого с позиции романтического понимания творчества это оправдано и необходимо) (рассказ «В водовороте жизни»);

– отражение в художественных произведениях новых морально-этических нравов и проявлений (особенно, в деревенской жизни), формирующих в противостоянии со старыми патриархальными устоями характеры героев, психологию их взаимоотношений, по сути, новую мораль нового социалистического общества (рассказы «Мария» («Марыя»), «На молодое» («На маладое»), «Гануля» («Гануля») и др.;

* В 1936 г. М. Зарецкий был незаконно арестован, в 1937 г. присуждён к высшей мере наказания. Реабилитирован посмертно в 1957 г.

⁶⁷⁷ Зарэцкі, М. Пела вясна / М. Зарэцкі. – Мінск, 1925. – С. 3–4.

– диалектическое взаимодействие категорий героического и негероического, в котором героическое отождествляется с категорией прекрасного, а прекрасное, в свою очередь, выступает, как верность и преданность революционным идеалам. Реализация такой взаимосвязи ведётся писателем через постижение необычного и исключительного, хотя необычное чаще всего выступает формой передачи обычного, повседневного (рассказ «Поэма о чёрных глазах» («Паэма пра чорныя вочы»);

– разнообразие стилевой структуры ранних произведений (концентрация внимания на эмоциональной атмосфере, уход от бытовой детализации и подробных портретных характеристик, использование наиболее характерных для портрета персонажа статистических признаков и одного–двух эпитетов, экспрессивность, метафоричность и ритмика языка, насыщенного страстной поэтикой, эпитетами, метафорами, сравнениями, завершение отшлифованных предложений определениями, наречиями, сложными прилагательными, разработка и широкое использование диалога;

– осмысление тогочасной действительности средствами новеллистического жанра (сборники рассказов «Под солнцем» и «42 документа»), позволяющими более глубоко и уверенно использовать художественно-выразительные средства (более глубокая психологическая разработка образов героев и ситуаций, постоянно совершенствуемое мастерство сюжетопостроения, поэтика контрастов, отражающая столкновение психологических настроений действующих персонажей с жизненными обстоятельствами, гуманизм новых отношений между людьми и т.п.);

– переосмысление приверженности «эмоциональному романтизму», переход к романтически-лирическому пониманию жизни, постижению поэтики контрастов как одного из художественных средств выявления и понимания жизненных противоречий и острых психологических ситуаций, а также создания художественно-индивидуализированных характеров (примером может служить рассказ «На железной дороге» («На чыгунцы»). «Рамантизм прозы М. Зарэцкага, – отмечает А. Мойсеенко, – быў выяўленнем актыўнага, усхваляванага, павышана-эмацыянальнага ўспрыяцця таго, што адбывалася на вачах пісьменніка. Ён, рамантизм, складае арганічную ўласцівасць індывідуальнага стылю празаіка. Адсюль наяўнасць у творах М. Зарэцкага сімволікі, эфектнай яркасці выяўленчых сродкаў і паэтычнай мовы»;⁶⁷⁸

– наконец, усиление психологического начала в творчестве, стремление к всестороннему раскрытию психологии человека, постижению самых интимных уголков его души. Психологические искания в начале творческого пути, окрашенные романтической риторикой, уступают место более широкому диапазону художественно-психологических средств и приёмов (например, использование документальной формы как художественного приёма в рассказе «42 документа»), позволяющих видеть судьбы героев и движение их характеров через призму историзма, социальной предопределённости и философского осмысления их жизненных принципов и тех жизненных противоречий, в которых эти характеры и принципы проявляются (рассказы «Двое Жвировских» («Двое Жвіроўскіх»), «Смерть» («Смерць»), «Цветок пожелтевший» («Кветка пажоўклая») и др.). Стремление к психологизму непроизвольно вело писателя к опасному увлечению – акцентированию подсознательного и биологического в человеке, видению в биологическом побудительного мотива ко всей деятельности (первая часть рассказа «Радость»). К счастью эти попытки не получили дальнейшего развития в его произведениях.

Есть все основания утверждать, что А. Мойсеенко доступно и убедительно показал движение М. Зарэцкого от упрощённого понимания «эмоционального романтизма» в начале своей писательской деятельности к овладению секретами психологизма в литературном творчестве, объективации субъективного видения меняю-

⁶⁷⁸ Майсеенка, А. Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 26.

щейся действительности и диалектической взаимосвязи личного и общественного, более широкому использованию художественно-выразительных средств в произведениях малой прозы (рассказ, новеллистический жанр, документализм).

Мы разделяем вывод автора монографии о том, что «апавяданні М. Зарэцкага шмат у якіх адносінах уяўляюць сабой пачатак даследвання праблемы асабістага і грамадскага, пачатак выяўлення вялікага канфлікту, у якім сутыкаюцца сілы гуманізму з бесчалавечнасцю, чэрствасцю і раўнадушшам, што складае змест наступных твораў пісьменніка, у прыватнасці раманаў «Сцежкі-дарожкі» і «Вязьмо».⁶⁷⁹

В середине 1920-х годов (по нашему делению – второй период первого этапа) творчество М. Зарецкого обогащается как в тематическом, так и в жанровом отношении, совпадающими с общими магистральными процессами развития тогочасной белорусской прозы. Не преувеличивая, можно сказать, что в своих творческих поисках писатель часто выступал как первопроходец, первооткрыватель новых тем, идей и героев. Напряжённо работал над рассказами, молодой прозаик расширяет границы художественной формы, пробует осваивать другие жанры. И всё это было не только внутренним, органичным процессом роста самого писателя, развёртывание его собственных потенциальных возможностей. Это был осознанный поиск ответов на назревшую общественную потребность в более широком художественном изучении действительности, воплощении в художественной форме процессов и явлений, возникающих в социалистическом обществе. Результатом творческих исканий М. Зарецкого стали повесть «Голый зверь» и роман «Стежки-дорожки». В чём же их особенность? Не пересказывая в деталях, например, содержание повести «Голый зверь», сделаем небольшое отступление и отметим главное. К середине 1920-х годов, свидетельствует история, стали очевидными успехи социалистического строительства, был успешно завершён период восстановления разрушенного в послереволюционные годы народного хозяйства. Однако противостояние полярных сил (частнособственничества и новых методов хозяйствования) не только сохранилось, но и приняло самые острые формы – это уже был вопрос не теории, а непосредственно практики. И он нашёл своё выражение в короткой формуле «кто кого»: НЭП и мелкобуржуазная идеология и мораль или развитие общества по законам социализма с его коллективистским и гуманистическим началом.

Повесть М. Зарецкого «Голый зверь» как раз и «била в точку», развенчивая «философию» нэпманства, вскрывала историческую осуждённость и неизбежный крах мелкобуржуазного индивидуализма, что новые методы хозяйствования и формирования человека нового склада превратят страну из нэповской в социалистическую. Повесть «Голый зверь» предупреждала об опасности, исходящей из воинствующего мещанства и индивидуализма, звала читателей на борьбу с подобной идеологией.

Повесть, написанная со знанием жизни и построенная по принципу контраста (проходимец и махинатор Яроцкий – коммунист Горский, любовница Яроцкого Лидочка и общественная активистка Нина), первоначально положительно оценивалась критикой. Вот, например, одна из них: М. Зарецкий «даў магчымасць лепш разглядзець не толькі паразітаў – звяроў грамадства, але і іх учынкi і каранi гэтых учынкаў. Горскі і Яроцкі сімвалізуюць дзве часткі грамадства, дзве пароды людзей. Толькі так зразумеўшы аповесць, можна яе правільна ацаніць».⁶⁸⁰ Однако к концу 1920-х годов оценки резко изменились. П. Головач и

⁶⁷⁹ Майсеенка, А. Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 37.

⁶⁸⁰ Аршанскі маладняк. – 1926. – № 3. – С. 38.

А. Звонак в журнале «Маладняк» не только подвергнут повесть острой критике, но и выскажутся в адрес М. Зарецкого: «І вось атрымліваецца тое, што аўтары гэтых твораў (К. Федин и М. Зарецкий. – А.Р., Ю.Р.) свядома ці несвядома з’явіліся выказнікамі ідэалогіі варожага класа».⁶⁸¹ Критика строилась на том, что М. Зарецкий активному махинатору Яроцкому противопоставил Горского, определяемого, как «бяздушны, хадульны тып, фактычна пасіўны» (П. Галавач, А. Звонак). Формально это так и есть. Образ коммуниста Горского выглядит эпизодическим. Но ведь не следовало рецензентам и критикам конца 1920-х годов да и 1970-х годов (А. Мойсеенко отмечает, что литературная критика 1970-х годов одним из главных недостатков повести считает схематизм и неполнокровность положительного героя) упускать из виду следующие позиции:

– Именно Горский стал той реальной силой, вставшей на пути Яроцкого и победившей его, развенчавшей примитивный моральный кодекс «голового зверя», ничтожность и преступность его махинаторских деяний.

– К середине 1920-х годов белорусская советская литература вообще не имела полнокровного, масштабного образа коммуниста. Попытка его создания вполне могла сопровождаться не только успехами, но и определёнными издержками.

– Почему-то по-за вниманием «воинствующих» критиков осталась позиция «сподвижника» Горского, а именно позиция самого автора, в сердце которого жила и водила его пером огромная любовь к новой жизни и глубокая ненависть к «зверю» в человеке. А поэтому уже на первых страницах ощущается критическая, более того, разоблачающая Яроцкого писательская позиция. Отрицая мораль «голового зверя», развенчивая её, писатель не только укрепляет позицию Горского, но и вместе с ним утверждает новые принципы человеческих отношений. Безусловно прав наш земляк, литературовед П. Матрунёнок, считающий, что при оценке таких произведений следует иметь в виду «...эмацыянальныя адносіны аўтара і герояў да зла, той фініш, да якога аўтар прыводзіць адмоўнага героя».⁶⁸²

– Упускается из виду то, что противостояние Горского и Яроцкого – это лишь канва произведения. Главная же задача заключается в развенчании антиобщественной сущности психологии и философии индивидуализма и, используя другие приёмы и средства, писатель решает её весьма успешно: «расшифрован» и идейно разоружён Яроцкий, сделана попытка вывести Лидочку из-под его тлетворного влияния, создана исторически-правдивая картина мещанской жизни и её носителей.

Справедливости ради, отметим в повести и определённые просчёты. К примеру, такой значимый, как слабая мотивация поступков героев, которые иногда выглядят инстинктивными, непонятными, диктуемыми подсознанием, а не психологической выверенностью и определённой. Критиками отмечалась и некоторая биологизация образа Яроцкого. Однако, как нам кажется – это были недостатки роста: очень быстрыми шагами шёл М. Зарецкий в большую литературу, не покидая избранную тематику, разрабатывая её в последующих романах, пьесах, очерках.

И первым крупным произведением стал роман «Тропы-дорожки», вышедший из печати в то время, когда одной из злобных проблем белорусской советской прозы стала проблема эпоса вообще и проблема эпического героя и эпических средств отражения в частности. Отметим и тот факт, что роман М. Зарецкого был написан тогда, когда в печати появились утверждения, будто роман как жанр изжил себя. Однако, как оказалось, «пісьменнік паспяхова авалодваў складаным жанрам рамана, майстэрствам псіхалагічнага аналізу, а намалюваныя

⁶⁸¹ Галавач, П. Супраць буржуазнае рэакцыі ў мастацкай літаратуры / П. Галавач, А. Звонак // Маладняк. – 1929. – № 11–12. – С. 168.

⁶⁸² Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А.П. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 188.

ў твора вобразы маюць права на самастойнае жыццё ў літаратуры». ⁶⁸³ С мненнем А. Майсеенка нельга не сагласіцца. Во-первых, рамкі сказа становіліся сдерживающим механізмам у творчасці М. Зарэцкага. Яго ідэйна-творчасці рост, з адной боку, і выхад беларускай літаратуры на асваенне актуальнай грамадзянска-палітычнай тэматыкі – з другой, з неабходнасцю ставілі задачу стварэння шырокіх, маштабных прадзвіццяў, воссоздающих у мастацкай форме дзесяцілетнюю гісторыю сацыялістычных пераўтварэнняў. Ёсць усе асновы ўтвердзіць, што ўзятая ў развіццё ў сказах тэма Окцябры і яго ўплыву на грамадзянскія адносіны ўжо ў «Тропах-дарожках» будзе значна пашырана, прыбярэ новыя аспекты мастацкага адлюстравання, будзе характарызавацца больш шырокім ахватам працэсаў і з’яўленняў тагачаснай рэальнасці. Во-вторых, наліцо гістарычная заканамернасць у абрашчэнні М. Зарэцкага к раманнаму жанру. Стремленне пісателя к больш глыбокаму постижению новых адносін паміж людзьмі праз усиліне псіхалагічнага пачатку і аналіз дыялектыкі чужых і переживаний чужака спосабствавалі актывізацыі працэса ўнутранага развіцця таланта пісателя. Ён пачуваў, чужаваў, што мастацкае осмысленне рэальнасці ў усёй поўнасці і многіплановасці магчыма толькі ў рамках романа. К таму жэ пачуліся словы В. Белінскага аб тым, што змест романа – гэта «мастацкі аналіз сучаснага грамадства», а яго мэта – «адлюстраванне момантаў грамадзянскасці, паэтычны аналіз грамадзянскай жыцця». ⁶⁸⁴

Імяна раманнага жанру не толькі адкрываў для М. Зарэцкага шырокія магчымасці для стварэння тыпічных характараў у працэсе іх фарміравання і становлення ў тыпічных абставінах, но і трыбаваў ад пісателя як цэльнага пачування рэальнасці, так і цэльнага перадачы гэтага пачування ў мастацкаму прадзвіцця.

Тэмай сваяго раманнага паведавання М. Зарэцкі выбрав упершыню ў беларускай літаратуры такую складную і многіплановую праблему, як дыялектыка ўзаемаадносін інтэлігенцыі і рэвалюцыі. Актывна іспользуя свая жыццёвы апыт, пісатель ў сферу мастацкага адлюстравання і осмыслення, увёў многа новых фактаў, з’яўленняў і збываў шырокага грамадзянскага гучання. Адрічальнай асабнасцю романа «Тропы-дарожкі», на наш выгляд, з’яўляецца тое факт, што пісатель свая ўважанне сконцэнтраванаў не на апісанні гістарычных збываў (хоча іх за перыяд паведавання з Февральскай рэвалюцыі 1917 г. і да 1920 г., кда ў Беларусі велася актывная бярба з Белопольскімі захватчыкамі і бандытызмам, было агромнае калічэства), а на тым, як гэты збываў ўплываў на становленне характараў яго герояў, іх судыбы, ўглядзі, псіхалагічэскую матавацыю іх дзействаў і паступкаў. У романа сліваюцца ўядына прычынасць, ўзаемазв’язь і ўзаемаабумоўленасць ў працэсе развіцця гісторыі і фарміравання новага Чужака, рэалізм і рамантызм ў адлюстраванні гэтых працэсаў ў літаратурнаму фарме.

Канцэнтраванае выражанне дыялектыка абазначенай пісателям праблемы знайдзе ў абразе глывага героя романа семінарыста Васілія Лесніцкага, путь ў рэвалюцыю каторага пазваляе аўтору раскрыць сацыяльна-наравнае састаянне тагачасных горада і дэравні. У пачале романа Лесніцкі – гэта маладой чужака вельма далёкі ад грамадзянска-палітычнай бярбы. Ён не відзі прычына-следствяных зв’язей ў прадзыхаючых збываў і пачому і не можа разбярэцца ў складнасцях палітычнага сацыяльнага ваяннага пратывастаянннн. Яго інтэлекту-

⁶⁸³ Майсеенка, А. Творчасць М. Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 50.

⁶⁸⁴ Белінскі, В.Г. Поўнае собр. соч.: ў 13 т. / В.Г. Белінскі. – М., 1956. – Т. 10. – С. 317.

альные поиски – поиски «точки опоры», своего места в жизни, своей «линии», своей «стежки-дорожки» захватывают целиком и полностью его душу и сердце. Герой много думает, философствует, спорит. Эволюция во взглядах и поступках главного героя происходит постепенно (в конце романа Лесницкий большевик, комиссар воинского соединения, человек, которому Советская власть доверила дело борьбы с контрреволюционными бандами). Проследивая её, писатель глубоко и убедительно определяет и раскрывает причины, определившие путь его героя-интеллекта от признания социалистической революции до превращения в активного и сознательного защитника её завоеваний. Сделать это оказалось непросто. Отсутствие необходимого опыта воплощения характера героя как совокупности социально-психологических и морально-этических факторов привела к тому, что в романе психологически малоубедительным выглядит превращение Лесницкого в героя-комиссара, во многих эпизодах слабо проявляется внутреннее действие, мысли и чувства главного героя, который лишь наблюдает сцены, а не переживает их, нет-нет да и замечается противоречивость и непоследовательность М. Зарецкого в реализации новых принципов образной типизации героев и их романтической окраски, заметно (особенно в последних разделах) увлечение детективно-приключенческими мотивами.

Отметим следующее. Перед читателем Лесницкий в качестве комиссара лишь в эпилоге, т.е. через три года после знакомства с ним. И в границах этого периода М. Зарецкий стремится с психологической точностью показать стадии эволюции своего героя. Перед читателем выстраивается ряд, в котором Василий Лесницкий предстаёт как человек несколько рефлексивный, равнодушный к политическим событиям, во встречах с крестьянами родной деревни, коммунистами Андреем и Гольдиным, командиром партизанского отряда Багуном, народником, лидером Матруниным, эгоистом и индивидуалистом Славиним, анархистом, бывшим одноклассником-семинаристом Халимой. Не остались без внимания писателя любовные отношения с Макриной, панской дочерью Раисой, революционеркой Ниной...

Нельзя оставить в стороне и тот факт, что, создавая образ Лесницкого, автор наделил его многими собственными мыслями, чувствами переживаниями, передал ему много чего от своего собственного чрезвычайно богатого жизненного опыта, что и стало основательной гарантией полнокровности и жизненной убедительности характера главного героя.

Читая роман, замечаешь, что иногда в начале того или иного раздела писатель как бы «сбрасывает» с себя маску своего героя и ведёт рассказ от своего имени, разъясняя читателю то, в чём его герой ещё не разбирается, до понимания чего он не дорос. Справедливости ради, заметим, что такого рода экскурсы не ломают психологию главного героя, ибо воспринимаются читателем именно как авторские отступления, а не как позиция Василия Лесницкого.

Нельзя не согласиться с самим М. Зарецким, утверждавшим, что внутренний мир Лесницкого (а внутреннее действие в романе преобладает, стоит на первом плане), его осознанный переход на сторону Советской власти – это кульминационный пункт, завершающий трёхлетний этап психологической перестройки героя. Или, как отмечает А. Мойсеенко: «Увесь папярэдні жыццёвы шлях Лясніцкага і ёсць глыбокая матывіроўка (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) яго пераўтварэння ў сапраўднага бальшавіка».⁶⁸⁵

Мы упоминали выше несколько имён, имевшие отношение к Василию Лесницкому (Андрей, Нина, Халима, Славин, Мокрина, Раиса и др.). Это герои второго и третьего плана, появляющиеся в романе лишь тогда, когда они являются объектами восприятия главного героя, когда беседуют с ним, спорят, соглашаются, сража-

⁶⁸⁵ Майсеенка, А. Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 58.

ются. «Самостоятельно», «независимо» от Лесницкого они, пожалуй, не существуют, автор не рассказывает о их судьбах и после того, как они распрощались с главным героем. И тем не менее на страницах романа мы встречаемся с ними, переживаем за них, но «смотрим на них лишь глазами Лесницкого, видим и воспринимаем только то, что видит и воспринимает он сам. Причина этого суждения в характере самого Василя, его умение наблюдать, замечать, подчёркивать, подсказывать, разъяснять нам всё самое характерное, психологически содержательное в поступках, поведении, словах и делах других героев.

М. Зарецкому, на наш взгляд, удалось главное – раскрытие процесса формирования героического в человеке, происходящее в условиях острой классовой борьбы у жестокого и идейного противостояния. Такой результат и перемена в писательской позиции, в мировоззрении писателя и определила изменения в его писательской манере (сочетание высокого лирического накала, романтического пафоса с публицистичностью). Стремление проникнуть в сложный мир человеческих чувств и переживаний, уход от внешней привлекательности и описательно-биографической композиции, чувство художественной меры в сочетании с пышными метафорами, красивыми эпитетами, сравнениями и элементами этнографии (Купала, свадьбы) и фольклора (легенды, предания) сделали роман «Стежки-дорожки» привлекательным, свидетельствующим как о незабываемых революционных событиях на Беларуси, так и о напряжённых социально-духовных поисках белорусской советской прозы второй половины 1920-х годов.

В 1927 г. М. Зарецкий написал близкий в идейно-тематическом отношении к роману «Стежки-дорожки» очерк «Тени кровавого прошлого...» («Цені крывавай мінуўшчыны»), воссоздающий восстание крестьян на Бобруйшине против интервентов и белогвардейцев в годы Гражданской войны. С одной стороны, в очерке прослеживается связь между незабываемым прошлым, современностью и счастливым будущим; с другой – высокая патетика, возвышенные авторские интонации соседствуют с разговорно-бытовыми реалиями. Пронизанные авторской эмоциональной чувствительностью, они формируют ощущение трагизма, но вместе с тем убедительно раскрывают героизм народных масс, поднявшихся на борьбу за свободу и независимость.

Подводя итоги творческой деятельности М. Зарецкого на раннем этапе его творчества, А. Майсеенко отмечает, что написанное за эти годы «дазваляла грамадскасці глядзець на яго з вялікай надзеяй і абгрунтаваным аптымізмам: пісьменнік знаходзіўся на пачатку вялікай дарогі, а талент яго рос, мужнеў, з кожным новым творам набываў новыя якасці».⁶⁸⁶

На рубеже 1920–1930-х годов (по нашему делению третий период первого этапа) М. Зарецкий работал также активно, как и в предыдущие годы. И если раньше предпочтение отдавалось событиям революции и Гражданской войны, то новое время требовало художественного ответа на самые злободневные вопросы. Писатель не хотел и не мог устраниваться от этих проблем. Запас знаний пополнялся в ходе поездок по стране и за границу. М. Зарецкий часто выступал в разных уголках республики, отдавая предпочтение близким душе Оршанщине и Могилёвщине.

Свои впечатления от увиденного и услышанного он изложил в очерке «Путешествие на новую землю»,* не просто написанном на конкретном материале тогочасной крестьянской жизни (поездка М. Зарецкого в Любанский район на важную мелиоративную стройку – осушение Марьинского болотного массива), но и поднимающем актуальные социально-значимые проблемы социали-

⁶⁸⁶ Майсеенка, А. Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 66.

* Печатался в газете «Советской Белоруссии» в октябре–ноябре 1928 г. Отдельной книгой издан в 1929 г.

стических преобразований. Взяв за основу два главных компонента – описание природы Полесья и жизнь местного населения, автор заявил о своём понимании созидательной роли человека, выступающего носителем новых общественных отношений. Марьинский болотный массив в прошлом – это сыпучие пески и безграничная цепь болотных просторов, «вада і неба, як у легендарным біблейскім хаосе...» и над всем этим «бездонная» тишина и одинокая фигура крестьянина на бугре, что символизирует беспросветную тьму и бессилие человека перед мощной, неподвластной ему стихией. Увиденное М. Зарецким – это прежде всего созидательный труд человека, изменяющего обличье края, это мощный гул землечерпалок, это каналы и коллекторы, это энергичные лица инженеров-мелиораторов, это самоотверженный труд строителей.

Наблюдательность и внимание к масштабным работам позволяют М. Зарецкому сделать вывод о несовместимости наследия прошлого с огромным размахом ведущихся работ: «Ці можа пагадзіць, злучыць у адно той магутны творчы размах, тое шырокае будаўніцтва новага шчасця з гэтым адвечным жудасным брудам і цемраю».⁶⁸⁷ А. Майсеенко даёт очерку следующую оценку: «Арыгінальны па форме, насычаны цікавым гістарычна пазнавальным, этнаграфічным і статыстычным матэрыялам, нарыс «Падарожжа на новую зямлю» М. Зарэцкага каштоўны і цікавы сваім непасрэдным, праўдзівым выяўленнем умоў жыцця і барацьбы народа на пэўным этапе сацыялістычных пераўтварэнняў».⁶⁸⁸

В конце 1920-х годов М. Зарецкий обратился к новому для себя жанру – драматическому. Были написаны пьесы «Буря на болоте» и «Белые розы». Первая посвящена борьбе с мещанством, затрагивает повседневные морально-этические проблемы и решена на бытовом материале; вторая отражает героическую партизанскую борьбу в годы Гражданской войны. Справедливости ради, скажем, что попытка овладения жанром драматургии оказалась не совсем удачной. В пьесе «Буря на болоте» писателем «не ўсё прадумана ў развіцці асноўнага канфлікту твора. Персанажы амаль з першых слоў закрываюць тэму, пазбаўляючы аўтара магчымасці далейшага яе паглыблення. Вобраз Ганны (главная героиня пьесы. – А.Р., Ю.Р.) дэкларацыйны, схематычны».⁶⁸⁹ В пьесе «Белые розы» внешние события «засланілі ўнутраны свет персанажаў. Тут шмат выпадковасцей, якія амаль не выяўляюць вобразы дзейных асоб, хоць і робяць драму знешне займальнай. Таму важны сацыяльна-грамадскі канфлікт, пакладзены ў аснову твора, пісьменнік вырашыў неглыбока».⁶⁹⁰

В 1928–1929 гг. М. Зарецкий работал над исторической драмой «Рагнеда» («Рагнеда») (утеряна), романом «Кривичи» («Крывічы») (полностью не был напечатан), занимался переводческой деятельностью (перевёл на белорусский язык «Цемент» Ф. Гладкова, «Приключения храброго солдата Швейка» Я. Гашека и др.).

Логичным, на наш взгляд, будет вывод о том, что творчество М. Зарецкого второй половины 1920-х годов характеризуется разнообразными жанрами (работал в жанре рассказа, повести, романа, очерка, драмы). Хотя на творческом пути встречались некоторые неудачи, всё же развитие писательского мастерства шло поступательно, оказывая существенное влияние на развитие белорусской советской литературы.

Представляется логичным и закономерным проявившийся у М. Зарецкого интерес к познанию социалистических преобразований в деревне, который не мог быть реальным лишь в одном «Путешествии...». Читатели ждали продолже-

⁶⁸⁷ Зарэцкі, М. Падарожжа на новую зямлю / М. Зарэцкі. – Мінск, 1929. – С. 46.

⁶⁸⁸ Майсеенка, А. Творчасць М. Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 69.

⁶⁸⁹ Там же. – С. 70.

⁶⁹⁰ Там же. – С. 70–71.

ния рассказа о новой жизни, новой психологии, новых обычаях и традициях, складывающихся в деревне во времена великого исторического поворота. И в 1930 году журнал «Польмя» печатает два его рассказа о коллективизации – «Письма от знакомого» и «Весна 1930 года». Проникнутые одной идеей и очень близкие по своей тональности, они могут рассматриваться, как единое целое. От печатавшихся в то время в газетах и журналах материалов об изменениях в жизни белорусской деревни их выгодно отличают два взаимосвязанных качественных элемента: во-первых, насыщенность актуальным фактическим материалом и во-вторых, глубокая убежденность писателя социальной и духовно-нравственной значимости происходящих в белорусской деревне изменений. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что противоречия жизни в очерках М. Зарецкого отражены объективно, остро, убедительно и зафиксированы в живых, запоминающихся художественных образах.

В очерках, как считает А. Мойсеенко, «выявіліся многія рысы творчай індывідуальнасці пісьменніка (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). Гэта перш за ўсё – цікаваць да найбольш важных падзей сучаснасці, уменне ўлавіць і выдзеліць асноўны канфлікт рэчаіснасці, здольнасць увасобіць падзеі гістарычнай важнасці ў яркіх мастацкіх вобразах, цяга да псіхалагізму»⁶⁹¹ (всё выделено нами. – А.Р., Ю.Р.).

Отметим и тот факт: «Письма от знакомого» – это своеобразный пролог к масштабному роману «Вязьмо», вошедшего в историю белорусской советской литературы как значительное достижение на пути её идейно-художественного роста. Отдельные эпизоды и ситуации, некоторые персонажи в романе получают иное наполнение и осмысление, а значит, и другое общественное звучание.

Назовём несколько наиболее значимых характеристик книги «Письма от знакомого», которые отмечает А. Мойсеенко в своей монографии. Это:

- не только уникальный пример серьёзного участия писателя в строительстве нового общества, но и результат его тесных связей с жизнью колхозной деревни;
- новизна материала, открывающего для читателя рождённые жизнью конфликты, проблемы и противоречия;
- внимание к сельскому труженику, для которого и проводилась коллективизация;
- правда в отношении к отражению тогочасной действительности, тех неожиданных тенденций и явлений, которыми сопровождалась реализация политики партийной и советской власти в белорусской деревне начала 1930-х годов;
- уход от детализации и статичности, умение обобщать увиденное, находить в нём зародыш перспективных, глубинных проблем, видеть явления в триедином измерении «вчера» – «сегодня» – «завтра»;
- стремление избегать несущественного, показать общее через частное, классовое через индивидуальное и, наоборот, в общей картине сохранить индивидуальные черты;
- страстное осуждение собственничества, собственнических пережитков, идиотизм старой деревни, отсталости и костности в обычаях и взглядах крестьян;
- утверждение средствами художественного творчества принципов новой жизни, показ процесса через борьбу с отжившим, устаревшим, через контрастность и противоречивость людских поступков, явлений и фактов;
- уверенность в том, что только коллективный труд и новые общественные отношения смогут перевоспитать крестьянина в нового человека, избавить его от вековавшего индивидуализма и собственнической психологии;

⁶⁹¹ Майсеенка, А. Творчасць М. Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 75–76.

– диалектика художественного образа, публицистики и способности эмоционального воздействия на читателя, которой в полной мере соответствуют очерки М. Зарецкого (очерк «Письма от знакомого»);

– интерес к проблеме отношений между единоличниками и колхозниками, а также к психологии середняка в связи с имевшими место левацкими перегибами в отношении к середняку и бедняку, имевшими место до выхода в свет Постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искажениями партлинии в колхозном движении (14 марта 1930 г.);

– наконец, пристальное внимание к проблеме энтузиазма и трудового героизма, развитие социалистического соревнования, как явления нового, непривычного, способствующего формированию коллективистских отношений и духовно-нравственных начал в сельской жизни (очерк «Весна 1930 года»). Вот как понимал М. Зарецкий трудовой героизм, его сущность и массовость: «...Я зразумеў, энтузіязм бывае не толькі там, дзе гучныя словы і чырвоныя сцягі.

Ён бывае і там, дзе працоўныя людзі, сцяўшы зубы ад патугі і ўпартасці, бяруцца за марудную цяглу работу, за мураванне вялікага будынку агульнага шчасця.

Ён бывае там, дзе перашкоды, нястачы не палохаюць, не спыняюць працоўных людзей, а загартоўваюць іхнюю волю і рашучасць.

Ён бывае там, дзе працоўныя людзі вераць, не, не вераць, а ўпэўнены ў тым, што шлях, на які пайшлі яны – на які павяла іх магутная партыя пралетарыята – адзіны правільны і няўхільны....

З той пары я прызвычаіўся бачыць прамяні вялікага энтузіязму ў маленькіх зусім нязначных праявах жыццёвай дзейнасці. І я бачыў іх на кожным кроку».⁶⁹²

Очерки М. Зарецкого о белорусской деревне 1930-х годов – это тот характерный случай, когда публицистическая и образная мысль сливаются воедино, имеют в своём основании объективно-выверенные факты и события, и помогают автору выходить на масштабные обобщения, сохраняя при этом индивидуальную линию творчества. Думается, что А. Мойсеенко даёт объективную оценку книге «Писем...»: «Драматизм падзей і пачуццяў, глыбокая праўдзівасць у выяўленні жыцця народа, мастацкая пераканаўчасць і арыгінальнасць многіх вобразаў і карцін вызначаюць вялікае пазнавальнае і выхаваўчае значэнне гэтага твора».⁶⁹³

Последний период творческой деятельности М. Зарецкого связан с его главным масштабным романом «Вязьмо» (сначала печатался в журнале «Полымя рэвалюцыі» – 1932. – № 1–4; 1933. – № 1–3). Изданный в 1932 г. отдельной книгой он сразу же привлёк внимание и читателей, и литературной критики. Отметим, что определению роли и значения романа для литературного творчества писателя А. Мойсеенко посвятил значительную часть своей монографии (60 стр. из 148). Поэтому в целях избежания повторов мы обратим внимание читателя лишь на общеметодологические литературные принципы, которые позволят понять и реально охарактеризовать оценки и выводы А. Мойсеенко. Что же выделяется исследователем?

Во-первых, утверждение о более глубоком, органическом сочетании в творчестве писателя реалистических и романтических тенденций, усиление драматизации жанра, обогащение его такими качествами, как ирония, сатира, юмор, сарказм. Однако, в единой поэтической системе писателя в таком синтезе реалистическое нет-нет да и дополняется возвышенно-романтическими и лирическими описаниями (как, например, в отражении любви Виктора и Авчиньки, раскрытии характера Якуба Лакоты, в рассуждениях о будущем колхозе и др.).

⁶⁹² Зарэцкі, М. Лісты ад знаёмага / М. Зарэцкі. – Мінск, 1931. – С. 130.

⁶⁹³ Майсеенка, А. Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 147.

Правда жизни, стремление, происходящие преобразования последовательно раскрывают через судьбу героев, глубокий показ тогочасной действительности во всей полноте её противоречий и конфликтов сделали сюжет организации колхоза в местечке Сивец и образы романа (коммунисты Зеленюк, Лакотко, Коризна, Потерёб и противники колхоза во главе с кулаком Гвардианом) драматическими, остроконфликтными, волнующими и сегодняшнего читателя. Здесь уместно вспомнить М. Горького, писавшего, что у больших мастеров художественного слова реализм и романтизм как бы соединяются воедино.

Во-вторых, мастерское создание психологических характеристик, ярко выраженный психологический акцент, напряжение в котором вытекает не только из противостояния между носителями новых взглядов и защитниками старого уклада деревенской жизни, но и борьба высокой нравственности и человечности с носителями идеологии мелкого самолюбия и эгоизма. Здесь рельефно выделяется один из важнейших художественных принципов М. Зарецкого: писать не только о том, что окружает человека и воздействует на него, но и о тех психических, психологических и нравственных процессах, которые происходят в его душе.

Примечателен тот факт, что, создавая образ, М. Зарецкий всегда исследует его в связи с прошлым, с тем, что не исчезло в сознании человека, воздействует на него сегодня и, возможно, будет влиять на его жизнь завтра. И что закономерно и понятно, ибо человек как личность формируется продолжительное время, испытывая при этом мощное влияние узловых моментов истории и жизненных ситуаций, в которых складывалась его собственная биография. При этом используются самые различные средства – внутренний монолог, поступки, внешние детали, портрет, письма героев, несобственно-простая речь (?), авторская характеристика, художественная деталь, наконец, подтекст, адекватный глубине идейно-образной концепции произведения.

В-третьих, обогащение образной системы романа, в которой вместо романтических (в романе «Тропы-дорожки») героев действуют вполне реальные лица – коммунисты Зеленюк, Коризна, Лакотко, Якуб Лакота, комсомольский вожак Виктор, с одной стороны, и кулацкий актив во главе с Гвардианом – с другой. Однако их действия и поступки читателю становятся понятными лишь во взаимоотношениях с героями второго и третьего планов, или как назвал их А. Матрунёнко реалистически-условных, гротескно-сатирических». Таких, как Сивицкий «изобретатель», бедняк Ахрем Пунтик, прозванный в местечке Галилеем; бригадир Зеленюк, учительница Вера Засулич; крестьяне Прохор и Татьяна; руководитель местного драмкружка и местечковый «философ-мизантроп» аптекарь Планс; жена Гвардиана «молеподобная» Матруна Ивановна и др. Т.е. одноплановая композиция первого романа уступила место многоплановой, автор «изнутри» использует уже не одного, а многих героев, втянутых самой жизнью в острый, полный глубокого драматизма социально-нравственный конфликт эпохи. (Отметим, что А. Мойсеенко даёт глубокий анализ образов главных действующих героев Зеленюка – это Давыдов из «Поднятой целины» М. Шолохова; Якуба Лакоты – Размётного из той же «Поднятой целины»; Семёна Коризны; Потереба, Галилея – «изобретателя», кулака Гвардиана).

В-четвёртых, конструкция художественной системы, характеризующейся оригинальными композиционными и сюжетными решениями, которые наиболее соответствуют особенностям темы и концепции произведения. Построение сюжета, его основные элементы являются не только средством характеристики героя, но и становятся звеньями этой характеристики, и одновременно выражают авторское отношение к романному материалу. Характеры и сюжетно-композиционная структура романа неразрывно связаны и взаимообусловлены. Писатель уже на первых страницах «Вязьмо» вводит в действие большинство своих героев, уста-

навливает связи между ними, намечает будущие драматические столкновения характеров, т.е. ставит своих персонажей в исходное положение, открывающее широкую социально-психологическую перспективу. Небольшой временной (зима и первые весенние месяцы 1930 г.) и пространственный (границы одного местечка Сивец) всё же позволили М. Зарецкому сделать главное в жизни главным в произведении и поставить своих героев в тесную зависимость от напряжённой социально-нравственной борьбы, развернувшейся за колхоз. Этот структурообразующий элемент охватывает все сюжетные линии, определяет расстановку социальных сил, является основой всех событий, отражённых в романе.

Сложность и противоречивость в отношениях героев романа, конфликты в социальной, нравственной, бытовой сферах композиционно выстроены таким образом, что главные эпизоды, разделы и части романа расположены друг за другом, последовательно, не просто поддерживают мысли и чувства читателя в постоянном напряжении, но и позволяют из цепи разнообразных конфликтов сформировать целостное их воплощение. «У мастацкім стылі М. Зарэцкага, – отмечае А. Мойсеенка, – зліліся ў адно цэлае і радаснае ўспрыяцце аўтарам новага жыцця, і асуджэнне грамадскага зла, і страсная прапаганда сацыялістычнага гуманізму. Ааналіз мастацкай структуры, стылю твора дазваляе акрэсліць творчую пазіцыю аўтара, разгадаць яго адносіны да жыцця і разуменне пісьменнікам гістарычнай эпохі».⁶⁹⁴

Наконец, в-пятых, создание социального портрета белорусской деревни начала 1930-х годов. Люди, насквозь пронизанные частнособственнической психологией, вдруг услышали о принципиально для себя новом властном требовании – обобществлении скота и крупного имущества при вступлении в колхоз. Всё это порождало психологическую неуравновешенность, сеяло сумбур в головах и душах (вспомним слова одной из героинь из книги М. Зарецкого «Письма от знакомого»: «Лепш аддаць дзіця роднае, чымся карову...»), людей подталкивало к противостоянию. А ещё ведь была психология середняка, подкулачника и самих кулаков. К тому же на этот хаос накладывались неумелые, грубые, административные решения таких руководителей, как председатель райисполкома Рачковский, секретарь партийной организации Коризна (впоследствии исключённый из партии) и председатель сельсовета Потереб. М. Зарецкий, пусть и с некоторыми издержками (недостаточно глубокая разработка образов Зеленюка и Лакоты, отсутствие полнокровных образов крестьян, надуманность образа «недостигаемой чистой Веры Засулич, эскизность и конспективность отдельных сцен романа и т.п.) смог постигнуть и раскрыть сущность важнейших исторических перемен, происходящих в стране, на примере жизни одной белорусской деревни раскрыть идею исторической неизбежности и закономерности победы социалистической идеологии и морали над миром частной собственности, наживы и ... массовой крестьянской бедности.

Завершая наши суждения о романе «Вязьмо», отметим, что А. Мойсеенко убедительно показывает его нелёгкую литературную жизнь. Вульгарно-социологическая критика тех лет (Я. Бронштейн, Я. Лимановский и др.) находили в романе «срывы идеологического порядка», упрекали писателя в том, что он не отошёл от «мелкобуржуазного романтизма и психологизма»⁶⁹⁵ и висит на нём «груз реакционно-романтического прошлого (Я. Бронштейн). А. Кучер в «одной из статей 1930-х годов объявил М. Зарецкого за его якобы «склонность... к восстановлению болезненных явлений действительности».⁶⁹⁶ Были и другие

⁶⁹⁴ Майсеенка, А. Творчасць Міхася Зарэцкага. Станаўленне таленту / А. Майсеенка. – Мінск, 1978. – С. 188.

⁶⁹⁵ Звязда. – 1933. – 29 сакавіка.

⁶⁹⁶ Кучар, А. Аб мастацкай прозе / А. Кучар. – Мінск. – 1961. – С. 109.

критические статьи, и одиозные обвинения. На наш взгляд, правильнее было бы прислушаться к оценкам, которые дают роману «Вязьмо» более близкие к нам авторы. Литературовед и литературный критик С. Гусак в журнале «Полымя» в 1967 г. пишет: «Вязьмо» – першы ў беларускай літаратуры твор на матэрыяле сучаснасці, у якім глыбіня і шырыня ахопу рэчаіснасці, сапраўдная праблемнасць шчасліва спалучаліся з сюжэтна-кампазіцыйнай завершанасцю, змястоўнасцю характараў і майстэрствам іх выяўлення».⁶⁹⁷ В 1969 г. на пленуме правлення Союза пісателёў Іван Мележ выказаўся вполне определённо: «Суровым рэалізмам і мужнай глыбінёй вылучаецца лепшы твор М. Зарэцкага «Вязьмо» – можа быць самы глыбокі твор тых часоў пра калектывізацыю».⁶⁹⁸

Говоря о последних годах жизни М. Зарецкого, А. Мойсеенко считает, что они творческой активностью не выделяются (если судить по тогочасным перыодическим изданиям). По мотивам романа «Вязьмо» был написан киносценарий и драматизированная повесть «Семён Коризна» («Сямён Карызна»), а также несколько рассказов («Петрик и Петрусь» – «Петрык і Пятрусь», «Начало счастья» – «Пачатак шчасця»^{*}), пьесы «Ная» и «Дубровский» (по мотивам повести А.С. Пушкина).^{699**} М. Зарецкий в это время работал над новым романом, в основе которого была жизнь рабочих Костюковского стеклозавода (отдельные главы из романа печатались в журнале «Полымя рэвалюцыі». – 1934. – № 6, 7).

А. Мойсеенко, готовя монографию, проделал огромную работу, проанализировав все известные ему произведения М. Зарецкого. Результат выглядит объективным и убедительным. Сегодняшний читатель постигает тот путь, который один из основателей белорусской советской литературы, уроженец Витебщины М. Зарецкий, прошёл за 15 творческих лет. Уже первые прозаические сборники «В водовороте жизни», «Пела весна», «Под солнцем», «42 документа» показали, что в литературу пришёл прозаик со смелостью, присущей большому таланту, и позволившей разрабатывать самые разные, часто ещё не затронутые литературой сферы народной жизни, осваивать новые литературные жанры – повесть, драму, очерк, роман.

Книга А. Мойсеенко «Творчасць Міхаіла Зарэцкага» написана хорошим литературным языком, читается легко, убеждает обоснованностью выводов. Она представляет собой весомый вклад в белорусское литературоведение, обращая внимание читателя к истокам формирования белорусской советской литературы и одного из первых её строителей – писателя Михася Зарецкого.

АЛЬФРЕД МАТРУНЁНОК

В начале 1970-х годов читатели и специалисты познакомились с двумя литературоведческими книгами – «Психологический анализ в современном белорусском романе» («Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамана» и «Психологический анализ и становление белорусского романа» («Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана»). Их автором был малоизвестный в белорусском литературоведении **Матрунёнок Альфред Петрович**. А.П. Матрунёнок родился 5 января 1940 г. в д. Падобы Шарковщинского района, окончил в этом же районе Иодскую среднюю школу. В 1957–1962 гг. учился на фи-

⁶⁹⁷ Гусак, С. Пафас праўды / С. Гусак // Полымя. – 1967. – № 9. – С. 230.

⁶⁹⁸ Літаратура і мастацтва. – 1969. – 21 лістапада.

* На основе этого рассказа был написан киносценарий «Начало счастья». Однако он не был напечатан.

** Пьеса «Дубровский» не найдена, возможно утеряна.

⁶⁹⁹ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А.П. Матрунёнак. – Мінск, 1975.

логогическом факультете Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. По распределению три года работал учителем белорусского языка и литературы в средних школах на Браславщине. В 1965 г. поступил в аспирантуру при Институте литературы имени Я. Купалы АН БССР. С 1968 г. – младший, с 1972 г. – старший научный сотрудник этого же института. Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Проблема психологизма в современном белорусском романе». В литературоведческой деятельности А. Матрунёнка приоритетными направлениями стали проблемы психологии творчества, характера в литературном произведении, становления жанра белорусского романа, развития белорусской прозы, вопросы истории, теории и методологии литературы. Редактировал 10-й том «Собрания сочинений» И.П. Мележа, был соавтором в коллективной монографии «Рождение нового искусства» (Нараджэнне новага мастацтва. – Мінск, 1980). А. Матрунёнок выступил как автор масштабного раздела «Проблема характера в литературе социалистического реализма».

Научные работы (и небольшие статьи в газетах и журналах) выделяются основательным знанием теории и истории литературы, аргументированностью исследовательского анализа, умением выдать развитие национальной литературы в широком европейском контексте.

Книги, посвящённые комплексному освещению психологизма в белорусской советской литературе, вышли из печати одна за другой с интервалом в три года. Они вызвали неподдельный интерес и у литературоведов, и у читательской публики – ведь до последнего времени работ общего плана, рассматривающих вопросы теории психологического анализа в белорусской советской литературе было очень немного. К тому же, чаще всего исследователи замыкались на анализе мастерства раскрытия психологии героя в том или другом произведении того или другого писателя. Психологический анализ, вообще, очень редко попадал в поле зрения, как самих белорусских романистов, так и критики. Достаточно часто игнорировался различный подход к человеку и его психологической жизни в психологии и художественной литературе. Если цель первой изучать не конкретно человека, а закономерности, определяющие поведение всех людей, то художественная литература, общее раскрывает только через конкретное, через индивидуальную неповторимость психической жизни личности в каждый момент её «присутствия» на страницах произведения. Именно показ человека в художественной литературе, даже часто с психологической стороны, несравнимо более богатый и содержательный, чем в научных работах по психологии, и нередко психологизм за примерами чаще всего возвращается к литературным произведениям. С выходом работ А. Матрунёнка проблема психологизма в белорусской литературе стала ещё более определённой, были условно определены пунктирные линии в её изучении, примерное поле литературоведческих исследований. А. Матрунёнок изучал проблемы типологии психологического анализа, объектом рассмотрения определил творчество белорусских литераторов в разных временных измерениях – период 1920 – начала 1930-х годов и конец 1950-х – 1960-е годы. Объектом изучения стало творчество Т. Гартного, Я. Коласа, М. Зарецкого, К. Чорного, И. Шамякина, Я. Брыля, И. Мележа.

Однако у А. Матрунёнка эта цепь выглядит несколько иначе – И. Шамякин, Я. Брыль, И. Мележ, Т. Гартный, Я. Колас, М. Зарецкий, К. Черный, т.е. творчество трёх первых персонажей исследуется в книге, вышедшей из печати в 1972 г. и полностью соответствует её названию «Психологический анализ в современном белорусском романе» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). А через три года выходит книга «Психологический анализ и становление белорусского романа» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.). Выглядит аналогично: сначала исследуется современность, а уже потом её становление. Хотя логика литера-

турного развития диктует свои исторические и временные параметры – идти от первого белорусского романа («Соки целины» («Сокі цаліны») Т. Гартного) к вершинам его развития («Люди на болоте» («Людзі на балоце») И. Мележа). Что привело литературоведа к такому решению, нам установить не удалось. Но в отличие от его решения, считаем, что логичнее и научнее рассматривать проблему, не обращая внимания на год выхода в свет первой и второй книг – 1972–1975 гг. И начать наши рассуждения, выстраивая цепочку в соответствии с историей развития белорусской советской литературы – Т. Гартный, Я. Колас, М. Зарецкий и т.д. Тем более, что и задача, сформулированная А. Матрунёнком во второй книге, может быть в полной мере экстраполирована и на первую книгу: «Задача наша параўнальна больш вузкая даследаваць спосабы і сродкі псіхалагічнага раскрыцця ў рамане і прытым пераважна на нацыянальным матэрыяле. Экскурсы ў іншыя роды і віды літаратуры робяцца толькі для таго, каб паказаць разнастайнасць і разам з тым унутранае адзінства ўсіх спосабаў і сродкаў псіхалагічнага аналізу, у аснове якога ляжыць адзінства праяў псіхалогіі чалавека ў рэальным жыцці».⁷⁰⁰ На наш взгляд, автор скромно не говорит и о второй части задачи – проблеме связи психологизма с особенностями творческого стиля писателя.

В качестве исходного фундаментального для решения сформулированной задачи А. Матрунёнок определяет «действие», несущее психологическую нагрузку во всём своём объёме. Отмечая два вида действия – внешнее (соответствующие движения, действия, жесты, поступки, высказываемые мысли, обмен этими мыслями с другими людьми, единство слова и дела и т.п.) и внутреннее (человек переживает, вспоминает, осмысливает, принимает решение, мечтает, спорит сам с собой, со своими чувствами и т.п.), автор-исследователь подчёркивает, что оба эти вида взаимно переплетаются и взаимно обуславливаются. Внешнее действие способно выявлять психологическое содержание образа в той же степени, как и действие внутреннее, так как две формы действия соответствуют двум формам существования психики – объективной (выражается в повседневной жизни и деятельности человека) и субъективной (рефлексия, интроспекция, самосознание, отражение психического в самом себе). Собственно это единство внешнего и внутреннего, субъективного и объективного, формирующее психику человека и несущее соответствующую психологическую информацию, является структурообразующим элементом психологического содержания художественного образа в литературном произведении. Правда, проявляется это единство в каждом из не только родов литературы (эпос, лирика, драма), но и многочисленных видов (жанров), ибо в каждом из них человеческий образ занимает разное место и создаётся разными художественными средствами.

Для подтверждения своих исходных положений и создания целостной теоретической системы А. Матрунёнок делает глубокий исторический экскурс, анализируя проявления психологизма в разных видах и жанрах литературного творчества. Сначала проблема просматривается на уровне родов литературы. К примеру, в классическом эпосе («Илиада» Гомера) носителем психологического содержания образа выступает внешнее действие, аккумулирующее психологическую жизнь героев, чтобы в определённый момент показать его в характерном движении, жесте, слове, поступке. «Унутранае дзеянне ў класічным эпосе, – отмечает А. Матрунёнок, – амаль не паказваецца, яно існуе толькі як своеасаблівая «падводная плынь».⁷⁰¹ В лирике человек также показывается в действии, но действует он, главным образом, в плане внутреннем, «идеальном»,

⁷⁰⁰ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А.П. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 9.

⁷⁰¹ Там же. – С. 19.

духовном. Образ создаётся путём последовательного раскручивания цепи внутренних движений души, которые будучи взятыми вместе, создают картину внутренней жизни человека. По А. Матрунёнку, лирика, раскрывая «жизнь человеческого сердца», «робіць гэта толькі ёй адной уласцівым спосабам: яна выяўляе псіхалагічны змест вобраза праз сістэму пераважна ўнутраных рухаў чалавечай душы, апісаных у спецыфічнай мастацкай форме».⁷⁰² Что касается третьего литературного рода – драма, то здесь на первом плане находится внешнее действие, которое и берёт на себя обязанность основного носителя психологической содержательности создаваемых с его помощью образов драматических героев. Нельзя не согласиться с А. Матрунёнком, считающим, что «способ выявления психологической змастоўнасці ў драме зусім самастойны, уласцівы іменна драматычным творам, і хоць ён цесна ўвязаны з эпічным, але сувязь гэта хутчэй за усё абумоўліваецца сувяззю паміж самімі эпсамі і драмай, як двума «суверэннымі» родамі мастацкай літаратуры».⁷⁰³

История развития литературы и литературоведения свидетельствует, что литературные роды (каждый с собственным способом психологического анализа) не изолированы друг от друга. Их взаимодействие вполне натуральное (вспомните романтическую драму XVI – начала XIX ст. или современную модернистскую «антидраму», «эпическую» лирику или «лирический эпос»), обусловленное диалектикой разных, часто диаметрально противоположных по своей сущности явлений и событий реальной действительности.

Сделав экскурс в теорию сравнительного литературоведения, А. Матрунёнок приходит к выводу, что диалектика (взаимодействие и взаимопроникновение), существующая между родами литературы, с особой силой и полнотой в таком жанре литературы, как роман, где она выступает не только как характерная черта, но и как неотъемлемое качество, обязательное условие существования самого романа. Именно в жанре романа (об этом писали В. Белинский, Н. Добролюбов, советские литературоведы Ю. Суровцев, М. Кузнецов, Д. Благой, Л. Мышковская и др.) литература нашла ту жанровую форму, которая наиболее соответствует её сущности и основной задаче раскрыть в художественных образах их психологическую содержательность (философское мышление и психологическую наблюдательность). Правда, чтобы достичь объективного значения, роман следует сопоставить с другими литературными жанрами, так как представляя явление синтетическое, он концентрирует в себе всё многообразие примет психологизма всех литературных жанров.

Исследователь обращается к творчеству А.С. Пушкина (на примере «Капитанской дочки»), в прозе которого предпочтение отдаётся внешнему, «объективному», без глубокого проникновения во внутренние переживания героев. Однако детальное изучение прозы А.С. Пушкина показывает, что для него интерес к отражаемым событиям был определён психологическим, и этот психологизм раскрывался через внешнее действие, систему событий, действия, жесты героев, их взгляды, их переживания, их «движение души».*

У М.Ю. Лермонтова, отмечает А. Матрунёнок, напротив, не найдётся особого значения событийности и внешнему действию, всё внимание романиста концентрируется на внутренней жизни героев, на «подробности» чувств. Как обострённо высказывался сам М.Ю. Лермонтов: «история души человеческой, даже самой ничтожной души, не более не интересная и полезная, за историю

⁷⁰² Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А.П. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С.24.

⁷⁰³ Там же. – С. 30.

* Пушкинское понимание психологизма найдёт своё продолжение в творчестве И.С. Тургенева, А.П. Чехова и некоторых других писателей.

целого народа».⁷⁰⁴ И эта «история души в своём внутреннем психологическом содержании убедительно раскрыта М. Лермонтовым в его романе «Герой нашего времени», наполненном происшествиями, встречами, конфликтами, беседами, спорами, поступками. Однако внимание писателя сосредоточено не на них. Они интересуют М.Ю. Лермонтова лишь как источник для психологической характеристики главного героя, его внутренних душевных (рефлексий, исповедей, размышлений о себе, самохарактеристик и т.п.), порывов, являющихся, по сути, главным объектом показа и содержания романа. И именно с прозы М.Ю. Лермонтова в русском романе складывается вторая «линия» – линия на преобладающий показ внутренней жизни героев, на «интерес подробностей чувств». А. Матрунёнок отмечает, что «по способу раскрытия «псіхалагічнага зместу вобразаў проза Лермантава нагадвае лірыку, бадай, у той жа сутнасці, у якой аповесці Пушкіна нагадваюць драму. Дарэчы, «вырастал» яна, відаць, у значнай ступені пад непасрэдным уплывам лірыкі, дзе паэт прайшоў добрую школу аналітычнага даследвання ўласных унутраных перажыванняў».⁷⁰⁵

И ещё о психологии творчества в произведениях Н.В. Гоголя, проза которого в сфере психологического анализа продолжает и развивает пушкинские традиции «объективного», внешнего показа психологии героев. Правда, это вовсе не означает, что Гоголь в своей прозе слепо перенимал или тем более копировал Пушкина. Хотя некоторые сходные элементы, например, внимание к среде, обстоятельствам, быту. Однако, «объективный» мир этот «прозаический, существенный хлам жизни» (Н.В. Гоголь) находил у читателя понимание лишь потому, что благодаря таланту писателя, раскрывается внутренний мир персонажей, в котором внешние формы, одухотворяются, помогают понять человеческую сущность, душу каждого героя. Т.е. внутренний мир персонажей неотрывен от социально-бытового уклада жизни и существует в неотрывной связи от него. Так родился принципиально новый способ психологического анализа, отличающийся и от «пушкинского», и от «лермонтовского» и создающий в истории русского романа свою особую «гоголевскую линию». А. Матрунёнок считает, что подобный метод характерен для творчества Н.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Особое внимание А. Матрунёнок уделил становлению и развитию психологизма в творчестве Л.Н. Толстого. Шаг за шагом он прослеживает этот процесс. В «Истории вчерашнего дня», к примеру, отмечается преобладающее внимание к внутренней «задушевной стороне жизни» с её впечатлениями, мыслями, ощущениями в процессе их возникновения, развития, перехода в новое качественное состояние (известный советский литературовед В. Шкловский соотнесёт эту диалектику с западноевропейской теорией «потока сознания», господствовавшей в конце 1950-х годов); в автобиографической трилогии и «Севастопольских рассказах» Толстой не ограничится показом результатов психологического процесса, но будет исследовать сам процесс, в котором анализируемые, пусть и едва уловимые, явления внутренней жизни, превращающиеся в «диалектику души» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), в акалиптическое исследование потока, движение сознания персонажей; в «Казаках» «субъективная поэзия щедрости» – аналитический показ внутренней жизни Оленина – создаётся с «необъятной и твёрдой положительной объективной сферой» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) – жизнь самих казаков показана действительно «внешне». Но это было лишь соединение, сцепка, в которых «объективное» и «субъективное» пересекались не так часто, существуя как бы «сам по себе». Их слияние действительного синте-

⁷⁰⁴ Русские писатели о литературном труде: в 4 т. – Л., 1954. – Т. 1. – С. 49.

⁷⁰⁵ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 43.

за Л.Н. Толстого достигает чуть позже, в своих романах и, главным образом, в эпосе «Война и мир».

Именно здесь наблюдается взаимное проникновение двух прямо противоположных ипостасей: объективность и субъективность, внешней и внутренней, духовной и физической, обусловившие собой специфику способа психологического анализа. При этом ипостаси эти не просто выступают в единстве, но и являются одинаково развитыми. И, что очень важно, полнота развития одной стороны непосредственно связана и обусловлена полнотой развития второй. К тому же в отличие от разных произведений Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» средствами «диалектики души» раскрывает внутреннее состояние уже не одного персонажа (как, к примеру, Оленин в «Казаках»), а многих героев, начиная от Андрея Болконского и Пьера Безухова и заканчивая Наполеоном и Александром I. Здесь психологический эффект усиливается чрезвычайно развитым «интересом людей», их большим интересом к внешней жизни.

Не оставляет А. Матрунёнков те эволюционные процессы, которые происходили в позднюю пору творчества Л.Н. Толстого. Становится очевидным отход от «диалектики души» в пользу «диалектики событий». Вместо «интереса подробностей чувств» на первый план выходит пушкинский «интерес событий». Переориентации способствовало и обращение великого писателя к «народным рассказам» и искусству драмы, специфика которой требовала от писателя показа психологической жизни персонажей объективно, «в сценах», в действиях и поступках. Думается, что не будет ошибкой утверждать, что творческая индивидуальность Л.Н. Толстого «не укладваецца» у цесных рамакі аднаго спосабу раскрыцця псіхалагічнай залежнасці вобразаў, яна ўбірае ў сябе ўсё багацце гэтых спосабаў»,⁷⁰⁶ эволюционируя от метода субъективного психологического анализа до позиции объективного психологизма.

Необходимость экскурса А. Матрунёнкова в историю литературоведения в книге о становлении белорусского романа (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) становится оправданной и понятной, если обратиться к возникшим у него вопросам в приложении их к творчеству белорусских писателей, с именами которых связаны магистральные направления в развитии национальной литературы (и, в первую очередь, её романного жанра) периода становления крупной эпической формы в литературе. Вот эти вопросы! 1. Является ли эволюция собственностью таланта Л.Н. Толстого или она характерна и для других художников? 2. Если творческую эволюцию в отношении психологизма можно наблюдать у многих писателей, то все ли они проходят путь, пройденный Л.Н. Толстым? 3. Чем вызывается творческая «переориентация писателя в отношении к способам психологического анализа?»⁷⁰⁷

Ответы на эти вопросы исследователь находит, анализируя творчество Т. Гартного, Я. Коласа, М. Зарецкого, К. Чорного. Проследим за рассуждениями А. Матрунёнкова в таком же хронологическом порядке.

Итак, Т. Гартный и его роман «Соки целины» («Сокі цаліны». – 1914 – конец 1920-х годов), давший начало развитию белорусского прозаического романа. Не пересказывая написанное, обратим внимание читателя на более характерные выводы А. Матрунёнкова.

1. Несмотря на романтическую героизацию образа рабочего в поэтических произведениях (первый поэтический сборник – «Паэзія», 1913), здесь не оказалось места для индивидуализированных чувств и переживаний, показа

⁷⁰⁶ Матрунёнков, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнков. – Мінск, 1975. – С. 65.

⁷⁰⁷ См.: Там же. – С. 65.

«диалектики души», острых психологических ситуаций, хотя и наблюдается описание внешней жизни героев в объективных проявлениях. Здесь нет развития индивидуализированных лирических характеров – мешало отсутствие таланта именно лирического, таланта лирического поэта. Заметим, что эпизация лирики с особой силой проявится в поэтических сборниках «Песни труда и борьбы» («Песні працы і змагання», 1922) и «Торжественность» («Урачыстасць», 1925).

2. Распыление внимания на описание бесчисленного количества разных фактов, бытовых деталей и подробностей, многочисленных зарисовок и т.п. становилось причиной слабости произведения, так как всё это слабо «работало» на психологию характеров, действий и поступков героев и существовало будто бы само по себе, независимо от них, а герои (образы которых удались автору – Стёпа, мать Рыгора, Зося Придатная, Василь Берег, Хлор и др.) действовали «по законам драматической композиции», независимо от воли автора (как, например, в первой части («квадре») романа «Отечская воля» («Бацькава воля»)).

3. Неудача Т. Гартного в создании образа главного героя романа Рыгора Незвычайного, постигшая его на пути искусственного приподнимания своего героя. У писателя он должен был выглядеть заклеенным революционным борцом с чрезвычайно высоким уровнем политической сознательности. Однако искусственная героизация, формируемая авторскими отступлениями, привела к натяжкам и прямолинейности. Рыгор Незвычайный лишён «диалектики души», саморазвития, его внутренняя жизнь подменяется примитивно созданными иллюстрациями, и в итоге он предстаёт перед читателем, похожим на электрический мотор, который всё время живёт в бесконечном движении, в безудержном вращении, которым не нужна мотивация.

4. Во второй части («квадры») романа герой, «выведенный» автором с показа традиционной для белорусской прозы деревни в городскую жизнь, становится ещё более городским, как пишет Гартный «активным организатором рабочей массы» (после его «пламенной» речи на митинге все рабочие бросились на демонстрацию с пением «Интернационала»), хотя читатель не видит ни его подпольной деятельности, ни самих рабочих.

По сути, это прямолинейный, статичный герой, занявший весь «Экран» романа и заслонивший всех других, в том числе и действительно «живых» героев. «Аўтар, – отмечае А. Матрунёнок – пачынае дапускаць ужо не асобныя псіхалагічна фальшывыя ноты, як у «Бацькавай волі», не асобныя эпізоды і сцэны, а цэлыя раздзелы і нават часткі. Даследванне жыцця падмяняецца прымітыўна зробленымі ілюстрацыямі». ⁷⁰⁸ Автор часто сбивается на патетику, нивелирует реальную сложность и противоречивость внутренних процессов, подменяет психологический анализ поверхностным и приблизительным описательством.

5. В романе «Соки целины» в сюжетно-композиционном сюжете чётко просматриваются два принципа организации материала – многоплановый (первая и вторая части («квадры»)) и одноплановый (третья и четвёртая части («квадры»)). Изменения в композиции, на наш взгляд, не способствовали раскрытию психологии героев: как и в первых двух частях («квадрах»), так и в двух последних, автор выявляет внутреннее, ту же «диалектику души» в основном через внешнее действие, через поступки и поведение персонажей. Новое сюжетно-композиционное строение отрицательно сказалось на художественных качествах психологического анализа, поскольку все другие более-менее удачные образы первых двух частей («квадр») оказались по-за вниманием писателя. Действие в романе стал вершить один герой, что постепенно приводит его к изоляции от активной жизни, а в итоге – к исканию самой жизненной правды.

⁷⁰⁸ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 92.

6. Искусственное нагромождение сюжетных ситуаций привело не только к просчётам в сюжетно-композиционном порядке, но к снижению качества романа просчётом психологическим. Отсутствует саморазвитие, «самодвижение» характеров героев, что, естественно, сводит на нет психологическую содержательность, правдивость самих образов, а набор различных психологических ситуаций, призванных оживить романное повествование выглядит искусственным, аналогичным.

7. И последний вывод исследователя: «Захворванне Гартнага на схематызм і прасталейнасьць набывала зацяжны характар і ў канцы 20-х гадоў перайшло ў хранічную фазу. ...канчаткова ад яе аправіцца пісьменнік так і не змог, і ў гэтым вялікі трагізм яго лёсу як мастака, як першага беларускага раманіста».⁷⁰⁹

Исследование проблемы психологизма в творчестве Я. Коласа А. Матрунёнок начинает с анализа двух его первых сборников – поэтического «Песні жалости» («Песні жалобы», 1910) и прозаического «Рассказы» («Апавяданні», 1912) и приходит к однозначному выводу: в начале творческого пути Я. Колас – лирика внутренних переживаний, движений души, картин внутренней жизни героев, занимает незначительное место (исключением в некотором роде может быть тюремный цикл стихов поэта и его рассказ «Молодой дубок» («Малады дубок»)).

Начав с «объективных» стихотворений и рассказов, в которых доминирует «интерес событий», а психология героев проявляется лишь во внешних проявлениях, Колас вскоре переходит к произведениям «субъективным», в которых преобладает «интерес подробностей чувств», а эпицентром авторского внимания становится мотивация характеров, поступков и действий героев. Показательными в этом плане являются поэмы «Новая земля» («Новая зямля») и «Симон-музыкант» («Симон-музыка»).

Подготовленная предыдущей практикой писателя и вобравшая много эпизодов, отдельных сцен, мотивов из ранее написанного, поэма «Новая земля» продолжает «линию» «объективных» произведений, направленных на освоение внешнего мира и формирующего его системы событий». Широкая панорама событий, окрашенная авторской эмоциональной оценкой, даёт читателю возможность познакомиться с жизнью, во всей её асимметричности, сложности и противоречивости. Однако и здесь жизнь главных героев (Михаил, Ганна, Антось, их старшие сыновья) подаются Я. Коласом «изнутри», он не «копается» в их душах, не обращается к «подробности чувств». Психологическая жизнь героев выявляется в жестах, движениях, мимике, взглядах, спорах, разговорах, а то, что не находит своего внешнего проявления (мысли, чувства, внутренние переживания), автором чаще всего опускается. Однако в таком масштабном произведении, построенном на автобиографизме, уйти от психологизма полностью невозможно. А поэтому психологическая жизнь героев Я. Коласа подаётся в «сценах»: попав в определённую ситуацию, герой начинает действовать, проявляя свои переживания через особенности внешнего действия (как, к примеру, в описанном поведении пьяного Михала).

Подводя итог своим рассуждениям, А. Матрунёнок делает следующий вывод: «Паэма «Новая зямля» цалкам рэалістычная, бытавая, эпічная, у ёй пануе «інтарэс падзей», а не унутраных перажыванняў».⁷¹⁰

По иному выглядит позиция Я. Коласа в поэме «Симон-музыкант». Она аллегорическая, субъективная, лирическая, и в ней исследуется не столько внешняя жизнь, сколько свет души, «подробность чувств», диалектика внутренних переживаний главного героя Симона, стремящегося познать чарующий свет музыки. Поэма «вырастала» из «субъективных» рассказов писателя и «сказок

⁷⁰⁹ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 109.

⁷¹⁰ Там же. – С. 132.

жизни», вобравших предыдущий опыт аналитического исследования психологического содержания образов героев. Здесь события, происшествия, бытовые зарисовки выполняются не «объективно», а как состояние внутреннего переживания. И объясняется такой переход сближением авторской позиции, авторской точки зрения с восприятием Сымона-музыканта (он и сам рассказывает о Сымоне «и описывает его поступки, внешность, внутренние переживания, показывает его «со стороны», а не только «изнутри»).

Сближение авторской позиции с позицией главного героя нашло продолжение в романе «На распутье» («На ростанях»). Писатель следит за своим героем Андреем Лобановичем, «подправляет», «корректирует его восприятие жизни, описывает то, что Лобанович не мог знать, проявляет свои чувства в авторских лирических отступлениях. Вместе с тем, в романе «На распутье» ярко проявляется традиция аналитического исследования «диалектики души», сложившаяся в ранних «субъективных» рассказах и поэме «Симон-музыкант». И эта «диалектика души» с большим успехом дополняется показом «внешнего» – среды, обстоятельств, социальных условий, в которых живёт Андрей Лобанович. «Раман «На ростанях», – отмечает А. Матрунёнок, – такім чынам, бярэ ў спадчыну не толькі традыцыю аналітычнага раскрыцця ўнутранага свету героя, але і традыцыю пластычнага паказа быту, знешняга жыцця». ⁷¹¹ Наибольшей уравниваемости и взаимодействия диалектика внешнего и внутреннего, субъективного и объективного достигла в повести «В полесской глуши» («У палескай глушы»). Действительно, знакомясь с повестью, читатель видит Лобановича не только «внешне» в «сцене», эпизоде, внешней пластической зарисовке, во взаимоотношениях с другими людьми, с природой и т.п., но и «внутренне», в многочисленных проявлениях течения мысли, чувств, ощущений, психологических событий. В результате объективно-субъективированный образ Андрея Лобановича становится «асабліва рэальным, аб'ёмным, трохмерным, а яго псіхалагічны змест – зразумелым ва ўсіх самых дробных дэталях». ⁷¹²

Однако во второй части романа повести «В глубине Полесья» («У глыбі Палесся», 1927) сложившаяся в повести «В полесской глуши» уравниваемость внутреннего и внешнего, субъективного и объективного неожиданно нарушается. Внутренняя жизнь персонажей начинает активно вытесняться внешней, объективной, «интерес событий» начинает снова доминировать над «интересом потребностей чувств». Если сюжет повести «В полесской глуши» состоит из множества «переменных» между собой картин внутренней жизни Лобановича и пластических бытовых зарисовок, то в повести «В глубине Полесья» он в значительной степени однотипный – преобладают картины бытовой жизни, а проникновение в психологию характеров, действий и поступков героев выглядит редким и куцым. Об изменениях в мировоззрении Андрея Лобановича, движении его мыслей, душевном состоянии читатель узнаёт лишь из фактов внешней биографии: речь на крестьянском собрании, выступление перед пинскими подпольщиками, беседы с Аксёном Калем и т.п. К тому же, на наш взгляд, рост политической активности героев чрезмерно формируется позицией писателя, эволюционирующего в сторону «интереса событий».* Психологически мало убедитель-

⁷¹¹ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 138.

⁷¹² Там же. – С. 144.

* Поворот к «интересу событий» у Я. Коласа особенно ярко проявился в конце 1920-х годов, усилился в 1930-е годы и послевоенный период, когда были написаны повести «Отщепенец» («Адшчапенец»), «Трясина» («Дрыгва»), поэма «Рыбакова хата» («Рыбакова хата»), третья (заключительная) часть романа «На распутье». Здесь однозначно господствует действие, внутренняя жизнь героев практически не анализируется.

тельным в повести «В глубине Полесья» выступают и другие сцены, подобные чрезмерно «Активному» становлению политического сознания Лобановича (в его колосовской окраске!). Просчёты писателя проявятся позднее, в 1930-е годы, но эта тема выходит за рамки исследования А. Матрунёнка.

И несколько слов о позиции исследователя в отношении повести «На жизненных просторах» («На прасторах жыцця»). Её публикация в журнале «Полымя» завершена в 1926 году, обозначенной А. Адамовичем как «юношеская повесть». Повесть, написанная на основе биографического материала, и тематически, и по своей внутренней жанровой форме и типу психологического анализа близка к роману «На распутье» и поэме «Новая земля». Анализ романа «На раздорожье» и повести «На жизненных просторах» позволяет говорить об определённой внутренней «однотипности» главных героев Андрея Лобановича и Степана Баруты. Но эта «однотипность» высвечивает не только писательскую тенденцию к упрощённому показу жизни послереволюционной деревни, но и стремление художественное исследование и противоречивые процессы подметить иллюстрированным материалом, а живых людей – простенькими схемами.

Справедливости ради, следует отметить, что в повести «На жизненных просторах» есть ряд моментов, заслуживающих внимания. Если, например, в полесской повести внешние и внутренние сцены главным образом только сосуществуют в границах определённого сюжетного воздействия, то в «юношеской повести» наблюдается и взаимопроникновение (слияние), и взаимодействие (сцена, описывающая желание Стёпки увидеть полюбившуюся ему Алёнку). В отличие от повести «В полесской глуши», где все другие персонажи почти не существуют самостоятельно (все они видятся глазами главного героя Лобановича), повести «На жизненных просторах» объектом глубокого психологического анализа выступают персонажи и второго, и третьего ряда (в первую очередь Алёнка, её мать Анна, мать самого Стёпки, поэт Семён Галыза и др.). Внимание писателя к ним почти одинаково (к примеру, раскрытие психологии Алёнки), и, конечно же, здесь активно звучит авторский голос, подкрашивающий интонации иронии и юмора, пронизывающие многие сцены и разделы повести. Заметна тенденция идеализировать молодое поколение, что, в свою очередь, связывалось с прямой авторской установкой и дидактизмом. И этот дидактизм, на наш взгляд, был адресован не только комсомольско-молодежной среде, но и всей молодняковской поэзии и прозе.

Подытоживая, можно сказать, что творческая палитра Я. Коласа в 1920-е годы полна поисков, перехода от одной художественно-психологической системы к другой. Путь художника не был простым и гладким, на нём были свои огрехи, рытвины, ошибки, «як і на ўсякай людской дарозе» (А. Матрунёнок).

Исходной позицией для исследования творчества М. Зарецкого А. Матрунёнок выбрал разноплановые в сюжетном отношении произведения от начала 1920-х до конца 1930-х. Отправным пунктом здесь служит романтизм М. Зарецкого, оказавший влияние на характер раскрытия содержательности образов, его внимание к внутренней жизни человека. Происходит переход от бессюжетных лирических зарисовок к сюжетным рассказам, черты которого можно видеть в рассказе «Одна партия в шашки» («Адна партыя ў шашкі»). Однако и здесь М. Зарецкий, наметив пути исследования характеров, почему-то отказывается от их «саморазвития», навязывает им свою авторскую волю, направляет их в сторону, в которую он по логике жизни никогда не пошёл бы. Читатель начинает понимать, что писатель в своих первых прозаических сборниках демонстрирует не столько неумение «конструировать» («лепить») образы, сколько неумение мыслить образами. Но М. Зарецкий не был автором, стремящимся в национальную литературу, если бы он не искал разнообразных путей в постижении сложных и противоречивых процессов тогочасной действительности. Поэтому прояв-

ляется авторское стремление строить произведение на острых внутренних коллизиях, внутреннем действии, исследовании чувств и переживаний (к примеру, рассказы «Гануля» («Гануля»), «Мария» («Мар'я»), «Чаплюк» («Чаплюк») и др.), интимных чувств героев (рассказ «На молодое»), наконец, жизни отрицательно-го героя, человека-зверя (повесть «Голый зверь» («Голы зверь»). Конечно, в этом перечне ведущая роль отдаётся противостоянию (как, например, в повести «Голый зверь») «человека-зверя», индивидуалиста Яроцкого и большевика Горского. Автору удалось показать, что индивидуалистическая философия Яроцкого пагубна не только для близких ему людей, но и направлена против всех, кто ему эту «философию» исповедует и ей поклоняется. Успех писателю обеспечило значительное расширение диапазона психологического анализа и исследования уже не одного–двух героев, а сразу нескольких, по очереди осмысливая картину их внутренних переживаний.

В романе «Тропы-дорожки» М. Зарецкий (как и в ранних рассказах) наделяет главного героя семинариста Василия Лесницкого романтическими чертами с определённой внутренней рефлексией. Именно через его восприятие отражается в романе всё происходящее – события, явления, люди, обстоятельства и т.п. Интеллектуальные поиски Лесницкого, а он искренне стремится действовать, быть полезным своему народу – это не только его личная активность. Это и авторская активность, правда, чаще всего завуалированная – писатель делает вид, что он и видит, и понимает лишь то, что видит и понимает его герой, с характером сложным и противоречивым.

Следует особо подчеркнуть, что становление характера главного героя М. Зарецкий исследует через внутреннее действие. На первом плане находятся не поступки, а мысли, чувства и переживания. Конечно, писатель обращается и к внешнему действию. А. Матрунёнок диалектику внутреннего и внешнего определяет следующим образом: «...калі браць не асобныя сцэны, а твор у цэлым і супастаўляць у ім характар суадносін знешняга і ўнутранага дзеяння, дык такая прапорцыя будзе яўна не на карысьць знешняга дзеяння: унутранае дзеянне ў рамане бясспрэчна пераважнае, стаіць на першым плане».⁷¹³

Можно утверждать, что в таком же соотношении находятся «романтическое» и «реалистическое» видение действительности. Считая себя романтиком, описывая свой «эмоционально-романтический метод», он всё же писал реалистические произведения, в которых действительно романтические образы стоят, как правило, на втором плане. Так же, как и при описании конкретных жизненных явлений (массовые сцены, собрания, споры и т.п.), отражаемых полностью в реалистически-бытовом плане.

В своём последнем романе «Вязьмо» М. Зарецкий уходит от такого взаимодействия реалистического и романтического. «Вязьмо» – это роман с принципиально новой сюжетно-композиционной организацией и почти полностью реалистическое произведение, в котором романтические моменты можно обнаружить лишь в отдельных авторских описаниях или лирических отступлениях. Одноплановая композиция романа «Тропы-дорожки» уступает место многоплановой, автор «изнутри» исследует уже не одного, а многих героев, втянутых самой жизнью а острый, полный глубокого драматизма социально-нравственный конфликт, в котором существует, «завязывается» и «развязывается» множество казалось бы мелких, частных конфликтов. Они воспринимаются и становятся понимаемыми читателем, потому что писатель самобытную сторону романа дополнил не менее разветвлённой и богатой «системой» внутренних переживаний, рефлексий, описаний пережи-

⁷¹³ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 200–201.

ваний и т.п. Речь идёт не просто о соединении «внешнего» и «внутреннего», а о такой ситуации, когда наблюдается взаимопроникновение и слитие, в котором уже нельзя отделить «внешнее» от «внутреннего», «сцену» от «переживания». Не будет преувеличением следующий вывод: «Вязьмо» – это вершина творческих исканий М. Зарецкого в раскрытии психологии человека, его душевно-психологического состояния, мотивации его действий и поступков.

Одновременно с М. Зарецким в жанре романа во второй половине 1920-х годов выступил Кузьма Чорный. Становление его как прозаика и как романиста шло бурными темпами: в 1921 г. напечатан первый рассказ, а уже в 1927 г. журнал «Узвышша» печатает роман «Сестра» («Сястра»), ставший началом романного творчества К. Чорного (правда, в этом шестилетнем промежутке из печати выйдут сборники рассказов «Серебро жизни» («Срэбра жыцця», 1925), «Рассказы» («Апавяданні», 1925), «По дороге» («Па дарозе», 1925), «Чувства» («Пачуцці», 1926), «Сосны говорят» («Хвоі гавораць», 1926). Одновременно с работой над романом «Сестра» ведётся сбор материалов, их обработка и подготовка к печати второго романа «Земля». Критики определяют творческую активность К. Чорного в середине и второй половине 1920-х годов феноменальной). Творческая активность К. Чорного совпала с небывалым подъёмом в литературной жизни Беларуси, определяющую роль в которой играла массовая тогочасная писательская организация «Молодняк». Следование «маладнякоўскім» принципам привело К. Чорного в первых рассказах к прямолинейности и схематизму (к примеру, рассказы «На страже» («На варце»), «Будем жить» («Будзем жыць»), «Андрей Клыга» («Андрэй Клыга») и др.). Герои рассказов не столько живые люди, сколько рупоры авторской идеи, трансляторы того, что в их уста вкладывает автор.

Однако постепенно прямолинейность преодолевается, К. Чорный вырабатывает потребность в художественном постижении внутренних переживаний героев, в котором основной доминантой является переживание радости самой жизни (мотив, чрезвычайно характерный для раннего Чорного). Это была не простая задача – ведь речь шла о постижении человеческой психологии, умении правдиво передать психологический процесс. Не всё получалось у прозаика. Внутренняя жизнь героев часто рассматривается в отрыве от тогочасной жизни, их узкоамплитудные переживания чрезвычайно похожи. Но всё же магистральное направление было определено – внимание и художественное осмысление «интереса потребностей чувств», т.е. происходит уверенное движение от прямолинейности и абстрактного психологизма ко всё большей заглубленности в конкретные индивидуальные образы живых людей (рассказы «Чувства» («Пачуцці»), «Вечер» («Вечар») и др.).

Это стремление, этот диалектический поиск ярко проявляется в романе К. Чорного «Сестра». Все «главные» герои романа раскрываются «изнутри», через описание их внутренних переживаний, всегда чрезвычайно острых и напряжённых. При этом морально-этические, внутренние конфликты оказываются насквозь пронизаны социальным содержанием. В таком вот переплетении действия и поступки героев перед читателем «разорачиваются» в своеобразный поток сознания, в котором прошлое переплетается с современностью и переживается как современное.

Внутренние рефлексии, воспоминания, авторский анализ психологического состояния и переживания героев стали такой основой, на которой К. Чорный стремился «выказаць праўду пра душу чалавека». Однако это стремление часто приводило к тому, что «псіхалагічны аналіз нярэдка становіўся самаэтным клінічным даследваннем рухаў душы ўжо не столькі канкрэтных жывых характараў, колькі абстракцый. Празмерная дэталізацыя, дробнасць аналізу, імкненне заўважаць і занатоўваць самыя нязначныя рухі душы чалавека, адасобленага ад знешняга свету, вырванага з рэальных сувязей, прыводзілі да таго, што псіхалагічны аналіз стварэння характару пераўтвараўся ў сродак разбурэн-

ня вобразу».⁷¹⁴ В итоге писатель, не справившись с собственной задачей, оказался побеждённым тем необычно-пёстрым материалом (А. Матрунёнок), который он находил в «диалектике души» своих чувств.

Чувствуя всё несоответствие задуманного и реализованного, К. Чорный в новом романе «Земля» постарался установить между ними гармонию. Герои романа не существуют изолированно от жизненных событий, от мира вещей, природы, они не заняты бесконечным анализом и самоанализом или выяснением своих взаимоотношений. Они живут полной жизнью со всеми её противоречиями, и только в многочисленных встречах, беседах, дискуссиях выявляют своё внутреннее духовное содержание. Налицо авторское углубление и усиление интереса к «миру событий», что в конечном итоге и обусловило эволюцию в способе психологического анализа. Собственно в этом и кроется отличие романа «Земля» от романа «Сестра». Выше мы отмечали, что в романе «Сестра» налицо калейдоскоп внутренних психологических состояний, проявление в полной мере принципа «интереса потребности чувств». В «Земле» также присутствует калейдоскоп, но здесь он наполнен «объективными», пластическими зарисовками быта, характеристики событий, «мира жизни».

Писатель и сам понимал несуразность, «мозаичность» первых двух романов и уже в повести «Левон Бушмар» («Лявон Бушмар», 1929), романах «Отечество» («Бацькаўшчына», 1931) и «Третье поколение» («Трэцяе пакаленне», 1935) его герои не просто живут (как в романе «Земля»), но и действуют, влияя своими решениями и поступками на происходящие вокруг них события. Справедливости ради, отметим, что писателю не хватало мастерства, чтобы заявленную тему довести до логического завершения. Третья часть повести, пронизанная схематизмом и иллюстрированностью, привела к натяжкам и в сфере психологического анализа. Вместо того, чтобы проследить саморазвитие характеров, автор начал сбиваться на информативность, публицистику, скороговорку.

Не удалось К. Чорному разобраться в сущности переворота в деревне, в тех острых социальных и морально-психологических проблемах и конфликтах, ярко проявляющихся в жизни сельчан и в повести «Весна» (1930). Актуальные проблемы писатель, к сожалению, решал упрощённо и поверхностно, в результате чего повесть стала почти целиком иллюстрированной.

В том же 1930 г. выходит из печати новый роман К. Чорного «Иди, иди» («Ідзі, ідзі»), и по своей сюжетно-композиционной организации, и по способу психологического анализа решительным образом отличающийся от всего написанного ранее. Роман многоплановый, многотемный, многогеройный, действие в нём разворачивается одновременно в разных уголках Беларуси (рабочий посёлок Черница, деревня Пинвадичи, столичный Минск и даже закордонный Новогрудок). По сути, это первое крупное произведение К. Чорного, в котором он попытался соединить «интерес событий» (быт, обстоятельства) с «интересом подробностей чувств», видеть героев в непрерывном взаимодействии с жизнью, для чего действие было развёрнуто во многих хронологических планах. В этой хронологии событий всё же определяющая роль принадлежит людям – династии четырёх пинвадичских братьев Сечений, середняку Андрею Пницкому, «новому» кулаку Александру Нехлебичу, руководителям фабрики, инженерам, врачам. Но роману была уготована иная судьба – он попал под теорию и практику так называемого производственного романа, противопоставление героев действующим героям переживающим и т.д. Сам автор начал сомневаться в правильности своей цели. В итоге герои романа сами разочаровываются в собственном духовном саморазвитии, а «диалектику души»

⁷¹⁴ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 234.

считали слабостью, «интеллигентской сентиментальностью». Роман не стал большим событием в литературной жизни Беларуси начала 1930-х годов.

Вышедший из печати в 1932 г. роман «Отечество» и в идейно-тематическом отношении, и по внутренней структуре, и по способам психологического анализа значительно отличается от романа «Иди, иди». В «Отечестве» развитие получает эпическая сторона жанровой формы, действие происходит на протяжении десятилетий, героям предоставлена свобода самовыявления и самораскрытия перед читателем. Они постоянно находятся в движении, в действии и взаимодействии, чувствуя поддержку автора, являющегося посредником между читателями и героями.

В конечном итоге такая позиция позволяет автору фокусировать внимание читателя, как на психологических «сценах», так и на важных моментах поведения и поступков героев и тем самым достигать выразительной и реальной их социально-психологической сущности. Но она же (позиция) и ведёт к своеобразной гипертрофии авторского рассказа. Это особенно заметно в последних трёх частях «Отечества», которые перенасыщены событиями, не прошедшими через характеры, психологию героев. «Аўтарскае апавяданне са сродку паказа, – падчёрківае А. Матрунёнок, – тут часта ператвараецца ў сродак інфармацыі і пераказу падзей, што, безумоўна, зніжае мастацкую вартасць твора». ⁷¹⁵

Способ психологического анализа в романе вытекает из тесной связи эпического и драматического и представляет собой раскрытие духовного облика героев не столько прямо, сколько косвенно и не столько через внутреннее, но, главным образом, через внешнее действие. В романе множество примеров (особенно в первой части) чрезвычайно глубокого проникновения в психологию героев и удивительного мастерства в её раскрытии. Однако, как справедливо отмечает А. Матрунёнок, рядом с ними много поверхностной описательности, иллюстрированности целых сюжетных линий, «голой» публицистики, авторской иллюстрации определённых тезисов и идейных положений. Именно поэтому «Отечество» выступает как роман, в котором автор не столько «добывает» идею жизни, сколько «подгоняет» жизнь под заранее избранную идею.

Поиски идейной «многомерности» в условиях литературной жизни конца 1920-х – начала 1930-х годов обращались против самого автора. Вульгарно-социологическая критика один из лучших романов «Земля» объявила «кулачским», повесть «Лявон Бушмар» – «реакционным», на щит поднималось «Отечество», в котором ярко прослеживается «схема», упрощённость, оголённая открытая тенденциозность. Тем не менее, К. Чорный устоял – появятся романы «Третье поколение» («Трэцяе пакаленне»), «Люба Лукьянская» («Люба Лук'янская»), другие произведения, свидетельствующие о «самовоспитании» писателя, реализации тех творческих принципов, которые позволяют говорить о талантливости К. Чорного, непреходящем значении его произведений второй половины 1920-х – начала 1930-х годов для последующего развития белорусской советской литературы.

Обобщая итоги своего исследования, А. Матрунёнок делает объективный и бесспорный вывод: «Мастак, як правіла, не застаецца ў межах нейкага аднаго тыпу псіхалагічнага аналізу, што імкненні яго выступаюць у розных псіхалагічных «амплау» трэба разглядаць як з'яву заканамерную і непазбежную». ⁷¹⁶ Эволюция же в отношении к способу психологического анализа связана с условиями и особенностями развития таланта и у каждого писателя проходит по-своему. Это убедительно подтверждено анализом творчества Т. Гартного, Я. Коласа, М. Зарецкого и К. Чорного, каждый из которых находил свои пути к

⁷¹⁵ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. – Мінск, 1975. – С. 280.

⁷¹⁶ Там же. – С. 289.

постижению диалектики «интерес событий» — «интерес подробности чувств». Правда, далеко не все художники владели таким многогранным талантом. Чаще всего преобладает или «субъективный», или «объективный» подход к постижению действительности, хотя есть много примеров, когда романисты одновременно писали произведения в разных психологических «ключах». Однако при всей неповторимости, индивидуального своеобразия их методов, в их творчестве просматриваются моменты, выразительно высвечивающие общие тенденции в развитии белорусского советского романа. Преодоление выводов вульгарно-социологической критики, требований использования в творчестве единого метода «интереса событий», привело к тому, что лишь в 1960-х годы аналитический психологизм займёт полноправное место в литературе, определяющим принципом которой станет сосуществование и взаимодействие разных типов психологического анализа. В этом и заключается, по А. Матрунёнку, «надзейная гарантыя «нармальнасці» і натуральнасці яго развіцця».⁷¹⁷

И вот книга «Психологический анализ в современном белорусском романе». Для исследования выбрано творчество И. Шамякина (роман «Сердце на ладони» («Сэрца на далоні»), Я. Брыля «Птицы и гнёзды» («Птушкі і гнёзды»), И. Мележа «Люди на болоте» («Людзі на балоце»). Каждому роману посвящён определённый раздел книги, «і гэта робіць даследванне канкрэтна-заглыбленым ў той ступені, у якой гэтага можна чакаць ад першай спробы такога характару і ад абмежаванага кола скарыстаных твораў».⁷¹⁸

«Сердце на ладони» И. Шамякина — роман, который, по мнению А. Матрунёнка, выделяется «подчёркнутым динамизмом» и показывает особенность таланта писателя — «даследваць псіхіку сваіх герояў шляхам назірання за іх дзеяннем, учынкамі, паводзінамі, знешняй мовай, жэстамі, мімікай і пантамімікай».⁷¹⁹ Склонность И. Шамякина к анализу психологических ракурсов в её внешних проявлениях исследователь видит в том, что в его романе на первом плане находится не внутреннее действие, не самоанализ, а действие внешнее, определяемое событийным сюжетом. Роман становится похожим на драму, в которой внутреннее действие выступает лишь подтекстом, своеобразным «подводным течением». Правда, далее в своих рассуждениях А. Матрунёнок утверждает, что «знешнія і ўнутраныя праяўленні псіхікі — гэта адзінства: без ведання ўнутранага жыцця немагчыма пераканаўча намаляваць карціну знешняга жыцця чалавека, а без ведання знешняга жыцця ў сваю чаргу становіцца немагчымым аналіз унутранага».⁷²⁰ Но в отношении И. Шамякина у учёного-исследователя возникает сомнение — «А зможе ли писатель с таким же успехом воссоздавать и выражать в слове картины внутренней жизни своих героев, как это он делает в отношении их объективного поведения, их внутренней жизни?»

При непосредственном обращении к прозе А. Матрунёнок делает такие обобщения. В повести «Месть» («Помста») психологическое состояние главного героя лейтенанта Романенки раскрывается лишь в плане внешнего действия, несмотря на «обогащение» действий и поступки героя искусственными авторскими схемами. В романе «Глубокое течение» («Глыбокая плынь») психологизм выглядит основательнее — писатель исследует не один, а многие характеры, постижение социально-психологической сущности, которых становится более глубоким и

⁷¹⁷ Матрунёнак, А.П. Псіхалагічны аналіз і станаўленне беларускага рамана / А. Матрунёнак. — Мінск, 1975. — С. 301.

⁷¹⁸ Юрэвіч У. Псіхалагічны грунт рамана / У. Юрэвіч // Польша. — 1972. — № 2. — С. 229.

⁷¹⁹ Матрунёнак, А. Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамана / А. Матрунёнак. — Мінск, 1972. — С.26.

⁷²⁰ Там же. — С. 27.

более предметным. По оценке А. Матрунёнка, «гэта адзін з лепшых раманаў першага пасляваеннага дзесяцігоддзя ў нашай беларускай літаратуры».⁷²¹

В русле динамического психологизма оказались и два последующих романа И. Шамякина «В добрый час» («У добры час») и «Криницы» («Крыніцы»), в которых автор придерживается по существу одного и того же способа раскрытия психологии героя – именно через внешнюю жизнь, внешнее действие. Далеко не однозначным, на взгляд А. Матрунёнка, выглядит цикл повестей под общим названием «Тревожное счастье» («Трывожнае шчасце»). В этих произведениях, где преобладает биографический материал (первая и третья повести с главным героем Петром Шапетовским), роль внешнего действия уменьшается, предпочтение отдаётся расширению роли действия внутреннего, отражению рефлексии героя. В то же время в повестях «Ночные звёзды» («Начныя зоркі») и «Поиски встречи» («Пошукі сустрэчы»), где не было возможности опереться на собственный внутренний опыт, писатель нагромождает события, ужасы, героические поступки, которые будто бы могут спрятать за ним отсутствие оригинальности, глубоких и жизненно-убедительных мыслей и чувств. Неудачей окончилась попытка писателя выйти из рамок событийного психологизма и в повести «Ах, Михалина, Михалина!..» («Ах, Міхаліна, Міхаліна!..») – автор так и не смог достигнуть нужной степени сопереживания, перевоплощения в характер и психологию женщины. Трудность перевоплощения в характер постигла И. Шамякина и в романе «Снежные зимы» («Снежныя зімы»). И все неудачи, как правило, касались тех произведений, где из-за недостатка личностного жизненного опыта шло нагромождение искусственных схем, действий и т.п.

В 1963 г. из печати вышел роман И. Шамякина «Сердце на ладони» («Сэрца на далоні»), вызвавший поток многочисленных литературно-критических статей и рецензий. Разброс мнений был огромным – от признания И. Шамякина психологом и даже психологом-аналитиком (Б. Бурак, П. Бровка, Я. Герцович, И. Науменко) до психологической необоснованности поступков героев (В. Коваленко, С. Розин, Б. Бурьян и др.). И происходило это, на наш взгляд, потому, что мнения рецензентов и критиков разошлись в оценке роли в романе главных действующих лиц – доктора Антона Яроша, писателя и журналиста Кирилла Шиковича, автора книги о городском подполье Гукана). Многим казалось, что Ярош и Гукан – это разработанные образы, а Шикович – образ второстепенный. Тем не менее, именно этот образ (а ему повезло избежать и идеализации, и иллюстративности) в психологическом восприятии разработан лучше других, является более живым, более реальным, более человеческим, со всеми слабостями и недостатками, выступающим действительным двигателем действия и интриги. Хотя о его внутренней жизни читатель узнаёт лишь из описания внешних движений, поступков, мимики, голоса, интонаций, жестов. Именно в описании сферы внешнего, а не внутреннего действия И. Шамякин чувствует себя уверенно, но для этого ему приходится активно использовать такое средство раскрытия психологической характеристики героев, как диалог (в т.ч. и смещенные, когда в них есть место не только для «чистых» двухгласных диалогов, но и на смещенный диалог с участием нескольких человек). И здесь тоже не всё удалось И. Шамякину: «...у дыялогах з аўтарскімі рэмаркамі і заўвагамі, многія з якіх проста называюць унутраны стан героя, замест таго каб паказаць яго чытачу праз партрэтную дэталю: жэст, рух, позу, выраз твару і вачэй, усмешку і г.д.».⁷²² И вывод исследователя, что внутренняя жизнь героя в

⁷²¹ Матрунёнка, А. Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане / А. Матрунёнка. – Мінск, 1972. – С. 32.

⁷²² Там же. – С. 75.

его рефлексивной форме писателя мало интересует, и как только «справа даходзіць да паказу працэсу ўнутранага жыцця непасрэдна ў форме рэфлексіі, самааналізу, плыні свядомасці, знікае ўнутраная логіка, замест унутранага жыцця як складанага працэсу ўнутранага няспыннага руху і сутыкненняў розных, часам супрацьлеглых пачуццяў, думак і перажыванняў пачынаецца адвольнае канструяванне статычных псіхалагічных станаў, слаба звязаных з папярэднімі і наступнымі». ⁷²³

На наш взгляд, вывод обоснованный, глубоко научный и с ними нельзя не согласиться, тем более, что сам И. Шамякин в беседе с одним из авторов этой работы совершенно определённо высказывался, что его больше всего привлекает «интерес событий», а все события и характеры развёртываются в произведении – это и есть реакция человека на те социально-нравственные условия, в которых ему приходится жить и действовать.

Одним из авторов, кто в 1960-е годы обратился к исследованию психологии характеров «изнутри», через рефлексию и самоанализ, был Янка Брыль, который своими повестями и романом «Птицы и гнёзда» возродил к жизни в белорусской литературе аналитический психологизм. Все крупные произведения Я. Брыля – это, как правило, произведения одного героя и представляют собой картины жизни, раскрывающие внутреннее движение характеров героев, окрашенное максимальными авторскими «красками» (как, к примеру, в повести «Нёманские казаки» («Нёманскія казакі») или в повести «В Заболотье светает» («У Забалоцці днее»). Не удалась реконструкция и в новой повести «На Быстрынке» («На Быстранцы»), которая, несмотря на все стремления писателя, так и осталась произведением одного героя. И попытки раскрыть характер главных героев «изнутри» так и не привели к заметному успеху. Хотя попытки (А. Матрунёнок называет их «экспериментом») в постижении психологизма стали не столько поворотом к объективному эпическому роману, сколько вели писателя к произведениям субъективного плана, в которых автор связывается диалектическим отношением: я – автор будто бы перевоплощаюсь в героя, но в то же время остаюсь самим собой. Можно было бы и не обращать внимания на повесть Я. Брыля «Последняя встреча» («Апошняя сустрэча»), но по мнению А. Матрунёнка, «аповесць з’яўляецца, бадай-што найбольш суб’ектыўным, найбольш аналітычным, найбольш брылёўскім творам з усіх напісаных ім аповесцей». ⁷²⁴ И этот принцип, к счастью, стал преобладающим в романе «Птицы и гнёзда», насыщенном автобиографическим, личностным и пережитым (исповедь героя о жизни правдивой, принципиальной и открытой). Похожесть биографии героя романа «Птицы и гнёзда» и его автора привела к тому, что в произведении почти не отличаются и автор, и герой. Их языковые связи, косвенная речь, внутренний монолог настолько переплетаются, что создают впечатление органического единства. Настораживает лишь то, что автор, исследуя душу героя, вместо изучения непосредственного психологического процесса исключает его внутренний голос и даёт лишь свой авторский комментарий. И, как подчёркивает А. Матрунёнок, «ва ўсім рамане ёсць толькі адзін унутраны маналог, які можна назваць разгорнутым (внутренний монолог Алеся Руневича в тюремной камере-одиночке)». ⁷²⁵ Но даже этот один пример свидетельствует, что Я. Брыль может исследовать внутреннюю жизнь героя во всей её сложности и противоречивости. И делает он это с помощью диалога (часто драматического), насыщенного глубоким подтекстом (как, к примеру, в беседе Руневича с неким Самацевичем,

⁷²³ Матрунёнак, А. Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане / А. Матрунёнак. – Мінск, 1972. – С. 84.

⁷²⁴ Там же. – С. 103.

⁷²⁵ Там же. – С. 132.

белорусским фашистом, удравшим в 1939 г. из западной Беларуси под охрану немецких штыков или детских бесед-воспоминаний Алеся Руневи́ча).

Известный белорусский литературовед С. Андраюк, анализируя процесс исследования психологизма в романе «Птицы и гнёзда», отмечает, что «Матрунёнак не пападае бяздумна пад уладу пісьменніка (Я. Брыля. – А.Р., Ю.Р.). У яго ёсць свая канцэпцыя, свой погляд на рэчы, і гэта з’яўляецца той меркай, з якой ён падыходзіць да ацэнкі творчасці пісьменніка або яго твора. Таму вывады яго ў пераважнай большасці аргументаваныя, даказныя, хоць яму часам шкодзіць залішня катэгарычнасць, імкненне жывую літаратурную з’яву абавязкова падпарадкаваць канцэпцыі».⁷²⁶

Вывод вполне определённый и с ним нельзя не согласиться.

А теперь о третьем разделе книги, посвящённом изучению психологизма в творчестве И. Мележа и его полностью завершённом самостоятельному произведению – романе «Люди на болоте» («Людзі на балоце»). На наш взгляд, личным выглядит обращение А. Матрунёнка к произведениям И. Мележа до появления романа. Книга за книгой, с их успехами, «своими подъёмами и спадами» (И. Мележ) показывает становление мастерства И. Мележа (первая повесть «Горячий август» («Гарачы жнівень», 1946), другие ранние повести («Дом под солнцем» («Дом пад сонцам»), «Земля, которую любишь» («Зямля, якую любіш»), рассказы, романы «Минское направление» («Мінскі напрамак», 1947–1952), приведшие его к действительно всестороннему раскрытию психологии героев в романе «Люди на болоте» – в этом и заключается мастерство А. Матрунёнка. Он приходит к объективному выводу: «На адны і тыя ж падзеі, здарэнні, жыццёвыя з’явы мы глядзім вачыма не толькі аўтара, але і кожнага з гэтых герояў, якія таксама асэнсоўваюць іх, кожны ў меру сваіх здольнасцей і па-свойму».⁷²⁷ И в этой полифонии событий, голосов и характеров И. Мележ одинаково успешно пользуется и объективным авторским рассказом о внутренней жизни своего героя, и субъективным его раскрытием в форме внутреннего монолога в собственном смысле слова, и косвенной речью, объединяющей в себя качества и первого и второго способов постижения внутреннего движения души. Правда, в этой взаимосвязи писательская позиция никогда не навязывается читателю – ему предоставлено право самому разбираться в жизни героев во всей её многогранности, трёхмерности, сложности, обрисованной И. Мележем самыми разнообразными красками. И это становится совсем понятным, если учесть, что писатель не стремится искусственно форсировать ход событий, в т.ч. и рост сознательности главного героя Василия Дятлина (он сын деревни и своего времени, участник и индивидуалист, но в то время человек, умеющий любить и трудиться). Характер раскрывается полно и всесторонне, благодаря тому, что мы видим его одновременно будто бы внешне глазами автора (в действиях, поступках, авторских описаниях, прямой речи) и изнутри, через внутреннюю речь, размышления, рефлексию самого героя. Эта взаимосвязь выглядит иногда неожиданной – внешнее действие вызывает к жизни действие внутреннее, которое, в свою очередь, поиск сознания героя возвращает снова во внешнее действие (это весьма убедительно раскрыто в эпизоде поездки Василя на болото вместе с Чернушками, тем более, что на повозке Чернушек вместе с отцом едет его любимая девушка Гануля). А. Матрунёнко отмечает: «Унутранае жыццё выклікаецца, параджаецца знешнім і само ўплывае на падзеі і ўчынкі, г.зн. на знешняе жыццё».⁷²⁸ И способствует этому не только мастерство диалога, кото-

⁷²⁶ Андраюк, С. Сваім шляхам / С. Андраюк // Маладосць. – 1973. – № 2. – С. 146.

⁷²⁷ Матрунёнак, А. Псіхалагічны аналіз у сучасным беларускім рамане / А. Матрунёнак. – Мінск, 1972. – С. 202.

⁷²⁸ Там же. – С. 190.

рые, по И. Мележу, выступают и драматизированными, и субъективизированными и которые позволяют видеть и слышать участников диалога и «объективно», внешне и воспринимать такую беседу глазами её участников (Василия и Ганны, к примеру, наиболее выразительным, на наш взгляд. – А.Р., Ю.Р.), но и способность постичь, понять, воспроизвести душевный, внутренний монолог героя (хотя нет-нет, да и встречаются случаи, когда сложный внутренний монолог подменяется авторским пересказом процесса развития мыслей и чувств героя. В итоге в романе вырисовывается процесс, представляющий диалектику различных психологических состояний, стремление И. Мележа к органическому синтезу всех средств показа и «внешней» и «внутренней» жизни героев.

Подводя итог нашим суждениям, на двух литературоведов – В. Юровича – известного белорусского литературоведа, специалиста по актуальным проблемам развития белорусской советской литературы: «У кнізе А. Матрунёнкі прывабліваю яе даследчы пафас, скіраваны на вывятанне асаблівасці жанравай формы беларускага рамана, на раскрыцці пісьменніцкай індывідуальнасці, якую не заўсёды ўлічвае наша крытыка. Кніга заслугоўвае ўвагі не толькі таму, што яна – як бы першая ластаўка ў распрацоўцы беларускім літаратуразнаўствам тэорыі псіхалагічнага аналізу, а перш-наперш таму, што аўтар пераканаўча паказаў: псіхалагізм – неабдымная якасць сучаснага беларускага рамана».⁷²⁹

Г. Синенко, отмечая фетишизацию психологического аспекта и некоторую односторонность выводов А. Матрунёнкі, приходит к выводу, что исследование, посвящённое И. Мележу наиболее удалось нашему земляку. Оно «отличается тонкостью и глубиной наблюдения, умением исследователя «дойти» до сердцевины поэтики писателя, проникнуть в тайну творческого процесса. Логичность доказательств, убедительность мотивировок сочетаются здесь с предельной лаконичностью».⁷³⁰

Пусть и неожиданно, иногда проиворечивые (а часто, и субъективные) выводы А. Матрунёнкі – это отправный пункт, та смелая попытка, которая позволила белорусским литературоведам 1980–1990-х годов более глубоко постичь проблему психологизма, увидеть и понять все аспекты её понимания в современной белорусской прозе.

НИКИФОР ПАШКЕВИЧ

В своё время, анализируя белорусскую романистику середины 1960-х годов, Н. Пашкевич высказал тезис, что современный белорусский роман развернул свои силы «на стратегическом просторе целого столетия (в своих статьях в белорусских и советских печатных изданиях Н. Пашкевичем к обозначенному столетию отнесён роман «Колосья под серпом твоим» В. Короткевича*, романы «На рубеже веков» А. Чернышевича, «Ветер века» И. Гурского, «Иду в жизнь» Р. Соболенки, «Незабываемые дни» М. Лынькова, «Партизаны» А. Адамовича, «Сосна при дороге» И. Науменко).

На наш взгляд, все эти историко-теоретические суждения наиболее доступно изложены Н. Пашкевичем на примере «Полесской хроники» И. Мележа. Критик не просто обозначил её, как «реставрированную» «крестьянскую жизнь двадцатых

⁷²⁹ Юрэвіч, У. Псіхалагічны грунт рамана / У. Юрэвіч // Польша. – № 2. – С. 234.

⁷³⁰ Синенко, Г. Исследуется современная проза / Г. Синенко // Нёман. – 1974. – № 5. – С. 175.

* Переключка столетий, как отметил Н. Пашкевич, «прослушивается, звучит в глубинах идейного смысла романа, показывающего название драматических событий 1863 года, которые наложили свой яркий отпечаток на последующие периоды народной истории». – См.: Нёман. – 1966. – № 10. – С. 178.

годов». И не просто воссозданную, а тысячами идейных и эмоциональных нитей связанную с нашим временем (1960-е годы. – А.Р., Ю.Р.) и его конфликтами.⁷³¹ К тому же писателю удалось выстроить ту концептуально-содержательную линию, в которой ведущие персонажи «оказались способными войти в более широкие и более сложные обстоятельства, они не затерялись в русле событий, как это бывает в иных произведениях, когда автор открывает просторы сюжета навстречу ветрам эпохи. Укрупнение и усложнение типических обстоятельств происходит у Мележа в тесной зависимости с углублением характеров и усложнением внутреннего мира персонажей. Все образы первого плана непрерывно набирают ёмкость, аккумулируя в себе новые и новые явления общественной жизни».⁷³²

Романы, названные Н. Пашкевичем, разномасштабны по творческому замыслу – «роман-эпопея», «роман-судьба», «роман-хроника». На определяющей, по мнению критика, должна стать другая «классификация», стержневым содержанием которой является «идейно-эстетическое качество».

И именно с выработанного для себя правила он рецензирует и выносит на суд союзного читателя свои мысли на страницах таких влиятельных в советское время изданий, как «Правда», «Известия», «Литературная газета», журнала «Литературное обозрение».

Вот, к примеру, одно из суждений в известинской рецензии «Откуда мы родом» на «Полесскую хронику» И. Мележа: «Повествование Ивана Мележа своими славными и крепкими корнями вросло в будни глухой полесской деревни Курени (из того же «захолустья» (Н. Пашкевич), откуда родом и сам И. Мележ. – А.Р., Ю.Р.). Правда, с течением времени мыслям автора становится тесно на избранном вначале плацдарме. Повествование захватывает новые проблемы, в связи с этим возникают и новые образы со своей логикой развития».⁷³³ И эти, полюбившиеся писателю образы первого секретаря райкома партии Апейки, даже его антипода «процентщика по коллективизации» Большакова, любящих и переживающих трагедию любви коренных жителей Куреней Василя Дятлика и Ганны Чернушки и других персонажей, диалектика развития их характеров в самых разных жизненных обстоятельствах, диалектика их взаимоотношений с окружающим миром позволяют Н. Пашкевичу сделать обоснованный для союзного читателя вывод: «Мележ своей «Хроникой» развивает одну из важнейших традиций советского романа: он глубоко и убедительно раскрывает, как советская действительность формирует новую психологию, новое мировоззрение человека».⁷³⁴

Действительность нового, советского мировоззрения Н. Пашкевич раскрывает в правдинской рецензии «Шаг пятый, состоявшийся...» на книгу Н. Новикова «Герой Советского Союза. Пять шагов жизни», изданной в Минске в 1970 г. Проследив формирование человеческих, нравственных, гражданских качеств рядового паренька из Брянщины, а впоследствии Героя Советского Союза Н. Новикова, которого несколько лет после войны поразил тяжёлый медицинский недуг. Н. Пашкевич, называя подвижническую, мученическую жизнь, «ещё одним подвигом», он совершенно откровенно говорит всесоюзному читателю, что он имеет в виду: «...и затраченную на неё (книгу. – А.Р., Ю.Р.) огромную, трудновообразимую для человека в таком положении энергию, и её содержание, проникнутое пафосом фронтовой героики, жизнелюбия, неистерпимым желанием всегда находиться в строю».⁷³⁵

⁷³¹ Пашкевич, Г. За тридцать исторических земель... / Н. Пашкевич // Нёман. – 1966. – № 10. – С. 178.

⁷³² Известия. – 1966. – 12 мая.

⁷³³ Там же. – 12 января.

⁷³⁴ Там же.

⁷³⁵ Правда. – 1970. – 13 ноября.

Таковыми же идейно-эстетическими требованиями руководствовался Н. Пашкевич, предлагая читателям «Литературной газеты»⁷³⁶ рецензию на повесть «Мост» И. Шамякина, повествующую о первом послевоенном году в разорённой фашистами белорусской деревне. Люди, строящие «мост» из военного в мирное время (бывший фронтовик Пётр Шапетович, председатель колхоза Панас Громько, с одной стороны, и их антиподы «организаторы» колхозного строительства, уполномоченные из райцентра Булатов и Рабинович – с другой) поданы писателем в развитии характеров, столкновении позиций, раскрытии политического и нравственного облика героев повести. И вполне справедлив вывод Н. Пашкевича о том, что «повесть «Мост» как раз и может служить одним из многочисленных свидетельств тому, что наша литература выходит на рубеж граждански взволнованного, точного и взыскательного отношения к жизни. Она воспитывает и красотой нового в нашей действительности, и главным осуждением чуждого нам».⁷³⁷

Ещё одним убедительным примером аккуратного, тонко-объективного, но в то же время принципиального отношения ко всесоюзному читательскому мнению, не очень-то знакомого с новинками и художественными открытиями развивающейся белорусской советской литературы, является глубокий и детальный анализ романа И. Науменко «Сорок третий». (Будем откровенны: уже ставший авторитетным в белорусской писательской среде, автор двух романов, получивших высокую читательскую и профессиональную оценку в Беларуси, практически оставался малоизвестным для русскоязычного читателя СССР. – А.Р., Ю.Р.)

Вот лишь несколько выдержек из рецензии Н. Пашкевича на роман И. Науменко «Сорок третий»:

Первая: «Эта книга – и первое испытание прозаика на просторе масштабного романа, и пора творческой зрелости, и, что уже выходит за пределы чисто литературных измерений, исполнение долга перед родной землёй».⁷³⁸

Вторая: «Мне очень хотелось отметить эту удачу – образ сорок третьего года, образ выразительный и точный» (мы разделяем эту точку зрения хотя бы потому, что 1943 год на территории Беларуси – это самые массовые карательные операции гитлеровцев, когда достигло верхнего предела развёртывание программы по истреблению славянской нации на территории СССР. – А.Р., Ю.Р.). И далее у Н. Пашкевича: «Не случайно должно быть после поэтических названий первых двух романов («Сосна при дороге» и «Ветер в соснах». – А.Р., Ю.Р.) автор решил поставить в заголовок третьего «порядковое числительное» – стоит прочитать книгу, как хронологический смысл этих двух слов забывается, а вместо него проступает высокий символический смысл».⁷³⁹

Третья: Романы И. Науменко заселены «очень густо, даже слишком густо», но «человек, на котором останавливает внимание писатель, как правило, глубоко погружен в свою социальную и бытовую среду. У каждого свой мир понятий и чувств. А в совокупности характеров нам широко открываются на страницах трилогии (имеется ввиду трилогия И. Науменко «Сосна при дороге», «Ветер в соснах» и «Сорок третий» – А.Р., Ю.Р.) и героика, и быт, и труд, и семейные связи, и поэзия полесской природы, и всё другое, из чего складывается человеческое бытие».⁷⁴⁰

Четвёртая: И, может быть, главная: умение критика, обратившего внимание специалистов и читателей на присущие, пусть и не большие недостатки,

⁷³⁶ Литературная газета. – 1965. – 28 августа.

⁷³⁷ Там же.

⁷³⁸ Пашкевич, Н. Встречный огонь / Н. Пашкевич // Литературное обозрение. – 1974. – № 8. – С. 24.

⁷³⁹ Там же. – С. 24.

⁷⁴⁰ Там же. – С. 28.

сказать об этом автору тонко, тактично, без эмоций и критических наставлений: «...недостатки бывают разного свойства и затрагивают область художественной правды по-разному. В данном случае речь идёт главным образом о степени жанрового совершенства масштабного, многосерийного романа, о том, что автор иногда выбивается из его русла, не промеряя глубин изображаемого. Стратегия жанра, конечно же, требует своего. И, прежде всего, тут будет над чем подумать автору, если он со временем почувствует необходимость вернуться к написанному. А книга, она стоит того, чтобы не пожалеть на неё дополнительного труда. Искренняя и правдивая, богатая подлинными художественными открытиями, она видится мне в кругу лучших произведений о минувшей войне».⁷⁴¹

Для белорусского литературоведения были весьма авторитетными статьи Н. Пашкевича, посвящённые актуальным проблемам в самых разных сферах того-часной общественно-художественной жизни. Лишь два примера. Один из области литературного творчества, второй – из понимания белорусским литературоведом педагогических проблем преподавания русской и советской литературы в общеобразовательных школах СССР. Вот как высказывался Н. Пашкевич о мастерстве известного российского писателя П. Проскурина после выхода в свет его романа «Судьба»: «Творчеству П. Проскурина присущ весьма широкий тематический и эмоциональный диапазон. И всё же главные его корни питаются драматизмом исторических событий и глубоких социальных и нравственных сдвигов. Напомню читателю хотя бы его романы «Исход» и «Горькие травы», в которых писатель изображает патриотическую борьбу советских людей на оккупированной гитлеровцами территории и послевоенные трудовые будни страны. Разные по теме, они имеют общую идейную основу, легко воспринимаются как произведения одного эпического цикла о народе, об истоках его оптимизма, жизнестойкости и духовного здоровья.

Продолжая этот ряд, роман «Судьба» не просто увеличивает его, а означает выход писателя к гораздо более трудной во многих отношениях задаче. И дело не столько в том, что Проскурин на сей раз удаляется глубже в историю, в предвоенное десятилетие. Дело, прежде всего, в самом подходе к жизни, в стремлении найти новую, можно сказать, эпопейную меру художественной емкости.

...Эпический талант Проскурина проявился здесь с незаурядной силой и оправданной смелостью, которые идут и от знания народной жизни во всей её реальной конкретности и от уверенного целостного видения исторического процесса. Иное дело – несколько рачительно распорядился писатель этими качествами своего дарования, с какой степенью художественного совершенства воплотил он каждую из множества граней сложного замысла.

...Поставив в заглавие романа слово «Судьба», Проскурин шёл от народного, но нового его наполнения и оно несёт в себе полемический заряд против социальной пассивности и фатализма. Когда человек соединяет свою судьбу с судьбой народа, осознаёт себя его частицей и в радостных свершениях, и впору невзгод, он крепко стоит на земле и знает смысл жизни, достойной человека».⁷⁴²

А вот размышления Н. Пашкевича по поводу практики преподавания литературы в школе: * «Во-первых, нельзя в борьбе за новое (об этом сказано давно!) вольно или невольно бросать тень на то «старое», которому, как говорится, сносу нет и не будет! Больше будет пользы, если мы не просто будем ратовать: во что

⁷⁴¹ Пашкевич, Н. Встречный огонь / Н. Пашкевич // Литературное обозрение. – 1974. – № 8. – С. 27.

⁷⁴² Пашкевич, Н. Земли родной минувшая судьба / Н. Пашкевич // Литературное обозрение. – 1973. – № 1. – С. 27, 30.

* Статья Н. Пашкевича «Возведя капитальную стену...» (См.: Литературное обозрение. – 1974. – № 1) – это ответ на размышления журналиста А. Горловского «Современный герой. Каков он?», опубликованные в журнале «Литература в школе» (1973. – № 5).

бы то не стало новое в школьные программы! – а сначала вдумчиво разберемся, что это за новое, какова его реальная ценность, учитывая, что оно должно стать вон в какой ряд! Ведь школьные программы, как известно, составляются из лучших произведений, из списков открываются, – я говорю о советской литературе, – имена Горького, Маяковского, Шолохова, А. Толстого, Фадеева...

Во-вторых, желая помочь учителям-словесникам сориентироваться в современном литературном процессе (а статью Горловского, опубликованную в специальном журнале, так, наверное, следует и рассматривать), надо бы по возможности полнее представлять реальную картину. Чтобы ответить на вопрос, каков он, герой современной литературы, следовало бы обратиться ещё ко многим и многим новым произведениям прозы, а потом вспомнить, что есть поэзия и драматургия, которые тоже ведь напряжённо решают эту проблему. Я, разумеется, не за длинные списки-поминальники, а за более полный мысленный охват фактов, на основе которых делаются выводы и обобщения. При таком условии и облик героя представился бы в статье А. Горловского иным, и фраза «сегодняшняя литература удивительно богата героями» не была бы лишь фразой с арифметическим смыслом, а несла бы в себе мысль о качественном многообразии характеров, в кругу которых немало характеров подлинно героических, с наибольшей силой воплощающих дух нашей эпохи.

В-третьих, советская литература, как известно, – явление многонациональное, ее уровень сегодня, как иногда, определяется творчеством писателей всех братских республик страны. И полнота наших, и общений, и выводов находится также в прямой зависимости от того, в какой степени будет учтено это обстоятельство.

...Давайте будем думать, говорить и писать о литературе не с ходу. А то может вон что получиться...»⁷⁴³

Заметим, что эти мысли литературоведа и литературного критика Н. Пашкевича (человека, казалось бы, не имеющего прямого отношения к педагогике. – А.Р., Ю.Р.) получили и одобрение, и признание в самой широкой учительской среде (и, конечно же, у учителей и преподавателей, для которых литература в стенах учебного заведения была их призванием, делом их жизни. – А.Р., Ю.Р.).

И всё же главной точкой приложения сил и умения Н. Пашкевича – здесь мы не погрешим с истиной – были проблемы развития национальной литературы, определение её болевых точек, критическая оценка достижений, повышение роли и авторитета литературы в общественно-культурной жизни Беларуси. Однако, среди всего многообразия исследуемых проблем была одна, которая находилась в поле зрения критика и литературоведа Н. Пашкевича постоянно. Это тема всенародного подвига, мужества и героизма белорусов в годы Великой Отечественной войны. Ей посвящена монографическая работа «На эпическом направлении (подвиг народа в белорусском романе)», многонациональные публикации в союзных и белорусских газетах и журналах, организаторская деятельность будь-то в газетах «Правда» и «Літаратура і мастацтва», журнале «Літаратурное обозрение» или в секциях критики и литературоведения Союза писателей Беларуси и СССР, Совете по белорусской литературе СП СССР и т.д.

Приведём лишь несколько суждений из материалов Н. Пашкевича разных лет, подтверждающих устойчивость его внимания к обозначенной теме:

– Из статьи «Возмужали и мы, и напевы» в «Литературной газете» (1967) «Двадцать две песни оборвались в борьбе с врагом» (имеются в виду двадцать два белорусских писателя и поэта, погибших на Фронтах Великой Отечественной войны. – А.Р., Ю.Р.). «Война надолго определила творческие планы белорусских писа-

⁷⁴³ Пашкевич, Н. Возводя капитальную стену... / Н. Пашкевич // Литературное обозрение. – 1974. – № 1. – С. 64.

телей. С её темой вошли в литературу бывшие фронтовики и партизаны – Шамякин, Быков, Мележ, Науменко, Адамович, Ткачёв, Осипенко...»⁷⁴⁴ (Мысль, как видим, остановилась на многоточии. И мы, как авторы, имели право причислить и самого Пашкевича, начинавшего свою партизанскую жизнь в 17 юношеских лет. – А.Р., Ю.Р.). Уместно здесь привести слова известного белорусского литературоведа Светланы Марченко: «Крытыка Пашкевіча – крытыка памяці. Мала ў каго з прадстаўнікоў гэтага жанру знойдзем столькі зваротных хадоў у вогненнае мінулае, столькі настойлівасці пры размотванні клубка памяці, клубка сумлення».⁷⁴⁵

– Из журнала «Огонёк» (1974):

Роман Михася Лынькова «Незабываемые дни» – «четырёхтомная эпопея, развернувшая перед нашим взором всеобъемлющую панораму жизни и борьбы белорусского народа в чёрные годы гитлеровской оккупации, панораму всенародной войны, в которой проявились все самые лучшие качества народного характера, сложившиеся и созревшие в годы Советской власти».⁷⁴⁶

– Из газеты «Правда» (1975):

«Лучшие стихи того времени (они составляют в книге большой раздел. – Речь идёт о книге избранных произведений народного поэта Беларуси П. Панченко «При свете молний». – А.Р., Ю.Р.) и сегодня с первоначальной силой приобщают нас к мужеству и боли советской земли, к нравственным истокам всенародного подвига».⁷⁴⁷

Из выступления на заседании Совета по белорусской литературе Союза писателей СССР (1976): в белорусской прозе о войне: «адбываецца замацаванне дасягнутых пазіцый. Але вось з’яўляюцца такія рэчы, як «Сотнікаў» Васіля Быкава, «Хатынская аповесць» Алеся Адамовіча, калектыўная кніга «Я з вогненнай вёскі», аповесць «Гандлярка і паэт» Івана Шамякіна, «Вісакосны год» Віктара Казько, «Найдорф» Івана Пташнікава, і на заўтрашні дзень ваеннай мэты герой пачынае глядзець з большым аптымізмам. Пошукі не спыняюцца, і будзем спадзявацца, што яны не толькі прывядуць да павелічэння колькасці добрых кніг, а і зноў народзяць высокую хвалю франтальнага, так сказаць, наватарства.

«Беларуская проза яшчэ ў гады бітвы з фашызмам і адразу пасля яе бачыла эпапею Вялікай Айчыннай вайны як этап гістарычнага лёсу народа (Кузьма Чорны, Міхась Лынькоў, Іван Мележ). Думаецца, што перш за ўсё на гэтым напрамку ў кантэксце гістарычнага лёсу народа, як у гады вайны сапраўдную сталасць, – прозу чакаюць і найбольш плённая новыя адкрыцці».⁷⁴⁸

– Из журнала «Нёман» (1979):

Говоря о естественном желании писателя Алеся Осипенко поделиться своими впечатлениями о суровых военных годах, Н. Пашкевич подчёркивает: «Так появились роман «Огненный азимут», повести «Мать», «Два дня и две ночи», ряд рассказов – произведения, укрупнившие масштаб мысли писателя о жизни народа, о характере советского человека. Война в этих произведениях снова-таки не является лишь предметом памяти и исторических экскурсов. Она осмысливает в духе лучших традиций нашей военной прозы, благодаря чему её события отсвечивают непреходящими общественными и нравственными проблемами и уроками, а в иных случаях являются прямым истоком драматических узлов современного сюжета (как в повестях «Жито», «Два дня и две ночи», рассказах «Крик чаек», «Лауреат местного конкурса»».⁷⁴⁹

⁷⁴⁴ Литературная газета. – 1967. – 18 октября.

⁷⁴⁵ Марчанка, С. Дыялог, непадуладны жыццю / С. Марчанка // Польша. – 1984. – № 12. – С. 185.

⁷⁴⁶ Огонёк. – 1974. – № 52. – С. 29.

⁷⁴⁷ Правда. – 1975. – 5 августа.

⁷⁴⁸ Літаратура і мастацтва. – 1976. – 27 лютага.

⁷⁴⁹ Пашкевич, Н. По азимуту долга и совести / Н. Пашкевич // Нёман. – 1979. – № 9. – С. 163.

А теперь о книге «На эпическом направлении», изданной в Москве в издательстве «Советский писатель» в 1970 г. Обращает на себя внимание подзаглавие «Подвиг народа в белорусском романе», в котором в самом сжатом виде «спрессовано», сконцентрировано понимание Н. Пашкевичем масштабной темы в белорусском «военном» романе, её теоретическое философско-эстетическое осмысление, выводы и оценки.

Сам автор книги достаточно чётко обозначил предмет своего комплексного исследования: «Смысл данной работы, если определять его в самых общих чертах, можно выразить вопросом: что представляет собой белорусский роман об оккупации, каковы его реальные идейно-художественные приобретения»? Отвечая на собственный вопрос, Н. Пашкевич глубоко и всесторонне, комплексно рассматривает послевоенную белорусскую прозу, посвящённую исключительно войне, героической борьбе, жизни белорусов в условиях фашистского оккупационного режима. При этом исследование белорусского «военного» романа начинается с произведений, написанных ещё в годы войны, по горячим следам событий, к примеру, такого, как роман К. Чорного «Большой день». В поле зрения Н. Пашкевича на протяжении всего исследования находятся романы «Глубокое течение» И. Шамякина, «Незабываемые дни» М. Лынькова, «Расстаёмся ненадолго» и «Встречи на расстанях» А. Кулаковского, «Сосна при дороге» И. Науменко, повести В. Быкова и А. Карпюка, диалогия «Партизаны» А. Адамовича и другие произведения. Нельзя сказать, что эти произведения были обойдены вниманием тогочасной литературной критики. Однако перед Н. Пашкевичем проблема была и новой, и по-принципиальному научной — исследуя надо было развить военную прозу, следовало отвлечься и от творческого опыта, который был накоплен белорусскими (и советскими) писателями, и от общих тенденций литературного процесса, и, самое главное, от развития общественной мысли за послевоенное десятилетие.

Это была сверхзадача... О том, как решил её земляк, лучше судить по мнениям известных советских и белорусских литературоведов и критиков.

— Пишет советский автор Аркадий Бочаров:

«Книга подтверждает или открывает многие общие, принципиально-важные закономерности развития всей нашей военной прозы».⁷⁵⁰

— Из статьи известного журналиста и литературного критика В. Севрука:

«Тема, к которой обратился в своём исследовании Н. Пашкевич, актуальна. Его книга вносит заметный вклад в разработку их важнейших проблем советского литературоведения и критики».⁷⁵¹

— Из монографии белорусского литературоведа В. Коваленко «Праблемы сучаснай беларускай крытыкі»:

«Крытыку (Н. Пашкевичу. — А.Р., Ю.Р.) удалося паказаць на прыкладзе адлюстравання вайны, узбагачэння жанравых рыс беларускага рамана, узмужненне яго зместу, паглыбленне зацікаўленасці складаным лёсам чалавека на вайне. Пашкевіч даў цэльнае, доказнае і пераканаўчае ўяўленне пра эстэтычнае і філасофскае багацце зместу беларускай прозы».⁷⁵²

— Из статьи «Плён пісьменніцкага жыццяпісу» известного в Беларуси (и далеко за её пределами) автора белорусского «Букваря» А. Клышки:

«Ён крытык і літаратуразнаўца — выступае недзе і як сведка гэтых векапомных падзей. Ці не першы ў беларускім літаратуразнаўстве, Н. Пашкевіч выявае праўдзівасць асобных мастацкіх апісанняў падзей дакументальнымі сведчаннямі пра гэтыя падзеі. І перад чытачом навочна паўстае метадалагічная

⁷⁵⁰ Бочаров, А. На главном направлении / А. Бочаров // Вопросы литературы. — 1970. — № 7. — С. 211.

⁷⁵¹ Литературная газета. — 1970. — 18 февраля.

⁷⁵² Коваленка, В. Проблемы сучаснай беларускай крытыкі / В. Коваленка. — Мінск, 1977. — С. 122.

канцэпцыя, паводле якой праўда мастацтва і праўда жыцця, хоць і не тоесныя, але жывуць у непарыўным адзінстве». ⁷⁵³

Такими были оценки и выводы писателей и ведущих специалистов в области литературоведения и литературной критики. Но ведь и мы, как авторы настоящего материала, также хотели бы обратить внимание сегодняшнего читателя на некоторое собственное внимание к некоторым позициям. Назовём лишь две из них:

Первая – понимание Н. Пашкевичем и смелое его обозначение реалистической правды, в которой, пожалуй, впервые стало постепенное высвобождение белорусской «военной» романистики от обобщённого легендарно-приподнятого стиля (смело и откровенно, может быть, впервые была показана «запредельная героичность партизан в романах «Незабываемые дни» М. Лынькова, «В огне» И. Гурского, или даже некая идиалистичность» в романе И. Шамякина «Глубокое течение» и др.).

Вторая – обоснование вывода о том, что одной из самых крепких основ, связывающих эпоху Великой Отечественной войны с нашей современностью, выступает гуманистичность нравственной позиции авторов и их литературных героев. Именно в глубоком художественном освоении гуманистических проблем и видит Н. Пашкевич наиболее заметное обогащение романтической формы. Проанализировав романы «Немиги кровавые берега» В. Карпова, «Сосна при дороге» И. Науменко, «Встретимся на ростанях» А. Кулаковского, дилогию «Партизаны» А. Адамовича, автор книги «На эпическом направлении» делает обоснованный вывод: глубокое понимание гуманистической проблематики помогает объяснить и переход от героики легендарной к героике реалистической, единственно способной составить основу романа – эпопеи (м.б. поэтому и книга названа «На эпическом (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) направлении». – А.Р., Ю.Р.), где особенно велика роль реального взаимодействия субъекта истории и исторических обстоятельств. И ядром гуманистического пафоса белорусского «военного» романа, по Н. Пашкевичу, стало стремление понять и показать глубокие социально-нравственные истоки поистине ратного подвига во всей гамме проявлений в обыденных, драматических и трагических событиях, отразить новые качества в национальном облике белорусов, проявившихся на таком качественном уровне в борьбе с фашизмом, который и сегодня не всегда понимается в цивилизованной Европе.

На наш взгляд, предоставляется правильным, наши мысли и суждения о книге «На эпическом направлении» завершить словами самого автора: «Исследуя книги белорусских романистов о днях оккупации и партизанской борьбы, мы старались вскрыть природу их идейно-художественной нравственности, «выверить» их высокими критериями романтического мышления и мастерства, продиктованными современным эстетическим идеалом. При этом основой основ был для нас критерий самой жизни, исторической правды изображаемой эпохи – без этого нельзя понять истинное достоинство романа о войне». ⁷⁵⁴

В заключение обратим внимание сегодняшнего читателя на постоянное внимание Н. Пашкевича к проблемам развития белорусской советской литературы в целом и литературоведения и литературной критики в частности. Подчёркивая значение концептуальных подходов к изучению самих основ творческого метода национальной литературы и его воплощения в литературно-художественный процесс, Н. Пашкевич обращает внимание специалистов на необходимость комплексного подхода к изучению возникающих проблем и называет некоторые из них – эстетический идеал литературы, природа и характер гуманизма в национальной литературе, героическое в жизни и искусстве, человек в истории и человек в литературе и др. Полноту художественной правды он видит в многомерном изображении

⁷⁵³ Звязда. – 1974. – 10 снежня.

⁷⁵⁴ Цит. по: Коваленко, В. Главное направление – художественная правда / В. Коваленко // Нёман. – 1970. – № 6. – С. 171.

жизни, где главенствует диалектика факта и его литературного осмысления. Одна из важнейших черт художественности характера и убедительности, по Н. Пашкевичу, заключается в показе драматизма идейных и нравственных исканий человека, во внутренней его изменчивости. И помочь в этом может глубокое изучение и обобщение как опыта старейших белорусских писателей, так и зрелых мастеров среднего поколения, теоретическое осмысление качественно новых тенденций в живом литературном процессе. В качестве примера многопланового и системного исследования Н. Пашкевич называет книгу А. Адамовича «Издали и вблизи» («Здалёку і зблізку») с характерным подзаглавием «Белорусская проза на литературной планете» («Беларуская проза на літаратурнай планеце»). «Асэнасаваць родную літаратуру ў сістэме паняццяў «усесаюзная літаратура» і «сусветная літаратура», і не толькі для таго, каб вызначыць ступень і характар уплываў на яе, а і паказаць яе рэальны ўклад у агульнасавецкую і сусветную мастацкую скарбніцу – гэтая задача з’яўляецца сапраўды актуальнай і важнай».⁷⁵⁵

Современники Н. Пашкевича отмечают, что его позиция, будь-то в литературной дискуссии или в выступлениях на страницах газет и журналов, была по-человечески гуманистической, но творчески-принципиальной. Он не любил куража, затуманенности и неупорядоченности мыслей автора, поспешности и неубедительности его выводов.

Примером высокой требовательности и принципиального отношения Н. Пашкевича к литературоведческому процессу и людям, участвующим в нём, может служить его беседа за «круглым столом», организованным редакцией журнала «Малодосць», «посвящённым обсуждению творчества молодых белорусских писателей».⁷⁵⁶ Обобщающую оценку направлений и перспектив развития молодой литературы попытался дать начинающий литературовед Алесь Яскевич. Однако, как оказалось, решить взятую на себя задачу Яскевичу оказалось не под силу. В итоге – получился «винегрет», который не мог остаться без внимания «мэтра» белорусского литературоведения, лауреата Государственной литературной премии БССР имени Я. Коласа Н. Пашкевича. Читателям «Малодосці» была предложена небольшая, но ёмкая по содержанию статья «Уточним кriterии» («Удакладнім крытэрыі»). Н. Пашкевич отмечает, что в обобщающей статье А. Яскевича «усё гэта ідзе ўрасыпную, вельмі слаба звязана паміж сабой, «няма дысцыпліны думкі, няма яснай тэматычнай пазіцыі». «Артыкул Алеся Яскевіча, паўтараю, таму і не можа задаволіць, што ў ім аўтар, хоць і хацеў, відаць, вынесці на першы план праблему жыццёвых гарызонтаў, грамадзянскай актыўнасці маладой літаратуры, але, па сутнасці, гаворыць зусім іншае».⁷⁵⁷

На наш взгляд, рассуждения о жизнетворчестве Н. Пашкевича во второй половине 1960 – 1980-х гг. можно завершить словами нашего земляка, известного поэта Г. Буравкина, которые звучат и лаконично, и убедительно. Н. Пашкевич, рецензируя авторские произведения «грунтоўна і паспешна, разам з аўтарамі стараючыся асэнасаваць усё тое невымерна дарагое, што называецца народным змаганнем з фашызмам. Прытым ён патрабуе ад літаратуры шырокай панарамы вайны з глыбокім паказам кожнай «дэталі» гэтай панарамы, з такім даследваннем псіхалогіі чалавека – удзельніка гістарычных падзей.

Навуковая абгрунтаванасць, патрабавальнасць, уменне ахапіць пэўны літаратурны працэс і вызначыць найбольш яркія звенні яго, дакладнасці ацэнак і якасць пазіцыі – вось найбольш характэрныя рысы Пашкевіча-крытыка, якія заваявалі павагу пісьменнікаў і чытачоў, прынеслі высокую ацэнку грамадскасці...»⁷⁵⁸.

⁷⁵⁵ Літаратура і мастацтва. – 1981. – 24 красавіка.

⁷⁵⁶ См.: Пашкевіч, Н. Удакладнім крытэрыі / Н. Пашкевіч // Малодосць. – 1968. – № 5.

⁷⁵⁷ Там же. – С. 147, 148.

⁷⁵⁸ Літаратура і мастацтва. – 1974. – 13 снежня.

ТАМАРА ЧАБАН

Талантливый литературный критик и литературовед **Тамара Константиновна Чабан** родилась в деревне Чабаны Глубокского района 31 мая 1952 года. Приходится лишь сожалеть, что её творческий путь в белорусской советской литературе длился только пятнадцать лет – Тамара Чабан умерла 20 марта 1992 г., прожив неполных 40 лет. Похоронена в д. Раков, что недалеко от Минска.

Тамара Чабан родилась в крестьянской семье. В 1969 году окончила Черневичскую среднюю школу и поступила на филологический факультет Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина, по окончании которого работала учительницей белорусского языка и литературы в Ветринской средней школе Полоцкого района. В 1980 году окончила аспирантуру при кафедре белорусской литературы БГУ, в 1982 году защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук по теме «Романтические тенденции в современной белорусской поэзии». С 1981 года младший, с 1985 года – старший научный сотрудник института литературы имени Я. Купалы Академии наук БССР. В 1988 году принята в Союз писателей БССР.

Литературные способности, и в особенности тяга к поэзии (как оказалось потом, и к некоторым её характеристикам), проявились ещё в школе. Однако впервые её имя в периодической печати появилось в 1977 году, когда на страницах газеты «Літаратура і мастацтва» была напечатана рецензия на книгу О. Ипатовой^а (заметим, что она не оказалась без внимания и специалистов, и читателей. – А.Р., Ю.Р.). Постепенно складывался стиль практика, основополагающими чертами которого становились принципиальность оценок, объективность взглядов, их доступность и понятность читающему. Статьи Т. Чабан по проблемам тогочасного (современного ей) литературного процесса стали постоянными на страницах союзных и республиканских изданий. Появляются творческие портреты белорусских поэтов, рецензии на поэтические сочинения Р. Боровиковой, А. Гречанникова, Г. Коржаневского, Н. Матяш, Е. Янишиц и др., её статьи печатаются в коллективных сборниках «Песни белорусской властитель» («Песні беларускай валадар»), «Уровни фольклорных влияний» («Узроўні фальклорных уплываў»). При этом, круг публикаций Т. Чабан в таких представительных изданиях многопланов и тематически-разнообразен. К примеру, в книге о Я. Купале – это статья «Купалаўская рамантычная традыцыя»; в книге о фольклоре – «Фальклорныя элементы ў рамантычнай вобразнасці сучаснай беларускай паэзіі»; «Дне поэзии. 1990» – наблюдения о состоянии молодой белорусской поэзии 1980-х годов; «Авансы маладосці – і сталасці даўгі...»; в сборнике «Только вперёд. Произведения белорусских поэтов лауреатов премии ЛКСМБ» («Толькі ўперад. Творы беларускіх паэтаў лаўрэатаў прэміі ЛКСМБ») – её уникально-пронзительное вступление и др.

Она избиралась председателем совета литературного клуба «Братство» («Братэрства»), была членом редколлегии ежегодников «День поэзии-88» и «День поэзии-89», составителем литературно-публицистических сборников «Образ-86» («Вобраз-86») и «Зона беды» («Зона бяды»).

Первым, и сразу же привлёкшим к себе внимание писательской и читательской общественности, работой Т. Чабан стала книга «Крылья романтики: романтические тенденции в современной белорусской поэзии» («Крылы рамантыкі: рамантычныя тэндэнцыі ў сучаснай беларускай паэзіі». – Мінск, 1982). И внимание это было вполне обоснованным. Т. Чабан объясняет читателю: «Прынцыпова важным,

^а См.: Литературная газета. – 1977. – 6 мая.

асабліва для даследчыкаў сучаснай літаратуры, з'яўляецца пытанне сутнасці рамантызму: ці гэта толькі канкрэтна-гістарычны этап літаратурнага развіцця паміж літаратурай эпохі Асветніцтва і крытычнага рэалізму або рамантызм, як і рэалізм, з'ява «тыпалагічная», што можа развівацца, паўтарацца ў змененай форме на новых этапах літаратурнага працэсу? ...праблема вызначэння месца рамантычных тэндэнцый у літаратуры сацыялістычнага рэалізму... патрабуе вялікай даследчай работы, і перш за ўсё больш дакладнага вызначэння паняццяў «метад» і «стыль», вывучэння форм іх узаемапераходу».⁷⁵⁹

Правда, критик сразу тактично предупреждает читателей, чтобы они не воспринимали работу прямолинейно и односторонне. На наш взгляд, такая осторожность не случайна. В книге содержится верная мысль о том, что романтическое начало не самоцель в нынешней поэзии (и белорусской, и советской), что оно тесно связано с восприятием «возвышенной реальности».

Занявшись проблемой диалектики «романтизм–реализм», постепенно её исследуя, (анализируются произведения поэтов и разного возраста, и разной творческой манеры Максима Танка, Аркадия Кулешова, Пимена Панченко, Алексея Пысина, Владимира Короткевича, Анатолия Вертинского, Геннадия Буравкина, Дануты Бичель-Загнетовой, Евгении Янишиц и др. заметим, что вполне обоснованными выглядят обращения Т. Чабан к творчеству советских поэтов-романтиков. – А.Р., Ю.Р.), критик приходит к выводу о том, что «канцэпцыя героя ў сучаснай літаратуры ў некаторых момантах нагадвае рамантычную канцэпцыю асобы. Спрыяе гэтаму яшчэ і такая, здавалася б, чыста «матэрыяльная» з'ява, як пабудова моцнай матэрыяльнай базы савецкага грамадства, павышэнне народнага дабрабыту. Гэта, па назіраннях філосафаў, некалькі паслабляе знешнюю, прасталінейную, прама дэтэрмінаваную залежнасць свядомасці ад быцця; яна становіцца больш складанай, апасродкаванай. У выніку ўзрастае свабода чалавека ад абставін, ад матэрыяльнага свету і адпаведна большая свабода выбару, адказнасць за свае ўчынкi.

...Герою сучаснай паэзіі ўласціва не толькі рамантычная накіраванасць да ідэалу, аптымізм і вера ў будучыню, прага духоўнасці, непрымірымасць да мяшчанства, але і драматызм, рамантычны дуалізм».

И постепенно своими посылами («романтика»..., «романтические тенденции» и др.), шаг за шагом Т. Чабан своими выводами и заключениями обосновывает свои предположения. К примеру, в качестве главной посылки выступает чёткое разграничение реалистической и романтической способы отражения действительности и учёт их связи и взаимодействия. На конкретных примерах показывается, что, скажем, художественная условность в реалистических и романтических произведениях выполняет разные роли. В первом случае она присутствует как осознанный художественный приём, во втором – она пронизывает всю художественную структуру произведения, является определяющим способом восприятия и воплощения действительности в художественных образах. Т. Чабан убедительно рассказывает об определённых приёмах романтической поэтики, таких образных средств, играющих в романтизме особую роль, как условность гиперболизации, контрастность, метафоризм, экспрессия. Исследовательница разъясняет свою позицию следующим образом: «...калі ўмоўнасць у рэалістычным творы – толькі ўсвядомлены мастацкі прыём, то ў рамантычным яна пранізвае ўсю структуру твора, з'яўляецца спосабам успрыняцця рэчаіснасці. Рамантычная метафара не толькі раскрывае дадатковыя значэнні, пераўтварае прадмет ці з'яву, але і ўздымае, ідэалізуе іх. Эпітэт у рамантычным творы перш за ўсё паказвае суб'ектыўныя адносіны да азначаемага паняцця».⁷⁶⁰

⁷⁵⁹ Чабан, Н. Крылы рамантыкі / Т. Чабан. – Мінск, 1982. – С. 4, 9.

⁷⁶⁰ Там же. – С. 17.

Отметим и такую важную теоретическую посылку исследовательницы, как понимание связи романтических тенденций в современной белорусской поэзии с опытом мировой, русской и собственно национальной романтической традиции. Здесь и проблема материального и духовного, и романтический дуализм лирического героя, и обширный круг различных философских вопросов... Но увидеть традицию – это лишь полдела. Важно понять, что новое вносится в эту традицию сегодня. «Рамантычныя тэндэнцыі ў сучаснай літаратуры, – пишет Т. Чабан, – значна адрозніваюцца ад «класічнага» рамантызму. Яны арганічна спалучаюцца з рэалістычнай вобразнасцю, узбагачаюцца дасягненнямі рэалістычнага мастацтва». Однако сам характер отношений романтического идеала и действительности изменился. «Паміж імі няма непрымірамай супярэчнасці, ідэал абумоўліваецца рэальным жыццём. Аднак гэта не дае падставы гаварыць аб зліцці ідэалу і савецкай рэчаіснасці, а значыць і з’яўленне перадумоў да знікнення рамантызму, бо ідэал заўсёды ідзе наперадзе жыцця...».⁷⁶¹

Отметим, что исследованию романтических тенденций у Т. Чабан посвящены, в основном, заявленные названия разделов: «Народ, история, время в романтическом освещении» и «Романтическое открытие личности». Проблемы эти получают в книге разностороннее раскрытие. Так, например, в первом разделе идет речь о различных путях художественного осмысления категории времени – историческом (В. Короткевич) и философском.

«Іменна ў паэтычнай канцэпцыі часу, якая адлюстроўвае спосаб увасаблення ідэалу, найбольш ярка выяўляецца арганічная сувязь куляшоўскага аналітычнага рэалізму з рамантычнымі гранямі светаадчування, рамантычнымі стылевымі тэндэнцыямі», а сама «філасофская метафара А. Куляшова ...утрымлівае не толькі ярка выражаныя часовыя асацыяцыі, але і своеасаблівы выклік часу. Яго паэзія – і зместам і формай – барацьба за час, за вялікае жыццё ў малых тэрмінах»⁷⁶², – делает свой вывод автор монографии.

На наш взгляд, здесь Т. Чабан выглядит и понятной читателю, и убедительной. И вот почему. Особенности романтической концепции времени в поэзии А. Кулешова раскрыты во всей её философской многоплановости и художественной оригинальности, благодаря профессионализму исследовательницы умело соединившей в контексте исследования романтические тенденции в творчестве А. Кулешова и А. Твардовского. Здесь есть и то, что роднит, и то, что отличает их творчество друг от друга. В родстве романтических исканий Т. Чабан выделяет художественное открытие «аднолькавых паэтычных вобразаў і думак», «вострае адчуванне імклівасці часу, цэйтноту і абумоўленае гэтым імкненне да сцісласці мастацкага часу твора, да лаканізму, афарыстычнасці».⁷⁶³ Отличия, по её мнению, связаны, прежде всего, «з асаблівасцямі іх мастацкага светаўспрымання, індывідуальнай стылявой манеры. У паэзіі А. Твардоўскага рамантычныя элементы зведзены да мінімуму, пераважае ўласна рэалістычны, эпічна-канкрэтны пачатак; у А. Куляшова, асабліва ў паэтычным адлюстраванні часу, большая схільнасць да рамантычнай вобразнасці».⁷⁶⁴

Не могла обойти автор монографии своим вниманием и такого поэта-романтика, масштабную фигуру в нашей поэзии, как В. Короткевич, и особенности его поэтического мышления в сборнике «Моя Илиада» («Мая Іліяда»). Многократно прибегая к анализу его произведения, она, по нашему мнению, приходит к обоснованному выводу, что «белорусскую нацию» ...паэт таксама бацьць гістарычна, як аб’яднанне ў часе тых, што былі, з тымі, што ёсць і бу-

⁷⁶¹ Чабан, Н. Крылы рамантыкі / Т. Чабан. – Мінск, 1982. – С. 18.

⁷⁶² Там же. – С. 44, 46–47.

⁷⁶³ Там же. – С. 52.

⁷⁶⁴ Там же.

дучь».⁷⁶⁵ (Наше отступление: какой проницательной была начинающий литературовед, не подозревающая о том, что последняя, изданная при жизни В. Короткевича, будет названа «Быў. Ёсць. Буду». – А.Р., Ю.Р.).

Добавим лишь, что Т. Чабан доказательно, на основе анализа конкретных произведений В. Короткевича, раскрывает ориентацию поэта на купаловско-богдановические традиции в понимании исторических судеб народа, «вылучаючы пры гэтым, як найбольш істотнае, купалаўскую абагульненую маштабнасць, яго выхад да агульначалавечага – «на свет цэлы» – і багдановічаўскае імкненне ўвесці ў літаратуру «свет цэлы».

Не обошла своим вниманием Т. Чабан и своеобразие проявления романтического в белорусской балладе. Поскольку авторское «я» в балладе «прама не выказваецца, то лірызм як бы разліваецца ў сюжэце, пранізвае дзеянне, што выражаецца ў павышанай эмацыянальнасці фарбаў, кантрастнасці і гіпербалізме. ...рамантызма балады абумоўлены самой яе структурай. Гэта дазваляе аднаму з самых традыцыйных жанраў абнаўляцца, адпавядаць новым запрабаванням часу».⁷⁶⁶ Подтверждение своим выводам исследовательница находит в балладах А. Пысина, в творчестве Д. Бичель-Загнетовой, А. Гречанникова, Г. Буравкина, Р. Бородулина, А. Зарицкого, В. Павлова, М. Рудковского, А. Лойко и других авторов.

«Самые смелые романтические вобразы», по мнению Т. Чабан, вытекают «іменна з рэальнасці, з жыццяпісу», из стремления авторов соединить воедино небесное и земное, видеть небо и землю «не ў рамантычным супрацьпастаўленні, а ў арганічным адзінстве», в освоении всего богатства фольклорных традиций, исторической памяти, трудолюбия белорусского народа (анализируются произведения С. Гаврусёва, П. Макаля, А. Вертинского, М. Танка и др.).

В небольшом по объёму разделе «Жизнь сердца» («Жыццё сэрца») Т. Чабан утверждает, что «адным з найвялікшых дасягненняў рамантызму было адкрыццё ...мікракосму чалавечай душы, выяўленне самых інтымных пачуццяў, самых тонкіх перажыванняў».⁷⁶⁷ Эмоциональным началом пронизана поэзия В. Вербы, интимная лирика Д. Бичель-Загнетовой, О. Ипатовой, Е. Янищиц, Р. Боровиковой, Р. Бородулина, В. Короткевича... При этом, в интимной лирике ярко проявляется фольклорное начало, придающее субъективным переживаниям лирического героя общечеловеческий смысл, выводит из камерности, субъективности к универсальности.

...На наш взгляд, привлекающим внимание выглядит стремление Т. Чабан охватить как можно более широкий круг авторов (мы их упоминали чуть выше). Но... в этом проявились и заметные просчёты в монографии Т. Чабан. К примеру, поэзия М. Танка даёт прекрасный и обширный материал для каждого раздела и подраздела книги. А у Т. Чабан она рассматривается лишь в разговоре об экологических проблемах и эпизодически – еще в нескольких местах. Конечно такой эмоциональный и остро реагирующий на подсказку специалистов критик, как Т. Чабан, не обошла это понимание. И в 1985 г. она решила на рецензионную работу на книгу «За моим столом» («За маім сталом») Народного поэта БССР М. Танка. Ситуация для читателя, не правда ли, пикантная! Мэтр поэзии и 33-летний начинающий критик... Тем не менее, с оценками Т. Чабан могут и должны согласиться читатели. На их суд мнение Т. Чабан: «Максім Танк, как считает исследователь, который видит поэзию не в неких уникальных, особенно заметных, высоких моментах жизни, ассоциациях, а во всей жизни в целом. «Паэтызуючы звычайныя рэчы і з'явы, паэт сцвярджае хараство і каштоўнасць жыцця ва ўсіх яго вялікіх і малых момантах. ...філасофская лірыка арганічная для Максіма Танка: няма ў ёй

⁷⁶⁵ Літаратура і мастацтва. – 1983. – 21 студзеня.

⁷⁶⁶ Там же. – С. 70.

⁷⁶⁷ Там жа. – С. 136.

зададзенасці, натужнасці, наумыснай устаноўкі на глыбокадумнасць. Роздум паэта вызвалены з путаў мрочнай сур'езнасці, яму ўласцівы натуральнасць, незнарочыстасць, мудрасць у сваяцтве з гарэзлівай усмешкай, іроніяй, парадоксам». И за всем этим «няспынная работа думкі, якая спасцігае шматгранную складанасць свету. Любімы танкаўскі прыём пералічэнняў, няспынны ланцужок асацыяцый, відаць, ідзе не толькі ад рытуальных фальклорных традыцый, але і ад аўтарскага спосабу бачання і разумення з'яў жыцця – у розных аспектах, у развіцці і пераўтварэннях, у шматлікіх сувязях з іншымі з'явамі. У некаторых вершах ствараецца ўражанне, што пералічэнні, асацыяцыі не заканчваюцца з апошнімі радкамі, што іх ланцужок працягваецца ў прастору і часе, ідзе ў гісторыю, у свет, дзе ўсё значна і ўзаемазвязана».⁷⁶⁸ Совсем в стороне остался другой крупный автор – Н. Гилевич. А ведь романтическое начало в его поэзии выражено сильнее, чем у некоторых упоминаемых в книге литераторов.

Можно согласиться и с Надеждой Нуждиной, критиком и литературоведом, считающей, что «больш поўна, аб'ёмна, шматгранна выявілася б аблічча рамантычнай беларускай паэзіі на сучасным этапе, калі б у кантэкст гісторыі даследчыца наважылася ўключыць іншыя імёны і творы рамантычнага характару, напісаныя пазней – у 70-я гады. Такія, скажам, як «Лемантацыі Кірыла Тураўскага», «Цётка» А. Лойкі, «Паяднай пачатак і канец», «Джардана Бруна» М. Стральцова, «Малітва прашчура», «У гасцях» Я. Співакова. Гэтага патрабуе сама логіка навуковага даследвання...».⁷⁶⁹

Или ещё «Аўтарка не знайшла зручнага моманту, каб згадаць, скажам, «Веча славянскіх балад» Я. Сіпакова, «Дрэва на выспе» А. Грачанікава, «Цень ад вясла» М. Стральцова – кнігі, у якіх лірычны герой жыве вострым адчуваннем часу, знаходзіцца ў няспынным пошуку свайго асабістага месца на гістарычнай арэне барацьбы паміж Дабром і Злом».⁷⁷⁰

Может быть, можно найти и другие неточности (к примеру, потеря языкового чувства, использование таких слов, как «прыўнесены», «субяседнік», «унушэнні», увлечение не совсем понятным для читателя понятием «патэнцыраваць» и др.). Но ведь это было первое самостоятельное исследование начинающего литературоведа Т. Чабан, работа, которая, объективно говоря, не могла охватить всю массу запланированного для исследования материала. Тем не менее, сделанные ею выводы не противоречат ни объективности, ни личной убеждённости в правильности и принципиальности: «Беларускаму рамантызму не ўласціва адцягнутая сузіральнасць. Казачнае, фантастычнае, незвычайнае ён імкнецца абгрунтаваць рэальнасцю. Часам самыя смелыя рамантычна-абагульненыя вобразы ствараюцца шляхам максімальнага згушчэння, патэнцыравання канкрэтыкі. Сувязь з фальклорнымі традыцыямі дапамагае рамантычнай паэзіі пры ўсёй узвышанай сімволіцы, асацыятыўнасці не губляць рэальную зямную аснову. Суб'ектыўнасць, якая з'яўляецца тыпалагічнай асаблівасцю рамантычных твораў, ураўнаважваецца фальклорнай абагульненасцю. Чым бліжэй рамантычны герой да ідэалу, тым большая ступень яго абагульнення, збліжэння з агульначалавечым. Прыўзнятаць пачуццяў, эмацыянальная парывістасць не пераходзяць у меладраматызм, экзальтацыю, у большасці выпадкаў кантралююцца іранічным «поглядам збоку», здаровым народным пачуццём гумару». А поэтому мы раздзяляем ацэнку монографіі, якую далі ёй савецкія і беларускія спецыялісты.

Вот мнение обозревателя «Литературного обозрения» А. Кулагина: «Конечно, неравноценность материала в какой-то степени сказывается и на ценно-

⁷⁶⁸ Чабан, Т. У рытме сонца, зямлі і падзей / Т. Чабан // Польша. – 1985. – № 12. – С. 207, 209.

⁷⁶⁹ Там же.

⁷⁷⁰ Там же.

сти работы критика. Но это не мешает Т. Чабан прийти в итоге к верным выводам: о связи литературных и фольклорных традиций, эмоциональной приподнятости и её контроле самоиронией, других романтических качеств творчества современных авторов. В этом смысле книга много даёт для постижения путей белорусской (и, наверное, не только белорусской) поэзии». ⁷⁷¹

«Манаграфія Т. Чабан – цікавая спроба навуковага асэнсавання сутнасці рамантызму на розных этапах літаратурнага развіцця і канкрэтных спосабаў выяўлення рамантычных тэндэнцый у сучаснай паэзіі. Кола даследчыцкіх інтарэсаў досыць шырокае. Аўтар з належным тактам і філалагічнай эрудыцыяй ставіцца да вывадаў, ацэнак, меркаванняў сучасных літаратуразнаўцаў». ⁷⁷²

«...кніга «Крылы рамантыкі» Тамары Чабан заслугоўвае высокай ацэнкі. Гэта грунтоўнае даследванне маладога даследчыка, які на належным навуковым узроўні вырашае складаныя і няпростыя праблемы, які добра ведае сучасную беларускую паэзію, любіць яе, адчувае красу і непаўторнасць мастацкага слова». ⁷⁷³

В 1988 г. белорусские любители устного народного творчества познакомились с коллективной работой Т. Чабан и Е. Городецкого «Современная поэзия и фольклор» («Сучасная паэзія і фальклор»), две главы в которой написаны непосредственно Т. Чабан. Своё исследовательское мастерство Т. Чабан концентрирует на проблеме творчества белорусских поэтесс в свете фольклорной традиции. Пожалуй, впервые в белорусском советском литературоведении можно было познакомиться с определением «женская лирика», характерными чертами которой выступает «адметнае, непаўторнае, задушэўна-асабістае». И подтверждает свой вывод обращением к поэтике Тётки (Алаизы Пашкевич), Л. Гениуш и более молодых Е. Лось, Т. Бондарь, Д. Бичель-Загнетовой, В. Вербы, Е. Янищиц, В. Ковтун, С. Басуматровой, В. Околовой и др. Весьма тактично в ткань исследования вводятся стихи русских и советских авторов – С. Есенина, А. Ахматовой, М. Цветаевой и др.

Глубоко исследуя связи «женской» поэзии с народной фольклорной традицией, Т. Чабан выделяет два магистральных направления. «Адзін з гэтых шляхоў да фальклору пралягае праз кніжную культуру: яна з'яўляецца першасным імпульсам творчасці паэтэсы, праз яе апасродкавана ўспрымаецца фальклорная традыцыя. ...У сучаснай беларускай паэзіі зварот да фальклора праз кніжную традыцыю ў найбольшай ступені ўласцівы Н. Мацяш (вытанчанасць, духоўнасць, высокая філалагічная культура... пераўтварае, надае высокі кніжны стыль фальклорным вобразам і матывам), Р. Баравіковай (удалае, арганічнае спалучэнне ўласна літаратурнага і фальклорнага пачаткаў вядзе к таму, што шмат у якіх «фалькларызаваных» творах літаратурны пачатак яўна дамінуе над народна-песенным), Л. Філімонавай, іншым паэтэсам. ⁷⁷⁴

«Другі спосаб асваення фальклорнага матэрыялу знайшоў «класічнае» увасабленне ў творчасці Цёткі, – гэта шлях як бы знутры фальклору, ад народнай творчасці да літаратуры. Тут няма размежавання на фальклорнае і ўласна літаратурнае ...фальклор як традыцыя, як вобразная сістэма цалкам арганічна ўліваецца ў мастацкі свет паэтэсы. Гэты від фалькларызму асабліва выразна працяўляецца ў творчасці Д. Бічэль-Загнетавай (усе віды і жанры фальклору «настолькі арганічна зліваецца з уласным паэтычным светам, ператвараюцца ў ім, што не бачна ніякіх «швоў» і трэшчын паміж фальклорным і ўласна літаратурным»), уласцівы ён і В. Коўтун (народна-песенны сімвал у В. Коўтун

⁷⁷¹ Литературное обозрение. – 1983. – № 12. – С. 10.

⁷⁷² Літаратура і мастацтва. – 1983. – 21 студзеня.

⁷⁷³ Верабей, А. На крылах рамантычнай песні / А. Верабей // Малодосць. – 1983. – № 1. – С. 169.

⁷⁷⁴ Чабан, Т. Сучасная паэзія і фальклор / Т. Чабан, Я. Гарадніцкі. – Мінск, 1988. – С. 66.

«становіцца яркай паэтычнай метафарай, ...пераўтвараецца ва ўзбуджаную, экспрэсіўную, дынамічную вобразнасць, блізкую да вобразнасці баладнай, быліннай») і Я. Янішчыц (часцей за ўсё назіраецца цікавая стылізацыя»). У рускай «жаночай» паэзіі па гэтаму шляху ідуць В. Фокіна і Л. Тацьянічава».⁷⁷⁵

На наш выгляд, ітогавы вывод Т. Чабан о том, что «арганічны сплаў дасягненняў сусветнай культуры, кніжнасці, інтэлектуалізму з фальклорнай непасрэднасцю і лірызмам для беларускай «жаночай» паэзіі яшчэ наперадзе, зараз можна гаварыць толькі аб менш удалых спробах дасягнуць гэтага»⁷⁷⁶.

Изучение литературно-критической деятельности Т. Чабан, её внимания к белорусской «женской» поэзии, связи последней с фольклорной традицией, позволяет нам сделать вывод, что работа эта ею велась последовательно и систематично. Вот лишь несколько наблюдений.

У каждого из авторов Т. Чабан находит своё, неповторимое, выгодно отличающего его от коллег по поэтическому цеху и в то же время выразительностью оценок и сравнений привлекающее внимание читателя. Вот одна из таких статей, напечатанная на страницах союзного журнала «Дружба народов» в 1985 году. Назвала её белорусский критик «Приручение мира». Загадочно? Таинственно? Согласитесь, для литературного журнала несколько неожиданно? Но все эти первичные мысли исчезают, когда знакомишься с содержанием самой статьи. Оказывается «приручителем» мира, по Т. Чабан, является белорусская поэтесса, Лауреат Государственной премии БССР имени Я. Купалы Данута Бичель-Загнетова, два поэтических сборника которой «Где ходят босиком» и «Загостинец» стали предметом литературоведческого опуса.

«Стихи Д. Бичель-Загнетовой завораживают своеобразным звучанием, пульсирующим пружинистым ритмом, интонационной гибкостью строки рассчитанной не на акустические эффекты, а на передачу многозвучия жизни, где каждый предмет и явление имеют свой музыкальный тон».⁷⁷⁷ Вот он элемент «приручения», в котором эстетическая весомость стиха зависит как от слов глубинных, нестертых, говоря по-белорусски, «нерушных», так и «междусловий», в которых таятся все оттенки слов, их лукавая и мудрая игра, переключки, скрытая этимология. И, конечно, всё это в полном объёме наличествует в стихах, написанных на родном языке (к сожалению, неповторимость лексического своеобразия, «междусловья», «музыка стиха» при переводе, как правило, теряются. — А.Р., Ю.Р.).*

Прослеживая творческий путь Д. Бичель-Загнетовой, Т. Чабан отмечает, что в первых своих произведениях поэтесса предстала перед читателем «в естественности, как дыхание слитности с первоосновами народной жизни, с природой, родом, «гнездовьем». И поэтому естественным её желанием было возвращение на круги своя (особенно это стремление выражено в книге «Загостинец») — в тот край, (особенно, где общение с природой часто и очень часто зафиксировано в простой операции — «хождение по траве босиком». Любовь к первозданной природе — «от липового листа до липового цвета, от разлапистых елей до янтарных коготков лапок, от ярких льнов до овсов сизоватых крапок» — позволяют Д. Бичель-Загнетовой выразить себя через природу, почти «раствориться» с ней, вместе с тем, быть уютно-домашней в уважении к своей земле, к своему хутору «Загостинец»: «К земельке пригнёт меня, хрупкую былинку, подержу головку земли на руках».

Конечно, не остались без внимания рецензента и такие тематические направления в творчестве Д. Бичель-Загнетовой, как тема любви, история родного края,

⁷⁷⁵ Чабан, Т. Сучасная паэзія і фальклор / Т. Чабан, Я. Гарадніцкі. — Мінск, 1988. — С. 67–68.

⁷⁷⁶ Там же. — С. 69.

⁷⁷⁷ Чабан, Т. Приручение мира / Т. Чабан // Дружба народов. — 1985. — № 8. — С. 257.

* Анализу поэтического сборника Д. Бичель-Загнетовой «Там, где ходят босиком» посвящена статья Т. Чабан в газете «Літаратура і мастацтва». — 1983. — 9 снежня.

фольклорные элементы. Вот в чём и заключалось, по мнению Т. Чабан, «приручение» союзного читателя к поэтическому миру белорусской поэтессы Д. Бичель-Загнетовой.

А вот мнение исследовательницы о поэтике Галины Корженевской. «Пры ўсёй стрыманасці, ураўнаважанасці паэзія Галіны Каржанеўскай унутрана драматычная. Аднак гэта не той драматызм, што разрывае, раскідвае ў розныя бакі непрамірымыя супярэчнасці. Гэта затоены, глыбінны драматызм суіснавання барацьбы двух неразрыўных жыццёвых пачаткаў – быту і быцця».⁷⁷⁸

А поэтому поэтический голос Г. Корженевской заметно звучит в современной белорусской поэзии, не теряется, выделяется среди других поэтических голосов «звычайнасцю, натуральнасцю гучання, дакладнасцю пачуццяў, аўтабіяграфізмам». Нелёгкое сопряжение проблем повседневного быта и вечного бытия, отсутствие столь острого драматического противостояния материального и духовного, поэтического вдохновения и будничных забот. «Жыццё, шчасце, будучыня дзяцей тая найвышэйшая мерка, якой вымяраюцца ўсе астатнія каштоўнасці ў паэтычным свеце Г. Каржанеўскай. Гэтым самым паэтэса далучаецца па-свойму, па-жаноцку, па-мацярынску да гуманістычнай традыцыі нашай літаратуры...».⁷⁷⁹

Думаем, что небезынтересной для читателя будет и оценка Т. Чабан творчества начинающей поэтессы Любови Филимоновой. И вот оно... начало: «...у ціхай сучаснай паэзіі маладых – адна з самых «ціхіх». «Творчасць паэткі цікавая тым, што ў ёй знашлі найбольш тыповае выражэнне не столькі адкрысці (хоць і яны, вядома, ёсць), колькі балючыя праблемы і супярэчнасць, упартыя штодзённыя пошукі маладой паэзіі. Пошукі свайго героя, сваёй тэмы, свайго слова... ..Таму і паэзія яе раскрываецца спакойна, непрыкметна, сваімі «адценнямі», «паўтанамі»».⁷⁸⁰

Ещё более короткой, но, на наш взгляд, образно-выразительной выглядит оценка фольклорных влияний в поэзии землячки Евдокии Лось: «Символическая народно-песенная образность в поэзии Евдокии Лось конкретизируется, индивидуализируется, символическая картина полна психологической и эмоциональной выразительности».⁷⁸¹

Важное место в творческом наследии Т. Чабан занимают стаьи, рецензии, литературно-критические обзоры по актуальным проблемам белорусской советской литературы в 1970–1980-х годы. Здесь, в первую очередь, можно выделить печатные материалы, связанные с литературоведческой оценкой вступающих в литературу молодых белорусских авторов. Тема условно может быть подразделена на следующие взаимосвязанные направления:

– анализ тематически-содержательного творчества начинающих поэтесс (Л. Заболотская, С. Басуматрова, Л. Филимонова, А. Конопелько, З. Дудюк, Л. Павликова, Л. Петруль, А. Руцкая, Г. Булыко, В. Хомчик, Г. Дмитрусёва и др.⁷⁸²);

– постоянное внимание не только к поэтической серии «Первая книга поэта» («Першая кніга паэта»), выходящей в издательстве «Мастацкая літаратура» (коллективный сборник молодой поэзии «Тропа» («Сцяжынка»)),⁷⁸³ поэтические книги А. Жигунова «Материнская вышиванка» («Матчына вышиванка»), И. Рубина «Над вечностью гнезда» («Над вечнасцю гнязда»),⁷⁸⁴ но и ко второй, и третьей книгам авторов – В. Некляев,⁷⁸⁵ М. Рудковский⁷⁸⁶ и др.;

⁷⁷⁸ Чабан, Т. Паміж быццём і бытам / Т. Чабан // Польшыя. – 1984. – № 6. – С. 215.

⁷⁷⁹ Там же. – С. 214.

⁷⁸⁰ Чабан, Т. Насустрасце сабе / Т. Чабан // Маладосць. – 1979. – № 10. – С. 189, 191.

⁷⁸¹ Чабан, Т. Традыцыя абязывае / Т. Чабан // Нёман. – 1984. – № 3. – С. 163.

⁷⁸² См. напр.: Чабан, Т. Вернасць вытокама / Т. Чабан // Маладосць. – 1981. – № 3; Літаратура і мастацтва. – 1981. – 2 кастрычніка.

⁷⁸³ См.: Літаратура і мастацтва. – 1983. – 28 верасня.

⁷⁸⁴ Там же. – 1985. – 1 лютага.

⁷⁸⁵ Чабан, Т. Насустрасце сабе / Т. Чабан // Маладосць. – 1979. – № 10; там же. – 1980. – № 8.

⁷⁸⁶ Чабан, Т. Светлая элегія быцця / Т. Чабан // Польшыя. – 1982. – № 7.

– творчески аналитическое участие в самом литературно-критическом процессе через обращение к анализу произведений таких опытных литераторов, как О. Лойко (поэтический сборник «Неровные даты» («Няроўныя даты»)), П. Макаль (книга стихотворений «Вкус яблока» («Смак яблыка»)).

Концептуальные выводы по обозначенной проблеме находим в книге «День поэзии-1990» («Дзень паэзіі-1990»). «Недзе ад палавіны гэтага дзесяцігоддзя (1980-х гадоў. – А.Р., Ю.Р.), – пишет Т. Чабан, – нягледзячы на асобныя цікавыя імёны і паэтычныя знаходкі, наша маладая паэзія* развівалася традыцыйна, размерана, шляхам эвалюцыі, не пераадольваючы, не абнаўляючы ні вопыту папярэдняга пакалення, ні «шасцідзсятнікаў», а ў многіх выпадках сыходзячы і да бесканфліктнага гладкапісу 50-х гадоў. Яны былі занадта падобныя на іншых, падобныя між сабой, каб гаварыць пра яркае самабытнае пакаленне».⁷⁸⁷

Своеобразным взрывом, по Т. Чабан, стал выход поэтических книг Л. Голубовича «Таинственность огня» («Таёмнасць агню») и О. Минкина «Сурьма» («Сурма»), нарушивших однообразие молодой белорусской поэзии и ориентирующих её развитие на два магистральных пути – путь продолжения, актуализации классической национальной традиции и путь её обновления и преодоления.

На наш взгляд, нельзя не согласиться и с утверждением Т. Чабан о том, что «паэзія павінна знайсці, абудзіць у чалавечай душы тыя ахоўныя, імунныя, стваральныя сілы, якія маглі б супрацьстаяць сілам знішчэння, разбурэння, безнадзейнасці і цынiзму. Каб Чарнобыль рэальна не дапоўніўся Чарнобылем духоўным»⁷⁸⁸;

– и даже обращение к таким неожиданным для литературного критика произведениям, как «Исповедь» («Споведзь») Л. Гениуш.⁷⁸⁹

Размышления и выводы Т. Чабан о состоянии молодой белорусской поэзии, на наш взгляд, выглядит и для специалистов, и для читателей вполне убедительными; а вот суждение вокруг книги Л. Гениуш не совсем удачная попытка литературоведа «влезть» в казалось бы поэтическую проблематику, однако «тесно замешанной» на дрожжах белорусского каллабрационизма. (Мы думаем, что это один из примеров колебания белорусских литераторов в конце 1980 – первый год 1990-го года, которые по сути своей, не зная глубокой истории происходящих на Белоруссии событий. – А.Р., Ю.Р.) считали, что все арестованные за антисоветскую деятельность свободу Белоруссии – это «значимые» фигуры, «действительно» борцы за нашу «синеокою» республику.

Такой вот многоплановой, философско-эстетически убедительной предстаёт перед читателем начала XXI ст. творческая позиция Т. Чабан. Есть все основания для объективного вывода – её короткая, но убедительно-профессиональная жизнь в белорусском советском литературоведении – пример, достойный подражания и продолжения.

* В поле зрения исследовательницы находилось «мужское» подтверждение Ф. Гуриновича, Д. Морозова, В. Маслюка, Н. Гасперовича, А. Шпыркова, М. Метлицкого, Н. Прокоповича, И. Белого, П. Воробьёва, К. Жука, А. Каско, Л. Мароза, Л. Евменова, В. Дубовика и других авторов.

⁷⁸⁷ Чабан, Т. Авансы маладосці – і сталасці даўгі... Назіранні над маладой паэзіяй 1980-х гадоў / Т. Чабан // Дзень паэзіі-90. – Мінск, 1990. – С. 217.

⁷⁸⁸ Там же. – С. 220.

⁷⁸⁹ См.: Літаратура і мастацтва. – 1990. – 13 ліпеня.

Научное издание

РУСЕЦКИЙ Аркадий Владимирович
РУСЕЦКИЙ Юрий Аркадьевич

**В АТМОСФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОИСКА
И СТИЛЕВОГО МНОГООБРАЗИЯ**
**ТВОРЧЕСТВО ВИТЕБСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ**

Монография

Часть 2

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

Л.В. Моложавая

Компьютерный дизайн

Е.В. Крайло

Подписано в печать

2012. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 21,91. Уч.-изд. л. 24,28. Тираж 50 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.